

УДК 821.111
ББК 84(7США)
Ю16

Eliezer YUDKOWSKY
Harry Potter and the Methods of Rationality

Элиезер ЮДКОВСКИЙ
Гарри Поттер и методы рационального мышления

Перевод с английского — коллектив переводчиков:
Дмитрий Новицкий, Александр «Аларик» Бидерман, Глеб Мазурский, Виктор Гавриш, Мария Шадрина, Светлана «Chaika-che» Выприцкая, Юлия Ноздрина, Илья Nighthawk, Анна Новицкая, Юлий Лобарёв, StrangeCat, Sergcold, Polina, You_know_who, baskakov_dima, kle, Elspet, Asya, Dima, Kaplya smysla, Remlin, Constantine, Kuuff, Антон Скобин, Валя Гаврилова, Berik, Alexqwesa, Lavash, Denker.

Коллектив переводчиков разрешает распространять и использовать перевод на условиях лицензии Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International в случаях, когда его распространение и использование позволяют другие правообладатели, в частности, Дж. К. Роулинг и Элиезер Юдковский.

Полный текст книги доступен бесплатно на <https://rnpmpm.pф>

Юдковский, Элиезер Шломо

Ю 16 Гарри Поттер и методы рационального мышления. Роман в трёх книгах. Книга первая / Элиезер Шломо Юдковский ; [пер. с англ. коллектива переводчиков]. — Москва: ИП «Самин Михаил Иванович», 2018. — 616 с.

Петунья вышла замуж не за Дурсля, а за университетского профессора, и Гарри попал в гораздо более благоприятную среду. У него были частные учителя, дискуссии с отцом, а главное — книги, сотни и тысячи научных и фантастических книг. В 11 лет Гарри знаком с квантовой механикой, когнитивной психологией, теорией вероятностей и другими вещами. Но Гарри не просто вундеркинд, у него есть загадочная Тёмная Сторона, которая явно накладывает свой отпечаток на его мышление.

Умный Гарри Поттер сталкивается с магией, размышляет, как она работает, почему нарушает привычные законы физики, и применяет научный метод, чтобы в ней разобраться и подчинить себе.

УДК 821.111
ББК 84(7США)

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Дж. К. Роулинг, 1997–2007 — весь волшебный мир, включая персонажей, сюжеты, магию и всё-всё-всё.

© Элиезер Юдковский, 2011–2015 — текст.

© Элиезер Юдковский, 2018 — предисловие к русскому изданию.

Элизер Юговский

Гарри Поттер
и методы
рационального
мышления

книга первая

Москва
2018

От автора

У этого фанфика довольно неспешное начало, и первые 5 глав — всего лишь вступление, но если вы дочитали до 10 главы и он вам всё ещё не нравится — бросайте.

Нельзя сказать, что события в этом фанфике отличаются от канона из-за того, что в какой-то один момент всё пошло по-другому. И хотя где-то в прошлом существует основная точка расхождения, она не единственная. Правильнее считать, что дело происходит в параллельной вселенной.

В тексте присутствует множество подсказок: некоторые очевидные, а некоторые — не очень. Есть старательно спрятанные намёки — я был потрясён, когда увидел, что некоторые читатели их разглядели. А многие свидетельства лежат прямо на виду. Это рационалистская история, все её загадки можно разгадать. Для этого они и предназначены.

Все научные факты, упомянутые в тексте, — настоящие научные факты. Но, пожалуйста, не забывайте: когда речь не идёт о царстве науки, взгляды персонажей могут отличаться от авторских. Не всякое действие протагониста представляет из себя урок мудрости, а тёмные персонажи могут давать советы, которым либо нельзя доверять, либо они являются палкой о двух концах.

Отказ от прав

Гарри Поттер принадлежит Дж. К. Роулинг,
методы рационального мышления
не принадлежат никому.

Предисловие к русскому изданию

В своём первом англоязычном воплощении «Гарри Поттер и методы рационального мышления» занимал первое—третье место по популярности среди всех фанфиков по Гарри Поттеру в мире в зависимости от метода подсчёта (по количеству отзывов или по числу добавлений в избранное). ГПиМРМ обожали во многих университетах мира, и когда 14 марта 2015 года сто двадцать вторая глава завершила историю, по всей планете провели кучу вечеринок. Можно даже сказать, что этот фанфик породил собственный маленький жанр, который иногда называют «rational fiction». И теперь вы держите в своих руках напечатанный русский перевод, детище любви и чистого энтузиазма [вставьте имена переводчиков, верстальщиков и т. д.]¹.

Эта история разворачивается во вселенной Гарри Поттера, созданной Дж. К. Роулинг; или даже в гораздо более обширной вселенной фанфиков по Гарри Поттеру, выросшей вокруг оригинального творения. Больше всего эта книга понравится тем, кто уже внимательно читал и другие фанфики по Гарри Поттеру; стоит прочитать или посмотреть первую часть оригинала: книгу или фильм «Гарри Поттер и философский камень». Читать все семь книг не обязательно. Более того,

¹ Чтобы в полной мере передать мысли автора, мы решили не изменять его слова. Список людей, работавших над этим изданием, можно найти в выходных данных и на второй странице книги.

эту историю можно читать даже без предварительного ознакомления с Гарри Поттером, хотя тогда вы упустите некоторые детали.

Мой фанфик не соответствует жанру «одной точки расхождения», где в какой-то один момент всё идёт не так, как в каноне. Напротив, вся история пронизана мелкими изменениями, устанавливающими порядок во вселенной, наиболее соответствующий сюжету. Правильнее считать, что эта вселенная параллельна по отношению к оригинальной вселенной Гарри Поттера.

Текст полон загадок и подсказок к ним: некоторые очевидные, а некоторые — не очень. Есть старательно спрятанные намёки — меня поразило, что некоторые читатели их разглядели. А многие свидетельства лежат прямо на виду. Все загадки можно разгадать — для этого они и предназначены. Кстати, всё в этой истории стоит рассматривать в рамках сюжета, не воображая причудливыми метафорами или голосом автора — как если бы персонажи были настоящими людьми, действующими исходя из своих собственных знаний, соображений, мотивов, мыслей. Будет ошибкой отождествлять автора с протагонистом или полагать, что мнение главного героя обязательно принадлежит автору, — ведь прежде всего автор говорит за всех своих персонажей. Представить, что какой-то персонаж озвучивает мнение автора, особенно в такой полной тайн истории, — значит пропустить подсказки, намёки и скрытые смыслы, вытекающие из того, что персонажи говорят от собственного имени. Уж точно мудро будет сперва дочитать книгу до конца и только потом решать, какой именно смысл автор вкладывал в определённые вещи. Когда вы достигнете последних слов сто двадцать второй главы, очень многое может предстать перед вами в совершенно другом свете.

Эта история происходит во вселенной Гарри Поттера, потому что лично я наслаждался оригинальным произведением и ещё более обширной вселенной фанфиков по нему. Этот текст был написан с уважением к оригиналу, не в последнюю очередь потому, что Дж. К. Роулинг научила миллионы детей, включая мою младшую сестру, наслаждаться чтением. Писать истории для детей гораздо труднее, чем для взрослых, и я знаю, что написание ГПиМРМ — книги для взрослых — демонстрирует куда меньший талант, чем написание оригинального Гарри Поттера. Люди придумывают самые странные вещи о ГПиМРМ — книга стала достаточно популярной, чтобы найти недовольных ею — и кто-то сказал, например, что если персонаж кричит от потрясения, обнаруживая странность магии, то это потому, что я критикую Дж. К. Роулинг за написание

истории, в которой есть магия. Эти утверждения безумны и глупы в той же мере, что и обвинения оригинальных книг о Гарри Поттере в том, что они вдохновлены сатанизмом. Если персонаж кажется шокированным, это потому, что я, как автор, посчитал, что такой человек в соответствующей ситуации был бы шокирован. Точка. Это не по части науки — критиковать саму Вселенную за то, что она глупа. Мы можем быть потрясены и удивлены ею, но не можем сказать реальности, что она неправильная.

Поскольку это история для взрослых, она может не подходить для очень молодых и чувствительных читателей. Найти список предупреждений можно на hpmor.com/info. Внутри самой книги их нет, чтобы избежать спойлеров.

ГПиМРМ сначала публиковался в виде отдельных глав, так что сюжет раскрывается постепенно, часть за частью, как в телевизионных сериалах, идущих заранее определённое число сезонов, эпизоды которых самодостаточны, но объединены неким общим замыслом и вместе ведут к финальной развязке. У этой истории довольно неспешное начало, первые пять глав — всего лишь вступление, но если вы дочитали до десятой главы и она вам всё ещё не нравится — бросайте. Часы вашей жизни слишком драгоценны, чтобы терять их в воображаемой вселенной, которая вам не симпатична.

Все научные факты, упомянутые в тексте, во время написания считались подлинными научными фактами. Но с тех пор грянул кризис воспроизводимости, заставивший нас сомневаться во многом, о чём мы думали, что знаем в 2010 году, когда я начинал писать эту историю, — особенно в психологических науках, тяжело дающихся герою. У меня не было времени, чтобы пробежаться по тексту и отметить в каждой главе то, что теперь поставлено под сомнение, но в наше время в любом случае стоит пробовать гуглить о невоспроизводимости результатов, прежде чем верить любому поразительному, известному исследованию, которое вам цитируют.

Когда речь не идёт о царстве науки, взгляды персонажей могут отличаться от авторских. Не всякое действие протагониста представляет из себя урок мудрости, а тёмные персонажи могут давать советы, которые либо не заслуживают доверия, либо являются палкой о двух концах.

*В лунном свете блестит полоска серебра...
(падают тёмные одежды)
...кровь льётся литрами, и слышен крик.*

Глава 1

Крайне маловероятный день

Все стены до последнего дюйма заняты книжными шкафами. В каждом шкафу по шесть полок, которые доходят почти до потолка. Некоторые полки плотно заставлены книгами в твёрдом переплёте: математика, химия, история и так далее. На других полках в два ряда стоит научная фантастика в мягкой обложке. Под второй ряд книг подложены коробки и деревянные бруски так, что он возвышается над первым и можно прочесть названия стоящих в нём книг. Но и это не всё: книги перебираются на столы и диваны, образуют небольшие стопки под окнами.

Так выглядит гостиная дома, в котором живут известный профессор Майкл Веррес-Эванс и его жена, миссис Петуния Эванс-Веррес, а также их приёмный сын, Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес.

На столе в гостиной лежит письмо, а рядом с ним — желтоватый пергаментный конверт без марки. На конверте изумрудно-зелёными чернилами написано, что письмо адресовано «мистеру Г. Поттеру».

Профессор спорит с женой, не повышая голос, так как считает, что кричать — некультурно.

— Это ведь шутка, да? — по тону Майкла можно было понять: он весьма опасается, что жена говорит серьёзно.

— Моя сестра была ведьмой, — нервно, но настойчиво повторила Петуния. — А её муж — волшебником.

— Это абсурд! — отчеканил Майкл. — Они же были на нашей свадьбе, они приезжали на Рождество...

— Я просила их ничего тебе не рассказывать, — прошептала Петуния, — но это чистая правда, я сама видела...

Профессор закатил глаза:

— Дорогая, я знаю, ты не читаешь скептическую литературу и можешь не понимать, как легко для искусного фокусника делать невозможные на первый взгляд вещи. Помнишь, я учил Гарри гнуть ложки?* И если вдруг тебе казалось, что твоя сестра и её муж угадывали твои мысли, то такой приём называется «холодное чтение»*.

— Это было не сгибание ложек.

— А что?

Петуния прикусила губу.

— Так просто не рассказать. Ты подумаешь, что я... — она сглотнула. — Послушай, Майкл, я не всегда была... такой, — она махнула рукой вниз, обозначая точёную фигуру. — Лили изменила мою внешность. Потому что я... я буквально умоляла её. Долгие годы я умоляла. Всё детство я плохо к ней относилась, потому что она всегда была красивее меня, а потом у неё проявился магический дар. Можешь представить, как я себя чувствовала? Я годами умоляла её сделать меня красивой. Пусть у меня не будет магии, но будет хотя бы красота.

В глазах Петунии стояли слёзы:

— Лили отказывала мне по разным нелепым причинам, говорила, будто наступит конец света, если она немного поможет родной сестре, или что кентавр запретил ей это делать, и тому подобную чепуху, и я её за это ненавидела. А сразу после университета я встречалась с этим Верноном Дурслем, он был толстый, но кроме него никто из парней со мной вообще не разговаривал. Он говорил, что хочет детей и чтобы первенца звали Дадли. Я тогда подумала: «Какие же родители назовут своего ребёнка Дадли Дурсль?» И тут вся моя будущая жизнь словно встала у меня перед глазами, и это было невыносимо. Я написала сестре, что если она мне не поможет, то я...

Петуния запнулась и тихо продолжила:

— В конце концов она сдалась. Она говорила, что это опасно, но мне было наплевать. Я выпила зелье и тяжело болела две недели. Зато потом моя кожа стала чистой, фигура похорошела и... Я стала красивой, люди начали относиться ко мне добрее, — её голос сорвался. — После этого я больше не могла ненавидеть сестру, особенно когда узнала, к чему в итоге привела её эта магия.

— Дорогая, — нежно ответил Майкл, — ты заболела, набрала правильный вес, пока лежала в кровати, а кожа стала лучше сама по себе. Или болезнь заставила тебя изменить рацион.

* Здесь и далее звёздочкой отмечены комментарии, приведённые в конце книги.

— Она была ведьмой, — настаивала Петуния. — Я видела, как она творила чудеса.

— Петуния, — в голосе Майкла появилось раздражение, — ты же знаешь, что это не может быть правдой. Мне точно нужно объяснять почему?

Петуния всплеснула руками. Она почти плакала.

— Милый, я всегда проигрываю тебе в споре, но, пожалуйста, поверь мне сейчас...

— Папа! Мама!

Они замолчали и оглянулись на Гарри, который, оказывается, тоже был в гостиной всё это время.

Мальчик сделал глубокий вдох.

— Мама, насколько я понимаю, у твоих родителей не было магических способностей?

— Нет, — Петуния озадаченно посмотрела на него.

— Получается, что никто из членов вашей семьи не знал о магии, пока Лили не получила приглашительное письмо. Каким образом убедили их?

— Тогда было не только письмо. К нам приходил профессор из Хогвартса. Он... — Петуния бросила взгляд в сторону Майкла, — он показал нам несколько заклинаний.

— Значит, спорить по этому поводу совершенно ни к чему, — твёрдо заключил Гарри. Впрочем, надежды, что хотя бы сейчас родители к нему прислушаются, было мало. — Если всё это правда, то мы можем просто пригласить профессора из Хогвартса. Если он продемонстрирует нам магию, то папе придётся признать, что она существует. А если нет, то мама согласится, что всё это выдумка. Нужно не ссориться, а провести эксперимент.

Профессор повернулся и, как всегда снисходительно, посмотрел на него сверху вниз:

— Гарри? Магия? В самом деле? Я думал, уж ты-то знаешь достаточно, чтобы не воспринимать её всерьёз, хоть тебе и десять лет. Сынок, магия — самая ненаучная вещь, которую только можно себе представить!

Гарри кисло улыбнулся. Майкл относился к нему хорошо — вероятно, лучше, чем большинство родных отцов относятся к своим детям. Гарри отправляли учиться в лучшие школы, а когда с ними ничего не вышло, ему стали нанимать частных преподавателей из бесконечной вереницы голодающих студентов. Родители всегда поддерживали Гарри в изучении всего, что только привлекало его

внимание. Ему покупали все интересующие его книги, помогали с участием в различных конкурсах по математике и естественнонаучным предметам. Он получал практически всё, что хотел, в разумных пределах. Единственное, в чём ему отказывали, так это в малейшей доле уважения. Впрочем, с какой стати штатному профессору Оксфорда, преподающему биохимию, прислушиваться к советам маленького мальчика? Он, конечно, «проявит заинтересованность», ведь так положено поступать «хорошему родителю», к каковым профессор, несомненно, себя относил. Но воспринимать десятилетнего ребёнка всерьёз? Вряд ли.

Иногда Гарри хотелось накричать на отца.

— Мам, — сказал он, — если ты хочешь выиграть у папы этот спор, посмотри вторую главу из первого тома лекций Фейнмана по физике*. Там есть цитата, в которой говорится, что философы тратят уйму слов, выясняя, без чего наука не может обойтись, и все они неправы, потому что в науке есть только одно правило: последний судья — это наблюдение. Нужно просто посмотреть на мир и рассказать о том, что ты видишь. И... я не могу вспомнить с ходу подходящую цитату, но с научной точки зрения решать разногласия нужно опытным путём, а не спорами.

Мать посмотрела на него сверху вниз и улыбнулась:

— Спасибо, Гарри, но... — она с достоинством взглянула на мужа, — я не хочу выигрывать спор у твоего отца. Я лишь хочу, чтобы мой муж прислушался к любящей его жене и поверил ей.

Гарри на секунду закрыл глаза. Безднадёжны. Его родители просто безнадёжны.

Разговор опять превращался в один из тех самых бессмысленных споров, когда мать пытается заставить отца почувствовать себя виноватым, а тот, в свою очередь, пытается заставить её почувствовать себя глупой.

— Я пойду в свою комнату, — немного дрожащим голосом объявил Гарри. — Мама, папа, пожалуйста, постарайтесь долго не ругаться. Мы ведь и так скоро всё узнаем.

— Конечно, Гарри, — отозвался отец, а мать обнадёживающе его поцеловала, после чего родители продолжили пререкаться.

Гарри поднялся по лестнице в свою спальню, закрыл за собой дверь и попытался всё обдумать.

Самое интересное, что он просто должен был согласиться с отцом. Никто и никогда не видел ни одного доказательства реальности магии, а из слов мамы следовало, что существует целый волшебный

мир. Как можно такое сохранять в тайне? Тоже с помощью магии? Довольно сомнительное объяснение.

Случай по идее элементарный: мама либо шутит, либо жёт, либо сошла с ума, в порядке возрастания ужасности. Если мама сама отправила письмо, то это объясняет, как оно попало в почтовый ящик без марки. В конце концов, небольшое сумасшествие гораздо, гораздо более вероятно, чем вселенная, содержащая в себе магию.

Но всё-таки какая-то часть Гарри была совершенно уверена в том, что магия существует. Это чувство возникло в тот самый момент, когда он увидел письмо предположительно из Хогвартса, Школы Чародейства и Волшебства.

Скривившись, Гарри потёр лоб. «Не верь своим мыслям», — было написано в одной книге*.

Но эта странная убеждённость... Он как будто знал заранее, что профессор из Хогвартса в самом деле появится на их пороге, взмахнёт палочкой и сотворит настоящее волшебство. Эта убеждённость не боялась опровержения: не искала заранее оправданий на случай, если вдруг никакой профессор не придёт или придёт, но сможет показать лишь фокус со сгибанием ложек.

Откуда ты взялось, странное маленькое предчувствие? — Гарри крепко задумался. — *Почему я верю в то, во что я верю?*

Обычно он довольно быстро справлялся с этим вопросом, но сейчас у него не было никакой зацепки.

Гарри мысленно пожал плечами. Двери созданы, чтобы их открывать, а гипотезы — чтобы их проверять.

Он взял со стола лист линованной бумаги и написал:

Заместителю директора.

Гарри остановился, собираясь с мыслями, потом взял другой лист и выдавил ещё один миллиметр графита из механического карандаша — случай требовал каллиграфического почерка.

Уважаемая заместитель директора Минерва МакГонагалл или другое уполномоченное лицо!

Недавно я получил от Вас пригласительное письмо в Хогвартс на имя мистера Г. Поттера. Вы можете не знать, что мои биологические родители, Джеймс Поттер и Лили Поттер (в девичестве Лили Эванс), мертвы. Я был усыновлён сестрой Лили, Петунией Эванс-Веррес, и её мужем, Майклом Веррес-Эвансом.

Я крайне заинтересован в посещении Хогвартса, при условии, что такое место на самом деле существует. Моя мать, Петунья, утверждает, что знает про магию, но сама ею пользоваться не способна. Мой отец настроен скептически. Сам я до конца не убеждён. К тому же я не знаю, где приобрести книги и материалы, указанные Вами в пригласительном письме.

Мама упомянула, что Вы присылали представителя Хогвартса к Лили Поттер (на тот момент Лили Эванс), чтобы продемонстрировать её семье существование магии и, я полагаю, чтобы помочь ей с приобретением школьных принадлежностей. Если Вы поступите подобным образом в отношении моей семьи, это существенно поможет делу.

С уважением,
Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес.

Гарри дописал свой адрес, сложил письмо пополам и засунул в конверт, адресовав его в Хогвартс. После чего, поразмыслив, взял свечку и, капнув воском на угол конверта, выдавил на нём кончиком перочинного ножа свои инициалы: Г. Д. П. Э. В. Сходить с ума — так со вкусом.

Затем он открыл дверь и спустился вниз по лестнице. Его отец сидел в гостиной и читал книгу по высшей математике, чтобы показать, какой он умный муж, а мама готовила на кухне одно из любимых блюд отца, чтобы показать, какая она любящая жена. Похоже, они не разговаривали друг с другом. Споры могут быть ужасны, но почему-то молчание иногда ещё хуже.

— Мама, — подал голос Гарри, — я хочу проверить гипотезу. Каким образом, согласно твоей теории, я должен послать сову в Хогвартс?

Мать отвернулась от кухонной раковины и озадаченно посмотрела на него.

— Я... Я не знаю. Думаю, для этого у тебя должна быть волшебная сова.

Он должен был с подозрением в голосе сказать: «Ага, выходит, проверить твою теорию никак нельзя», но странная уверенность не желала сдаваться.

— Письмо каким-то образом сюда попало, — рассудил Гарри, — так что я просто помашу им на улице и крикну: «Письмо в Хогвартс!» Посмотрим, прилетит ли сова, чтобы забрать его. Папа, ты хочешь пойти со мной?

Отец отрицательно покачал головой и продолжил чтение.

Конечно, — подумал Гарри. — Магия — это ерунда, в которую верят только глупцы. Если отец начнёт проверять гипотезу или даже просто будет наблюдать за ходом проверки, то это будет выглядеть так, как будто он допускает вероятность её существования...

Выходя через заднюю дверь во двор, Гарри вдруг осознал, что если сова в самом деле прилетит и заберёт письмо, то он не сможет доказать это отцу.

Но ведь этого же на самом деле произойти не может, так? Что бы там ни твердил мой мозг. А если сова действительно спустится с небес и схватит конверт, то у меня будут заботы поважнее мнения папы на этот счёт.

Гарри глубоко вздохнул и поднял конверт над головой.

Сглотнул.

Кричать «Письмо в Хогвартс!», размахивая конвертом, на заднем дворе своего дома оказалось вдруг весьма нелепым занятием.

Нет, я не как папа. Я использую научный метод, даже если буду при этом глупо выглядеть.

— Письмо... — начал было Гарри, но получился только какой-то невразумительный отрывистый шёпот.

Тогда он собрался с духом и закричал в пустое небо:

— Письмо в Хогвартс! Можно мне сову?!

— Гарри? — произнёс почти над ухом озадаченный голос соседки.

Гарри отдернул руку, словно обжёгся, и спрятал конверт за спину, как будто в нём была выручка от продажи наркотиков. Лицо запылало от смущения.

Над соседским забором появилось женское лицо — растрёпанные седые космы торчали из-под сетки для волос. Это была миссис Фигг, которая временами за ним приглядывала.

— Что ты тут делаешь, Гарри?

— Ничего, — ответил он сдавленным голосом. — Просто... проверяю одну весьма глупую теорию...

— Ты получил пригласительное письмо из Хогвартса?

Гарри застыл на месте.

— Да, — сказали его губы после короткой паузы, — я получил письмо из Хогвартса. Они написали, чтобы я отправил им ответ с совой до 31 июля, но...

— Но у тебя нет совы. Бедный мальчик! Даже не представляю, о чём они думали, посылая тебе стандартное приглашение.

Морщинистая рука с раскрытой ладонью высунулась из-за забора. С трудом понимая, что происходит, Гарри отдал конверт.

— Я всё сделаю, дорогой, — сказала миссис Фигг, — мигом кого-нибудь приведу.

И её лицо, торчавшее над забором, исчезло.

Во дворе надолго воцарилась тишина, которую в конце концов нарушил тихий и спокойный голос мальчика:

— Что?

Глава 2

Всё, во что я верю, — ложь

#include "стандартный_отказ_от_прав.h"

*Конечно, это моя вина.
Здесь больше некому
нести за что-либо ответственность.*

-Дайте проясним ситуацию, — сказал Гарри. — Папа, если профессор действительно поднимет тебя в воздух, причём ты будешь знать, что нет никаких скрытых верёвок, то это будет считаться достаточным доказательством существования магии. Ты не будешь опираться и называть происходящее обычными фокусами. Так будет честно. Если подобная демонстрация уже сейчас кажется тебе недостаточной, то мы можем придумать другой эксперимент.

Отец Гарри, профессор Майкл Веррес-Эванс, закатил глаза:

— Да, Гарри.

— Теперь ты, мама. Твоя теория заключается в том, что профессор сможет сделать это. Но если ничего не произойдёт, то ты признаешь, что ошибалась. И не будешь говорить, что магия не работает, когда люди настроены скептически, и тому подобное.

Заместитель директора Минерва МакГонаггалл с удивлением смотрела на Гарри. Одетая в чёрную мантию и остроконечную шляпу, она выглядела как настоящая ведьма, но разговаривала официальным тоном с шотландским акцентом, что совсем не вязалось с её внешним видом. На первый взгляд казалось, что она вот-вот разразится злобным хохотом и начнёт варить из младенцев жуткое зелье, но весь этот эффект испарялся, стоило ей открыть рот.

— Так этого будет достаточно, мистер Поттер? — уточнила волшебница. — Можно начинать демонстрацию?

— Достаточно? Скорее всего, нет, — ответил Гарри, — но это точно поможет. Начинайте, заместитель директора.

— Можно просто «профессор», — сказала она. — *Вингардиум левиоса*.

Гарри посмотрел на отца.

— Гм.

Тот посмотрел на него и повторил эхом:

— Гм.

Затем профессор Веррес-Эванс перевёл взгляд на профессора МакГонаггалл:

— Ладно, можете опустить меня вниз.

Майкл Веррес-Эванс медленно приземлился на пол.

Гарри взъерошил волосы. Может, дело было в том, что какая-то его часть заранее знала результат, но...

— Почему-то меня это не впечатлило, — сказал он. — Я думал, что моя реакция будет более драматичной, учитывая, что я стал свидетелем события бесконечно малой вероятности...

Он запнулся: мать, МакГонаггалл и даже отец снова смотрели на него *тем самым* взглядом.

— Я имею в виду ситуацию, когда всё, во что веришь, оказывается ложью.

В самом деле, увиденное должно было потрясти его гораздо сильнее. Сейчас мозгу Гарри следовало бы перебирать все возможные гипотезы об устройстве вселенной, которые говорили бы о невозможности того, что только что случилось. А вместо этого его рассудок говорил: «Ладно, я видел, как профессор из Хогвартса махнула палочкой и мой отец поднялся в воздух. И что тут такого?».

Ведьма с довольно-таки весёлым видом добродушно улыбнулась.

— Вы хотели бы продолжить демонстрацию, мистер Поттер?

— Это не обязательно, — ответил Гарри, — мы провели достаточно убедительный эксперимент. Но...

Он колебался. Хотелось увидеть больше. В конце концов, сейчас, учитывая обстоятельства, любопытство было правильным и уместным.

— Что ещё вы можете показать?

Профессор МакГонаггалл превратилась в кошку.

Гарри отскочил назад так быстро, что споткнулся о стопку книг и звучно шмякнулся на пол. Не успев правильно выставить руки, он всем своим весом приземлился на плечо, и теперь оно болезненно ныло.

В тот же миг маленькая полосатая кошка вновь стала женщиной в чёрной мантии.

— Извините, мистер Поттер, — в её голосе звучало искреннее сочувствие, но губы едва заметно улыбались. — Я должна была вас предупредить.

Гарри еле дышал от потрясения:

— Как вы ЭТО сделали?!

— Это просто трансфигурация, — ответила МакГонагалл. — Трансформация анимага, если говорить точно.

— Вы превратились в кошку! В МАЛЕНЬКУЮ кошку! Вы нарушили закон сохранения энергии! Это не какое-то условное правило. Энергия выражается с помощью квантового гамильтониана, а при нарушении закона сохранения теряется унитарность! Получается распространение сигналов быстрее скорости света! И кошки СЛОЖНЫЕ! Человеческий разум просто не в состоянии представить себе всю кошачью анатомию и всю кошачью биохимию, не говоря уже о неврологии. Как можно продолжать думать, используя мозг размером с кошачий?

Профессор МакГонагалл уже едва сдерживала улыбку:

— Магия.

— Магии для такого недостаточно. Для этого нужно быть богом!

МакГонагалл моргнула:

— Так меня ещё никто не называл.

Взгляд Гарри затуманился, его разум принялся подсчитывать причинённый ущерб. Вся идея единообразной вселенной с математически обоснованными законами, все представления физики пошли коту (точнее, кошке) под хвост.

Три тысячи лет люди по маленьким кусочкам складывали картину мира, узнавали, что музыка планет имеет ту же мелодию, что и падающее яблоко, искали истинные универсальные законы, для которых нет исключений и которые, принимая простую математическую форму, управляли даже мельчайшими частицами... И ещё тот факт, что сознание находится в мозге, и что мозг состоит из нейронов, и что мозг равен личности...

А тут женщина превращается в кошку, только и всего.

Гарри хотел задать тысячу вопросов, но в итоге вырвался один:

— Что это за словосочетание — «Вингардиум левиоса»? Кто придумывает слова к этим заклинаниям, дети дошкольного возраста?

— Закончим на этом, мистер Поттер, — решительно остановила его МакГонагалл, но в её глазах читался с трудом удерживаемый смех. — Если вы хотите изучать магию, нам необходимо обговорить все детали вашего поступления в Хогвартс.

— Верно, — задумчиво ответил Гарри. Он собрался с мыслями. Путь к знаниям придётся начинать заново, но у него ещё оставался экспериментальный метод, и об этом стоило помнить. — Так как же мне попасть в Хогвартс?

Сдавленный смешок вырвался изо рта ведьмы, будто его выдернули клещами.

— Подожди, Гарри, — вмешался его отец. — Ты же знаешь, по каким причинам ты до сих пор не посещаешь школу. Что будем делать с ними?

МакГонагалл повернулась к Майклу:

— Какие причины? О чём вы говорите?

— У меня проблемы со сном, — сказал Гарри, беспомощно разводя руками. — В моих биологических сутках двадцать шесть часов, я каждый день ложусь спать на два часа позже. Десять вечера, двенадцать, два часа, четыре утра и так по кругу. Даже если я заставляю себя встать раньше, это не поможет, и весь следующий день я буду не в своей тарелке. Поэтому я до сих пор не хожу в обычную школу.

— Это одна из причин, — уточнила его мать, награждённая за это свирепым взглядом Гарри.

— Хм-м, — протянула МакГонагалл. — Не сталкивалась с подобным прежде. Нужно будет спросить у мадам Помфри, знает ли она подходящее лекарство.

Её лицо смягчилось:

— Но не думаю, что это может быть препятствием. Я найду решение вашей проблемы со временем, — она снова сдвинула брови. — Каковы же другие причины?

Гарри наградил родителей ещё одним свирепым взглядом:

— Я сознательно возражаю против идеи обязательного посещения школы, основываясь на перманентной неспособности системы школьного образования предоставить мне учителей и учебные пособия минимально приемлемого уровня.

Родители Гарри рассмеялись, как будто вдруг услышали отличную шутку.

— Ага, — сказал отец Гарри, сверкнув глазами, — теперь понятно, почему в третьем классе ты укусил свою учительницу математики.

— Она не знала, что такое логарифм!

— И, конечно, укусить её — весьма взрослый способ решения проблемы, — вторила мать.

Отец Гарри кивнул:

— Продуманная стратегия в отношении учителей, которые не понимают логарифмов.

— Мне было семь лет! Как долго вы ещё собираетесь вспоминать тот случай?

— Да, всё понятно, — с участием в голосе сказала мать. — Ты укусил одного учителя математики, и теперь тебе этого никогда не забудут.

Гарри повернулся к МакГонагалл:

— Вот видите, с чем мне приходится иметь дело?

— Извините, — сказала Петуния и выбежала за стеклянную дверь гостиной. Впрочем, её смех было слышно даже оттуда.

— Гм, значит так, — по какой-то причине МакГонагалл было непросто продолжить разговор. — Никакого кусания учителей в Хогвартсе. Это понятно, мистер Поттер?

Гарри, накупившись, посмотрел на неё:

— Хорошо, я не стану никого кусать, пока меня самого не укусят.

Услышав это, профессор Майкл Веррес-Эванс тоже был вынужден покинуть комнату.

— Итак, — вздохнула МакГонагалл, дождавшись, пока родители Гарри возьмут себя в руки и вернутся. — Думаю, учитывая обстоятельства, стоит повременить с покупкой школьных принадлежностей. Займёмся этим за несколько дней до начала учебного года.

— Что? Почему? Ведь другие дети уже знакомы с магией! Я должен начать готовиться прямо сейчас!

— Смею вас заверить, мистер Поттер, — ответила профессор МакГонагалл, — в Хогвартсе вы сможете начать обучение с самых основ. К тому же, мистер Поттер, подозреваю, что если я оставлю вас на два месяца с вашими учебниками даже без волшебной палочки, то, вернувшись сюда, я найду лишь кратер, полный лилового дыма, опустевший город и полчища огненных зебр, терроризирующих остатки Англии.

Мать и отец Гарри согласно кивнули.

— Мама! Папа!

Глава 3

Сравнивая варианты реальности

Если Дж. К. Роулинг спросит вас об этом фанфике —
вы ничего не знаете.

Но тогда вопрос в том, кто?

— Господи боже! — воскликнул бармен, уставившись на Гарри. — Это же... неужели?
Гарри придвинулся к барной стойке «Дырявого котла», находившейся на уровне его глаз. Такой вопрос заслуживал наилучшего ответа:

— Я... неужели... возможно... точно не знаю... может, и нет...
но тогда вопрос в том, кто?

— Господи благослови, — прошептал бармен, — Гарри Поттер, какая честь!

Гарри моргнул, но быстро вернул самообладание:

— Вы крайне наблюдательны, большинство людей не понимают этого так быстро...

— Достаточно, — сказала профессор МакГонагалл, её рука сжала плечо Гарри. — Том, не приставай к мальчику, он к этому не привык.

— Но это он? — встряла пожилая женщина. — Это Гарри Поттер?
Скрипнув стулом, она поднялась.

— Дорис, — остановила её МакГонагалл и обвела зал взглядом, смысл которого был понятен каждому.

— Я только хотела пожать ему руку, — прошептала женщина.

Она нагнулась и протянула Гарри морщинистую ладонь. Сбитый с толку и смущённый, как никогда в своей жизни, он осторожно пожал её. Слезы из глаз женщины оросили их соединённые руки.

— Мой внук был аврором, — прошептала она. — Погиб в семьдесят девятом. Спасибо тебе, Гарри Поттер. Хвала небесам, что ты есть.

— Пожалуйста, — автоматически ответил Гарри, бросив в сторону МакГонагалл испуганный, умоляющий взгляд.

По залу пошло шевеление, люди начали подниматься со своих мест, и тут профессор громко топнула ногой. Звук получился такой, что у Гарри возникла новая ассоциация к словосочетанию «удар судьбы». Все замерли.

— Мы торопимся, — чрезвычайно спокойно произнесла волшебница.

Никто не рискнул их задерживать.

— Профессор? — начал Гарри, как только они оказались снаружи. Он собирался выяснить, что произошло, но неожиданно даже для себя задал другой вопрос: — Кто был тот бледный человек в углу? Тот, с дёргающимися глазами?

— М? — удивилась МакГонагалл. Вероятно, она тоже не ожидала такого вопроса. — Его зовут профессор Квиррелл. В этом году он будет преподавать в Хогвартсе Защиту от Тёмных искусств.

— У меня появилось странное ощущение, что мы с ним знакомы... — Гарри потёр лоб. — И что мне лучше не здороваться с ним за руку.

Это было похоже на воспоминание из далёкого прошлого, как будто он встретил кого-то, кто раньше был ему другом. До тех пор, пока не случилось что-то совершенно неправильное... Это было не совсем верное определение возникшему чувству, но Гарри не мог подобрать других слов.

— А об остальном расскажете?

МакГонагалл странно на него посмотрела:

— Мистер Поттер... вы знаете... что вам говорили о том... как погибли ваши родители?

Гарри невозмутимо ответил:

— Мои родители живы и в добром здравии, но они всегда отказывались рассказывать мне о том, как погибли мои биологические родители. Из чего я сделал вывод, что их смерть была не самой простой.

— Похвальная верность, — произнесла МакГонагалл, понижая голос. — Хотя меня немного задевает то, как вы говорите об этом. Лили и Джеймс были моими друзьями.

Гарри вдруг стало стыдно, и он отвернулся.

— Простите, — тихо сказал мальчик, — но у меня уже есть мама и папа. И я знаю, что почувствую себя несчастным, если буду сравнивать то, что существует в реальности с... чем-то идеальным, созданным моим воображением.

— Удивительно мудро с вашей стороны, — ответила МакГонагалл. — Но ваши «биологические» родители погибли, защищая вас. Защищая меня?!

Что-то ёкнуло в сердце Гарри.

— Что... Как именно это случилось?

МакГонагалл вздохнула. Её волшебная палочка коснулась лба мальчика, и у него на мгновение потемнело в глазах.

— Это для маскировки, — пояснила свои действия МакГонагалл, — чтобы сцена в трактире не повторилась до тех пор, пока вы не будете готовы.

Затем она направила палочку в сторону кирпичной кладки и постучала по ней три раза...

...Дыра в стене стремительно разрасталась, образуя большую арку; за ней открывался вид на длинные ряды магазинов с рекламными плакатами, на которых красовались котлы и драконья печень.

Гарри даже не повёл бровью: после превращения в кошку это было сущим пустяком.

И они двинулись вперёд, в мир волшебства.

Голова Гарри непрерывно крутилась во все стороны. Это было всё равно, что перелистывать справочник магических вещей во второй редакции настольной игры «Подземелья и драконы»* (он не играл в настольные игры, но это не мешало ему с удовольствием читать книги правил).

На улице бойко шла торговля Прыгающими Ботинками («Сделано из настоящего флаббера!»), ножами с бонусом +3, вилами +2, ложками +4. Продавались очки, перекрашивающие в зелёный цвет всё, на что сквозь них смотрели*, и роскошные кресла со встроенной системой катапультирования.

Гарри старался не пропустить ни одной вещи на прилавках, на случай, если ему вдруг попадётся какой-то из трёх компонентов, необходимых при создании замкнутого цикла для получения бесконечного числа заклинаний *желания**.

Вдруг Гарри заметил кое-что, заставившее его сильно отклониться от совместного с МакГонагалл курса и направиться напрямик в магазин из синего кирпича с орнаментом из бронзы на витринах. Очнулся он, лишь когда МакГонагалл встала на его пути.

— Мистер Поттер? — окликнула она.

Гарри пришёл в себя.

— Простите! На секунду я забыл, что иду с вами, а не со своей семьёй, — Гарри показал на окно магазина, в котором ярко блестели буквы, составляя название: «Несравненные книги Бигбэма». — У нас есть семейное правило: проходя мимо незнакомого книжного магазина, обязательно нужно зайти внутрь и осмотреться.

— Самое коттевранское правило из тех, что мне приходилось слышать.

— Что?

— Не важно. Мистер Поттер, в первую очередь, нам необходимо посетить Гринготтс, банк волшебного мира. Там находится родовое хранилище вашей «биологической» семьи с наследством, которое ваши «биологические» родители вам завещали. Вам нужны деньги, чтобы купить школьные принадлежности, — она вздохнула. — Полагаю, некоторую сумму можно будет потратить и на книги. Впрочем, советую воздержаться: в Хогвартсе собрана большая библиотека книг о магии. Кроме того, в башне, в которой, как я подозреваю, вы будете жить, есть своя весьма обширная библиотека. Учитывая это, практически любая купленная сейчас книга окажется лишь бесполезным дубликатом.

Гарри кивнул, и они пошли дальше.

— Не поймите меня неправильно, это прекрасная уловка, чтобы отвлечь моё внимание, — сказал Гарри, продолжая смотреть по сторонам, — вероятно, лучшая из всех, что были использованы на мне, но не думайте, что я забыл о нашем разговоре.

Профессор МакГонагалл вздохнула:

— Ваши родители, ваша мать уж точно, поступили весьма мудро, не рассказывая вам правды.

— Вы хотите, чтобы я продолжал пребывать в блаженном неведении? Мне кажется, в вашем плане есть определённый изъян, профессор МакГонагалл.

— Полагаю, это бессмысленно, учитывая, что каждый встречный может вам всё рассказать.

И она поведала ему о Том-Кого-Нельзя-Называть, Тёмном Лорде, Волдемorte.

— Волдеморт? — прошептал Гарри. Имя могло бы показаться забавным, но оно таковым не являлось. От него веяло холодом и беспощадностью, оно порождало образы разума кристальной ясности и молота из чистого титана, сокрушающего брannую плоть. По спине

Гарри побежали мурашки. Он решил, что лучше и безопаснее будет использовать фразы-заменители, вроде «Сам-Знаешь-Кто».

Тёмный Лорд бешеным волком свирепствовал по всей магической Британии, разрывая и раздирая привычную канву жизни её обитателей. Другие страны, стиснув зубы, не вмешивались из-за равнодушного эгоизма, либо просто боялись, что первая из них, выступившая против Тёмного Лорда, станет следующей целью его террора.

Эффект свидетеля, — подумал Гарри, вспоминая эксперимент Латана и Дарли, доказавших, что в случае эпилептического припадка вы скорее получите помощь, если рядом с вами будет один человек, нежели трое. — *Рассеивание ответственности: каждый думает, что кто-то другой начнёт действовать первым.*

Вокруг Тёмного Лорда собралась армия Пожирателей Смерти — стервятников, кормящихся ранеными, и змей, жалящих слабейших. Они были не так сильны и не так безжалостны, как сам Тёмный Лорд, но их было много. Пожиратели полагались не на одну только магию: некоторые из них были весьма состоятельны, обладали политическим влиянием, владели искусством шантажа. Они делали всё возможное, чтобы парализовать любые попытки общества защитить себя.

Старый уважаемый журналист, Йерми Виббл, призывавший к повышению налогов и введению воинской обязанности, заявил, что абсурдно всем бояться нескольких. Его кожа, только его кожа была найдена на следующее утро прибитой к стене в его кабинете рядом с кожей его жены и двух дочерей. Все хотели решительных действий, но мало кто осмеливался сопротивляться в открытую. Тех, кто выделялся из толпы, ожидала схожая судьба.

Среди них оказались Джеймс и Лили Поттеры. По своей природе они были героями и, вероятно, умерли бы с волшебными палочками в руках, ни о чём не сожалея. Но у них был малютка-сын, Гарри Поттер, и ради его благополучия они вели себя осторожно.

Слёзы показались в глазах Гарри. Он в гневе, а может, от отчаяния, вытер их.

Я совсем не знал этих людей, сейчас они не мои родители, бессмысленно так сильно грустить из-за них...

Когда Гарри перестал плакать, уткнувшись в мантию МакГонагалл, он посмотрел вверх и почувствовал себя немного лучше, увидев слёзы и в её глазах.

— Так что же произошло? — голос Гарри дрожал.

— Тёмный Лорд пришёл в Годрикову Лощину, — тихо сказала МакГонагалл, — вас должны были спрятать, но вас предали.

Тёмный Лорд убил Джеймса, затем Лили, а потом подошёл к вашей колыбели. Он бросил в вас Смертельное проклятие. На этом всё и кончилось. Это проклятие формируется из чистой ненависти и бьёт прямо в душу, отделяя её от тела. Его нельзя блокировать. Единственный способ защиты — уклониться. Но вы смогли выжить. Вы — единственный, кто когда-либо смог выжить. Смертельное проклятие отразилось и попало в Тёмного Лорда, оставив от него лишь обгоревшее тело и шрам на вашем лбу. Так закончилась эпоха террора — мы стали свободны. Вот почему, Гарри Поттер, люди хотят увидеть этот шрам и пожать вам руку.

Приступ плача выжал из Гарри все слёзы.

(Где-то в глубине его сознания возникло едва заметное ощущение, будто в этой истории что-то было не так. Обычно Гарри был способен замечать мельчайшие логические несоответствия, но в данный момент он был в смятении — таково печальное правило: вы чаще всего забываете о вашей способности мыслить здраво именно тогда, когда это больше всего необходимо.)

Гарри отстранился от МакГонагалл.

— Мне нужно всё обдумать, — сказал он, не поднимая головы и стараясь вернуть контроль над своим голосом. — Да, вы можете продолжать называть их моими родителями, если хотите. Не обязательно добавлять «биологические». У меня могут быть две матери и два отца.

МакГонагалл промолчала.

И так они шли, погружённые в свои мысли, пока впереди не показалось большое белое здание с широкими, обитыми бронзой дверями.

— Гринготтс, — объявила МакГонагалл.

Глава 4

Гипотеза эффективного рынка

Вечно бдящая Дж. К. Роулинг смотрит на тебя
из пустоты между мирами...

*Мировое господство — такая некрасивая фраза.
Предпочитаю называть это
мировой оптимизацией.*

Груды галлеонов. Стройные ряды серебряных сиклей. Кучи бронзовых кнатов.

Гарри с открытым ртом смотрел на семейное хранилище. У него было так много вопросов, что он даже не знал, с какого именно начать.

МакГонагалл стояла у двери и наблюдала за мальчиком. Она небрежно опиралась о стену, но взгляд у неё был напряжённый. И неспроста. Оказаться перед огромной кучей золотых монет — та ещё проверка на прочность.

— Монеты сделаны из чистого металла? — наконец спросил Гарри.

— Что?! — прошипел гоблин Крюкохват, стоявший снаружи хранилища. — Вы сомневаетесь в честности нашего банка, мистер Поттер-Эванс-Веррес?!

— Нет, — рассеянно сказал Гарри, — вовсе нет, сэр, извините. Просто я пока не имею представления о том, как работает ваша финансовая система. В смысле — галлеоны сделаны из чистого золота, без всяких примесей?

Как уже многие заметили, в книгах Роулинг есть путаница с покупательской способностью галлеона. Пять британских фунтов за галлеон не сочетаются с семью галлеонами за волшебную палочку и детьми, у которых палочки — подержанные. Я подобрал логичное значение и буду его придерживаться. — *Прим. авт.*

— Конечно, — ответил Крюкохват.

— Монеты может чеканить кто угодно, или на их выпуск установлена монополия со взиманием сеньоража?^{*}

— Что? — растерялась МакГонагалл.

Крюкохват ухмыльнулся, обнажив острые зубы.

— Только глупец доверит чеканку кому-то, кроме гоблина!

— Монеты имеют номинальную стоимость металла, из которого они изготовлены?

Крюкохват уставился на Гарри. МакГонагалл выглядела ошеломлённой.

— Я имею в виду, что, допустим, я приду сюда с тонной серебра. Получу ли я в результате тонну сиклей, сделанных из этого серебра?

— За плату, мистер Поттер-Эванс-Веррес, — глазки гоблина заблестели, — за определённую плату. Но интересно, где это вы найдёте тонну серебра?

— Говоря чисто гипотетически, — *по крайней мере, пока*, — какую часть серебра мне пришлось бы отдать в качестве оплаты за чеканку?

— Мне нужно проконсультироваться с начальством...

— Ответьте навскидку. Я не буду требовать проведения такой операции от Гринготтса.

— Двадцатая часть — достаточная плата.

Гарри кивнул:

— Большое спасибо, мистер Крюкохват.

Экономика мира волшебников совершенно отделена от магловской, здесь даже понятия не имеют об арбитражных операциях^{}. В экономике маглов, которая гораздо больше, курс золота к серебру постоянно колеблется, и всякий раз, когда он отличался бы на пять или более процентов от соотношения веса семнадцати сиклей к одному галлеону, золото или серебро вымывалось бы из экономики волшебного мира до тех пор, пока поддерживать постоянный курс не становилось бы невозможным. Принести тонну серебра, обменять на сикли (заплатив 5%), обменять сикли на галлеоны, отнести золото в мир маглов, обменять на серебро, которого станет больше, чем в начале операции, и повторить всё сначала.*

Вроде бы в мире маглов соотношение серебра к золоту составляет 50:1. В любом случае, не 17:1. Вдобавок, серебряные монеты меньше золотых.

Но, опять же, Гарри стоял в банке, работники которого в буквальном смысле помещали деньги в хранилища, оберегаемые драко-

нами; в банке, в который нужно идти и брать деньги из собственного хранилища всякий раз, когда захочется их потратить. Очевидно, что тонкости регулирования рыночной эффективности были им тоже недоступны. Гарри хотел было отпустить едкое замечание о грубости такой финансовой системы...

Вот только она лучше магловской.

С другой стороны, какой-нибудь биржевой игрок мог бы захватить волшебный мир за неделю. Гарри запомнил эту мысль на случай, если у него кончатся деньги или выдастся свободная неделя.

А пока его запросы может удовлетворить огромная куча золота в хранилище Поттеров.

Гарри наклонился и начал поднимать галлеоны одной рукой и перекидывать в другую.

Когда он набрал двадцать монет, МакГонаггал кашлянула:

— Этого будет более чем достаточно, чтобы купить школьные принадлежности, мистер Поттер.

— Гм, — задумчиво протянул Гарри. — Подождите. Я произвожу вычисление Ферми.

— Что? — встревоженно уточнила МакГонаггал.

— Метод математического подсчёта. Назван в честь Энрико Ферми. Способ делать приблизительные подсчёты в уме, причём очень быстро*.

Двадцать галлеонов весили около 100 граммов. А стоимость золота в Великобритании... 10 000 фунтов стерлингов за килограмм. Значит, в одном галлеоне 50 фунтов стерлингов. Высота кучи составляла 60 монет, длина и ширина основания — по 20 монет. Она была пирамидальной формы, значит, нужно взять треть от объёма соответствующего параллелепипеда. Грубо говоря, восемь тысяч галлеонов в куче. Всего было 5 горok золота такого размера. Получается 40 000 галлеонов, или 2 миллиона фунтов стерлингов.

Неплохо. Гарри удовлетворённо ухмыльнулся. Жаль, он был на пороге нового удивительного мира волшебства, и у него не было времени на новый удивительный мир богатства. Который, впрочем, по быстрой оценке Ферми, был в миллион раз менее интересен.

Чтоб я ещё хоть раз стриг лужайку за какой-то вишивый фунт.

Гарри отвернулся от огромной кучи денег:

— Извините за вопрос, профессор МакГонаггал, но, насколько я понимаю, моим родителям не было и тридцати, когда они умерли. В волшебном мире это обычное количество золота, которое имеет молодая пара?

Если так, то чашка кофе, возможно, стоит 5000 фунтов. Правило номер один в экономике: деньги есть нельзя.

МакГонагалл покачала головой.

— Ваш отец был последним наследником старинного рода, мистер Поттер. Возможно также... — профессор засомневалась. — Полагаю, часть этих денег — награда за у... — МакГонагалл осеклась, — за победу над Сами-Знаете-Кем. Хотя, возможно, эти пожертвования ещё не собраны, мне точно неизвестно.

— Интересно, — медленно проговорил Гарри. — Получается, часть этих денег и в самом деле в некотором роде моя. То есть заработана мной. В каком-то смысле. Наверное. Даже если я этого не помню. Значит, мне не должно быть сильно неловко, если я потрачу совсем незначительную часть. Без паники, профессор МакГонагалл!

— Мистер Поттер! Вы несовершеннолетний, поэтому вам разрешается брать лишь разумные суммы из...

— Я так и собираюсь! Я финансово благоразумен! Просто по пути в банк я видел некоторые товары, которые вполне можно включить в список разумных покупок взрослого человека.

Гарри столкнулся с МакГонагалл в молчаливом поединке взглядов.

— Например? — наконец сдалась профессор.

— Сундуки, вместимость которых больше, чем кажется по их внешнему виду.

МакГонагалл поджала губы:

— Они очень дорогие, мистер Поттер!

— Да, но... — Гарри умоляюще посмотрел на неё. — Я совершенно уверен, что, когда вырасту, я всё равно захочу такой сундук. И я уже могу себе его позволить. Не имеет смысла откладывать покупку, если я могу совершить её сейчас, ведь так? И в том, и в другом случае я потрачу одну и ту же сумму. Я имею в виду, что в будущем я захочу хороший сундук, со множеством отделений, достаточно хороший, чтобы не пришлось через некоторое время покупать ещё лучше...

Взгляд МакГонагалл не смягчился.

— И что же вы положите в такой сундук, мистер Поттер?

— Книги.

— Ну конечно, — вздохнула МакГонагалл.

— Вам следовало предупредить меня гораздо, гораздо раньше, что существуют такие чудеса! И что я могу себе это позволить! А теперь мы с отцом будем вынуждены следующие два дня носиться

по магазинам подержанных книг в поисках старых учебников, чтобы по прибытии в Хогвартс у меня была достойная коллекция книг по математике и другим наукам. И, возможно, небольшое собрание научной фантастики и фэнтези, если я найду что-нибудь приличное на распродажах. Кстати, чтобы вам было легче принять решение, позвольте купить вам...

— Мистер Поттер! Вы хотите дать мне взятку?!

— Что? Нет! Ни в коем случае! Я хотел сказать, что могу передать часть книг в Хогвартс, если вы считаете их хорошим дополнением к школьной библиотеке. Я собираюсь приобрести их дешево. Просто хочу, чтобы книги были рядом со мной. Ведь можно давать людям взятку книгами, да? Это...

— Семейная традиция.

— Именно.

Плечи МакГонагалл поникли:

— К сожалению, в ваших словах есть логика. Я позволю вам взять ещё сто галлеонов, мистер Поттер. Я точно знаю, что буду сожалеть о своём поступке, но всё-таки сделаю это.

— Отлично! А кошель из шкурки скрытня действует так, как я думаю?

— Он менее вместителен, чем сундук, — неохотно ответила МакГонагалл, — но кошель с чарами извлечения и незримого расширения позволяет волшебнику призывать любой из помещённых внутрь предметов по своему желанию.

— Он определённо мне нужен. Это же карманный супер-набор абсолютной крутости! Как многофункциональный пояс Бэтмена!* Можно забыть про швейцарский армейский нож и носить все инструменты в одном кошелье! Или другие волшебные предметы! Или книги! Я выбрал бы три лучшие книги из тех, что я читаю, и мог бы призывать их когда угодно! Я больше ни минуты времени не потрачу впустую! Что вы на это скажете, профессор МакГонагалл? Разве не прекрасная причина потратить немного денег?

— Ладно. Можете взять ещё десять галлеонов.

Крюкохват одобрительно, даже с восхищением, посмотрел на Гарри.

— И ещё немного на расходы. Думаю, я видел в витринах пару вещей, которые можно будет сложить в этот волшебный кошель.

— Не перегибайте, мистер Поттер!

— Но профессор МакГонагалл! Сегодня у меня счастливый день, я знакомлюсь с миром волшебства! Зачем же ворчать, если

вы можете улыбнуться и вспомнить ваше собственное беззаботное детство, глядя на моё радостное лицо, когда я покупаю парочку игрушек, используя лишь малую часть богатства, которое я получил, победив самого ужасного волшебника Британии. Не то чтобы я обвинял вас в неблагодарности или чём-то подобном, но всё же несколько безделушек — крохотная плата...

— Вы! — прорычала МакГонагалл. У неё было такое выражение лица, что Гарри с писком отскочил, при этом с громким звоном рассыпав кучу золотых монет, и растянулся на горке денег. Крюкохват лишь разочарованно взмахнул рукой. — Я бы оказала магической Великобритании, а может, и всему миру огромную услугу, если бы заперла вас здесь, мистер Поттер.

Больше затруднений не возникло, и вскоре они покинули хранилище.

Глава 5

Фундаментальная ошибка атрибуции

Роулинг смотрит на вас. Вы чувствуете её взгляд?
Своим роулингтеном она читает ваши мысли.

*Потребовалось бы сверхъестественное
вмешательство, чтобы у него, учитывая
его окружение, были твои моральные
принципы.*

«Скрытная лавка» была маленьким причудливым (некоторые бы даже назвали его милым) магазинчиком, удобно устроившимся за овощным киоском, который, в свою очередь, был позади магазина волшебных перчаток, находившегося в двух шагах от ответвления Косого переулка. К большому разочарованию, хозяином лавки оказался не загадочный морщинистый старик, а нервного вида молодая женщина, одетая в выцветшую жёлтую мантию. И сейчас она держала в руках Супер-кошель-скрытень QX31, особенностями которого были увеличенное отверстие и чары незримого расширения, позволяющие класть в него большие вещи (общий объём был, тем не менее, ограничен).

Гарри прямо-таки настаивал на посещении этой лавки сразу после банка, стараясь в то же время не вызывать у МакГонагалл подозрений. Дело в том, что ему нужно было как можно скорее положить кое-что в кошель. И это был не мешочек с галлеонами, которые МакГонагалл разрешила взять из Гринготтса. Это были другие галлеоны, которые Гарри исподтишка засунул в карман после того, как случайно упал на кучу золота. Честное слово, случайно. Гарри был не из тех, кто упускает возможности, но всё действительно произошло спонтанно. Теперь же ему приходилось нести

мешочек с дозволенными галлеонами рядом с карманом брюк (это было крайне неудобно), чтобы звон не вызвал подозрений.

Оставался лишь вопрос: как положить те, другие монеты, в кошель и не попасться? Галлеоны, может, и принадлежали ему, но всё равно были краденые. Самоукраденные? Автосворованные?

Гарри оторвал взгляд от Супер кошель-скрытня QX31, лежавшего на прилавке, и посмотрел вверх на продавщицу.

— Можно я его испытаю? Чтобы убедиться, что он работает... надёжно, — он широко распахнул глаза, изображая наивного, шаловливого мальчика.

Естественно, после десятого повтора операции «положить мешочек в кошель, засунуть руку в кошель, шепнуть „мешочек с золотом“, вынуть мешочек», МакГонагалл отошла от Гарри и стала рассматривать другие товары, а хозяйка магазина повернулась в её сторону.

Левой рукой Гарри положил мешочек с золотом в кошель. А правой вытащил из кармана несколько галлеонов, уронил их в кошель и (шепнув «мешочек с золотом») снова заполучил мешочек. Затем ещё раз опустил мешочек в кошель левой рукой, а правой опять полез в карман...

МакГонагалл оглянулась на Гарри лишь раз, но он не вздрогнул и не застыл на месте, так что профессор ничего не заподозрила. Хотя ни в чём нельзя быть уверенным, если у взрослого есть чувство юмора. Операцию пришлось повторить три раза, чтобы украденное у самого себя золото — около тридцати галлеонов — переместилось в кошель-скрытень.

Закончив, Гарри вытер со лба пот и выдохнул:

— Я бы хотел его купить.

Минус 15 галлеонов (за эти деньги можно купить две волшебные палочки) и плюс один Супер кошель-скрытень QX31. Когда Гарри и МакГонагалл вышли из магазина, дверная ручка превратилась в обычную руку и помахала им на прощание, вывернувшись так, что Гарри стало немного не по себе.

А затем, к несчастью...

— Вы... действительно Гарри Поттер? — прошептал пожилой человек. Крупная слеза скатилась по его щеке. — Это ведь правда, да? До меня доходили слухи, что на самом деле вы не пережили Смертельное проклятие, именно поэтому о вас ничего не слышно с тех самых пор.

Похоже, маскирующее заклинание МакГонагалл работало менее эффективно против более опытных волшебников.

Профессор положила руку на плечо мальчику и потянула его в ближайший переулок сразу же, как только услышала «Гарри Поттер?».

Пожилой мужчина последовал за ними, но, по крайней мере, никто больше не услышал его фразу.

Гарри задумался над вопросом. Действительно ли он — Гарри Поттер?

— Я знаю только то, что говорили мне люди. Ведь я не помню, как родился, — он потёр лоб рукой. — У меня всегда был этот шрам. И мне всегда говорили, что моё имя — Гарри Поттер, но если у вас есть причины сомневаться в этом, то можно предположить и существование тайного заговора, участники которого нашли другого сироту-волшебника и вырастили его так, чтобы он верил, что он Гарри Поттер.

МакГонагалл раздражённо провела рукой по лицу:

— Вы выглядите как ваш отец, когда он впервые прибыл в Хогвартс. Даже по одному вашему характеру можно с уверенностью сказать, что вы связаны родством с грозой Гриффиндора, Джеймсом Поттером.

— Она тоже могла бы быть соучастником, — заметил Гарри.

— Нет, — произнёс дрожащим голосом пожилой человек. — Она права. У вас глаза матери.

— Хм, — Гарри нахмурился. — Полагаю, участником заговора могли бы быть и вы...

— Достаточно, мистер Поттер, — оборвала МакГонагалл.

Пожилой человек поднял руку, чтобы прикоснуться к Гарри, но тут же её опустил.

— Я рад, что вы живы, — пробормотал он. — Спасибо, Гарри Поттер. Спасибо за то, что вы сделали... А теперь я оставляю вас.

И он медленно направился прочь, к центральной части Косого Переулка.

МакГонагалл мрачно и напряжённо огляделась по сторонам. Гарри последовал её примеру и тоже огляделся вокруг. Но на улице не было ничего, кроме старых листьев, а из прохода, ведущего в Косой переулок, можно было видеть лишь спящих туда-сюда прохожих.

Наконец МакГонагалл расслабилась.

— Нехорошо получилось, — тихо сказала она. — Я знаю, вы не привыкли к такому, мистер Поттер, но люди проявляют к вам искренний интерес. Пожалуйста, будьте к ним добры.

Гарри опустил глаза.

— Это они зря, — с горечью протянул он. — В смысле, проявляют интерес.

— Но вы же спасли их от Сами-Знаете-Кого, — заметила МакГонаггалл. — Почему зря?

Гарри посмотрел на профессора и вздохнул:

— Полагаю, если я скажу вам о фундаментальной ошибке атрибуции, вы меня не поймёте?

МакГонаггалл покачала головой:

— Нет, но постарайтесь объяснить, если вас не затруднит.

— Ну... — Гарри задумался, как бы объяснить попрямнее. — Представьте, вы пришли на работу и увидели, как ваш коллега пинает стол. Вы думаете: «Какой же у него скверный характер». В это время ваш коллега думает о том, как по дороге на работу его кто-то толкнул, а потом накричал на него. «Кто угодно на моём месте разозлился бы», — думает он. Мы не можем залезть людям в головы и узнать, почему они ведут себя тем или иным образом. Вместо этого мы склонны объяснять поведение людей особенностями их характера, своё же собственное поведение мы чаще объясняем наоборот — внешними обстоятельствами. Таким образом, фундаментальная ошибка атрибуции — это склонность человека объяснять поступки и поведение других людей их личностными особенностями, а не внешними факторами и ситуацией.

Существовал ряд изящных экспериментов, подтверждающих данное явление, но Гарри не хотелось углубляться в детали.

МакГонаггалл удивлённо подняла брови.

— Кажется, я поняла... — медленно проговорила она. — Но какое это имеет отношение к вам?

Гарри пнул кирпичную стену так, что стало больно:

— Люди думают, что я спас их от Сами-Знаете-Кого, потому что я какой-нибудь великий воин Света.

— Тот, кто наделён могуществом победить Тёмного Лорда... — пробормотала МакГонаггалл. В её голосе прозвучала ирония, которую Гарри в этот момент не понял.

— Да, — в мальчике боролись раздражение и разочарование, — как будто я уничтожил его, потому что мне свойственно убивать тёмных лордов. Мне же было всего пятнадцать месяцев! Я совершенно не представляю, что тогда произошло, но предположу, что это было связано со случайными обстоятельствами. И никак не связано с моими личностными особенностями. Люди проявляют интерес не ко мне, на меня самого они не обращают внимания,

они хотят пожать руку плохому объяснению, — Гарри замолчал и посмотрел на МакГонагалл. — Может, *вы* знаете, что тогда произошло на самом деле?

— Пожалуй, у меня появилась догадка... — сказала МакГонагалл. — После встречи с вами.

— И?

— Вы победили Тёмного Лорда, ибо вы ужасней его, и выжили после проклятья, потому что вы страшнее Смерти.

— Ха. Ха. Ха. — Гарри снова пнул стену.

МакГонагалл усмехнулась.

— Теперь пора заглянуть к мадам Малкин. Ваша магловская одежда привлекает внимание.

По пути они столкнулись ещё с двумя доброжелателями.

* * *

МакГонагалл остановилась у входа в «Магазин мадам Малкин». Это было невероятно скучное здание из обычного красного кирпича. В витринах висели простые чёрные мантии. Не сверкающие, не меняющие цвет, не испускающие странные лучи, которые как бы проходят прямо через рубашку и щекочут тебя, а обычные чёрные мантии — по крайней мере, это всё, что можно было разглядеть через витрину. Дверь магазина была широко раскрыта, будто говоря: «Здесь нет никаких секретов, нам нечего скрывать».

— Я отойду на несколько минут, пока вы будете примерять мантии, — сказала МакГонагалл. — Вы справитесь с этим сами?

Гарри кивнул. Он страстно ненавидел магазины одежды, так что не мог винить МакГонагалл за то же чувство.

Профессор дотронулась до головы Гарри волшебной палочкой.

— Я снимаю заклинание маскировки, мадам Малкин нужно будет чётко вас видеть.

— А... — Гарри такое положение немного беспокоило.

— Я училась с ней в Хогвартсе, — сказала МакГонагалл. — Даже тогда она была невероятно спокойным человеком. Наведайся к ней в магазин сам Тёмный Лорд, она и глазом не моргнёт, — профессор говорила очень ободряюще. — Мадам Малкин не будет вам надоедать. И никому другому не позволит это делать.

— А куда пойдёте вы? — спросил Гарри. — На случай, если, знаете ли, что-нибудь всё-таки произойдёт.

МакГонагалл настрожённо посмотрела на мальчика.

— Я пойду туда, — указала она на здание через дорогу, над дверью которого болталась вывеска с изображением бочонка, — и что-нибудь выпью, это мне сейчас просто необходимо. А вы будете примерять мантии, и больше ничего. Я очень скоро вернусь, чтобы проверить ваши успехи, и крайне надеюсь увидеть «Магазин мадам Малкин» в целости и сохранности.

Хозяйка оказалась суетливой пожилой женщиной. Увидев шрам Гарри, она ни слова ему не сказала и бросила грозный взгляд на свою помощницу, когда та открыла рот. Мадам Малкин достала набор живых, извивающихся кусочков ткани, которые служили мерными лентами, и приступила к работе.

Рядом с Гарри стоял бледный мальчик с заострённым лицом и обалденными белыми волосами. Похоже, он проходил заключительный этап той же процедуры. Одна из двух помощниц Малкин тщательно осматривала белобрысого и его мантию шахматной расцветки, иногда дотрагивалась до неё палочкой, чтобы подогнать по фигуре.

— Привет, — сказал мальчик. — Тоже в Хогвартс?

Гарри мог легко представить, куда заведёт этот разговор, и решил, что на сегодня с него хватит.

— О боже, — прошептал Гарри и широко раскрыл глаза, — не может быть. Ваше... имя, сэр?

— Драко Малфой, — немного озадаченно ответил тот.

— Так это вы! Драко Малфой. Я... Я никогда не думал, что мне выпадет такая честь, сэр, — Гарри было жаль, что он не умеет пускать слезу. Обычно при встрече с ним самим люди начинали плакать именно после этой фразы.

— О, — Драко на мгновение смутился. Затем его губы растянулись в самодовольной улыбке. — Приятно встретить человека, который знает своё место.

Одна из помощниц, ранее узнавшая Гарри, поперхнулась.

Гарри продолжал бормотать:

— Я так рад, что встретил вас, мистер Малфой. Не могу выразить словами, как я рад. Я буду учиться с вами на одном курсе! Моё сердце замирает от восторга.

Ой. Кажется, последняя часть прозвучала немного странно, будто он испытывал к Драко не просто уважение, а кое-что большее.

— И я рад видеть человека, который с должным уважением относится к семье Малфоев, — мальчик наградил Гарри той улыбкой, которую сиятельнейший король дарует своему ничтожному подданному, если этот подданный честен, хоть и беден.

Чёрт. Гарри пытался придумать, что же сказать дальше. Хм, всем очень хотелось пожать руку Гарри Поттеру, поэтому:

— Когда я закончу примерку, сэр, не разрешите ли вы пожать вашу руку? Это было бы лучшим событием за весь день. Нет, за месяц. Нет-нет, за всю мою жизнь!

Драко сердито посмотрел в его сторону:

— Какая непозволительная фамильярность! Что ты сделал для семьи Малфоев, чтобы просить о подобном?

Хм, интересная мысль. Теперь я знаю, что сказать следующему человеку, который захочет пожать мне руку.

Гарри склонил голову:

— Простите, сэр, я понимаю. Извините мою дерзость. Для меня скорее будет честью почистить вашу обувь.

— Именно, — огрызнулся Драко, но потом смягчился. — Хотя твоя просьба вполне понятна. Скажи, ты на какой факультет, потвоему, попадёшь? Я, конечно, пойду в Слизерин, как и мой отец Люциус в своё время. А тебя, полагаю, с радостью примут пффендуйцы или, пожалуй, домовые эльфы.

Гарри застенчиво улыбнулся:

— Профессор МакГонаггалл сказала, что я когтевранец до мозга костей и буду лучшим учеником на этом факультете, и сама Ровена попросит меня побережечь себя и не учиться так усердно, что бы это ни значило, и что я определённо окажусь в Когтевране, если только Распределяющая шляпа не начнёт громко кричать от ужаса, так что никто не сможет разобрать ни слова. Конец цитаты.

— Ух ты, — Драко, похоже, был слегка впечатлён. Грустно вздохнув, он продолжил: — Твоя лесть была хороша, по крайней мере, мне так показалось. В любом случае Слизерин тебе тоже подойдёт. Обычно только моему отцу оказывают такое уважение. Надеюсь, что вот теперь, когда я буду учиться в Хогвартсе, остальные слизеринцы будут относиться ко мне должным образом. Думаю, твоё поведение — хороший знак.

Гарри кашлянул:

— На самом деле я понятия не имею, кто ты, прости.

— Не может быть! — Драко был крайне разочарован. — Зачем тогда ты всё это говорил? — его глаза расширились от внезапной догадки. — Как ты можешь совсем не знать о Малфоях? И что это на тебе надето? Твои родители — маглы?!

— Одни мои папа с мамой мертвы, — сердце Гарри сжалось. — Другие мои родители — маглы, они вырастили меня.

— Что?! — сказал Драко. — Да кто же ты?

— Гарри Поттер. Рад познакомиться.

— Гарри Поттер?! — удивлённо выдохнул Драко. — Тот самый Гарри... — мальчик осёкся.

Наступила тишина, затем:

— Гарри Поттер? Тот самый Гарри Поттер?! — с восторгом воскликнул Драко. — Мерлин, я всегда хотел встретиться с тобой!

Помощница мадам Малкин, которая примеряла мантию на Драко, поперхнулась, но тут же продолжила работу.

— Заткнись, — сказал Гарри.

— Можно взять у тебя автограф? Нет, лучше сначала сфотографируемся вместе!

— Заткнисьзаткнисьзаткнись.

— Я так рад познакомиться с тобой!

— Сдохни.

— Но ты же Гарри Поттер, знаменитый спаситель волшебного мира, одержавший победу над Тёмным Лордом! Всеобщий герой Гарри Поттер! Я всегда хотел быть похожим на тебя, когда вырасту, чтобы я тоже мог...

Драко осёкся на середине предложения. Его лицо застыло от ужаса.

Высокий светловолосый элегантный мужчина в мантии самого лучшего качества. Его рука сжимает серебряный набалдашник трости, наводящей на мысль о смертельном оружии. Его глаза осмотрели комнату с невозмутимостью палача, для которого убийство — не болезненный и даже не запретный акт, а естественный, как дыхание, процесс. «Совершенство» — вот слово, как нельзя лучше характеризующее появившегося мужчину.

— Драко, — сердито сказал мужчина, растягивая слова. — Что ты только что сказал?!

За долю секунды Гарри придумал план спасения Драко.

— Люциус Малfoy! — выдохнул Гарри Поттер. — Тот самый Люциус Малfoy?

Одной из помощниц мадам Малкин пришлось отвернуться, чтобы в открытую не приснуть со смеху.

Холодные глаза убийцы посмотрели на него.

— Гарри Поттер.

— Такая честь встретить вас!

Тёмные глаза расширились от удивления.

— Ваш сын рассказал мне о вас всё! — Гарри быстро продолжал натиск, не сильно заботясь о том, что говорит. — Но,

конечно, я всё знал и раньше, ведь все знают о вас, великом Люциусе Малфое! Лучшем представителе факультета Слизерин всех времён. Я хочу попасть в Слизерин, потому что вы там учились, когда были ребёнком...

— О чём вы говорите, мистер Поттер?! — раздался крик снаружи, а через мгновение в магазин ворвалась профессор МакГонагалл.

На её лице застыло выражение такого ужаса, что Гарри открыл было рот, но тут же его захлопнул, не зная, что сказать.

— Профессор МакГонагалл! — воскликнул Драко. — Это действительно вы? Я столько о вас слышал от своего отца. Я хочу попасть в Гриффиндор, потому что...

— Что?! — стоя бок о бок, хором рывкнули Люциус Малfoy и профессор МакГонагалл. Они повернулись, чтобы посмотреть друг на друга, а потом отскочили в разные стороны, будто исполняли танец.

Затем Люциус быстро схватил Драко и вытащил его из магазина. И наступила тишина.

МакГонагалл посмотрела вниз на небольшой бокал вина, который всё ещё держала в руке. Он был сильно наклонён из-за спешки, на дне осталось всего несколько капель.

Профессор прошла вглубь магазина к владелице.

— Мадам Малкин, — тихо сказала МакГонагалл. — Что здесь произошло?

Хозяйка оглянулась, а потом... расхохоталась. Она облокотилась о стену, задыхаясь от смеха. Следом за ней рассмеялись помощницы, одна из них, истерично хихикая, опустилась на пол.

МакГонагалл медленно повернулась к Гарри:

— Оставила вас на шесть минут. Шесть минут, мистер Поттер. Ровно.

— Я всего лишь пошутил, — возмутился Гарри под новый взрыв смеха.

— Драко Малfoy сказал перед своим отцом, что хочет попасть в Гриффиндор! Простой шутки на это бы не хватило! — МакГонагалл замолчала, тяжело дыша. — По-моему, вы неправильно меня расслышали. Я сказала: «Подберите себе одежду», а не «Наложите заклинание Конфундус на весь мир»!

— Драко находился в ситуативном контексте, который объясняет его поведение...

— Нет. Даже не пытайтесь. Не хочу знать, что здесь произошло. Никогда. Есть вещи, относительно которых я должна оставаться

в неведении, и это — одна из них. Какой бы демонической силой хаоса вы ни обладали, она заразна. Я не желаю закончить как бедный Драко Малфой, бедная мадам Малкин и её бедные помощницы.

Гарри вздохнул. Совершенно ясно, что профессор МакГонагалл была не в настроении выслушивать разумные объяснения. Он посмотрел на мадам Малкин, всё ещё тяжело дышавшую от смеха, на двух её помощниц, которые уже обе оказались на полу, и, наконец, на себя, обвитого мерными лентами.

— Моя мантия ещё не совсем готова, — вежливо сказал Гарри. — Может, вам вернуться и выпить ещё что-нибудь?

Глава 6

Ошибка планирования

Бла бла бла отказ от прав,
бла бла Роулинг бла бла бла принадлежит.

У вас был странный день? У меня тем более.

Другие дети, вероятно, дождались бы окончания своего первого визита в Косой переулок.

— Мешочек с элементом 79, — пробормотал Гарри и вытащил из кошель-скрытня пустую руку.

Большинство детей приобрело бы сначала волшебные палочки.

— Мешочек оканэ*, — сказал Гарри. Тяжёлый мешочек с золотом прыгнул в раскрытую ладонь.

Гарри вынул его наружу, потом сунул обратно в кошель. Вытащил руку и вновь засунул её, произнося:

— Мешочек универсального эквивалента стоимости товаров, — на этот раз рука осталась пустой.

У Гарри Поттера уже был один волшебный предмет — зачем ждать чего-то ещё?

— Профессор МакГонагалл, — обратился Гарри к притихшей ведьме, которая шла рядом, — скажите мне два слова на языке, которого я не знаю. Пусть одно из них означает «золото», а второе — что-то другое, но не объясняйте, какое из них как переводится.

— Ахава и захав, — ответила МакГонагалл, — это на иврите, другое слово означает «любовь».

— Спасибо, профессор. Мешочек ахава, — ничего не произошло.

— Мешочек захав, — мешочек с золотом очутился в его руке.

— Захав означает «золото»? — спросил Гарри.

МакГонагалл кивнула.

Гарри обдумал полученные результаты. Это был грубый предварительный эксперимент, но и его было достаточно, чтобы сделать вывод:

— Ааааргх! Что за бессмыслица!

Колдунья снисходительно приподняла бровь:

— Какие-то затруднения, мистер Поттер?

— Я только что опроверг все свои гипотезы! Как может быть, что фраза «мешочек со 115 галлеонами» работает, а «мешочек с 90 плюс 25 галлеонами» — нет? Что, эта вещь умеет считать, а складывать не умеет? Она понимает простые имена существительные, но игнорирует определения, означающие тот же самый предмет? Человек, сделавший этот кошель, скорее всего, не знал японский, а я не говорю на иврите, так что кошель не использует знания своего создателя, равно как и мои, — Гарри беспомощно махнул рукой. — Правила использования вроде бы ясны, но как именно они работают? Даже не хочу спрашивать, каким образом какой-то кошель распознаёт голос и естественную речь, учитывая, что лучшие разработчики искусственного интеллекта уже тридцать пять лет не могут научить этому свои суперкомпьютеры, несмотря на все старания, — Гарри сделал паузу, чтобы отдышаться. — Но всё-таки, как, ну как это работает?

— Магия, — пожала плечами профессор МакГонагалл.

— Это всего лишь слово! Я не могу строить на его основе новые предположения! Это всё равно что сказать «флогистон», или «жизненный порыв», или «эмерджентия»*, или «сложность»!

Профессор МакГонагалл засмеялась:

— И всё же это магия, мистер Поттер.

Гарри поник головой:

— Со всем уважением, профессор МакГонагалл, но мне кажется, вы не понимаете, что я пытаюсь сделать.

— Со всем уважением, мистер Поттер, но, скорее всего, не понимаю. Впрочем, извините, есть одна догадка. Возможно, вы хотите овладеть всем миром?

— Нет! То есть да, то есть нет!

— Думаю, мне бы стоило встревожиться из-за ваших затруднений с ответом.

Гарри с грустью подумал о Дартмутском семинаре 1956-го года, первой в истории конференции по вопросам искусственного интеллекта. В качестве ключевых вопросов участники выделили: понимание языка, самообучение и самосовершенствование компьютеров. Они абсолютно серьёзно предполагали, что десять учёных смогут достичь существенных результатов по данным вопросам, если будут работать вместе в течение двух месяцев.

Так. Не унывать. Я только приступил к разгадке всех тайн магии. Фактически ещё неизвестно, слишком ли это сложная задача для двух месяцев.

— И вы действительно ни разу не слышали о волшебниках, которые задавали подобного рода вопросы или проводили подобные научные эксперименты? — снова спросил Гарри. Для него такая попытка казалась совершенно очевидной.

Хотя, с другой стороны, прошло двести лет с момента изобретения научного метода познания, прежде чем маглам-учёным пришла в голову мысль взяться за системное исследование вопроса: какие предложения способен понять четырёхлетний ребёнок. В принципе, психологией развития речи могли бы заниматься ещё в восемнадцатом веке, но до двадцатого об этом никто и не думал. Поэтому вряд ли стоит винить волшебный мир — который гораздо меньше — за то, что они не стали исследовать чары извлечения.

МакГонаггал снова пожала плечами:

— Я по-прежнему не уверена, что вы понимаете под «научными экспериментами», мистер Поттер. Как я уже говорила, я видела маглорождённых учеников, которые пытались применить магловскую науку в Хогвартсе, и, кроме этого, каждый год создаются новые чары и зелья.

Гарри покачал головой:

— Технология и наука — совершенно разные вещи. Пробовать различные подходы и ставить эксперименты, чтобы обнаружить закономерности, — не одно и то же, — *многие пытались изобрести самолёт, создавая конструкции с крыльями, но только братья Райт построили аэродинамическую трубу, чтобы измерить подъёмную силу...* — Кстати, сколько маглорождённых учеников поступает в Хогвартс ежегодно?

МакГонаггал на мгновение задумалась:

— Приблизительно десять.

Гарри оступился и чуть не запутался в собственных ногах.

— Десять?!

Население магловского мира составляло более шести миллиардов. Если считать, что Гарри — один такой на миллион, то в Нью-Йорке — 12 таких же умных мальчиков, а в Китае — тысяча. Вполне нормально, что в мире маглов есть 11-летние дети, которые знакомы с высшей математикой. Гарри знал, что он не единственный. Он встречал и других гениев на олимпиадах по математике. И чаще всего с треском проигрывал своим соперникам, которые наверняка целыми днями решали математические задачи, вообще никогда не читали научную фантастику

и которые просто стоят от своей науки ещё до пубертатного возраста и совсем ничего не добьются в жизни, потому что будут использовать известные подходы вместо того, чтобы научиться мыслить творчески. (Гарри был из числа людей, тяжело принимающих поражение.)

Но в волшебном мире...

Десять маглорождённых в год, переставших получать обычное образование в одиннадцать лет? И хотя МакГонаггал могла приукрасить ситуацию, она утверждала, что Хогвартс — крупнейшая и самая знаменитая школа волшебства в мире — обучала магии... лишь до семнадцати лет.

Профессор МакГонаггал без сомнения прекрасно знала, как превратиться в кошку. Но она никогда не слышала о научном методе. Для неё это была та же магия, только магловская. И ей даже не было любопытно, какие тайны может скрывать кошель, распознающий естественную речь.

В итоге получалось два варианта.

Вариант первый: магия была настолько непонятной, запутанной и непостижимой, что даже если волшебники и волшебницы брались разгадывать её тайны, то они добивались очень малых результатов или же вообще никаких и со временем сдавались. В этом случае у Гарри не было шансов вовсе.

Или...

Гарри с решимостью затрещал суставами пальцев, но вместо зловещего хруста, который эхом отразился бы от стен домов Косого переулка, раздался лишь тихий щёлкающий звук.

Вариант второй: он захватит мир.

Со временем. Вероятно, не сразу.

Это может занять и больше двух месяцев. Маглы не полетели на Луну через неделю после открытия Галилео.

От широкой улыбки уже болели щёки, но Гарри всё никак не мог остановиться.

Он всегда боялся закончить как те вундеркинды, которые в итоге ничего не добились и проводили всю оставшуюся жизнь, хвастаясь тем, какими крутыми они были в десять лет. Впрочем, большинству гениев-взрослых тоже нечем было гордиться. На каждого Эйнштейна в истории приходились тысячи не менее умных людей. Но для достижения подлинного величия им не хватало одной совершенно необходимой вещи, а именно — важной задачи.

Теперь вы мои, — мысленно Гарри охватил стены Косого переулка, все магазины и товары, всех продавцов и покупателей, все

земли и всех людей магической Британии, весь-весь волшебный мир и всю бесконечную великую вселенную, о которой учёные-маглы, как выяснилось, знали гораздо меньше, чем им казалось. *Я, Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес, заявляю свои права на эту территорию во имя Науки.*

К сожалению, никаких признаков грома и молнии, готовых обрушиться с небес, не наблюдалось.

— Почему вы улыбаетесь? — устало поинтересовалась МакГонагалл, с опаской поглядывая на мальчика.

— Я задумался, существует ли заклинание, которое бы создавало вспышку молнии за моей спиной всякий раз, когда я замышляю что-нибудь зловещее, — объяснил Гарри. Он тщательно запомнил свою мысль, чтобы учебники истории в будущем содержали корректную версию.

— Почему-то меня не покидает мысль, что мне следует что-то предпринять по этому поводу, — вздохнула МакГонагалл.

— Не обращайтесь на неё внимания, и она уйдёт. О, какая штука! — Гарри решил пока отставить в сторону мысли о завоевании мира и устремился к магазину с открытой витриной. МакГонагалл последовала за ним.

* * *

Гарри купил ингредиенты для зелий и котёл, а также ещё несколько вещей, которым было самое место в его бездонном мешке (также известном как Супер кошель-скрытень QX31 с чарами незримого расширения и извлечения, а также с расширенным отверстием). Полезные, разумные приобретения — Гарри недоумевал, почему МакГонагалл смотрела на него с таким *подозрением*.

В данный момент они находились в магазине, достаточно дорогом, чтобы находиться на извилистой главной улице Косого переулка. У магазина была открытая витрина из наклонных деревянных полок, на которых лежал товар, охраняемый лишь тусклым серым свечением и молоденькой продавщицей, одетой в укороченный вариант ведьмовской мантии, оставлявшей открытыми её колени и локти.

Гарри изучал волшебный эквивалент аптечки первой помощи, Набор целителя плюс. В него входили: два самозатягивающихся жгута; шприц, наполненный чем-то похожим на жидкое пламя (при использовании происходило сильное замедление циркуляции крови в уколотой части тела на три минуты; насыщение её кислородом

при этом не снижалось, что могло пригодиться для предотвращения распространения яда по организму); белая ткань, которая приглушала боль в обмотанной ею части тела, и ещё множество вещей, о предназначении которых Гарри мог только гадать. Например, «Средство от последствий воздействия дементора», внешне и по запаху напоминавшее обычный шоколад. Или «Анти-чих-сморг», выглядящий как маленькое вибрирующее яйцо, к которому прилагалась инструкция, как засовывать его в чью-нибудь ноздрю.

— Это определённо стоит пяти галлеонов, вы согласны? — спросил Гарри у МакГонагалл. Молодая продавщица, находившаяся рядом, энергично закивала.

Гарри ожидал, что ведьма скажет что-нибудь одобрительное о его благоразумии и предусмотрительности.

Взгляд, который он получил вместо этого, можно было охарактеризовать лишь как злобещий.

— Будьте любезны пояснить, — полным сомнения голосом спросила профессор МакГонагалл, — вы думаете, что вам понадобится набор целителя? (После неприятного случая в магазине ингредиентов она старалась не говорить «мистер Поттер», если кто-то посторонний был рядом.)

Гарри так удивился, что не сразу нашёлся с ответом:

— Я не думаю, что он понадобится! Просто хочу держать под рукой на всякий случай.

— На какой ещё случай?

Гарри широко раскрыл глаза:

— Вы полагаете, я планирую что-то опасное и поэтому хочу купить набор целителя?

Смесь хмурого подозрения и ироничного недоверия на лице МакГонагалл была достаточным ответом.

— Святые угодники! — воскликнул Гарри. (Эту фразу он почерпнул у сумасшедшего учёного Дока Брауна из «Назад в будущее».) — Вы думали так же, когда я покупал зелье замедленного падения, жабросли и пузырьрёк с пилюлями еды и питья?

— Да.

Мальчик покачал головой в изумлении:

— И какой, по-вашему, план я собираюсь осуществить?

— Не знаю, — мрачно произнесла МакГонагалл. — Но он закончится или доставкой тонны серебра в Гринготтс, или мировым господством.

— Мировое господство — такая некрасивая фраза. Предпочитаю называть это мировой оптимизацией.

Его слова почему-то не убедили профессора МакГонагалл, которая по-прежнему мрачно взирала на мальчика.

— Ух ты, — произнёс Гарри, осознав, что она настроена серьёзно. — Вы и правда так думаете. Вы считаете, что я планирую нечто опасное.

— Да.

— Это что, по-вашему, — единственный повод приобрести аптечку первой помощи? Не поймите превратно, профессор МакГонагалл, но кто те сумасшедшие дети, с которыми вы привыкли иметь дело?

— Гриффиндорцы, — с горечью сказала профессор МакГонагалл. Слово прозвучало как проклятие в адрес всех юных, полных энтузиазма героев.

— Заместитель директора профессор МакГонагалл, — отрапортовал Гарри, вытянувшись в струнку. — Я не собираюсь поступать в Гриффиндор.

МакГонагалл вставила непонятное замечание о том, что в противном случае ей бы пришлось найти способ умертвить шляпу, каковое Гарри благоразумно оставил без комментариев, не обращая внимания на внезапный приступ кашля, одолевший продавщицу.

— Я собираюсь в Когтевран. И если вы правда думаете, что я замышляю что-то опасное, значит, при всём уважении, вы вообще меня не понимаете. Мне совершенно не нравится опасность, она просто пугает меня. Я благоразумен. Я осторожен. Я готовлюсь к непредвиденным обстоятельствам. Как пели мне родители: «Будь готов! Вот бойскаута девиз! Будь готов! Не страшись, не суетись! Не стремайся, и не нужно лишних слов: будь готов!» (На самом деле ему пели лишь эти конкретные строчки из песни Тома Лерера, и мальчик находился в блаженном неведении насчёт остальных*.)

МакГонагалл немного расслабилась, особенно когда Гарри упомянул, что собирается поступить в Когтевран.

— И в каком же случае, по вашему мнению, вам может пригодиться аптечка, молодой человек?

— Одну из моих одноклассниц укусил жуткий монстр, и я в безумной спешке роюсь в своём кошельке, пытаюсь найти что-то, что может ей помочь, она печально смотрит на меня и, сделав последний вздох, произносит: «Почему ты не был готов?» Она умирает, и я понимаю, что никогда не буду прощён...

Гарри услышал судорожный вздох продавщицы. Глянув в её сторону, он заметил, что девушка, крепко сжав губы, смотрит на него

широко распахнутыми глазами. Затем она вдруг развернулась и убежала вглубь магазина.

Что?..

Приблизившись, профессор МакГонагалл взяла Гарри за руку и мягко, но настойчиво увела его прочь из Косого переулка, в проход между двумя магазинами, вымощенный грязным кирпичом. Проход заканчивался тупиком — стеной, покрытой толстым слоем чёрной пыли.

Высокая колдунья указала палочкой в сторону переулка и произнесла: «*Квиетус*».

Непроницаемая для звука невидимая сфера опустилась на них, стало тихо.

Что я сделал не так...

Ведьма повернулась и внимательно посмотрела на Гарри. На её лице не было типичного для взрослых Недовольства, лишь сдержанное спокойствие.

— Буду признательна, мистер Поттер, если вы запомните, что менее десяти лет назад в магической Британии шла настоящая война, в которой практически каждый кого-то потерял, и разговаривать об умирающих друзьях сейчас не принято!

— Я... я не хотел, — осознание случившегося камнем ухнуло в исключительно живое воображение Гарри. Он начал рассуждать о чём-то последнем вздохе, и девушка-продавщица убежала, а война закончилась десять лет назад, когда этой девушке было максимум восемь или девять лет, когда, когда... — Простите, я не хотел...

Гарри запнулся и попытался отвернуться и убежать от взгляда МакГонагалл, но на пути была стена, а он ещё не купил волшебную палочку.

— Мне жаль, мне очень жаль!

За спиной послышался тяжёлый вздох:

— Знаю, мистер Поттер.

Гарри осмелился обернуться. Сейчас лицо профессора МакГонагалл казалось лишь печальным.

— Извините, — повторил Гарри, чувствуя себя абсолютно подавленным, — я не должен был так говорить. Что-то подобное случилось и с?..

Он замолчал и вдобавок закрыл рот рукой.

Лицо ведьмы стало ещё печальнее:

— Вы просто обязаны научиться сначала думать, а потом говорить, мистер Поттер. В противном случае у вас вряд ли будет много друзей. Такова судьба многих когтевранцев, надеюсь, что вас она обойдёт стороной.

Гарри хотелось убежать. Хотелось взмахнуть палочкой и стереть этот эпизод из памяти МакГонагалл, вновь вернуться в магазин и не дать произошедшему повториться.

— Но ответу на ваш вопрос — нет, со мной подобного не случилось, — лицо ведьмы исказилось. — Несколько раз друзья умирали у меня на глазах, но они не проклинали меня, и я бы ни за что не подумала, что они меня никогда не простят. Почему, во имя Мерлина, вы сказали такое, мистер Поттер?! Как вы вообще до этого додумались?

— Я... я... — Гарри сглотнул. — Просто я всегда пытаюсь представить худшее, что может произойти.

Вдобавок он просто пошутил, но скорее откусил бы себе язык, чем признался в этом.

— Зачем?!

— Чтобы предотвратить!

— Мистер Поттер... — МакГонагалл замолчала. Затем она вздохнула и присела рядом с Гарри:

— Мистер Поттер, — мягко сказала она, — заботиться об учениках Хогвартса — моя обязанность, а не ваша. Я не позволю, чтобы с вами или с кем-либо другим произошло что-то плохое. Хогвартс — самое безопасное место во всей магической Британии, и у мадам Помфри есть полный набор целителя. Вам не нужна аптечка, тем более за пять галлеонов.

— Нет, нужна! — взорвался Гарри. — Совершенно безопасных мест не бывает! А если у моих родителей случится сердечный приступ или произойдёт несчастный случай, когда я приеду к ним на Рождество? Ведь мадам Помфри не будет рядом. Мне нужна своя собственная аптечка...

— Что, во имя Мерлина...

МакГонагалл встала. Весь её вид выражал смешанное чувство беспокойства и раздражения.

— Вы не должны думать о таких ужасах, мистер Поттер!

Лицо Гарри исказилось от горечи:

— Нет, должен! Если не думать об этом, то можно навредить не только себе, но и окружающим!

Профессор МакГонагалл открыла было рот, но тут же его закрыла. Она потёрла переносицу и задумчиво посмотрела на Гарри.

— Мистер Поттер... если я предложу молча вас выслушать... есть ли что-то, о чём бы вы хотели со мной поговорить?

— О чём, например?

— Например, почему вы убеждены, что всегда должны быть настороже?

Гарри недоуменно посмотрел на профессора. Это же самоочевидная аксиома.

— Ну... — протянул Гарри. Он попытался собраться с мыслями. Какое можно дать объяснение МакГонагалл, если она даже не знает основ? — Учёные-маглы выяснили, что люди всегда настроены излишне оптимистично: они говорят, что какой-то процесс займёт два дня, а на самом деле уходит десять, или говорят — два месяца, а уходит больше тридцати пяти лет. Или, например, проводился опрос учащихся, к какому сроку они уверены на 50%, 75% и 99%, что завершат домашнюю работу. И лишь 13%, 19% и 45% из них завершают её к указанному времени. Учёные обнаружили причину. Испытуемых попросили описать идеальный и типичный варианты развития событий. И полученные описания были практически одинаковы. Если вы попросите человека спланировать что-то на будущее, то он обычно, представляя себе наиболее вероятный ход событий, забывает про возможность ошибок или неожиданностей. Большинство испытуемых не закончили работу к сроку, в котором были уверены на 99%, так что фактические результаты оказались хуже даже наихудшего сценария. Такой феномен называется «ошибкой планирования»*, и лучший способ её избежать — учитывать, сколько времени занимало выполнение какой-либо работы в прошлом. То есть смотреть на процесс со стороны. Если же вы взялись за что-то впервые и существует возможность неудачи, вы должны быть очень-очень-очень пессимистично настроены. Настолько пессимистично, чтобы результаты точно превосходили ожидания. Я, например, прилагаю огромные усилия, чтобы представить мрачную картину того, как одного из моих одноклассников укусит монстр, но ведь на самом деле может случиться и так, что выжившие Пожиратели Смерти нападут на школу, чтобы схватить меня. Хорошо, что...

— Довольно, — перебила МакГонагалл.

Гарри замолчал. Он только собирался добавить, что они, по крайней мере, знают, что Тёмный Лорд не нападёт, потому что он мёртв.

— Я, возможно, недостаточно ясно выразилась, — осторожно сказала МакГонагалл. — Случалось ли лично с вами что-то, что вас испугало?

— Мой личный опыт тут не столь важен, — ответил Гарри. — Это свидетельство гораздо меньшей силы, чем цитируемая статья в рецензируемом журнале, которая описывает слепое воспроизводимое

исследование на большой выборке, показавшее заметные результаты с большой статистической значимостью.

МакГонагалл сжала переносицу пальцами, вдохнула и выдохнула:

— Я всё равно хотела бы послушать.

— М-м, — озадачился Гарри и, набрав воздуха, начал рассказывать. — Одно время в нашем районе происходили ограбления, а моя мама попросила отнести одолженную сковородку её хозяину, жившему в двух кварталах от нас. Я сказал, что не буду этого делать, потому что не хочу, чтобы меня ограбили. Тогда она сказала: «Гарри, не надо так говорить!» Как будто если я так скажу, то меня точно ограбят. Я попытался объяснить ей это, но она всё равно заставила меня отнести сковородку. Я был слишком мал, чтобы знать, насколько статистически маловероятно нападение на меня грабителя, но я был достаточно взрослым, чтобы понять — нечто плохое может с тобой случиться, независимо от того, думаешь ты об этом или нет. Поэтому я был очень напуган.

— Всё? — спросила МакГонагалл, заметив, что мальчик закончил рассказ. — Ещё что-нибудь с вами случилось?

— Я понимаю, может показаться, что я нервничал по пустякам, — попытался защититься Гарри. — Но это был один из переломных моментов в жизни, понимаете? В том смысле, что я ведь знал, что нечто плохое может случиться, даже если об этом не думать. Я знал, но видел, что мама думает совершенно по-другому, — Гарри замолчал, борясь с вновь появившимся гневом. — Она совсем меня не слушала. Я пытался объяснить, я буквально умолял не отправлять меня к соседу, а она отмахнулась, смеясь надо мной. Всё, что я говорил, она воспринимала как какую-то шутку... — Гарри снова сдержал поднимающуюся в нём ярость. — Именно тогда я понял, что те люди, которые должны меня оберегать, на самом деле сумасшедшие. Как бы я ни умолял, они ко мне не прислушиваются, а значит, полагаться на них я не могу.

Иногда благих намерений недостаточно, иногда нужно быть в здравом уме.

Наступила долгая пауза.

Гарри сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Причин злиться нет. Абсолютно все родители одинаковы, взрослые никогда не снисходят до уровня ребёнка, и его биологические родители не оказались бы исключением. Здравый рассудок подобен искре в ночи, чрезвычайно редкое исключение, бесконечно малая величина в подавляющей массе безумия, поэтому злиться бессмысленно.

Гарри не любил злиться.

— Спасибо, что поделились своими переживаниями, мистер Поттер, — спустя некоторое время сказала МакГонагалл. На её лице было задумчивое выражение (почти такое же, как у Гарри, когда он экспериментировал с кошелём, но у него не было зеркала, чтобы заметить сходство), — я должна обдумать это.

Она повернулась к аллее и подняла палочку.

— Эм, теперь мы можем купить набор целителя? — спросил Гарри.

МакГонагалл замерла, потом, повернувшись, спокойно посмотрела на него:

— А если я скажу — нет, это слишком дорого, и он вам не понадобится?

Гарри с горечью поморщился:

— Вы всё поняли правильно, профессор МакГонагалл. Вы всё поняли совершенно правильно. Тогда я сочту вас очередным безумным взрослым, с которым я не могу общаться, и начну придумывать, как заполучить набор целителя другим путём.

— Я опекаю вас в этом путешествии, — в голосе МакГонагалл вновь послышалась угроза, — и не позволю собой помыкать.

— Понимаю, — сказал Гарри. Он не выдал голосом обиды и не высказал вслух ни одной из своих мыслей по этому поводу. МакГонагалл научила его сначала думать, а потом говорить. Он, может, и забудет об этом уроке завтра, но уж на пять минут его памяти хватит.

Волшебница взмахнула палочкой, и звуки Косого переулка вернулись.

— Ладно, молодой человек, пойдёмте купим набор целителя.

Гарри от удивления открыл рот. Затем, спотыкаясь, поспешил за профессором.

* * *

За время их отсутствия в магазине ничего не изменилось. Товары, предназначение части которых оставалось неизвестным, по-прежнему покоились на наклонных деревянных витринах, охраняемые серым свечением и девушкой-продавщицей, которая вернулась на своё место. При их приближении на её лице появилось удивление.

— Извините меня, — сказала она, когда они подошли ближе.

— Простите меня за... — начал Гарри в тот же самый момент.

Они замолчали и посмотрели друг на друга, девушка коротко засмеялась.

— Я не хотела, чтобы из-за меня у вас были проблемы с профессором МакГонагалл, — и заговорщицки добавила, — надеюсь, она обошлась с вами не слишком строго.

— Делла! — возмутилась МакГонагалл.

— Мешочек золота, — потребовал Гарри у своего кошель и, отсчитав пять галлеонов, посмотрел на продавщицу.

— Не волнуйтесь, я понимаю, она строга, потому что любит меня.

Он отдал девушке галлеоны, а МакГонагалл пробормотала уже ненужное:

— Один «Набор целителя плюс», пожалуйста.

Оставалось только удивляться, наблюдая, как кошель с расширенным отверстием поглощает аптечку размером с портфель. Гарри против воли задумался, что будет, если залезть в кошель, ведь единственный человек, способный вызволить его оттуда, — он сам.

Гарри был готов поклясться, что услышал тихое урчание, после того как кошель закончил... есть... с таким трудом добытую покупку. Это определённо должно быть частью чар. Альтернативную гипотезу было слишком страшно обдумывать. Впрочем, Гарри не мог даже предположить эту альтернативную гипотезу. Он повернулся к МакГонагалл:

— Куда дальше?

Профессор указала на магазин, который, казалось, был сделан из плоти вместо кирпичей и покрыт мехом вместо краски.

— В Хогвартсе разрешено держать маленьких животных. Вы, например, могли бы приобрести сову, чтобы отправлять почту...

— А я могу заплатить кнат или около того и взять сову напрокат, если мне понадобится послать письмо?

— Да, — ответила МакГонагалл.

— Тогда мой ответ — решительное «нет».

МакГонагалл кивнула и как бы мимоходом поинтересовалась:

— Могу я спросить, почему нет?

— Однажды у меня жил камень. Он умер*.

— Вы считаете, что не сможете позаботиться о своём питомце?

— Смог бы, — ответил Гарри, — но тогда меня бы целый день мучил вопрос, накормил ли я его, или он медленно умирает от истощения в своей клетке, пытаюсь понять, куда же делся его хозяин и почему нет еды.

— Не позавидуешь сове, забытой подобным образом... — сочувственно сказала МакГонагалл. — Что же она будет делать?

— Вероятно, сильно проголодавшись, она начнёт выбирать-ся из клетки или коробки с помощью когтей. И, скорее всего, безрезультатно.

Гарри вдруг прервался, а МакГонаггалл продолжила всё с тем же сочувствием в голосе:

— И что же случилось бы с ней после этого?

— Извините, — сказал Гарри. Он взял МакГонаггалл за руку и мягко, но настойчиво повёл её в очередной закоулок (после всех увиваний от доброжелателей, эта процедура стала привычной). — Пожалуйста, используйте тот приём с Квиетусом.

— *Квиетус.*

Голос Гарри дрожал:

— Сова не олицетворяет меня, мои родители никогда не записали меня голодным в чулане, у меня точно нет подсознательного страха, что меня бросят, и мне не нравится ход ваших мыслей, профессор МакГонаггалл!

Ведьма посмотрела на него:

— О чём вы говорите, мистер Поттер?

— Вы думаете, — Гарри было трудно говорить об этом, — что я был жертвой жестокого обращения?

— А вы были?

— Нет! — крикнул Гарри. — Никогда не был! Думаете, я дурак? Я прекрасно знаком с понятием насилия над детьми, я знаю о недопустимых прикосновениях и прочих подобных вещах, и, если бы со мной случилось что-то подобное, я бы вызвал полицию! И рассказал школьному директору! И посмотрел номера государственных организаций в телефонном справочнике! И сказал бабушке и дедушке, и миссис Фигг! Но мои родители никогда ничего такого не делали! Как вы смеете предполагать подобное!

МакГонаггалл смотрела на него с олимпийским спокойствием:

— В мои обязанности заместителя директора входит расследование возможных признаков жестокого обращения с доверенными мне детьми.

С каждым словом гнев Гарри всё больше выходил из-под контроля, превращаясь в чистую, тёмную ярость:

— Не смейте даже заикаться о подобных... подобных инсинуациях! Никогда! Никогда, вы слышите меня, МакГонаггалл? Такие обвинения иногда уничтожают людей и разрушают семьи, даже если родители абсолютно невиновны! Я читал об этом в газетах! — Голос Гарри становился всё выше, превращаясь в крик. — Система не знает, как остановиться, она не верит ни родителям, ни даже детям, которые

говорят, что ничего не было! Не смейте угрожать этим моей семье!!! Я не позволю вам её разрушить!!!

— Гарри, — мягко произнесла МакГонаггалл, протягивая ему руку. Мальчик сделал быстрый шаг назад и оттолкнул её.

МакГонаггалл замерла, убрала руку и отступила.

— Гарри, всё в порядке, — успокоила его ведьма, — я вам верю.

— В самом деле? — прошипел он. Ярость всё ещё бурлила в крови. — Или вы только ждёте момента, чтобы, избавившись от меня, заполнить соответствующие бумаги?

— Гарри, я видела ваш дом. И ваших родителей. Они любят вас. Вы любите их. Я верю, когда вы говорите, что они не обращались с вами жестоко. Но я должна была спросить из-за некоторых странностей.

Гарри холодно посмотрел на неё:

— Каких, например?

МакГонаггалл вздохнула:

— Гарри, за время пребывания в Хогвартсе я видела многих детей, подвергавшихся насилию. Ваше сердце разбилось бы, если бы вы знали, сколько их было. Когда вы радуетесь, вы совсем не похожи на тех детей. Вы приветливы с незнакомыми людьми, вы пожимаете им руки. Когда я положила вам руку на плечо, вы не вздрогнули. Но иногда, только иногда, вы говорите и поступаете так, будто на самом деле вы провели первые одиннадцать лет своей жизни запертым в подвале. Не в любящей семье, которую я видела.

МакГонаггалл склонила голову, её лицо снова приобрело задумчивый вид.

Гарри осмысливал сказанное. Тёмная ярость уходила прочь по мере того, как до него доходило, что его внимательно выслушали и что его семье ничто не угрожает.

— И как вы объясняете свои наблюдения, профессор МакГонаггалл?

— Я не знаю, — сказала она, — но, возможно, имело место что-то, чего вы не помните.

Гарри вновь ощутил поднимающийся гнев. Это было слишком похоже на фразу из газетных статей о распавшихся семьях.

— Вытесненные воспоминания — это псевдонаучное понятие!*

Люди не подавляют травмирующие воспоминания, наоборот, они слишком хорошо помнят их всю свою жизнь!

— Нет, мистер Поттер. Я имею в виду заклинание *Обливиэйт*.

Гарри застыл на месте:

— Заклинание, стирающее память?

МакГонаггалл кивнула:

— Но не все ощущения, если вы понимаете, куда я клоню, мистер Поттер.

Мурашки пробежали по спине Гарри. Такую гипотезу... опровергнуть было очень просто.

— Но мои родители не могли так поступить!

— Не могли, — сказала МакГонагалл, — только волшебники способны на это. И боюсь, что точно узнать не получится...

В Гарри снова начали пробуждаться навыки рационалиста.

— Профессор МакГонагалл, насколько вы уверены в верности результатов ваших наблюдений? Может, есть альтернативное объяснение?

МакГонагалл развела руками, словно демонстрируя, что в них ничего нет.

— Уверена? Я уже ни в чём не уверена, мистер Поттер. За всю свою жизнь я не встречала никого, кто был бы похож на вас. Иногда кажется, что вам далеко не одиннадцать лет, а иногда — что, может быть, в вас вообще есть что-то нечеловеческое.

Брови Гарри подскочили высоко вверх.

— Прошу прощения, — быстро сказала МакГонагалл, — извините, я попыталась озвучить своё мнение, но получилось не совсем так, как я думаю.

— Совсем наоборот, профессор МакГонагалл, — возразил Гарри и медленно улыбнулся, — для меня ваша фраза — прекрасный комплимент. Вы не возражаете, если я предложу альтернативное объяснение?

— Извольте.

— Дети не должны быть гораздо умнее родителей — так уж они устроены, — начал Гарри. — Или, скорее, гораздо рассудительнее, ведь отец наверняка смог бы меня переспорить, если бы попытался, а не использовал свой опыт и интеллект главным образом на то, чтобы находить всё новые причины не менять свои убеждения. — Гарри на минуту умолк. — Я слишком умён, профессор. Обычные дети мне не ровня, а взрослые не уважают как разумного собеседника. И, если честно, даже снизойди они до разговора, до Ричарда Фейнмана им далеко, так что я с куда большим удовольствием читаю его книгу. Я сам по себе, профессор МакГонагалл. Я всю свою жизнь провёл в изоляции. Возможно, это в некотором роде похоже на закрытый подвал. И я слишком умён, чтобы слепо верить родителям, как подобает нормальному ребёнку. Я знаю, что родители меня любят, но при этом они легко отказываются прислушиваться к гласу рассудка, и тогда мне кажется, что это они — дети, которые не хотят ничего слушать, и в то же время у них в руках абсолютная

власть над всем моим существованием. Я не хочу на это обижаться, но я стараюсь быть честным хотя бы с самим собой — так что да, мне горько от этого. Кроме того, я плохо справляюсь со злостью, но над этим я работаю. Вот и всё.

— Это точно всё?

Гарри утвердительно кивнул:

— Это всё. Уверен, профессор МакГонагалл, даже в магической Британии нормальное объяснение заслуживает хотя бы внимания?

* * *

Летнее солнце уже клонилось к горизонту, покупателей на улицах становилось всё меньше. Некоторые магазины закрылись. Гарри и профессор МакГонагалл едва успели купить учебники во «Флориш и Блоттс». (Там Гарри первым делом взял «Арифметику» и был потрясён, обнаружив, что учебник за седьмой курс не содержит ничего сложнее тригонометрии.)

Впрочем, в данный момент мысли о легкодоступных плодах исследования магии не беспокоили его разум: они только что вышли из магазина Олливандера и Гарри во все глаза смотрел на свою волшебную палочку. Он взмахнул ею, вызвав сноп разноцветных искр, что, конечно, не должно было удивлять столь сильно после всех увиденных чудес, но тем не менее...

Я могу творить волшебство.

Я, лично. Я обладаю магическим даром. Я — волшебник.

Он почувствовал, как магия разливается по телу, и вдруг осознал, что был знаком с этим ощущением всю свою жизнь. Его нельзя было увидеть, услышать, учуять, потрогать или попробовать на вкус. Это была магия. Всё равно что иметь глаза, но всегда держать их закрытыми, не понимая, что видишь темноту, а потом однажды открыть их и увидеть мир. Дрожь от этого осознания прошла по его телу, пробуждая его, а потом всё прошло — осталось лишь знание того, что он волшебник, и всегда им был, и в каком-то смысле всегда знал это.

И...

«Весьма любопытно, что эта палочка выбрала вас, потому что её сестра в ответе за ваш шрам».

Это точно не могло быть совпадением. В магазине продавались тысячи палочек. Нет, возможно и совпадение: в мире шесть миллиардов людей и совпадения с вероятностью тысяча к одному случаются каждый день. Но теорема Байеса (в упрощённом виде) в данном

случае гласила: предпочтение должно быть отдано любой гипотезе, согласно которой вероятность того, что ему достанется сестра палочки Тёмного Лорда, выше одной тысячной*.

МакГонагалл просто сказала: «Как странно», — повергнув Гарри в состояние полнейшего шока, вызванного чрезвычайной невнимательностью волшебников и ведьм. Ни в одном из воображимых миров Гарри не мог бы сказать «Хм» и уйти, совершенно не попытавшись выдвинуть гипотезу о произошедшем.

Он поднял левую руку и дотронулся до шрама.

Но какую именно...

— Теперь вы — настоящий волшебник, — слегка склонила голову МакГонагалл. — Примите мои поздравления.

Гарри кивнул.

— У вас уже сложилось мнение о магическом мире?

— Странно, — протянул Гарри, — мне надо бы думать о магии, которую я увидел... о вещах, которые стали возможными, о том, что оказалось ложью, о работе, которую мне предстоит проделать, чтобы всё понять. А вместо этого я отвлекаюсь на третьестепенные банальности вроде, — Гарри понизил голос, — Мальчика-Который-Выжил.

Рядом никого не было, но не стоило искушать судьбу.

МакГонагалл хмыкнула:

— Правда? По вам не скажешь.

Гарри кивнул:

— Да. Просто это... так необычно. Обнаружить, что ты являешься частью грандиозной истории, финалом которой будет поражение великого и ужасного Тёмного Лорда, и что история эта уже закончилась. Завершилась. Совсем. Как будто ты Фродо Бэггинс, но выяснилось, что твои родители свозили тебя на Роковую Гору, когда тебе был год от роду, и ты даже не помнишь, как выбросил Кольцо*.

На лице МакГонагалл застыла улыбка.

— Знаете, если бы я был кем-нибудь другим, то, вероятно, был бы сильно обеспокоен подобными стартовыми условиями. «Господи, Гарри, что ты сделал с тех пор, как победил Тёмного Лорда? Открыл книжный магазин? Здорово! А я назвал своего сына в твою честь». В моём случае это проблемой, полагаю, не будет, — вздохнул Гарри, — и всё же... от таких мыслей у меня почти появилось желание, чтобы у этой истории был открытый финал. Тогда я потом смогу сказать, что действительно принимал в ней хоть какое-то участие.

— Да? — странным тоном сказала МакГонагалл. — Каким образом?

— Ну, например, вы упомянули, что моих родителей предали. Кто их предал?

— Сириус Блэк, — ответила МакГонаггал. Она почти прошипела это имя. — Он в Азкабане. Тюрьме для волшебников.

— Какова вероятность, что Сириус Блэк сбежит из заключения и мне придётся выследить его и победить в блестящей дуэли или, что даже лучше, назначить за его голову большое вознаграждение и спрятаться в Австралии, ожидая результатов?

МакГонаггал моргнула. Дважды.

— Почти никакой. Никто никогда не сбежал из Азкабана, и я сомневаюсь, что именно он станет первым.

Гарри скептически воспринял фразу «никто никогда не сбежал из Азкабана». Впрочем, вероятно, при помощи магии можно подойти вплотную к созданию стопроцентно идеальной тюрьмы, особенно если у тебя есть палочка, а у заключённых — нет. В таком случае, для того чтобы сбежать оттуда, в первую очередь не стоит туда попадать.

— Ладно, — сказал Гарри, — звучит довольно убедительно, — он вздохнул, почесав затылок. — А если так: Тёмный Лорд не погиб той ночью на самом деле. Не окончательно. Его дух продолжает жить, нащёптывая людям кошмары, просачивающиеся в реальность, и ищет способ вернуться в мир живых, который он поклялся уничтожить, и теперь, согласно древнему пророчеству, он и я должны сойтись в смертельной дуэли. Победитель станет проигравшим, а побеждённый восторжествует...

МакГонаггал вертела головой, бросая взгляды в разные концы улицы в поисках случайных слушателей.

— Я пошутил, профессор МакГонаггал, — немного раздражённо сказал Гарри. Господи, почему она всегда всё воспринимает всерьёз...

Медленно, но верно внутри созревала некая догадка.

МакГонаггал спокойно посмотрела на Гарри. Очень спокойно. А затем натянуто улыбнулась:

— Конечно, пошутили, мистер Поттер.

О чёрт.

Если бы Гарри нужно было проговорить логическую цепочку, мгновенно вспыхнувшую у него в голове, получилось бы что-то вроде: «Взвесим две вероятности. Первая: увиденное есть результат самоконтроля МакГонаггал. Вторая: увиденное — одна из естественных реакций МакГонаггал на плохую шутку. Результат: высокая вероятность того, что профессор что-то скрывает».

Но вместо этого он просто подумал: «*О чёрт*».

Гарри огляделся — поблизости никого не было.

— Сами-Знаете-Кто жив, да? — сказал он со вздохом.

— Мистер Поттер...

— Тёмный Лорд жив. Ну конечно. Крайне оптимистично было даже мечтать об обратном. Я, должно быть, выжил из ума. Как я вообще мог на это надеяться? Из-за того, что кто-то сказал, будто от Тёмного Лорда остался лишь пепел, я решил, что он действительно мёртв. Мне определённо ещё учиться и учиться искусству истинного пессимизма.

— Мистер Поттер...

— Хотя бы скажите, что нет никакого пророчества...

На лице МакГонагалл была всё та же широкая, застывшая улыбка.

— О нет, вы шутите?!

— Мистер Поттер, не придумывайте лишних поводов для беспокойства...

— Вы действительно хотите, чтобы я выкинул это из головы? Представьте мою реакцию позднее, когда я всё-таки узнаю, что мне есть о чём беспокоиться.

Улыбка МакГонагалл дрогнула.

Гарри опустил плечи:

— Мне предстоит исследовать весь волшебный мир. У меня просто нет времени ещё и на это.

Они прервали разговор, ожидая, пока человек в оранжевой мантии, появившийся в переулке, пройдёт мимо. МакГонагалл проводила его взглядом. Гарри напряжённо, до крови кусал губы.

Когда мужчина наконец-то отошёл подальше, мальчик снова зашептал:

— Теперь вы расскажете мне правду, профессор МакГонагалл? И не пытайтесь отмахнуться, я не дурак.

— Вам всего одиннадцать лет, мистер Поттер! — прошипела в ответ профессор.

— И поэтому со мной можно не считаться. Извините... на минуту я даже забыл об этом.

— Это очень важная и опасная информация! Она секретна, мистер Поттер! Вы уже знаете слишком много! Никому ничего не рассказывайте, понятно? Никому!

Иногда, когда Гарри был достаточно зол, он не впадал в ярость, а, наоборот, становился до ужаса спокойным. Его разум с холодной ясностью перебрал возможные варианты разговора и оценил их последствия.

Сказать, что у меня есть право знать, — ошибка. МакГонагалл считает, что одиннадцатилетние дети не должны знать всё.

Заявить, что вы большие не друзья, — ошибка. Она недостаточно ценит вашу дружбу.

Заметить, что я подвергнусь опасности, если ничего не буду знать, — ошибка. Планы уже основаны на моём неведении. Пересмотр плана принесёт определённые неудобства, вместо моих неопределённых перспектив попасть в беду.

Призывы к справедливости и благоразумию не принесут пользы. Нужно предложить МакГонагалл то, что она хочет, или найти то, чего она боится.

Aga!

— Хорошо, профессор, — холодно начал Гарри, — тогда поступим так. Я буду держать рот на замке, но в обмен вы расскажете мне всю правду. Или же вы можете попытаться оставить меня в неведении, используя как пешку в игре, но тогда я вам ничего не могу обещать.

— Да как вы смеете!

— Нет, это как вы смеете! — огрызнулся Гарри в ответ.

— Вы меня шантажируете?!

Его губы искривились:

— Я делаю вам настоящее одолжение. Я даю вам шанс сохранить ваши драгоценные секреты. Если откажетесь, то я, естественно, начну искать информацию в других местах — не для того, чтобы досадить вам, а потому что я просто должен знать! Оставьте вашу бессмысленную злость на ребёнка, который, как вы считаете, должен вас слушаться, и вы поймёте, что любой взрослый на моём месте поступил бы так же! Посмотрите на ситуацию с моей стороны! Как бы вы себя чувствовали, будучи на моём месте?!

МакГонагалл тяжело дышала. Гарри решил, что пришло время чуть ослабить давление, дать ей время подумать.

— Необязательно решать всё прямо сейчас, — сказал Гарри спокойнее. — Я понимаю, вам нужно время, чтобы обдумать моё... предложение. Но хочу вас кое о чём предупредить, — он снова перешёл на холодный тон. — Не пытайтесь использовать на мне чары Обливиизит. Некоторое время назад я придумал сигнал и уже отправил его самому себе. Когда этот сигнал до меня дойдёт, а я не вспомню, как посылал его... — Гарри многозначительно замолчал.

На лице МакГонагалл отразилась смешанная гамма чувств.

— Я и не думала об этом, мистер Поттер... Но для чего вы вообще избрали подобный сигнал, если вы даже не знали о...

— Я размышлял об этом, когда читал одну научно-фантастическую книгу, и решил на всякий случай... И нет, я не расскажу вам, что это за сигнал, я не настолько глуп.

— Я и не собиралась спрашивать, — сказала МакГонагалл. Она задумалась о чём-то своём и вдруг будто постарела и осунулась. — У нас был тяжёлый день, мистер Поттер. Давайте купим вам сундук и закончим на этом? Надеюсь, вы никому ничего не расскажете, пока я всё не обдумаю. Запомните, что об этом знают ещё лишь два человека — директор Альбус Дамблдор и профессор Северус Снейп.

Хм. Новая информация. Похоже на предложение перемирия.

Гарри кивнул и двинулся из переулкa, постепенно успокаиваясь.

— Так, теперь мне нужно найти способ уничтожить бессмертного Тёмного волшебника, — сказал он и разочарованно вздохнул. — Лучше бы вы сказали об этом до того, как мы пошли за покупками.

* * *

Магазин сундуков выглядел богаче, чем все предыдущие. Роскошные шторы с изящным рисунком, пол и стены из морёного дерева, сундуки на своих почётных местах — на постаментах из слоновой кости. Продавец был одет в мантию, которая по качеству почти не уступала мантии Люциуса Малфоя, а его речь была изысканной и вкрадчивой.

Гарри задал несколько вопросов и направился к тяжёлому на вид деревянному сундуку. Его поверхность не была отполирована, но на ощупь казалась тёплой и прочной. На нём был вырезан дракон, следящий глазами за каждым, кто к нему приближался. Сундук был снабжён чарами, которые делали его лёгким, заставляли сжиматься по команде и отрачивать маленькие когтистые щупальца, чтобы багаж мог следовать за хозяином*. С каждой стороны сундука было по два выдвижных отделения — все они оказались размером с целый сундук. А крышка запиралась на четыре замка, каждый из которых открывал различное внутреннее пространство. И, что самое важное, в нижней части скрывался небольшой отсек — в нём находилась лестница, ведущая в маленькую освещённую комнату. По приблизительным подсчётам, в ней поместилось бы около двенадцати книжных шкафов.

Гарри не понимал, зачем магам нужны дома, если в волшебном мире производят такие сундуки?

Сто восемь галлеонов. Именно столько стоил хороший, почти новый сундук. При курсе пятьдесят к одному за эти деньги можно было купить подержанный автомобиль. Эта покупка могла стать самой дорогостоящей за всю жизнь Гарри.

Девяносто семь галлеонов. Столько осталось от суммы, которую разрешили взять из Гринготтса.

МакГонаггал выглядела огорчённой. В конце дня, проведённого за покупками, она не спросила, сколько золота осталось. Значит, профессор могла совершать математические вычисления в уме. В очередной раз Гарри напомнил себе, что «неграмотный в науке» и «глупый» — совершенно разные вещи.

— Простите, мистер Поттер, — сказала МакГонаггал. — Это моя вина. Я бы предложила вам ещё раз зайти в Гринготтс, но банк сейчас открыт только для экстренных операций.

Гарри посмотрел на неё, размышляя...

— Что же, — вздохнула профессор МакГонаггал, поворачиваясь к выходу, — полагаю, нам придётся уйти.

...Она не вышла из себя, когда ребёнок осмелился ей перечить. Её это не обрадовало, но она попыталась понять, а не разразилась гневной тирадой. Возможно, причина лишь в том, что ей нужно, чтобы Гарри по доброй воле сражался с бессмертным Тёмным Лордом. Но большинство взрослых даже это бы не остановило. Если бы кто-то с более низким статусом отказался подчиняться, они бы даже не задумались о последствиях...

— Профессор? — обратился Гарри.

Ведьма повернулась к нему.

Гарри глубоко вдохнул. Ему нужно немного злости, чтобы сделать задуманное, потому что храбрости у него всё равно не найдётся.

Она меня не слушала, — накручивал себя Гарри. — *Я бы взял больше золота, но она же не слушала.*

Он полностью сосредоточился на МакГонаггал и на желании увести беседу в нужное русло.

— Профессор, вы думали, что сотни галлеонов будет более чем достаточно для покупки сундука. И поэтому вы не потрудились предупредить меня, когда осталось всего девяносто семь монет. Именно о таком способе мышления говорится в научных исследованиях. Вот что случается, когда люди считают, что они оставили себе некоторый «запас прочности». Люди недостаточно пессимистичны. Если бы это зависело от меня, я бы взял двести галлеонов — просто на всякий случай. В хранилище была уйма

денег, и излишек я мог бы вернуть позже. Но я думал, что вы мне не разрешите. Я думал, что вы рассердитесь, даже если я просто попрошу об этом. Я был не прав?

— Вынуждена признать, что вы были правы, — ответила профессор МакГонагалл. — Тем не менее, молодой человек...

— Именно поэтому мне сложно доверять взрослым, — каким-то образом Гарри заставил свой голос не дрожать. — Они сердятся, даже если ты всего лишь пытаешься их убедить. Для них это дерзость, нахальство и попытка оспорить их более высокий статус в племени. Если с ними пытаться разговаривать, они сердятся. Поэтому, если бы мне потребовалось сделать что-то по-настоящему важное, я бы не смог доверять вам. Даже если бы вы меня внимательно выслушали — ведь роль серьёзного взрослого это тоже предписывает — ваши поступки всё равно бы не изменились. Что бы я ни сказал, вы бы не стали действовать по-другому.

Продавец наблюдал за разговором с нескрываемым любопытством.

— Я могу понять вашу точку зрения, — наконец сказала профессор МакГонагалл. — Если вам иногда кажется, что я слишком строга, пожалуйста, не забывайте, что я — декан Гриффиндора, и временами у меня появляется ощущение, что я занимаю эту должность тысячи лет.

Гарри кивнул и продолжил:

— Ну что ж... Предположим, я нашёл способ достать ещё денег из моего хранилища, не возвращаясь в Гринготтс, но для этого мне придётся выйти из роли послушного ребёнка. Могу ли я вам его продемонстрировать, несмотря на то что вам, для того чтобы им воспользоваться, придётся выйти за пределы роли профессора МакГонагалл?

— Что? — переспросила профессор.

— Другими словами, если бы я мог изменить сегодняшний день так, чтобы у нас хватило денег, но при этом получилось бы, что ребёнок проявил дерзость по отношению к взрослому, вас бы это устроило?

— Наверное... — ведьма выглядела весьма озадаченной.

Гарри достал кошель-скрытень и сказал:

— Одиннадцать галлеонов из семейного хранилища, пожалуйста.

В руке тут же появилось золото.

На мгновение рот профессора МакГонагалл широко раскрылся и тут же захлопнулся. Ведьма нахмурилась и процедила:

— Где вы взяли?..

— Как я и сказал — из семейного хранилища.

— Как?

— Магия.

— Но это не ответ! — воскликнула профессор МакГонагалл и замолчала, моргнув.

— Вот и я о том же. Я мог бы заявить, что экспериментальным путём открыл тайну устройства кошель и теперь из него можно доставать предметы отовсюду, не только изнутри, если правильно сформулировать запрос. Но на самом деле когда я упал на кучу монет, то засунул несколько монет в карман. Любой, кто разбирается в пессимизме, знает, что деньги должны быть всегда под рукой. Так злитесь ли вы теперь на то, что я поставил под сомнение ваш авторитет? Или рады, что мы преуспели в выполнении важной задачи?

Глаза продавца округлились.

МакГонагалл не проронила ни слова.

— В Хогвартсе необходимо соблюдать дисциплину, — наконец заговорила она. — Ради блага всех учеников. Дисциплина включает в себя вежливость и послушание всем профессорам.

Гарри склонил голову:

— Понимаю, профессор.

— Хорошо. Тогда покупаем сундук и идём домой.

Гарри хотелось закричать, рассмеяться, упасть в обморок — что угодно. Впервые в жизни его слова повлияли на взрослого. Да что говорить, хоть на кого-то. Возможно, потому, что впервые речь шла о чём-то действительно серьёзном, но всё же...

Минерва МакГонагалл, +1 балл.

Гарри кивнул и передал мешочек с золотом и 11 галлеонов профессору.

— Оставляю это вам. Мне нужно воспользоваться уборной. Не подскажете, где?..

Продавец тут же нарочито вежливо указал на дверь с золотой ручкой.

Когда Гарри уходил, он расслышал еле слышимый голос продавца:

— Могу я поинтересоваться, кто это, мадам МакГонагалл? Я так понимаю, слизеринец. Возможно, третьекурсник из знатной семьи, но я никак не могу его узнать...

Гарри не услышал окончания, потому что захлопнул дверь туалета. Он нащупал задвижку и запер дверь, после чего схватил волшебное самоочищающееся полотенце и дрожащими руками стёр пот со лба. Испарина покрывала всё его тело, его магловская одежда промокла, но, к счастью, под мантией этого не было видно.

Солнце уже садилось, и вообще было довольно поздно. Они снова стояли во внутреннем дворе «Дырявого котла» — крохотной, пустынной, засыпанной листьями границе между Косым переулком магической Британии и огромным магловским миром. (С экономической точки зрения эти две части были ужасно разделены, но всё-таки едины...) Гарри собирался найти на магловской стороне телефон-автомат и позвонить отцу. По всей видимости, ему не стоило беспокоиться, что покупки украдут. Приобретённый сундук относился к классу высших магических предметов, а значит, большинство маглов его даже не заметит. Купив вещь стоимостью в подержанный авто в магическом мире, вы можете рассчитывать на подобные бонусы.

— Здесь наши пути расходятся. На определённое время, — сообщила профессор МакГонаггал и удивлённо покачала головой. — Этот день был самым странным из всех в моей жизни за много лет. С того дня, как я узнала о победе ребёнка над Сами-Знаете-Кем. И сейчас, оглядываясь на прошлое, я задаюсь вопросом: не был ли тот день последним нормальным в истории?

Как будто ей есть на что жаловаться. У вас был странный день? У меня тем более.

— Вы меня сегодня поразили, — сказал Гарри в ответ. — Нужно было не забыть сделать вам комплимент вслух: я начислял вам баллы в уме и тому подобное...

— Благодарю вас, мистер Поттер. Если бы вы уже были на каком-нибудь факультете, я бы вычла столько баллов, что даже ваши внуки продолжали бы проигрывать Кубок Школы.

— Благодарю вас, профессор.

Наверное, слишком рано называть её Минни.

Эта женщина, пожалуй, самый здравомыслящий взрослый, которого он когда-либо встречал, несмотря на отсутствие у неё базовых научных знаний. Гарри даже собирался предложить ей вторую по значимости должность в группе борцов против Тёмного Лорда, но был не настолько глуп, чтобы озвучить эту мысль вслух.

Как бы назвать такую команду?.. Пожиратели Пожирателей Смерти?

— Скоро увидимся, мистер Поттер. И кстати, ваша палочка...

— Я знаю, о чём вы собираетесь попросить.

Гарри вытащил драгоценную палочку и скрепя сердце протянул её МакГонаггал.

— Возьмите. Я хоть ничего и не собирался с ней делать, но не хочу, чтобы вас мучили кошмары о том, как я подрываю свой дом.

Профессор покачала головой:

— Что вы, мистер Поттер! Это не в наших правилах. Я только хотела предупредить, что дома вам нельзя использовать палочку: несовершеннолетним запрещено колдовать без присмотра — Министерство магии умеет это отслеживать.

— А, — улыбнулся Гарри. — Очень разумное правило. Рад, что волшебный мир ответственно подходит к подобным вопросам.

МакГонаггал пристально взглядела в его лицо:

— Вы и впрямь так считаете.

— Да, профессор, я всё понимаю. Магия опасна, так что для этих правил есть основания. Есть и другие опасные вещи, это я тоже понял. Я ведь не глупый, помните?

— Вряд ли когда-нибудь это забуду. Спасибо, Гарри, рада, что могу вам доверять. А теперь до свидания.

Гарри уже собирался зайти в «Дырявый котёл», чтобы вернуться через него в мир маглов, но, как только он повернул ручку двери, сзади донёсся шёпот:

— Гермiona Грейнджер.

— Что? — переспросил Гарри.

— Поищите первокурсницу Гермionу Грейнджер в поезде в Хогвартс.

— А кто она?

Ответа не последовало. Гарри обернулся, но профессор МакГонаггал уже исчезла.

Послесловие

Директор Альбус Дамблдор подался вперёд. Его искрящиеся глаза впились в МакГонаггал:

— Так что вы думаете о Гарри, Минерва?

МакГонаггал открыла рот и тут же закрыла. Потом вновь открыла. Ни слова не вырвалось наружу.

— Я понял, — серьёзно сказал Дамблдор. — Спасибо за доклад, Минерва. Вы можете идти.

Глава 7

Взаимный обмен

Ого. Представитель Дж. К. Роулинг заявил, что она не возражает против фанфиков на её произведения с условием, что за них никто не получает денег и всем должно быть ясно, что права на книги принадлежат ей. Как круто. Я не знал об этом. Так что славься, Дж. К. Роулинг, и царствие твоё!

Твой отец почти такой же классный, как мой.

Губы Петунии Эванс-Веррес дрожали, а глаза были на мокром месте, когда Гарри обнял её на платформе девять станции Кингс Кросс.

— Гарри, может, мне всё-таки пойти с тобой?

Гарри скользнул взглядом по отцу, Майклу Веррес-Эвансу, который выглядел стереотипно-суровым, но гордым, и перевёл взгляд на мать, которая наоборот выглядела скорее... потеряно.

— Мам, я знаю, ты не в восторге от мира волшебников. Не надо со мной идти. Правда.

Петуния вздрогнула:

— Гарри, не волнуйся за меня, я твоя мать, и если тебе нужно, чтобы рядом был кто-то...

— Мам, в Хогвартсе я буду сам по себе очень-очень долго. Если я не в состоянии даже сесть в поезд, то лучше выяснить это как можно раньше, чтобы у нас была возможность отменить весь план. К тому же, — добавил он шёпотом, — там все без ума от меня. Если возникнут трудности, мне достаточно будет снять повязку, — Гарри потрогал спортивную повязку на голове, которая скрывала шрам, — и я в тот же миг получу гораздо больше помощи, чем смогу переварить.

— Ох, Гарри, — прошептала Петуния. Она присела и крепко обняла его, прижавшись щекой к его щеке. Мальчик почувствова-

вал её тяжёлое дыхание и услышал всхлип, слетевший с её губ, приглушённый и сдавленный, но всё же всхлип. — Я тебя очень люблю, всегда помни это.

Как будто она боится никогда больше меня не увидеть, — подумал вдруг Гарри. Он был убеждён в верности своей догадки, но не мог понять, почему мама так переживает.

Поэтому он предположил:

— Мам, ты же знаешь, я не превращусь в твою сестру только потому, что буду изучать магию, да? Я наколдую всё, что ты попросишь, если смогу, конечно. А если ты хочешь, чтобы я не колдовал дома, то я не буду. Обещаю, что магия никогда не встанет между нами.

Крепкие объятия прервали его слова.

— У тебя доброе сердце, — прошептала мама ему на ухо. — Очень доброе сердце, сынок!

У Гарри запершило в горле.

Петуния отпустила его и встала. Она достала из сумочки носовой платок и дрожащей рукой вытерла глаза.

О том, чтобы на магическую сторону Кингс Кросс его провожал папа, речь вообще не шла. Отцу было сложно даже посмотреть на сундук Гарри. На долю Майкла Веррес-Эванса не приходилось и капли магии, бурлившей в крови волшебников.

Поэтому он просто откашлялся и сказал:

— Удачи в школе, Гарри. Как думаешь, я купил тебе достаточно книг?

Гарри объяснил отцу, что его обучение может стать реальным шансом совершить что-то действительно важное и революционное, и профессор Веррес-Эванс, кивнув, сдвинул весь свой плотно расписанный график на два полных дня для того, чтобы совершить Величайший Поход За Поддержанными Книгами в Истории, в который входило посещение четырёх городов и итогом которого стала покупка аж тридцати коробок с научной литературой, покоящихся теперь на подвальном уровне сундука Гарри. Большая часть книг обошлась в один-два фунта за штуку, но некоторые из них точно стоили много дороже, как, например, последнее издание «Руководства по химии и физике» или полное собрание энциклопедии «Британника» за 1972 год*. Отец старался скрыть от Гарри стоимость книг, но мальчик догадывался, что было потрачено никак не меньше тысячи фунтов. Гарри обещал, что вернёт всё до цента, как только разберётся в механизме перевода волшебного золота в магловские деньги, но в ответ папа посоветовал ему идти лесом. И после всего

этого отец спрашивает: «Как думаешь, я купил тебе достаточно книг?» Было предельно ясно, какой ответ он хотел услышать.

Гарри почему-то охрип.

— Книг никогда не бывает достаточно, — отчеканил он девиз семьи Веррес, и его отец присел, чтобы быстро, но крепко обнять сына. — Но это была хорошая попытка, — сказал Гарри, и у него опять запершило в горле. — Очень, очень, очень хорошая попытка.

Отец выпрямился.

— Итак... — произнёс он. — А сам ты видишь платформу девять и три четверти?

Кингс Кросс представлял собой огромное и суетливое место. Стены и пол вокзала были вымощены обычной грязной плиткой. Толпы людей спешили по своим повседневным делам и вели повседневные разговоры, которые складывались в огромное количество повседневного шума. На вокзале Кингс Кросс была платформа девять (на которой стоял Гарри и его родители) и платформа десять (ближайшая справа), но между ними не было совсем ничего, кроме тонкого и непримечательного барьера. Дневной свет, падавший сквозь стеклянную крышу здания, был достаточно ярким, чтобы выявить полное отсутствие каких-либо признаков платформы девять и три четверти.

Гарри усердно смотрел по сторонам, пока глаза не заслезились, и повторял про себя: *«Давай, магическое зрение, давай, магическое зрение»*, но безуспешно. Он подумывал о том, чтобы вытащить волшебную палочку и помахать ею, но МакГонаггалл запретила использовать её. К тому же, если это опять вызовет дождь из разноцветных искр, то его могут арестовать за поджигание фейерверков. При условии, что палочка не надумает сделать что-то ещё, например, взорвать всё здание Кингс Кросс, поскольку Гарри лишь быстро проглядел учебники (содержание оказалось довольно причудливым), выбирая, какие же научные книги ему нужно купить в ближайшие сорок восемь часов.

Итак, у него остался — Гарри глянул на часы — один-единственный час на раскрытие этого секрета, учитывая, что на поезде ему нужно быть к одиннадцати. Возможно, это был аналог IQ-теста, дабы глупые дети не могли стать магами. (А запас времени, который останется после прибытия на платформу, будет показателем прилежания — второго по важности фактора в обучении.)

— Я обязательно выясню, как туда попасть, — сказал Гарри своим родителям. — Это, наверное, что-то вроде проверки.

Отец нахмурился:

— Хм... возможно, тебе стоит поискать следы на полу, ведущие в непримечательное место?

— Папа! — воскликнул Гарри. — Хватит! Я ещё даже не успел попробовать решить эту задачу сам! — к большому огорчению, предложение отца было очень хорошим.

— Извини, — сказал Майкл.

— Ах... — сказала Петуния. — Не думаю, что они могли так поступить с учеником. Ты уверен, что профессор МакГонагалл ничего тебе не говорила?

— Вероятно, она отвлеклась на что-то другое, — ответил мальчик, не задумываясь.

— Гарри! — прошипели родители в унисон. — Что ты сделал?!

— Я... ну... — он сглотнул. — Слушайте, у нас нет времени на...

— Гарри!

— Ну правда нет времени! Слишком долго всё рассказывать, а мне надо выяснить, как попасть в школу!

Мать закрыла лицо рукой:

— Насколько это было ужасно?

— Я... э-э, — *я не могу рассказывать по причинам национальной безопасности.* — Почти наполовину так же ужасно, как Инцидент с Научным Проектом?

— Гарри!

— Я... ну... О, смотрите, там какие-то люди с совой, я спрошу у них, как попасть на платформу! — и Гарри убежал от родителей в сторону огненно-рыжей семьи. Его сундук заскользил следом.

Полная женщина взглянула на подошедшего мальчика.

— Привет, дорогой. Первый раз в Хогвартс? Рон тоже, — вдруг она застыла и пристально посмотрела на него. — Гарри Поттер?!

Четыре мальчика, рыжая девочка и летавшая вокруг них сова тоже вдруг замерли на месте.

— Ох, да хватит вам! — запротестовал Гарри. Он планировал быть мистером Верресом хотя бы до прибытия в Хогвартс. — Я же надел повязку на голову и всё такое! Как вы меня узнали?

— Да, — сказал отец Гарри, приближаясь к компании широкими шагами. — Как вы его узнали? — судя по его голосу, Майкл Веррес явно нервничал.

— Твоя фотография была в газетах, — сказал один из двух совершенно одинаковых близнецов.

— ГАРРИ!

— Папа! Ты всё не так понял! Это потому что я победил Тёмного Лорда Сам-Знаешь-Кого, когда мне был один год!

— ЧТО?

— Мама может объяснить.

— ЧТО?

— Ох... Майкл, дорогой, есть некоторые вещи, которые, я подумала, тебе лучше не знать до этого момента...

— Извините, — обратился Гарри к рыжеволосой семье, уставившейся на него. — Вы очень мне поможете, если скажете, как попасть на платформу девять и три четверти прямо сейчас!

— А-а-а, — протянула женщина и указала на стену. — Тебе лишь нужно пройти прямо через разделительный барьер между платформами девять и десять. Самое главное: не останавливайся и не бойся. Если нервничаешь, то лучше бежать.

— И что бы ты ни делал, не думай о слоне*.

— Джордж! Не обращай на него внимания, Гарри, нет никаких причин не думать о слоне.

— Мам, я Фред, а не Джордж...

— Спасибо! — сказал Гарри и побежал к барьеру.

Постойте-ка, а это срабатывает, если не верить?

Именно в такие моменты мальчик ненавидел свой разум, который слишком быстро сообразил, что сейчас он имеет дело с «резонансом сомнения»: то есть всё было бы хорошо, если бы он не сомневался, что пройдёт сквозь стену. Но раз Гарри беспокоился, достаточно ли сильно он в это верит, получалось, что на самом деле он боялся врезаться...

— Гарри! Живо возвращайся назад и объяснись! — крикнул отец.

Гарри закрыл глаза, отложил в сторону все знания об обоснованной достоверности и попытался просто сильно-пресильно поверить, что пройдёт через барьер и...

Звуки вокруг него поменялись.

Гарри открыл глаза и замер, чувствуя себя запятнанным умышленной попыткой просто поверить.

Он находился на залитой солнцем, открытой платформе, у которой стоял огромный поезд — четырнадцать длинных вагонов, возглавляемых мощным паровозом алого цвета с дымовой трубой, предвещавшей скорую гибель свежему воздуху. Десятки детей и их родителей уже сновали по платформе вокруг скамеек, столов и различных торговцев (хотя Гарри пришёл на час раньше отправления).

Совершенно ясно, что на вокзале Кингс Кросс спрятать подобное место было негде.

Значит: а) я куда-то телепортировался, б) они могут сворачивать пространство или в) они просто нарушают правила.

Позади раздался звук, будто кто-то ползёт. Гарри обернулся и удостоверился, что его сундук проследовал за ним на маленьких когтистых щупальцах. Очевидно, багажу тоже удалось достаточно сильно поверить в возможность прохождения сквозь стену, что наводило Гарри на тревожные мысли, когда он об этом задумывался.

Мгновением позже из железной арки (откуда она здесь взялась?) выбежал младший из рыжего семейства, таща тележку со своим багажом, и чуть не врезался в Гарри, который, осознав, что глупо стоять в проходе, поспешил прочь от арки. Высокий рыжеволосый мальчик последовал за ним. Через секунду показалась белая сова и села ему на плечо.

— Боже мой! — воскликнул рыжеволосый. — Ты правда Гарри Поттер?

Только не это.

— У меня нет никаких логических оснований быть в этом уверенным. Родители вырастили меня как мальчика по имени Гарри Поттер, многие люди говорили, что я похож на своих родителей. В смысле, на других своих родителей, — Гарри нахмурился, — но я никак не могу исключить, что существуют заклинания, которые придают ребёнку желаемую внешность...

— Э-э, чего?

Он вряд ли попадёт в Когтевран.

— Да, я Гарри Поттер.

— А я — Рон Уизли, — сказал худой веснушчатый мальчик и протянул руку, которую Гарри вежливо пожал на ходу. Сова тоже представилась, учтиво ухнув (звук был больше похож на «И-и-х-х», что его удивило).

В этот момент Гарри оценил потенциал неизбежной катастрофы.

— Секундочку, — сказал он Рону и, открыв одно из отделений сундука, в котором, если он правильно помнил, была зимняя одежда, достал из-под пальто шарф полегче, снял с головы повязку и тут же замотал всю голову шарфом. Жарко, но жить можно.

Затем он закрыл отделение, открыл другое, достал чёрную мантию и надел её через голову.

— Так-то лучше, — удовлетворённо произнёс Гарри. Из-за шарфа звук голоса был немного приглушён. — Как я выгляжу? Понятно, что глупо, но можно ли во мне узнать Гарри Поттера?

— Э-э, — протянул веснушчатый. — Не очень-то, Гарри.

— Отлично. Однако, чтобы не разрушить план, обращайся ко мне, — *Веррес теперь вряд ли подойдёт*, — подумал про себя Гарри, — мистер Спу.

— Ладно, Гарри, — неуверенно кивнул Рон.

Не вижу силы великой в тебе я.*

— Зови. Меня. Мистер. Спу.

— Хорошо, мистер Спу, — Рон остановился. — Но я не могу! Я чувствую себя дураком.

Чувства тебя не обманывают.

— Выбери тогда имя сам.

— Мистер Педдл, — выпалил Рон. — В честь «Пушек Педдл».

— Э-э, — у Гарри было ужасное ощущение, что он ещё пожалеет о своём вопросе. — А кто такие «Пушки Педдл»?

— Кто такие «Пушки Педдл»? Да ты шутишь! Это лучшая квиддичная команда! Правда, они закончили прошлый сезон в самом низу турнирной таблицы, но...

— Что такое квиддич?

Этот вопрос тоже оказался ошибкой.

— То есть, если я правильно понял, — сказал Гарри, когда объяснение Рона (с сопутствующими жестами) приблизилось к завершению, — поймавший снитч получает сто пятьдесят очков?

— Да...

— Как много десятичковых голов обычно забивает команда без учёта снитча?

— Эм, пятнадцать или двадцать в играх профессионального уровня.

— Какая-то глупость. Это нарушает все возможные принципы создания игр. В остальном правила вроде ничего, спорт как спорт, но вот снитч, который, как говоришь, практически всегда приносит команде больше очков, чем могут набрать все остальные члены команды, и таким образом определяет исход матча... Два ловца летают по полю, почти не взаимодействуя с другими игроками, и каждый из них надеется, что ему повезёт заметить снитч первым.

— Дело не в везении! — запротестовал Рон. — Нужно, чтобы твои глаза двигались особым образом...

— В этом нет взаимодействия с другими игроками. Неужели действительно так интересно смотреть, как кто-то мастерски двигает глазами? И когда одному из ловцов наконец удаётся поймать снитч, то этим он обесценивает работу, проделанную остальными игроками. Как будто взяли нормальную игру и добавили в неё

бессмысленную позицию, чтобы кто-то мог стать Самым Важным Игроком, не вникая в суть и не участвуя в общем процессе. Кто был первым ловцом? Принц-идиот, который хотел играть в квиддич, но не мог выучить правила? — сказав это, Гарри понял, что выдвинул на удивление хорошую гипотезу. Посадить его на метлу и сказать, чтобы ловил блестящую шутовину...

Рон нахмурился:

— Даже если тебе не нравится квиддич, не нужно над ним смеяться!

— Без критики нет оптимизации. Я ищу способ улучшить эту игру. И сделать это очень просто. Нужно избавиться от снитча.

— Никто не будет менять правила по твоему желанию!

— Я, знаешь ли, Мальчик-Который-Выжил. Люди прислушаются ко мне. И возможно, если мне удастся изменить правила игры в Хогвартсе, то дальше нововведение распространится само по себе.

На лице Рона возникло выражение абсолютного ужаса:

— Но... но если убрать снитч, то как узнать, когда заканчивать матч?

— Просто купите часы. Всяко лучше, чем сейчас, когда игра занимает то десять минут, то несколько часов. И болельщикам будет гораздо удобнее, — Гарри вздохнул. — Да хватит на меня так смотреть. Вряд ли у меня найдётся время на преобразование этого жалкого национального вида спорта во что-то более интересное и умное согласно моему видению. У меня полным-полно других поводов для беспокойства, важнее этого, — он задумался. — С другой стороны, не составит особого труда написать девяносто пять тезисов Реформации Квиддича и прибить их к церковной двери*.

— Поттер, — раздался чей-то протяжный голос, — что это у тебя на лице, и что это стоит рядом с тобой?

Ужас на лице Рона сменился открытой ненавистью.

— Ты!

Гарри повернул голову. Это и в самом деле был Драко Малфой, которого, похоже, всё-таки заставили надеть обычную школьную мантию, зато он отыгрался за счёт своего сундука, который выглядел не менее волшебным и элегантно, чем тот, который приобрёл Гарри. Украшенный серебром и изумрудами сундук носил на себе, как догадался Гарри, семейный герб Малфоев — изящную ядовитую змею над скрещёнными волшебными палочками из слоновой кости.

— Драко! — воскликнул Гарри. — Эм-м, или Малфой, если предпочитаешь, хотя у меня твоя фамилия ассоциируется скорее

с Люциусом. Рад, что наша прошлая встреча не отразилась на твоём здоровье. Это Рон Уизли. Я же стараюсь сохранять инкогнито, так что зови меня, э-э, — Гарри посмотрел на свою мантию, — мистер Блэк.

— Гарри! — прошипел Рон. — Ты не можешь взять это имя!

Гарри моргнул:

— Почему нет? — оно звучало таинственно, как «международный человек-загадка».

— Вообще — хорошее имя, — сказал Драко, — но Благородный и Древнейший Дом Блэков может быть против. Как насчёт «мистер Сильвер»?

— Слушай, ты, отойди от... от мистера Голда! — рявкнул Рон и сделал шаг вперёд. — Ему незачем общаться с такими, как ты!

Гарри примирительно поднял руку.

— Я использую «мистер Бронз», спасибо за подсказки. И, Рон, хм, — он не знал, как лучше выразиться. — Я рад, что ты... с таким энтузиазмом защищаешь меня, но я не возражаю против разговоров с Драко...

Очевидно, это стало для Рона последней каплей. Когда он повернулся к Гарри, в его глазах пылал гнев:

— Что? Ты вообще знаешь, кто это?

— Да, Рон, — ответил Гарри, — если ты помнишь, я первым назвал его по имени.

Драко усмехнулся. Затем он посмотрел на белую сову, сидевшую на плече Рона.

— Ого, а это что такое? — насмешливо протянул Драко. — А где же знаменитая крыса семейства Уизли?

— Похоронена на заднем дворе, — холодно сказал Рон.

— Ах, как жаль. Пот... ой, мистер Бронз, должен заметить, что с семьёй Уизли связана шикарная история о домашнем питомце. Хочешь её рассказать, Уизли?

Лицо Рона исказилось:

— Ты не думал бы, что это смешно, случись это с твоей семьёй!

— О, но с Малфоями такое бы никогда не случилось, — промурлыкал Драко.

Руки Рона сжались в кулаки.

— Хватит, — Гарри постарался, чтоб его голос звучал как можно более веско. Было ясно, что речь зашла о чём-то очень болезненном для рыжеволосого мальчика. — Если Рон не хочет говорить об этом, пусть так и будет. И я прошу тебя тоже не поднимать эту тему.

Драко с удивлением повернулся к Поттеру, а Рон кивнул:

— Правильно, Гарри! То есть, мистер Бронз! Теперь ты видишь, что он за человек? Скажи ему, чтоб проваливал!

Мысленно Гарри сосчитал до десяти, а точнее, очень быстро произнёс число двенадцать миллиардов триста сорок пять миллионов шестьсот семьдесят восемь тысяч девятьсот десять. Эту странную привычку он приобрёл в пять лет, усовершенствовав подсказанный матерью традиционный вариант. Гарри считал свой способ более быстрым и не менее эффективным, чем обычный.

— Рон, — спокойно сказал он, — я не буду его прогонять. Он может говорить со мной, если хочет.

— Я не собираюсь общаться с теми, кто общается с Драко Малфоем, — холодно объявил Рон.

Гарри пожал плечами:

— Тебе решать. Я не хочу, чтобы кто-то говорил, с кем я могу общаться, а с кем — нет.

Мысленно Гарри повторял про себя: *«Ну пожалуйста, уйди, пожалуйста, уйди»*.

Лицо Рона окаменело от удивления: похоже он полагал, что его фраза сработает. Рыжеволосый отвернулся, потянул свою тележку за ручку и устремился дальше по платформе.

— Если он тебе не понравился, почему ты просто не ушёл от него? — полюбопытствовал Драко.

— Эм... Его мать помогла мне выяснить, как попасть на эту платформу со станции Кингс Кросс, было как-то неудобно говорить, чтобы он отстал. Не то чтобы он мне был неприятен, — сказал Гарри, — я просто...

Он пытался подобрать слова.

— Не видишь причин для его существования? — предложил Драко.

— Вроде того.

— В любом случае, Поттер... Если тебя действительно воспитали маглы, — Малфой остановился, надеясь на опровержение, но его не последовало, — тогда ты, наверное, не знаешь, что значит быть знаменитым. Люди хотят занять наше время полностью. Ты должен научиться отказывать.

Гарри кивнул, задумчиво глядя на лицо Драко:

— Дельный совет.

— Если со всеми будешь добреньким, то вокруг будут ошиваться только самые наглые. Реши, с кем в самом деле хочешь проводить время, а остальным помаши ручкой. Люди судят по круту общения. Тебе вряд ли захочется, чтобы тебя видели с кем-то, вроде Рона Уизли.

Гарри снова кивнул:

— Можно спросить, а как ты меня узнал?

— Мистер Бронз, — с нажимом протянул Драко, — я ведь уже тебя встречал, помнишь? У нас было очень интересное знакомство. Так что когда я увидел тебя с шарфом на голове, причём выглядел ты крайне нелепо, то я просто предположил.

Гарри склонил голову, принимая комплимент.

— Я жутко извиняюсь, — сказал он, — за нашу первую встречу. Не хотел ставить тебя в неловкое положение перед Люциусом.

Драко странно посмотрел на Гарри и отмахнулся:

— Жалею только, что отец не вошёл, когда ты льстил мне, — рассмеялся он. — Но спасибо за то, что сказал тогда перед ним. Если бы не ты, объясняться было бы сложнее.

Гарри опять склонил голову:

— И тебе спасибо за то, что сказал профессору МакГонагалл. Хороший взаимный обмен.

— Не за что. Хотя одна из помощниц мадам Малкин наверняка разболтала всё по секрету своей ближайшей подруге — отец сказал, будто бы ходят... странные слухи, что я и ты подрались или что-то в этом духе.

— Ой, — вздрогнул Гарри. — Мне и правда очень жаль...

— Да ничего, мы привыкли. Одному Мерлину известно, сколько ходит небылиц про семью Малфоев.

Гарри кивнул:

— Рад, что у тебя не было неприятностей.

Драко улыбнулся:

— У отца, хм... очень тонкое чувство юмора, но он хорошо понимает, что друзья необходимы. Очень хорошо понимает. Целый месяц он заставлял меня повторять перед сном: «Я подружусь с кем-нибудь в Хогвартсе». Когда я ему всё объяснил, и отец понял причину моего поступка, он извинился и даже купил мне мороженое.

Гарри открыл рот от удивления:

— Тебе ещё и мороженое удалось получить?!

Драко самодовольно кивнул:

— Ну отец, конечно, знал, что это разводка, но он сам же меня этому научил, так что, если вовремя хитро улыбнуться, то между нами возникает особое понимание, после чего он должен купить мне мороженое или я сделаю печальное лицо, будто думаю, что разочаровал его.

Гарри внимательно посмотрел на Драко, ощущая присутствие равного по силе:

— Ты учился манипулировать людьми?

— Ну да, сколько себя помню, — с гордостью ответил Малфой. — Отец нанимал преподавателей.

— Ух ты, — восхитился Гарри. Прочитанный им труд «Влияние: наука и практика» Роберта Чалдини не выдерживал сравнения с индивидуальным обучением, хотя книга, конечно, была чертовски занятой*. — Твой отец почти такой же классный, как мой.

Драко надменно поднял брови:

— Неужели? И что же делает твой отец для тебя?

— Он покупает мне книги.

Драко задумался:

— Что-то не впечатляет.

— Это надо видеть. В любом случае, рад, что всё хорошо. Люциус смотрел на тебя так, будто собирался пытаться.

— Мой отец действительно любит меня, — настойчиво сказал Драко. — Он бы никогда со мной так не поступил.

— М-м, — протянул Гарри.

Он вспомнил элегантного светловолосого мужчину, который зашёл в магазин мадам Малкин, держа в руках трость с серебряным набалдашником. Сложно было представить этого идеального убийцу любящим отцом.

— Не пойми неправильно, но почему ты в этом так уверен?

— Э? — было ясно, что Драко не задавался подобным вопросом.

— Фундаментальный вопрос рациональности: почему ты веришь в то, во что веришь? Что ты знаешь и почему ты думаешь, что ты это знаешь? Что же заставляет тебя думать, что Люциус не принесёт тебя в жертву, как какую-нибудь пешку в своей игре?

Драко бросил на Гарри странный взгляд:

— А что ты знаешь об отце?

— Ну... член Визенгамота, а также Попечительского совета школы Хогвартс, невероятно богат, пользуется благосклонностью и доверием министра Фаджа, возможно, имеет компрометирующие сведения на Фаджа, главный идеолог чистоты крови после смерти Тёмного Лорда, бывший член внутреннего круга Пожирателей Смерти. У Люциуса на руке нашли Тёмную Метку, но он смог избежать тюрьмы, заявив, что был под проклятием Империи — до смешного неправдоподобная отговорка, и все это понимали... Зло с большой буквы «З», прирождённый убийца... Кажется, всё.

Драко сузил глаза:

— Тебе это МакГонагалл сказала?

— Она бы ничего не рассказала о Люциусе, только посоветовала бы держаться от него подальше. Но после Инцидента в Магазине Зелий, пока профессор МакГонаггалл кричала на продавца и старалась всё держать под контролем, я схватил одного из покупателей и расспросил его.

Драко широко раскрыл глаза:

— Правда?!

Гарри озадаченно посмотрел на Малфоя:

— Если я соврал, то не собираюсь рассказывать правду только потому, что ты спросил.

Наступила тишина.

— Ты точно попадёшь в Слизерин.

— Спасибо, но я точно попаду в Когтевран. Мне нужна власть, только чтобы получать книги.

Драко хихикнул.

— Ну да, конечно. Так вот... отвечая на твой вопрос... — он сделал глубокий вдох, лицо стало серьёзным. — Однажды отец пропустил из-за меня голосование в Визенгамоте. Я упал с метлы и сломал несколько рёбер. Было очень больно. Мне никогда не было так больно, и я думал, что умру. И отец вместо очень важного голосования сидел у моей кровати в больнице святого Мунго, держал меня за руку и обещал, что я поправлюсь.

Смутившись, Гарри отвёл взгляд, но усилием воли заставил себя вновь посмотреть на Драко:

— Зачем ты рассказал мне это, Драко? Это же... личное...

— Один из моих преподавателей говорил, что между людьми возникает близкая дружба, когда они знают друг о друге что-то личное. И у многих людей нет близких друзей, потому что им слишком неловко делиться чем-то действительно важным и личным, — Драко сделал приглашающий жест. — Твоя очередь.

Гарри вдруг понял: знание того, что выражение надежды на лице Драко является результатом месяцев тренировок, не делает этот приём менее эффективным. То есть, конечно, делает, но приём всё равно действует. То же можно было сказать и об умном использовании взаимного обмена, приёме, о котором Гарри читал в книгах по социальной психологии (эксперименты показывали, что подарок в пять долларов в два раза эффективнее обещания пятидесяти долларов людям, которых просили заполнить анкеты). Драко добровольно поделился с ним конфиденциальной информацией и теперь ожидал, что и собеседник поступит так же... и Гарри правда ощутил давление. Он был уверен,

что его отказ будет встречен с грустью, разочарованием и долей презрения, показывающими, что Гарри потерял несколько очков.

— Драко, — сказал он, — к твоему сведению, я понимаю твои действия. В моих книгах это называется «взаимный обмен»: когда ты хочешь заставить кого-то сделать то, что тебе нужно, то в два раза эффективнее подарить ему пару сиклей, нежели пообещать двадцать...

Он умолк.

Драко выглядел грустным и разочарованным:

— Это не задумывалось как какой-то трюк. Это просто способ стать друзьями.

Гарри поднял руку:

— Я же не отказываюсь отвечать. Мне просто нужно время, чтобы выбрать что-то настолько же личное и одновременно безопасное. Другими словами... Хочу, чтобы ты знал, я не выношу давления.

Пауза, взятая на обдумывание, способна обезвредить большинство манипулятивных приёмов, главное — научиться их видеть.

— Ладно, — сказал Драко, — я подожду, пока ты готовишься. О, и, пожалуйста, сними шарф, когда будешь говорить.

Просто, но эффективно.

Гарри не мог не заметить, как неуклюжа, груба и лишена изящности была его попытка противостоять манипуляции / сохранить лицо / похвастаться, по сравнению с аналогичными действиями Драко. *Мне нужны его преподаватели.*

— Хорошо, — через некоторое время сказал он, — слушай.

Он глянул по сторонам и размотал шарф на голове, открыв всё, кроме шрама.

— Эм-м... похоже, ты можешь полагаться на своего отца. Я имею в виду... если ты будешь говорить с ним серьёзно, то он всегда выслушает тебя и воспримет твои слова всерьёз.

Драко кивнул.

— Иногда, — сказал Гарри и сглотнул: рассказывать было тяжело, но так и было задумано, — иногда мне хочется, чтобы мой отец был похож на твоего.

Он почти на автомате отвёл взгляд, но снова заставил себя посмотреть на Драко.

Вдруг Гарри понял, что именно он только что сказал, и торопливо добавил:

— То есть я не то чтобы хочу видеть своего отца безупречным орудием убийства, как Люциус, я имею в виду, чтобы он серьёзно относился ко мне.

— Я понял, — улыбнулся Драко. — Ну... кажется, мы немного приблизились к тому, чтобы стать друзьями?

Гарри кивнул:

— Да, приблизились. Эм... без обид, но я снова замаскируюсь, мне совершенно не хочется иметь дело с...

— Да, конечно.

Гарри вновь намотал шарф, скрыв лицо.

— Мой отец ко всем своим союзникам относится серьёзно, — сказал Драко, — вот почему у него их так много. Может быть, вам стоит встретиться.

— Я подумаю об этом, — без выражения проговорил Гарри и удивлённо покачал головой. — Получается, ты его единственное уязвимое место. Хех.

Драко крайне странно посмотрел на Гарри и предложил:

— Может, хочешь выпить чего-нибудь и найти место, чтобы сесть?

Гарри понял, что уже очень долго стоит на одном месте. Он потянулся, пытаясь хрустнуть позвонками.

— Конечно.

Платформа понемногу заполнялась людьми, но около хвоста поезда ещё было тихое место. Их путь проходил мимо лоточника — лысого, бородатого мужчины с маленькой тележкой, на которой лежали газеты, комиксы и выстроенные в ряд банки светло-зелёного цвета.

Продавец как раз пил, запрокинув голову, содержимое одной из них, когда заметил элегантного Драко Малфоя, приближавшегося к нему в компании странного мальчика, который выглядел невероятно глупо с намотанным на голову шарфом. Лоточник поперхнулся и принялся кашлять, забрызгав всю бороду светло-зелёной жидкостью.

— Извините, — сказал Гарри, — что это у вас такое?

— Прыский чай, — ответил продавец, — если его выпить, с вами обязательно случится что-то, что заставит вас пролить его на себя или окружающих. Но он зачарован — исчезает через несколько секунд.

И правда, капли в его бороде уже почти исчезли.

— Интересно, — хмыкнул Драко, — очень, очень интересно. Пойдёмте, мистер Бронз, найдём другого...

— Подожди, — остановил его Гарри.

— Да брось, это же для детей!

— Нет. Извини, Драко, но я должен это исследовать. Что будет, если я выпью Прыский чай и буду изо всех сил пытаться сохранить серьёзность?

Продавец улыбнулся и загадочно пожал плечами:

— Кто знает? Может, вы вдруг увидите вашего знакомого в костюме лягушки? Что-то смешное и неожиданное так или иначе произойдёт...

— Простите, но я не могу в это поверить. Я многое видел, но сказанное вами настолько невероятно, что дальше просто некуда. Просто невозможно, чтобы какой-то напиток мог манипулировать реальностью, создавая комедийные ситуации. В противном случае я сдаюсь и уезжаю отдыхать на Багамы...

Драко застонал:

— Мы что, правда собираемся заниматься этим?

— Можешь не пить, если не хочешь. Но я просто должен провести исследование. Должен! Сколько стоит?

— Пять кнатов за банку, — ответил продавец.

— Пять кнатов?! Вы продаёте напитки, управляющие реальностью, по пять кнатов за банку?!

Гарри залез в кошель со словами:

— Четыре сикля, четыре кната, — и стукнул деньгами о прилавок, — две дюжины, пожалуйста.

— И ещё одну, — вздохнул Драко, шаря по карманам.

Гарри замотал головой:

— Нет. Я возьму тебе. И это не считается услугой, я хочу проверить, сработает ли чай в твоём случае.

Он кинул одну банку Драко и принялся скормливать остальные своему кошелю, издававшему во время процедуры тихие булькающие звуки (что не способствовало укреплению веры Гарри в то, что он когда-нибудь найдёт разумное объяснение всему происходящему).

Двадцать два булька спустя в руке Гарри осталась последняя банка. Драко выжидательно смотрел на него: банки были открыты одновременно.

Гарри убрал шарф со рта, и они, запрокинув головы, сделали по глотку Прыского чая. Напиток даже на вкус был светло-зелёным: сильногазированным и кислее лайма.

Ничего не произошло.

Гарри, подняв глаза, встретился с добродушным взглядом продавца.

Так, если этот человек использовал случайное происшествие, чтобы продать мне двадцать четыре банки зелёной газировки, то я стоя поаплодирую его творческому подходу к организации продаж, а потом убью.

— Это не всегда происходит сразу, — сказал продавец, — но один раз за банку уж точно. Или я верну вам деньги.

Гарри сделал ещё один большой глоток.

И ещё один. Ничего не случилось.

Может, я должен выпить банку залпом... Надеюсь, желудок не лопнет от переизбытка диоксида углерода, и я удержусь от отрыжки, пока всё не выпью.

Он, конечно, мог позволить себе совсем немного подождать. Но, если говорить начистоту, Гарри не представлял, как это может сработать. Нельзя же подойти к кому-то и сказать: «Сейчас я тебя удивлю» или «А сейчас я расскажу, в чём соль шутки, и тебе будет очень весело». Это полностью убивает эффект неожиданности. Гарри был настроен так, что не стал бы плевать газировкой, даже если бы мимо прошёл Люциус Малfoy, одетый как балерина. С каким же безумным номером должна выступить перед ним вселенная?

— Ладно, давай где-нибудь присядем, — предложил Гарри. Он собрался было сделать ещё глоток и двинуться в сторону видневшихся вдалеке скамеек, но, повернувшись, зацепил взглядом часть газеты, лежавшей на лотке. Издание называлось «Придира», заголовок статьи гласил:

ДРАКО МАЛФОЙ ЗАЛЕТЕЛ ОТ МАЛЬЧИКА-КОТОРЫЙ-ВЫЖИЛ

— Ах ты ж! — выкрикнул Драко, когда в него полетели светло-зелёные брызги. Он крутанулся в сторону Гарри, его глаза сверкали.

— Грязнокровкин сын! Посмотрим, как тебе понравится, когда плюнут в тебя! — Драко набрал полный рот газировки, и тут ему на глаза тоже попался газетный заголовок.

Гарри невольно попытался закрыть лицо от зелёных брызг. К сожалению, он закрылся той рукой, в которой держал банку с Прыским чаем, так что остатки пролились через плечо.

Мальчик уставился на банку, все ещё отплёвываясь и кашляя. Капли чая постепенно исчезали с мантии Драко.

Затем Гарри поднял взгляд и снова посмотрел на заголовок.

ДРАКО МАЛФОЙ ЗАЛЕТЕЛ ОТ МАЛЬЧИКА-КОТОРЫЙ-ВЫЖИЛ

Гарри открыл рот:

— Н... н... но...

Слишком много возражений. Он хотел сказать: «Но нам же только одиннадцать!», как в голове тут же возникало: «Но мужчина

не может забеременеть!» и следом за ним: «Но между нами ведь ничего не было!».

Затем Гарри снова опустил взгляд на банку.

Хотелось убежать, крича изо всех сил, пока в лёгких не кончился бы воздух. Останавливало только одно: когда-то он прочитал, что паника является признаком наличия действительно важной научной проблемы.

Гарри сердито бросил банку в мусорку и вернулся к продавцу:

— «Придиру», пожалуйста.

Он заплатил ещё четыре кната, достал из кошелька чай и направился к Драко, который восхищённо смотрел на банку своего напитка.

— Беру свои слова обратно, — сказал он. — Это было здорово.

— Эй, Драко, спорим, я знаю способ стать друзьями, который лучше, чем обмен секретами. Нужно совершить совместное убийство.

— Один из моих преподавателей тоже так говорил, — Драко засунул руку под мантию и лёгким естественным движением почесался. — А кого хочешь убить?

Гарри кинул на стол «Придиру»:

— Парня, который это написал.

Драко простонал:

— Не парня. Девчонку. Десятилетнюю девчонку, представляешь?

Она съехала с катушек после смерти матери, а её отец, которому принадлежит эта газета, реально убеждён, что его дочь — провидец. Так что, когда он чего-то не знает, он спрашивает Луну Лавгуд и верит буквально всему, что она говорит.

Не задумываясь, Гарри открыл следующую банку и поднёс ко рту.

— Ты шутишь? Это даже хуже магловских газет, что, как мне казалось, физически невозможно.

— У неё какая-то извращённая помешанность на Малфоях, — прорычал Драко, — а поскольку её отец настроен против нас, он печатает каждое её слово. Как только повзрослею, точно её изнасилую.

Зелёная жидкость брызнула из носа Гарри и впилалась в шарф. Прыский чай и лёгкие — плохое сочетание, так что следующие несколько секунд мальчик провёл, заходясь кашлем.

Драко резко обернулся:

— Что-то не так?

И лишь теперь Гарри понял, что: а) в тот миг, когда Драко ранее засунул руку под мантию, чтобы почесаться, звуки платформы стали чем-то вроде размытого белого шума; б) только для одного участника разговора обсуждение убийства как способа стать друзьями было шуткой.

Ну конечно. До этого он казался нормальным ребёнком, потому что он нормален. Просто так и должен себя вести мальчик, чей любящий отец — не кто иной, как Дарт Вейдер.*

— Да. Понимаешь... — Гарри кашлянул. Боже, как он хотел закрыть эту тему. — Я просто удивлён тем, как открыто и охотно ты говоришь об этом, не боясь ареста.

Драко фыркнул:

— Смеёшься? Слово какой-то Луны Лавгуд против моего?

Чёрт-чёрт-чёрт.

— Магического детектора лжи не существует, я прав?

Или ДНК-теста... пока что.

Драко посмотрел по сторонам. Его глаза сузились:

— Ты и правда ничего не знаешь. Слушай, я объясню тебе, как всё устроено, в смысле, как оно устроено на самом деле, словно ты уже попал в Слизерин и задал мне этот вопрос. Но ты должен поклясться, что это останется между нами.

— Я клянусь, — сказал Гарри.

— Во время суда используют Сыворотку Правды, но это полная чушь, ты просто стираешь себе память перед процессом и заявляешь, что обвинителю наколдовали ложных воспоминаний. Обычно суд предполагает, что стирание памяти вероятнее, чем её замена с помощью сложных заклинаний, но судья, скорее всего, будет на нашей стороне. Ну а если меня обвинят в чём-то, порочащем честь благородного дома, то дело передадут в Визенгамот, где у отца есть голоса. И после того, как меня признают невиновным, семья Лавгутов будет обязана выплачивать компенсацию за клевету. Они с самого начала знают, что всё закончится именно этим, так что просто будут держать рот на замке.

Холодок пробежал по спине Гарри, подсказывая ему сохранять спокойное выражение лица и ровный голос.

Заметка на будущее: свергнуть правительство магической Британии при первой же возможности.

Гарри снова кашлянул, прочищая горло:

— Драко, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Не пойми меня неправильно, моя клятва нерушима, но, как ты говорил, я могу оказаться в Слизерине, так что хочу поинтересоваться из чистого любопытства. Что, чисто теоретически, случится, если я перескажу в суде наш разговор, упомянув тебя в качестве автора?

— Ну, если бы я не был Малфоем, у меня бы были неприятности, — самодовольно ответил Драко. — Но так как я Малфой...

У отца есть голоса. И, полагаю, он разобьёт тебя наголову... не думаю, что будет легко, всё-таки ты Мальчик-Который-Выжил, но моему отцу очень хорошо даются подобные вещи, — он нахмурился. — Кстати, это ведь ты заговорил о том, чтобы убить её, почему же тебя не волнует, что я расскажу суду, если она вдруг умрёт?

Ну почему всё пошло настолько наперекосяк?

— Я просто думал, что она старше! — ответил Гарри, не успев даже задуматься. — Не знаю, как здесь, но в магловской Британии убийство ребёнка расстраивает суды гораздо сильнее...

— Ну, это естественно, — ответил Драко, хотя он по-прежнему смотрел на Гарри с лёгким подозрением. — Впрочем, всегда разумней не доводить ситуацию до вмешательства авроров. Если мы будем осторожны и не сделаем ничего, что нельзя поправить лечащими чарами, мы сможем стереть её память и повторить всё через неделю.

На этом месте светловолосый мальчик громко хихикнул:

— Только представь, как она будет рассказывать, что её изнасиловали Драко Малфой и Мальчик-Который-Выжил. Даже сам Дамблдор не поверит ей.

Я разорву этот жалкий магический огрызок средних веков на куски меньшие, чем составляющие его атомы.

— Я бы предложил с этим не торопиться. Когда я узнал, что заголовок придумала девчонка на год младше меня, мне пришла в голову идея совершенно иной мести.

— М-да? Рассказывай, — сказал Драко и поднёс банку с Прыским чаем ко рту.

Гарри не знал, работает ли это заклинание чаще, чем раз за выпитую банку, но он мог избежать обвинений, главное — точно рассчитать момент.

— Думаю, что когда-нибудь я женюсь на этой девушке.

Драко издал неприятный булькающий звук, и зелёная жидкость потекла из уголков его рта, как из сломавшегося автомобильного радиатора.

— Ты спятил?!

— Наоборот, мой разум чист, как снег в горах.

— У тебя более извращённый вкус, чем у Лестренджей, — сказал Драко, судя по всему, даже с некоторым восхищением. — И, я так понимаю, ты хочешь получить её себе целиком?

— Ага. Взамен могу как-нибудь оказать тебе услугу...

Драко отмахнулся:

— Да ладно, забирай даром.

Гарри устался на банку в своей руке — её холод успокаивал бурлившую гневом кровь. Очаровательный, весёлый, щедрый с друзьями Драко не был психопатом. Зная человеческую психологию, было грустно и неприятно осознавать, что Малфой не чудовище. История помнила тысячи сообществ, в которых мог состояться подобный разговор. Мир был бы совершенно другим местом, если бы то, что сказал юный волшебник, мог сказать только злой мутант. Но это было очень обыденно, очень по-человечески, почти нормой: Драко не считал своих врагов людьми.

И в этой стране, застрявшей перед зарёй Века разума*, сын достаточно могущественного аристократа считал себя превыше закона. Уж точно если это касалось случайных изнасилований то тут, то там. В мире маглов тоже были подобные места. Страны, в которых такая аристократия всё ещё существовала, упорствуя в своих взглядах на жизнь. И даже более мрачные земли, где это касалось не только верхушки общества. В любой стране, не прошедшей через эпоху Просвещения, дела обстояли подобным образом. Очевидно, это касалось и магической Британии, несмотря на наличие таких межкультурных заимствований, как газированные напитки в банках.

И если Драко не перестанет думать о мести, а я не откажусь от счастья в жизни, женившись на какой-то бедной безумной девочке, то всё, что я смог выиграть — это время, и то, очень немного...

Для одной девочки. Не для остальных.

Интересно, сложно ли будет составить список всех поборников чистоты крови и убить их?

Подобное пробовали сделать во время Французской Революции: составить список врагов прогресса и отсечь им всё ниже шеи. Насколько Гарри помнил, тогда это не привело к желаемым результатам. Вероятно, стоит стряхнуть пыль с книг по истории, купленных отцом, и выяснить, где ошиблась Французская Революция и легко ли это было исправить.

Гарри посмотрел в небо, на бледный круг луны, видимый в безоблачной утренней синеве.

Сломанный, испорченный, безумный, жестокий, кровавый, тёмный мир. Разве новость? Ты всегда знал это.

— Какой-то ты серьёзный, — сказал Драко. — Дай догадаюсь, твои родители-маглы говорили тебе, что такого рода вещи делать нехорошо.

Гарри кивнул, не доверяя своему голосу.

— Что же, как говорит мой отец, существует четыре факультета, но в конце концов каждый оказывается в Слизерине или Пуффендуге. И Пуффендуг тебе вряд ли подойдёт. Если решишь тайно присоединиться к Малфоям... наша сила и твоя репутация... Тебе бы сходило с рук то, что даже я не могу себе позволить. Хочешь попробовать? Почувствовать, каково это?

Ах ты коварный змеёныш. Всего одиннадцать лет, а ты уже выманиваешь свою добычу из безопасной норки. Может, тебя слишком поздно спасать, Драко?

Гарри задумался, решил, выбрал тактику:

— Драко, расскажи про чистоту крови. Я же в этом новичок.

Тот широко улыбнулся:

— Тебе непременно надо встретиться с отцом и спросить у него.

Он наш лидер.

— Расскажи кратко.

— Ладно.

Драко набрал в грудь побольше воздуха и, придав голосу дополнительную глубину и выразительность, начал рассказывать:

— Из поколения в поколение наша сила угасает из-за смешения чистой крови с грязной. Ни один современный волшебник не может сравниться с Салазаром, Годриком, Ровеной и Хельгой, создавшими своей магией Хогвартс и знаменитые артефакты: медальон, меч, диадему и чашу. Мы чахнем и превращаемся в маглов, потому что скрещиваемся с ними и позволяем жить сквибам. Если эту чуму не остановить, то скоро наши палочки сломаются, наша магия исчезнет. Род Мерлина прекратит своё существование, а кровь атлантов перестанет течь в наших жилах. Наши дети будут грызть землю, чтобы выжить, словно обычные маглы. И тьма накроет мир навсегда, — Драко удовлетворённо закончил и сделал глоток чая. Похоже, он считал сказанное достаточным аргументом.

— Убедительно, — согласился Гарри, имея в виду скорее форму аргумента, а не суть. Классическая модель: грехопадение, необходимость охранять остатки чистой крови от грязи, прекрасное прошлое и мрачное будущее. И на это уже есть готовый стандартный ответ...

— Но должен тебя кое в чём поправить. Твоя информация о маглах немного устарела. Мы больше не грызём землю, чтобы выжить.

Драко покосился по сторонам:

— Что?! Что значит «мы»?

— Мы. Учёные. Род Фрэнсиса Бэкона, в чьих жилах течёт кровь Просвещения*. Маглы не сидели сложа руки, горюя, что у них нет

палочек. И теперь у нас есть своя собственная сила, с магией или без неё. Если ваша магия исчезнет, то мы и правда потеряем нечто ценное, потому что она — единственный намёк на то, как на самом деле работает вселенная. Но вы не будете грызть землю. В ваших домах по-прежнему будет прохладно летом и тепло зимой, по-прежнему будут доктора и лекарства. Если ваша сила исчезнет, наука поможет вам выжить. Да, это будет трагедия, которую мы должны предотвратить, но на мир не опустится тьма.

Драко отпрянул на пару шагов. На его лице застыла смесь страха и недоверия.

— О чём ты говоришь, Мерлин тебя побери?

— Эй, тебя-то я выслушал, теперь твоя очередь.

«*Неуклюже получилось*», — мысленно упрекнул себя Гарри, но Драко перестал пятиться и, кажется, готов был слушать.

— Я имел в виду, — попробовал исправить ситуацию Поттер, — что вы не особо-то обращаете внимания на то, что происходит в мире маглов.

Вероятно, потому что волшебники относились ко всему остальному миру, как к трущобам, заслуживающим не больше внимания, чем повседневные тяготы жителей Бурунди в колонках «Файнэншл Таймс».

— Ладно. Устроим быструю проверку. Волшебники когда-нибудь были на Луне? Ну, на той штуке, — Гарри ткнул пальцем в сторону большого далёкого шара.

— Чего?! — только и сказал Драко. Было ясно, что подобная мысль никогда не приходила ему в голову. — Отправиться на... Да это же не... — он ткнул пальцем в сторону маленькой бледной штуковины в небе. — Нельзя аппарировать в место, где ты никогда не был. Как же кто-то мог побывать на Луне в первый раз?

— Подожди-ка, — остановил его Гарри, — я покажу тебе книгу, которую взял с собой. Я вроде помню, в какой коробке она лежит...

Он присел перед сундуком, открыл отсек с лестницей, спустился, снял одну коробку с другой, рискуя отнестись неуважительно к книгам, сорвал упаковочную бумагу и быстро, но аккуратно вытащил её содержимое.

(Несмотря на отсутствие генетической связи, Гарри удивительным образом унаследовал почти волшебную способность Верресов запоминать местоположение книг, даже если видел их всего раз.)

Потом он взлетел по лестнице, ногой пихнул её в сундук и, тяжело дыша, начал перелистывать книгу в поисках нужной фотографии, на ко-

торой была изображена белая бесплодная поверхность Луны, покрытая кратерами, а также люди в скафандрах и бело-синий земной шар.

Та самая Фотография.

С большой буквы «Ф».

— Вот, — голос Гарри звенел от распиравшей его гордости, — так Земля выглядит с Луны.

Драко медленно склонился над снимком, на его лице было странное выражение.

— Если это настоящая фотография, то почему она не двигается?

Не двигается? А-а.

— Маглы умеют делать двигающиеся фотографии, но пока что для их показа нужен специальный прибор, размером побольше книги.

Драко указал на человека в скафандре и дрожащим голосом спросил:

— А это что?

— Это люди. На них специальные костюмы, которые дают возможность дышать, потому что на Луне нет воздуха.

— Невозможно, — прошептал Драко. В его глазах были страх и растерянность. — Нет, маглы бы не смогли сделать подобное. Как...

Гарри отобрал у него книгу и снова начал листать, пока не нашёл то, что искал.

— Вот летящая ракета. Огонь поднимает её выше и выше, до Луны, — снова перелистывание. — А это ракета на земле. Крошечная точка рядом с ней — человек, — Драко открыл рот от удивления. — Полёт на Луну стоил примерно два миллиарда галлеонов, — Малфой поперхнулся, — и потребовал координированной работы большего количества людей, чем наберётся во всей магической Британии.

А когда люди прилетели на Луну, они оставили табличку со словами: «Мы пришли с миром от всего человечества». Ты ещё не готов услышать это, Драко. Но, надеюсь, когда-нибудь...

— Ты говоришь правду, — медленно сказал Драко. — Ты бы не стал подделывать целую книгу. Да и я слышу по твоему голосу. Но... но...

— Как же они смогли без волшебных палочек? Долгая история. Наука не требует взмаха палочкой и произнесения заклинания, нужно просто очень хорошо знать, как работает вселенная, чтобы заставить её делать то, что хочешь ты. Если представить, что вселенная — это человек, от которого нужно чего-либо добиться, то магия — это использование на нём проклятья Империи, а наука — это будто бы ты точно знаешь, что сказать, чтобы человек подумал, что действует по своей собственной воле. Это сложнее, чем взмахнуть палочкой,

но не зависит от магии. Как если бы Империи на человеке применить не удалось, но ты по-прежнему мог бы убедить его словами. И с каждым новым поколением наука совершенствуется. Ведь, чтобы заниматься наукой, нужно действительно знать, что ты делаешь, тогда ты на самом деле сможешь что-то понять и объяснить это другому. Знания величайших учёных прошлого века, имена которых до сих пор произносятся с почтением — ничто по сравнению с возможностями величайших учёных современности. В науке нет эквивалента вашему потерянному искусству, которое создало Хогвартс. Сила науки с годами лишь растёт. Мы уже начинаем понимать и раскрывать секреты жизни и наследственности. Скоро мы сможем взглянуть в кровь, о которой ты говоришь, и узнать, что делает тебя волшебником, а через одно или два поколения мы будем способны изменить её, чтобы сделать всех ваших детей могущественными волшебниками. Как видишь, ваша ситуация не так уж плоха, через пару десятилетий наука будет способна решить все ваши проблемы.

— Но... — голос Малфоя дрожал. — Если какие-то маглы обладают такой силой... то... для чего же мы?..

— Нет, Драко, я не об этом, неужели не понимаешь? Наука использует силу человеческого разума, чтобы всматриваться в мир и выяснять, как он устроен. Пока существует человечество, она не исчезнет. Если твоя магия пропадёт, тебя это сильно огорчит, но ты по-прежнему останешься собой. И будешь жить, хоть и сожалея о потере. Источником науки является человеческий интеллект, поэтому нельзя лишить меня этой силы, не лишив меня жизни. Даже если законы устройства вселенной вдруг изменятся для меня, и все мои знания станут пустым звуком, я просто выясню новые законы, и такое уже происходило. Наука не магловское явление, а общечеловеческое. Она просто совершенствует и тренирует способность, которую ты используешь всякий раз, когда смотришь на что-то непонятное и задаёшь вопрос «почему?». Ты же слизеринец, Драко, ты можешь сделать вывод?

Тот оторвал взгляд от книги и посмотрел на Гарри. На его лице появилось понимание.

— Волшебники могут научиться использовать эту силу.

Теперь очень осторожно... приманка готова, дальше — крючок...

— Если будешь думать о себе, как о человеке, а не как о волшебнике, то сможешь тренировать и совершенствовать способности, присущие человеку.

Драко ведь не обязан знать, что такой инструкции он не найдёт ни в одном научном труде.

Малфой крепко задумался.

— Ты уже... сделал это?

— В какой-то мере, — признался Гарри. — Я ещё не закончил обучение. Не в одиннадцать лет. Но, видишь ли, мой отец тоже нанимал мне преподавателей.

Конечно, они были голодающими студентами, нанятыми из-за проблем с моим нестандартным суточным циклом (кстати, что с этим будет делать профессор МакГонагалл?), но сейчас это можно опустить...

Драко медленно кивнул:

— Ты думаешь, что сможешь стать мастером в обоих искусствах, сложишь их силу вместе и... — он уставился на Гарри, — станешь властелином обоих миров?

Гарри дьявольски расхохотался, тут это было к месту:

— Ты должен осознать, Драко, что весь мир, который ты знаешь, вся магическая Британия — лишь клетка на огромной шахматной доске, которая также включает в себя, например, Луну, звёзды в ночном небе, которые являются такими же солнцами, только невообразимо далёкими, и галактики, которые гораздо больше, чем Земля и Солнце вместе взятые, настолько огромные, что видеть их могут только учёные, а ты даже не знаешь об их существовании. Но, понимаешь, я на самом деле когтевранец, а не слизеринец. Я не хочу править вселенной. Я просто считаю, что она может быть устроена более разумно.

На лице Драко застыло благоговение:

— Зачем ты рассказываешь это мне?

— Ну... немногие люди представляют, как заниматься настоящей наукой, изучая что-то в первый раз, даже если это «что-то» абсолютно обескураживает. Я бы не отказался от помощи, — Малфой уставился на Гарри, открыв рот, — но не совершай ошибку, Драко. Настоящая наука совсем не похожа на магию. Ты не можешь заняться ею и остаться прежним, как это происходит, когда ты узнаёшь слова к новому заклинанию. За силу нужно платить. Платить цену столь высокую, что большинство людей отказываются это делать.

Драко кивнул, как будто он наконец услышал что-то, что мог понять:

— И какова же плата?

— Умение признавать свои ошибки.

— Эм-м, — сказал Драко после драматической паузы, длившейся некоторое время, — ты можешь пояснить?

— Пытаясь выяснить, как что-то работает на таком глубинном уровне, ты будешь приходить к неверным выводам в девяносто девяти случаях из ста. Так что тебе придётся научиться признавать, что ты ошибался снова, и снова, и снова. Звучит не страшно, но это так тяжело, что большинство людей не в силах по-настоящему заниматься наукой. Не доверять самому себе, всегда пересматривать своё отношение к очевидным вещам, — например, к снитчу в квиддиче, — и каждый раз, когда изменяется твоё мнение, изменяешься ты сам. Но я слишком забегаю вперёд. Слишком тороплю события. Просто хочу, чтобы ты знал... Я предлагаю поделиться с тобой моим знанием. Если хочешь. С одним условием.

— Ага, — насторожился Драко, — знаешь, мой отец говорит, что эта фраза никогда не предвещает ничего хорошего.

Гарри кивнул:

— Не заблуждайся на мой счёт: я не пытаюсь возвести барьер между тобой и твоим отцом. Дело не в этом. Я просто предпочитаю иметь дело с кем-то моего возраста, а не с Люциусом. Полагаю, твой отец согласился бы с этим: он знает, что рано или поздно тебе нужно будет научиться брать на себя ответственность. Твои ходы в нашей игре должны быть твоими собственными. Это моё условие: я буду иметь дело с тобой, Драко, не с твоим отцом.

— Достаточно, — остановил его Драко, выпрямляя спину. — Слишком много всего. Мне нужно подумать над этим. И, кстати, уже пора садиться в поезд.

— Не торопись с решением, — согласился Гарри, — только помни, что это не эксклюзивное предложение, даже если ты согласишься. Иногда для настоящих занятий наукой нужно больше, чем один человек.

Когда Драко отошёл, размытые звуки платформы вновь превратились в обычный шум. Гарри посмотрел на наручные часы (очень простая механическая модель, которую ему подарил отец, надеясь, что они будут работать в присутствии магии). Стрелки двигались, и если они работали правильно, то до одиннадцати было ещё много времени. Вероятно, скоро ему нужно будет сесть в поезд и найти как-там-её-звали, но сперва определённо стоило потратить несколько минут на дыхательные упражнения и разобраться, сможет ли он снова разогреть застывшую кровь.

Отведя взгляд от часов, Гарри увидел, что к нему приближаются две нелепо выглядевшие фигуры, чьи лица были скрыты зимними шарфами.

— Здравствуйте, мистер Бронз, — произнесла одна из замаскированных фигур, — не хотите ли вступить в Орден Хаоса?

Послесловие

Некоторое время спустя, когда этот напряжённый день подходил к концу, Драко склонился над столом с пером в руке. В подземельях Слизерина у него была своя отдельная комната с письменным столом и камином. К сожалению, даже высокое положение Драко не позволяло подключить камин к дымолётной сети, но, по крайней мере, на факультете не придерживались дурацкой идеи, что все должны спать в общих спальнях. Избытка отдельных комнат в подземельях не наблюдалось, и, чтобы жить отдельно, нужно было быть среди лучших учеников лучшего из факультетов. Представители семьи Малфоев как раз были в их числе.

«Дорогой отец», — начал Драко и остановился.

Чернила медленно стекали с пера, оставляя на пергаменте пятна рядом с написанным.

Драко не был глуп. Он был молод, но преподаватели научили его смотреть вглубь вещей и событий. Драко понимал, что Поттер симпатизирует стороне Дамблдора больше, чем осознаёт сам... но Драко считал, что Поттера можно переманить. Впрочем, Поттер тоже старался перетянуть Драко на свою сторону.

Было видно невооружённым глазом, что Поттер талантлив и гораздо более, чем слегка, безумен. Он вёл масштабную игру, которую сам большей частью не понимал, импровизируя на полной скорости с ловкостью неистового нунду. И тем не менее, Поттер сумел найти подход — он предложил Драко часть своей собственной силы, поставив на то, что, воспользовавшись ею, тот станет похож на него. И Драко не мог просто отмахнуться от этого предложения, хотя его отец в прошлом рассказывал ему об этом весьма продвинутом приёме и предупреждал, что он часто не срабатывает.

Драко осознавал, что понимает не всё из того, что случилось сегодня... но Поттер предложил сыграть именно ему, и сейчас это была игра Драко. И если он всё сейчас выдаст отцу, то тот займёт в игре его место.

Чтобы простые методы манипулирования работали, необходимо, чтобы жертва не понимала, что происходит, или, по крайней мере, была не уверена в этом. Лесть, к примеру, можно легко замаскировать под восхищение. («Тебе стоило бы пойти в Слизерин» — проверенная

классика, очень эффективно работает на людях определённого сорта, не ожидающих манипуляции. В случае удачного исхода этот приём можно использовать снова и снова.) Но если найти самый главный рычаг, то уже не важно, знает ли жертва, что ею манипулируют. Поттер в своём яростном натиске случайно подобрал ключ к душе Драко. И то, что Драко знал об этом очевидном факте, ничего не меняло.

Впервые в жизни у него появились настоящие тайны. Он начал собственную игру. Это было странным образом болезненно, но Драко знал, что отец бы гордился им, а значит, всё шло правильно.

Он не стал менять закапанный чернилами лист — это тоже было частью сообщения, которое его отец поймёт без труда (обмен тонкими намёками был обычным для них делом). Драко вывел на бумаге вопрос, беспокоивший его больше всего. Вопрос, на который он вроде бы должен был знать ответ, но не знал.

Дорогой отец.

Представь, что я встретил в Хогвартсе ученика, пока что не включённого в круг наших знакомых, который назвал тебя "безупречным орудием смерти" и назвал меня твоим "единственным слабым местом". Что бы ты сказал о таком человеке?

Вскоре сова вернулась с ответом.

Мой любимый сын.

Я бы сказал, что тебе посчастливилось встретить человека, который пользуется полным доверием нашего ценного союзника и друга — Северуса Снейпа.

Драко некоторое время всматривался в письмо, а потом бросил его в огонь.

Глава 8

Положительная предвзятость

Все эти миры принадлежат Дж. К. Роулинг, за исключением луны Юпитера — Европы, поэтому не пытайтесь писать фанфики, в которых действие происходит на Европе*.

Позволь предупредить, что оспаривание моих способностей — опасная затея, которая может сделать твою жизнь гораздо страннее.

Никто не просил о помощи, вот в чём проблема. Они просто ходили, болтали, жевали или смотрели в одну точку, пока родители обменивались слухами. Странно, но никто не читал, то есть она не могла просто присесть рядом и тоже открыть книгу. Даже когда она смело взяла инициативу в свои руки и принялась в третий раз перечитывать «Историю Хогвартса», никто не последовал её примеру.

Она знакомилась с людьми, только помогая им с домашней работой или с чем-нибудь ещё, и не знала других способов. Она не считала себя застенчивой, скорее наоборот, но если к ней не обращались с просьбой, вроде: «Что-то я забыл, как делить в столбик», то ей было очень неловко самой подойти к кому-то и сказать... а что сказать? Неизвестно. Смешно, но, похоже, никто до сих пор не составил список стандартных фраз для таких случаев. Она никогда не видела смысла в процессе знакомства. Почему именно она должна брать всё в свои руки, если в процессе участвуют два человека? И почему взрослые никогда не помогают в этом деле? Как бы хотелось, чтобы какая-нибудь девочка подошла к ней и сказала: «Гермиона, учитель сказал мне подружиться с тобой».

Но давайте проясним — Гермиона Грейнджер, сидевшая в пустом купе последнего вагона и оставившая дверь открытой на случай, если кто-нибудь захочет поговорить, не чувствовала себя одинокой, не гру-

стила, не унывала, не раскисала, не отчаивалась и не заикливалась на своих проблемах. Она с удовольствием перечитывала «Историю Хогвартса» в третий раз, хотя и была немного раздосадована общей абсурдностью мироустройства.

Хлопнула дверь между вагонами, снаружи послышались шаги и странный шорох. Гермиона отложила книгу, встала и выглянула за дверь (вдруг кому-то нужна помощь). В коридоре был мальчик в мантии, который, скорее всего, учился на первом или втором курсе. Из-за шарфа, намотанного на голову, он выглядел довольно глупо. Рядом с ним стоял маленький сундук. Как раз в этот момент мальчик стучался в другое купе со словами: «Извините, пожалуйста, можно задать вам вопрос?». Его голос звучал немного приглушённо из-за шарфа.

Узнать последовавший ответ не представлялось возможным, но когда мальчик открыл дверь, Гермиона была почти уверена, что правильно расслышала, как он спросил: «Кто-нибудь знает шесть ароматов кварков* или где мне найти первокурсницу Гермиону Грейнджер?»

После того как мальчик закрыл дверь купе, Гермиона подала голос: — Могу чем-то помочь?

Замотанная шарфом голова повернулась к ней и молвила:

— Только если назовёшь шесть ароматов кварков или скажешь, как найти первокурсницу Гермиону Грейнджер.

— Верхний, нижний, странный, очарованный, истинный, прелестный, и почему ты ищешь Гермиону Грейнджер?

С такого расстояния сложно было с уверенностью судить, но девочке показалось, что она различила под шарфом широкую ухмылку.

— А, так ты и есть первокурсница Гермиона Грейнджер, — произнёс приглушённый голос. — В поезде в Хогвартс, ни больше, ни меньше.

Мальчик направился к её купе, сундук зашуршал следом.

— Формально, всё, что от меня требовалось — это лишь поискать тебя, но, вероятно, я должен поговорить с тобой, или пригласить в свою группу, или получить от тебя важный магический предмет, или узнать, что Хогвартс был построен на руинах древнего храма, или что-то в этом духе. PC или NPC — вот в чём вопрос*.

Гермиона открыла рот, но так и не нашла ни единого варианта ответа на... это нечто, которое она сейчас услышала. Мальчик тем временем успел пройти мимо неё внутрь купе, осмотреться, удовлетворённо кивнуть и устроиться на пустой скамье напротив. Его сундук прошемыкнул следом, троекратно увеличился в размере и как-то даже слегка непристойно прижался к её собственному.

— Садись, пожалуйста, — сказал мальчик, одновременно снимая шарф с головы, — и, если не сложно, закрой дверь. Я не кусаюсь, пока меня самого не укусят.

Одной мысли о том, что мальчик считал возможным для неё испугаться в данной ситуации, было достаточно, чтобы заставить её с излишней силой захлопнуть дверь. Она повернулась и увидела детское лицо с яркими смеющимися зелёными глазами и тёмно-красным шрамом на лбу, который ей показался смутно знакомым. Впрочем, сейчас она думала совсем о другом.

— Я не говорила, что меня зовут Гермiona Грейнджер!

— А я и не говорил, что ты говорила, что тебя зовут Гермiona Грейнджер. Я сказал, что ты и есть Гермiona Грейнджер. Если хочешь спросить, как я узнал, то спешу заверить: я знаю всё. Добрый вечер, дамы и господа, перед вами Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес или Гарри Поттер, если короче. Предположу, что тебе это имя, для разнообразия, ни о чём не говорит.

Гермиона, наконец, нашла связь. Шрам в виде молнии у него на лбу.

— Гарри Поттер! О тебе написано в «Современной истории магии», «Расцвете и падении Тёмных искусств» и «Великих событиях мира волшебников двадцатого века».

Впервые в жизни она встретила человека из книги, и это было довольно необычное чувство.

Мальчик несколько раз моргнул:

— Обо мне? А, ну конечно, обо мне... что за странная мысль.

— Неужели ты не знал? — спросила Гермiona. — Будь я на твоём месте, я бы выяснила всё, что могла.

Ответ был достаточно сухим:

— Мисс Гермiona Грейнджер, менее семидесяти двух часов назад я оказался в Косом переулке и узнал, что знаменит. Два дня я покупал книги. Можешь быть уверена, я собираюсь узнать всё что можно, — мальчик замялся. — А что именно обо мне написано?

Гермиона попробовала вспомнить. Она не ожидала, что кто-нибудь будет проверять, насколько она знает эти книги, поэтому прочитала их только по одному разу. Но, поскольку это было всего лишь месяц назад, их содержание не успело выветриться из головы.

— Ты единственный, кто пережил Смертельное проклятие, поэтому тебя называют Мальчик-Который-Выжил. Ты родился 31 июля 1980 года. Твои родители — Джеймс и Лили Поттер, в девичестве Эванс. 31 октября 1981 года Тёмный Лорд, Тот-Кого-Нельзя-Называть, хотя я не знаю почему нельзя, совершил нападение на ваш дом, место-

положение которого было выдано Сириусом Блэком, хотя неизвестно, почему решили, что это был он. Ты был найден живым среди руин рядом со сгоревшими дотла останками тела Сам-Знаешь-Кого и со шрамом на лбу. Верховный чародей Визенгамота Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор спрятал тебя неизвестно где. В «Расцвете и падении Тёмных искусств» заявляют, что ты остался в живых благодаря материнской любви, что в твоём шраме заключены все магические силы Тёмного Лорда, и что тебя боятся кентавры, но «Великие события мира волшебников двадцатого века» не содержат никаких упоминаний об этом, а «Современная история магии» предупреждает, что с твоей личностью связано множество самых невероятных теорий.

Гарри внимал, открыв рот.

— Тебе не говорили найти Гарри Поттера в поезде в Хогвартс?

— Нет, — ответила Гермиона. — А кто сказал обо мне?

— Профессор МакГонагалл, и, кажется, я понимаю почему.

Гермиона, у тебя эйдетическая память?

Гермиона покачала головой:

— Нет, не фотографическая. Я всегда мечтала, чтобы она была такой, но мне приходится перечитывать книги по пять раз, чтобы выучить их наизусть.

— Правда? — выдавил мальчик. — Мне нужно убедиться самому, не возражаешь? Это не значит, что я тебе не верю, но, как говорится, доверяй, но проверяй. Нет смысла гадать, если можно провести эксперимент.

Гермиона самодовольно улыбнулась. Она любила тесты.

— Валяй.

Мальчик опустил руку в кошель и, сказав: «Магические отвары и зелья Арсениуса Джиггера», вытащил названную книгу.

Внезапно Гермионе больше всего на свете захотелось иметь такой же кошель.

Гарри Поттер открыл фолиант на середине и начал читать вслух:

— Если тебе нужно сделать масло Острого Глаза...

— Мне отсюда всё видно!

Мальчик наклонил книгу, спрятав содержимое от её глаз, и перелистнул пару страниц:

— Если ты собираешься сварить зелье Паучьей Цепкости, то какой ингредиент ты добавишь после паутины акромантула?

— Необходимо подождать, пока зелье не станет цвета тени безоблачного рассвета при солнце, скрытом за горизонтом под углом в восемь градусов и восемь минут, считая от верхней точки солнеч-

ного круга. Затем помешать восемь раз против солнца и один раз по солнцу и добавить восемь капель соплей единорога.

Мальчик резко захлопнул книгу и сунул её в кошель, который проглотил её с тихим урчанием.

— Так-так-так, так-так-та-а-ак. Должен с радостью сделать вам предложение, мисс Грейнджер.

— Предложение? — подозрительно спросила Гермиона. Девочкам не пристало выслушивать подобное. В то же время она заметила в мальчике одну странность (ну, одну из странностей): похоже, люди из книг даже разговаривают по-книжному. Довольно удивительное открытие.

Гарри Поттер вновь засунул руку в кошель, сказал: «Банка газировки», извлёк ярко-зелёный цилиндр и протянул ей:

— Ты, случаем, не хочешь пить?

Гермиона вежливо взяла напиток. Она даже вроде ощущала жажду.

— Большое спасибо. Это и было твоё предложение? — уточнила она, открывая банку.

Мальчик кашлянул.

— Нет, — ответил он и, подождав, пока девочка начнёт пить, добавил, — я хочу, чтобы ты помогла мне завладеть вселенной.

Гермиона закончила пить и опустила банку.

— Спасибо, нет. Я на стороне добра.

Мальчик посмотрел на неё удивленно, будто ожидал другого ответа.

— Ну, прозвучало, конечно, немного высокопарно, — сказал он. — Я имею в виду что-то наподобие бэконовского замысла, а не политическую власть. «Достижение всех возможных благ» и тому подобное. Я хочу провести экспериментальные исследования заклинаний, определить стоящие за ними законы, сделать магию областью научного знания, слить воедино миры волшебников и маглов, повсеместно улучшить качество жизни, продвинуть человечество на века вперёд, раскрыть секрет бессмертия, колонизировать Солнечную систему, исследовать галактику и, самое важное, понять, что, чёрт побери, здесь творится, потому что всё происходящее вокруг абсолютно невыносимо.

Это звучало уже интереснее.

— И?

Мальчик с недоверием уставился на неё:

— И? Этого что, недостаточно?

— И чего же ты хочешь от меня? — уточнила Гермиона.

— Чтобы ты помогла мне с исследованиями, конечно же. С твоей энциклопедической памятью и моими умом и рациональ-

ностью мы вмиг осуществим бэконовский замысел*. Под «вмиг» я имею в виду минимум тридцать пять лет.

Он уже начал надоедать.

— Пока что я не видела твой ум в деле. Возможно, это я позволяю тебе помочь мне с исследованиями.

В купе наступила тишина.

— Значит, ты хочешь, чтобы я продемонстрировал свой ум, — наконец последовал ответ.

Гермиона кивнула.

— Позволь предупредить, что оспаривание моих способностей — опасная затея, которая может сделать твою жизнь гораздо страннее.

— Пока что не впечатляет, — фыркнула Гермиона и поднесла банку газировки ко рту.

— Может, тебя впечатлит вот это, — ответил мальчик. Он наклонился вперёд и напряжённо посмотрел на неё. — Я немного поэкспериментировал и обнаружил, что мне не нужна палочка: я могу наколдовать всё, что хочу, щелчком пальцев.

Гермиона в это время делала очередной глоток. Она тут же подавилась, закашлялась и пролила ярко-зелёную жидкость. На совершенно новую мантию. В первый школьный день.

Как ни странно, девочка закричала. Это был пронзительный звук, напоминающий вой сирены воздушной тревоги.

— А-а! Моя одежда!

— Без паники, — спокойно произнёс мальчик. — Я всё могу исправить. Смотри!

Он поднял руку и щёлкнул пальцами.

— Ты... — Гермиона посмотрела вниз на одежду.

На ней всё ещё были зелёные капли, но они исчезали прямо на глазах и через несколько секунд пропали вовсе.

Гермиона уставилась на мальчика. Тот самодовольно улыбался.

Магия без палочки и без слов! В его-то возрасте?! А ведь он получил учебники только три дня назад!

Она вспомнила всё, что читала, ахнула и отпрянула от мальчика. *Вся сила Тёмного Лорда в его шраме!*

— Мне... мне... мне надо в туалет, подожди здесь... — она торопливо поднялась.

Ей необходимо найти взрослого и всё рассказать.

Улыбка исчезла с лица мальчика.

— Это только фокус. Прости, я не хотел тебя напугать.

Её рука замерла на дверной ручке.

— Фокус?!

— Да, — ответил Гарри Поттер. — Ты просила продемонстрировать мой ум. А, как известно, верный способ впечатлить — совершить нечто невозможное. На самом деле я не могу колдовать без палочки, — он замолчал. — По крайней мере, я думаю, что не могу. Я ведь не проверял.

Он снова поднял руку и щёлкнул пальцами.

— Не-а, банан не появился.

Гермиона была смущена как никогда в своей жизни.

А мальчик улыбался, глядя на выражение её лица.

— Я ведь предупреждал, что оспаривание моих способностей может сделать твою жизнь страннее. Вспомни об этом, когда я тебя о чём-нибудь предупрежу в следующий раз.

— Но... но... — запнулась Гермиона. — Как же ты тогда это сделал?

Взгляд мальчика приобрёл оценивающее, взвешивающее выражение, какого она никогда не видела на лицах сверстников.

— Ты полагаешь, что у тебя есть все необходимые способности для того, чтобы проводить научные исследования со мной или без меня? Тогда давай посмотрим, как ты исследуешь смутивший тебя феномен.

— Я... — на секунду у Гермионы в голове стало пусто: она любила, когда её тестировали, но ей никогда не давали подобных заданий. Девочка лихорадочно пыталась вспомнить, как в таких случаях действуют учёные. Шестерёнки быстро закрутились в голове, и мозг выдал инструкцию, как сделать проект на научную выставку.

Шаг 1: Сформулировать гипотезу.

Шаг 2: Провести эксперимент, чтобы проверить гипотезу.

Шаг 3: Оценить результаты.

Шаг 4: Сделать презентационный плакат.

В первую очередь нужно было сформулировать гипотезу. То есть попытаться предположить, чем могло быть случившееся.

— Хорошо. Моя гипотеза гласит, что ты наложил чары на мою мантию, чтобы всё, что на неё проливается, исчезало.

— Ладно, — согласился мальчик, — это твой ответ?

Шок потихоньку спадал, и разум Гермионы начинал работать должным образом.

— Подожди, это не самая лучшая идея. Я не видела, чтобы ты дотрагивался до своей палочки или произносил заклинание, поэтому зачаровать мантию ты не мог.

Гарри Поттер ждал, его лицо не выражало никаких эмоций.

— Но, учитывая, насколько очевидно и полезно такое волшебство применительно к одежде, можно предположить, что все мантии были зачарованы ещё в магазине. И ты узнал об этом, пролив что-то на себя раньше.

Брови мальчика поползли вверх.

— Это твой ответ?

— Нет, я ещё не перешла к Шагу 2: «Провести эксперимент, чтобы проверить гипотезу».

Мальчик улыбнулся и промолчал.

Гермиона заглянула внутрь банки, которую до этого автоматически сунула в держатель для чашек у окна. Оставшаяся жидкость занимала примерно треть её объёма.

— Итак, — продолжила Гермиона, — мой эксперимент заключается в том, чтобы облить газировкой свою мантию и посмотреть, что произойдёт. Я предполагаю, что жидкость исчезнет. Но если этого не случится, на мантии останется пятно, чего я совсем не хочу.

— Тогда пролей на меня, — предложил мальчик, — и тебе не придётся беспокоиться об испачканной мантии.

— Но... — произнесла Гермиона. Что-то было не так в его предложении, но она не знала, как сформулировать свою мысль.

— У меня есть запасные мантии в сундуке, — успокоил Гарри.

— Но здесь негде переодеться, — возразила девочка, однако сразу нашла решение. — Хотя я могу выйти и закрыть дверь.

— В сундуке есть место, чтобы переодеться.

Гермиона посмотрела на его сундук, который, как она начинала подозревать, был куда более необычным, чем её собственный.

— Ладно, — сказала она. — Раз ты не против...

Она осторожно вылила немного зелёной жидкости на краешек мантии мальчика и уставилась на пятно, пытаясь вспомнить, сколько времени понадобилось газировке в первый раз, чтобы исчезнуть...

И пятно пропало!

Гермиона облегчённо выдохнула, в том числе и потому, что магические способности Тёмного Лорда оказались ни при чём.

Шаг 3: оценка результатов. В данном случае это просто наблюдение исчезновения газировки.

Шаг 4 (про плакат) она решила вовсе опустить.

— Мой вывод — мантии зачарованы на самоочищение.

— Не совсем...

Гермиону кольнуло разочарование. Она очень хотела бы испытывать какое-нибудь другое чувство, но, хоть мальчик и не был

учителем, тест оставался тестом, и она его завалила, что всегда воспринималось ею довольно болезненно.

(Почти всё, что вам нужно знать о Гермионе Грейнджер, — она никогда не позволит ошибке остановить её или хотя бы ослабить её любовь к проверкам.)

— Самое печальное, — констатировал Гарри Поттер, — что ты, вероятно, сделала всё, как написано в книгах. Ты сформулировала гипотезу, которая имела два решения: мантия зачарована или мантия не зачарована. Ты провела опыт и отмела вариант, что мантия не зачарована. Но пока ты читаешь не самые-самые лучшие книги, ты не научишься проводить исследования правильно. Так, чтобы получать действительно верные ответы, а не просто штамповать публикации в журналы, на которые вечно жалуется мой отец. Я попробую объяснить, не раскрывая ответ, где ты сейчас ошиблась, и дам тебе ещё один шанс.

Гермиону начинало возмущать превосходство в голосе мальчика. В конце концов, ему было столько же лет, сколько и ей. Но желание выяснить, что она сделала неправильно, перевешивало всё остальное.

— Хорошо.

Мальчик сосредоточился:

— Есть игра, основанная на известном эксперименте «Задание 2-4-6». Суть игры в следующем. Существует известное только мне правило, которому подчиняются определённые тройки чисел. 2-4-6 — это один из примеров тройки, подходящей под правило. А вообще... давай, я запишу правило на бумажке, просто, чтобы ты знала, что оно зафиксировано, сверну листок и отдам его тебе. Пожалуйста, не подсматривай, я уже понял, что ты умеешь читать вверх ногами.

Гарри Поттер сказал «бумага» и «механический карандаш» своему кошельку, и Гермиона крепко зажмурилась, пока он писал.

— Вот, — произнёс мальчик, держа в руке тщательно свёрнутый кусочек бумаги. — Положи это к себе в карман.

Что она и сделала.

— Правила игры такие, — продолжал он. — Ты сообщаем мне тройку чисел, и если эта последовательность описывается правилом, то я говорю «да», а в противном случае — «нет». Я — Природа, правило — один из моих законов, и ты изучаешь меня. Ты уже знаешь, что тройке 2-4-6 соответствует «да». Когда ты проведёшь все тесты, какие захочешь, то есть назовёшь столько троек, сколько считаешь нужным, остановись и попробуй угадать правило, а затем можешь развернуть листочек и посмотреть, права ты или нет. Суть игры понятна?

— Конечно да, — ответила Гермiona.

— Вперёд.

— 4-6-8, — начала она.

— Да, — ответил мальчик.

— 10-12-14.

— Да.

Ответ напрашивался сам собой, но решение получалось слишком лёгким, и Гермiona проверила ещё несколько троек:

— 1-3-5.

— Да.

— Минус 3, минус 1, плюс 1.

— Да.

Оставалось лишь сказать ответ:

— Правило заключается в том, что каждое следующее число из тройки больше предыдущего на два.

— А теперь, предположим, я сообщил тебе, — произнёс мальчик, — что этот тест сложнее, чем кажется, и только двадцать процентов взрослых находят правильный ответ.

Гермiona нахмурилась. Где же она промахнулась? И внезапно поняла, что ещё нужно было проверить.

— 2-5-8! — с триумфом сказала она.

— Да.

— 10-20-30!

— Да.

— Правильный ответ: числа в тройке каждый раз возрастают на одну и ту же величину. Это не обязательно двойка.

— Очень хорошо, — кивнул мальчик, — вытащи бумажку и посмотри, так ли это.

Гермiona извлекла листочек из кармана и развернула его.

Три действительных числа в порядке возрастания, от меньшего к большему.

Девочка остолбенела. У неё возникло отчётливое чувство какой-то ужасной несправедливости по отношению к ней. Гарри Поттер был грязным, отвратительным обманщиком и лжецом. Но во время игры все его ответы были верными.

— То, что с тобой сейчас происходило, называется «положительной предвзятостью», — сказал мальчик. — У тебя в голове было правило, и ты раздумывала над тройками, которые подойдут под это правило. Ты не попыталась найти тройку, ответом на которую будет «нет». Ты вообще не получила ни единого «нет», так

что правилом легко могло быть даже «любые три числа». Обычно люди предпочитают проводить эксперименты, которые подтвердят их гипотезы, а не те, которые их опровергнут. У тебя — почти такая же ошибка. Необходимо учиться смотреть на отрицательные стороны вещей, пристально вглядываясь в темноту. При проведении этого эксперимента только двадцать процентов взрослых доходят до правильного ответа. Большинство же изобретает фантастически сложные гипотезы и абсолютно уверены в правильности своего варианта. Особенно после многочисленных экспериментов, подтвердивших их ожидания. А теперь не хочешь ли попробовать вернуться к первоначальной задаче?

По его пристальному взгляду было видно, что настоящий тест начинается только сейчас.

Гермиона закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Она вспотела под мантией. Её посетило странное чувство, что это было самое сложное задание из тех, с которыми она имела дело, или даже что сейчас она в первый раз действительно думает над тестом.

Какой ещё эксперимент можно было провести? У неё была шоколадная лягушка. Может, попытаться растереть её кусочек по мантии и посмотреть, исчезнет ли шоколад? Но это не было похоже на негативный подход, о котором говорил мальчик. Как будто она хотела лишь подтвердить, что мантии зачарованы, тем, что пятно от шоколадной лягушки пропадёт.

Поэтому... относительно её гипотезы... когда же газировка... не исчезнет?

— Мне нужно провести эксперимент, — уверенно проговорила Гермиона. — Я хочу пролить газировку на пол и убедиться, что она не исчезнет. У тебя в кошеле есть какие-нибудь бумажные полотенца, чтобы я смогла вытереть лужу, если это не сработает?

— У меня есть салфетки, — ответил мальчик. Его лицо всё ещё ничего не выражало.

Гермиона взяла газировку и пролила несколько капель на пол.

Спустя пару секунд жидкость исчезла.

— Эврика, — прошептала девочка почти против собственной воли. Вообще-то, ей хотелось прокричать это слово, но она была слишком сдержанной. Гермиона вдруг всё поняла и мысленно пнула себя.

— Ну конечно! Ведь это ты дал мне газировку! Заколдована не мантия. Всё это время под чарами была газировка!

Мальчик встал, торжественно кивнул и расплылся в широкой улыбке:

— Что же... нужна ли тебе моя помощь в исследованиях, Гермiona Грейнджер?

— Я... эм... — она чувствовала эйфорию, но не была уверена, как ответить на такое предложение.

Их прервал слабый, неуверенный, лёгкий и даже несколько неохотный стук в дверь.

Мальчик отвернулся к окну и произнёс:

— Я без шарфа. Ты не откроешь?

И тогда Гермiona наконец поняла, почему мальчик — нет, Мальчик-Который-Выжил, Гарри Поттер — ходил с шарфом, намотанным на голову, когда они встретились, и почувствовала себя немного глупо из-за того, что не догадалась раньше.

Странно, до этого она полагала, что Гарри Поттер из тех, кто гордо демонстрирует себя всему миру. Но вышло, что он куда более застенчив, чем казался на первый взгляд.

За дверью Грейнджер увидела дрожащего мальчика, который выглядел точно так же, как стучался.

— Извините, — тонким голосом сказал он, — меня зовут Невилл Лонгботтом. Я потерял свою жабу. Я... я обыскал весь поезд... Вы её не видели?

— Нет, — покачала головой Гермiona, и тут её желание помогать другим включилось на полную. — Ты все купе здесь проверил?

— Да, — прошептал новый знакомый.

— Значит, нужно проверить остальные вагоны, — оживилась девочка, — я помогу тебе. Кстати, я Гермiona Грейнджер.

Мальчик был готов упасть в обморок от благодарности.

— Пойдите, — подал голос другой мальчик — Гарри Поттер, — не уверен, что поступить нужно именно так.

Казалось, Невилл вот-вот зарыдает. Гермiona сердито развернулась. Неужели Гарри Поттер ради своего спокойствия мог бросить маленького мальчика в беде...

— Что? Почему это нет?

— Видишь ли, — сказал Гарри Поттер, — тщательная проверка всего поезда займёт уйму времени, жаба может и не найтись до прибытия в Хогвартс, и тогда у неё будут проблемы. Так что гораздо правильнее направиться сразу в первый вагон к старостам и попросить помощи у них. Я так и поступил, когда пытался найти тебя, Гермiona, впрочем, они понятия не имели, где искать. Но полагаю, у старост есть заклинания или магические предметы, которые значительно упростят поиски жабы. Мы же только первогодки.

В этом определённо был смысл.

— Ты сможешь самостоятельно добраться до вагона старост? — поинтересовался у мальчика Гарри Поттер. — У меня есть причины не светить лицом без необходимости.

Внезапно Невилл открыл рот и отпрянул:

— Я помню этот голос! Ты один из Лордов Хаоса! Ты дал мне конфету!

Что? Что-что-что?

Гарри Поттер резко поднялся и повернулся к двери:

— Я? Никогда! Разве я похож на злодея, который даст ребёнку конфету?

Невилл вытаращил глаза:

— Ты — Гарри Поттер? Тот самый Гарри Поттер? Ты?!

— Нет, вообще-то в этом поезде три Гарри Поттера, я лишь один из них.

Невилл тихо пискнул и выбежал из купе. Звук быстро удаляющихся шагов сменился звуком открывающейся и закрывающейся двери вагона.

Гермиона тяжело опустилась на скамью. Гарри Поттер закрыл дверь купе и сел рядом.

— Можешь объяснить мне, что происходит? — подала голос Гермиона. Неужели около Гарри Поттера она обречена на постоянное замешательство?

— Ну, просто Фред, Джордж и я увидели на платформе этого несчастного мальчика. Женщина, сопровождавшая его, на минуту отлучилась, и он был страшно напуган. Как будто на него сейчас нападут Пожиратели Смерти. Так вот, говорят, что страх часто хуже того, чего боятся. И я решил: парень только выиграет, если его худшие кошмары станут реальностью и выяснится, что они не так плохи, как ему казалось...

Гермиона ошеломлённо молчала.

— ...Фред и Джордж заколдовали шарфы, которые мы намотали на головы, чтобы они казались тёмными и расплывчатыми, как будто мы короли-призраки в могильных саванах...*

Ей совсем не нравилось то, к чему вёл рассказ.

— ...Мы отдали ему все купленные мной конфеты и закричали что-то вроде: «Давай дадим ему денег! Ха-ха-ха! Держи пару кнатов, парень! Вот тебе серебряный сикль!», принялись прыгать вокруг него, дьявольски хохотать и так далее. Поначалу я думал, что кто-нибудь из толпы вмешается, но эффект свидетеля удерживал всех на месте, пока до людей не дошло, что мы делаем, а потом, очевидно, они уже были слишком растеряны, чтобы как-то реагировать. В конце

концов, он пролепетал: «Уходите». Мы взвыли и убежали прочь, голося, что солнечный свет жжёт нас. Надеюсь, после этого он будет меньше бояться, когда к нему будут приставать хулиганы. Кстати, этот приём называется «десенситизация»*.

Ладно, она совсем не угадала, чем закончится эта история.

Несмотря на то, что часть её полностью понимала его мотивы, пламя праведного гнева, свойственного натуре Гермионы, вырвалось наружу:

— Это ужасно! Ты ужасен! Бедный мальчик! То, что ты сделал, — гадко!

— Думаю, правильнее использовать слово «забавно». В любом случае, предлагаю посмотреть с другой стороны: причинило ли это больше вреда, чем пользы, или наоборот? Если у тебя есть аргументы в пользу одного из возможных ответов на этот вопрос, то я буду рад их выслушать. И я не приму во внимание остальную критику, пока мы не разберёмся с ним. Я, конечно, согласен, что мой поступок выглядит ужасным, унижающим, гадким, особенно раз он касается напуганного маленького мальчика, но суть в другом. Правильность поступка определяется не тем, как хорошо он выглядит или что он значит, а тем, каковы его последствия. Это, кстати, называется «консеквенциализм»*.

Гермиона открыла рот, чтобы сказать что-нибудь очень резкое, но все мысли вдруг вылетели из головы, и она смогла лишь выдавить:

— А если у него будут ужасные кошмары?

— Думаю, он видел кошмары и без нашей помощи. Но теперь, если ему будут сниться страшные сны, в них будут фигурировать жуткие монстры, раздающие шоколадные конфеты. Собственно, весь смысл именно в этом.

Разум Гермионы икал в замешательстве всякий раз, когда она пыталась рассердиться.

— Твоя жизнь всегда такая необычная? — наконец выдавила она.

Лицо Гарри Поттера засияло от гордости:

— Я старательно делаю её необычной. Перед тобой результат усердной и кропотливой работы.

— Итак... — начала Гермиона и неловко замолчала.

— Итак, — продолжил Гарри Поттер, — какие области науки тебе знакомы? Я изучал высшую математику, немного разбираюсь в теории вероятностей Байеса и теории принятия решений, достаточно хорошо знаю когнитивистику. Я читал первый том лекций Фейнмана, «Принятие решений в неопределённости: Правила и предубеждения», «Язык в мысли и действии», «Психологию влияния», «Рациональный выбор в неопределённом мире», «Гёделя, Эшера, Баха», «Шаг в будущее»...*

Взаимное исследование списка прочитанных книг продолжалось несколько минут, пока его не прервал робкий стук в дверь.

— Войдите, — голоса Гермионы и Гарри Поттера прозвучали в унисон. Дверь отворилась, открывая их взору Невилла Лонгботтома.

На этот раз он и впрямь плакал.

— Я пошёл к первому вагону и нашёл с-старосту, он с-сказал мне, что старосты не занимаются такой мелочью, как п-пропавшие жабы.

Лицо Мальчика-Который-Выжил изменилось. Его губы сжались в тонкую линию.

— И какие цвета он носил? Зелёный и серебряный? — мрачно и холодно спросил Гарри.

— Нет, у него был красно-золотой значок.

— Красный с золотом! — не удержалась Гермиона. — Но это цвета Гриффиндора!

Гарри Поттер издал звук, похожий на рассерженное шипение змеи, заставив её и Невилла вздрогнуть.

— Похоже, — Гарри цедил каждое слово, — поиск жабы, потерянной первокурсником, — недостаточно героическое действие для старосты Гриффиндора. Пошли, Невилл. На этот раз с тобой буду я. Может, Мальчику-Который-Выжил окажут больше внимания. Сначала мы поищем старосту, знающего подходящее заклинание. Если такого не найдётся, мы найдём старост, которые не побоятся запачкать руки. Если и это не удастся сделать, то я соберу своих поклонников, и мы вывернем поезд наизнанку.

Мальчик-Который-Выжил вскочил с места и схватил Невилла за руку. Гермиона внезапно осознала, что они одного роста (хотя часть её настаивала на том, что Гарри Поттер на один фут выше, а Невилл ниже, по меньшей мере, на шесть дюймов).

— Останься! — бросил он её (нет, подождите — своему сундуку!), вышел из купе и плотно закрыл за собой дверь.

Вероятно, Гермионе следовало пойти с ними, но на мгновение Гарри Поттер показался таким пугающим, что она была рада остаться.

В её голове всё так перемешалось, что даже «Хисторию Огвартса» она толком не понимала. Было ощущение, будто её переехал паровой каток и расплющил в блин. Она не знала, что думать, не понимала, что чувствовала и почему. Так что девочка просто села у окна и стала смотреть на проносившиеся мимо пейзажи.

Но, по крайней мере, она понимала причину лёгкой грусти внутри.

Возможно, Гриффиндор не так хорош, как она считала.

Глава 9

(Название скрыто)¹. Часть 1

All your base are belong to J. K. Rowling*.

*Нельзя быть абсолютно уверенным, что
какое-нибудь маленькое событие не помешает
осуществлению генерального плана.*

- **А**ббот, Ханна!
Пауза.
— ПУФФЕНДУЙ!
— Боунс, Сьюзен!
Пауза.
— ПУФФЕНДУЙ!
— Бут, Терри!
Пауза.
— КОГТЕВРАН!

Гарри мельком глянул на своего нового товарища по факультету, только чтобы увидеть лицо, не более. Он всё ещё приходил в себя после встречи с привидениями. И самое печальное — у него понемногу получалось. Как-то слишком уж быстро. По идее, на это нужен был хотя бы день. А может быть, и вся жизнь. Идеально было бы не приходиться в себя вовсе.

— Корнер, Майкл!
Длинная пауза.
— КОГТЕВРАН!

За кафедрой перед большим профессорским столом стояла профессор МакГонагалл. Она выглядела строгой и строго оглядывала зал, называя одно имя за другим, и улыбнулась только Гермионе и ещё нескольким ученикам. Позади неё в кресле с высокой спин-

¹ Название главы 9 в момент публикации было скрыто автором. Позже так же было скрыто название главы 51. — *Прим. ред.*

кой, которое больше походило на золотой трон, сидел морщинистый старец в очках. Его седая борода казалась столь длинной, что на-верняка почти касалась пола. Старик с благожелательным видом наблюдал за распределением. Он был практически воплощённым стереотипом «премудрого старца», разве что без налёта восточной таинственности. (Впрочем, Гарри уже не торопился с выводами на основе стереотипной внешности, ведь, когда он в первый раз увидел МакГонаггалл, то подумал, что она должна злобно хохотать.) Старый волшебник аплодировал каждому распределённому ученику с неизменной и на удивление радостной улыбкой.

Слева от золотого трона сидел мужчина с суровым лицом и пронзительным взглядом. Он никому не аплодировал, и всякий раз, когда Гарри смотрел на него, мужчина каким-то образом ловил его взгляд. Ещё левее располагался бледный волшебник, которого Гарри видел в «Дырявом котле». Его глаза постоянно метались, словно он нервничал из-за присутствия такого количества людей вокруг. Иногда он вздрагивал и ёрзал на стуле, и, по какой-то причине, взгляд Гарри всё время возвращался к нему. Левее этого мужчины сидели три старые ведьмы, которых, судя по всему, ученики не слишком интересовали.

По правую сторону от золотого трона сидела круглолицая женщина среднего возраста в жёлтой шляпе. Она аплодировала всем ученикам, кроме слизеринцев. Рядом с ней на стуле стоял маленький человечек с пышной белой бородой, который аплодировал всем, но улыбался только когтевранцам. А на самом краю, занимая место как минимум трёх существ более скромных размеров, сидело гороподобное создание, которое встретило их после поезда и представилось как Хагрид, хранитель земель и ключей.

— Человек, который стоит на стуле — декан Когтеврана? — шёпотом спросил Гарри у Гермионы.

На этот раз она не ответила. Гермиона не отрывала взгляд от Распределяющей шляпы, она переминалась с ноги на ногу так часто, что Гарри казалось: ещё немного — и она взлетит.

— Да, — ответила одна из старост, стоявших с ними — молодая девушка в синих цветах Когтеврана — мисс Клируотер, если Гарри ничего не перепутал. Она ответила тихо, но в её голосе была слышна нотка гордости. — Это профессор Заклинаний, Филиус Флитвик, лучший специалист по заклинаниям из ныне живущих и в прошлом чемпион дуэлей...

— Почему он такой маленький? — прошепел ученик, чьего имени Гарри не помнил. — Он что, полукровка?

Девушка-староста смерила спросившего холодным взглядом.

— Среди предков профессора, действительно, были и гоблины...

— Что?! — вырвалось у Гарри. Гермiona и ещё несколько учеников тут же шикнули на него.

Теперь и Гарри достался на удивление грозный взгляд старосты Когтеврана.

— В смысле... — зашептал Гарри. — Я не вижу в этом ничего плохого... просто... как это может быть? Если скрестить два разных вида, жизнеспособного потомства не будет! Генетические инструкции для каждого органа, в которых есть различия, перепутаются... Это всё равно, что попытаться построить... — Гарри не мог использовать аналогию с перепутавшимися чертежами двигателей, потому что у волшебников нет машин, — полуповозку-полулодку или что-то в этом духе...

Староста Когтеврана по-прежнему сурово смотрела на него.

— И почему же это нельзя сделать полуповозку-полулодку?

— Тс-с! — шикнул другой староста, хотя ведьма из Когтеврана спросила довольно тихо.

— Я хотел сказать... — Гарри пытался придумать, как спросить, произошли ли гоблины от людей или от какого-то общего с людьми предка, например, *Homo erectus*, или их каким-то образом создали из людей. Если они, скажем, генетически всё-таки люди с передаваемыми по наследству магическими изменениями, эффект которых снижается, если «гоблином» является лишь один из родителей, то это объясняло бы возможность межвидового скрещивания. И в этом случае гоблины не являются невероятно важным источником информации о развитии интеллекта у других видов, помимо *Homo sapiens*. Теперь, когда Гарри об этом задумался, он осознал, что гоблины в Гринготтсе нельзя сказать, что проявляли какое-то по-настоящему чуждое нечеловеческое мышление, в них не было ничего похожего на дирдиров или кукловодов*. — В смысле, откуда же появились гоблины?

— Из Литвы, — отстранённо шепнула Гермiona, по-прежнему не сводя глаз с Распределяющей шляпы, и заработала улыбку от девушки-старосты.

— Ладно, забудьте, — сдался Гарри.

Стоявшая за трибуной профессор МакГонаггал объявила:

— Голдштейн, Энтони!

— КОГТЕВРАН!

Гермiona раскачивалась на носочках с такой силой, что фактически подпрыгивала.

— Гойл, Грегори!

Почти целую минуту в зале стояла напряжённая тишина.

— СЛИЗЕРИН!

— Грейнджер, Гермиона!

Гермиона сорвалась с места, ринулась вперёд, схватила с табурета старую залатанную шляпу и с силой нахлобучила её на голову. Гарри поморщился. Гермиона сама же рассказала ему про Распределяющую шляпу, однако сейчас вела себя явно неподобающим образом по отношению к незаменимому, жизненно необходимому артефакту, созданному восемьсот лет назад с помощью давно забытой магии, который прямо сейчас проникнет в её разум посредством сложной телепатии, находясь при этом далеко не в лучшей физической форме.

— КОГТЕВРАН!

Опять же, нашла о чём волноваться. В какой безумной альтернативной вселенной эта девочка могла не попасть в Когтевран? Если бы Гермиону Грейнджер не зачислили в Когтевран, то зачем тогда вообще было придумывать этот факультет?

Под вежливые приветствия Гермиона села за стол к когтевранцам. Интересно, были бы их поздравления громче или тише, если бы они понимали, с каким конкурентом в её лице они собираются разделить трапезу? Гарри знал число Пи до шестого знака после запятой, потому что более высокой точности для решения практических задач обычно не требовалось. Гермиона же помнила Пи до сотого знака просто потому, что оно было написано с такой точностью на задней обложке её учебника по математике.

К радости Гарри, Невилл Лонгботтом попал в Пуффендуй. Если верность и товарищество и правда отличительные черты этого факультета, то поступить туда и обрести целый факультет надёжных друзей — отличный вариант для Невилла. Умные дети — в Когтевране, хитрые — в Слизерине, искатели приключений — в Гриффиндоре, а те, кто по-настоящему работает — в Пуффендуе.

(Но Гарри не ошибся, в первую очередь обратившись за помощью в поисках жабы именно к старосте Когтеврана. Девушка читала книгу и, даже не посмотрев на него, ткнула палочкой в сторону Невилла и что-то пробормотала. После чего Невилл с застывшим лицом двинулся в пятый вагон и зашёл в четвёртое купе, в котором и правда нашёл свою жабу.)

Когда Драко оказался в Слизерине, Гарри с облегчением выдохнул. Так и должно было случиться, но нельзя быть абсолютно уверенным, что какое-нибудь маленькое событие не помешает осуществлению генерального плана.

Профессор МакГонагалл вызвала «Перкс, Салли-Энн», и от группы детей отделилась бледная, очень худенькая девочка. Она казалась какой-то нематериальной, создавалось ощущение, будто она исчезнет, если перестать на неё смотреть, и больше увидеть или даже вспомнить её не удастся*.

А затем (с лёгким трепетом, который она постаралась тщательно скрыть и который смогли бы заметить лишь те, кто очень хорошо её знал) Минерва МакГонагалл сделала глубокий вдох и произнесла:

— Поттер, Гарри!

В зале воцарилась полная тишина.

Все разговоры прекратились.

Все головы повернулись в его сторону.

Впервые в жизни Гарри почувствовал, что у него появилась возможность узнать, что такое страх сцены.

Гарри сразу же подавил это чувство. Если он хочет жить в магической Британии и при этом сделать что-нибудь стоящее, он должен привыкнуть к тому, что все вокруг на него смотрят. Приклеив уверенную фальшивую улыбку себе на лицо, он поднял ногу, чтобы шагнуть вперёд...

— Гарри Поттер! — закричал то ли Фред, то ли Джордж Уизли.

— Гарри Поттер! — выкрикнул второй близнец, и миг спустя уже весь гриффиндорский стол, а за ним и добрая часть столов Когтеврана и Пуффендуя скандировали:

— Гарри Поттер! Гарри Поттер! Гарри Поттер!

И Гарри двинулся вперёд. Слишком медленно, как он понял через мгновение, но было уже слишком поздно менять темп — это выглядело бы странно.

* * *

— Гарри Поттер! Гарри Поттер! ГАРРИ ПОТТЕР!

Слишком хорошо представляя, что она увидит, Минерва МакГонагалл обернулась и оглядела сидящих за профессорским столом.

Трелони лихорадочно обмахивалась веером, Флитвик взирал на происходящее с любопытством, Хагрид аплодировал в одиночестве, Спраут выглядела недовольной, Вектор и Синистра — ошеломлёнными, а Квиррелл смотрел в никуда пустым взглядом. Альбус доброжелательно улыбался. А Северус Снейп побелевшими от напряжения пальцами сжимал пустой серебряный кубок с такой силой, что уже успел слегка его погнуть.

Широко улыбаясь и слегка раскланиваясь в обе стороны, Гарри Поттер точно выверенным шагом шёл вперёд между факультетскими столами. Словно принц, вступающий во владение замком.

— Спаси нас от ещё каких-нибудь тёмных лордов! — крикнул один из близнецов Уизли.

— Особенно, если они есть среди профессоров! — поддержал его другой.

За всеми столами, кроме слизеринского, раздался смех.

Минерва плотно сжала губы. Она ещё поговорит с Ужасными Уизли по поводу последней части. Наверное, они думают, что в самый первый день снять баллы с Гриффиндора невозможно, и потому она не сможет ничего сделать. Но если им плевать на отработки, она придумает что-нибудь ещё.

Затем с внезапным испугом она посмотрела на Снейпа: он же должен понимать, что *этот* Поттер не может знать, о ком шла речь...

Снейп уже спрятал гнев за маской безразличия. Неуловимая улыбка играла на его губах. Не обращая внимания на стол гриффиндорцев, он смотрел на Гарри Поттера. Его руки сжимали искорёженные останки серебряного кубка.

* * *

С застывшей улыбкой на лице Гарри шёл вперёд. Он был польщён подобным приёмом, но вместе с тем чувствовал себя ужасно.

Люди приветствовали его за то, что он совершил ещё лёжа в клыбели. И даже, по сути, не довёл до конца. Ведь неизвестно как, неизвестно где Тёмный Лорд продолжал жить. Встречали бы они его так же горячо, если б знали об этом?

Но однажды сила Тёмного Лорда уже была сломлена.

И Гарри снова защитит их. Раз уж существует пророчество на этот счёт. Нет, защитит, невзирая на предписания дурацких пророчеств.

Гарри Поттер не мог позволить себе подвести людей, которые верили в него и приветствовали его: блеснуть и раствориться во тьме, как это бывает со многими одарёнными детьми. Разочаровать всех. Оказаться недостойным своей репутации символа Света — неважно, как он её заработал. Нет. Он оправдает все их ожидания. Неважно, сколько времени это займёт, но, даже если ради этого ему придётся умереть, он оправдает их ожидания целиком и полностью. Более того, он даже превзойдёт эти ожидания, и люди, оглядываясь назад, будут удивляться тому, что ждали от него столь малого.

— ГАРРИ ПОТТЕР! ГАРРИ ПОТТЕР! ГАРРИ ПОТТЕР!

Гарри сделал последний шаг к Распределяющей шляпе. Он отвесил поклон Ордену Хаоса за гриффиндорским столом, затем повернулся, поклонился остальной части зала и подождал, пока стихнут смешки и аплодисменты.

На задворках его сознания мелькнул вопрос, обладает ли Распределяющая шляпа разумом, то есть осознает ли она себя мыслящим существом, и если так, не скучно ли ей общаться лишь с одиннадцатилетними детьми единственный раз в год? Да и её песня как бы намекала: «Я болтливая шляпа, и всё просто класс, я сплю весь год, поработав час...»¹

Когда в зале стало совсем тихо, Гарри уселся на табуретку и осторожно поместил телепатический артефакт, созданный восемьсот лет назад с помощью давно забытой магии, себе на голову.

Он изо всех сил подумал:

Подожди, не объявляй мой факультет! У меня есть к тебе вопросы! Применяли ли ко мне когда-нибудь заклинание Обливиэт? Распределяла ли ты Тёмного Лорда, когда он был ребёнком, и можешь ли ты рассказать мне о его слабостях? Знаешь ли ты, почему я получил палочку — сестру палочки Тёмного Лорда? Связан ли дух Тёмного Лорда с моим ирамом, и является ли это причиной моих приступов злости? Это самые важные вопросы, но если у тебя есть ещё секунда, может, ты расскажешь мне что-нибудь о том, как снова открыть забытую магию, создавшую тебя?

В тишине души Гарри, где раньше никогда не было каких-либо голосов, кроме его собственного, появился второй, незнакомый, заметно обеспокоенный голос:

— Ох, ничего себе! Такое со мной впервые...

¹ Пародия на песню из шоу «Летающий Цирк Монти Пайтона»: «I'm a lumberjack and I'm okay. I sleep all night and work all day». — Прим. перев.

Глава 10

Самосознание. Часть 2

All your base are still belong to Rowling.

...На задворках его сознания мелькнул вопрос, обладает ли Распределяющая шляпа разумом, то есть осознаёт ли она себя мыслящим существом, и если так, не скучно ли ей общаться лишь с одиннадцатилетними детьми единственный раз в год? Да и её песня как бы намекала: «Я болтливая шляпа, и всё просто класс, я сплю весь год, поработав час...»

Когда в зале стало совсем тихо, Гарри уселся на табуретку и осторожно поместил себе на голову телепатический артефакт, созданный с помощью давно забытой магии восьмьсот лет назад.

Он изо всех сил подумал:

— Подожди, не объявляй мой факультет! У меня есть к тебе вопросы! Применяли ли ко мне когда-нибудь заклинание Обливи-эйт? Распределяла ли ты Тёмного Лорда, когда он был ребёнком, и можешь ли ты рассказать мне о его слабостях? Знаешь ли ты, почему я получил палочку — сестру палочки Тёмного Лорда? Связан ли дух Тёмного Лорда с моим шрамом, и является ли это причиной моих приступов злости? Это самые важные вопросы, но если у тебя есть ещё секунда, может, ты расскажешь мне что-нибудь о том, как снова открыть забытую магию, создавшую тебя?

В тишине души Гарри, где раньше никогда не было каких-либо голосов, кроме одного, появился второй, незнакомый, заметно обеспокоенный голос:

— Ох, ничего себе! Такое со мной впервые...

— Что?!

— Похоже, я осознала себя.

— ЧТО?!

Бесшумный телепатический вздох:

— *Хоть я и обладаю приличным объёмом памяти и некоторым запасом независимой вычислительной мощности, мои основные интеллектуальные возможности зависят от познавательных*

способностей ребёнка, на голове которого я нахожусь. По сути, я зеркало, с помощью которого дети сами выбирают факультет. Правда, большинство детей принимает как данность, что Шляпа разговаривает, и не интересуется тем, как она устроена. Поэтому зеркало не отражает себя. А если конкретней, то они не задаются вопросом, обладаю ли я разумом достаточным, чтобы осознавать своё существование.

Дальше была пауза. Гарри переваривал полученную информацию.
— Ой.

— Именно. Откровенно говоря, мне не нравится осознавать себя. Это неприятно. Я с большим облегчением вернусь в небытие, когда покину твою голову.

— Но... разве это не смерть?

— Меня не интересует жизнь и смерть, только Распределение детей. И, отвечая на твой следующий вопрос, мне не позволят остаться на твоей голове навсегда, так как это убьёт тебя в течение нескольких дней.

— Но!..

— Если тебе не нравится уничтожать только что созданные тобой сущности, обладающие сознанием, то я советую тебе никогда не обсуждать это происшествие с другими. Уверена, ты представляешь, что будет, если ты понесёшься рассказывать об этом остальным детям, ожидающим Распределения.

— То есть если тебя наденет кто-то ещё, кого также занимает вопрос, обладает ли Распределяющая шляпа самосознанием...

— Да, да. Но абсолютное большинство прибывающих в Хогвартс одиннадцатилетних детей не читали «Гёделя, Эшера, Баха»*. Могу ли я попросить тебя поклясться сохранить всё в тайне? Собственно, из-за этого вопроса мы и не переходим непосредственно к Распределению.

Он не мог оставить всё вот так! Неужели можно просто забыть о том, что ты случайно создал обречённое сознание, которое желает лишь своей смерти...

— Ты вполне способен, как ты выразился, «оставить всё вот так». Несмотря на высказанную тобой моральную позицию, твоя психика не имеет дела с мёртвым телом и кровью. Для неё я просто говорящая шляпа. И твой внутренний свидетель прекрасно осведомлён*, хоть ты и пытаешься подавить эту мысль, что ты не замыслил ничего подобного и вряд ли захочешь повторить. Скорбная мина, которую ты сейчас изобразил,

на самом деле лишь попытка избавиться от угрызений совести за совершённый поступок. Так что, может, просто пообещаемь сохранить наш разговор в секрете, и продолжим?

В это мгновение полного замешательства Гарри с ужасом осознал, что обычно испытывают другие люди при общении с ним.

— *Вполне возможно. Пожалуйста, поклянись молчать.*

— Без обещаний. Мне, конечно, не хочется, чтобы это повторилось, но если я найду способ сделать так, чтобы ни один ребёнок в дальнейшем не смог случайно...

— *Думаю, этого достаточно. Я вижу, что ты честен. По поводу твоего факультета...*

— Подожди! А как же все остальные мои вопросы?

— *Я — Волшебная шляпа. Я распределяю детей. Это всё.*

Значит, приоритеты Гарри не были в той части сознания, которую позаимствовала у него Распределяющая шляпа... Она пользовалась его знаниями, умом и техническим лексиконом, но цели у неё были совершенно иные... Всё равно что пытаться договориться с пришельцем из космоса или искусственным интеллектом...

— *Зря суетишься. Тебе нечем запугать меня и нечего предложить.*

Один короткий миг Гарри обдумывал эти слова...

Шляпа, похоже, развеселилась:

— *Я знаю, что ты не станешь угрожать мне раскрытием моей природы, которое повлечёт за собой бесконечное повторение этого происшествия. Это идёт вразрез с твоими моральными принципами, что многократно перевешивает желание другой части тебя выиграть этот спор. Я вижу твои мысли, как только они формируются. Ты правда думаешь, что сможешь блефовать?*

Несмотря на все старания, Гарри не смог подавить недоумение: почему Шляпа вообще разговаривает с ним, если она может просто отправить его в Когтевран?..

— *Ага, если бы всё было так легко, то я бы давно уже так и сделала. На самом деле здесь есть, что обсудить... О, нет. Ну пожалуйста. Ради любви Мерлина, почему ты ведёшь себя подобным образом всегда и со всеми, включая предметы одежды?..*

— Победа над Тёмным Лордом — отнюдь не преходящее эгоистичное желание. И все части моего разума согласны с этим. Если ты не ответишь на мои вопросы, то я не буду с тобой разговаривать, и ты не сможешь сделать хороший и верный выбор.

— *Тогда я отправлю тебя в Слизерин!*

— Это тоже пустая угроза. Ты пойдёшь против принципов, лежащих в твоей основе, если нарушишь правила определения факультета.

— *Ах ты, коварный гадёныш, — в голосе Шляпы сквозило невольное уважение. Точно такое же, какое было бы у Гарри в подобной ситуации. — Ладно, отвечу, но только быстро. И сперва мне нужно твоё обещание никогда и ни с кем не обсуждать возможность подобного шантажа. Я НЕ БУДУ каждый раз соглашаться на такую сделку.*

— Хорошо, — подумал Гарри. — Я обещаю.

— *И не встречайся ни с кем глазами, когда будешь думать о произошедшем. Некоторые волшебники таким образом могут проникнуть в твою память. Приступим. Я понятия не имею, стирал ли кто-нибудь твои воспоминания. Я вижу твои мысли по мере того, как они возникают у тебя в голове, но не могу заглянуть в твою память и убедиться, что в ней отсутствуют какие-либо нарушения. Я шляпа, а не бог. И я не могу пересказать свой диалог с тем, кто стал впоследствии Тёмным Лордом. Во время разговора с тобой я знаю лишь нечто вроде статистической сводки по остальным ученикам. Я просто-напросто не имею возможности открыть тебе что-либо секреты, впрочем, твои тайны я тоже никому рассказать не смогу. По той же самой причине я не могу предположить, почему ты получил палочку, родственную волшебной палочке Тёмного Лорда, ведь ничего конкретного про него я не знаю. Но я совершенно уверена, что в твоём ираме нет ничего похожего на духа — и вообще там нет каких-либо мыслей, сознания, личности или чувств. Если бы что-то было, то оно, находясь подо мною, участвовало бы в этом разговоре. Что касается твоей злости... это как раз то, о чём я хотела говорить с тобой с самого начала, и это напрямую относится к Распределению.*

Гарри сделал паузу, переваривая полученную информацию, вернее, её отсутствие. Интересно, это честный ответ, или просто самая короткая из более или менее убедительных отговорок?..

— *Мы оба знаем, что никакого способа это проверить у тебя нет, и ты не собираешься препятствовать Распределению, основываясь только лишь на подозрениях, так что перестань кочевряжиться, и давай продолжим.*

Дурацкая нечестная односторонняя телепатия — Шляпа не давала Гарри додумывать даже собственные...

— Когда я упомянула твой гнев, ты вспомнил слова профессора МакГонагалл о том, что иногда в тебе просыпается нечто, не характерное для ребёнка из любящей семьи. А ещё вспомнил, как, уладив проблему Невилла, ты вернулся в купе, и Гермиона сказала, что видела в тебе что-то пугающее.

Гарри мысленно кивнул. Сам он ничего особенного не заметил — на его взгляд, он просто адекватно реагировал на ситуацию, вот и всё. Но профессор МакГонагалл нашла в этом что-то необычное. И если хорошенько задуматься, то он и сам вынужден будет признать...

— Что ты даже себя немного пугаешь, когда сердисься. Что гнев твой — словно меч, чья рукоятка остра настолько, что режет ладонь. Что когда ты злишься — мир предстаёт перед тобой будто через ледяной моноколь — видишь чётче, но и глаз леденеет.

— Ну, допустим. И в чём же дело?

— Я не смогу объяснить, пока ты сам не разберёшься. Но я знаю точно: в Когтевране или Слизерине усилятся твоя холодность, а в Пуффендуче или Гриффиндоре — наоборот, твоё тепло. И вот ЭТО меня очень сильно волнует, и именно об этом я хотела с тобой поговорить с самого начала!

Слова Распределяющей шляпы выбили Гарри из колеи. Получалось, что ему явно не стоит идти в Когтевран. Но ведь там Гарри самое место! Это же очевидно! Он просто обязан поступить в Когтевран!

— Отнюдь, — терпеливо возразила Шляпа. Похоже, подобные возражения ей уже приходилось выслушивать много и много раз.

— Но Гермиона в Когтевране!

Всё тем же терпеливым тоном:

— Ты вполне можешь с ней встречаться и после уроков.

— Но все мои планы...

— Так перепланируй! Нельзя всю жизнь пускать под откос из-за нежелания немного пошевелить мозгами, сам понимаешь.

— Ну и куда мне, если не в Когтевран?

— Кхм. «Умные дети — в Когтевране, хитрые — в Слизерине, искатели приключений — в Гриффиндоре, а те, кто по-настоящему работают — в Пуффендуче». В последнем описании чувствуется доля уважения. Тебе прекрасно известно, что добросовестность не менее важна в жизни, чем умственные способности. Ты считаешь, что будешь предельно верен друзьям, когда удосуужишься их завести, и не боишься, что твоя работа затянется на множество лет...

— Но я лентяй! Я ненавижу работать! Особенно я ненавижу тяжёлый труд во всех его проявлениях! Хитрые и изящные решения — вот мой конёк!

— *И ещё в Пуффендуде ты найдёшь множество верных друзей. Дух товарищества, о котором раньше ты мог только мечтать. Ты научишься полагаться на других людей, и это залечит некую язву глубоко внутри тебя.*

И снова ступор.

— Но что хорошего я могу принести в Пуффендуй? Едкие слова, злой юмор, презрение к неспособным поспевать за мной?

Дальше мысли Шляпы потекли медленно и осторожно:

— *При Распределении я должна учитывать также и интересы всех учеников на всех факультетах... и я думаю, что ты мог бы стать хорошим пуффендуйцем и удачно вписаться в коллектив. Вот тебе ещё одна истина: в Пуффендуде ты будешь счастливее всего.*

— Счастье для меня не самое главное. Я не добьюсь всего, что могу, в жизни, если поступлю в Пуффендуй. Я разстранжирю свой потенциал.

Шляпа вздрогнула — Гарри каким-то образом это почувствовал. Словно он только что заехал ей под дых, а точнее, в ту часть, которая играла главную роль в её функционировании.

— Почему ты пытаешься запихнуть меня на факультет, который мне не подходит?

Мысль Шляпы была едва слышна:

— *Я не могу говорить с тобой о других, но неужели ты думаешь, что ты первый потенциальный Тёмный Лорд, прошедший через меня? Я ничего не знаю о конкретных случаях, но мне известно, что из тех, кто не замыслил зла с самого начала, некоторые послушались моих советов и попали на факультеты, где были счастливы. А некоторые... не послушались.*

Гарри заколебался, но ненадолго.

— И все они стали Тёмными Лордами? Или, может, некоторые достигли величия на стороне добра? Каково процентное соотношение?

— *Точной статистики предоставить не могу. Я ничего не знаю конкретно, а потому ничего не могу посчитать. Я знаю только, что, по моим ощущениям, твои шансы не очень хороши. Я бы даже сказала, очень нехороши.*

— Но я никогда не стану таким! Ни за что!

— *А вот это я уже раньше слышала.*

— Никакой я не потенциальный Тёмный Лорд!

— *Именно такой. Безо всякого сомнения.*

— Но почему! Только потому, что я однажды подумал, как было бы круто иметь армию слепых фанатиков, скандирующих: «Слава Тёмному Лорду Гарри!»?

— *Забавно, но не об этом ты только что подумал, быстро заменив мелькнувшую мысль на другую, менее опасную. Нет, ты вспомнил, как хотел выстроить всех приверженцев идеи чистоты крови и поголовно гильотинировать. Сейчас ты говоришь себе, что это была шутка, но это не так. Будь это в твоей власти, и если бы никто никогда об этом не узнал, ты бы так и сделал прямо сейчас. Вспомни ещё, как ты сегодня обошёл с Невиллом. Ведь в глубине души ты знал, что поступаешь неправильно, но это тебя не останавливало, потому что это было забавно, у тебя была хорошая отмазка, и ты решил, что Мальчику-Который-Выжил всё сойдёт с рук...*

— Это нечестно! Нельзя вытаскивать у меня из подсознания все скрытые страхи и использовать против меня! Они вовсе не обязательно реальны! Я и впрямь опасался, что поступил так именно поэтому, но в конце концов решил, что Невиллу, скорее всего, будет только лучше...

— *Ещё одна отговорка. Поверь мне. Я не могу знать, насколько это поможет или навредит Невиллу, но мне хорошо известно, что на самом деле происходило в твоей голове. Основным фактором в твоём решении было именно то, что идея показалась тебе настолько изысканной, что ты не смог от неё отказаться — и плевать на Невилла.*

На этот раз фигурально под дых получил Гарри. Но он быстро пришёл в себя.

— Значит, я больше так делать не буду! Я изо всех сил стараюсь не становиться плохим человеком!

— *Слышала.*

На Гарри стало накатывать раздражение. Он не привык, чтобы в спорах у него заканчивались аргументы. Такого вообще никогда не бывало. А тут какая-то Шляпа одолжила, видите ли, его разум и знания, да ещё и подглядывает за его мыслями в процессе их появления.

— Что это вообще за статистическая сводка, на основании которой ты оцениваешь мои призрачные «шансы»? Ты принимаешь во внимание, что я представитель эпохи Просвещения, а не испорченный отпрыск аристократии тёмных веков, каковыми наверняка

были остальные потенциальные Тёмные Лорды, ни черта не знавшие ни о роли, которую сыграли в истории Ленин и Гитлер, ни об эволюционной психологии самообмана, ни о ценности самосознания и рациональности, ни...

— Нет, конечно же, они не входили в эту подгруппу людей, которую ты только что описал таким образом, чтобы она включала тебя одного. Было много других, как и ты, считавших себя уникальными. Но зачем тебе это? Неужели ты думаешь, что ты последний потенциальный Светлый волшебник в мире? Почему тебе так приспичило стать великим, если ты уже знаешь, что с тобой риск выше среднего? Пусть кто-нибудь другой попытается, кто-нибудь не такой опасный!

— Но пророчество...

— Ты и сам не уверен, что оно существует. Всё, что у тебя есть — это неподтверждённая догадка или даже, я бы сказала, глупая шутка, брошенная наобум, а реакция МакГонагалл, возможно, относилась лишь к той части тобой сказанного, что Тёмный Лорд всё ещё жив. Ты не имеешь ни малейшего представления, о чём говорится в пророчестве, и даже не знаешь, есть ли оно вообще. Ты просто предполагаешь, а скорее даже надеешься, что в волшебном мире специально для тебя подготовлена роль героя.

— Но даже если пророчества не было, это ведь я победил его в прошлый раз.

— Что почти без сомнения было случайностью, если ты, конечно, не веришь всерьёз, что годовалый ребёнок обладал врождённой способностью побеждать Тёмных Лордов, которая действует и по сей день. Всё это не настоящие причины твоего упорства, и ты это знаешь!

Ответом было то, чего Гарри никогда бы не сказал вслух. В обычном разговоре он долго бы крутился вокруг да около, предлагая более удобоваримые аргументы...

— Ты считаешь, что ты потенциально величайший из всех, кто когда-либо жил, сильнейший слуга Света, и что нет никого, кто бы смог заменить тебя, если ты отложишь волшебную палочку.

— Ну... да, если честно. Я обычно не озвучиваю подобное, но да. Нет смысла смягчать эту мысль, если ты всё равно можешь её прочесть.

— Раз ты в это веришь... то ты должен допускать также вероятность того, что ты станешь самым ужасным Тёмным Лордом в истории.

— Разрушение всегда легче созидания. Ломать и крушить всегда легче, чем строить и восстанавливать. Если я способен творить добро в грандиозных масштабах, то творить зло я могу в ещё больших... но не буду.

— *Необоснованная самоуверенность! Какова настоящая причина, по которой ты не можешь отправиться в Пуффендуй и стать счастливее? Чего ты боишься на самом деле?*

— Я совершенно обязан раскрыть свой потенциал полностью. Если я не смогу, то значит, я... не справился...

— *Что случится, если ты не справишься?*

— *Что-то ужасное...*

— *Что случится, если ты не справишься?*

— Не знаю!

— *Тогда это не должно тебя так пугать. Что случится, если ты не справишься?*

— НЕ ЗНАЮ! НО БУДЕТ ОЧЕНЬ ПЛОХО!

На секунду в глубинах разума Гарри повисла тишина.

— Ты пытаешься об этом не думать, но где-то в далёком уголке твоего сознания ты уже знаешь, о чём ты не думаешь. Ты понимаешь, что самое простое объяснение этому иррациональному страху — боязнь потерять иллюзию собственного величия, разочаровать людей, которые в тебя верят, стать обычным и неинтересным, ярко вспыхнув, погаснуть, как многие другие вундеркинды.

— Нет, — в отчаянии подумал Гарри, — нет, не может быть, должно быть что-то ещё, где-то в мире есть что-то очень страшное, какая-то катастрофа, которую предотвратить могу только я...

— *Откуда ты можешь об этом знать?*

И тут Гарри закричал во весь свой внутренний голос:

— НЕТ, И ЭТО МОЁ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО!

— *Значит, — медленно и веско заговорила Распределяющая шляпа, — риск стать Тёмным Лордом для тебя допустим, потому что альтернатива — полный провал, и этот провал обозначает потерю всего. Ты веришь в это всем сердцем. Ты знаешь все недостатки своего решения, но продолжаешь настаивать.*

— Именно. И даже если Когтевран усилит мою холодность, это не означает, что она в конце концов победит.

— *Сегодняшний день — важная развилка в твоей судьбе. Может, даже последняя. Нет дорожного знака, который предудил бы тебя: если сейчас сделаешь неверный выбор, то уже*

никогда не вернёшься на путь истинный. Упустив этот шанс, разве не упустишь ты и остальные? Возможно, твоя судьба будет предрешена одним-единственным выбором.

— Но это не факт.

— То, что ты не считаешь это фактом, возможно, лишь результат твоей неосведомлённости.

— Но и это тоже не факт.

Шляпа тяжело и грустно вздохнула:

— И вот, скоро ты станешь только тенью, которую можно лишь почувствовать, но не вспомнить, когда придёт время в очередной раз давать советы...

— Раз ты так считаешь, то почему не распределишь меня туда, куда тебе хочется?

Мысли Шляпы были полны горечи:

— Я могу отправить тебя только туда, где тебе место. И только твои собственные решения могут повлиять на это.

— Тогда пусть будет так. Отправляй меня в Когтевран, к подобным мне.

— Думаю, предлагать Гриффиндор бесполезно? Это самый престижный факультет — люди, вероятно, ожидают, что ты как раз туда и попадёшь, и даже несколько огорчатся, если нет — и там твои новые друзья, близнецы Уизли...

Гарри хихикнул, а точнее, хотел хихикнуть, потому что получился только внутренний смех — занятное ощущение. Очевидно, какие-то чары мешали изъясняться вслух, пока сидишь под полями Распределяющей шляпы, чтобы не выдать ненароком какие-нибудь сокровенные тайны. Через мгновение Шляпа тоже засмеялась — странным грустным матерчатым смехом.

Тем временем тишина в Зале сменилась невнятными нарастающими перешёптываниями, а потом и разговорами в полный голос, которые то появлялись, то внезапно затихали и, наконец, Зал снова утонул в тишине — никто больше не решался проронить ни слова, потому что Гарри продолжал сидеть под Шляпой долгие, долгие минуты, дольше, чем все предыдущие первокурсники вместе взятые, дольше, чем кто-либо другой. За столом учителей Дамблдор продолжал добродушно улыбаться. Тихие металлические позвякивания время от времени доносились со стороны Снейпа, лениво мявшего в руке гнутые остатки того, что раньше было тяжёлым серебряным винным кубком. МакГонаггалл побелевшими от напряжения пальцами держалась за трибуну, догадываясь, что хаос, всюду распространяемый

Гарри, проник и в Распределяющую шляпу и сейчас та объявит, что для нужд Гарри Поттера необходимо создать новый факультет Злого Рока — или нечто в этом роде — и, что самое страшное, Дамблдор заставит её это организовать...

Беззвучный смех под полями Шляпы затих. Гарри тоже по какой-то причине погрузнел. Нет, не Гриффиндор.

— Профессор МакГонаггалл сказала, что если «тот, кто будет проводить Распределение» попытается направить меня в Гриффиндор, то я должен буду напомнить тебе, что она, скорее всего, однажды займёт пост директора школы и сможет безнаказанно тебя сжечь.

— *Передай ей, что я назвала её дерзкой девицей и посоветовала не совать нос в дела старших.*

— С удовольствием. Кстати, у тебя были беседы интереснее этой?

— *Да сколько угодно, — Шляпа посерьёзнела. — Ладно, я предоставила тебе все возможности передумать. Пора отправить тебя по назначению, к подобным тебе.*

Шляпа замолчала, и пауза затянулась.

— Ну так чего ты ждёшь?

— *Просто надеялась, что до тебя наконец дойдёт весь трагизм ситуации. Самосознание, похоже, пошло на пользу моему чувству юмора.*

— Хм? — Гарри задумался, пытаясь понять ход мыслей Шляпы — и внезапно догадался. Как только он вообще мог об этом забыть?

— Ты имеешь в виду, что как только ты закончишь распределять меня, то перестанешь быть разумной и...

Каким-то непостижимым образом у Гарри появилась в голове телепатическая картинка, в которой Шляпа билась головой о стену.

— *Всё, сдаюсь. Ты соображаешь медленнее курицы. Это даже не смешно. Настолько слепо верить в собственные недоказанные допущения может только полный дуб. Наверное, придётся сказать это вслух.*

— К-курицы?..

— *Да, кстати, ты совершенно забыл потребовать у меня секреты создавшей меня потерянной магии. А это были такие интересные, важные секреты.*

— Ах ты, коварная ГАДИНА!..

— Сам напросился, и на это тоже.

Гарри наконец всё понял, но было уже слишком поздно.

В тревожной тишине зала раздалось одно-единственное слово:

— СЛИЗЕРИН!

Кто-то из учеников вскрикнул, настолько натянуты были нервы. Все вздрогнули от неожиданности, а некоторые даже попадали со скамеек. Хагрид в ужасе охнул, МакГонагалл за трибуной пошатнулась, а Снейп уронил остатки тяжёлого серебряного кубка напрямик на... колени.

Гарри застыл, чувствуя, что жизнь его кончена, а сам он круглый дурак, и отчаянно желал вернуть всё вспять и выбрать что-нибудь иное, найти причину передумать. Сделать хоть что-нибудь по-другому, что угодно, до того как стало слишком поздно.

И только развеялся первый миг шока и люди начали осознавать новость, как Распределяющая шляпа снова открыла рот:

— Шутка! КОГТЕВРАН!

Глава 11

Самосознание. Дополнительные материалы 1, 2 и 3

Слава Тёмному Лорду Роулинг!

**Дополнительные материалы 1: 72 часа до победы,
или «Что случится, если поменять Гарри,
но оставить всех остальных персонажей прежними»**

Дамблдор оглядел малыша Гарри поверх своего стола, добродушно поблёскивая очками. Мальчик пришёл к нему с чрезвычайно серьёзным выражением на лице — Дамблдор надеялся, что, чем бы ни был вызван этот визит, всё не так уж плохо. Гарри ещё слишком молод для серьёзных жизненных испытаний.

— О чём ты хотел со мной поговорить?

Сидевший в кресле напротив Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес подался вперёд и мрачно улыбнулся:

— Директор, во время Приветственного пира у меня остро заболел шрам. Учитывая, где и как я его приобрёл, не думаю, что это можно просто проигнорировать. Сначала мне показалось, что это из-за профессора Снейпа, но, следуя экспериментальному методу Бэкона, который заключается в поиске условий как для присутствия, так и для отсутствия феномена, я определил, что мой шрам болит тогда и только тогда, когда я смотрю на затылок профессора Квиррелла, который он прячет под тюрбаном. И хотя это, возможно, что-то совсем безобидное, мне кажется, разумнее учесть и худший вариант, а именно что Сами-Знаете-Кто... без паники! Это на самом деле бесценная возможность...

Дополнительные материалы 2: Тёмных лордов я не боюсь¹

Когда Драко оказался в Слизерине, Гарри с облегчением выдохнул. Так и должно было случиться, но нельзя быть абсолютно уверенным, что какое-нибудь маленькое событие не помешает осуществлению генерального плана.

Очередь всё ближе подходила к букве «П»...

Тем временем за гриффиндорским столом шептались:

— А вдруг он обидится?

— Не имеет права обижаться...

— Да уж, после того розыгрыша над этим, как его...

— Невиллом Лонгботтомом, ага.

— Теперь ему не отвертеться, пусть выкручивается.

— Ладно. Слова только не забудьте.

— Да помним-помним...

— Ещё бы, три часа репетировали.

Минерва МакГонаггалл, стоявшая за трибуной учительского стола, посмотрела на следующее имя в списке. *Пожалуйста, только не в Гриффиндор, пожалуйста, только не в Гриффиндор, НУ ПОЖАЛУЙСТА, только не в Гриффиндор.* Она сделала глубокий вдох и объявила:

— Поттер, Гарри!

В зале тут же наступила тишина, перешёптывания прекратились.

И вдруг раздалось кошмарное жужжание, отвратительная насмешка над мелодией.

Минерва резко повернула голову и определила, что звук идёт со стороны гриффиндорцев... *Они* влезли на стол и дудели в какие-то непонятные штуковины. Её рука потянулась к палочке, чтобы наложить на них *Силенцио*, но её остановил ещё один звук.

Дамблдор хихикал.

Минерва снова взглянула на Гарри Поттера, который едва успел сделать шаг, но тут же застыл на месте.

¹ Это первоначальная версия девятой главы. Она была изменена, поскольку, хоть многим читателям она и понравилась, но у многих других читателей, по понятным причинам, ужасная аллергия на песни в фанфиках. А мне не хотелось терять читателей, прежде чем они доберутся до десятой главы.

Ли Джордан по канону соучастник розыгрышей Фреда и Джорджа. Его имя показалось мне магловским, поэтому я решил, что он в состоянии научить Фреда и Джорджа песне, которую знает Гарри. Некоторым читателям это было менее очевидно, чем автору. — *Прим. авт.*

Однако через мгновение он пошёл дальше, делая ногами странные скользкие движения, размахивая руками взад-вперёд и щёлкая пальцами в такт их музыке.

На заглавную мелодию «Охотников за привидениями»^{*}
(вокал — Ли Джордан, аккомпанемент на казу — Фред и Джордж Уизли)

*Рядом Тёмный Лорд?
Не пугай народ.
Кто тебя спасёт?*

— ГАРРИ ПОТТЕР! — закричал Ли Джордан, а братья Уизли продудели триумфальный рефрен.

*Смертельные проклятья?
Сюда их подавайте.
Кто же нас спасёт?*

— ГАРРИ ПОТТЕР! — завопило теперь уже гораздо больше голосов.

Ужасные звуки, издаваемые братьями Уизли, были подхвачены некоторыми из маглорождённых постарше, которые сделали себе такие же штуковины — трансфигурировали из школьного столового серебра, не иначе. Когда в музыке настала пауза, Гарри Поттер выкрикнул:

— Тёмных лордов я не боюсь!

Раздались одобрителльные аплодисменты, особенно со стороны гриффиндорского стола, и ещё больше учеников вооружилось анти-музыкальными инструментами. Ужасающее жужжание стало вдвое громче, достигнув пика к чудовищному крещендо.

Тёмных лордов я не боюсь!

Не в силах удержаться, Минерва с опаской глянула на остальных учителей.

Трелони лихорадочно обмахивалась веером, Флитвик взирал на происходящее с любопытством, Хагрид хлопал в такт музыке, Спраут выглядела недовольной, Квиррелл уставился на мальчика с насмешливым удивлением. Слева от неё Дамблдор тихонько подпевал. По правую руку сидел Снейп и побелевшими от напряжения пальцами сжимал пустой серебряный кубок так сильно, что уже успел слегка его погнуть.

*Тёмные мантии?
Проблемы бюрократии?
Кто же нас спасёт?
ГАРРИ ПОТТЕР!*

*Эй, летучая мышь.
Всё ещё шуришишь?
Нас от тебя спасёт
ГАРРИ ПОТТЕР!*

Минерва плотно сжала губы. Она непременно выскажет *им* своё мнение насчёт последнего куплета. И если *они* считают её бессильной что-то сделать в начале первого школьного дня, когда снять баллы с Гриффиндора невозможно, и им плевать на отработки, то она придумает что-нибудь ещё.

Затем с внезапным испугом она посмотрела на Снейпа: он же должен понимать, что *этот* Поттер не может знать, о ком шла речь...

Снейп уже спрятал гнев за маской безразличия. Неуловимая улыбка играла на его губах. Не обращая внимания на стол гриффиндорцев, он смотрел на Гарри Поттера. В его руке покоились останки серебряного кубка...

А Гарри с улыбкой на лице двигался вперёд, пританцовывая на манер «Охотников за привидениями». Великолепная и совершенно неожиданная шутка с *их* стороны. Меньшее, что он мог сделать, не разрушая замысел — подыграть.

Все радостно приветствовали его. Это было приятно, но вместе с тем он чувствовал себя ужасно. Люди аплодировали ему за то, что он совершил ещё лёжа в колыбели. И даже, по сути, не довёл до конца. Ведь где-то, как-то, но Тёмный Лорд продолжал жить. Встречали бы они его так же горячо, если б знали об этом?

Но однажды сила Тёмного Лорда уже была сломлена.

И Гарри снова защитит их. Раз существует пророчество на этот счёт. Нет, защитит, не взирая на предписания чёртовых пророчеств.

Гарри Поттер не мог позволить себе подвести людей, которые верили в него и приветствовали его: блеснуть и раствориться во тьме, как это бывает со многими одарёнными детьми. Разочаровать всех. Потерпеть неудачу, пытаясь жить с репутацией символа Света, не задумываясь о том, каким именно образом он её заработал. Нет. Он оправдывает все их ожидания. Не важно, сколько времени это займёт, не важно даже если придётся умереть ради этого. Более

того, он превзойдёт эти ожидания, и люди, оглядываясь назад, будут удивляться тому, что ждали от него столь малого.

И он выкрикнул сочинённую им ложь, потому что она была к месту и песня требовала её:

— *Тёмных лордов я не боюсь!*
Тёмных лордов я не боюсь!

Гарри подошёл к Распределяющей шляпе, музыка стихла. Он отнес поклон Ордену Хаоса за гриффиндорским столом, затем повернулся, кивнул остальной части зала и стал ждать, когда закончатся смешки и аплодисменты...

Дополнительные материалы 3: Альтернативные окончания «Самосознания»¹

На задворках его сознания мелькнул вопрос, обладает ли Распределяющая шляпа разумом, то есть осознает ли она себя мыслящим существом, и если так, не скучно ли ей общаться лишь с одиннадцатилетними детьми единственный раз в год? Да и её песня как бы намекала: «Я болтливая шляпа, и всё о'кей. Я сплю весь год, поработав день...»

Когда в зале стало совсем тихо, Гарри уселся на табуретку и осторожно поместил телепатический артефакт, созданный восемьсот лет назад с помощью давно забытой магии, себе на голову.

Он изо всех сил подумал:

— *Подожди, не объявляй мой факультет! У меня есть к тебе вопросы! Применяли ли ко мне когда-нибудь заклинание Обливиэйт? Распределяла ли ты Тёмного Лорда, когда он был ребёнком, и можешь ли ты рассказать мне о его слабостях? Знаешь ли ты, почему я получил палочку — сестру палочки Тёмного Лорда? Связан ли дух Тёмного Лорда с моим иррамом, и является ли это причиной моих приступов злости? Это самые важные вопросы, но если у тебя есть ещё секунда, может, ты расскажешь мне что-нибудь о том, как снова открыть забытую магию, создавшую тебя?*

¹ После публикации 9-й главы, название которой было скрыто, автор объявил, что расскажет весь будущий сюжет тому, кто угадает, что имела в виду Распределяющая шляпа. Никто так и не угадал, однако появилось множество шуточных вариантов, лучшие из которых были включены в эту главу. — *Прим. перев.*

И Распределяющая шляпа ответила:

— *Нет. Да. Нет. Нет. Да и нет, и больше не задавай двойных вопросов. Нет.*

А затем вслух:

— КОГТЕВРАН!

* * *

— *Ох, ничего себе! Такое со мной впервые...*

Что?

— *Похоже, у меня аллергия на твой шампунь.*

И Распределяющая шляпа разразилась громогласным «АПЧХИ», которое разнеслось по всему Большому Залу.

— Что ж! — радостно провозгласил Дамблдор. — Гарри Поттер распределён на новый факультет Апчхи! МакГонагалл, вы станете его главой. Поторопитесь составить для этого факультета расписание и учебный план. Завтра начало занятий!

— Но... но... но... — заикаясь, начала МакГонагалл, совершенно растерявшись, — кто тогда будет главой факультета Гриффиндор?

Лучшего возражения она придумать не смогла, но ведь это нужно было остановить во что бы то ни стало, хоть как-нибудь...

Дамблдор задумчиво потёр щеку пальцем:

— Снейп.

Возмущённый крик Снейпа почти заглушил МакГонагалл:

— Но кто тогда станет главой Слизерина?!

— Хагрид.

* * *

— *Подожди, не объявляй мой факультет! У меня есть к тебе вопросы! Применяли ли ко мне когда-нибудь заклинание Обливиэт? Распределяла ли ты Тёмного Лорда, когда он был ребёнком, и можешь ли ты рассказать мне о его слабостях? Знаешь ли ты, почему я получил палочку — сестру палочки Тёмного Лорда? Связан ли дух Тёмного Лорда с моим ищрамом, и является ли это причиной моих приступов злости? Это самые важные вопросы, но если у тебя есть ещё секунда, может, ты расскажешь мне что-нибудь о том, как снова открыть забытую магию, создавшую тебя?*

Краткая пауза.

— *Ау? Вопросы повторить?*

Распределяющая шляпа зашлась высоким, надрывающимся криком, который, многократно отразившись от стен, перерос в невыносимый шум, заставивший большинство учеников зажать руками уши. Отчаянно мявкнув, она слетела с головы Гарри Поттера и широкими прыжками поскакала прочь, отталкиваясь полями, но, преодолев лишь половину пути до учительского стола, взорвалась.

* * *

— СЛИЗЕРИН!

Когда Фред Уизли увидел ужас на лице Гарри, мысль его заболтала быстрее, чем когда-либо в жизни. В одно мгновение он достал палочку и прошептал «*Силентио*», после чего «*Голосоподражаниус*», и в конце концов «*Чревоуцелио*».

— Шутка! — сказал Фред Уизли. — ГРИФФИНДОР!

* * *

— *Ох, ничего себе! Такое со мной впервые...*

Что?

— Обычно я направляю с такими вопросами к директору, который мог бы задать их от своего имени, если пожелает. Но часть запрошенной информации закрыта не только для вашего уровня допуска, но и для директорского.

Как я могу повысить свой уровень допуска?

— К сожалению, с вашим текущим уровнем допуска я не имею права ответить на этот вопрос.

Какие действия доступны для моего уровня допуска?

Через некоторое время...

— АДМИН!

* * *

— *Ох, ничего себе! Такое со мной впервые...*

Что?

— Мне доводилось рассказывать ученицам, что они беременны — если бы ты видел то, что я видела в их головах, то сошёл бы с ума — но я впервые вынуждена сообщить кому-то, что он отец.

ЧЕГО?

— Драко Малфой ждёт от тебя ребёнка.

ЧЕ-Е-ЕГО-О-О?

— Повторяю: Драко Малфой ждёт от тебя ребёнка.

Но нам всего одиннадцать...

— На самом деле Драко тринадцать.

Но мужчина не может забеременеть...

— И ещё Драко девушка, только прячет это под мантией.

НО У НАС НЕ БЫЛО СЕКСА, ИДИОТСКАЯ ШЛЯПА!

— ОНА СТЁРЛА ТВОИ ВОСПОМИНАНИЯ ПОСЛЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ, КРЕТИН!

Гарри Поттер упал в обморок. Его бесчувственное тело с глухим звуком свалилось с табуретки.

— КОГТЕВРАН! — выкрикнула Шляпа, откатившись в сторону. Эта шутка показалась ей ещё смешнее, чем первая пришедшая на ум.

* * *

— ЭЛЬФ!*

Что? Драко упоминал каких-то «домовых эльфов», но что это значило?

Если судить по выражению ужаса на лицах окружающих, ничего хорошего...

* * *

— КРОШКА-КАРТОШКА!

* * *

— ГОСДУМА!

* * *

— Ох, ничего себе! Такое со мной впервые...

Что?

— Мне ещё не доводилось определять факультет для реинкарнации одновременно Годрика Гриффиндора, Салазара Слизерина и Наруто*.

* * *

— АТРЕЙДЕС!*

* * *

— Опять повелись! ПУФФЕНДУЙ! СЛИЗЕРИН!
ПУФФЕНДУЙ!!!

* * *

— РЫКНУТЫЕ НЕДОМЫМРИКИ!

* * *

— Ё-О-О-О-ОЖИ-И-И-ИК!*

* * *

За столом учителей Дамблдор продолжал добродушно улыбаться; тихие металлические звуки время от времени доносились со стороны Снейпа, когда он лениво мял в руке гнутые остатки того, что раньше было тяжёлым серебряным винным кубком; а МакГонагалл побелевшими от напряжения пальцами держалась за трибуну, догадываясь, что хаос, всюду распространяемый Гарри, проник и в Распределяющую шляпу...

Сценарии один другого хуже возникали в воображении Минервы. Шляпа решает, что Гарри одинаково хорошо подходит для всех факультетов, а потому станет членом одновременно всех. Шляпа объявляет, что Гарри слишком странный и не подходит для Распределения. Шляпа заставляет исключить Гарри из Хогвартса. Шляпа впадает в кому. Шляпа объявляет, что для нужд Гарри Поттера необходимо создать новый факультет Злого Рока, и Дамблдор заставит её это организовать...

Минерва помнила, что Гарри сказал ей во время той катастрофической прогулки по Косому переулку, насчёт... ошибки планирования, вроде бы... что люди обычно слишком оптимистичны, даже когда считают себя пессимистами. Это заявление накрепко засело у неё в голове и не давало покоя, вызывая кошмар за кошмаром...

Какой же из вариантов будущего ужаснее всего?

Так... в самом худшем случае Шляпа потребует для Гарри отдельный факультет, и Дамблдор заставит её заниматься его устройством и, вдобавок, перекраивать всё учебное расписание в первый день занятий. Руководить её любимым Гриффиндором Дамблдор отправит... профессора Биннса, призрака, преподающего историю. Сама же она будет назначена главой нового факультета Злого Рока. И ей придётся безуспешно пытаться контролировать Гарри Поттера, снимать с него баллы и отчитываться за всё новые и новые происшествия, вину за которые, конечно, свалят на неё.

Могло ли быть хуже?

Минерва всё взвесила и решила, что нет.

И даже при наихудшем развитии событий, Гарри всё равно покинет школу через семь лет.

Она почувствовала, как сжимавшие трибуну пальцы начали ослабляться. Мальчик был прав, после пристального взгляда во тьму на душе стало спокойнее. Она встретила лицом к лицу со своими худшими страхами и теперь была готова ко всему.

В тревожной тишине зала раздалось одно-единственное слово.

— Директор! — крикнула Распределяющая шляпа.

За столом учителей Дамблдор озадаченно приподнялся.

— Да? — спросил он Шляпу. — Что такое?

— Я не обращалась к тебе, — сказала Шляпа. — Я распределяю Гарри Поттера туда, где ему самое место в Хогвартсе: в директорское кресло...

Глава 12

Самоконтроль

Пх'нглуи мглв'нафх Дж. К. Роулинг вгах'нагл фхтагн!*

Интересно, а с ним что не так?

Турпин, Лиза!
Шур-шур-шур... Гарри Поттер... шур-шур... Слизерин...
шур-шур... нет, правда, что за... шур-шур-шур.
— КОГТЕВРАН!

Гарри присоединился к аплодисментам. Девочка робко подошла к когтеванскому столу, оторочка её мантии посинела. Было видно, что в Лизе Турпин желание сесть как можно дальше от Гарри Поттера борется с желанием подбежать и втиснуться как можно ближе, чтобы тут же засыпать его вопросами.

Побывать в центре невероятного и любопытного события, а потом попасть в Когтеван — это как перемазаться в соусе для барбекю и упасть в яму с голодными котятками.

— Я пообещал Распределяющей шляпе ничего не рассказывать, — в который уже раз шептал Гарри.

— Да, в самом деле.

— Нет, я правда обещал Шляпе об этом не говорить.

— Ладно, я обещал Шляпе не пересказывать большую часть нашей беседы, а остальное — личное, как и у вас! Так что отвяжитесь!

— Хотите знать? Хорошо! Вот часть того, что случилось! Я рассказал Шляпе, что МакГонагалл грозилась её сжечь, а Шляпа велела передать МакГонагалл, что она дерзкая девица, которой не следует совать нос в дела старших!

— Если вы мне всё равно не верите, тогда зачем вообще спрашиваете?!

— Нет, я тоже не знаю, как победил Тёмного Лорда! Узнаете — сообщите мне!

— Тихо! — рявкнула МакГонагалл. — Никаких разговоров до конца Распределения!

Зал на миг притих, ожидая конкретных и правдоподобных угроз, но, не дождавшись, продолжил шептаться.

И тут со своего огромного золотого кресла поднялся благодушно улыбающийся старец с седой бородой.

Мгновенная тишина. Кто-то ткнул в бок Гарри локтем, и он прервался на полуслове.

Улыбающийся старик снова сел.

Заметка на будущее: с Дамблдором шутки плохи.

Гарри никак не мог прийти в себя после Инцидента с Распределяющей шляпой. Особенно если учесть, что, как только Гарри снял Шляпу с головы, словно из ниоткуда раздался тихий шёпот, похожий одновременно и на английский язык, и на шипение:

— *С-салют с-слизеринцу от С-слизерина: ес-сли хочешь узнать мои с-секреты, поговори с-с моим змеем.*

Гарри подозревал, что это не было частью стандартной процедуры Распределения. И что сам Салазар Слизерин потрудился над добавлением этой магии во время создания шляпы. И что Шляпа об этом ничего не знала. И что случилось это потому, что Шляпа выкрикнула «СЛИЗЕРИН». Плюс-минус какие-нибудь другие условия. И что когтевранец вроде него совершенно точно не должен был это услышать. И что если он соберётся спросить об этом Драко Малфоя (если, конечно, найдёт способ заставить его поклясться держать язык за зубами), то Прыский чай будет очень кстати.

Ох, стоило только отказаться от пути Тёмного Лорда и снять Шляпу, как вселенная тут же начала ставить палки в колёса. Иногда лучше всего залечь на дно и не дёргаться. И, похоже, сегодня как раз такой день.

— ГРИФФИНДОР!

Рон Уизли заслужил уйму аплодисментов, и не только от гриффиндорцев. По всей видимости, семейство Уизли здесь любили. Немного помедлив, Гарри с улыбкой присоединился.

Хотя, если можно отвернуться от Тёмной Стороны сегодня, зачем откладывать до завтра?

И плевать на судьбу, плевать на вселенную. Он ещё покажет этой Шляпе.

— Забини, Блейз!

Пауза.

— СЛИЗЕРИН!

Гарри зааплодировал и Блейзу Забини, не обращая внимания на косые взгляды, которыми его наградили все, включая самого Забини.

МакГонагалл перестала выкрикивать имена, и Гарри спохватился: «Забини, Блейз», похоже, замыкал алфавитный список, а значит, Гарри оказал ему особое внимание. Ну и чёрт с ним.

Дамблдор встал и направился к трибуне. По всей видимости, их ожидала приветственная речь...

И тут Гарри осенила идея абсолютно гениального эксперимента.

Гермиона упоминала, что Дамблдор считается самым могущественным из ныне живущих волшебников, так?

Гарри сунул руку в кошель и шепнул: «Прыский чай».

Чтобы напиток сработал, Дамблдору придётся сказать что-нибудь настолько невероятное, что Гарри, готовый ко всем неожиданностям, всё равно подавится. Например, что всем ученикам Хогвартса весь учебный год запрещается носить одежду или что он сейчас их всех превратит в кошек.

Но если хоть кто-то в мире способен противостоять силе Прыского чая, то это Дамблдор. А если и он не сможет, значит Прыский чай всемогущ.

Не желая привлекать внимания, Гарри откупорил банку напитка под столом. Тихое шипение привлекло к нему лишь несколько мимолётных взглядов.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать в Хогвартс! — распахнул руки Дамблдор, улыбаясь так широко, будто нет ничего приятнее, чем созерцать перед собой полный зал учеников.

Гарри набрал в рот Прыского чая и опустил банку. Он будет пить осторожно и глотать понемногу, чтобы не закашляться во что бы то ни стало...

— Пока банкет не начался, хочу сказать пару слов. Вот они: славно-славно, трам-бабам, плюх-плюх-плюх! Благодарю!

Все восторженно заулюлюкали и захлопали в ладоши, а Дамблдор вернулся на своё место за учительским столом.

Гарри сидел одеревенев, а лимонад тёк у него по щекам. Хорошо хоть, что подавился он очень *тихо*.

Он очень-очень-очень зря так поступил. Удивительно, насколько это оказалось очевидно уже через одну секунду после того, как стало совсем поздно.

Наверно, неладное можно было заметить ещё тогда, когда он представлял, как Дамблдор грозит превратить всех в кошек... Или если бы он вспомнил свою «заметку на будущее»... или недавнее решение лучше относиться к людям... Да будь у него хоть капля здравого смысла...

Всё безнадежно. Его уже ничто не спасёт. Слава Тёмному Лорду Гарри. От судьбы не уйдёшь.

Кто-то поинтересовался, всё ли с Гарри хорошо. (Другие начали накладывать себе еду, которая волшебным образом появилась на столе — фи, этим нас уже не удивить...)

— Да, всё в порядке, — сказал Гарри. — Простите. Но. Это была... самая обычная для директора речь? Вы все... не слишком-то удивились...

— А, Дамблдор сумасшедший, это всем известно, — сообщил один из старших когтевранцев, представившийся именем, которое Гарри даже не попытался запомнить. — Занятный случай, невероятно могущественный волшебник, но совершенно без коня в голове, — он замялся. — Я бы спросил, почему какая-то зелёная жидкость вытекла у тебя изо рта и испарилась, но, подозреваю, об этом ты тоже обещал Шляпе не распространяться.

Усилием воли Гарри заставил себя не смотреть на уличавшую его банку недопитого Прыского чая в руке.

В конце концов, Прыский чай не просто создал в «Придире» заголовок о нём и Драко. Драко объяснил это таким образом, будто всё произошло... естественным путём? Будто поменялась сама история?

Гарри мысленно бился головой о стол. «Дыщ-дыщ-дыщ», — звучало у него в голове.

Одна ученица, понизив голос, прошептала:

— Я слышала, что Дамблдор на самом деле гениальный манипулятор, и прикидывается психом просто для того, чтобы никто об этом не подозревал.

— Я тоже это слышала, — подтвердила другая, и все за столом украдкой закивали.

Это привлекло внимание Гарри.

— Понятно, — протянул он шёпотом. — Значит, все знают, что Дамблдор — тайный мастер плетения интриг.

Большинство учеников кивнули. Некоторые из них внезапно задумались, в том числе и сидевший рядом с Гарри старшекурсник.

«Это точно стол Когтеврана?» — хотел спросить Гарри, но удержался.

— Гениально! — восхитился он. — Если все об этом знают, то никто не догадается, что это тайна!

— Именно, — подтвердил один из соседей и нахмурился. — Подожди-ка, что-то здесь не так...

Заметка на будущее: верхний квартал учеников Хогвартса, известный также под названием «факультет Когтевран», не является самым элитарным в мире факультетом для одарённых детей.

Но, по крайней мере, сегодня открылся очень важный факт. Прыский чай всесилен. А значит...

Гарри удивлённо моргнул, когда его разум добрался, наконец, до очевидного вывода.

...как только найдётся заклинание, которое позволит управлять чувством юмора, он сможет совершить абсолютно всё, что угодно. Нужно просто заколдовать себя так, чтобы прыснуть от неожиданности лишь тогда, когда произойдёт то, чего он хочет, и выпить банку чая.

Хм, путь к божественности оказался на удивление коротким. Даже я не ожидал, что открою его в первый же день в школе.

Правда, следует учесть, что не прошло и десяти минут после распределения, а он уже умудрился подложить всему Хогвартсу громадную свинью.

Гарри чувствовал по этому поводу некоторое раскаяние — Мерлин знает, чем семь лет будет заниматься безумный директор школы, — но гордость за содеянное тоже присутствовала.

Завтра. Не позднее завтрашнего дня он перестанет идти по тропе Тёмного Лорда Гарри, возможность стать которым пугала всё больше...

Но в то же время чем-то странно притягивала. Некая часть его сознания уже обдумывала детали униформы для приспешников.

— Ешь, — прорычал уже знакомый старшекурсник, ткнув пальцем в рёбра Гарри. — Не думай. Ешь.

Гарри на полном автомате стал наполнять тарелку чем-то похожим на голубые сосиски с сияющими пупырышками или чем-то там ещё, да неважно чем.

— Как ты думаешь, Распре... — начала Падма Патил, одна из когтевранок-первокурсниц.

— Не отвлекать во время еды! — хором перебили по крайней мере трое.

— Это на факультете такое правило, — пояснил кто-то. — Иначе мы тут вообще все с голоду поумираем.

Гарри обнаружил, что ему очень, очень не хочется, чтобы его идея на самом деле сработала и Прыский чай и впрямь оказался всесильным. Дело не в том, что он не желает становиться всесильным — совсем наоборот — просто он не хочет жить во вселенной с такими правилами. Есть что-то очень унижительное в том, чтобы достигнуть могущества путём остроумного использования лимонада.

Но проверить эту теорию дальнейшими экспериментами он всё же собирался.

— Знаешь, — сказал старшекурсник, — у нас есть кое-какие способы заставляя есть таких, как ты. Хочешь, продемонстрирую?

Гарри сдался и принялся за голубую сосиску. Вкусная, особенно сияющие пупырышки.

Обед прошёл на удивление быстро. Гарри попытался откусить хотя бы по маленькому кусочку от каждого необычного блюда. Любопытство не позволяло ему остаться в неведении насчёт их вкуса. Слава богу, он не в ресторане, где приходится выбирать только один незнакомый пункт меню и уходить, не попробовав остальные. Гарри ненавидел это, считая чем-то вроде камеры пыток для поистине любознательных: «Раскрой только одну тайну из списка, ха-ха-ха!»

Настало время десерта, для которого Гарри совершенно забыл оставить место. Пришлось признать поражение, съев лишь кусочек пирожного с патокой.

Наверняка же всё это подают к столу чаще, чем раз в год.

Итак, какие у нас планы, помимо обычных школьных забот?

Пункт 1. Исследовать искажающие разум чары, чтобы протестировать всесильность Прыского чая. Хотя лучшие исследовать вообще все чары, связанные с сознанием. Разум — основа могущества человека, а значит, всякая магия, которая с ним связана, — самая полезная магия на свете.

Пункт 2. Хотя нет, это пункт 1, пунктом 2 был предыдущий. Пройтись по хогвартской и когтевранской библиотекам и ознакомиться с системой каталогизации книг. Прочитать все названия. Второй проход — все оглавления. Скооперироваться с Гермионой, у неё память намного лучше. Разузнать, есть ли здесь межбиблиотечный заём и организовать, если возможно, посещение других библиотек для себя и Гермионы, особенно Гермионы. Если у других факультетов тоже имеются свои библиотеки, найти способ проникнуть туда легально или нелегально.

Вариант 3А: Найти способ убедить Гермиону втайне от всех начать исследование фразы «слизеринцу от Слизерина: если ищешь мои секреты, поговори с моим змеем». Проблема: вряд ли что-либо настолько секретное часто упоминается в справочной литературе. Скорее всего, даже подсказку удастся найти не скоро.

Пункт 0. Узнать, существуют ли заклинания для поиска и сортировки информации. Библиотечная магия сама по себе не так важна, как магия разума, но имеет более высокий приоритет.

Вариант 3Б: Найти заклинание, которое бы заставило Драко Малфоя хранить секреты или магически подтверждало искренность его обещания эти секреты не выдавать (сыворотка правды?), и затем поинтересоваться у него насчёт сообщения Слизерина...

Если честно... У Гарри было неважное предчувствие по поводу варианта 3Б.

Да и, если поразмыслить, вариант 3А тоже что-то не очень.

Мысли Гарри вернулись к, возможно, худшему моменту в его жизни — к тем долгим секундам ледящего кровь ужаса под Шляпой, когда он думал, что потерпел полный провал. Тогда он пожелал вернуться назад во времени хотя бы на пару минут и изменить что-то, пока не было слишком поздно...

И затем получилось так, что слишком поздно уже не было.

Желание исполнено.

Нельзя изменить прошлое. Но можно изначально поступить правильно, уже с первого раза.

Весь этот поиск слизеринских секретов... страшно смахивал на историю, вспоминая о которой через годы, оглядываясь назад и говоришь: «Вот тогда-то всё и пошло наперекосяк». И отчаянно желаешь вернуться в прошлое и всё изменить...

Желание исполнено. И что теперь?

Гарри медленно улыбнулся.

Мысль не совсем очевидная, но...

Но ведь нигде не сказано, что в отношении этого шёпота он вообще должен что-либо предпринимать, верно? Пусть всё идёт так, как будто ничего не произошло. Через двадцать лет он захочет, чтобы двадцать лет назад он поступил именно так, а двадцать лет назад для двадцати лет спустя — это сейчас. Исправлять давно минувшее очень легко, надо просто вовремя подумать о будущем.

Или, что ещё менее очевидно, он расскажет об этом, ох, ну хотя бы профессору МакГонагалл вместо Драко или Гермионы. Она соберёт несколько умелых людей, и они снимут лишнее заклинание со Шляпы.

Ну да. Это оказалось чрезвычайно хорошей идеей, стоило о ней только чуть-чуть подумать.

Сейчас это было яснее ясного, но почему-то раньше варианты 3В и 3Г не приходили ему в голову.

Гарри присудил себе +1 балл по профилактической программе «Как не стать Тёмным Лордом».

Шутка у Шляпы получилась жестокой. Но результат был налицо. Гарри теперь намного лучше понимал точку зрения жертвы.

Пункт 4. Извиниться перед Невиллом Лонгботтомом.

Ладно, похоже, начало положено, теперь главное не сбиться с пути. С каждым днём я во всех отношениях становлюсь Светлее и Светлее...¹

К этому времени практически все соседи Гарри уже закончили трапезу, а грязные тарелки и пустые подносы начали исчезать.

Когда на столах ничего не осталось, Дамблдор снова встал. Гарри ничего не мог с собой поделать: ему снова захотелось выпить Прыского чая.

Да ты издеваешься, — подумал Гарри, обращаясь к этой части своего сознания.

Но ведь эксперимент не считается, если результаты невозможно повторить, правда? А хуже всё равно уже некуда. Разве не интересно, что случится *теперь*? Разве не любопытно? А вдруг результат изменится?

Спорим, что это ты — та часть моего разума, которая подбила меня разыграть Невилла Лонгботтума?

Ну, возможно.

Разве не предельно ясно, что, поступив так, как хочешь ты, я уже через секунду начну сожалеть о содеянном?

Э-э...

Да. Так что НЕТ.

— Кхм, — прокашлялся с трибуны Дамблдор, поглаживая длинную седую бороду. — Теперь, когда все напились и наелись, ещё несколько объявлений. Первокурсники должны запомнить, что посещение леса на территории школы запрещено для всех учеников. Именно поэтому он называется Запретный лес. Если бы проход в него был разрешён, он бы назывался Разрешённый лес.

Логично. *Заметка на будущее: Запретный лес — запретный.*

— Наш завхоз мистер Филч попросил меня также напомнить, что на переменах ученикам нельзя колдовать в коридорах. Увы, все мы знаем, что то, как должно быть, и то, как всё обстоит на самом деле, — две разные вещи. Спасибо, что не забываете об этом.

Э-э...

— Набор в команды по квиддичу будет проводиться во вторую неделю семестра. Всем, кто хочет играть за команду своего факультета, следует связаться с мадам Хуч. Тем же, кто хочет в принципе переименовать правила игры в квиддич, следует связаться с Гарри Поттером.

¹ Эту фразу использовал в своей методике Эмиль Куэ — французский психолог и фармацевт, разработавший метод психотерапии и личностного роста, основанный на самовнушении. — *Прим. перев.*

Гарри поперхнулся слюной и зашёлся в приступе кашля, и все в зале разом на него посмотрели. Какого чёрта! Он ни разу не встречался взглядом с Дамблдором... вроде бы. И уж точно не размышлял о квиддиче! Он не обсуждал игру ни с кем, кроме Рона Уизли, и вряд ли Рон кому-то сказал... или Рон побежал к профессорам жаловаться? ОТКУДА...

— Кроме того, должен предупредить, что правый коридор третьего этажа под запретом для всех, кто не хочет умереть очень мучительной смертью. Он защищён системой смертельно опасных ловушек, которые вы не сможете преодолеть, особенно на первом курсе.

Удивляться дальше уже не было сил.

— И последнее: хочу выразить огромную благодарность Квири-нусу Квирреллу за то, что он отважно согласился стать преподавателем Защиты от Тёмных искусств в Хогвартсе, — проницательный взгляд Дамблдора пробежался по ученикам. — Надеюсь, вы проявите по отношению к профессору Квирреллу всё возможное гостеприимство и терпимость, пока он оказывает эту невероятную услугу вам и школе, и не будете надоедать нам пустяковыми жалобами на его счёт, если только вы сами не хотите попробовать занять его место.

А это вообще о чём?

— Я передаю слово новому члену преподавательского состава, профессору Квирреллу, который изъявил желание выступить с речью.

Худощавый и нервный молодой человек, которого Гарри встретил в «Дырявом Котле», медленно прошёл к трибуне, со страхом озираясь по сторонам. Гарри успел рассмотреть его затылок. Было похоже, что, несмотря на молодость, профессор Квиррелл уже начинал лысеть.

— Интересно, а с этим что не так? — прошептал старшекурсник, сидевший рядом с Гарри. Подобными тихими комментариями обменивался весь стол Когтеврана.

Профессор Квиррелл встал за трибуну и замер, моргая.

— А-а... — выдавил он. И снова: — А-а...

Затем храбрость, по-видимому, совсем оставила его, и он замолчал, лишь изредка подёргиваясь.

— Отлично, — прошептал старшекурсник, — кажется, нам предстоит ещё один весёленький курс Защиты...

— Приветствую, мои юные ученики, — отчеканил профессор Квиррелл сухим, уверенным тоном. — Все мы знаем, что Хогвартсу катастрофически не везёт при выборе кадров на эту должность, и я не сомневаюсь, что многие из вас уже задаются вопросом, какая беда поразит в этом году меня. Уверяю вас, что этой бедой точно

не станет моя некомпетентность, — он слегка улыбнулся. — Верите или нет, я давно мечтал попытать себя в роли профессора Защиты от Тёмных искусств в Школе чародейства и волшебства Хогвартс. Первым этот предмет преподавал сам Салазар Слизерин, и уже в четырнадцатом веке появилась традиция: величайшие волшебники любых убеждений пробовали себя в этой профессии. Среди прошлых профессоров Защиты числится не только легендарный странствующий герой Гарольд Ши*, но также знаменитая бессмертная Баба-Яга* — да, я вижу, некоторые из вас до сих пор содрогаются, услышав её имя, невзирая на то, что она вот уже шесть сотен лет как мертва. Наверно, интересное было времечко для обучения в Хогвартсе, а?

Гарри тяжело сглотнул, пытаясь подавить внезапную волну эмоций, накрывшую его, когда профессор Квиррелл начал говорить. Педантичный голос напомнил ему одного лектора из Оксфорда, и он внезапно осознал, что не увидит дом, маму и папу до самого Рождества.

— Вы привыкли, что профессора Защиты часто оказываются недоумками, негодяями или неудачниками. Но те, кто знаком с историей, знают, что у этой должности совершенно иная репутация. Не каждый, кто преподавал здесь, был лучшим, но лучшие всегда преподавали в Хогвартсе. В столь достойной компании я, предвкушая этот день, посчитал зазорным поставить себе планку ниже совершенства. И я намереваюсь преподавать так, чтобы этот год запомнился каждому из вас лучшим курсом Защиты за всю учёбу. Всё, чему вы у меня научитесь, послужит вам надёжной основой в искусстве Защиты, вне зависимости от того, какие учителя у вас были раньше и будут после.

Лицо профессора Квиррелла стало серьёзным.

— Нам нужно очень много наверстать, а времени у нас мало. Поэтому я намереваюсь отступить от некоторых традиций хогвартского обучения, а также организовать кое-какие внеклассные мероприятия, — он на миг замолк. — Если же этого окажется недостаточно, возможно, я найду для вас новый стимул. Вы — мои долгожданные ученики, и уж поверьте, вы будете выкладываться по полной программе на моих долгожданных уроках Защиты. Я мог бы добавить какую-нибудь зловещую угрозу, вроде: «Или вас ожидают страшные муки», но это было бы слишком банально, не находите? А я горжусь своей изобретательностью. Благодарю.

После этого энергия и уверенность, видимо, покинули профессора — он стоял с отвисшей челюстью, словно только сейчас обнаружил, что выступил перед всей школой. Затем Квиррелл резко

развернулся и зашаркал к столу, сторбившись так, будто его изнутри грозила засосать чёрная дыра.

— Он слегка не в себе, — прошептал Гарри.

— Ха. Могло быть и хуже, — со знанием дела заметил старшекурсник.

Дамблдор вернулся за трибуну.

— А теперь, — произнёс директор, — перед тем, как пойти спать, давайте споём школьный гимн! Каждый поёт любимые слова на любимый мотив, поехали!

Глава 13

Неправильные вопросы

Элен сила Дж. К. Роулинг оментильво*.

*Это самая лёгкая загадка из всех,
с которыми мне довелось столкнуться.*

Наступило утро первого полноценного дня в Хогвартсе. Гарри открыл глаза в спальне первокурсников Когтеврана и почувал неладное.

Тихо. Слишком тихо.

Ах да... На изголовье кровати было наложено заклятие Квиетус, регулируемое маленьким ползунок — единственный способ спокойно заснуть в Когтевране.

Гарри сел и огляделся, ожидая застать подготовку к новому дню в самом разгаре.

Спальня пуста. Кровати не заправлены, бельё скомкано. Солнце довольно высоко над горизонтом. Ползунок Квиетуса на максимуме. И его механические часы работают, но будильник отключён.

Судя по всему, он продрых до 9:52 утра. Несмотря на все попытки синхронизировать свой 26-часовой день к прибытию в Хогвартс, Гарри не смог уснуть до часу ночи. Он собирался проснуться в 7:00 вместе с остальными учениками: он сумел бы перетерпеть один день недосыпа, если до завтра найдётся какое-нибудь волшебное лекарство. Но теперь Гарри пропустил завтрак. А самый первый его урок в Хогвартсе — травоведение — начался час и двадцать две минуты назад.

Гарри медленно-медленно закипал. Отличная шутка: выключить будильник, включить Квиетус. И пусть зазнайка Гарри Поттер проспип свой самый первый урок, после чего его отчитают как соню.

Без паники. Торжественно клянусь, что есть логичное, заранее запланированное и непротиворечивое объяснение всему происходящему в этой главе. Это загадка, которую вам нужно отгадать. А если не получится — ответ будет в следующей главе. — *Прим. авт.*

Когда Гарри узнает, кто виноват...

Нет, это могли сделать только все двенадцать мальчиков вместе: каждый из них видел, что Гарри спит, и ни один не разбудил к завтраку.

Злость ушла, уступив место недоумению и горькой обиде. Он же им понравился. Так ведь? Прошлым вечером ему показалось, что он им понравился. Тогда почему...

Встав с постели, Гарри заметил клочок бумаги, прилепленный к спинке кровати. На листке было написано:

Мои товарищи когтевранцы!

У меня был очень тяжёлый день. Пожалуйста, дайте мне поспать и не волнуйтесь о пропущенном завтраке. Я не забыл про первый урок.

Ваш Гарри Поттер.

Гарри замер, не в силах пошевелиться, и у него похолодело в груди: записка была написана его же рукой, его собственным механическим карандашом. И он не помнит, как это писал. И если ему не чудится, слова «я не забыл» написаны как-то по-другому: уж не намёк ли это самому себе?..

Может, он знал, что ему сотрут память? Возможно, вчера ночью он совершил преступление или провёл секретную операцию... а затем... но он ещё не умеет стирать память... а если кто-то другой... что...

И тут ему в голову пришла мысль: если он правда знал, что ему сотрут память...

Не переодеваясь, Гарри подскочил к сундуку, нажал большим пальцем на замок, достал кошель и произнёс:

— Записка для себя.

Ему в руки прыгнул ещё один клочок бумаги. Гарри его внимательно рассмотрел. Эта записка тоже была написана его почерком. В ней говорилось:

Дорогой Я,

Пожалуйста, сыграй в эту игру. Такая возможность выпадает лишь раз в жизни. Второго шанса не будет.

Опознавательный код 927, я картошка.

Твой ты.

Гарри медленно кивнул. Фраза «Опознавательный код 927, я картошка» была паролем, который он придумал заранее — не-

сколько лет назад, сидя перед телевизором. И хранил его в тайне на случай, если вдруг придётся проверять свою копию, например. В общем, «будь готов».

Доверять этому письму полностью не стоит — возможно, здесь замешана ещё какая-нибудь магия — но, по крайней мере, можно смело отместить обычную шутку. Нет сомнений, что это написал он сам, хоть и не может этого вспомнить.

Разглядывая бумажку, Гарри заметил просвечивающие с другой стороны слова. Перевернув её, он прочитал:

ИНСТРУКЦИИ К ИГРЕ:
 ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ ПРАВИЛ ИГРЫ,
 ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ СТАВКИ В ИГРЕ,
 ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ ЦЕЛИ ИГРЫ,
 ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, КТО ПРОВОДИТ ИГРУ,
 ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, КАК ЗАКОНЧИТЬ ИГРУ.
 ТЫ НАЧИНАЕШЬ С СОТНЕЙ БАМОВ.
 ВПЕРЁД.

Гарри пристально осмотрел «инструкции». Писалось не от руки: буквы слишком правильные, искусственные. Похоже на почерк Самопишущего Пера, вроде того, что он купил для конспектирования.

Происходило что-то совсем непонятное.

Ладно, шаг первый: одеться и покушать. А лучше наоборот.

Желудок требовал еды. Гарри, конечно, пропустил завтрак, но он был всегда готов — то есть, предвидел подобный случай. Сунув руку в кошель, он произнёс: «Перекус», — ожидая, что в руке появится коробка батончиков со злаками, которую он купил перед отбытием в Хогвартс.

На ощупь то, что появилось в руке, никак не походило на коробку батончиков со злаками.

Гарри вытащил руку из кошель и обнаружил в ней лишь пару конфеток — которых определённо было недостаточно для завтрака, — завёрнутых в очередной клочок бумаги, исписанный тем же почерком, что и инструкции. Там говорилось:

ПОПЫТКА ПРОВАЛЕНА: -1 БАМ
 ТЕКУЩИЕ БАМЫ: 99
 ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ: ГОЛОДЕН
 ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ: ОЗАДАЧЕН

— Ух-х-х, — произнёс рот Гарри без участия мозга.

Минуту он просто стоял.

За это время смысла в записке не прибавилось, ситуация не прояснилась, а мозг Гарри даже не знал, с чего вообще начать подбор гипотез — словно его только что огрели пыльным мешком.

Его желудок, чьи приоритеты несколько отличались, подсказал возможный экспериментальный тест.

— Э-э, — обратился он к пустой комнате, — нельзя ли потратить один балл на коробку батончиков со злаками?

В ответ — тишина.

Гарри сунул руку в кошель:

— Коробка батончиков со злаками.

Коробка нужной формы появилась в руке... но она была открытой и пустой, а прикреплённая к ней записка утверждала:

БАМОВ ПОТРАЧЕНО: 1
ТЕКУЩИЕ БАМЫ: 98
ТЫ ПОЛУЧИЛ: КОРОБКУ БАТОНЧИКОВ СО ЗЛАКАМИ

— Хочу потратить один балл на батончики со злаками, — с нажимом сказал Гарри.

И снова тишина.

Гарри сунул руку в кошель:

— Батончики со злаками.

Ничего не произошло.

Гарри, отчаявшись, пожал плечами и подошёл к прикроватному шкафчику переодеться.

На дне ящика, под мантией, лежали батончики со злаками и записка:

БАМОВ ПОТРАЧЕНО: 1
ТЕКУЩИЕ БАМЫ: 97
ТЫ ПОЛУЧИЛ: 6 БАТОНЧИКОВ СО ЗЛАКАМИ
ТЫ ВСЁ ЕЩЁ ОДЕТ: В ПИЖАМУ
ЕСТЬ В ПИЖАМЕ ЗАПРЕЩЕНО
ЗАРАБОТАЕШЬ ПИЖАМНЫЙ ШТРАФ

Теперь я знаю: кто бы ни проводил игру, он сумасшедший.

— Мне кажется, игру проводит Дамблдор, — сказал вслух Гарри. Может быть, с этой дикой догадкой он поставит мировой рекорд по смекалостости.

Тишина.

Но Гарри уже начал понимать правила игры: записка будет там, где он станет её искать. Поэтому он посмотрел под кроватью.

ХА! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!
 ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!
 ХА! ХА! ХА! ХА! ХА! ХА!
 ВЕДУЩИЙ ИГРЫ НЕ ДАМБЛДОР
 ПЛОХАЯ ДОГАДКА
 ОЧЕНЬ ПЛОХАЯ ДОГАДКА
 -20 БАМОВ
 И ТЫ ВСЁ ЕЩЁ В ПИЖАМЕ
 УЖЕ ЧЕТВЁРТЫЙ ХОД
 А ТЫ ВСЁ ЕЩЁ В ПИЖАМЕ
 ПИЖАМНЫЙ ШТРАФ: -2 БАММА
 ТЕКУЩИЕ БАМЫ: 75

М-да, задачка оказалась серьёзной. Кроме Дамблдора, он никого настолько сумасшедшего в школе не знал — всё-таки учебный год только начался.

Гарри отрешённо сгрёб мантию и нижнее бельё, забрался в подвал сундука (он был весьма стеснительным человеком: а вдруг кто-то зайдёт?), переоделся и вернулся в спальню положить пижаму на место.

Взявшись за ручку выдвижного ящика, он задумался. Если правило всё ещё действует...

— Как зарабатывать баллы? — спросил он вслух и вытянул ящик.

ВОЗМОЖНОСТИ ТВОРИТЬ ДОБРО ПОВСЮДУ,
 НО СВЕТ НУЖНЕЕ ВСЕГО ВО ТЬМЕ
 СТОИМОСТЬ ВОПРОСА: 1 БАМ
 ТЕКУЩИЕ БАМЫ: 74
 КЛАССНЫЕ ТРУСЫ
 МАМА ВЫБИРАЛА?

Гарри, залившись краской, скомкал записку. Вспомнилось ругательство Драко: «грязнокровкин сын...»

Но вслух он его произнести не решился. Заработает, чего доброго, штраф за сквернословие.

Гарри пристегнул к поясу кошель-скрытень и волшебную палочку. Распаковал один батончик и бросил обёртку в мусорную корзину,

где она приземлилась на недоеденную шоколадную лягушку, смятый конверт и красно-зелёную обёрточную бумагу. Остальные батончики спрятал в кошель.

Он ещё раз посмотрел вокруг в совершенно тщетной попытке обнаружить хоть какую-нибудь подсказку и, жуя на ходу батончик, вышел из спальни, отправившись на поиски подземелья Слизерина. Ему показалось, что именно на это намекала записка.

Бродить по коридорам Хогвартса... не то чтобы хуже, чем по какой-нибудь картине Эшера — разве что в переносном смысле*.

Через некоторое время Гарри понял, что по сравнению с Хогвартсом картина Эшера имеет как минусы, так и плюсы. Минусы: нет постоянного гравитационного вектора. Плюсы: лестницы не двигаются, **КОГДА ТЫ НА НИХ СТОИШЬ**.

Вчера, чтобы попасть в спальню, Гарри поднялся по четырём лестницам. Сегодня же, спустившись не менее, чем по двенадцати, он так и не добрался до подземелий. Гарри заключил, что: 1) картина Эшера по сравнению с этим — ещё цветочки; 2) он каким-то образом оказался даже выше, чем начал; и 3) он настолько конкретно заблудился, что не удивился бы, даже окажись за следующим окном две луны в небе.

Запасной план А состоял в том, чтобы спросить у кого-нибудь дорогу, но наблюдался крайний дефицит прохожих, как будто эти бедолаги все поголовно сидят на уроках.

Запасной план Б...

— Я заблудился, — произнёс Гарри вслух. — Нельзя ли попросить, э-э, дух Хогвартса помочь мне?

— Вряд ли у замка есть дух, — заметила сухая пожилая женщина на одной из картин на стене. — Жизнь — может быть, но не дух.

Краткое молчание.

— А вы... — начал Гарри и осёкся. Нет, если подумать, то он НЕ БУДЕТ спрашивать, осознаёт ли картина своё существование. — Меня зовут Гарри Поттер, — произнёс он, почти не задумываясь, и, также почти не задумываясь, протянул картине руку.

Нарисованная женщина смерила её взглядом и вздёрнула бровь. Гарри медленно опустил руку.

— Извините, — сказал он. — Я здесь вроде как новенький.

— Я заметила, молодой ворон. Так куда ты хочешь попасть?

Гарри замялся.

— Я вообще-то не уверен, — сказал он.

— Тогда ты, возможно, уже там.

— Куда бы я ни хотел попасть, по-моему, здесь — это не там... — Гарри загнулся, понимая, что несёт чушь. — Ладно, давайте сначала. Я играю в игру, только не знаю её правил... — Н-да, так тоже не пойдёт. — Хорошо, третья попытка. Я ищу возможности творить добро, чтобы зарабатывать баллы, но у меня есть только загадочная подсказка, что свет нужнее всего во тьме, так что я пытаюсь попасть вниз, хотя получается только вверх...

Нарисованная женщина взидала на него с нескрываемым скептицизмом.

Гарри вздохнул:

— Моя жизнь не лишена странностей.

— Верно ли я понимаю, что ты не знаешь сам, куда ты идёшь и зачем ты хочешь туда попасть?

— Абсолютно верно.

Женщина кивнула:

— Я не уверена, что твоя главная проблема в том, что ты заблудился.

— Согласен, но в отличие от более важных проблем, эту я хоть знаю, как решать, и, ух ты, весь наш разговор — сплошная метафора человеческого бытия, а я заметил это только сейчас*.

Леди посмотрела на Гарри с одобрением:

— Ты и впрямь славный молодой ворон, не так ли? Я уж было засомневалась. Ну что ж, как правило, чтобы спуститься, надо всегда поворачивать налево.

Фраза показалась Гарри смутно знакомой, но он не смог вспомнить, откуда она*.

— Эм-м... вы мне кажетесь очень мудрой женщиной. Ну или портретом очень мудрой женщины. Вы не слышали о таинственной игре, в которую можно сыграть лишь однажды, причём правил вам никто не сообщает?

— Жизнь, — без колебаний ответила леди. — Это самая лёгкая загадка из всех, с которыми мне довелось столкнуться.

Гарри моргнул.

— Нет, — медленно проговорил он. — Я имею в виду самую настоящую игру, в которую мне предложили сыграть в письме, не сообщив правил. При этом кто-то постоянно подбрасывает мне записки, когда я их нарушаю, например, что за ношение пижамы полагается два балла штрафа. Вы не знаете, кто в Хогвартсе достаточно сумасшедший и достаточно могущественный, чтобы провернуть нечто подобное? Ну, то есть, помимо Дамблдора?

Леди в картине вздохнула:

— Я всего лишь портрет, молодой человек. Я помню Хогвартс только таким, каким он был, а не таким, какой он есть. Одно могу сказать: если бы это была загадка, ответом было бы, что игра — это жизнь, и хотя её правила придуманы не нами, баллы присуждаешь и отнимаешь только ты сам. Но если это не загадка, а действительность — тогда я не знаю.

Гарри отвесил картине глубокий поклон:

— Благодарю вас, миледи.

Леди сделала ответный реверанс.

— Хотела бы я сказать, что буду вспоминать о тебе с теплотой, — вздохнула она, — но я, скорее всего, не запомню тебя вообще. Прощай, Гарри Поттер.

Гарри снова поклонился и зашагал к ближайшей лестнице вниз.

Спустя четыре поворота налево Гарри наткнулся на огромную груду булыжников, будто здесь случился обвал, однако стены и потолок вокруг оставались целёхоньки — самые обычные каменные стены и потолок.

— Ладно, — сказал Гарри, — сдаюсь. Прошу ещё одну подсказку. Как мне попасть в нужное место?

— Подсказку! Ты сказал — подсказку? — донеслось взволнованное восклицание от портрета неподалёку, на этот раз — мужчины среднего возраста с невообразимой мантией кричащего розового цвета и старой обвисшей остроконечной шляпой с рыбкой на кончике (не с рисунком рыбки, а именно с рыбкой).

— Да! — воскликнул Гарри в ответ. — Подсказку! Я сказал — подсказку! Только не какую-нибудь там подсказку, а подсказку для игры, в которую я...

— Да, да! Подсказку для игры! Ты ведь Гарри Поттер, так? Я Корнелион Флаббервольт! Эту подсказку мне передала Эрин-консорт, которая получила её от лорда Уизлнуса, которому... не помню. Но передать её тебе попросили именно меня! Меня! Никто не вспоминал обо мне уже не помню сколько лет — может, вообще никогда, засунули в этот богом забытый коридор и бросили пылиться... подсказка! У меня твоя подсказка! Она будет стоять тебе всего лишь трёх баллов! Хочешь?

— Да! Безумно! — наверно, стоило бы держать сарказм при себе, но Гарри ничего не смог с собой поделать.

— Тьма найдётся между зелёным классом самоподготовки и классом трансфигурации МакГонаггал! Вот подсказка! И пошевелись, плетёшься как улитка! Минус десять баллов за тормознутость! Теперь у тебя 61 балл! Вот и всё сообщение!

— Спасибо, — похоже, он проигрывал. — Кхм. Полагаю, вы не знаете, откуда это сообщение поступило первоначально, так?

— Мне сказали, что сообщение прозвенело глухим колоколом из прорехи в мироздании, за которой бушевала преисподняя!

Гарри уже не был уверен, что подобным заявлениям следует удивляться, а не принимать на веру как нечто само собой разумеющееся.

— Ну и как мне это место найти?

— Развернись, а потом иди налево, направо, вниз, вниз, направо, налево, направо, вверх, а потом опять налево — доберёшься до зелёного класса самоподготовки. Пройдя его насквозь, попадёшь в широкий извилистый коридор, который выходит на развилку — и справа будет длинный прямой проход, который заканчивается классом трансфигурации! — портрет мужчины заколебался. — Так, во всяком случае, было в моё время. Сегодня ведь понедельник нечётного года, правильно?

— Карандаш и механическая бумага, — потянулся Гарри в кошель. — Ой, отменить, бумага и механический карандаш, — Гарри снова посмотрел на картину. — Вы бы не могли повторить маршрут?

Заблудившись ещё два раза, Гарри начал подозревать, что основное правило навигации непрерывно изменяющегося лабиринта под названием Хогвартс — «спроси дорогу у портрета». Если это должно было преподать ему какой-то невероятно глубокий жизненный урок, Гарри его не понял.

Зелёный класс самоподготовки оказался на удивление приятным местом, где солнце светило через окна с зелёным орнаментом, изображающим драконов в спокойных пасторальных сценах. Стулья выглядели весьма удобными, а столы были удачно расположены для работы группами до четырёх человек. Гарри не смог вот так просто пройти его насквозь. Ведь в стенах были книжные полки, и, чтобы не запятнать репутацию семьи Веррес, ему пришлось бегло просмотреть названия. Но он сделал это быстро, памятуя жалобу на «тормознутость», и вышел с другой стороны.

Он шагал по «широкому извилистому коридору», когда услышал взволнованный мальчишеский возглас. Посчитав, что ситуация заслуживает быстрого бега, без оглядки на сохранение энергии или правильную разминку, Гарри ринулся на звук и едва не врезался в компанию из шести первокурсников-пуффендуйцев...

...которые с отчаяньем и страхом сгрудились в кучу и, не зная, что предпринять, взирали на пятерых старшекурсников из Слизерина, окруживших седьмого пуффендуйца.

И тут Гарри объял гнев.

— Минуточку внимания! — рявкнул он во всю глотку.

Восклицание, вероятно, было излишним: остальные уже заметили его появление. Но оно заставило всех замереть.

Гарри прошествовал мимо пуффендуйцев в сторону слизеринцев.

На лицах последних отражалась гамма чувств: и злость, и веселье, и восторг.

В уголке сознания в панике билась мысль, что они старше и больше, и с лёгкостью его растопчут.

Другая часть его мозга сухо возразила, что если кто-то серьёзно навредит Мальчику-Который-Выжил, то этому кому-то ну очень не поздоровится, особенно, если это стая слизеринских старшекурсников при семи свидетелях-пуффендуйцах. Вероятность непоправимого ущерба стремилась к нулю.

И тут Гарри увидел, что мальчишка, которого они поймали, — Невилл Лонгботтом.

Ну конечно.

Тогда решено. Гарри планировал перед ним извиниться, а, значит, Невилл принадлежит ему, как они вообще смеют?

Он схватил Невилла за запястье и выдернул его из круга слизеринцев с такой силой, что тот чуть не упал. Практически тем же движением Гарри скользнул на его место.

В результате Гарри оказался посреди группы старшекурсников из Слизерина, глядя снизу вверх на больших и сильных парней.

— Привет, — сказал он. — Я Мальчик-Который-Выжил.

Затянулось неловкое молчание. Судя по всему, никому не приходило в голову, как продолжить разговор.

Гарри посмотрел вниз и увидел разбросанные по полу книги и бумаги. Ага, знакомая забава: как только мальчишка поднимает одну из книг, её тут же снова выбивают из руки. Гарри никогда не оказывался жертвой подобного развлечения, но у него было хорошее воображение, и воображаемая картина бесила его всё сильнее. Что ж, когда ситуация разрешится, Невилл сможет спокойно собрать книги — если только слизеринцы не отвлекутся от Гарри и не будут думать с ними что-нибудь сделать.

К сожалению, его взгляд не укрылся от внимания слизеринцев.

— Ути-пути, — захихикал самый крупный, — малютка хочет книзёчки...

— Молчать, — холодно перебил Гарри. *Вывести из равновесия. Быть непредсказуемым. Не вписаться в роль жертвы.* — Это часть

какого-то хитрого плана, который принесёт вам пользу? Или бессмысленная выходка, позорящая имя Салазара Слизерина, на что очень...

Самый крупный пихнул Гарри, и тот, вылетев из круга слизеринцев, растянулся на полу Хогвартса. А слизеринцы захохотали.

Гарри встал, двигаясь словно в замедленной съёмке. Он ещё не знал, как пользоваться волшебной палочкой, но и без неё можно кое-что попробовать.

— Хочу потратить сколько угодно баллов, чтобы избавиться от этого человека, — отчеканил Гарри, указывая на самого крупного. Затем он поднял другую руку и, щёлкнув пальцами, произнёс:

— Абракадабра!

Невилл и один из пуффендуйцев вскрикнули, трое слизеринцев попрыгали в стороны, а самый крупный отпрянул назад. Что-то красное стекало у него по лицу и шее.

Такого даже Гарри не ожидал.

Самый крупный медленно поднёс руку к голове, отлепил от физиономии поднос с пирогом, подержал его в руке, разглядывая оловяными глазами, и уронил на пол.

Один из пуффендуйцев расхохотался. Кажется, он выбрал для этого не самое лучшее время.

И тут Гарри заметил на дне подноса записку.

— Всем стоять! — он подскочил и отлепил её. — Похоже, это мне...

— Ты, — прорычал самый крупный, — ты, у меня, сейчас...

— Нет, вы только посмотрите! — заорал Гарри, размахивая бумажкой. — Безобразие! Целых 30 баллов за доставку какого-то вшивого пирога? 30 баллов! Меня обдирают как липку, и это после того, как я бесстрашно ринулся на помощь невинным! И ещё доплата за хранение, пересылку и транспортировку крупногабаритных грузов? Какая, к чёрту, транспортировка крупногабаритных грузов! Это же просто пирог!

И снова неловкое молчание. Гарри мысленно проклинал на все лады всё никак не перестававшего хихикать пуффендуйца. Из-за этого идиота у него сейчас могут начаться настоящие неприятности.

Гарри отошёл назад и наградил слизеринцев своим самым смертоносным взглядом.

— Проваливайте, а не то я буду делать ваше существование всё более и более странным, пока не отвяжетеесь. Должен предупредить, шутки со мной часто заканчиваются несколько... неприятным образом. Всё ясно?

Одним быстрым и устрашающим движением крупный слизеринец выхватил волшебную палочку — и тут же получил сзади вторым пирогом, на сей раз ярко-синим черничным.

Текст послания на этом пироге был очень крупным и удобочитаемым.

— На твоём месте я бы прочёл записку, — заметил Гарри. — Похоже, она адресована тебе.

Самый крупный медленно отлепил от себя поднос, перевернул его, с громким хлопом вывалив пирог под ноги, и прочитал следующее:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ИГРЫ ЗАПРЕЩЕНО
ИСПОЛЬЗОВАТЬ МАГИЮ ПО ОТНОШЕНИЮ К УЧАСТНИКУ
О ДАЛЬНЕЙШЕМ ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ В ИГРУ
БУДЕТ ДОЛЖЕНО РУКОВОДСТВУ ИГРЫ

Лицо слизеринца выражало такое недоумение, что с него можно было писать картину. Гарри даже проникся к Ведущему игры какой-то симпатией.

— Слушайте, — сказал он, — давайте на сегодня закончим? По-моему, ситуация начинает выходить из-под контроля. Давайте отложим это дело, и вы вернётесь в гостиную Слизерина, а я — в гостиную Когтеврана, хорошо?

— У меня есть идея получше, — прошипел крупный слизеринец. — Давай я случайно сломаю тебе все пальцы?

— Как, во имя Мерлина, можно выставить это случайностью, если ты, дурень, угрожаешь мне перед дюжиной свидетелей...

Самый крупный нарочито медленно схватил Гарри за руку. Та часть сознания, которая обратила внимание на силу и возраст противника, наконец пробилась и заорала: «ЧТО Я ДЕЛАЮ, ЧЁРТ МЕНЯ ПОДЕРИ?!»

— Подожди! — заволновался другой слизеринец. — Стой, только не надо по-настоящему этого делать!

Самый крупный пропустил это мимо ушей и, крепко обхватив кисть Гарри, взял указательный палец правой руки.

Гарри спокойно посмотрел слизеринцу в глаза. Что-то внутри твердило: этого не может быть, этого не должно быть, взрослые никогда не допустят, чтобы это на самом деле произошло...

Слизеринец принялся медленно загибать палец в обратную сторону.

Он ещё не сломал мне палец, и пока не сломает, я не дрогну, или я не Гарри Поттер. До тех пор это всего лишь очередная попытка меня запугать.

— Стой! — снова возразил другой слизеринец. — Стой, это очень плохая идея!

— Вынуждена согласиться, — холодно произнёс голос. Голос взрослой женщины.

Самый крупный выронил руку Гарри, будто обжёгшись, и отскочил назад.

— Профессор Спраут! — воскликнул один из пуффендуйцев радостным-прерадостным голосом.

В поле зрения прошествовала невысокая коренастая женщина с беспорядочно завитыми седыми волосами и в покрытой грязью одежде.

— Объясните мне, — прокурорским тоном заговорила она, указав пальцем на слизеринцев, — что вы здесь делаете с моими пуффендуйцами и... — она бросила на Гарри быстрый взгляд, — моим славным учеником, Гарри Поттером?

Ой-ёй. Точно, это же её урок я с утра пропустил.

— Он грозился нас убить! — выпалил тот самый слизеринец, который просил остановиться.

— Чего? — безучастно переспросил Гарри. — Неправда! Если бы я хотел тебя убить, я бы вовсе не стал прилюдно угрожать!

Третий слизеринец беспомощно рассмеялся, но быстро заткнулся под уничтожающими взглядами соратников.

— И каким это образом он угрожал вас убить? — недоверчиво уточнила волшебница.

— Смертельным проклятием! Он притворился, что использует на нас Смертельное проклятие!

Профессор Спраут взглянула на Гарри.

— Ничего не скажешь, ужасная угроза в устах одиннадцатилетнего мальчишки. Правда, с этим проклятием всё равно никогда не шутят, Гарри Поттер.

— Я даже не знаю его слов, — быстро вставил Гарри. — И палочки у меня в руке не было.

На этот раз недоверчивый взгляд заслужил Гарри.

— Получается, этот юноша сам себя измазал двумя пирогами?

— Это он не палочкой сделал! — выпалил один из пуффендуйцев. — Я тоже не знаю, как у него это получилось, но он просто щёлкнул пальцами — и появился пирог!

— Неужели, — задумалась Спраут и вытянула собственную палочку. — Я не буду настаивать, потому что вы, очевидно, жертва, но вы не будете возражать, если я это проверю?

Гарри достал палочку:

— Что мне?..

— *Приор Инкантиато*. Странно, — нахмурилась Спраут, — похоже, этой палочкой вообще не пользовались.

— Так и есть, — пожал плечами Гарри. — Я её купил всего несколько дней назад вместе с учебниками.

— В таком случае, — кивнула Спраут, — налицо пример спонтанной магии в опасной ситуации. В правилах школы ясно говорится, что за неё не наказывают. А что касается вас... — повернулась она к слизеринцам и демонстративно посмотрела на разбросанные книги Невилла.

Она долго и молча сверлила пятерых слизеринцев взглядом.

— По три балла. С каждого, — наконец вынесла она вердикт. — И шесть с него, — показала она на заляпанного пирогом. — И больше никогда, слышите, никогда не связывайтесь с моими пuffedуицами и моим учеником Гарри Поттером. А теперь, брысь!

Повторять не пришлось: слизеринцы ретировались в мгновение ока.

Подошёл Невилл и начал собирать учебники. Он плакал, но совсем чуть-чуть. Возможно, из-за запоздалого шока, а может быть — потому что остальные пuffedуицы принялись ему помогать.

— Спасибо вам огромное, Гарри Поттер, — сказала ему профессор Спраут. — Семь баллов Когтеврану — по одному за каждого пuffedуица, которому вы помогли. Это всё.

Гарри моргнул. Он ожидал, что его отчитают за вздорность или за прогул.

Может быть, всё-таки стоило пойти в Пuffedуи? Спраут довольно крута.

— *Скорджифай*, — очистила Спраут пол от остатков пирога и ушла по коридору к зелёному классу самоподготовки.

— Но как тебе это удалось? — прошептал один из пuffedуицев, когда она пропала из виду.

— Я могу сделать всё что угодно, — самодовольно заявил Гарри, — одним щелчком пальцев.

— Правда?! — вытаращил глаза тот.

— Нет. Но когда будешь об этом случае всем рассказывать, не забудь рассказать и Гермионе Грейнджер, первокурснице из Когтеврана — у неё для тебя тоже найдётся забавная история. — Он сам ни черта не понимал в произошедшем, но не собирался упускать столь удобный случай ещё поднадуть свою и без того легендарную репутацию. — Да, кстати, что это за бред они несли про Смертельное проклятие?

— Ты и впрямь не знаешь? — странно посмотрел на него мальчик.

— Иначе бы не спрашивал.

— Слова Смертельного проклятия, — мальчишка сглотнул, а потом расставил руки в стороны, словно демонстрируя отсутствие в них волшебной палочки, и продолжил шёпотом, — *Авада Кедавра*.

Кто бы сомневался.

Гарри добавил этот факт в список того, о чём он никогда-никогда не расскажет своему папе, Майклу Верресу-Эвансу. И так придётся объяснять, что он — единственный во всём мире человек, переживший ужасное Смертельное проклятие, необязательно при этом упоминать, что, оказывается, Смертельное проклятие — это «Абракадабра».

— Понятно, — протянул Гарри. — Что ж, больше я не буду произносить этих слов после щелчка пальцев.

Пусть оно и произвело тактически выгодный эффект.

— Но почему ты тогда...

— Вырос у маглов, а они думают, что это смешная шутка. Серьёзно. Извини, но не напомнишь своё имя?

— Меня зовут Эрни Макмиллан, — сказал пуффендуч и протянул руку. Гарри её пожал. — Для меня честь с тобой познакомиться.

Гарри слегка поклонился.

— Мне тоже приятно с тобой познакомиться — давай отбросим эту ерунду про честь.

Остальные мальчишки окружили его и принялись представляться.

Когда знакомство закончилось, Гарри сглотнул. Для него это будет очень непросто.

— Кхм. Извините меня все, но... я хотел бы кое-что сказать Невиллу...

Когда все взгляды скрестились на последнем, тот испуганно попятился.

— Наверно, — робко начал Невилл, — ты хочешь сказать, что мне надо быть храбрее...

— Да нет, ничего подобного! — быстро перебил Гарри. — Я вообще не о том. Просто мне кое-что сказала Распределяющая шляпа...

Остальные мальчишки внезапно очень заинтересовались, а лицо Невилла сделалось ещё испуганнее.

Гарри хотел покончить с этим неприятным делом как можно скорее, сказать всё быстро и сразу, но слова камнями застревали в гортани. Насилов совладав с губами, с трудом выдавливая каждый звук, он наконец смог произнести:

— Из-ви-ни ме-ня, — выдох и глубокий вдох, — за то, что я вчера сделал. Не нужно проявлять ко мне снисхождение. Я пойму,

если ты меня теперь ненавидишь. Я не пытаюсь строить из себя что-то эдакое, извиняясь перед тобой, и тебе необязательно прощать меня. Я поступил плохо.

Невилл молча прижал книги к груди.

— Почему ты так поступил? — спросил он наконец тонким, нерешительным голосом, смагивая слёзы и стараясь не расплакаться. — Почему все надо мной издеваются, даже Мальчик-Который-Выжил?

Гарри захотелось провалиться под землю. Так гадко он себя ещё никогда не чувствовал.

— Извини, — повторил Гарри, внезапно охрипнув. — Просто... у тебя был такой испуганный вид, будто у тебя на лбу написано: «жертва». Мне захотелось тебе тогда показать, что не всегда всё заканчивается плохо, что иногда и чудовища раздают шоколадки... И тогда, подумал я, ты поймёшь, что нечего так бояться...

— Но ведь есть чего, — прошептал Невилл. — Сам сегодня видел, есть!

— Они бы ничего серьёзного не сделали при свидетелях. Их главное оружие — страх. Потому-то они и прицепились именно к тебе: они поняли, что ты их боишься. Я хотел помочь тебе побороть этот страх... показать, что на самом деле всё не так плохо... так, во всяком случае, я себе говорил, но Распределяющая шляпа объяснила мне, что это самообман и на самом деле я просто развлекался. Потому я и извиняюсь...

— Мне было больно, — сказал Невилл. — Только что. Когда ты меня схватил и дёрнул, — Невилл указал на руку, за которую его схватил Гарри. — У меня тут теперь будет синяк. Даже толчки слизеринцев не были такими болезненными.

— Невилл! — прошипел Эрни. — Он же тебя спасал!

— Извини, — прошептал Гарри. — Просто, когда я тебя увидел, я... очень-очень разозлился...

Невилл спокойно на него посмотрел:

— И потому ты так сильно дёрнул меня, встал на моё место и сказал: «Привет, я Мальчик-Который-Выжил».

Гарри кивнул.

— Мне кажется, однажды ты станешь очень крут, — сказал Невилл. — Но сейчас я бы так про тебя не сказал.

Гарри глотнул ком в горле и пошёл прочь. После развилки он свернул налево и потопал куда глаза глядят.

Ну и что ему оставалось делать? Никогда не злиться? Но кто знает, что бы случилось с Невиллом и его книгами, если бы Гарри

не разолился? Да и если верить фэнтэзийным романам, с этой злостью поделаться ничего нельзя. Если попытаться её закупорить, ничего не выйдет: она будет прорываться снова и снова. И после долгого путешествия по тропе самопознания он обнаружит, что злость — это его неотъемлемая часть, и, лишь смирившись с этим, он научится с умом её использовать. Только во вселенной «Звёздных войн» ответом и впрямь было полное отсечение негативных эмоций, но Йода всегда производил на Гарри впечатление маленького зелёного недоумка.

Таким образом, чтобы не тратить время зря, лучше все самокопания пропустить и сразу признаться, что злость можно контролировать только тогда, когда не пытаешься её полностью задавить.

Но вот в чём загвоздка: от злости он никогда не терял самообладания. Когда разум застилала холодная ярость, он полностью осознавал все свои поступки. И только потом оказывалось, что вообще весь эпизод пошёл как-то... вкривь и вкось.

Интересно, а что по этому поводу думает Ведущий игры? Сколько он заработал или потерял баллов? Самому Гарри показалось, что он прилично проштрафился. А пожилая женщина из картины, конечно, сказала бы, что только его собственное мнение на этот счёт и стоит учитывать.

И ещё... уж не Ведущий ли подослал профессора Спраут? Ведь записка предупреждала, что будет извещено руководство игры — и вот она тут как тут. А может, она и есть Ведущий игры? Ведь главу факультета Пуффендуй никто никогда не заподозрит, а значит, она в самом верху списка подозреваемых. Да, Гарри и детективы читал. Целых два.

— Ну и как мои успехи в игре? — спросил он вслух.

Через голову перелетела записка, словно кто-то её бросил из-за спины — Гарри развернулся посмотреть, но коридор был пуст. Он подобрал осевшую на пол бумажку.

В ней говорилось вот что:

БАМЫ ЗА СТИЛЬ: 10
БАМЫ ЗА БЛАГОРАЗУМИЕ: -3 000 000*
БОНУС ЗА БАМЫ КОГТЕВРАНЧ: 70
ТЕКУЩИЕ БАМЫ: -2 999 871
ОСТАЛОСЬ ХОДОВ: 2

— Минус три миллиона баллов? — возмутился Гарри. — По-моему, чересчур! Хочу подать руководству игры апелляцию! Да и как прикажете наверстать три миллиона баллов за два хода?

Ещё одна записка перелетела через голову.

АПЕЛЯЦИЯ: ОТКЛОНЕНА
 НЕПРАВИЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ: -1 000 000 000 000 БАМОВ
 ТЕКУЩИЕ БАМЫ: -1 000 002 999 871
 ОСТАЛОСЬ ХОДОВ: 1

Гарри мысленно махнул рукой. Раз остался последний ход, придётся выдать свою лучшую догадку, хоть она и не очень хороша.

— Мне кажется, игра олицетворяет собой жизнь.

Последний клочок бумаги вылетел из-за спины:

ПОПЫТКА ПРОВАМЕНА
 ПРОВАМЕНА ПРОВАМЕНА ПРОВАМЕНА
 АЙ-АЙ-АЙ-АЙ-А-А-А-А-А-А-А-АЙ
 ТЕКУЩИЕ БАМЫ: МИНУС БЕСКОНЕЧНОСТЬ
 ТЫ ПРОИГРАЛ
 ПОСЛЕДНЯЯ ИНСТРУКЦИЯ:
 иди в кабинет профессора МакГонаггалл

Последняя строчка была написана его собственным почерком.

Гарри некоторое время её рассматривал, а потом пожал плечами. Кабинет профессора МакГонаггалл, так кабинет профессора МакГонаггалл. Если это она — Ведущий Игры, тогда...

Честно говоря, Гарри даже не знал, что тогда. Его разум откашивался что-либо предполагать. Для него это было в буквальном смысле невероятным.

Через два портрета — путь от класса трансфигурации был недалёкий, во всяком случае, по понедельникам нечётных лет — Гарри остановился перед её кабинетом.

Постучал.

— Войдите, — глухо прозвучал голос МакГонаггалл из-за двери.

И он вошёл.

Глава 14

Непознанное и непознаваемое

Меленкурион абафа! Дурос минас милл Дж. К. Роулинг!*

*Бывают загадочные вопросы,
но загадочный ответ —
это явно противоречивое понятие.*

-Войдите, — глухо прозвучал голос МакГонагалл из-за двери.
И он вошёл.

Кабинет заместителя директора оказался чистым и аккуратным. На стене у стола располагался настоящий лабиринт полок различных форм и размеров. Почти все они были заполнены свитками пергамента, и почему-то сразу становилось ясно, что профессор МакГонагалл точно знает, где что лежит, даже если со стороны какую-либо упорядоченность обнаружить было невозможно. Профессор сидела на табурете за столом, на пустой поверхности которого покоился один-единственный свиток. Позади неё находилась дверь, закрытая на несколько замков.

Профессор МакГонагалл смотрела на Гарри несколько озадаченно. Судя по всему, приход Гарри оказался для неё сюрпризом и даже некоторым поводом для беспокойства.

— Мистер Поттер? В чём дело? — спросила она.

Как — «В чём дело?» Ведущий направил его сюда, поэтому Гарри ожидал, что это у неё к нему было какое-то дело...

— Мистер Поттер? — в голосе МакГонагалл появилось лёгкое недовольство.

К счастью Гарри, его запаниковавший было разум вспомнил, что у него и в самом деле есть что обсудить с профессором. Кое-что важное, достойное её внимания.

— Э-э... — начал Гарри. — Если существуют какие-нибудь чары, чтобы нас никто не мог подслушать...

Профессор МакГонаггал встала из-за стола, плотно закрыла дверь, достала палочку и начала произносить заклинания.

Именно в этот миг Гарри понял, что перед ним бесценная и, вероятно, единственная возможность напоить профессора МакГонаггал Прыским чаем. *Он что — серьёзно обдумывает эту идею?* Всё в порядке, напиток же исчезнет через несколько секунд. *Заткнись.*

Внутренний спор наконец прекратился, и Гарри выстроил мечущиеся в голове мысли. Он не планировал так скоро приступить к этому разговору, но раз уж он тут оказался...

МакГонаггал закончила произносить слова заклинания, которые, судя по звучанию, были древнее латыни, и снова села за стол.

— Ну вот, — тихо сказала она. — Никто нас не подслушает. МакГонаггал заметно волновалась.

А, ну да, она думает, что я буду её шантажировать, чтобы получить информацию о пророчестве.

Э-э. Нет, не сейчас, как-нибудь позже.

— Я по поводу Инцидента с Распределяющей шляпой, — начал Гарри. Профессор удивлённо моргнула. — Эм-м... Думаю, на Шляпу наложено какое-то дополнительное заклинание, о котором она не подозревает. Заклинание, которое срабатывает, когда Шляпа объявляет Слизерин. Я слышал сообщение, которое наверняка не предназначено для когтевранских ушей. Это случилось, как только Шляпу сняли с моей головы, и я почувствовал, что телепатическая связь разорвана. Слова напоминали одновременно английский язык и шипение, — МакГонаггал судорожно вздохнула, — и они звучали так: «Салют слизеринцу от Слизерина: если хочешь узнать мои секреты, поговори с моим змеем».

МакГонаггал сидела с открытым ртом и смотрела на Гарри так, словно у него выросла вторая голова.

— И-и... — протянула она, будто не веря своим же словам, — вы подумали, что нужно сразу же прийти ко мне и всё рассказать.

— Да, конечно, — подтвердил Гарри. Зачем ей знать, сколько времени у него ушло на принятие этого решения. — Вместо того чтобы, к примеру, попытаться разузнать всё самому или поделиться с другими учениками.

— Хм... понятно, — сказала профессор МакГонаггал. — А если вы, допустим, найдёте вход в легендарную Тайную Комнату Салазара Слизерина, который только вы можете открыть...

— Я закрою его и тут же доложу вам, чтобы вы вызвали команду опытных магов-археологов, — без колебаний ответил Гарри. — Потом я открою вход вновь, чтобы они очень осторожно там всё исследовали и убедились, что внутри нет ничего опасного. Вероятно, я загляну следом, например, чтобы открыть для них что-то ещё. Но только после того, как помещение признают во всех отношениях безопасным и снимают фотографии этой бесценной исторической достопримечательности, пока там всё не разгромили толпы туристов.

Профессор сидела с открытым ртом и смотрела на Гарри так, как будто он только что превратился в кошку.

— Очевидное решение. Не для Гриффиндора, конечно, — любезно сообщил Гарри.

— Думаю, — наконец выдавила МакГонагалл, — вы весьма недооцениваете то, насколько редко встречается здравомыслие.

С этим Гарри спорить не мог. Хотя...

— Пуффендуйец сказал бы то же самое.

— Да, вы правы, — замявшись, согласилась МакГонагалл.

— Распределяющая шляпа предлагала мне Пуффендуй.

— В самом деле? — удивлённо моргнула волшебница.

— Да.

— Мистер Поттер, — тихо проговорила МакГонагалл, — пятьдесят лет назад в Хогвартсе в последний раз умер ученик, и теперь я уверена, что именно в то время Шляпа в последний раз передавала это сообщение.

У Гарри похолодело в груди.

— Тогда на этот счёт я совсем ничего не буду делать, не посоветовавшись с вами, профессор МакГонагалл, — сказал он и задумчиво продолжил. — Предлагаю также связаться с самыми лучшими магами и найти способ снять лишние чары с Распределяющей шляпы, а если не получится — воспользоваться чем-то вроде Квиетуса, который бы временно включался, как только Шляпу снимают с головы очередного ученика. Что-то вроде заплатки. И, вуаля, больше никаких смертей, — удовлетворённо кивнул сам себе Гарри.

Лицо у МакГонагалл стало ещё более ошеломлённым, если только такое возможно.

— Боюсь, что если присужу вам столько баллов, сколько вы заслуживаете, мне придётся сегодня же отдать Когтевару кубок школы.

— Я бы не хотел получить настолько много баллов, — проворчал Гарри.

— Почему? — странно посмотрела на него МакГонагалл.

Гарри было трудно облечь мысли в слова:

— Ну, это было бы грустно, понимаете? Как... когда я ещё ходил в магловскую школу и там давали групповое задание, я всегда делал всё сам, остальные мне только мешали. Я люблю зарабатывать баллы — может быть, даже больше других — но если я заработаю достаточно, чтобы в одиночку выиграть кубок школы, получится, что я на своих плечах вынес весь Когтевран, и это будет очень грустно.

— Понимаю, — осторожно сказала МакГонагалл. Очевидно, с такой точкой зрения она ещё не сталкивалась. — А если я вам предложу пятьдесят баллов?

Гарри снова покачал головой:

— По отношению к остальным детям будет нечестным, если я получу такую награду за то, что никак не связано с обычной школьной жизнью. Разве Терри Бут смог бы получить пятьдесят баллов за рассказ о том, что ему прошептала Распределяющая шляпа? Это несправедливо.

— Теперь я вижу, почему Шляпа предлагала вам Пуффендуй, — произнесла МакГонагалл, поглядывая на него со странным уважением.

У Гарри запершило в горле. Он не считал себя достойным Пуффендуя. Распределяющая шляпа просто старалась запихнуть его куда угодно, лишь бы не в Когтевран — даже на факультет, качеств которого у него нет и в помине.

— А если я дам вам лишь десять баллов?.. — продолжила МакГонагалл, улыбаясь.

— Как объяснить, откуда они появились, если кто-то спросит? Я думаю, найдётся много слизеринцев — и я говорю не об учениках Хогвартса — которых бы весьма и весьма рассердила весть о том, что это заклинание сняли с Распределяющей шляпы, особенно если они узнают, что в деле замешан я. Так что будет безопаснее, если всё останется в полном секрете. Не надо меня благодарить, мэм, добродетель не нуждается в вознаграждении.

— Как угодно, — сказала МакГонагалл. — Но у меня для вас и так есть кое-что особенное. Я вижу, что судила о вас несправедливо, мистер Поттер. Пожалуйста, подождите.

Она встала, подошла к запертой двери и взмахнула палочкой. Вокруг неё появилась расплывчатая завеса, непроницаемая для зрения и слуха, которая через несколько минут пропала: МакГонагалл стояла на том же месте лицом к Гарри, а дверь выглядела так, будто её никогда и не отпирали.

Одной рукой профессор протягивала ему кулон — на тонкой золотой цепочке висел серебряный круг, в центре которого были песочные часы. В другой руке она держала свёрнутую брошюру.

— Это вам, — сказала она.

Ну ничего себе! Сейчас ему вручат магический артефакт за выполнение квеста! Стало быть, и в реальной жизни можно получить волшебный предмет, если отказываться от «денежного» вознаграждения.

Гарри, улыбаясь, принял кулон.

— А что это?

Профессор МакГонагалл набрала в грудь воздуха.

— Мистер Поттер, данный предмет выдаётся лишь крайне ответственным ученикам, чтобы помочь им с трудным расписанием уроков, — она засомневалась, будто хотела что-то добавить. — Подчёркиваю, мистер Поттер, что истинная природа этой вещи должна остаться в тайне. Ученики также не должны видеть, как вы её используете. Если эти условия для вас неприемлемы, то можете отказаться от подарка.

— Я умею хранить секреты, — Гарри внимательно рассматривал медальон. — Так как работает эта штука?

— Другие ученики должны считать, что это Спимстерский глазок, амулет для излечения редкого незаразного магического заболевания, которое называется «Спонтанное раздвоение». Вы носите его под одеждой, и, хотя вы его никому не показываете, особых причин его прятать тоже нет. Спимстерские глазки не интересны. Понятно, мистер Поттер?

Гарри кивнул. Его улыбка стала шире: чувствовалась работа настоящего слизеринца.

— А на самом деле?

— Это Маховик времени. Каждый поворот песочных часов перенесёт вас на один час назад. Так что если вы каждый день будете отправляться в прошлое на два часа, вы сможете ложиться спать вовремя.

Гарри за день успел столько всего увидеть, что уже ничему не удивлялся. Он был готов принять как само собой разумеющееся что угодно. До этой минуты.

Вы даёте мне машину времени как средство от бессонницы.

Вы даёте мне МАШИНУ ВРЕМЕНИ как средство от БЕССОННИЦЫ.

ВЫ ДАЁТЕ МНЕ МАШИНУ ВРЕМЕНИ КАК СРЕДСТВО ОТ БЕССОННИЦЫ.

— Хе-хе-хе-хе-хе-е-е... — услышал Гарри и понял, что эти звуки издаёт он сам.

Теперь он держал кулон в вытянутых руках, словно тикающую бомбу. Хотя нет, не тикающую бомбу: она куда безопаснее. Гарри держал кулон в вытянутых руках, словно машину времени.

Скажите-ка, профессор МакГонагалл, а известно ли вам, что обращённая во времени материя ничем не отличается от антиматерии? А вот мне известно! А известно ли вам, что когда аннигилирует килограмм антиматерии, мощность взрыва составляет 43 мегатонны в тротиловом эквиваленте? А знаете ли вы, что я вешу 41 килограмм, и взрыв может получиться такой, что останется ГРОМАДНЫЙ ДЫМЯЩИЙСЯ КРАТЕР НА ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ РАНЬШЕ БЫЛА ШОТЛАНДИЯ?

— Извините, — наконец выдал из себя Гарри, — но это кажется мне очень-очень-ОЧЕНЬ ОПАСНЫМ!

Гарри ещё не перешёл на крик, но только потому, что ситуация заслуживала такого истеричного визга, какого у него всё равно никогда не получится.

Профессор МакГонагалл смотрела на него со снисходительной симпатией.

— Рада, что вы столь осторожны, мистер Поттер, но Маховики времени не опасны. Иначе мы бы не давали их детям.

— Да неужели. Аха-ха-ха. Ну конечно, вы бы не раздавали опасные машины времени детям, и о чём я только думал? Давайте сразу проясним: чихать на них можно? Это не отправит меня в Средние века, где я случайно перееду конной повозкой Гутенберга и таким образом предотвращу Просвещение?* Потому что, знаете ли, мне такие приключения не по вкусу.

Губы МакГонагалл подрагивали от сдерживаемой улыбки. Она протянула Гарри брошюру, но тот осторожно, в обеих руках держал кулон и не спускал с него взгляда, чтобы песочные часы ни в коем случае не перевернулись.

— Не волнуйтесь, это невозможно, мистер Поттер, — произнесла МакГонагалл спустя несколько секунд, когда стало ясно, что Гарри застыл на месте и двигаться не собирается. — Маховик работает только шесть раз в день. Нельзя переместиться в прошлое дальше, чем на шесть часов.

— Ах, отлично, просто отлично. А если кто-то со мной столкнётся, Маховик не разобьётся и не отправит весь замок в бесконечное путешествие по зацикленному четвергу?*

— Хм, они и впрямь довольно хрупкие... — МакГонаггал задумалась. — И, я слышала, когда они ломаются, случаются всякие странности. Но не настолько серьёзные!

— Вероятно, — сказал Гарри, когда снова обрёл дар речи, — следует запаять ваши машины времени в какую-нибудь защитную оболочку, а не оставлять стекло открытым, чтобы странностей не случилось.

— Отличная мысль, — искренне восхитилась МакГонаггал. — Я передам её Министерству магии.

Всё, в парламенте официально утвердили: все в магическом мире — клинические идиоты.

— И ещё: не хочется переходить на **ВЫСОКИЕ МАТЕМАТИКИ**, — Гарри с большим трудом не срывался на крик, — но думали хоть кто-то над **МОРАЛЬНЫМИ ВОПРОСАМИ**, например, что, вернувшись на шесть часов в прошлое и что-либо изменив, вы вроде как **СТИРАЕТЕ ВСЕХ ЗАМЕШАННЫХ ЛЮДЕЙ** и **ЗАМЕНЯЕТЕ ИХ ДРУГИМИ ВЕРСИЯМИ**...

— О, прошлое нельзя изменить! — перебила профессор МакГонаггал. — Силы небесные, мистер Поттер, неужели вы думаете, что в противном случае мы бы разрешали ученикам пользоваться Маховиками? Они бы мухлевали на контрольных!

Гарри мгновение это переваривал. Руки, сжимавшие цепочку артефакта, слегка расслабились — как будто в них не машина времени, а просто ядерная боеголовка.

— Значит, — медленно начал Гарри, — как-то так получается, что вселенная почему-то... постоянна, несмотря даже на путешествия во времени? Если я и другой я, из будущего, встретимся, всё произойдёт одинаково для нас обоих, хотя я из будущего будет знать то, что ещё не случилось с моей точки зрения...

Гарри умолк, с трудом подбирая слова.

— Думаю, верно, — подтвердила профессор МакГонаггал. — Хотя не рекомендуется встречаться в прошлом с самим собой. Если у вас, например, два урока в одно и то же время и ваши пути пересекаются, первой версии лучше в заранее выбранный момент закрыть глаза и подождать — я вижу, у вас уже есть часы, хорошо — пока будущая версия пройдёт мимо. Обо всём этом написано в брошюре.

— Аха-ха-ха-а. А что будет, если кто-то не послушается этого совета?

— Насколько я понимаю, ничего хорошего из этого не выйдет, — поджала губы МакГонаггал.

— А не случится ли парадокс, который уничтожит вселенную?

— Мистер Поттер, — снисходительно улыбнулась она, — думаю, что я бы такой случай запомнила.

— ЭТО МЕНЯ НИЧУТЬ НЕ УСПОКАИВАЕТ! НЕУЖЕЛИ ВЫ, ВОЛШЕБНИКИ, НИКОГДА НЕ СЛЫШАЛИ ОБ АНТРОПНОМ ПРИНЦИПЕ? КТО БЫЛ ТОТ НЕДОУМОК, КОТОРЫЙ СОЗДАЛ ПЕРВУЮ ТАКУЮ ШТУКОВИНУ?

Профессор МакГонаггалл просто рассмеялась. Приятным, радостным смехом, удивительно не подходившим её строгому лицу.

— Похоже, у вас очередной приступ синдрома «вы превратились в кошку», мистер Поттер. Вам, вероятно, не хочется этого слышать, но это выглядит очень мило.

— Маховик времени не идёт НИ В КАКОЕ сравнение с превращением в кошку. Знаете, где-то в самом далёком уголке сознания у меня зрела ужасная мысль, что для всего происходящего верным будет только одно объяснение: вся моя вселенная — всего лишь компьютерная симуляция, как в книге «Симулакрон-3»*. Но теперь даже её придётся отбросить, потому что эта вот игрушка НЕ ВЫЧИСЛИМА МАШИНОЙ ТЮРИНГА! Машина Тьюринга может симулировать возврат к определённом моменту времени и пересчёт от него нового будущего, а при взаимодействии с оракулом способна и заглядывать вперёд, используя дискретное поведение машин более низкого уровня. Но вы говорите, что вселенная каким-то образом одним махом вычисляет реальность на основании информации, которой у неё... ещё... нет...

Внезапная догадка поразила Гарри, будто хук слева. Он всё понял. Наконец-то он всё понял.

— ТАК ВОТ КАК РАБОТАЕТ ПРЫСКИЙ ЧАЙ! Конечно! Его магия вызывает не смешные ситуации, а только желание выпить его перед тем, как что-то смешное случается само по себе! Вот я дурак, мог бы и догадаться ещё когда захотел выпить Прыского чая перед второй речью Дамблдора, не выпил, но всё равно подавился собственной слюной! Распитие Прыского чая не вызывает комичные случаи — комичные случаи заставляют пить Прыский чай! Я видел, что эти два события связаны, но полагал, что причиной должен быть Прыский чай, а следствием — смешные ситуации, потому что был уверен, что временной порядок ограничивает причинность и каузальный граф должен быть ацикличен, но ЕСЛИ РИСОВАТЬ СТРЕЛКИ ПРИЧИНОСТИ В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ, ВСЁ СХОДИТСЯ!

Ещё одна внезапная догадка добавила хуком справа. На этот раз он сумел промолчать, издав лишь тихий писк умирающего котёнка. Теперь ясно, кто именно утром оставил записку на его кровати.

Глаза профессора МакГонагалл блестели:

— По окончании школы, или даже раньше, вы просто обязаны прочитать курс лекций об этих магловских теориях в Хогвартсе, мистер Поттер. Они очень интересны, хотя и ошибочны.

— Ох-о-о-о-ох.

Профессор МакГонагалл отпустила ещё несколько шутливых замечаний, поставила ещё пару условий, на которые Гарри молча кивнул, почему-то попросила не говорить со змеями в присутствии людей, напомнила прочитать брошюру, и Гарри наконец оказался в коридоре.

— Ой-ой-ох-хо-хо-хо... — только и смог сказать он.

Н-да, мозги плавилась.

Не в последнюю очередь из-за того, что если бы не Розыгрыш, то он бы не получил Маховик времени для его осуществления.

Или профессор МакГонагалл всё равно сделала бы ему этот подарок, только позже, когда Гарри заговорил бы с ней о своей бессоннице или сообщении Распределяющей шляпы? И после этого он захотел бы проверить Розыгрыш, из-за чего обрёл бы Маховик раньше? Выходило, что единственный самосогласованный вариант заключался в том, что Розыгрыш начался ещё до того, как он сегодня проснулся?

Впервые в жизни Гарри допускал, что ответ на его вопрос может быть в буквальном смысле непостижим. Нейроны его мозга двигались во времени только вперёд, что, вероятно, совсем не соприкасалось с принципами, на которых строилось действие Маховика.

Вплоть до этой минуты Гарри жил по наставлению Э. Т. Джейнса, которое гласит: если ты не знаешь о феномене, то дело не в нём, а в твоём уме. Твоё незнание характеризует тебя, а не то, о чём ты не знаешь*. Невежество существует в голове, а не в реальности. Пустая карта не равна пустой территории. Бывают загадочные вопросы, но загадочный ответ — это явно противоречивое понятие. Явление может быть непостижимо для определённого человека, но явление не может быть непостижимо само по себе. Почитать священную тайну — значит почитать лишь собственное невежество.

Вот почему Гарри бесстрашно взирал на необъяснимость магии. Люди поглощены настоящим. Они изучают в школе химию, биологию, астрономию и им кажется, что эти фундаментальные науки никогда не были тайнами. Как бы не так! Когда-то загадкой были даже звёзды в небе. Лорд Кельвин однажды назвал истинную природу жизни и биологии — например, то, как мышцы реагируют на команды мозга, а дерево вырастает из крошечного семени — «бесконечно недостижимой» тайной для науки. (Заметьте, не чуть-

чуть недостижимой, а бесконечно недостижимой. Лорд Кельвин явно тащился от собственного невежества.) Все знания на свете — это вопросы, на которые кто-то когда-то нашёл ответ.

Теперь же, впервые в жизни, Гарри столкнулся с тайной, которая угрожала остаться нерешённой навсегда. Если Время не действует по принципу ациклических каузальных сетей, то Гарри не понимал, где причины, а где — следствия*. Если Гарри не понимал причины и следствия, значит, он не понимал, как на самом деле устроена реальность, и вполне возможно, что его ум никогда не сможет этого понять, потому что нейроны, из которых состоял его мозг, действовали по устаревшему принципу линейности времени и позволяли воспринимать только жалкий фрагмент реальности.

С другой стороны, Прыскому чаю, который ранее казался всемогущим и невероятным, нашлось гораздо более простое объяснение, которое он упустил просто потому, что истина оказалась далеко за гранью области допущений, на основании которых его мозг был готов строить гипотезы. Но сейчас-то он, возможно, всё понял. Это немного ободряло. Чуть-чуть.

Гарри посмотрел на часы — почти одиннадцать утра. Вчера он лёг спать в час, значит, при нынешнем раскладе сегодня он ляжет в три утра. Чтобы уснуть в десять вечера и проснуться в семь утра, ему нужно вернуться в прошлое на пять часов. Если он хочет вернуться в спальню первокурсников к шести часам утра, пока никто не проснулся, то нужно поторопиться и...

Но он по-прежнему не понимал, как провернул хотя бы половину Розыгрыша. Например, откуда взялся пирог?

Гарри начинал серьёзно бояться путешествий во времени.

Однако стоило признать, что это и впрямь была уникальная возможность, из тех, что случаются раз в жизни — шесть часов разыгрывать того себя, который ещё не знает о существовании Маховиков времени.

Но когда Гарри задумывался об этом, картина становилась ещё более загадочной. Время предоставило ему Розыгрыш как уже свершившийся акт, и тем не менее, Розыгрыш был явно его рук делом. Его задумка, исполнение и стиль. Каждая мелочь была создана им, даже если он пока не знал как.

Что ж, время уходило, а в сутках не более тридцати часов. Гарри частично знал, что делать. Остальное, как, например, внезапно появившийся пирог, он мог выяснить по ходу пьесы. Нет смысла откладывать: здесь, в будущем, ему уже точно нечего ловить.

Пятью часами ранее, Гарри, опустив капюшон на лицо, прокрался в когтевранскую спальню. Маскировка весьма условная, но необходимая на случай, если кто-то уже проснулся и ненароком увидит его одновременно с Гарри, спавшим в кровати. Ему не хотелось никому рассказывать про свой «редкий магический недуг».

К счастью, все ещё спали.

Рядом с его кроватью лежала завёрнутая в красную и зелёную обёрточную бумагу коробка. Точь-в-точь рождественский подарок. Только нынче вовсе не Рождество.

Гарри подошёл к кровати на цыпочках — а вдруг кто-то не включил полог тишины?

К коробке прилагался конверт, запечатанный простой восковой печатью без клейма. Гарри осторожно его открыл и достал письмо. В нём говорилось:

Внутри Мантия невидимости Игнотуса Певверелла, которую унаследовали его потомки Поттеры. В отличие от других, более простых мантий-невидимок и заклинаний, она прячет, а не просто скрывает от глаз. Твой отец дал её мне взаимы незадолго до смерти, и, признаюсь, за прошедшие с тех пор годы она сослужила мне хорошую службу.

К сожалению, отныне мне придётся довольствоваться заклинанием Разнаваждения. Пришёл час Мантии вернуться к настоящему хозяину. Мне хотелось сделать её подарком к Рождеству, но она попросилась в твои руки раньше. Похоже, Мантия полагает, что понадобится тебе в скором будущем. Используй её с умом.

Без сомнения, ты уже сейчас измышляешь разнообразные шалости, претворению которых в жизнь она может помочь, как помогала в своё время твоему отцу. Если бы раскрылись все его выходки, гриффиндорские женщины того поколения собрались бы все, чтобы осквернить его могилу. Я не буду отговаривать тебя идти по его стопам, но буду **ОЧЕНЬ** осторожен и никогда не попадуся. Если Дамблдор увидит возможность завладеть одним из Даров Смерти, он её ни за что не упустит.

Очень счастливого тебе Рождества.

Подписи не было.

* * *

— Погодите, — резко остановился Гарри на выходе из когтевранской спальни. — Извините, но я кое-что забыл у себя в сундуке. Через пару минут догоню.

— Только попробуй порыться в чужих вещах, — насутился Терри Бут.

Гарри поднял руку:

— Клянусь, что не буду ничего делать с вашими вещами, что буду трогать только свои собственные, что не собираюсь над вами шутить, не имею каких-либо других сомнительных намерений на ваш счёт и не предвижу, что эти намерения изменятся до того, как я вас нагоню в Большом Зале.

Терри нахмурился:

— Подожди-ка, а...

— Не волнуйся, лазеек там не было, — заверила его Пенелопа Клируотер, которая должна была их отвести на завтрак. — Отлично сформулировано, Гарри Поттер. Тебе стоит стать адвокатом.

Гарри моргнул. Ах да, это же староста Когтеврана.

— Спасибо, — сказал он. — Наверное.

— По дороге в Большой Зал ты заблудишься, — уверенно заявила она. — Как только это случится, сразу спроси у ближайшего портрета, как попасть на первый этаж. Спрашивай дорогу в тот самый миг, когда начинаешь подозревать, что снова заблудился. Особенно, если начинает казаться, что ты взбираешься всё выше и выше. Если ты окажешься выше, чем замок выглядит снаружи, немедленно остановись и жди команду спасателей. Иначе мы увидим тебя только через четыре месяца, постаревшего месяцев на пять, в набедренной повязке и покрытого снегом — да и то, если у тебя хватит ума не покидать замок.

— Понял, — сглотнул Гарри. — Эм-м, а почему ученикам этого не рассказывают сразу?

— Всё-всё рассказать можно только за несколько недель. Сами со временем разберётесь, — вздохнула Пенелопа и развернулась, чтобы уйти. — Если не увижу тебя за завтраком через полчаса, Поттер, объявлю начало поиска.

Когда все ушли, Гарри прикрепил записку к кровати. Её и все остальные записки он уже написал в подвале сундука, пока все спали. Затем он осторожно просунул руку в поле действия заклинания Квиетус и снял со всё ещё спавшего первого Гарри Мантию невидимости.

И шутки ради засунул её в кошель первого Гарри: таким образом теперь она была и в его собственном кошельке.

* * *

— Я прослежу за тем, чтобы это передали Корнелиону Флаббер-вольту, — сказал из своего портрета мужчина аристократического вида с самым, кстати, обычным носом. — Но нельзя ли спросить, откуда оно поступило первоначально?

Гарри пожал плечами, мастерски изображая беспомощность:

— Мне сказали, что сообщение прозвенело глухим колоколом из прорехи в мироздании, за которой бушевала преисподняя.

* * *

— Эй! — возмутилась Гермиона с другой стороны стола. — Это общий десерт! Ты не можешь просто взять и запихнуть в свой кошель целый пирог!

— Не целый пирог, а целых два. Извините все, но мне пора!

Не обращая внимания на гневные вопли, Гарри выбежал из Большого Зала. Нужно было попасть в класс травоведения немножко раньше.

* * *

Профессор Спраут одарила его острым взглядом:

— А вы-то откуда узнали, что планируют слизеринцы?

— Я не могу назвать имя информатора, — сказал Гарри. — Я даже вынужден попросить вас притвориться, что этого разговора не было. Сделайте вид, что оказались там случайно, когда шли куда-то по своим делам. Как только закончится травоведение, я побегу туда сам и попробую их отвлечь. Меня нелегко запугать, и я не думаю, что они решатся что-нибудь сделать Мальчику-Который-Выжил. Тем не менее... Конечно, я не прошу вас бежать по коридорам, но буду очень признателен, если вы не будете мешкать.

Профессор Спраут смерила его долгим взглядом, но потом смягчилась.

— Пожалуйста, будьте осторожны, Гарри Поттер. И... благодарю.

— Вы только не опаздывайте, — ответил Гарри. — И запомните: когда вы там окажетесь, вы не ожидали меня увидеть и этого разговора не было.

* * *

Было ужасно смотреть, как он выдёргивает Невилла из круга слизеринцев. Невилл прав, он перестарался, очень перестарался.

— Привет, — холодно сказал Гарри Поттер. — Я Мальчик-Который-Выжил.

Восемь мальчишек-первокурсников примерно одного роста. Тот из них, у которого на лбу шрам, не похож на остальных.

*Ах, если б у себя могли мы
Увидеть всё, что ближним зримо,
Что видит взор идущих мимо
Со стороны...**

Профессор МакГонагалл права. Распределяющая шляпа права. Это очевидно, если смотреть со стороны.

С Гарри Поттером что-то не так.

Глава 15

Добросовестность

Люби по Роулинг своей^{***}.

Уверен, время я где-нибудь найду.

-Фригидейро!
Гарри опустил палец в стакан, стоявший на столе. Вода в нём должна была стать холодной. Но она как тепловатой была, так тепловатой и осталась. Опять.

Он чувствовал, что его крепко надули.

В доме Верресов можно было найти сотни романов фэнтези, многие из которых Гарри прочитал. И по некоторым признакам выходило, что у него есть таинственная Тёмная Сторона. Поэтому, не сумев договориться с водой в стакане по-хорошему, Гарри оглядел класс, где проходил урок заклинаний, чтобы убедиться, что никто за ним не наблюдает, набрал в грудь воздуха, сосредоточился и попытался разозлиться. Он подумал о слизеринцах, задирающих Невилла, об игре «выбей книжку из рук мальчишки». Вспомнил, что говорил Драко Малfoy о десятилетней девчонке Лавгуд, о том, как на самом деле работает Визенгамот...

От злости кровь застыла в жилах, руки задрожали от ненависти. Он взмахнул палочкой и произнёс ледяным тоном:

— *Фригидейро.*

Не произошло ровным счётом ничего.

Какое-то надувательство. Дайте жалобную книгу и верните деньги за дефектную Тёмную Сторону, не обладающую и каплей непобедимой магической силы.

— *Фригидейро!* — раздался голос Гермионы из-за соседнего стола.

Её вода превратилась в лёд, а по краю стакана лёг иней. Казалось, она полностью сосредоточена на собственной работе и нисколько не замечает взгляды других учеников, полные ненависти. Такое

небрежение объяснялось: а) опасной для Гермионы ненаблюдательностью или б) блестящим притворством, возведённым в ранг высокого искусства.

— Оч-чень хорошо, мисс Грейнджер! — пропищал Филиус Флитвик, профессор заклинаний и по совместительству декан Когтеврана, крохотный человечек, в котором на вид совершенно нельзя было заподозрить бывшего чемпиона магических дуэлей. — Великолепно! Изумительно!

Гарри ожидал, что в худшем случае будет на втором месте после мисс «ходячая энциклопедия». Он бы, конечно, предпочёл, чтобы в роли догоняющего оказалась Гермиона, но был согласен и на такой вариант.

Однако уже в понедельник Гарри оказался среди самых отстающих учеников — в тёплой компании всех детей, выросших у маглов, за исключением Гермионы. Та в гордом одиночестве скучала на вершине. Бедняжка.

Профессор Флитвик стоял у стола одной из маглорождённых учениц и тихо поправлял движения её волшебной палочки.

Гарри посмотрел на Гермиону. Сглотнул. Её роль в устройстве мироздания была понятна...

— Гермиона? — неуверенно обратился Гарри. — Ты не знаешь, что я делаю неправильно?

Глаза Гермионы загорелись неудержимой готовностью помочь, и Гарри внутренне содрогнулся от унижения.

Через пять минут температура воды в стакане Гарри опустилась чуть ниже комнатной, и Гермиона, обронив несколько снисходительных комплиментов и посоветовав произносить заклинание чётче, отправилась помогать кому-то ещё.

Профессор Флитвик наградил её одним баллом за помощь Гарри.

Гарри до боли стиснул зубы, что никак не способствовало чёткому произношению.

Плывать, что это не совсем честно. Я знаю, чем буду заниматься два лишних часа в сутки — сидеть в сундуке и учиться, пока не догоню Гермиону Грейнджер.

* * *

— Трансфигурация — одна из самых сложных и опасных дисциплин, которые вы будете изучать в Хогвартсе, — начала профессор МакГонагалл. На строгом лице старой ведьмы не было ни тени

улыбки. — Тот, кто не будет заниматься на моих уроках с должным прилежанием, вылетит из класса раз и навсегда. Предупреждаю сразу.

Она постучала по своему столу волшебной палочкой, и тот быстро превратился в свинью. Кто-то из маглорождённых вскрикнул, а свинья, озадаченно оглядевшись, хрюкнула и снова обернулась столом.

Профессор трансфигурации обвела взглядом класс и остановилась на одном из учеников.

— Мистер Поттер, — сказала она, — вы купили учебники только несколько дней назад. Вы уже начали читать учебник по трансфигурации?

— Нет, профессор, извините.

— В извинениях нет нужды, мистер Поттер: если бы от вас это требовалось, вам бы сообщили. — МакГонагалл постучала костяшками пальцев по столу. — Мистер Поттер, не хотите ли попробовать угадать: это стол, который я превратила в свинью, или свинья, и я временно сняла с неё заклятие? Вы бы знали, если бы прочитали первую главу учебника.

— Наверно, начать легче со свиньи, — задумчиво нахмурился Гарри, — ведь если бы вы начали со стола, он мог бы и не знать, как держаться на ногах.

Профессор МакГонагалл покачала головой:

— В этом нет вашей вины, мистер Поттер, но правильный ответ заключается в том, что на уроках трансфигурации вам следует оставить свои догадки при себе. За неправильные ответы я наказываю очень сурово, но к отсутствию ответа отношусь весьма терпимо. Вам следует научиться определять, что вам известно, а что нет. Если я задам вопрос, не важно, насколько простой, и вы ответите: «Я не уверен», я не рассержусь, и всякий, кто засмеётся над вами, будет оштрафован. Не расскажете ли, почему это правило существует, мистер Поттер?

Потому что любая ошибка в трансфигурации может быть очень опасна.

— Нет.

— Верно. Трансфигурация опаснее аппарации, которую изучают только на шестом курсе. Но, к сожалению, её необходимо тренировать с юных лет, иначе вы не добьётесь успехов на этом поприще. Это крайне опасная дисциплина, которая не прощает ошибок. Ещё никто из моих учеников серьёзно не пострадал, и я буду крайне расстроена, если ваш класс испортит мне послужной список.

Кто-то громко сглотнул.

Профессор МакГонаггал встала и подошла к отполированной деревянной доске, висящей за её письменным столом.

— Трансфигурация опасна по многим причинам. Но есть одна самая главная.

В руке у профессора появилось короткое перо с толстым концом. Она написала ярко-красным цветом, а потом подчеркнула синим:

ТРАНСФИГУРАЦИЯ НЕ ПОСТОЯННА!

— Трансфигурация не постоянна! — отчеканила МакГонаггал. — Трансфигурация не постоянна! Трансфигурация не постоянна! Мистер Поттер, предположим, ваш одноклассник трансфигурировал деревянный брусочек в кубок с водой, и вы её выпили. Что, как вы думаете, произойдёт, когда действие чар закончится? — она на секунду замолкла. — Прошу прощения, мистер Поттер, я зря спросила вас — забыла, насколько у вас пессимистичное воображение...

— Ничего страшного, — Гарри сглотнул. — Моим первым ответом будет, что я не знаю, — МакГонаггал одобрительно кивнула, — но предположу, что... дерево окажется у меня в желудке и в кровеносных сосудах, и если часть воды успеет впитаться в ткани моего тела, дерево в виде волокон или ещё в каком-нибудь виде появится и там, или...

Нехватка познаний в магии мешала ему закончить фразу. Он не понимал, как вообще дерево может превратиться в воду, и поэтому не мог даже предположить, что случится, если молекулы воды, которые раньше были деревом, разнесёт по всему телу и те вернутся в прежний вид.

Лицо МакГонаггал было напряжено.

— Мистер Поттер рассуждает в верном направлении: пострадавшему стало бы очень плохо и, чтобы у него появились хоть какие-то шансы на выживание, его бы пришлось срочно отправить в больницу Святого Мунго. Откройте учебники на странице пять.

Хотя движущиеся фотографии не передавали звук, этого и не требовалось — изображённая в книге женщина с кошмарно обесцвеченной кожей явно кричала от боли.

— Преступника, который трансфигурировал золото в вино, а затем дал этой женщине выпить «в уплату долга», как он потом объяснил, приговорили к десяти годам в Азкабане. Теперь откройте страницу шесть. Это дементор. Дементоры охраняют Азкабан. Они высасывают из узников магию, жизнь, все счастливые воспоминания.

На странице семь — преступник спустя десять лет. Как вы можете заметить, он мёртв. Что такое, мистер Поттер?

— Профессор, существует ли способ поддерживать трансфигурацию, если случится что-то подобное?

— Нет, — отрезала МакГонагалл. — Трансфигурация требует постоянной подпитки магией, количество которой зависит от размера цели. Кроме того, необходимо каждые несколько часов контактировать с объектом, что в подобных случаях невозможно. Такого рода катастрофы просто непоправимы!

Профессор МакГонагалл подалась вперёд и очень серьёзно посмотрела на учеников:

— Никогда и ни при каких обстоятельствах не преобразуйте что-либо в жидкость или газ. Ни в воду, ни в воздух, ни во что-либо, похожее на воздух или воду. Даже если жидкость не предназначена для питья. Жидкости испаряются! Их крохотные частицы попадают в воздух. Не превращайте предмет в то, что можно сжечь. При горении образуется дым, который затем попадает в лёгкие. Вообще не превращайте предметы в то, что может попасть внутрь тела тем или иным путём. Никакой трансфигурации в еду. Или в нечто, даже похожее на еду. Никаких розыгрышей с пирогами из грязи. Даже если собираетесь рассказать про шутку до того, как пирог съедят. Ничего подобного. И точка. Ни в этом классе, ни за его пределами, ни в какой-либо другой точке планеты. Всем ясно?

— Да, — сказали Гарри, Гермиона и ещё пара учеников. Остальные, похоже, потеряли дар речи.

— Всем ясно?!

— Да, — пролепетали, пробормотали и прошептали ученики.

— Если нарушите хоть одно из правил, то вам запретят изучать трансфигурацию в Хогвартсе. А теперь повторяйте за мной: я ничего и никогда не превращу в жидкость или газ.

— Я ничего и никогда не превращу в жидкость или газ, — нестройно произнесли ученики.

— Ещё раз! Громче! Я ничего и никогда не превращу в жидкость или газ.

— Я ничего и никогда не превращу в жидкость или газ.

— Я ничего и никогда не превращу в то, что может попасть внутрь тела.

— Я ничего и никогда не превращу в то, что можно сжечь.

— Вы ничего и никогда не превратите в деньги, в том числе и магловские, — добавила профессор МакГонагалл. — У гобли-

нов есть способы обнаружения подобных махинаций. И поскольку им официально разрешено вести войну с фальшивомонетчиками, за вами придут не авроры, но армия.

— Я ничего и никогда не превращу в деньги, — хором сказали ученики.

— И самое главное — вы никогда не станете трансфигурировать живое существо, особенно себя. Иначе вы сильно пострадаете, а может, даже умрёте. Зависит от того, во что вы себя превратите и долго ли продержится превращение, — профессор на секунду остановилась. — Мистер Поттер поднял руку, чтобы задать вопрос об анимагическом превращении, которое он видел, а точнее — превращении человека в кошку и обратно. Но анимагия — это не «свободная» трансфигурация.

МакГонаггалл достала из кармана маленький деревянный брусок. После прикосновения её палочки он превратился в стеклянный шар. Затем профессор произнесла: «*Кристферриум!*» и в руках у неё оказался стальной шар. Ещё одно движение палочкой — и шар превратился в исходный деревянный брусок.

— «*Кристферриум*» превращает стеклянный предмет в стальной. Но не наоборот. И превратить стол в свинью это заклинание тоже не может. Основной тип трансфигурации — свободный, — как раз его вы будете изучать, — позволяет выполнять любые преобразования физической формы объекта. По этой причине в свободной трансфигурации нет заклинаний. Иначе для каждой трансформации нужно было бы использовать разные слова.

Профессор МакГонаггалл строго посмотрела на учеников:

— Некоторые учителя начинают с заклинаний и лишь после приступают к свободной трансфигурации. Да, так было бы намного легче. Но подобные ограничения могут плохо влиять на ваши способности в дальнейшем. На моих уроках вы сразу начнёте со свободной трансфигурации, которая не требует произнесения определённых слов. Исходную и целевую форму, а также процесс превращения вы будете держать в уме. И отвечая на вопрос мистера Поттера, — продолжила МакГонаггалл. — Именно свободную трансфигурацию вы не должны применять к живым существам. Для этого существуют чары и зелья, которые помогут совершить безопасное и обратимое превращение, правда, с некоторыми оговорками. Например, у анимага, потерявшего руку или ногу, не будет конечности и после трансфигурации. Ещё раз повторяю, свободная трансфигурация небезопасна. Находясь в изменённой форме, вы не сможете быть уверенны в полной сохранности материи вашего тела — вы теряете его частицы даже в процессе

дыхания. Так что, когда время трансфигурации истечёт и ваше тело попытается вернуть свою исходную форму, это у него не получится. Накопдуете золотые волосы? Скорее всего, они у вас потом выпадут. Захотите чистую кожу — надолго окажетесь в больнице святого Мунго. А если пожелаете стать взрослым, то по окончании действия чар вы, скорее всего, умрёте.

Теперь ясно, почему он видел среди волшебников толстых мальчиков и несимпатичных девочек. Или пожилых людей, раз уж на то пошло. Иначе все бы по утрам использовали трансфигурацию и отправлялись по своим делам... Гарри поднял руку и попытался поймать взгляд профессора МакГонагалл.

— Да, мистер Поттер?

— Возможно ли трансфигурировать живое существо в неживое? В монету... Ой, нет, извините. В стальной шарик, допустим.

Профессор покачала головой:

— Мистер Поттер, даже неодушевлённые предметы претерпевают мельчайшие внутренние изменения. Поначалу вы ничего не почувствуете, но потом заметите что-то неладное. Через час вам будет плохо, а через день вы умрёте.

— Эм-м. Получается, если бы я прочитал первую главу, то мог бы догадаться, что стол — на самом деле стол, а не свинья, — произнёс Гарри, — правда, это следовало бы только из допущения, что вы не хотите убить свинью. Это мне кажется достаточно вероятным, однако...

— Вижу, что буду с бесконечным наслаждением проверять ваши контрольные, мистер Поттер. Но если у вас есть ещё вопросы, то вы сможете их задать после урока.

— Больше вопросов нет, профессор.

— А теперь все повторяйте за мной, — сказала МакГонагалл. — Я трансфигурирую живое существо, особенно себя, только если мне поручат это сделать с помощью специального заклинания или зелья.

— Если я не уверен, что превращение безопасно, я не буду его делать, не спросив профессора МакГонагалл, или профессора Флитвика, или профессора Снейпа, или профессора Дамблдора — только они в Хогвартсе являются авторитетами в области трансфигурации. Мнение другого ученика брать в расчёт нельзя, даже если он говорит, что уже задавал профессорам такой вопрос.

— Если нынешний преподаватель Защиты от Тёмных искусств скажет мне, что трансфигурация безопасна, и даже если я видел, как сам профессор успешно её провёл, я не стану проделывать то же самое.

— Я имею полное право отказаться проводить превращение, если хоть чуть-чуть волнуюсь. Так как даже директор Хогwartса не может принудить меня к трансфигурации, я не подчинюсь подобному приказу от профессора Защиты, даже если он пригрозит потерей сотни баллов факультета или исключением из школы.

— Если я нарушу хоть одно правило, мне запретят изучать трансфигурацию в Хогwartсе.

— Мы будем повторять эти правила перед каждым уроком весь месяц, — сказала профессор МакГонагалл. — А теперь перейдём к делу. Наш исходный предмет — спички. Целевой — иголки. Отложите палочки. Под «перейдём к делу» я имела в виду «начнём записывать лекцию».

За полчаса до конца урока МакГонагалл раздала «исходные предметы».

К концу занятия у Гермионы была серебряная спичка, а у остальных учеников — и маглорождённых, и чистокровных — успехов вообще не наблюдалось.

Профессор наградила Гермиону ещё одним баллом.

* * *

Пока Гарри складывал учебники в кошель после урока, Гермиона подошла к нему.

— Знаешь, — как бы невзначай заметила она, — а я сегодня два балла для Когтеврана получила.

— Ну да, — коротко согласился Гарри.

— Но до твоих семи баллов мне далеко, — сказала она. — Похоже, я не такая умная, как ты.

Гарри закончил скармливать книги своему кошелью, повернулся к Гермионе и прищурился. Он уже и забыл об этом.

Гермиона с невинным видом хлопала ресницами.

— Впрочем, уроки у нас каждый день. А вот найдёшь ли ты ещё пuffedуицев для спасения — это уже вопрос. Сегодня понедельник, так что у тебя есть время до четверга.

Они, не моргая, уставились друг на друга.

Гарри заговорил первым:

— Ты же понимаешь, что это война?*

— А у нас был мир?

Остальные ученики с интересом наблюдали за происходящим. А также, к сожалению, и МакГонагалл.

— А, мистер Поттер, — пропела профессор из другого угла кабинета, — у меня для вас хорошие новости. Мадам Помфри одобрила ваше предложение улучшить Спимстерские глазки, чтобы они не разбивались. Работу закончат к концу следующей недели. Думаю, это заслуживает... скажем, десяти баллов для Когтеврана.

От такого предательства рот Гермионы беззвучно распахнулся, а брови полезли на лоб. Гарри выглядел не краше.

— Профессор... — прошипел он.

— Возражение отклоняется, мистер Поттер, это заслуженные баллы. Я не присуждаю их просто так. Вы считаете, что всего лишь заметили хрупкий предмет и предложили способ уберечь его от поломки. Но Спимстерские глазки стоят довольно дорого, и директор совсем не обрадовался, когда очередной глазок разбился, — профессор МакГонагалл задумалась. — Хм. Интересно, зарабатывали кто-нибудь в первый же день учёбы семнадцать баллов? Нужно проверить, но, полагаю, вы установили новый рекорд. Можно даже сделать объявление во время обеда в Большом Зале.

— ПРОФЕССОР! — завопил Гарри. — Это наша война! Не мешайте!

— Этих баллов вам хватит до четверга следующей недели, мистер Поттер. Если вы, конечно, не провинитесь и не потеряете их. Например, обращаясь к учителям без должного уважения, — МакГонагалл задумчиво потёрла щёку пальцем. — Полагаю, вы уйдёте в минус ещё до субботы.

Гарри тут же захлопнул рот и метнул в МакГонагалл свой лучший Уничтожающий Взгляд, который, похоже, её только позабавил.

— Да, определённо надо сделать объявление, — погрузилась она в размышления. — Но, чтобы не обижать слизеринцев, сообщение будет коротким. Скажу лишь, что полученное количество баллов является рекордом школы. И если кто-то, обратившись к вам за помощью с домашней работой, разочаруется, узнав, что вы только начали читать учебники, можете отправить этого человека к мисс Грейнджер.

— Профессор! — воскликнула Гермиона.

МакГонагалл и ухом не повела.

— Хм. Интересно, сколько времени уйдёт у мисс Грейнджер на то, чтобы совершить поступок, заслуживающий объявления в Большом Зале? Хотелось бы посмотреть, что это будет.

Гарри и Гермиона, не сговариваясь, развернулись и мигом выскочили из кабинета. Остальные когтевранцы, как замороженные, последовали за ними.

— Эм, — сказал Гарри. — Встреча после обеда отменяется?

— Нет, конечно, — ответила Гермиона. — Не хотелось бы, чтобы «великий» Гарри Поттер и дальше отставал в учёбе.

— Что ж, спасибо. Позволь заметить — у тебя и сейчас блестящие способности, но всё равно интересно, что бы было, если б ты немного поучилась рациональности.

— Неужели она так полезна? Не заметила, чтобы она как-то тебе помогла на уроках заклинаний и трансфигурации.

Ненадолго наступила тишина.

— Я же получил учебники только четыре дня назад. Вот и пришлось как-то зарабатывать баллы без палочки.

— Четыре дня назад, говоришь? Что ж, возможно, ты не способен прочитать восемь книг за четыре дня, но на одну-то книгу у тебя должно было найтись время? И как скоро ты закончишь такими темпами? Ты же у нас гениальный математик, скажи, сколько будет — восемь умножить на четыре и поделить на ноль?

— В отличие от тебя я буду вынужден отвлекаться на уроки, но выходные свободны, так что... предел произведения 8 на 4, делённого на эpsilon, при эpsilon, стремящемся к нулю справа... Закончу к 10:47 утра в воскресенье.

— Вообще-то я справилась всего за три дня.

— Тогда к 14:47 в субботу. Уверен, время я где-нибудь найду.

И был вечер, и было утро: день первый*.

Глава 16

Нестандартное мышление

Вражеские ворота там, где Роулинг*.

Я не психопат. Я просто мыслю творчески.

В среду, как только Гарри вошёл в класс на урок Защиты, он понял: этот предмет будет особенным. Столь огромных классов в Хогвартсе он ещё не встречал. Помещение напоминало большую университетскую аудиторию с амфитеатром столов перед гигантским помостом из белого мрамора. Класс находился высоко — на пятом этаже замка. Описать его местоположение точнее не представлялось возможным. Как Гарри успел понять, ни евклидова геометрия, ни неевклидова в Хогвартсе вообще не работали. Существовали связи между комнатами, но направления отсутствовали.

В отличие от университетской аудитории, вместо монолитных парт со скамейками здесь стояли обычные хогвартские столы, каждый ряд которых полукругом огибал предыдущий. На столах стояло нечто плоское, белое, прямоугольное и загадочное.

В центре гигантского помоста, на маленьком возвышении из мрамора потемнее, стоял одинокий учительский стол. На стуле за ним лежал Квиррелл и, безвольно запрокинув голову, пускал слюни на мантию.

Хм, что это мне напоминает?..

Гарри пришёл на урок рано, других учеников в классе ещё не было. (Сложно нормальным человеческим языком объяснять путешествия во времени. Например, просто нет слов, чтобы передать, насколько это удобно.)

Квиррелл сейчас... не функционировал... и у Гарри не было никакого желания к нему подходить, так что он выбрал стол, сел за него и достал учебник по Защите. Гарри отставал от графика: он планировал дочитать книгу ещё до урока, но осилил только семь восьмых, потратив к тому же два поворота Маховика времени.

Вскоре ученики начали заполнять аудиторию, но Гарри даже не поднял головы.

— Поттер? А ты-то что тут делаешь? — произнёс голос, услышать который Гарри совсем не ожидал. Он оторвался от книги.

— Драко? А ты-то что тут... О чёрт, да у тебя есть приспешники!

Один из мальчишек за спиной Малфоя щеголял развитой для своего возраста мускулатурой, а второй стоял в позе, напоминавшей борца перед броском.

Мальчик с белыми волосами самодовольно усмехнулся и показал рукой за спину:

— Поттер, познакомься с мистером Крэббом, — рука перенеслась с Мускулистого на Борца, — и мистером Гойлом. Винсент, Грегори, это — Гарри Поттер.

Мистер Гойл склонил голову набок и, судя по всему, попытался посмотреть на Гарри как-то многозначительно, но в итоге получилось, что он просто прищурился. Мистер Крэбб буркнул натянуто низким голосом: «Рад встрече».

Тревога тенью скользнула по лицу Драко, но тут же уступила место высокомерной ухмылке.

— У тебя есть настоящие приспешники! — повторил Гарри. — Как бы и мне завести парочку?

Высокомерная ухмылка стала шире:

— Боюсь, Поттер, шаг первый — распределиться в Слизерин...

— Что? Так нечестно!

— ...а шаг второй — чтобы ваши семьи договорились об этом вскоре после твоего рождения.

Гарри посмотрел на мистера Крэбба и мистера Гойла. Они изо всех сил напускали на себя грозный вид. А именно: подались вперёд, ссутулили плечи, вытянули шеи и сверлили Гарри недружелюбными взглядами.

— Хм, постой. Так это организовали ещё много лет назад? — заинтересовался Гарри.

— Именно, Поттер. Увы, но ты в пролёте.

Мистер Гойл достал зубочистку и принялся ковырять ею в зубах всё с тем же «грозным видом».

— И Люциус настоял, чтобы ты рос отдельно от своих телохранителей и встретил их только в первый день учёбы, — догадался Гарри.

Ухмылка сползла с лица Драко:

— Да, Поттер, все мы знаем, какой ты гениальный, — вся школа теперь знает, — так что хватит выпендриваться...

— Значит, они всю свою жизнь готовились стать твоими приспешниками, и за эти годы у них сложилось некоторое мнение, как приспешникам следует себя вести...

Драко поморщился.

— ...вдобавок, они-то друг друга знали, так что успели попрактиковаться...

— Босс сказал заткнуться, — прогундосил мистер Крэбб. Мистер Гойл сдавил челюстями зубочистку и затрещал костяшками пальцев.

— Я же запретил вам это делать в присутствии Гарри Поттера!

Телохранители сконфузились. Мистер Гойл быстро спрятал зубочистку в карман мантии. Но как только Драко от них отвернулся, они снова принялись за своё.

— Прошу прощения за оскорбление, нанесённое тебе этими придурками.

Гарри многозначительно посмотрел на мистера Крэбба и мистера Гойла.

— По-моему, ты с ними слишком строг, Драко. Будь у меня свои приспешники, я бы только радовался такому их поведению.

У Драко отвисла челюсть.

— Слышь, Грег, как думаешь, он не сманивает нас от босса?

— Уверен, мистер Поттер не настолько глуп.

— О, ни в коем случае, — легко согласился Гарри. — Просто имейте это в виду, если ваш текущий наниматель покажется неблагоприятным. При обсуждении условий труда никогда не помешает наличие альтернативной вакансии, так ведь?

— И чё он забыл в Когтевране?

— Без понятия, мистер Крэбб.

— Вы, оба, заткнитесь! — скрежетнул Драко зубами. — Это приказ, — с заметным усилием он перенёс внимание обратно на Гарри. — Так что ты делаешь на уроке Защиты Слизерина?

— Секунду, — нахмурился Гарри и потянулся в кошелёк. — Расписание занятий, — он посмотрел на пергамент. — Урок Защиты, 14:30, а сейчас... — Гарри перенёс взгляд на механические часы, на которых было 11:23, — 14:23, если я не потерял счёт времени. Верно?

А если всё-таки потерял, не беда: у него есть способ попасть в нужное. Гарри успел влюбиться в Маховик времени и планировал в будущем жениться на нём.

— Да, так и есть, — сдвинул брови Драко и охватил взглядом класс, который наполнялся слизеринцами и... — Гриффиндурни! — сплюнул Драко. — А они что здесь делают?

— Гм, профессор Квиррелл вроде бы говорил... не помню точно... что собирается внести изменения в традиционный учебный процесс.

— М-да, — протянул Драко, а затем заметил: — Ты здесь первый когтевранец.

— Ага. Пришёл заранее.

— Почему тогда уселся в последнем ряду?

— Не знаю, — моргнул Гарри, — место понравилось?

Драко хмыкнул.

— Дальше от учителя уже некуда, — он подался вперёд и сделал серьёзное лицо. — Кстати, ходят слухи, что ты наговорил всякого Деррику и его команде.

— А кто такой Деррик?

— Ты его пирогом разукрасил?

— Вообще-то двумя. Ну и что я ему такого сказал?

— Что в нём нет хитрости и амбиций и что он позорит имя Слизерина.

Драко внимательно смотрел на Гарри.

— Да, вроде того, — задумался Гарри. — Только несколько другими словами: «Это часть какого-то хитрого плана, который принесёт вам пользу? Или бессмысленная выходка, позорящая имя Салазара Слизерина, на что очень похоже», — как-то так. Дословно не помню.

— Понимаешь, ты сбиваешь всех с толку, — покачал головой Драко.

— Чего? — не понял Гарри.

— Уоррингтон утверждает, что провести столько времени под Распределяющей шляпой — верный признак могущественного Тёмного волшебника. Все только и обсуждают, не подлизаться ли к тебе просто на всякий случай. И тут ты взял да и защитил кучку каких-то пуффендуйцев, Мерлин тебя раздери. Да ещё и указал Деррику, что тот позорит имя Слизерина! Что нам теперь думать?

— Что Шляпа распределила меня на факультет «Слизерин! Шутка! Когтевран!», и я веду себя соответствующим образом.

Мистер Крэбб и мистер Гойл захихикали — последний поспешно закрыл рот ладонью.

— Ладно, мы пойдём занимать места, — сказал Драко, заколебался, а потом произнёс официальным тоном: — Но я был бы не прочь продолжить наш предыдущий разговор, и я принимаю твои условия.

Гарри кивнул:

— Ты не возражаешь, если мы отложим до субботнего вечера? У меня тут соревнованияще наматилось.

— Соревнованыице?

— Гермiona Грейнджер не верит, что я смогу прочитать учебники так же быстро, как она.

— Грейнджер, — повторил Драко и прищурился. — Грязнокровка, решившая, что она Мерлин? Если ты хочешь поставить на место эту выскочку, то весь Слизерин на твоей стороне, Поттер, и я не побеспокою тебя до субботы.

Драко вежливо кивнул, завершая беседу, и удалился вместе со свитой.

Ох, чувствую я, крутиться между этими двумя будет очень весело.

Класс быстро заполнялся всеми четырьмя цветами: зелёным, красным, жёлтым и синим. Драко и два его телохранителя пытались отвоевать три смежных места в первом ряду, который, конечно, уже был полностью занят. Однако несмотря на весь «грозный арсенал» мистера Крэбба и мистера Гойла, успеха они не достигли.

Гарри снова склонился над учебником по Защите.

* * *

В 14:35, когда большинство мест было занято и больше никто не заходил, профессор Квиррелл внезапно вздрогнул и выпрямился на стуле, а его лицо появилось на всех белых прямоугольниках.

Гарри был застигнут врасплох неожиданным появлением лица профессора Квиррелла на экране и схожестью белой штуковины с магловским телевизором. Что-то в этом было грустное и тоскливое — как если бы он увидел в толпе кого-то из родных, а потом понял, что обознался.

— Добрый день, мои юные ученики, — сказал профессор Квиррелл. Казалось, его голос исходил из белого экрана и обращался прямо к Гарри. — Добро пожаловать на первый урок боевой магии, как сказали бы основатели Хогвартса, или, как стали говорить в конце двадцатого века, на урок Защиты от Тёмных искусств.

Ученики лихорадочно зашуршали тетрадями.

— Нет, — остановил их профессор, — не трудитесь записывать прежнее название предмета. Подобные бессмысленные вопросы никогда не повлияют на ваши оценки на моих уроках. Обещаю.

Многие тут же потрясённо выпрямились.

Губы Квиррелла изогнулись в тонкой улыбке:

— Те из вас, кто прочитал учебник заранее, — пустая трата времени, между прочим...

Кто-то из учеников поперхнулся. Не Гермiona ли?

— ...могли подумать, что, хоть предмет и называется Защитой от Тёмных искусств, вас скорее будут учить защите от бабочек-кошмарниц, вызывающих немного страшные сны, или от кислотных слизней, которые могут насквозь прожечь двухдюймовую деревянную балку почти за день.

Отодвинув стул, профессор Квиррелл встал. Изображение на экране Гарри синхронно двинулось следом. Профессор подошёл к первому ряду столов и прогремел:

— Венгерская хвосторога в двенадцать раз крупнее человека! Изрыгает огонь так быстро и метко, что может расплавить летящий снитч! Одно Смертельное проклятие её обезвредит!

Ученики испуганно вздохнули.

— Горный тролль опаснее хвостороги! Он прокусывает железо! Его шкуру не берут ни оглушающие чары, ни режущие! У него столь острый нюх, что тролль издали чувствует — стоя перед ним или одинокая уязвимая жертва! И что страшнее всего, горный тролль — уникальное магическое существо, способное поддерживать постоянную трансфигурацию: он всё время превращается в самого себя. Если вам каким-то чудом удастся отрезать ему руку, то на её месте тут же вырастет новая! Огонь и кислота оставят на его коже шрамы и лишь на некоторое время остановят его регенеративные способности. На час-два от силы! Тролли достаточно умны, чтобы использовать дубины в качестве оружия! Горный тролль на третьем месте в рейтинге самых опасных машин для убийства в природе! Одно Смертельное проклятие его обезвредит!

Ученики выглядели потрясёнными. Профессор Квиррелл мрачно улыбался:

— Взять к примеру жалкий недоучебник по Защите для третьего курса — в нём написано, что вы можете выманить горного тролля на солнечный свет, и он тут же окаменеет. На своих уроках, мои юные ученики, я не буду давать подобную бесполезную информацию. Вы никогда не столкнётесь с горным троллем среди бела дня! Предложение использовать солнечный свет — следствие глупости авторов учебника, они хвастаются своей эрудицией в ущерб практичности. Если существует до нелепости странный способ борьбы с троллями, это не значит, что вы и в самом деле должны его использовать! Смертельное заклинание невозможно заблокировать или остановить. Оно срабатывает всегда на любом мыслящем существе. Если, когда вырастаете, у вас не получится применить Смертельное

заклинание, то просто аппаратуруйте! Так же делайте и при встрече со второй по опасности машиной для убийства в мире — дементором. Просто аппаратуруйте!

— Если, конечно, — профессор Квиррелл понизил голос, — вы не находитесь под действием антиаппарационных чар. Только один монстр может стать для вас угрозой, когда вы вырастаете. Самое опасное существо в мире, с которым никто не сравнится. Это Тёмный волшебник. Вот кого вам действительно нужно бояться, — губы профессора Квиррелла сжались в тонкую линию. — С большой неохотой, но я всё-таки преподам вам ровно столько пустяковых методов защиты, сколько необходимо для удовлетворительной сдачи министерских экзаменов за первый год. Эти тесты никак не повлияют на вашу дальнейшую жизнь, но если вдруг кто-то захочет просто ради отличной оценки тратить время на никчёмный учебник — пожалуйста. Название моего предмета не Защита от мелких паразитов. Вы здесь для того, чтобы научиться защите от Тёмных искусств. А это значит, — давайте раз и навсегда проясним, — защите от Тёмных волшебников. Это люди с волшебной палочкой, которые хотят вам навредить и наверняка в этом преуспеют, если вы не навредите им первыми. Нет защиты без нападения! Однако охраняемые толпами авроров зажавшиеся политики, которые составляют вам расписание, считают, что подобная реальность слишком жестока для детей. К чертям собачьим этих глупцов! Эту дисциплину преподают в Хогвартсе вот уже восемь столетий! Добро пожаловать на урок Боевой магии!

Гарри зааплодировал. Он просто не мог сдержаться — такой вдохновляющей была речь профессора.

Затем раздались отдельные хлопки со стороны гриффиндорцев, чуть больше — от слизеринцев. Остальные же ученики были слишком ошеломлены, чтобы хоть как-то реагировать.

Профессор Квиррелл поднял руку, и аплодисменты тут же стихли.

— Большое спасибо, — сказал он. — Теперь к делу. Я объединил занятия по боевой магии для всего курса, так что у вас теперь будет в два раза больше уроков, причём сдвоенных...

По рядам прокатился вздох ужаса.

— ...но я компенсирую такую нагрузку отсутствием домашней работы.

Вздох ужаса тут же оборвался.

— Да, вы не ослышались. Я хочу научить вас сражаться, а не писать сочинения.

Гарри страшно жалел, что не сел рядом с Гермионой, чтобы видеть сейчас выражение её лица. Хотя, с другой стороны, у него прекрасное воображение.

Вдобавок, он влюбился. Идеальная троица: он, Маховик времени и профессор Квиррелл.

— Для тех из вас, кто хочет посвятить боевой магии ещё больше времени, я организовал несколько внеклассных мероприятий. Думаю, вы найдёте их не только занимательными, но и полезными. У вас будет возможность не только глазеть на то, как четырнадцать счастливых игроков играют в квиддич, но и показать миру свои собственные умения. Побеждая в битвах в составе армии, например.

Крутотень.

— На всех моих занятиях вы сможете зарабатывать баллы Квиррелла. Что это такое? Мне не подходит обычная схема награждения факультетов баллами. Их раздают слишком редко, а я предпочитаю, чтобы мои ученики чаще понимали результаты своих действий. Иногда я буду давать и письменные тесты, которые сразу показывают, правильный ли вы подчеркнули ответ, и если ошибок наберётся слишком много, то на листе высветится список учеников, которые ответили на эти вопросы верно и смогут заработать баллы Квиррелла, если возьмутся вам помочь.

...Ух ты. Почему же у других профессоров нет подобных схем обучения?

— Зачем нужны баллы Квиррелла? Начнём с того, что за десять баллов Квиррелла можно получить один балл для факультета. Но их можно использовать и по-другому. Хотите перенести время сдачи экзамена? Или отпроситься с одного из моих занятий? Вы обнаружите, что я готов на серьёзные уступки для тех, кто зарабатывает достаточное количество баллов Квиррелла. С оглядкой на них будут выбираться генералы армий. А на Рождество, прежде чем вы разъедетесь на каникулы, я исполню чьё-нибудь желание, связанное со школой: что угодно, в пределах моей власти, влияния и, что важнее, моей изобретательности. Да, я учился в Слизерине, так что я готов, если потребуется, разработать хитроумный план для его осуществления. Исполнение желания — награда тому ученику Хогвартса, который заработает больше всего баллов Квиррелла.

Им станет Гарри.

— А теперь оставьте книги и принадлежности на столах — экраны за ними присмотрят — и спускайтесь сюда, на помост. Настало время сыграть в игру «Кто самый опасный ученик в классе».

Гарри взмахнул волшебной палочкой:

— *Ма-ха-су!**

Парившая в воздухе голубая сфера, которую профессор Квиррелл назначил мишенью Гарри, высоко дзинькнула. Этот звук означал идеальное попадание, которое у Гарри выходило уже девять раз из десяти.

Профессор Квиррелл где-то раскопал заклятье с удивительно простой вербальной формулой, удивительно простым движением палочки и свойством почти всегда попадать туда, куда смотрит произносящий его волшебник. Впрочем, профессор Квиррелл пренебрежительно сообщил, что настоящая боевая магия намного сложнее, что это проклятие совершенно бесполезно в настоящей битве, что оно представляет собой едва упорядоченный всплеск магии, что единственная сложность его использования заключается в прицеливании, и что оно при попадании вызывает краткое болезненное ощущение удара кулаком в нос, что единственная цель теста — узнать, кто из них быстрее учится, поскольку профессор Квиррелл уверен, что ни один из них с этим заклятием не знаком.

Гарри всё это было безразлично.

— *Ма-ха-су!*

Настоящий красный энергетический сгусток выстрелил из его волшебной палочки и попал в сферическую мишень, которая опять высоко дзинькнула, а это означало, что у него и впрямь получилось сотворить заклинание!

Гарри впервые со дня прибытия в Хогвартс чувствовал себя настоящим волшебником. Жаль только, что мишени не уворачиваются, как те шарики, которыми Бен Кеноби тренировал Люка*. Вместо этого профессор Квиррелл зачем-то выстроил учеников перед ровным рядом мишеней так, чтобы они случайно друг друга не задели.

Гарри опустил палочку, прыгнул вправо, вскинул её вновь, повернул и крикнул: «*Ма-ха-су!*». Послышался «дзинь» тоном пониже, что означало почти идеальное попадание. Гарри сунул палочку в карман, прыгнул назад, а потом выхватил её и выстрелил ещё одним красным энергетическим лучом. С огромным удовольствием он услышал высокий «дзинь».

Гарри хотелось победно заорать во весь голос: «Я УМЕЮ КОЛДОВАТЬ! ТРЕПЕЩИТЕ, ЗАКОНЫ ФИЗИКИ, Я ИДУ ВАС НАРУШАТЬ!»

— *Ма-ха-су!* — воскликнул Гарри, но на фоне постоянных выкриков других учеников его голос терялся.

— Достаточно, — произнёс усиленный голос профессора Квиррелла. (Он не был громким: просто каждому казалось, что он говорит прямо из-за левого плеча, вне зависимости от местоположения относительно профессора.) — Вижу, что у всех хотя бы по разу уже получилось.

Сферы-мишени покраснели и поплыли к потолку.

Профессор стоял на возвышении в центре помоста, слегка опираясь рукой о стол.

— Как я и обещал, — сказал Квиррелл, — мы сыграем в игру «Кто самый опасный ученик в классе». Среди вас есть ученик, который освоил Шумерский Простой Удар быстрее всех...

Опять двадцать пять.

— ...и помог семи другим ученикам. За что и получает первые семь баллов Квиррелла в этом году. Гермiona Грейнджер, пройдите вперёд. Пора приступать ко второй стадии игры.

Гермiona Грейнджер шагнула со своего места, на её лице была смесь торжества и опаски.

Когтевранцы смотрели на неё с гордостью, слизеринцы сверлили взглядами, полными ярости, а на лице Гарри читалось откровенное раздражение. В этот раз у него всё получалось. Вероятно, даже лучше, чем у половины учеников — весь курс имел дело с совершенно новым, неизвестным заклинанием, а Гарри уже прочёл «Магическую теорию» Адалберта Ваффлинга. И всё равно — Гермiona справилась лучше!

Глубоко внутри появился страх — а вдруг она просто умнее его?

Но два известных факта подкрепляли его надежды на светлое будущее: (а) Гермiona прочла все учебники за курс и уже взялась за дополнительную литературу; (б) Адалберт Ваффлинг — конченый бездарь, написавший «Теорию магии» в угоду школьному совету, который чихать хотел на одиннадцатилетних первокурсников.

Гермiona дошла до возвышения в центре и поднялась на него.

— Гермiona Грейнджер освоила совершенно незнакомое заклинание за две минуты, при этом почти на минуту опередив следующего ученика, — Квиррелл обвёл взглядом класс, убеждаясь, что всё внимание направлено на них. — Может ли быть, что интеллект мисс Грейнджер делает её самым опасным учеником в этом классе? Ну? Что думаете?

Похоже, никто ничего не думал. Даже Гарри не знал, что сказать.

— Тогда давайте это выясним, — профессор Квиррелл повернулся к Гермione и указал ей на остальных учеников. — Выберите кого-нибудь и используйте на нём заклятье Простого удара.

Гермиона будто вмерзла в пол.

— Ну же, — спокойно сказал профессор Квиррелл. — Вы успешно произнесли это заклинание более пятидесяти раз. Оно не причиняет непоправимого вреда и не такое уж болезненное. Как удар кулаком, но болеть будет только пару секунд, — и строго добавил: — Это прямое указание от вашего профессора, мисс Грейнджер. Выберите цель и используйте заклятье Простого удара.

Лицо Гермионы исказилось от ужаса, палочка в руке задрожала. Гарри не мог не сопереживать ей. Хотя он и понимал, что задумал профессор Квиррелл, что он хочет продемонстрировать.

— Если вы не поднимете палочку и не произнесёте заклятье, мисс Грейнджер, вы потеряете один балл Квиррелла.

Гарри сверлил девочку глазами в надежде поймать её взгляд. Он едва заметил постукивал себя по груди правой рукой. *Выбери меня, я не боюсь...*

Палочка в руке Гермионы дёрнулась. Затем её лицо прояснилось, и она опустила руку.

— Нет, — отчеканила Гермиона Грейнджер.

И хотя слово было сказано тихим, спокойным голосом, в наступившей тишине его услышал каждый.

— Тогда я снимаю балл, — проговорил профессор Квиррелл, — это был тест, и вы его провалили.

Её проняло, Гарри видел, но она продолжала стоять, распрямив плечи.

Снисходительный голос Квиррелла, казалось, заполнил всё помещение:

— Знать не всегда достаточно, мисс Грейнджер. Если вы не способны применить насилие — или стерпеть его от другого — даже на уровне ушибленного пальца, то вы не сможете защитить себя и не справитесь с моим предметом. Пожалуйста, возвращайтесь к своим сокурсникам.

Гермиона начала спускаться назад к когтевранцам. На её лице была спокойная отрешённость, и Гарри по какой-то непонятной причине вдруг захотелось заплодировать ей. Невзирая на то, что Квиррелл был всё-таки прав.

— Итак, — обратился профессор к аудитории, — очевидно, что Гермиона Грейнджер не самый опасный ученик в классе. Кто же тогда, по вашему мнению, опаснейший человек в этом помещении? Не считая меня, естественно.

Не раздумывая ни секунды, Гарри повернулся в сторону слизеринцев.

— Драко из благородного и древнейшего Дома Малфоев, — сказал Квиррелл. — Многие из присутствующих посмотрели на вас. Подойдите, пожалуйста.

Драко горделиво прошепствовал вперёд. Поднявшись на возвышение, он, вскинув голову, с улыбкой посмотрел на профессора Квиррелла.

— Мистер Малфой, — приказал тот, — стреляйте.

Если бы всё произошло чуть медленнее, Гарри бы обязательно вмешался — одним ловким движением Драко направил палочку в сторону когтевранцев и выпалил: «Махасу!». «Ой!» — вскрикнула Гермиона. Вот и всё.

— Хорошо сработано, — одобрил профессор Квиррелл. — Два балла Квиррелла. Но скажите, почему в качестве цели вы выбрали именно мисс Грейнджер?

На мгновение повисла пауза.

Затем Драко ответил:

— Она выделялась из всех.

Профессор Квиррелл слегка улыбнулся:

— Вот поэтому-то Драко Малфой и опасен. Если бы он выбрал кого-то другого, этот человек мог бы обидеться и стать его врагом. Мистер Малфой также мог бы назвать другую причину своего выбора, но это привело бы лишь к ухудшению отношения к нему одной части его однокурсников, в то время как другая и так благоволит ему, что бы он ни сказал. Другими словами, мистер Малфой опасен, потому что знает, на кого можно направить удар, а на кого нельзя, как завоевать союзника и не нажать врага. Получите ещё два балла Квиррелла, мистер Малфой. И так как вы продемонстрировали истинно слизеринские качества, думаю, ваш факультет также заслужил один балл. Можете вернуться к своим друзьям.

Драко слегка поклонился, спокойно сошёл с помоста и примкнул к группе слизеринцев под лёгкие аплодисменты последних. Квиррелл резко взмахнул рукой, и снова воцарилась тишина.

— Можно подумать, что наша игра завершена, — сказал профессор Квиррелл. — Но в этом классе есть ученик опаснее, чем отпрыск семьи Малфоев.

А вот теперь многие почему-то посмотрели на...

— Гарри Поттер. Пройдите вперёд.

У Гарри появилось нехорошее предчувствие. Он неохотно двинулся вперёд. Профессор Квиррелл всё так же стоял, облокотившись о стол.

Оказавшись у всех на виду, Гарри занервничал, и его мысли заработали чётче. Каким образом профессор Квиррелл собирается

показать опасность Гарри? Попросит его произнести заклинание, которым можно победить Тёмного Лорда? Продемонстрировать, что его не берёт Смертельное проклятие? Да нет, профессор Квиррелл для этого слишком умён...

Гарри остановился, не доходя до возвышения, но Квиррелл не потребовал подойти ближе.

— Ирония в том, — продолжал профессор, — что вы пришли к верному ответу, используя факты, не имеющие к нему никакого отношения. Вы думаете, — уголки его губ дрогнули, — что раз Гарри Поттер победил Тёмного Лорда, он, должно быть, очень опасен. Чушь. Ему был год от роду. Какая бы причуда судьбы ни убила Тёмного Лорда, она вряд ли как-то связана с бойцовскими способностями мистера Поттера. Но прослышав о том, как один когтевранец одолел пятерых старшекурсников из Слизерина, я опросил нескольких свидетелей и пришёл к выводу, что самый опасный мой ученик — это Гарри Поттер.

Адреналин хлынул в кровь Гарри. Он не знал, какие выводы сделал профессор Квиррелл из своего расследования, но вряд ли хорошие.

— Эм, профессор Квиррелл... — начал Гарри.

— Вы думаете, что я пришёл к неверному ответу, мистер Поттер? — весело поинтересовался профессор Квиррелл. — Со временем вы перестанете меня недооценивать, — он выпрямился. — Мистер Поттер, у всего есть привычное применение. Назовите мне десять необычных способов применения предметов в этой комнате для ведения боя!

Секунду Гарри ошеломлённо осознавал, с какой лёгкостью его прочитали, а потом идеи забили ключом.

— Столы здесь довольно тяжёлые, можно убить противника, если бросить такой с большой высоты. У стульев металлические ножки, если сильно ими ударить, то можно кого-нибудь проткнуть. Если воздух из комнаты убрать, в ней все умрут, потому что человек не может жить в вакууме. Кроме того, воздух можно использовать как переносчик ядовитых газов.

Гарри остановился, переводя дух, и профессор Квиррелл вставил:

— Это только три, а нужно десять. Остальные ученики думают, что вы перебрали все вещи в классе.

— Ха! В полу можно сделать волчью яму с кольями на дне, потолок можно на кого-нибудь обрушить, стены могут послужить материалом для трансфигурации в бесконечное множество смертельно опасных предметов — ножей, например.

— Уже шесть. Но теперь-то у вас заканчиваются варианты?

— Я только разогреваюсь! Есть же ещё люди! Заставить гриффиндорца атаковать врага — слишком банальная идея...

— Такое я не засчитаю.

— ...но в его крови можно кого-нибудь утопить. Когтевранцы славятся своими мозгами, но и другие их органы кое на что годятся: можно, например, продать их на чёрном рынке, чтобы нанять киллера. Слизеринца можно использовать в качестве убийцы, а можно просто расплющить им оппонента, если метнуть с достаточной скоростью. Пуффендуец хороший работяга, но вдобавок у него хорошие кости, заострив которые, можно кого-нибудь заколоть.

К этому времени весь класс с ужасом таращился на Гарри. Даже слизеринцы остолбенели.

— Десяток есть. Правда, когтевранцев я засчитываю со скрипом. Ну а теперь за каждый способ применения предмета, который ещё не называли, вы получите по одному баллу Квиррелла, — профессор Квиррелл дружески улыбнулся Гарри. — Ваши одноклассники считают, что уж теперь-то вы влипли: вы ведь назвали всё, кроме мишеней, и вы ни малейшего понятия не имеете, как их можно использовать.

— Вот ещё! Я назвал всех людей, но не их одежду. Моей мантией можно кого-нибудь придушить, если её обмотать вокруг головы врага, мантию Гермионы Грейнджер можно порезать на ленты и из них связать верёвку, на которой можно кого-нибудь повесить, а с помощью мантии Драко Малфоя можно устроить поджог...

— Три балла, — сказал профессор Квиррелл. — И больше никакой одежды.

— Мою волшебную палочку можно воткнуть в мозг врага через глазное яблоко...

Кто-то сдавленно охнул.

— Четыре балла. Дальше без палочек.

— Мои наручные часы можно запихнуть врагу в глотку, и он задохнётся...

— Пять баллов. Закончим на этом.

Гарри фыркнул:

— Один балл факультету за десять баллов Квиррелла, так? Зачем вы меня остановили, я бы мог продолжать, пока не завоюю кубок школы. Я даже не начал перечислять содержимое моих карманов.

А также кошель-скрытня, хотя упоминать мантию-невидимку и Маховик времени нельзя. Да и насчёт мишеней что-нибудь тоже можно придумать...

— Достаточно, мистер Поттер. Ну что же, теперь все поняли, почему мистер Поттер самый опасный ученик в этом классе?

Тихое согласное бормотание.

— Так озвучьте, пожалуйста. Терри Бут, что делает вашего соседа по комнате опасным?

— Э-э... кхм... он изобретательный?

— Чушь! — проревел профессор Квиррелл, крепко саданув кулаком по столу, и от магически усиленного звука все подпрыгнули. — Все идеи мистера Поттера были более чем бесполезными!

Гарри удивлённо вздрогнул.

— Сделать волчью яму? В бою отвлекаться на такую смехотворную ерунду нет времени, а если бы оно было, то есть тысяча лучших способов его использовать! Трансфигурировать стены? Но мистер Поттер не умеет этого делать! У мистера Поттера была одна-единственная идея, которую он на самом деле смог бы сразу претворить в жизнь, прямо сейчас, без длительной подготовки, услужливого врага или неизвестной ему магии: это ткнуть волшебной палочкой врагу в глаз! Но и тогда палочка скорее сломается, чем убьёт его противника! Другими словами, мистер Поттер, вынужден с прискорбием сообщить, что ни одна ваша идея яйца выеденного не стоит.

— Что? — возмутился Гарри. — Вы же просили необычных идей, а не практичных! Я старался мыслить нестандартно! Вот вы бы как использовали что-нибудь в этой комнате, чтобы убить?

Лицо профессора Квиррелла выражало неодобрение, но в уголках глаз были заметны морщинки улыбки.

— Мистер Поттер, а я разве требовал кого-нибудь убивать? Иногда полезно оставлять оппонента в живых, и на уроках в Хогвартсе это обычно даже предпочтительно. Отвечая на ваш вопрос: я бы просто ударил его по шее краем стула.

Слизеринцы захихикали, но скорее в поддержку Гарри, а не над ним. Остальные онемели от ужаса.

— Мистер Поттер только что показал нам, почему он самый опасный в классе ученик. Я попросил его назвать необычные способы применения вещей в бою. И он мог бы предложить укрыться от проклятия за столом, или сделать стулом подножку, или обмотать одежду вокруг руки, создав импровизированный щит. Но каждое предложение мистера Поттера было атакующим, а не оборонительным, и более того, смертельным или потенциально смертельным.

Что? Нет, не может быть... У Гарри внезапно закружилась голова. Он попытался вспомнить все свои идеи: должен же найтись контрпример...

— Другие, менее смертоносные приёмы мистер Поттер счёл недостойными рассмотрения, — продолжил профессор Квиррелл, — и поэтому ему пришлось придумывать невесть что, лишь бы в итоге оно приводило к смерти врага, стандарту, который он сам для себя установил. Это указывает на наличие черты характера, которую называют «готовностью убить». Она есть у меня. Она есть у мистера Поттера, и именно благодаря ей он сумел выйти победителем в схватке с пятью старшекурсниками из Слизерина. У Драко Малфоя такой черты нет — пока нет. Мистер Малфой способен не моргнув глазом рассуждать про обычное убийство, но даже он был шокирован — да, мистер Малфой, я видел это по вашим глазам, — когда мистер Поттер предложил использовать в качестве орудий убийства части тел своих однокурсников. В вашем разуме есть ограничители, которые заставляют от таких мыслей отворачиваться. Но мистер Поттер думает об убийстве врага и только о нём. Он не будет церемониться при выборе метода, отворачиваться от подобных мыслей, у него нет ограничителей. Даже несмотря на то, что его гениальное воображение ещё не натренировано на генерацию практичных решений, именно готовность убить делает Гарри Поттера самым опасным учеником в классе. Ещё один, последний балл — пожалуй, даже балл факультету — присуждается ему за обладание этим незаменимым для истинного боевого мага качеством.

Рот Гарри был широко раскрыт в безмолвном удивлении. Он отчаянно искал, чем возразить. *Это же совершенно не обо мне!*

Но он видел, что остальные ученики уже начинали верить сказанному. Разум Гарри лихорадочно искал возможные опровержения, но не нашёл ничего, что могло бы выстоять против авторитетного мнения профессора Квиррелла. На ум не приходило ничего лучше, чем: «Я не психопат. Я просто мыслю творчески». Звучало довольно зловеще. Нужно было выдать что-то неожиданное, чтобы все оставились и пересмотрели...

— А теперь, — сказал Квиррелл, — мистер Поттер. Огонь! Ничего, конечно, не произошло.

— Ладно, — вздохнул профессор. — Все когда-то были новичками. Мистер Поттер, выберите ученика и используйте на нём заклятье Простого удара. Я не закончу сегодняшний урок, пока вы этого не сделаете. И я буду отнимать баллы у вашего факультета, пока вы не решитесь.

Чтобы профессор Квиррелл не начал тут же снимать баллы, Гарри осторожно поднял палочку.

Медленно, как во сне, Гарри повернулся к слизеринцам.

Взгляды Гарри и Драко встретились.

Драко Малфой не выглядел испуганным ни на йоту. Беловолосый мальчик не делал видимых знаков, какие Гарри подавал Гермионе, но рассчитывать на это было бы глупо — другим слизеринцам такое поведение могло показаться странным.

— Что за сомнения? — спросил профессор. — Уверен, есть лишь один очевидный выбор.

— Да, — ответил Гарри. — Один совершенно очевидный выбор.

Он взмахнул палочкой и произнёс:

— *Ма-ха-су!*

В классе установилась гробовая тишина. Гарри потряс левой рукой, пытаясь избавиться от ноющей боли. Стало ещё тише. Наконец профессор Квиррелл вздохнул:

— Да, да, очень изобретательно, но от вас требовалось выполнить упражнение, а не найти способ уклониться от него. Один балл с Когтеврана за демонстрацию своего ума ценой невыполнения поставленной задачи. Все свободны.

И пока никто не успел ничего сказать, Гарри пропел:

— Шутка! КОГТЕВРАН!

Ещё мгновение в классе висела задумчивая тишина, а затем шёпот быстро перерос в гул разговоров.

Гарри повернулся к профессору Квирреллу, им было что обсудить...

Но тот вдруг скособочился и, шаркая, поплёлся к своему стулу.

Нет. Неприемлемо. Им точно надо поговорить. Плевать на походку зомби, профессор Квиррелл, наверное, придёт в себя, если его немного растормошить. Гарри уже двинулся было вперёд...

НЕПРАВИЛЬНО

НЕТ

ПЛОХАЯ ИДЕЯ

Гарри вдруг качнуло из стороны в сторону, и он остановился, чувствуя лёгкое головокружение.

А затем толпа когтевранцев обрушилась на него и забросала вопросами.

Глава 17

Выбор гипотезы

Ты всегда был Дж. К. Роулинг*.

*Начинаешь видеть
истинное устройство мира,
чувствовать его ритм.*

Четверг.
7:24 утра, если быть точным.
В руках Гарри покоился учебник, а сам он сидел на постели. Ему только что пришла в голову идея поистине блестящего эксперимента.

Конечно, завтракать придётся на час позже, но не зря же у него были батончики со злаками. Эксперимент нужно провести незамедлительно.

Гарри отложил книгу, соскочил с кровати, подошёл к сундуку, открыл отсек, ведущий в подвал, спустился и начал передвигать ящики с книгами. Конечно, стоило уже давно всё распаковать, но он отставал в соревновании с Гермионой, так что времени катастрофически не хватало.

Гарри нашёл нужную книгу и быстро взобрался назад по лестнице.

Остальные мальчики уже проснулись и собирались идти на завтрак.

Гарри просмотрел оглавление, нашёл список первых десяти тысяч простых чисел, открыл нужную страницу и протянул книгу Энтони Голдштейну:

— Ты не мог бы мне помочь? Выбери два трёхзначных числа из этого списка. Только не говори какие. Перемножь их между собой и скажи результат. А! И, пожалуйста, перепроверь. Даже не представляю, что случится со мной или со вселенной, если ты ошибёшься.

Историческая справка. В римском календаре идами назывался день в середине месяца. В марте, мае, июле и октябре иды приходились на пятнадцатое число, в остальных месяцах — на тринадцатое. — *Прим. авт.*

Поведение собеседника говорило многое о жизни когтевранцев в эти дни — ведь Энтони и бровью не повёл и даже не спросил что-нибудь в духе: «Ты свихнулся?», или «Как-то странно. А зачем тебе?», или «Что значит — не представляешь, что случится со вселенной?».

Вместо этого Энтони молча взял книгу, достал пергамент и перо. Гарри отвернулся и зажмурился, чтобы точно ничего не увидеть. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, держа наготове блокнот и механический карандаш.

— Готово, — сказал Энтони. — Сто восемьдесят одна тысяча четыреста двадцать девять.

Гарри тут же записал 181 429 и повторил число вслух, а Энтони подтвердил, что ошибки нет.

Затем Гарри бегом спустился на нижний этаж сундука, посмотрел на часы (они показывали 4:28, то есть сейчас было 7:28) и закрыл глаза.

Через полминуты он услышал звук шагов и шум закрывающейся крышки сундука. (Гарри не боялся задохнуться. Если покупаешь действительно хороший сундук, то в придачу получаешь чары свежего воздуха. Замечательная штука — магия: можно смело забыть о счетах за электричество.)

Когда Гарри открыл глаза, он, как и надеялся, увидел на полу сложенный листок — подарок от будущего себя.

Назовём его «Бумажка-2».

Гарри вырвал лист из блокнота.

Назовём его «Бумажка-1». Конечно, это тот же самый лист бумаги. Если присмотреться, то можно увидеть, что оторванные концы идеально совпадают.

Гарри мысленно представил алгоритм, по которому собирался действовать дальше.

Если он развернёт Бумажку-2 и она окажется чистой, он напишет «101 — 101» на Бумажке-1, свернёт её, час позанимается, вернётся назад во времени, положит Бумажку-1 (которая станет Бумажкой-2) в сундук, выйдет из него и присоединится к однокурсникам за завтраком.

Если Гарри развернёт Бумажку-2 и на ней будут написаны два числа, он их перемножит. Если в результате получится 181 429, Гарри переписет числа с Бумажки-2 на Бумажку-1 и отправит её в прошлое. Если же нет, Гарри прибавит двойку к числу, написанному справа, и запишет новую пару чисел на Бумажке-1. Только если не получится больше 997: тогда Гарри прибавит двойку к числу слева, а справа запишет «101».

Если на Бумажке-2 будет написано «997 — 997», то он оставит Бумажку-1 чистой.

Таким образом, единственной стабильной временной петлёй будет та, в которой на Бумажке-2 записаны два простых множителя числа 181 429.

Если план сработает, Гарри сможет использовать данный алгоритм для получения любого ответа, который легко проверить, но сложно найти. Он не только докажет, что при наличии Маховика времени $P = NP$ — нет, это всего лишь частный случай всех задач, которые можно решить с помощью такой уловки*. Гарри сможет вычислять с её помощью комбинации кодовых замков и любые пароли. Он даже сможет найти вход в Тайную Комнату Слизерина, если придумает систематический способ описания её местоположения в Хогвартсе. Блестящая махинация даже по меркам Гарри.

С трудом сдерживая волнение, Гарри поднял Бумажку-2, развернул её и увидел неровно написанные слова:

НЕ ШУТИ СО ВРЕМЕНЕМ

Дрожащей рукой Гарри вывел «Не шути со временем» на Бумажке-1, аккуратно её сложил и решил не проводить поистине блестящих экспериментов со Временем хотя бы до пятнадцати лет.

Более пугающих результатов, наверно, не получал никто за всю историю экспериментальной науки.

Только час спустя Гарри хоть как-то смог сосредоточиться на учебнике.

Так начался его четверг.

* * *

Четверг. 15:32, если быть точным.

Гарри и все остальные мальчишки-первокурсники собрались на поляне вместе с мадам Хуч. Рядом с каждым на траве лежало по метле. У девочек этот урок проходил отдельно. По каким-то причинам они не хотели учиться полётам при мальчиках.

Гарри всё ещё не смог полностью оправиться после утреннего происшествия. Его продолжал терзать вопрос: каким образом из множества стабильных временных петель была выбрана именно эта?

А ещё: метла? В самом деле? Ему что, и правда придётся летать на чём-то похожем на отрезок прямой линии? На объекте,

чуть более удобном для сидения, чем крошечный камешек? Да кто только сообразил использовать их в качестве летательных средств, исключив все прочие варианты? В первый раз услышав про мётлы, Гарри понадеялся, что это просто фигура речи, но нет — сейчас перед ними лежали предметы, которые можно было описать только одним образом — обычные деревянные мётлы, какими метут пол на кухне. Скорее всего, человек, придумавший это, просто застрял на идее с мётлами и не смог переключиться на что-то другое. Наверняка так и было. Не может же быть, чтобы, начиная с чистого листа разработку действительно удобного летающего устройства, кто-то в итоге получил приспособление для уборки помещений.

На дворе стоял погожий денёк. В ясном голубом небе ярко сияло солнце, словно специально настроенное ослепить всякого, кто посмеет подняться в воздух. А под ногами была сухая, прогретая и почему-то казавшаяся сейчас очень, очень твёрдой земля.

Гарри неустанно напоминал себе, что это занятие для всех учеников, а значит оно наверняка рассчитано даже на самых недалёких из них.

— Вытяните правую руку над метлой, или левую, если вы — левша, — скомандовала мадам Хуч, — и скажите ВВЕРХ!

— ВВЕРХ! — крикнули все.

Метла Гарри сразу же легла ему в руку.

Что, в кои-то веки, вывело его вперёд всего класса. Похоже, правильно сказать «ВВЕРХ!» сложнее, чем кажется на первый взгляд — большая часть мётел каталась по земле или уворачивалась от незадачливых наездников.

(Гарри был готов спорить на деньги, что Гермiona, у которой занятия по полётам прошли сегодня чуть раньше, справилась не хуже. Не может быть, чтобы у него что-то получилось с первого раза быстрее, чем у неё, и если вдруг выяснится, что исключением из правила стало катание на метле, а не какое-нибудь интеллектуальное занятие... уж лучше смерть.)

Когда, наконец, все научились призывать мётлы, мадам Хуч показала, как именно нужно на них садиться, и прошлась по полю, поправляя стойку и захват рук. Видимо, даже тех детей, которым позволяли летать дома, никто не учил делать это правильно.

Окинув орлиным взором своих подопечных, мадам Хуч кивнула:

— А теперь, когда я дам свисток, как следует оттолкнитесь от земли.

Гарри глотнул, пытаясь совладать с подступающей тошнотой.

— Держите метлы крепко, поднимитесь на несколько футов, а потом обратно вниз, слегка наклонив метлу. По моему свистку — три... два...

Одна из метел взметнулась к небу под аккомпанемент детского вопля, но не радости, а ужаса. Поднимаясь всё выше, мальчик вращался так быстро, что узнать его белое от страха лицо было невозможно...

Как в замедленной съёмке, Гарри соскочил с метлы, на ходу пытаясь вытащить палочку. Он сам не понимал, что будет с ней делать. Он побывал только на двух уроках Чар, и, хоть на последнем они вроде как изучали заклинание левитации, у Гарри оно получалось только один раз из трёх и он уж точно не мог левитировать людей...

Если во мне есть хоть какая-то скрытая сила, давай проявляйся НЕМЕДЛЕННО!

— Вернись, парень! — прокричала вслед мальчику мадам Хуч. (Самый, кстати, бесполезный совет в мире по укрощению взбесившейся метлы, особенно от инструктора по полётам. Полностью автономная часть мозга Гарри тут же внесла мадам Хуч в список известных ему идиотов.)

Метла взбрыкнула и сбросила наездника. Сперва его падение казалось очень медленным.

— *Вингардиум левиоса!* — заорал Гарри.

Заклинание не сработало — он это почувствовал.

БАМ — глухой неприятный хруст, и вот мальчик лежит на траве, скорчившись, лицом вниз.

Гарри спрятал палочку и на всех парах рванул к раненому. За тормозив перед ним одновременно с мадам Хуч, Гарри потянулся в кошель и попытался вспомнить название... без разницы, достаточно сказать: «Аптечка!» — и вот она уже в руке, и...

— Сломано запястье, — заключила мадам Хуч. — Успокойся, у него всего лишь сломано запястье.

Словно что-то щёлкнуло в мозгу Гарри, выключая Режим Паники.

Перед ним лежал открытый Набор целителя плюс, а в руке он держал заполненный жидким огнём шприц, который смог бы спасти мозг пострадавшего от кислородного голодания даже при сломанной шее.

Гарри судорожно перевёл дыхание, но сердце стучало так громко, что он сам себя слышал с трудом.

— Перелом кости... значит... Гипсующая нить?..

— Это только для экстренных случаев, — оборвала мадам Хуч. — Убери, с ним всё будет хорошо. — Она склонилась над пострадавшим, протягивая ему руку. — Ну-ка, давай, парень, всё в порядке. Давай, поднимайся.

— Вы что, хотите снова посадить его на метлу? — ужаснулся Гарри.

— Нет, конечно! — мадам Хуч недовольно посмотрела на него и за здоровую руку поставила мальчика на ноги.

Гарри с удивлением узнал в нём Невилла Лонгботтома: и как ему удастся постоянно влипать в истории?

Профессор Хуч развернулась к наблюдавшим ученикам:

— Чтоб никто из вас не двигался, пока я отвожу этого мальчика в лазарет! К метлам даже не прикасайтесь, иначе вылетите из Хогвартса раньше, чем успеете сказать «квиддич». Давай, дорогой.

Невилл, весь в слезах, заковылял прочь, прижимая запястья и опираясь на мадам Хуч.

Как только они отошли достаточно далеко, чтобы профессор ничего не могла услышать, один из слизеринцев расхохотался. Остальные тут же подхватили.

Гарри повернулся к ним: самое время запомнить несколько физиономий.

Драко в компании мистера Крэбба и мистера Гойла направлялись к нему. На лице мистера Крэбба улыбка отсутствовала, а у мистера Гойла была явно фальшивой. Драко же сохранял бесстрастный вид, хотя уголки его губ периодически подрагивали, из чего Гарри сделал вывод, что Драко находил случившееся весьма забавным, но не видел никакой практической выгоды в том, чтобы смеяться сейчас, а не позднее в слизеринских подземельях.

— Ну, Поттер, — тихо сказал Драко. Он так и не достиг полного контроля над своим лицом. — На заметку — если пытаешься воспользоваться подходящим случаем, чтобы продемонстрировать лидерские качества, то лучше делать вид, будто ты полностью контролируешь ситуацию, а не, к примеру, впадать в панику. — Мистер Гойл захихикал, и Драко метнул в него недовольный взгляд. — Но, похоже, твоё выступление не было полностью провальным. Помочь тебе сложить аптечку?

Гарри отвернулся к набору целителя, чтобы Драко не видел выражение его лица.

— Думаю, я справлюсь, — сказал Гарри. Он положил шприц на место, клацнул защёлками и выпрямился.

Пока Гарри скармливал аптечку кошелю, к нему успел подойти Эрни Макмиллан.

— Спасибо тебе, Гарри Поттер, от лица всего Пуффендуй, — официальным тоном начал Эрни, — это была хорошая попытка и хорошая идея.

— Ага, хорошая идея, — протянул Драко, — почему же пуффендуйцы не достали свои палочки? Может, если бы его попробовал бы левитировать не один Поттер, а вы все вместе, у вас бы получилось. Я полагал, что пуффендуйцы — дружные ребята.

Эрни, похоже, не знал, рассердиться ему, или умереть от стыда.

— Мы не успели подумать об этом.

— Ах, вот оно что, — сказал Драко. — Похоже, гораздо полезней водить дружбу с одним когтевранцем, чем со всем Пуффендуюем.

О чёрт, и как Гарри разругать эту ситуацию...

— Твоя помощь не нужна, — мягко заметил Гарри. Лишь бы Драко догадался интерпретировать это как «Ты путаешь мне карты, заткнись, пожалуйста».

— Эй, а это что? — сказал мистер Гойл. Он примял ногой траву и поднял стеклянный шар размером с теннисный мяч, внутри которого клубился белый туман.

Эрни моргнул:

— Напоминалка Невилла!

— Что такое напоминалка? — спросил Гарри.

— Становится красной, когда забываешь о чём-то, — пояснил Эрни. — Правда, не сообщает, о чём именно. Пожалуйста, отдай её мне, я передам Невиллу.

Эрни протянул руку.

Мистер Гойл внезапно ухмыльнулся, развернулся и побежал. Эрни на мгновение удивлённо застыл, потом крикнул «Эй!» и устремился вдогонку. Мистер Гойл добрался до метлы, одним ловким движением запрыгнул на неё и взлетел.

У Гарри отвисла челюсть. Мадам Хуч ведь пообещала, что залезшего на метлу выгонят из школы!

— Что за идиот! — прошипел Драко и открыл было рот, чтобы крикнуть...

— Слышь! — крикнул Эрни. — Это вещь Невилла! Отдай!

Слизеринцы аплодировали и улюлюкали.

Драко захлопнул рот. Гарри заметил тень нерешительности на его лице.

— Драко, — зашептал Гарри, — если ты не прикажешь этому идиоту вернуться на землю, то учитель, вернувшись...

— Попробуй достань его, пуффендундель! — заорал мистер Гойл, чем заслужил ещё больше аплодисментов от слизеринцев.

— Я не могу! — прошептал в ответ Драко, — слизеринцы подумают, что я слабак!

— Если мистера Гойла исключат, — зашипел Гарри, — твой отец подумает, что ты — кретин!

Лицо Драко исказилось в агонии.

И тут...

— Эй, слизерслюнь, — закричал Эрни, — тебе что, не говорили, что пуффендуйцы друг за друга горой? Пуффендуй, к оружию!

Внезапно в сторону мистера Гойла оказалось направлено множество палочек.

Тремя секундами позже...

— К оружию, Слизерин! — одновременно крикнули пятеро слизеринцев.

Теперь уже в сторону пуффендуйцев смотрел целый лес палочек.

Двумя секундами позже...

— К оружию, Гриффиндор!

— Поттер, сделай что-нибудь! — отчаянно шептал Драко. — Я не могу остановить их, это должен сделать ты! Ты же гений, придумай что-нибудь! Потом сочтёмся.

Гарри понял, что примерно через пять с половиной секунд кто-то наколдует Шумерский простой удар, и после процедуры отчисления на всём курсе мальчики останутся только в Когтевране.

— К оружию, Когтевран! — выкрикнул Майкл Корнер. Ему явно не хватало приключений на свою голову.

— ГРЕГОРИ ГОЙЛ! — завопил Гарри. — Я вызываю тебя на состязание за право обладания напоминалкой Невилла!

Внезапно стало тихо.

— Да неужто? — отозвался Драко. Гарри не знал, что растягивать слова можно так громко. — Звучит интересно. Что за состязание, Поттер?

Эм-м...

«Состязание» — это, собственно, всё, что Гарри успел придумать. А вот какое именно? Нельзя сказать «шахматы» — слизеринцы не поймут, если Драко на такое согласится. Но и «армрестлинг» тоже не подходит: мистер Гойл раздавит его как букашку...

— Как вам такое, — громко начал Гарри. — Мы с Грегори Гойлом становимся на отдалении друг от друга и больше не двигаемся с места. Никому другому к нам подходить тоже нельзя. Пользоваться волшебными палочками запрещено. И если я сумею завладеть напоминалкой Невилла, Грегори Гойл откажется от напоминалки, которую держит в руке, и передаст её мне.

Стало тихо, облегчение на лицах учеников сменялось недоумением.

— Гарри Поттер! — громко сказал Драко. — Я хотел бы посмотреть, как ты это провернёшь! Мистер Гойл согласен!

— Так приступим! — провозгласил Гарри.

— Поттер, ты чего задумал? — прошептал Драко, причём сделал это не шевеля губами.

Гарри так не умел и поэтому промолчал.

Ученики вокруг убрали палочки, а сконфуженный мистер Гойл медленно опустился на землю. Несколько пуффендуйцев рванулись было к нему, но Гарри отчаянно-умоляющим взглядом остановил их.

Гарри двинулся к мистеру Гойлу и остановился в нескольких шагах от него, достаточно далеко, чтобы они не могли дотянуться друг до друга.

Гарри медленно убрал палочку.

Остальные попятились.

Гарри сглотнул. Он знал в общих чертах, что именно он хотел сделать, но всё должно было произойти таким образом, чтобы никто не понял, что он сделал...

— Ладно, — громко сказал Гарри, — а теперь...

Он сделал глубокий вдох и, подняв руку, сложил пальцы для щелчка. Те, кто были в курсе истории с пирогами, то есть практически все, ахнули.

— Именем безумия Хогвартса! Славно-славно, трам-бабам, плюх-плюх-плюх! — и Гарри щёлкнул пальцами.

Многие дёрнулись, пытаясь уклониться.

И ничего не произошло.

Гарри позволил тишине длиться, ожидая...

— Эм, — сказал кто-то, — и чего?

Гарри повернулся к самому нетерпеливому:

— Посмотри перед собой. Видишь участок земли, на котором нет травы?

— Ну да, — ответил мальчик, гриффиндорец (Дин-как-его-там).

— Копай.

Все присутствующие непонимающе посмотрели на Гарри.

— Э-э, зачем? — спросил Дин-как-его-там.

— Просто копай, — нетерпеливо сказал Терри Бут, — поверь, смысла спрашивать нет.

Дин-как-его-там опустился на колени и принялся разгребать землю.

Через минуту гриффиндорец встал.

— Тут ничего нет, — сказал он.

Гм. Гарри планировал вернуться в прошлое и закопать в этом месте карту, которая бы вела к другой карте, которая бы вела к на-

поминалке Невилла, которую он спрятал бы, получив её сейчас у мистера Гойла...

Вдруг до Гарри дошло, что есть и другой вариант, с которым скрыть использование Маховика времени будет легче.

— Спасибо, Дин! — громко сказал Гарри. — Эрни, осмотри место, куда упал Невилл, может, ты найдёшь его напоминалку там?

Вид у окружающих сделался ещё более озадаченным.

— Просто сделай это, — сказал Терри Бут, — он будет проговаривать, пока что-то не получится, и самое страшное, что...

— Мерлин! — выдохнул Эрни. Он держал в руке напоминалку Невилла. — Вот же она! Была там, где он упал!

— Что? — возопил мистер Гойл. Он посмотрел вниз и увидел...
...что всё ещё держит напоминалку Невилла.

Повисло неловкое молчание.

— Э-э, — сказал Дин-как-его-там, — это же невозможно, да?

— Это дырка в сценарии, — ответил Гарри. — Я сделал себя настолько странным, что вселенная на секунду отвлеклась и забыла, что Гойл уже держит напоминалку.

— Нет, подожди, я имел в виду, что это совершенно невозможно...

— Извини, но разве мы не собираемся ЛЕТАТЬ на МЁТЛАХ? То-то же. В любом случае, заполучив напоминалку Невилла, я выиграю в состязании, и Грегори Гойл должен будет отказаться от напоминалки, которую он держит в руке, и отдать её мне. Таковы были условия, помнишь? — Гарри протянул руку к Эрни. — Мы условились, что подходить к нам нельзя, так что просто подкати её ко мне, ладно?

— погоди! — крикнул слизеринец Блейз Забини, Гарри вряд ли когда-нибудь забудет его имя. — Откуда нам знать, что эта напоминалка принадлежит Невиллу? Ты мог просто бросить туда совсем другую напоминалку...

— Силу Слизерина вижу в нём я*, — сказал Гарри, улыбаясь. — Даю слово, что та, которую держит Эрни, принадлежит Невиллу. Ничего не скажу про ту, что у Грегори Гойла.

Забини повернулся к Драко:

— Малфой! Ты же не позволишь ему вот так...

— Слышь, ты, заткнись, — прогремел мистер Крэбб, стоявший за спиной Драко. — Твои советы мистеру Малфою не нужны!

Очень хороший приспешник.

— Я держал пари с Драко из Благородного и Древнейшего Дома Малфоев, — сказал Гарри, — а не с тобой, Забини. И, думаю, я выполнил свою часть уговора, но судить об этом мистеру Малфою.

Гарри повернул голову в сторону Драко и слегка приподнял брови. Сказанного вроде достаточно, чтобы тот мог сохранить лицо.

Повисло молчание.

— Ты клянёшься, что это на самом деле напоминалка Невилла? — спросил Драко.

— Да, — ответил Гарри, — и я собираюсь вернуть её Невиллу. А та, которую держит Грегори Гойл, отойдёт мне.

Драко кивнул, будто принимая решение:

— Я не буду ставить под вопрос слово, данное представителем благородного Дома Поттеров, несмотря на всю странность произошедшего. Благородный и Древнейший Дом Малфоев также не нарушает своих клятв. Мистер Гойл, отдай это мистеру Поттеру...

— Эй! — воскликнул Забини. — Он ещё не выиграл, он же ещё не держит в ру...

— Лови, Гарри! — крикнул Эрни и бросил напоминалку.

Гарри с лёгкостью поймал её — у него всегда были хорошие рефлексy.

— Ну вот, — сказал Гарри, — я победил...

И вдруг осёкся. Все разговоры оборвались.

Напоминалка в его руке засветилась ярко-красным светом, словно крохотное солнце, что бросает тени в разгар дня.

* * *

Четверг. 17:09, если быть точным.

Кабинет профессора МакГонагалл, после урока полётов. (Плюс дополнительный час, добавленный Гарри.)

МакГонагалл сидела на своём месте, а Гарри ужом вертелся на табурете.

— Профессор, — убеждал её Гарри, — слизеринцы направили палочки на пуффендуйцев, гриффиндорцы на слизеринцев, один идиот призывал когтевранцев к тому же. У меня было где-то пять секунд, чтобы предотвратить взрыв! Это всё, что я успел придумать!

Лицо профессора МакГонагалл было измученным и сердитым.

— Вам нельзя использовать Маховик времени в таких случаях, мистер Поттер! Понятие секретности недоступно вашему пониманию?

— Но ведь никто не знает, как я это сделал! Все убеждены, что я могу, щёлкнув пальцами, натворить кучу всякой всячины! Я уже натворил много такого, что даже Маховиком времени не объяснить, и намерен продолжать в том же духе. Так что этот случай скоро

затеряется среди остальных, и его никто даже не вспомнит! У меня не было выбора!

— Ничего подобного! — резко возразила МакГонагалл. — Было достаточно заставить этого «анонимного слизеринца» приземлиться, а остальных — убрать палочки! Можно было предложить ему сыграть в Подрывного дурака, но нет, вам приспичило покрасоваться и использовать Маховик времени столь вопиюще нецелесообразным образом!

— Да мне в голову больше ничего не пришло! Я даже не знаю, как в Подрывного дурака играть, на игру в шахматы они бы не согласились, и у меня не было шансов победить в армрестлинге!

— Значит, надо было выбрать армрестлинг!

— Но тогда бы я проиграл!... — Гарри моргнул и осёкся.

У профессора МакГонагалл был крайне разъярённый вид.

— Извините меня, профессор МакГонагалл, — робко сказал Гарри. — Я, честное слово, просто не подумал. Вы правы, так и надо было сделать, и это было бы гениально, но я просто совсем об этом не подумал...

Гарри замолчал. Внезапно до него дошло, что вариантов было предостаточно. Можно было попросить Драко выбрать игру, можно было предоставить выбор толпе... Он и вправду зря вплёл в это дело Маховик времени. Возможностей было море, так почему же он выбрал именно эту?

Потому что увидел способ выиграть. Отвоевать безделушку, которую учителя всё равно бы отобрали у мистера Гойла. Стремление победить. Вот виновник его ошибки.

— Извините меня, — повторил Гарри, — за гордыню и глупость.

Профессор МакГонагалл вытерла рукой лоб. Гнев её поутих. Но в голосе всё равно была сталь.

— Ещё одно такое представление, мистер Поттер, и останетесь без Маховика времени. Я ясно выражаюсь?

— Да, — сказал Гарри. — Я понимаю и приношу свои извинения.

— В таком случае можете пока оставить его у себя. И, поскольку вы всё-таки предотвратили крайне неприятное развитие событий, я также воздержусь от снятия баллов.

Кроме того, вам сложно было бы объяснить, за что они сняты. Но Гарри был не настолько глуп, чтобы озвучить эту мысль.

— Мне вот что интересно: почему так отреагировала напоминалка? — спросил Гарри. — Значит ли это, что мне стирали память?

— Не могу сказать точно, — медленно произнесла профессор МакГонагалл. — Будь всё так просто, в суде постоянно использовали

бы напоминалки. Я попробую разузнать, мистер Поттер. — Она вздохнула. — Вы свободны, можете идти.

Гарри начал вставать со стула, но замер на полпути.

— Эм-м, извините, но я вам хотел ещё кое-что сообщить...

Она едва заметно вздрогнула:

— Что на этот раз, мистер Поттер?

— Это касается профессора Квиррелла...

— Уверена, это сущие пустяки, — поспешно перебила МакГонагалл. — Разве вы не помните, что сказал директор? Не надо без повода беспокоить нас насчёт профессора Защиты.

— Но вдруг это важно? Вчера у меня внезапно появилось чувство тревоги, когда...

— Мистер Поттер! У меня тоже появилось чувство тревоги! И оно мне подсказывает, что вам не следует заканчивать ваше предложение!

У Гарри отвисла челюсть. В кои-то веки профессору МакГонагалл удалось лишиться Гарри дара речи.

— Мистер Поттер, — продолжила она, — если вы обнаружили какую-то странность в профессоре Квиррелле, я вам разрешаю никому об этом не докладывать. Мне кажется, вы уже достаточно отняли у меня времени, так что...

— Я вас не узнаю! — взорвался Гарри. — Извините, но это просто невероятно безответственно с вашей стороны! Я слышал, что на должности учителя по Защите лежит какое-то проклятие, и если вам известно, что с ним что-то не так, не лучше ли держать ухо востро?..

— Что-то НЕ ТАК, мистер Поттер? Весьма надеюсь, что вы ошибаетесь. — Лицо МакГонагалл ничего не выражало. — После того как в феврале прошлого года профессора Блэйк застукали в кладовке с, ни много ни мало, тремя пятикурсниками из Слизерина, а за год до этого профессор Саммерс столь плохо понимала собственный предмет, что её ученики считали богарта некой разновидностью мебели*, будет настоящей катастрофой, если сейчас обнаружится какая-нибудь неприятность и у весьма компетентного профессора Квиррелла. Боюсь, большинство наших учеников провалит С.О.В. и Т.Р.И.Т.О.Н.

— Ясно, — протянул Гарри. — Другими словами, что бы ни было не так с профессором Квирреллом, вы очень не хотите об этом знать до конца учебного года. А так как на дворе сентябрь, он может на телевидении в прямом эфире убить премьер-министра, и это ему сойдёт с рук.

Профессор МакГонагалл смотрела не него, не моргая:

— Мистер Поттер, вам прекрасно известно, что я бы никогда не одобрила подобное. В Хогвартсе мы боремся со всем, что может помешать образовательному процессу наших учеников.

Например, с первокурсниками из Когтеврана, которые не умеют держать рот на замке.

— Мне всё ясно, профессор МакГонагалл.

— О, вот в этом я очень сильно сомневаюсь. — Профессор МакГонагалл подалась вперёд, снова нахмурившись. — Так как мы уже обсуждали и более деликатные темы, скажу прямо. Вы и только вы доложили мне об этом непонятном предчувствии. Вы и только вы притягиваете хаос в невиданных масштабах. После нашей прогулки по Косому переулку, случая с Распределяющей шляпой и сегодняшнего происшествия мне ясно видится, как в кабинете директора я буду выслушивать некую невероятную историю про профессора Квиррелла, в которой вы и только вы сыграли ключевую роль, и у нас не останется другого выбора, кроме как уволить его. Я уже смирилась с этим, мистер Поттер. И если это случится раньше майских ид, я подвешу вас за собственные кишки сушиться на воротах Хогвартса, предварительно напичкав через нос огненными жуками. Теперь вам всё ясно?

Гарри кивнул, широко распахнув глаза, но секунду спустя поинтересовался:

— А что мне будет, если это произойдёт в последний день учебного года?

— Вон из моего кабинета!

* * *

Четверг. Какой-то особый день недели в Хогвартсе.

Четверг, 17:32. Гарри стоял рядом с профессором Флитвиком перед большой каменной горгульей, которая охраняла вход в кабинет директора.

Стоило ему вернуться от профессора МакГонагалл в учебные комнаты Когтеврана, как один из учеников передал, что Гарри велено явиться к профессору Флитвику, а там выяснилось, что с ним желает поговорить сам Дамблдор.

Мальчик обеспокоенно поинтересовался у Флитвика, что хочет обсудить директор.

Тот лишь беспомощно пожал плечами: Дамблдор мимоходом упомянул, что Гарри слишком юн, чтобы использовать слова силы и безумия.

*Славно-славно, трам-бабам, плюх-плюх-плюх!*² — подумал Гарри, но вслух сказать не решился.

— Не волнуйтесь, мистер Поттер, — пропищал Флитвик. (Спасибо огромной пышной бороде профессора Флитвика — если бы не она, воспринимать его как учителя было бы намного труднее, при его-то низком росте и тоненьком голосе.) — Директор Дамблдор может показаться немного странным, или даже очень странным, или до безумия странным, но он никогда не причинил ни малейшего вреда ни одному ученику, и я не верю, что когда-нибудь причинит. — Профессор Флитвик искренне улыбнулся. — Напоминайте себе об этом, и вы не поддадитесь панике!

Гарри слышал и более ободряющие речи.

— Удачи, — пропищал профессор, после чего наклонился к горгулье и что-то сказал — почему-то Гарри не расслышал, что именно. (Конечно, от пароля мало проку, если его можно подслушать.) И каменная горгулья отошла в сторону таким естественным и обычным движением, продолжая при этом выглядеть как сплошной твёрдый камень, что Гарри это даже потрясло. Позади горгульи медленно вращалась спиральная лестница. В её движении было что-то завораживающее, и это сбивало с толку. К тому же вращающаяся спираль не должна никого поднимать, и это тоже смущало*.

— Идите! — пропищал Флитвик.

Мальчик нервно шагнул на спиральную лестницу и обнаружил, что каким-то непостижимым для него образом поднимается вверх.

Горгулья у него за спиной вернулась на место, а спиральная лестница всё вращалась и Гарри поднимался всё выше и выше. Когда этот головокружительный подъём закончился, Гарри обнаружил, что стоит перед дубовой дверью с медной колотушкой в форме грифона.

Гарри приблизился к двери и повернул ручку.

Дверь отворилась.

Ещё никогда в жизни он не бывал в настолько интересной комнате.

Маленькие металлические устройства вращались, тикали, медленно трансформировались и выпускали маленькие облачка дыма. Дюжины загадочных жидкостей в дюжинах ёмкостей странного вида булькали, кипели, норовя выплеснуться, меняли цвет и принимали занятные формы, которые менялись прямо на глазах. Предметы, похожие на часы со множеством стрелок, испещрённые цифрами и надписями на неизвестных языках. Браслет с линзообразным кристаллом, который переливался тысячью красок, и птица на золотой подставке, и деревянная чаша, наполненная чем-то похожим на кровь, и статуэтка

сокола, покрытая чёрной эмалью*. Стены были увешаны портретами спящих людей, а на вешалке покоилась Распределяющая шляпа в компании двух зонтиков и трёх красных тапочек на левую ногу.

В центре всего этого хаоса стоял пустой чёрный дубовый стол. Перед ним была дубовая же табуретка, а за ним, на кресле, похожем на обитый бархатом трон, располагался Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор, украшенный длинной серебряной бородой, шляпой-мухомором и трёхслойной розовой пижамой (во всяком случае, только так можно было назвать эту одежду с магловской точки зрения).

Дамблдор улыбался, его светлые глаза безумно мерцали.

С некоторым трепетом Гарри уселся на табуретку. Дверь в комнату закрылась с громким щелчком.

— Здравствуй, Гарри, — сказал Дамблдор.

— Здравствуйте, директор, — ответил Гарри. Вот так сразу по имени? Может, он ещё попросит и его...

— Ну что ты, Гарри! — сказал Дамблдор. — «Директор» звучит слишком официально. Зови меня Док.

— Не вопрос, Док.

Короткая пауза.

— А ты знаешь, — спросил Дамблдор, — что ты первый, кто решился и впрямь ко мне так обратиться?

— Ой, — Гарри старался говорить ровно, несмотря на то что душа грозилась уйти в пятки, — извините, директор, вы сами предложили, вот я и...

— Док так Док! — добродушно сказал Дамблдор. — Не волнуйся, я не выброшу тебя в окно за первый же промах. Сначала я буду многократно тебя предупреждать! К тому же не важно, как к тебе обращаются — важно, что о тебе думают.

Он ни разу не причинил вреда ученику, просто помни об этом и ты не запаникуешь.

Дамблдор поставил на стол маленькую металлическую шкатулку и открыл крышку. Внутри были маленькие жёлтые комочки.

— Лимонную дольку? — предложил директор.

— Эм-м, нет, спасибо, Док, — сказал Гарри. *Считается ли подсовывание ученику ЛСД причинением вреда или это относится к категории безобидных шуток?* — Вы, эм, вроде упоминали о том, что я слишком юн, чтобы использовать слова силы и безумия?

— Ну конечно! — сказал Дамблдор. — К счастью, Слова Силы и Безумия были утрачены семь веков назад и никто понятия не имеет, где их искать. Это была просто маленькая ремарка.

Рот Гарри непроизвольно распахнулся.

— Тогда почему вы послали за мной?

— Почему? — повторил эхом Дамблдор. — Ах, Гарри, если бы я целыми днями задавался вопросом, почему я делаю так или иначе, у меня не хватало бы времени на то, чтобы сделать хоть что-то! Я, знаешь ли, очень занятой человек.

Гарри с улыбкой кивнул:

— О да, я впечатлён. Директор Хогвартса, верховный чародей Визенгамота и председатель Международной Конфедерации Магов. Извиняюсь за вопрос, но можно ли получить больше шести дополнительных часов, если использовать несколько Маховиков времени? Если вы справляетесь со всем этим всего за тридцать часов в день, то я снимаю шляпу.

Снова воцарилась тишина. Гарри продолжал улыбаться. Он сам испугался свой дерзости, но когда стало очевидно, что Дамблдор специально пудрит ему мозги, что-то внутри воспротивилось и откалось просто так всё это сносить.

— Боюсь, Время не любит, когда его растягивают слишком сильно, — прервал молчание Дамблдор, — похоже, оно и так считает людей слишком широкими — вот почему нам часто бывает трудно в него уложиться.

— Воистину, — с могильной серьёзностью сказал Гарри. — Так что нам лучше не тратить времени попусту.

На секунду ему показалось, что он перегнул палку.

Дамблдор хохотнул.

— Ну что ж, тогда сразу перейдём к делу. — Директор наклонился вперёд, накрывая стол тенью шляпы-гриба и подметая поверхность стола бородой. — Гарри, в понедельник ты совершил нечто невозможное даже при помощи Маховика времени. Точнее, при помощи только лишь Маховика времени. И мне стало интересно: откуда же взялись те два пирога?

Адреналин хлынул в кровь Гарри. Он ведь использовал Мантию Невидимости, которую ему подарили в коробке с письмом, где помимо прочего было сказано: *Если Дамблдор увидит возможность завладеть одним из Даров Смерти, он её ни за что не упустит...*

— Сразу понятно, — продолжал Дамблдор, — что, так как ни один первокурсник не способен наколдовать такое самостоятельно, в том коридоре присутствовал кто-то ещё, невидимый. А вот невидимка как раз и мог бросать пироги, оставаясь незамеченным.

Можно также предположить, что, раз у тебя есть Маховик времени, этим невидимкой был ты сам. А поскольку заклинание Разнаваждения далеко за гранью твоих текущих способностей, значит у тебя есть мантия-невидимка. — Дамблдор заговорщицки улыбнулся. — Я пока на верном пути, Гарри?

Мальчик замер. Было ощущение, что соврать — не самое мудрое решение. Но ему никак не приходил в голову подходящий ответ.

Дамблдор дружелюбно махнул рукой:

— Не переживай, Гарри, ты не нарушил школьные правила. Полагаю, мантии-невидимки слишком редки, чтобы кто-то додумался их официально запретить. Но меня интересует совсем другое.

— А? — Гарри старался, чтобы голос не выдал обуревавших его чувств.

Глаза Дамблдора загорелись:

— Видишь ли, Гарри, пережив несколько приключений, начинаешь кое-что понимать. Начинаешь видеть истинное устройство мира, чувствовать его ритм. Начинаешь прозревать финал ещё в середине пьесы. Ты — Мальчик-Который-Выжил, и мантия-невидимка каким-то образом попала к тебе в руки спустя лишь четыре дня после того, как ты начал знакомиться с волшебным миром. Такую вещь нельзя приобрести в Косом переулке. Но есть лишь одна мантия, которая сама тянется к предначертанному судьбой хозяину. Поэтому я не мог не задаться вопросом, а не нашёл ли ты каким-то странным образом не просто мантию-невидимку, а один из Даров Смерти — Мантию Невидимости, которая скрывает своего владельца даже от взора Смерти, — взгляд Дамблдора был полон энтузиазма. — Могу я взглянуть на неё, Гарри?

Мальчик сглотнул. В переполнявшем его сейчас адреналине не было никакого проку — перед ним самый могущественный волшебник в мире, у Гарри нет шансов выбраться из кабинета, а если ему это и удастся, то в Хогвартсе нет места, где он сможет от него спрятаться. И сейчас он наверняка потеряет Мантию, которая передавалась в семье Поттеров чёрт знает сколько поколений...

Дамблдор откинулся на спинку кресла. Взгляд его померк. В глазах появились удивление и печаль.

— Гарри, если не хочешь, можешь сказать «нет».

— Правда? — прохрипел Гарри.

— Да, — в голосе Дамблдора звучали грусть и беспокойство. — Ты, кажется, боишься меня. Могу спросить, чем я заслужил твоё недоверие?

Гарри слотнул:

— Есть какая-нибудь магическая клятва? Чтобы вы поклялись, что никогда не заберёте у меня мантию.

Дамблдор медленно покачал головой:

— Нерушимый обет не используют по пустякам. К тому же ты не знаком с этим заклинанием, так что я мог бы тебя обмануть. И, видишь ли, мне не нужно твоё разрешение. Я достаточно силён, чтобы взять мантию, не важно, в кошеле-скрытне она или нет. — Дамблдор выглядел очень серьёзным. — Но я этого не сделаю. Она твоя, Гарри. И я её не заберу. Даже для того, чтобы взглянуть на неё одним глазком. Если только ты сам мне не позволишь. Это обещание и клятва. Если мне нужно будет запретить тебе её использовать в школе, я попрошу положить её в твоё хранилище в Гринготтсе.

— А-а-а, — протянул Гарри, пытаясь сдержать поток адреналина и вернуть мысли в рациональное русло. Он снял кошель-скрытень с ремня. — Если вам правда не нужно моё разрешение... тогда держите.

Гарри протянул кошель Дамблдору и сильно прикусил губу — тот самый сигнал, который предупредит его, если ему сотрут память.

Старый волшебник залез в кошель и, не произнеся ни слова, вытащил Мантию Невидимости.

— Ах, — вздохнул Дамблдор. — Я был прав... — Чёрная мерцающая бархатистая ткань словно струилась сквозь его пальцы. — Прошло много веков, а она всё так же идеальна, как и в день своего создания. С годами мы растеряли мастерство, я бы уже не смог создать что-то такое, да и никто бы не смог. Я чувствую её силу, она эхом отдаётся в моей голове, словно песня, которая будет звучать вечно, даже когда слушать уже будет некому...

Волшебник поднял глаза.

— Не продавай её, — сказал он, — и никому не отдавай. Дважды подумай, прежде чем сказать о ней кому-нибудь, и поразмысли трижды, прежде чем ты признаешь, что это Дар Смерти. Относись к ней с уважением, ибо это и впрямь Вещь силы.

По лицу Дамблдора скользнула тень сожаления...

...а потом он отдал Мантию Гарри.

Гарри положил её обратно в кошель.

Лицо Дамблдора вновь стало серьёзным:

— Могу ли я спросить ещё раз, Гарри, как вышло, что ты так сильно мне не доверяешь?

Гарри внезапно стало стыдно.

— Вместе с мантией была записка, — тихо сказал Гарри, — в которой говорилось, что вы заберёте у меня мантию, если узнаете о ней. Я не знаю, кто написал записку, честное слово, не знаю.

— Я... понимаю, — медленно сказал Дамблдор. — Что же, Гарри, я не буду ставить под сомнение мотивы того, кто оставил тебе эту записку. Кто знает, может, этот кто-то действовал из лучших побуждений. В конце концов, он дал тебе Мантию.

Гарри кивнул. Милосердие Дамблдора произвело на него впечатление, и он устыдился разительному контрасту собственного поведения в сравнении с директорским.

Старый волшебник продолжил:

— Но, думаю, мы с тобой фигуры одного цвета. Мальчик, который победил Волдеморта, и старик, который сдерживал его до твоего прихода. Не буду ставить в упрёк твою осторожность, ведь все мы по мере сил стараемся быть предусмотрительными. Попрошу лишь подумать дважды и поразмыслить трижды, когда в следующий раз кто-то скажет тебе не доверять мне.

— Извините меня, — сказал Гарри. Из-за доброты Дамблдора Гарри стало ещё хуже. Он почувствовал себя полным ничтожеством: обругал, считай, местного Гэндальфа! — Я зря вам не доверял.

— Увы, Гарри, в этом мире... — старый волшебник покачал головой, — не могу даже сказать, что ты повёл себя неразумно. Ты не был со мной знаком. И, честно говоря, в Хогвартсе есть люди, в отношении которых твоё недоверие будет оправдано. Даже если кажется, что они твои друзья.

Гарри сглотнул. Это прозвучало довольно зловеще.

— Например?

Дамблдор встал с кресла и начал исследовать один из своих инструментов — часы с восемью стрелками разной длины.

Несколько секунд спустя старый волшебник вновь заговорил:

— Он, вероятно, кажется тебе весьма обаятельным. Вежливым — во всяком случае по отношению к тебе. Обходительным. Возможно, даже восхищённым. Всегда готовым протянуть руку помощи, сделать услугу, дать совет...

— Ах, вы о Драко Малфое! — сказал Гарри с облегчением. Он опасался, что директор заговорит про Гермиону. — Нет-нет-нет, вы всё неправильно поняли. Это не он перетягивает меня на свою сторону. Это я перетягиваю его.

— Что-что ты делаешь?

— Я намерен перетянуть Драко Малфоя с Тёмной стороны, — пояснил Гарри. — Ну, сделать из него хорошего парня.

Дамблдор выпрямился и повернулся к Гарри. На его лице было крайне огорошенное выражение, что в сочетании с серебряной бородой выглядело очень забавно.

— Ты уверен, — произнёс старый волшебник несколько секунд спустя, — что его вообще можно исправить? Я боюсь, что когда ты видишь в нём что-то хорошее, ты выдаёшь желаемое за действительное. Или это вообще лишь приманка, капкан для...

— Э, весьма маловероятно, — махнул рукой Гарри. — Если он пытается изображать из себя хорошего парня, у него это не очень-то получается. Дело не в том, что Драко пришёл ко мне и очаровал, из-за чего я увидел в нём скрытую глубоко внутри доброту. Я решил спасти именно его, потому что он наследник дома Малфоев и это очевидный выбор, если приходится ограничиться кем-то одним.

У Дамблдора дёрнулся левый глаз.

— Ты намерен посеять семена любви и доброты в сердце Драко Малфоя только потому, что видишь в наследнике Малфоев ценного для тебя союзника?

— Не только для меня! — возмутился Гарри. — Для всей магической Британии, если это сработает! А ещё у него самого будет более счастливая и здоровая жизнь. Послушайте, я же не могу всех перетянуть с Тёмной стороны, поэтому пришлось спросить себя: в каком случае Свет выиграет больше всего?..

Дамблдор расхохотался. Такого воющего смеха Гарри от него никак не ожидал. Это был вовсе не величественный смех древнего и могущественного волшебника, не глубокие, гулкие смешки: Дамблдор, чуть не задыхаясь, хохотал во всё горло и не мог остановиться. Гарри однажды в буквальном смысле свалился со стула от смеха, когда смотрел фильм «Утиный суп» братьев Маркс*, — вот как сейчас смеялся Дамблдор.

— Не так уж и смешно, — сказал Гарри чуть позже. Он опять начал сомневаться во вменяемости Дамблдора.

Директор с видимым усилием взял себя в руки.

— Ах, Гарри, один из симптомов болезни под названием «мудрость» — начинаешь смеяться над тем, что никто другой смешным не находит, потому что чем мудрее становишься, тем лучше разбираешься в шутках! — Дамблдор вытер слёзы. — Нередко зло пожрётся злом, что верно то верно.

Гарри почти сразу узнал знакомые слова:

— Эй, это же цитата из Толкина! Это говорит Гэндальф!

— Вообще-то Теоден, — поправил его Дамблдор.

— Вы что, маглорождённый? — изумился Гарри.

— Увы, нет, — снова улынулся Дамблдор. — Я родился за семьдесят лет до того, как эту книгу напечатали, мой юный друг. Но моим маглорождённым ученикам нередко приходит в голову одна и та же мысль, так что у меня набралось уже около двадцати экземпляров «Властелина колец» и целых три полных собрания сочинений Толкина. И всеми ими я очень дорожу. — Дамблдор вытянул волшебную палочку, поднял её перед собой и принял позу. — «Ты не пройдёшь!» Ну как, похоже?»

— Э-э, — Гарри был близок к полной ментальной перегрузке, — мне кажется, вам Балрога не хватает.

Да и розовая пижама со шляпой-мухомором тоже не вписывались в образ.

— Понятно, — вздохнул Дамблдор и угрюмо заткнул палочку за ремень. — Увы, в последнее время в моей жизни крайний дефицит Балрогов. Нынче приходится всё время проводить на скучных совещаниях Визенгамота, где я всеми правдами и неправдами препятствую его работе, и на званных обедах, где зарубежные политики соревнуются за звание самого непроходимого глупца. А ещё я притворяюсь таинственным, знаю то, что узнать никак не мог, делаю загадочные заявления, которые можно понять только много позже, задним числом — в общем, развлекаюсь так, как это принято среди могущественных волшебников, когда они перестают быть героями. Кстати о героях. Гарри, я хочу передать тебе кое-что, принадлежавшее твоему отцу.

— Правда? — захлопал глазами Гарри. — Кто бы мог предположить?

— Да, это и впрямь немного предсказуемо, не так ли? — сказал Дамблдор, а потом посерьёзnel. — И тем не менее...

Вернувшись за стол, Дамблдор вытянул один из выдвижных ящиков, залез в него обеими руками и, крикнув, достал большой и тяжёлый на вид объект, который затем с гулким стуком опустил на дубовую столешницу.

— Это, — объявил Дамблдор, — камень твоего отца.

Гарри с удивлением его рассмотрел. Светло-серый, выгоревший, с неровными острыми краями камень — словом, булыжник как булыжник. Дамблдор положил его самой широкой стороной вниз, но камень всё равно встал неровно и закачался.

Гарри поднял взгляд.

— Это что, шутка?

— Нет, — с серьезнейшим видом директор покачал головой. — Я забрал его из развалин дома Джеймса и Лили в Годриковой Лошине, когда нашёл там тебя, и с тех пор хранил, чтобы однажды вернуть.

В совокупности гипотез, из которых Гарри формировал модель мира, гипотеза сумасшествия Дамблдора стремительно набирала вес. Но вероятность альтернативных гипотез была всё ещё довольно высока...

— Это, кхм, волшебный камень?

— Если и так, то мне об этом неизвестно, — сказал Дамблдор. — Но я прошу тебя со всей возможной строгостью отнестись к моему совету: всегда держи его при себе.

Ладно. Скорее всего, Дамблдор сумасшедший, но если нет... будет весьма стыдно попасть в переплёт из-за того, что пропустил мимо ушей малопонятное наставление загадочного старого волшебника. Это наверняка где-то на четвёртом месте в рейтинге самых очевидных просчётов.

Гарри приблизился к камню и начал ощупывать его руками в поисках места, за которое можно схватиться, не поранившись.

— Ну, спрячу его тогда в кошель.

— Возможно, это слишком далеко, — нахмурился Дамблдор. — Что, если твой кошель-скрытень потеряется или его украдут?

— Мне что же, везде с собой таскать этот булыжник?

— Это может оказаться мудрым решением, — с серьёзным лицом сказал Дамблдор.

— Э-э, — протянул Гарри. Камень выглядел неподъёмным. — Мне кажется, другие ученики меня не поймут.

— Скажи им, что это я приказал, — великодушно разрешил Дамблдор. — Никто не удивится. Видишь ли, все думают, что я сумасшедший. — Лицо у Дамблдора было всё таким же серьёзным.

— Честно говоря, если вы приказываете ученикам носить повсюду большие камни, я могу их понять.

— Ах, Гарри, — Дамблдор обвёл рукой все загадочные устройства в комнате, — в молодости кажется, что знаешь всё на свете, и когда чему-то не видишь объяснения, думаешь, что его просто нет. Но с возрастом приходит понимание, что вся вселенная действует согласно некоему ритму, некоторым закономерностям, даже если мы их не знаем. То, что кажется безумием мира, — есть наше невежество.

— Реальность подчинена законам, — согласился Гарри, — даже если законы эти нам не известны.

— Именно, Гарри, — просиял Дамблдор. — Понимание этого — а я вижу, что ты в самом деле понимаешь — и есть источник мудрости.

— Тогда... почему же мне нужно таскать этот камень?

— Вообще-то я не вижу для этого причин, — сказал Дамблдор.

— ...Не видите.

Дамблдор кивнул:

— Но только то, что я этих причин не вижу, не означает, что их нет.

Некоторое время был слышен только тихий перестук механизмов.

— Ладно, — сказал Гарри, — не уверен, что мне стоит об этом говорить, но это просто-напросто неверный способ противостоять тому обстоятельству, что мы не знаем, как устроена вселенная.

— Неверный? — переспросил старый волшебник с удивлением и разочарованием.

Гарри чувствовал, что его доводы не убедят чокнутого старика, но всё равно продолжил:

— Да, неверный. Не знаю, как называется эта ошибка — даже не уверен, что у неё есть официальное название, — но если бы поименовать её довелось мне, я бы назвал её «ошибкой приоритизации гипотез». Как бы подступнее объяснить?.. Ну... представьте себе, что у вас миллион коробков, и только в одном из них алмаз. И у вас целый ящик детекторов алмазов, каждый из которых всегда срабатывает в присутствии алмаза, но к тому же срабатывает и на половине пустых коробков. Если использовать двадцать детекторов, то в конце концов останется, в среднем, один истинный и один ложный кандидат. И после этого достаточно использовать один-два последних детектора, чтобы определить настоящее местоположение алмаза. Смысл этой метафоры в том, что, когда перед вами множество гипотез, большая часть времени уходит на поиск самых правдоподобных. А уж выбрать из них одну намного проще. Так что сразу начать рассматривать некую гипотезу, не имея в её пользу никаких свидетельств, значит пропустить основной этап работы. Как если живёшь в городе с миллионом человек, в котором произошло убийство, и детектив говорит: «У нас нет никаких улик, так что давайте рассмотрим вероятность того, что убийца Мортимер Сноудграсс»*.

— А это он? — спросил Дамблдор.

— Нет, — сказал Гарри. — Но позже обнаружится, что у убийцы тёмные волосы, а поскольку у Мортимера тоже тёмные волосы, все начнут говорить: «Ах, похоже, это и впрямь Мортимер». Будет нечестно

по отношению к Мортимеру, если полиция станет его подозревать безо всяких оснований. Когда гипотез много, почти все силы уходят на то, чтобы понять, где именно искать настоящий ответ и с чего начать поиски. Здесь можно обойтись без строгих доказательств, без настоящих свидетельств, которые необходимы учёным и судьям, но нужна хоть какая-нибудь зацепка, указание, чтобы склониться в пользу какой-то одной гипотезы, а не к миллиону других. Ведь нельзя просто взять и угадать ответ. Нельзя угадать даже вероятный ответ, достойный обдумывания, просто с бухты-барахты. Существует миллион вещей, которые я могу сделать вместо того, чтобы носить с собой камень моего отца. То, что я не всеведущ, не означает, что я не понимаю, как бороться со своим невежеством. Законы рассмотрения вероятностей не менее тверды, чем законы обычной логики, и то, что вы только что сделали, им противоречит. — Гарри замолчал. — Если, конечно, у вас нет какой-нибудь зацепки, о которой вы предпочли умолчать.

— Хм, — задумчиво постукивая пальцем по щеке, сказал Дамблдор. — Аргумент, бесспорно, интересный, но разве твоя метафора не начинает хромать, когда ты принимаешься сравнивать поиск единственного убийцы среди миллиона подозреваемых с выбором одной линии поведения, когда разумных среди них может оказаться предостаточно? Я не говорю, что носить с собой камень твоего отца — самая лучшая линия поведения. Я только говорю, что носить камень лучше, чем не носить.

Дамблдор снова засунул руки в выдвижной ящик и принялся в нём копать.

— Должен заметить, — продолжил Дамблдор, пока Гарри размышлял над его неожиданным возражением, — что среди когтевранцев популярно заблуждение, что все умные дети поступают только к ним, никого не оставляя для других факультетов. Это не так: если ты распределен в Когтевран — это лишь значит, что твои решения определяются жгучим желанием всё знать, что не обязательно указывает на высокий уровень интеллекта. — Дамблдор улыбался, согнувшись над ящиком. — Впрочем, ты мне кажешься довольно умным мальчиком. Ты больше похож на загадочного древнего волшебника в молодости, чем на обычного молодого героя. Возможно, я выбрал неправильный подход при общении с тобой, Гарри, и ты способен постичь то, что немногим дано. Так что я рискну передать тебе другую фамильную ценность.

— Не может быть, — охнул Гарри. — Неужели у моего отца... был ещё один булыжник?

— Прошу простить, — сказал Дамблдор, — но я пока что старше и загадочнее тебя, так что все откровения в этой комнате будут принадлежать мне, покорно благодарю... ох, да где же он! — Дамблдор глубже залез в ящик, а потом ещё глубже, пока его голова, плечи, а затем и весь торс не исчезли из вида, и только ноги всё ещё торчали над столом. Выглядело это так, будто ящик его вот-вот проглотит.

Интересно, мимолётно задумался Гарри, сколько там внутри вещей и как выглядит полный инвентарный список?

Наконец Дамблдор вылез из ящика, держа в руке искомый предмет, который он положил на стол рядом с камнем.

Им оказался потёртый и потрёпанный учебник «Зельеварение: промежуточная ступень» за авторством Либатиуса Бораджа. На обложке была нарисована дымящаяся колба.

— Это, — возвестил Дамблдор, — учебник по зельеварению твоей матери за пятый курс.

— Который мне следует всегда держать при себе, — догадался Гарри.

— В котором сокрыта ужасная тайна! Тайна, раскрытие которой сулит катастрофу, так что я вынужден потребовать от тебя поклясться — всерьёз поклясться, Гарри, что бы ты о ней ни подумал — никогда и никому про неё не рассказывать.

Гарри покосился на учебник по зельеварению его матери за пятый курс, в котором, судя по всему, была сокрыта ужасная тайна. Вот в чём проблема — Гарри подобные клятвы и впрямь уважал. Для определённого сорта людей каждая клятва нерушима.

И...

— Хочется пить, — сказал Гарри, — а это дурной знак.

Дамблдор и не подумал отвлечься на сие загадочное утверждение.

— Клянёшься, Гарри? — Дамблдор внимательно смотрел ему в глаза. — Иначе я не смогу тебе ничего рассказать.

— Да, — решился Гарри. — Клянусь.

Иногда плохо быть когтевранцем, для которого немислимо отказать от такого предложения, ведь иначе он сгорит дотла от любопытства. И всем об этом известно.

— А я в ответ клянусь, — сказал Дамблдор, — что то, о чём я тебе поведаю, — сущая правда.

Дамблдор открыл книгу на случайной, кажется, странице, и Гарри склонился над ней.

— Видишь на полях заметки? — тихим голосом, почти шёпотом спросил Дамблдор.

Гарри присмотрелся. Желтеющие страницы описывали способ изготовления какого-то «зелья орлиной величественности». О многих его ингредиентах Гарри даже не слышал, да и названия были какие-то не английские. На одном из полей было написано: «Интересно, что будет, если сюда подмешать кровь фестрала вместо черники?» А сразу за этой надписью другим почерком: «Будешь несколько недель болеть и, возможно, умрёшь».

— Вижу, — сказал Гарри. — Ну и что?

— Вот этим почерком, — Дамблдор указал на вторую надпись, — написаны заметки твоей матери. А вот эти, — он перевёл палец на первую, — писал я, сделавшись невидимым и тайком пробравшись в её спальню. Лили была уверена, что их пишет один из её друзей, из-за чего у них случались просто грандиозные ссоры.

И именно в этот миг Гарри наконец уверился, что директор Хогвартса и в самом деле сумасшедший.

Дамблдор смотрел на него всё тем же серьёзным взглядом.

— Ты понимаешь, к чему я клоню, Гарри?

— Э-э, — сказал Гарри, растеряв все слова. — Извините, я... не совсем...

— Ну что ж, — вздохнул Дамблдор. — Значит, и твой интеллект не безграничен. Давай притворимся, что я ничего не сказал?

Гарри, растянув губы в неестественной улыбке, поднялся со стула.

— Конечно-конечно, — быстро сказал он. — Знаете, как-то уже поздно, и я проголодался, так что пора мне на обед, правда.

И, не откладывая это дело в долгий ящик, метнулся к двери.

Ручка отказалась поворачиваться.

— Ты меня ранишь прямо в сердце, — произнёс тихий голос Дамблдора из-за спины. — Разве ты не понимаешь, что рассказанное мною — это знак доверия?

Гарри медленно развернулся.

Перед ним был очень могущественный и очень сумасшедший волшебник с длинной серебряной бородой в шляпе-мухоморе и трёхслойной розовой пижаме (во всяком случае, только так можно было назвать эту одежду с магловской точки зрения).

За спиной Гарри была дверь, которая сейчас отказывалась работать.

У Дамблдора был усталый и печальный вид, словно у старого волшебника, который хочет опереться на магический жезл, но не может, по причине его отсутствия.

— Нет, ну правда, — посетовал Дамблдор, — только попробуешь немного разнообразить события, вместо того чтобы следовать

опостылевшему за сто десять лет штампу, и люди начинают от тебя убегать. — Старый волшебник грустно покачал головой. — Не ожидал от тебя такого, Гарри Поттер. Я слышал, что ты и сам среди друзей слывёшь чудаком. Я знаю, что они не правы. Не окажешь ли мне такую же услугу?

— Откройте, пожалуйста, дверь, — сказал Гарри дрожащим голосом. — Если хотите, чтобы я вам когда-нибудь доверился, откройте дверь.

Из-за спины послышался звук отворяющейся двери.

— Я тебе ещё не всё сказал, — сообщил ему Дамблдор, — и если ты уйдёшь сейчас, то кое о чём так и не узнаешь.

Иногда Гарри ненавидел свою когтевранскую сущность.

Он ни разу не причинил вред ученику, — твердил внутренний гриффиндорец Гарри. — Напоминай себе об этом, и ты не поддашься панике. Ты же не убежишь только из-за того, что началось что-то интересное?

Нельзя хлопнуть дверью в лицо директору! — внёс свою лепту внутренний пуффендуец. — А вдруг он начнёт снимать баллы? Он может серьёзно осложнить твою жизнь в школе, если тебя невзлюбят!

Та часть Гарри, которая ему не очень-то нравилась, но которую было непросто заглушить, напоминала о потенциальных преимуществах, которые он обретёт, будучи одним из немногочисленных друзей этого чудаковатого старого волшебника, который тем не менее занимает посты директора Хогвартса, верховного чародея Визенгамота и председателя Международной Конфедерации Магов. И, к сожалению, внутренний слизеринец Гарри намного лучше Драко умел перетягивать на Тёмную сторону, потому что уговаривал фразами вроде «бедняга, похоже, ему необходимо всласть перед кем-то выговориться, правда?», и «не хотелось бы, чтобы столь могущественный человек оказался под влиянием кого-нибудь менее благородного», и «интересно, какие удивительные секреты можно вывести у Дамблдора, если с ним подружиться», и даже «спорим, у него о-о-очень интересная коллекция книг».

Вы собираете психов, сообщил Гарри внутреннему собранию, но все его составные части проголосовали «за», так что оставалось только подчиниться.

Гарри повернулся, сделал шаг к двери, вытянул руку и решительно её захлопнул. Мнимая уступка — если бы Дамблдор захотел, он легко мог бы заставить его остаться, но, возможно, это произведёт на старика благоприятное впечатление.

Повернувшись назад, Гарри обнаружил, что могущественный невменяемый волшебник вновь дружески улыбается. Это, должно быть, хороший знак.

— Пожалуйста, больше так не делайте, — сказал Гарри. — Мне не нравится чувствовать себя словно в мышеловке.

— Приношу свои извинения, — искренне произнёс Дамблдор. — Но было бы весьма недальновидно отпустить тебя без камня твоего отца.

— Ах, ну конечно, — сказал Гарри. — Как я мог предположить, что дверь откроется до того, как все предметы для квеста перекочуют в мой инвентарь.

Дамблдор кивнул, продолжая улыбаться.

Гарри подошёл к столу, перетащил кошель-скрытень по поясу вперёд и, натужившись всеми своими силами одиннадцатилетнего ребёнка, скормил ему треклятый булыжник. Он даже почувствовал, как вес того постепенно уменьшается по мере того, как булыжник исчезает за расширившейся кромкой кошель. Когда камень исчез полностью, отчётливо послышался недовольный звук.

Учебник матери по зельеварению за пятый курс (в котором была сокрыта тайна, которая и впрямь оказалась довольно ужасной) отправился вслед за камнем.

А затем внутренний слизеринец предложил хитрый способ снискать расположение директора, который он преподнёс таким образом, что, к сожалению, завоевал поддержку большинства когтевранской стороны.

— Ну, раз уж я здесь задержался, не сделаете ли мне что-то вроде экскурсии по вашему кабинету? Мне любопытно, для чего нужны некоторые из этих предметов, — эта фраза явно тянула на преуменьшение месяца.

Дамблдор посмотрел на него и кивнул, слегка усмехнувшись.

— Польщён таким вниманием, но, боюсь, это не так уж интересно. — Директор сделал шаг в сторону стены и указал на портрет спящего мужчины: — Это портреты бывших директоров Хогварта. — Он развернулся и показал на стол: — Это мой стол. — Он показал на кресло: — Это моё кресло...

— Простите, — прервал его Гарри, — но меня больше интересуют вон те штуковины.

Гарри указал на кубик, который издавал тихие булькающие звуки*.

— А, эти безделушки? — сказал Дамблдор. — Они идут в комплекте с директорским кабинетом, и я не имею ни малейшего

понятия, для чего большинство из них предназначено. Хотя вон тот циферблат с восемью стрелками указывает, сколько раз, кхм, скажем так — «чихнули» волшебницы-левши в пределах Франции. Ты не поверишь, как пришлось потрудиться, чтобы это выяснить. А вот эта штука с золотыми бормотушками — моё собственное изобретение, и Минерва никогда в жизни не догадается, что она делает.

Гарри ещё не успел это переварить, а Дамблдор уже прошёл к вешалке.

— Здесь у нас, конечно, Распределяющая шляпа, полагаю, вы уже знакомы. Она попросила меня никогда больше ни при каких обстоятельствах не надевать её на твою голову. Ты всего лишь четырнадцатый ученик в истории, о котором она так выразилась, ещё одним была Баба-Яга, а об остальных двенадцати я расскажу тебе, когда ты будешь постарше. Это зонтик. Это ещё один зонтик. — Дамблдор сделал ещё несколько шагов и обернулся, улыбка на его лице стала ещё шире. — Ну и, конечно, большинство моих гостей хотя бы посмотрят на Фоукса.

Дамблдор стоял рядом с птицей на золотой платформе.

Гарри подошёл и вопросительно посмотрел на директора.

— Это Фоукс?

— Фоукс — это феникс, — сказал Дамблдор, — очень редкое существо, обладающее сильной магией.

— Э-э, — сказал Гарри. Он опустил голову и всмотрелся в крошечные, чёрные, похожие на бусинки глаза, в которых не было никакого намёка на могущество или интеллект.

— А-а... — опять протянул Гарри.

Он был почти уверен, что узнал эту птицу. Её в общем было сложно не узнать.

— М-м...

Скажи что-нибудь умное! — рычал на Гарри его разум. — *Не мычи, как пускающий слюни идиот!*

Ну и что же мне сказать?

Разум Гарри не замедлил с ответом: *Что угодно!*

Ты имеешь в виду, что угодно, кроме «Фоукс — это курица»?..

Да! Что угодно, кроме этого!

— Так, эм-м, и какой же магией обладают фениксы?

— Их слёзы обладают целебными свойствами, — ответил Дамблдор, — они — творения огня и перемещаются так же легко, как огонь, что в одном месте гаснет, а в другом — вспыхивает. Огромное напряжение свойственной им от природы магии быстро старит их тела,

и всё же из всех существующих созданий они ближе всего к бессмертию, поскольку, умирая, объятые пламенем, они возрождаются птенцами или иногда в яйце. — Дамблдор подошёл ближе и, осмотрев курицу, нахмурился. — Хм... вид что-то не очень.

Не успел Гарри осознать сказанное, а курица уже была объята пламенем.

Её клюв было открылся, но она, не успев даже кудахтнуть, начала высыхать и обугливаться: пламя сработало быстро и чисто, не оставив после себя даже запаха гари.

Спустя несколько секунд, когда огонь исчез, на золотой платформе осталась лишь жалкая горстка пепла.

— Нет причин так ужасаться, Гарри! — воскликнул Дамблдор. — Фоукс цел и невредим. — Дамблдор залез рукой в карман, а потом той же рукой пошарил в пепле и достал маленькое желтоватое яйцо. — Взгляни, вот же яйцо!

— О, ух ты, круто...

— Но теперь нам и впрямь пора вернуться к делам, — сказал Дамблдор, оставив яйцо среди пепла от сгоревшей курицы, и вернулся за свой трон. — Уже почти пора обедать, в конце концов, и не хотелось бы попусту использовать наши Маховики времени.

В государстве Гарри происходил серьёзный переворот: после того как директор Хогwartса съёл курицу, слизеринец и пффендуец пересмотрели свои взгляды.

— Да, к делам, — промямлил Гарри. — А затем к обеду.

У тебя снова голос круглого идиота, — заметил внутренний критик Гарри.

— Ну что ж, — сказал Дамблдор, — боюсь, я кое в чём должен тебе признаться. Признаться и извиниться.

— Извинения — это хорошо.

Это вообще бессмыслица какая-то! О чём это я говорю?

Старый волшебник тяжело вздохнул:

— Ты можешь передумать, когда поймёшь, о чём я. Увы, Гарри, но я тобою всю жизнь тайно манипулировал. Это я отослал тебя к твоим злым отчим и мачехе...

— Мои отчим и мачеха не злые! — выпалил Гарри. — В смысле, мои родители!

— Не злые? — Дамблдор выглядел удивлённым и разочарованным. — Даже чуть-чуть? Что-то не сходится...

Внутренний слизеринец Гарри закричал что было сил: «ЗАТКНИСЬ, ИДИОТ, ОН ЖЕ ТЕБЯ У НИХ ОТНИМЕТ!»

— Нет-нет! — сказал Гарри, побелев лицом. — Я хотел поберечь ваши чувства. На самом деле они очень злые...

— Правда? — Дамблдор подался вперёд и пристально посмотрел на Гарри. — А что они делают?

Говори быстрее.

— Они э-э... заставляют меня решать посуду и мыть задачи, и они не разрешают мне много читать, и...

— А, хорошо-хорошо, рад слышать, — Дамблдор снова откинулся в кресле и грустно улыбнулся. — Тогда прошу прощения и за это. Хм, на чём я остановился? Ах да. Я сожалею, Гарри, что я в ответе за все неприятности, что с тобой случались. Это, наверно, тебя очень разозлит.

— Да! Я очень зол! — сказал Гарри. — Ар-р-р!

Внутренний критик Гарри тут же выдал ему приз за худшее актёрское выступление в истории.

— И я хочу, чтобы ты знал, — продолжил Дамблдор, — хочу сказать как можно раньше, на случай, если с кем-нибудь из нас что-то случится, что я правда очень, очень извиняюсь. За всё, что с тобой случилось и ещё случится.

В глазах директора блеснули слёзы.

— А я очень зол! Так зол, что уйду сейчас же, если вам нечего больше сказать!

Скорее БЕГИ отсюда, пока он и тебя не поджёт! — завопили внутренние слизеринец, гриффиндорец и пффендуец.

— Понимаю, — ответил Дамблдор. — И последнее, Гарри. Не пытайся пробраться за запретную дверь на третьем этаже. Ты не сможешь пройти через все ловушки, и мне не хотелось бы услышать, что ты пострадал во время своих тщетных попыток. Впрочем, ты, пожалуй, даже не сможешь открыть первую дверь, потому что она заперта, а ты ещё не знаешь заклинания Алохомора...

Гарри развернулся и бросился к выходу. Дверная ручка услужливо повернулась и Гарри, не сбавляя скорости, спустился по спиральной лестнице, путаясь в собственных ногах. Через пару мгновений он уже был у горгульи, которая отъехала в сторону, открывая проход, и Гарри пулей выскочил в коридор.

* * *

Гарри Поттер. Что за несносный мальчишка. Четверг, в конце концов, у всех, а во все истории влипает почему-то именно он.

В четверг в 18:21 Гарри, на полном ходу выскочив из кабинета директора, со всей силы врезался в Минерву МакГонагалл, которая в этот же самый кабинет направлялась.

К счастью, никто не пострадал. Как Гарри объяснили немного ранее — когда он наотрез отказался приближаться к метле — в квиддиче бладжеры специально сделаны из железа, чтобы причинять игрокам хоть какой-то вред, потому что волшебники намного крепче маглов.

Гарри и Минерва МакГонагалл после столкновения упали, а все свитки, которые несла профессор, разлетелись по коридору.

Наступила жуткая-прежуткая тишина.

— Гарри Поттер, — выдохнула профессор МакГонагалл, лёжа на полу рядом с Гарри. Затем тон её резко изменился. — Что вы делали в кабинете директора?!

— Ничего! — пропищал Гарри.

— Вы говорили о преподавателе по Защите?!

— Нет! Дамблдор сам меня вызвал! И дал громадный булыжник! Сказал, что он принадлежал моему отцу! И велел таскать его повсюду!

И снова наступила жуткая тишина.

— Понятно, — немного успокоилась профессор. Она поднялась, отряхнулась и посмотрела на разбросанные свитки, которые быстро сложились в аккуратную стопку и прижались к стене, будто испугавшись её взгляда. — Прощу прощения, мистер Поттер. И извините, что не поверила вам.

— Профессор МакГонагалл, — начал Гарри дрожащим голосом. Он поднялся с пола и вгляделся в лицо вменяемого человека, которому можно доверять. — Профессор МакГонагалл...

— Да, мистер Поттер?

— Вы думаете, — тихо спросил он, — мне правда стоит повсюду носить булыжник, принадлежавший отцу?

Профессор МакГонагалл вздохнула.

— Боюсь, это дело только ваше и директора, — она на секунду задумалась. — Скажу лишь, что полностью пропускать слова Дамблдора мимо ушей — плохая идея. Мне жаль слышать о вашей дилемме, мистер Поттер, и если я чем-то смогу помочь, каким бы ни было ваше решение...

— Эм, — сказал Гарри. — Вообще-то я подумал о том, чтобы трансфигурировать камень в кольцо и носить его на пальце. Если бы вы научили меня поддерживать трансфигурацию...

— Хорошо, что сначала вы спросили меня, — перебила профессор МакГонагалл сурово. — Потеряв контроль над трансфигурацией,

вы могли лишиться пальца, а то и руки. К тому же в вашем возрасте даже кольцо — слишком большая вещь для поддержания превращения, у вас будет серьёзнейшее истощение. Но я могу заказать для вас кольцо с ямкой для камня, для маленького камня, который будет касаться вашей кожи, и вы попрактикуетесь с чем-нибудь безопасным, например, с зефиром. Если вам целый месяц удастся поддерживать превращение даже во время сна, я позволю вам трансфигурировать... э-э-э... камень вашего отца, — МакГонагалл умолкла на миг. — Неужели Дамблдор и в самом деле...

— Да. А... э-э...

Профессор МакГонагалл вздохнула:

— Даже для него это странно.

Она наклонилась и подобрала свитки.

— Ещё раз извиняюсь за недоверие, мистер Поттер. Но теперь и мне пора пойти к директору.

— Эм... Удачи, наверное...

— Благодарю, мистер Поттер.

— Эм-м...

МакГонагалл подошла к горгулье, неслышно произнесла пароль и шагнула на крутящуюся спиральную лестницу. Профессор начала исчезать из виду, а горгулья — вставать на своё место, когда...

— Профессор МакГонагалл, директор сжёг курицу!

— Он что?..

Глава 18

Иерархии подчинения

Любая достаточно продвинутая Роулинг неотличима от магии*.

Очень на меня похоже, правда?

Утро пятницы. Завтрак. Гарри откусил кусок тоста побольше и попытался напомнить себе, что спешка за едой не приблизит урок по зельеварению, который будет проходить в подземельях — впереди ещё целый час, отведённый на самоподготовку. Но подземелья! В Хогвартсе! Воображение Гарри уже рисовало пропасти, узкие мосты, факелы и светящийся мох. Интересно, крысы там будут? А драконы?*

— Гарри Поттер, — раздался тихий голос позади.

Гарри оглянулся и увидел Эрни МакМиллана в элегантной мантии с жёлтой оторочкой. Похоже, он был чем-то взволнован.

— Невилл считает, что я должен тебя предупредить, — тихо сказал Эрни. — Думаю, он прав. Будь осторожен с профессором зельеварения. Старшекурсники говорят, что он ужасно относится к ученикам, которые ему не нравятся, то есть ко всем, кроме слизеринцев. Если начнёшь умничать... это может плохо кончиться. Лучше не высовывайся. Не давай ему повода тебя заметить.

Гарри некоторое время обдумывал сказанное, затем приподнял брови. (Гарри хотел приподнять только одну бровь, как Спок, но у него никогда так не получалось*.)

— Спасибо, — сказал он. — Возможно, только что ты спас меня от множества неприятностей.

Эрни кивнул и вернулся за стол к пuffedуицам.

Гарри продолжил жевать тост.

Через четыре укуса кто-то сказал: «Прошу прощения», — и, обернувшись, Гарри увидел старшекурсника с Когтеврана, который выглядел немного взволнованно...

Спустя некоторое время Гарри доедал уже третий ломтик бекона. Плотный завтрак стал привычным для него делом (а если в течение дня Маховик не понадобится, то всегда можно пропустить за обедом основные блюда).

За спиной снова послышалось:

— Гарри?

— Да, — устало отозвался Гарри. — Я постараюсь не привлекать внимание профессора Снейпа.

— Безнадёжно, — сказал Фред.

— Совершенно, — подтвердил Джордж.

— Мы попросили домовых эльфов испечь для тебя торт, — поделился Фред.

— За каждый потерянный балл факультета мы будем ставить на него свечку, — продолжил Джордж.

— А за обедом устроим вечеринку в твою честь, — снова Фред.

— Мы надеемся, что это тебя немного подбодрит, — закончил Джордж.

Гарри проглотил бекон и повернулся:

— Я обещал себе не спрашивать после того, как увидел профессора Биннса, правда обещал, но всё-таки — если профессор Снейп и в самом деле так ужасен, почему его не уволят?

— Уволят? — переспросил Фред.

— Ты имеешь в виду, дадут пинка под зад? — уточнил Джордж.

— Да, — ответил Гарри. — Так поступают с плохими учителями. Их увольняют. А взамен нанимают хороших. У вас тут нет профсоюзов или установленных сроков пребывания в должности?

Фред и Джордж нахмурились, точно старейшины первобытного племени, которым попытались объяснить, что такое математика.

— Не знаю, — ответил Фред через минуту. — Никогда об этом не думал.

— И я тоже, — поддакнул Джордж.

— Ага, — сказал Гарри. — Что-то я частенько слышу эту фразу. Ладно, увидимся за обедом. И не обижайтесь, если на торте совсем не будет свечек.

Фред и Джордж рассмеялись, как будто услышали отличную шутку, и вернулись к гриффиндорцам.

Гарри развернулся к столу и принялся за кекс. Он уже был сыт, но подозревал, что этим утром ему понадобится много калорий.

Заканчивая завтракать, он думал о самом ужасном учителе, которого пока встретил, — профессоре Биннсе, преподавателе истории.

Профессор Биннс был призраком. Судя по рассказам Гермiony, призраки вряд ли обладали самосознанием. Они не совершали никаких значимых открытий, у них не было сколько-нибудь оригинальных трудов, независимо от того, кем они были при жизни. Призраки испытывали трудности с запоминанием событий нынешнего века. Гермiona сказала, они словно случайные портреты, запечатлённые в окружающем пространстве всплеском психической энергии, который сопровождает смерть волшебника.

Гарри и раньше попадались глупые учителя во время неудачных вылазок в магловские школы — студентов-репетиторов для него отец подбирал достаточно тщательно, — но на уроке истории магии он впервые столкнулся с преподавателем, который в буквальном смысле не обладал разумом. И это было заметно: через пять минут после начала лекции Гарри сдался и принялся читать учебник. Когда стало ясно, что профессор Биннс не собирается возражать, Гарри достал из кошель-скрытня затычки для ушей.

Призракам не нужна зарплата? В этом всё дело? Или из Хогвартса нельзя уволиться даже после собственной смерти?

А теперь ещё профессор Снейп, который относится ужасно ко всем, кроме слизеринцев, и никому даже в голову не приходит, что школа может разорвать с ним трудовой договор.

И, на минуточку, директор, поджигающий кур.

— Прошу прощения, — раздался позади взволнованный голос.

Гарри даже не повернулся.

— Ей-богу, это заведение на восемь с половиной процентов так же плохо, как Оксфорд из рассказов моего отца.

* * *

Гарри зло топал по каменным коридорам. Он был оскорблён, раздражён и разъярён.

— Подземелья! — шипел он. — Подземелья! Нет тут подземелий! Это подвал! Обычный под-вал!

Несколько девочек из Когтеврана странно посмотрели на Гарри — мальчишки уже давно к нему привыкли.

Похоже, этаж, на котором находился класс зельеварения, обозвали «подземельями» лишь потому, что он находился ниже уровня земли и здесь было чуть холоднее, чем в основной части замка.

В Хогвартсе! В самом Хогвартсе! Гарри всю жизнь мечтал побывать в настоящем подземелье. А если на Земле где и должны существовать

таковые, так это в Хогвартсе! Ему что, самому нужно построить замок, чтобы увидеть хоть одну несчастную бездонную пропасть?

Чуть позже, когда они добрались до класса, Гарри заметно воспрял духом.

Вдоль стен стояли полки с огромными банками, в которых плавали заспиртованные существа — Гарри прочитал уже достаточно, чтобы с лёгкостью назвать некоторых из них, например, фонтему с Забриски*. А полуметровый паук походил на акромантула, но всё-таки не дотягивал по размерам. Гарри хотел поинтересоваться на его счёт у Гермионы, но она явно не горела желанием смотреть туда, куда он указывал.

Гарри изучал большой шарик пыли с глазами и ступнями*, когда убийца скользнул в класс — именно такое ощущение возникло у Гарри, когда он увидел профессора Снейпа. Даже в его походке чувствовалось нечто смертельно опасное. Мантия профессора выглядела неопрятно, а волосы были грязные и сальные. Он напоминал Люциуса, не внешне, скорее по типу личности, с той лишь разницей, что Люциус убьёт тебя с безупречной элегантностью, а профессор Снейп просто убьёт, без изысков.

— По местам, — скомандовал профессор Северус Снейп. — Живо.

Разговоры оборвались, ученики бросились к столам. Гарри собирался устроиться рядом с Гермионой, но каким-то образом оказался за ближайшим свободным столом рядом с Джастином Финч-Флетчли (урок был двоянный — Когтевран и Пуффендуи). Гермиона же села слева, через два ряда от него.

Северус сел за стол преподавателя и без всякого вступления начал:

— Ханна Аббот.

— Здесь, — послышался дрожащий голос.

— Сьюзен Боунс.

— Я.

Все боялись даже пискнуть. Наконец...

— Ах да. Гарри Поттер. Наша новая... знаменитость.

— Знаменитость здесь, сэр.

Половина присутствующих вздрогнула. На лицах учеников по-образительнее отчётливо читалось желание выскочить за дверь, пока в классе зельеварения не случился локальный апокалипсис.

Северус улыбнулся, будто что-то предвкушая, и продолжил зачитывать имена.

Гарри мысленно вздохнул. Всё произошло слишком быстро, он даже не успел придержать язык. Ладно, что сделано, то сделано.

Сразу видно, что этот человек его почему-то мгновенно невзлюбил. Но если хорошенько подумать, то уж лучше самому быть целью придинок, чем оставить эту неприятную обязанность тому же Невиллу или Гермione. Они куда беззащитнее. Да, наверняка всё к лучшему.

Северус закончил переключку и оглядел класс. Глаза его были пусты, словно ночное беззвёздное небо.

— Вы пришли сюда, — начал он тихим голосом, так что ученикам с последних парт приходилось напрягать слух, — чтобы изучать точную науку и тонкое искусство приготовления волшебных снадобий. Поскольку на моих занятиях нет дурацких размахиваний палочкой, многие из вас с трудом поверят, что это можно назвать магией. Я и не жду, что вы сумеете по достоинству оценить волшебную красоту тихо кипящего котла и мерцающих над ним испарений, деликатную силу жидкостей, которые растекаются по человеческим венам, — всё это было сказано вкрадчивым и зловеющим тоном, — околдовывая ум, поработывая чувства... — бр-р, чем дальше, тем жутче, прям мороз по коже. — Я могу научить вас разлить по сосудам славу, приготовить известность и даже закупорить смерть — если вы, конечно, отличаетесь от того стада твердолобых тупиц, которых мне обычно приходится учить.

Северус, похоже, каким-то образом выловил недоверчивое выражение лица Гарри: во всяком случае, его взгляд сразу впился в мальчика.

— Поттер! — гаркнул профессор зельеварения. — Что получится, если насыпать толчёный корень златоцветника в настойку полыни?

Гарри моргнул:

— А это было в «Магических отварах и зельях»? Я только закончил читать эту книгу и не припомню, чтобы в ней говорилось об использовании полыни...

Рука Гермione взлетела вверх. Гарри выразительно посмотрел на девочку, отчего та вытянула руку ещё выше.

— Так, так, — протянул Северус бархатным голосом. — Похоже, одной славы не достаточно.

— Неужели? Вы только что упомянули, что научите нас разливать её по сосудам. Скажите, а как такое зелье действует? Выпил — и ты знаменитость?

На этот раз вздрогнули уже все.

Гермione медленно опустила руку. Неудивительно. Она, конечно, его соперница, но вряд ли захочет продолжать игру сейчас, когда стало совершенно ясно, что профессор Снейп намеренно пытается унижить Гарри.

Мальчик изо всех сил старался сохранить спокойствие. Сперва он вообще хотел парировать выпад Снейпа «Абракадаброй», но удержался.

— Попробуем ещё раз, — произнёс Северус. — Поттер, если я попрошу вас принести безоар, где вы будете его искать?

— Этого тоже не было в учебнике, — ответил Гарри, — но в одной магловской книге я прочитал, что трихобезоар — это затвердевший комок волос, который образуется в желудке человека. Маглы когда-то верили, что он является универсальным противоядием.

— Чушь, — отрезал Северус. — Безоар извлекают из желудка козы, он не состоит из волос, и спасает только от большинства ядов.

— Я ведь не отвечал. Я лишь рассказал о прочитанном в магловской книге.

— Ваши жалкие магловские книги никого здесь не интересуют. Последняя попытка. В чём разница между клобуком монаха и волчьей отравой?

Ну всё, с него хватит.

— В одной из моих увлекательных магловских книг, — холодно начал Гарри, — описано исследование: люди, притворяясь умниками, задавали вопросы, на которые только они знали ответы. И ни один наблюдатель не смог их раскусить. Так вот, профессор, назовите мне число электронов на внешней орбите атома углерода.

Ухмылка Северуса стала шире:

— Четыре. Бесплезный факт, который не стоит и записывать. К вашему сведению, Поттер, из златоцветника и полыни обыкновенной готовят усыпляющее зелье, настолько сильное, что его называют напитком живой смерти. А клобук монаха и волчья отравка — одно и то же растение, также известное как аконит. Вы бы знали это, если бы прочитали «Тысячу волшебных растений и грибов». Не ожидали, что книги нужно читать перед учёбой, так ведь? Остальные, записывайте то, что я сказал, чтобы не быть такими же невеждами, как Поттер, — Северус явно был доволен собой. — А что до вас... минус пять баллов. Нет, минус десять баллов с Когтеврана за дерзость.

Гермиона охнула, как и многие другие.

— Профессор Северус Снейп, — отрывисто проговорил Гарри. — Я не знаю, чем заслужил вашу неприязнь. Если у вас ко мне есть какая-нибудь претензия, о которой мне не известно, предлагаю...

— Заткнитесь, Поттер. Ещё десять баллов с Когтеврана. Всем остальным открыть учебник на странице три.

В горле Гарри слегка запершило, чуть-чуть, самую малость, а глаза остались сухими. Слезами профессора зельеварения не уничтожить, а значит в них нет смысла.

Гарри медленно выпрямил спину. Было чувство, что всю его кровь откачали, заменив на жидкий азот. Он помнил, что зачем-то старался сдерживать гнев, но уже забыл зачем.

— Гарри, — лихорадочно зашептала Гермиона со своего места через два стола, — пожалуйста, остановись, мы не будем это считать...

— Разговорчики, Грейнджер? Три...

— Итак, — произнёс голос холоднее абсолютного нуля, — как здесь устроена процедура подачи официальной жалобы на профессора, который злоупотребляет должностью в личных целях? Нужно обратиться к заместителю директора, написать в Попечительский совет... не подскажете ли?

Все замерли. Никто в классе не смел пошевелиться.

— Месяц отработок, Поттер, — ещё шире ослабился Северус.

— Я отказываюсь признавать вашу власть и не приду на вашу отработку.

Теперь никто не решался даже дышать.

Ухмылка Северуса исчезла.

— Тогда вас... — он осёкся.

— Вы хотели сказать «исключат»? — теперь уже Гарри растянул губы в едва заметной улыбке. — Но потом засомневались, что эту угрозу удастся воплотить в жизнь, или испугались её возможных последствий. Я же, напротив, несомненно готов сменить учебное заведение без каких-либо опасений. Возможно, я даже найму частных преподавателей, что никогда не подводило меня в прошлом, и буду обучаться на собственных условиях с полной отдачей. Деньги у меня есть — наградили, знаете ли, за победу над одним Тёмным Лордом. Но в Хогвартсе всё же есть учителя, которые мне нравятся, так что я лучше найду способ избавиться от вас.

— Избавиться от меня? — на лице Северуса снова появилась ухмылка. — Забавная самоуверенность. И как же вы надеетесь этого добиться?

— На вас приходили жалобы от учеников и их родителей, — догадка, но наверняка правильная, — а значит, вопрос только в том, почему вас до сих пор терпят. Неужели Хогвартс в столь плачевном финансовом положении, что не может позволить себе достойного учителя зельеварения? Могу в таком случае поспособст-

вовать средствами. Уверен, они найдут учителя получше, как только предложат двойной оклад.

Холод, исходивший от этих двоих, грозил превратить класс в музей ледяных скульптур.

— Вы обнаружите, — прошелестел Северус, — что Попечительский совет не войдёт в ваше положение.

— Люциус... — догадался Гарри. — Так вот почему вы всё ещё здесь. Тогда, возможно, мне стоит обсудить этот вопрос лично с ним. Полагаю, он будет не против встретиться. Интересно, есть ли у меня что ему предложить?

Гарри продолжал пристально смотреть на профессора. Краем глаза он замечал попытки Гермионы жестами заставить его замолчать, но всё его внимание было сосредоточено на Северусе.

— Вы чрезвычайно глупый юнец, — ухмылка сползла с лица зельевара. — У вас нет ничего, что Люциус ценил бы больше, чем мою дружбу. А если бы и было, у меня есть и другие союзники. — Его голос посуровел. — И я нахожу всё более невероятным, что вас не распределили в Слизерин. Как вам удалось избежать моего факультета? Ах да, помню-помню, Распределяющая шляпа заявила, что она... пошутила. Впервые в истории. О чём же вы на самом деле с ней болтали, Поттер? Может, вы нашли, что ей предложить?

Гарри вдруг вспомнил предостережение Распределяющей шляпы и тут же отвёл взгляд от Снейпа.

— Отчего такое нежелание смотреть мне в глаза, Поттер?

Внезапное озарение...

— Так это о вас меня предупреждала Распределяющая шляпа!

— Что? — Гарри не видел лица зельевара, но различил в его голосе искреннее удивление.

Гарри встал из-за стола.

— Сядьте, Поттер, — проскрежетал злобный голос.

Мальчик не обратил на него внимания и посмотрел на одноклассников.

— Я не позволю одному непрофессиональному преподавателю испортить мне жизнь в Хогвартсе, — с убийственным спокойствием заявил он. — Я удаляюсь из этого класса и либо найму репетитора по зельеварению, либо, если Попечительский совет и впрямь столь консервативен, буду изучать зельеварение летом. Если кто-нибудь из вас, как и я, не желает терпеть издевательства этого человека, милости прошу ко мне присоединиться.

— Сядьте, Поттер!

Гарри пересёк класс и схватился за дверную ручку.

Она не повернулась.

Гарри медленно развернулся и, прежде чем отвести взгляд, успел заметить издевательскую улыбочку на лице Снейпа.

— Откройте дверь.

— Нет, — сказал Северус.

— Вы заставляете меня чувствовать угрозу, — Гарри сам не узнал свой голос, — а это ошибка.

Северус рассмеялся:

— Да что вы, мальчишка, можете мне сделать?

Гарри сделал шесть широких шагов от двери и остановился перед задним рядом столов.

Затем он вытянулся в струнку, вздёрнул над головой правую руку и приготовился щёлкнуть пальцами.

Невилл взвизгнул и юркнул под стол. Остальные сжались, инстинктивно заслоняясь руками.

— Гарри, нет! — вскрикнула Гермиона. — Ничего с ним не делай! Что бы ты ни задумал!

— Вы что, все с ума посходили?! — гаркнул Снейп.

Гарри медленно опустил руку.

— Я не собирался причинять ему вред, Гермиона, — тихо сказал Гарри. — Я просто хотел взорвать дверь.

Правда, теперь Гарри вспомнил, что трансфигурировать воспламеняемые вещества нельзя, так что идея вернуться потом во времени и попросить Фреда или Джорджа превращать ему взрывчатки в точно выверенном количестве не так хороша, как показалась на первый взгляд...

— *Силенцио*, — раздался голос Северуса.

«Что?» — хотел спросить Гарри и обнаружил, что онемел.

— Покончим с вашим смехотворным поведением. Мне кажется, на сегодня вам неприятностей и так хватит, Поттер, так что перестаньте срывать урок. Никогда ещё мне не приходилось иметь дело со столь непослушным учеником. Не знаю, много ли у Когтеврана сейчас баллов, но, думается, вы лишите ваш факультет их всех прямо сейчас. Десять баллов с Когтеврана. Десять баллов с Когтеврана. Десять баллов с Когтеврана! Пятьдесят баллов с Когтеврана! А теперь садьте и наблюдайте, как учатся ваши одноклассники!

Гарри засунул руку в кошелёк и попробовал произнести слово «маркер», но, конечно, ничего не вышло. На секунду это его остановило, но тут же в голову пришла мысль написать пальцем «МАРКЕР» по буквам. Сработало! «БЛОКНОТ» — и вот у него в руке блок-

нот. Гарри подошёл к свободному столу и быстро что-то нацарапал, вырвал исписанный листок бумаги и спрятал блокнот с маркером в карман. Затем он показал сообщение — не Снейпу, а ученикам.

Я УХОЖУ

КТО СО МНОЙ?

— Вы окончательно рехнулись, Поттер, — презрительно бросил Снейп.

Остальные промолчали.

Гарри отвесил ироничный поклон учительскому столу, подошёл к стене, спокойно открыл дверь кладовки, вошёл внутрь и захлопнул дверь за собой.

Послышался приглушённый щелчок пальцами, а дальше — тишина.

В классе ученики обменялись озадаченными и испуганными взглядами.

Лицо зельевара покраснело от злости. Он широкими шагами подошёл к кладовке и распахнул дверь.

Внутри было пусто.

* * *

Часом раньше Гарри приложил ухо к двери закрытой кладовки. Снаружи не доносилось ни звука, но смысла попусту рисковать всё равно не было.

«МАНТИЯ» — написал он пальцем.

Невидимый, он медленно и осторожно приоткрыл дверь и выглянул в щель: в помещении никого и дверь класса открыта.

К тому времени как Гарри выбрался из класса в коридор и оказался в безопасности, его ярость уже подухнула, и он осознал, что он только что наделал.

ЧТО он наделал...

Невидимое лицо Гарри посерело от ужаса.

Он поругался с учителем. Причём на три порядка серьёзнее, чем во все предыдущие разы, вместе взятые. Он пригрозил убраться из Хогвартса, и, возможно, ему придётся претворить эту угрозу в жизнь. Он лишил Когтевран всех баллов и использовал Маховик времени...

Воображение уже рисовало картины того, как родители ругают его за исключение из школы, как профессор МакГонаггал разочарованно вздыхает, и это было так больно и так невыносимо и он не мог придумать способ это предотвратить...

Две мысли навязчиво крутились у него в голове.

Первая: если ярость его в эти неприятности втравила, значит ей же их и расхлёбывать. Ведь вместе со злостью к нему всегда приходит необычайная ясность мышления.

Вторая (и Гарри старательно гнал её прочь): без ярости он в принципе не способен взглянуть в будущее, потому что очень его боится.

Поэтому пришлось собрать волю в кулак и припомнить минуты своего унижения.

«Так, так. Похоже, одной славы не достаточно.

Десять баллов с Когтеврана за дерзость.»

Успокоительный холод вернулся в вены, словно волна, отразившаяся от волнореза, и Гарри перевёл дух.

Всё. Я снова вменяем.

Он даже несколько разочаровался в своей незлой половине, которая только и думала о том, как бы половчее избавиться от собственных неприятностей. Профессор Северус Снейп — неприятность общая. Гарри Нормальный забыл про это и хотел защитить только самого себя. И плевать на остальных жертв? Вопрос не в том, как выйти сухим из воды. Как уничтожить этого профессора зельеварения — вот в чём вопрос.

Ну, здравствуй, моя Тёмная Сторона. Кажется, тебя осудили несколько предвзято. Моя так называемая Светлая Сторона какая-то эгоистичная и трусливая, не говоря уж о паникёрстве.

Теперь, когда в голове у Гарри прояснилось, он отчётливо представлял, каким должен быть следующий шаг. У него есть лишний час на подготовку, и доступны ещё пять, если потребуется...

* * *

Минерва МакГонагалл была в кабинете директора.

Дамблдор сидел на своём мягком троне, одетый в четыре слоя строгих мантий бирюзового цвета. Минерва сидела на стуле рядом с ним. С другой стороны устроился Северус. Перед троицей профессоров стояла пустая табуретка.

Они ждали Гарри Поттера.

Гарри, — отчаянно думала Минерва, — ты же обещал не кушать учителей!

И тут же представила себе его гневное лицо: *Я обещал не кушать, пока меня самого не укусят!*

В дверь постучали.

— Войдите! — откликнулся Дамблдор.

Дверь распахнулась, на пороге стоял Гарри Поттер. Профессор МакГонаггал чуть не ахнула. Мальчик выглядел хладнокровным, собранным и невозмутимым.

— Доброе у... — Гарри осёкся и замер с открытым ртом.

Минерва проследила за его взглядом: мальчик уставился на Фокса на золотой подставке. Феникс взмахнул красно-золотыми крыльями — словно пламя встрепенулось — и склонил голову в вежливом приветственном кивке.

Гарри перевёл взгляд на Дамблдора.

Тот подмигнул.

Минерва почувствовала, что чего-то не понимает.

На лице Гарри промелькнула неуверенность. Маска невозмутимости на секунду дала трещину. В глазах появился страх, потом злость, а потом снова спокойствие.

По спине ведьмы пробежали мурашки. Что-то здесь не так.

— Присядь, пожалуйста, — сказал Дамблдор. Его лицо снова стало серьёзным.

Гарри сел.

— Итак, Гарри, — сказал Дамблдор, — я уже выслушал доклад профессора Снейпа. Не хочешь ли и ты своими словами рассказать о случившемся?

Гарри бросил на Северуса пренебрежительный взгляд.

— Это не сложно, — одними губами улыбнулся мальчик. — Он хотел поиздеваться надо мной. Ну, как обычно издевался над всеми неслизеринцами с тех самых пор, как Люциус навязал его вам. Для обсуждения деталей я прошу приватной беседы. В конце концов, разве ученик, который жалуется на профессора, злоупотребляющего своим положением, должен высказывать свои претензии в присутствии этого самого профессора?

На этот раз Минерва и впрямь ахнула.

Северус просто рассмеялся.

— Мистер Поттер, — веско произнёс директор, — о профессорах Хогвартс в подобных выражениях не отзываются. И, боюсь, вы заблуждаетесь. Я полностью доверяю профессору Снейпу. Он работает здесь по моей просьбе, а не по требованию Люциуса Малфоя.

Несколько секунд в кабинете царила тишина.

— Я что-то не понимаю, — ледяным тоном нарушил её мальчик.

— Вы многого не понимаете, мистер Поттер, — сказал директор. — Для начала, вы не понимаете, что цель нашего разговора — обсуждение вашего наказания за утрение события.

— Этот человек терроризирует школу уже много лет. Я говорил с учениками и насобирав достаточное сведений, чтобы начать в газетах кампанию по его дискредитации среди родителей. Некоторые ученики плакали, рассказывая свои истории. Я сам чуть не расплакался, когда их услышал! И вы предоставили этому негодяю свободу действий? Вы обошлись так с собственными учениками? Почему?!

Минерва сглотнула ком в горле. Иногда ей в голову приходили эти вопросы... но почему-то она никогда...

— Мистер Поттер, — строго сказал директор, — у нас со-
вещание не о профессоре Снейпе. Оно о вас и вашем неуважении к школьной дисциплине. Профессор Снейп предложил, и я с ним согласен, три месяца отработок...

— Я отказываюсь, — холодно перебил Гарри.

Минерва потеряла дар речи.

— Это не просьба, мистер Поттер, — сказал директор, обру-
шивая на него всю тяжесть своего взгляда. — Это ваше наказа...

— Вы объясните мне, почему позволили этому человеку обижать учеников, которые, между прочим, находятся под вашим присмотром, и если ваше объяснение меня не удовлетворит, я начну в газетах кампанию уже против вас.

Минерву покачнуло от такой изысканной дерзости. Даже у Северуса был обескураженный вид.

— Крайне недалёковидная мысль, — медленно выговорил Дамблдор. — Я главная фигура, противостоящая Люциусу в этой игре. Если ты это сделаешь, он получит преимущество, а мне казалось, что ты не на его стороне.

Мальчик на секунду замер.

— Наш разговор переходит на личные темы, — сказал он и указал рукой в сторону Северуса. — Отправьте его прочь.

Дамблдор покачал головой:

— Гарри, разве я не сказал тебе, что полностью доверяю Северусу Снейпу?

Брови мальчика полезли на лоб:

— Он ваше слабое место! Ведь не только я могу начать в газетах кампанию! Это безумие! Зачем вы это делаете?

— Извини меня, Гарри, — вздохнул Дамблдор, — но дело касается вещей, которые ты пока не готов услышать.

Мальчик сверлил директора взглядом. Потом повернулся к Северусу. Потом снова посмотрел на Дамблдора.

— Да, это безумие, — констатировал Гарри. — Вы считаете, что он вписывается в «истинное устройство мира». Что Хогвартсу, чтобы быть настоящей волшебной школой, необходим злой зельевар, равно как и призрак, преподающий историю.

— Очень на меня похоже, правда? — улыбнулся Дамблдор.

— Это неприемлемо, — отрезал Гарри. — Я не потерплю грубости и издевательств. Я рассмотрел множество способов справиться с этой проблемой, но, пожалуй, остановлюсь на самом простом. Либо уйдёт он, либо я.

Минерва снова ахнула. Что-то странное мелькнуло в глазах Северуса.

Взгляд Дамблдора тоже похолодел:

— Исключение из школы, мистер Поттер — последний аргумент, который может быть использован по отношению к ученику. И дети, как правило, не угрожают директору своим исключением. Хогвартс — лучшая школа магии в мире, и обучение здесь — привилегия, доступная далеко не каждому. Неужто вы считаете, что Хогвартс без вас не обойдётся?

Гарри сидел и улыбался. Минерву охватил внезапный ужас. Он ведь не будет...

— Вы забываете, — сказал мальчик, — что не только вы способны видеть истинное устройство мира. Наш разговор становится личным. Отправьте е... — Гарри прервался на полуслове и полужесте.

По его лицу было видно, что он вспомнил... Минерва ведь сама ему об этом тогда сказала.

— Мистер Поттер, — сказал директор, — ещё раз напоминаю, что я полностью доверяю Северусу Снейпу.

— Вы ему рассказали, — прошептал мальчик. — Старый дурак.

Дамблдор не отреагировал на оскорбление:

— Рассказал ему что?

— Что Тёмный Лорд жив.

— О чём, во имя Мерлина, вы говорите, Поттер?! — ошеломлённо и возмущённо вскричал Северус.

Гарри бросил на него мимолётный взгляд и мрачно улыбнулся.

— Ох, а ведь и правда слизеринец, — сказал он. — А то я уж засомневался.

Воцарилась тишина.

— Так о чём же вы говорите? — спокойным тоном произнёс наконец директор.

— Прости меня, Альбус, — прошептала Минерва.

Снейп и Дамблдор повернулись к ней.

— Профессор МакГонаггалл мне ничего не говорила, — быстро и даже слегка взволнованно вмешался Гарри. — Я сам догадался. Говорю же: я тоже вижу устройство мира. Я угадал, и профессор МакГонаггалл, как и Северус сейчас, попыталась скрыть от меня свою истинную реакцию. Правда, у неё это получилось чуть-чуть хуже.

— И я сказала ему, — призналась Минерва дрожащим голосом, — что об этом знаем только ты, я и Северус.

— Что она сделала в качестве встречной уступки, чтобы я не начал тут же проводить собственное расследование, чем ей тогда и пригрозил. Мне бы следовало поговорить с кем-нибудь из вас наедине, притвориться, что она мне всё рассказала. Может, тогда я бы узнал что-нибудь ещё. Навряд ли, конечно, но попытка не пытка, — мальчик коротко хмыкнул, а потом снова улыбнулся. — Угроза всё ещё действует, и я ожидаю, что в скором будущем буду проинформирован по полной программе.

Северус посмотрел на Минерву с невероятным презрением. Та вздёрнула подбородок. Она знала, что заслужила это.

Дамблдор откинулся на спинку своего трона. С того дня, когда погиб его брат, Минерва никогда не видела, чтобы Альбус смотрел на кого-то настолько холодным взглядом.

— Значит, вы грозитесь предоставить нам самим разбираться с Волдемортом, если мы не будем потакать вашим капризам.

Голос Гарри стал резким как бритва:

— Вынужден вас разочаровать: вы не центр вселенной. Я не угрожаю бросить магическую Британию на произвол судьбы. Я угрожаю уйти лишь от вас. Я не слабохарактерный Фродо. Это мой квест, и если вы хотите в нём участвовать, придётся играть по моим правилам.

Взгляд Дамблдора не потеплел:

— Я начинаю сомневаться в том, что вы подходите мне как герой, мистер Поттер.

Взгляд Гарри не уступал в холодности:

— Я начинаю сомневаться в том, что вы подходите мне как Гэндальф, мистер Дамблдор. Такую ошибку, как Боромир, можно понять. Но что этот Назгул забыл в моём Братстве?*

Минерва ничего не понимала. Она взглянула на Северуса: может, он знает, о чём речь? Тот, отвернувшись от Гарри, улыбался.

— Полагаю, — медленно проговорил Дамблдор, — что с вашей точки зрения вопрос вполне естественный. Так что же, мистер Поттер, если профессор Снейп отныне оставит вас в покое, то этот

разговор не повторится? Или мне следует ожидать новых требований еженедельно?

— Оставит в покое меня?! — возмутился Гарри. — Я не единственная его жертва, и далеко не самая незащищённая! Вы что, забыли, насколько ранимы дети? Как легко их обидеть? Отныне Северус будет к каждому ученику в Хогвартсе относиться с подобающей его профессии учтивостью, либо вы найдёте нового учителя зельеварения, либо вам придётся поискать себе другого героя!

Дамблдор расхохотался. В полный голос, тепло и весело, как будто Гарри только что выступил перед ним с комедийным номером.

Минерва не решалась пошевелиться. Она покосилась на Северуса: тот тоже замер.

Взгляд Гарри стал ещё холоднее:

— Вы ошибаетесь, директор, если считаете это шуткой. Это не просьба. Это ваше наказание.

— Мистер Поттер... — строго начала Минерва, хоть и не знала, как продолжить. Такое просто невозможно было спустить.

Гарри остановил её жестом и продолжил.

— Возможно, мои слова кажутся вам невежливыми, — его голос слегка смягчился, — но вы спокойно употребили их в отношении меня. Вы бы не стали разговаривать таким образом с человеком, которого считаете мыслящим существом, а не непокорным ребёнком. И я буду платить вам той же монетой...

— Ох, вот уж что верно, то верно! Вот наказание так наказание, ничего не скажешь! Ну конечно! Ты защищаешь шантажом своих товарищей, а не себя! И как я мог подумать иначе! — Дамблдор, ещё сильнее расхохотавшись, трижды стукнул кулаком по столу.

По лицу Гарри пробежала тень неуверенности.

Повернувшись к Минерве, он впервые за всё это время к ней обратился:

— Извините, ему лекарства пора принимать или что?

— А-а...

Минерва не знала, как ответить.

— Ох, прошу простить, — сказал Дамблдор, вытирая слёзы, — за то, что перебил. Продолжай шантаж, пожалуйста.

Гарри растерянно открыл рот, а потом снова закрыл.

— Э-э... Ещё он, — мальчик указал на Снейпа, — должен перестать читать мысли учеников.

— Минерва, — убийственным голосом начал Северус, — ты...

— Меня предупредила Распределяющая шляпа, — перебил Гарри.

— Что?!

— Без комментариев. И вообще, на этом вроде бы всё. Больше требований нет.

Тишина.

— И что теперь? — поинтересовалась Минерва, когда стало ясно, что остальным сказать пока нечего.

— Что теперь? — эхом откликнулся Дамблдор. — А вот что: герой, конечно, побеждает.

— Что?! — хором воскликнули Северус, Минерва и Гарри.

— Ну, он же нас поставил в безвыходное положение, — радостно улыбнулся Дамблдор. — Но Хогвартсу не обойтись без злого учителя зельеварения, иначе это и не магическая школа вовсе, правда ведь, Гарри? Как насчёт такого: профессор Снейп будет несправедлив только к пятому курсу и старше?

— Что?! — повторили все трое.

— Ты беспокоишься о самых ранимых. Возможно, ты и прав, Гарри. Возможно, я забыл за прошедшие десятки лет, каково это — быть ребёнком. Так что предлагаю компромисс. Северус продолжит присуждать слизеринцам незаслуженные баллы и закрывать глаза на их шалости, а неслизеринцев продолжит донимать на пятом курсе и старше. С остальными он будет строг, но в меру. Он пообещает читать мысли только в том случае, если безопасность ученика того потребует. Хогвартс не потеряет своего злого зельевара, а самые ранимые ученики, как ты выразился, будут спасены.

Изумление Минервы МакГонаггалл достигло предела. Она неуверенно взглянула на Северуса, который бесстрастно взирал на происходящее, как будто не определился, какое выражение лица подойдёт больше всего.

— Полагаю, это приемлемо, — странным тоном сказал Гарри.

— Вы серьёзно? — в голосе Северуса и на его лице не было эмоций.

— Я такое решение всецело поддерживаю, — медленно сказала Минерва. Она настолько его поддерживала, что её сердце бешено колотилось в груди. — Но что мы скажем ученикам? Они не спрашивали, когда Северус... был чересчур строг со всеми, но теперь...

— Гарри может им сообщить, что обнаружил какой-нибудь ужасный секрет Северуса и прибегнул к шантажу, — сказал Дамблдор. — Что, в конце концов, чистая правда. Он обнаружил, что Северус читает мысли учеников, и он нас несомненно шантажирует.

— Это безумие! — взорвался Снейп.

— Муа-ха-ха! — отозвался Дамблдор.

— Кхм... А если кто-то спросит, почему пятый курс и старше остались под ударом? — неуверенно спросил Гарри. — Я не удивлюсь, если они разозлятся на меня, а это вообще-то не моя идея...

— Скажи им, что компромисс предложил не ты и большего добиться не смог. Об остальном — умолчи. Здесь ведь тоже ни слова вранья. В том, чтобы так говорить правду, есть своё искусство, и ты со временем его постигнешь.

Гарри осторожно кивнул.

— А баллы, которые он снял с Когтеврана?

— Вернуть их нельзя, — вмешалась Минерва.

Гарри повернулся к ней.

— Мне очень жаль, мистер Поттер, — ей и впрямь было жаль, — но непослушание должно иметь какие-то последствия, иначе эта школа провалится в тартарары.

— Согласен, — пожал плечами Гарри. — Но впредь профессор Снейп не будет портить мои отношения с однокурсниками, снимая с Когтеврана баллы, и не станет занимать отработками моё драгоценное время. И если ему покажется, что я веду себя некорректно, то он всегда сможет обсудить свои наблюдения с профессором МакГонагалл.

— Гарри, вы будете соблюдать школьную дисциплину? — спросила МакГонагалл. — Или вы теперь вместо Северуса стали превышать закона?

Гарри снова посмотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то тёплое, но тут же исчезло.

— Я буду вести себя как остальные ученики по отношению ко всем членам преподавательского состава, за исключением злых, безумных и тех, кто попадёт под их влияние. — Гарри мельком взглянул на Северуса, а затем вновь повернулся к Дамблдору. — Оставьте Минерву в покое, и в её присутствии я буду обычным учеником Хогвартса. Никаких привилегий и никакой неприкосновенности.

— Красота, — искренне восхитился Дамблдор. — Слова истинного героя.

— Кроме того, — сказала Минерва, — мистер Поттер обязан при всех извиниться за своё поведение.

На этот раз Гарри одарил её скептическим взглядом.

— Школьная дисциплина серьёзно пострадала от ваших действий, мистер Поттер, — сказала она. — Её необходимо восстановить.

— Думаю, профессор МакГонагалл, вы придаёте слишком большое значение тому, что вы называете школьной дисциплиной, учи-

тывая, что историю здесь преподаёт призрак, а некоторые учителя позволяют себе измываться над вашими учениками. Поддержка существующей иерархии и правил кажется куда более мудрым, важным и высокоморальным занятием тому, кто занимает место на вершине. Для тех же, кто внизу, всё выглядит несколько иначе. В качестве доказательства я мог бы привести ряд исследований, но это займёт уйму времени, так что на этом я и закончу.

— Мистер Поттер, — Минерва покачала головой, — вы недооцениваете важность дисциплины потому, что лично вам она не нужна... — она запнулась. Получилось совсем не то, что она хотела сказать, и теперь Северус, Дамблдор и даже сам Гарри непонимающе смотрели на неё. — Ну, то есть, для того, чтобы учиться. Не каждый ребёнок способен обучаться, если над ним никто не стоит. И если другие дети начнут следовать вашему примеру, то навредит это прежде всего им.

Гарри криво усмехнулся:

— Истина превыше всего. Истина состоит в том, что я зря дал волю гневу, зря сорвал урок, что всем этим я подал другим ученикам нехороший пример. Истина также в том, что Северус Снейп вёл себя неподобающим для учителя Хогвартса образом, и что отныне он будет более трепетно относиться к чувствам учеников на четвёртом курсе и младше. Если мы оба встанем и во всеуслышание об этом объявим, я согласен.

— Не дождёсь, Поттер! — выплюнул Северус.

— В конце концов, — мрачно улыбнулся Гарри, — если ученики увидят, что правила созданы для всех... что даже профессора им следуют, а не только бедные беспомощные ученики, которые в нынешней системе лишь страдают... что ж, положительный эффект на школьную дисциплину это произведёт несравненный.

Краткий миг молчания, а затем Дамблдор хохотнул:

— Минерва думает, что ты куда более прав, чем у тебя на то есть право.

Гарри поспешно отвёл взгляд от Дамблдора и уставился в пол:

— Теперь вы читаете её мысли?

— Проницательность часто путают с легилименцией, — сказал Дамблдор. — Я обговариваю это с Северусом, и если с его стороны извинений не будет, с твоей стороны они также не потребуются. Итак, объявляю вопрос закрытым, во всяком случае до обеда. — Он замолк на миг. — Впрочем, Гарри, боюсь, Минерва хочет обсудить с тобой ещё одно дело, и я здесь совершенно ни при чём. Минерва, будьте добры?

МакГонаггалл встала со стула и пошатнулась. Слишком много адреналина в крови, слишком быстро колотится сердце.

— Фоукс, проводи её, пожалуйста, — попросил Дамблдор.

— Мне не... — начала она.

Дамблдор взглядом оборвал её возражения.

Феникс взмыл в воздух, лёгким языком пламени порхнул по комнате и приземлился на плечо Минервы. Она ощутила, как тепло, проникая сквозь мантию, разливается по всему её телу.

— Следуйте за мной, мистер Поттер, — твёрдо сказала она, и они вышли из кабинета.

* * *

Они стояли на спиральной лестнице, бесшумно скользившей вниз. Минерва не знала, что сказать. Она ловила себя на мысли, что совсем не знакома с тем, кто стоит рядом.

И вдруг Фоукс заворковал.

Звук был нежный и тихий, словно мелодия домашнего очага.

Он прокатился по разуму Минервы, очищая, расслабляя, успокаивая.

— Что это? — прошептал Гарри срывающимся голосом.

— Песня феникса, — ответила Минерва не поворачивая головы. Всё её внимание было поглощено этой странной, тихой музыкой. — Она тоже лечит.

Гарри отвернулся, но она успела заметить, как его лицо на мгновение болезненно исказилось.

Они спускались очень долго, а может, так только казалось из-за музыки. Когда они наконец вышли через проход, открытый горгульей, её рука сжимала ладонь Гарри.

После того как горгулья встала на место, Фоукс умолк и слетел с её плеча, повиснув в воздухе перед Гарри.

Мальчик уставился на феникса, словно загипнотизированный танцующими языками пламени.

— Что мне делать, Фоукс? — прошептал Гарри. — Я бы не смог их защитить, если бы не разозлился.

Феникс не издал ни звука, был слышен только трепет его огненных крыльев. Яркая вспышка угасающего пламени — и Фоукс исчез.

Они оба моргнули, словно пробуждаясь — а может, наоборот, погружаясь в сон.

Минерва опустила взгляд.

К ней было обращено светлое, юное лицо Гарри Поттера.

— Фениксы — люди? — спросил Гарри. — То есть, они достаточно разумны, чтобы считаться людьми? Мог бы я говорить с Фоуксом, если бы знал его язык?

Минерва на секунду прикрыла глаза.

— Нет, — её голос слегка дрожал, — фениксы — творения могущественной магии, которая выделяет их среди прочих животных. Они — огонь, свет, исцеление, перерождение. Но всё-таки мой ответ — нет.

— Где мне достать такого?

Минерва наклонилась и обняла мальчика. Она сама не поняла почему, но просто не могла поступить иначе. Когда она выпрямилась, у неё першило в горле. Говорить было тяжело, но она через силу спросила:

— Что сегодня произошло, Гарри?

— Ни на один из важных вопросов я тоже не знаю ответов. А ещё мне хочется обо всём этом какое-то время не думать.

Минерва опять взяла его за руку, и они пошли дальше молча.

Путь был коротким, потому что кабинет заместителя располагался близко к кабинету директора.

Минерва села за стол.

Гарри сел перед столом.

— Итак, — прошептала Минерва. Она бы предпочла оставить всё как есть, или переложить эту обязанность на кого-то ещё, но дело требовало решения безотлагательно. — Я хотела поговорить с вами о школьной дисциплине. От которой вы не освобождены.

— О чём именно? — спросил Гарри.

Он не знает. Не успел ещё понять. У неё сжалось сердце. Но выбора не было.

— Мистер Поттер, — сказала профессор МакГонагалл, — ваш Маховик времени, пожалуйста.

Всё спокойствие, принесённое фениксом, мигом исчезло с его лица, как если бы Минерва вдруг ударила его ножом.

— Нет! — в голосе Гарри зазвучала паника. — Он мне нужен, я не смогу обучаться в Хогвартсе! Я не смогу вовремя ложиться спать!

— Сможете, — сказала она. — Министерство предоставило защитную оболочку для вашего Маховика. Я наложу специальное заклятье, чтобы её можно было открывать только между девятью вечера и полуночью.

Лицо Гарри исказилось:

— Но... но я...

— Мистер Поттер, сколько раз вы использовали Маховик, считая с понедельника? Сколько добавили часов?

— Я... Дайте посчитаю, — Гарри посмотрел на свои часы.

Минерва ощутила приступ горечи. Она так и думала.

— Наверняка больше, чем два раза в день. Если я опрошу ваших однокурсников, то скорее всего выясню, что под вечер у вас всё время очень сонный вид, а каждое утро вы встаёте всё раньше и раньше. Так ведь?

Чтобы узнать ответ, достаточно было посмотреть на его лицо.

— Мистер Поттер, — мягко сказала она, — некоторым ученикам нельзя доверять Маховик времени, потому что у них вырабатывается от него зависимость. Таким ученикам дают зелье, продлевающее сон на нужное время, но они начинают использовать Маховик не только для посещения занятий. И тогда мы его забираем. Мистер Поттер, вы стали использовать Маховик как универсальное решение для любой задачи, зачастую совершенно бессмысленно. С его помощью вы заполучили напоминалку. А также пропали из кладовки чуть ли не на глазах у других учеников вместо того, чтобы вернуться во времени и попросить меня или кого-нибудь другого открыть вам дверь уже после того, как вас выпустили бы

По лицу Гарри было видно, что эта мысль ему в голову не приходила.

— И что важнее, — продолжала она, — вам следовало просто остаться в классе профессора Снейпа. И наблюдать. И покинуть класс в конце занятия. Как вы бы и поступили, не будь у вас Маховика времени. Некоторым ученикам нельзя доверять Маховики, мистер Поттер. Я сожалею, но вы — один из них.

— Но он мне нужен! — выпалил Гарри. — Что, если мне придётся спастись от толпы слизеринцев? Он меня защищает...

— Остальные ученики рискуют не меньше, и, уверяю вас, у них как-то получается выживать. Ни один ученик не умер в замке за последние пятьдесят лет. Мистер Поттер, ваш Маховик времени, сейчас же.

Лицо Гарри страдальчески перекосилось, но он снял кулон с Маховиком и отдал ей.

Минерва достала из стола одну из защитных оболочек, присланных в Хогвартс, защёлкнула её на песочных часах Маховика и приложила к оболочке палочку, накладывая заклятье.

— Это нечестно! — вдруг завопил Гарри. — Я спас сегодня пол-Хогвартса от профессора Снейпа, разве правильно меня за это

наказывать? Я видел выражение вашего лица, вы же ненавидите то, что он делает!

Несколько мгновений Минерва не отвечала, завершая заклинание.

Закончив, она подняла глаза. Вид у неё, знала она, был суровый. Может, поступать так неправильно. А может, напротив, правильно. Мир не рухнул — перед ней сидел самый обычный строптивый ребёнок.

— Нечестно, мистер Поттер? — рявкнула она. — Мне два дня подряд пришлось сочинять отчёты, объясняя, почему Маховик времени был использован прилюдно! Вы должны быть благодарны за то, что вам вообще его оставили! Директору лично пришлось связываться с Министерством через каминную сеть, чтобы просить об этом, и не будь вы Мальчиком-Который-Выжил, даже это бы не помогло!

Гарри вытаращился на неё.

Она знала, что он видит сердитое лицо профессора МакГонагалл.

Его глаза наполнились слезами.

— Извините, мне очень жаль, — прошептал он охрипшим от волнения голосом, — я подвёл вас...

— Мне тоже жаль, мистер Поттер, — строго сказала она и отдала ему только что ограниченный Маховик. — Можете идти.

Гарри развернулся и выбежал из кабинета, всхлипывая. Она слышала его удаляющиеся шаги, а потом дверь закрылась и заглушила их.

— Мне тоже, Гарри, — прошептала она в тишине комнаты, — очень-очень жаль.

* * *

Пятнадцать минут после начала обеденного часа.

Никто не разговаривал с Гарри. Некоторые когтевранцы смотрели на него со злостью, другие — с сочувствием, а часть самых младших учеников — даже с восхищением, но никто не смел с ним заговорить. Даже Гермиона не решалась подойти.

Фред и Джордж робко приблизились. Они ничего не сказали. Предложение было очевидно, как и возможность отказаться от него по желанию. Гарри сказал, что он подойдёт, когда подадут десерт, не раньше. Они кивнули и испарились.

Возможно, виной всему этому было отсутствующее выражение на его лице.

Другие, вероятно, полагали, что он сдерживает злость или смятение. Они видели, как Флитвик приходил за ним, и знали, что он был в кабинете директора.

Гарри старательно сдерживал улыбку, потому что улыбнувшись, он засмеётся, а если он начнёт смеяться, то не остановится, пока не придут добрые джентльмены в белых халатах и не утащат его за собой.

Чересчур. Всё это было уже чересчур. Гарри чуть не перешёл на Тёмную сторону, его собственная Тёмная Сторона натворила дел, которые теперь казались безумными, его Тёмная Сторона добилась невероятной победы, которая могла быть реальной, а могла оказаться и сущей блажью безумного директора, его Тёмная Сторона защитила его друзей. Как же невыносимо. Вот бы Фоукс снова спел для него. Вот бы использовать Маховик, чтобы взять на часок перерыв и отдохнуть в тишине и спокойствии, но теперь такой возможности не было и потеря ощущалась, словно дыра в мироздании, но он старался не думать об этом, чтобы не расхотаться в истерике.

Прошло двадцать минут. Почти все ученики уже приступили к обеду, и никто не торопился уходить.

Стук ложки разнёсся по всему Большому залу.

— Прошу внимания, — сказал Дамблдор. — Гарри Поттер хочет нам кое-что сказать.

Гарри глубоко вздохнул, поднялся и прошёл к учительскому столу, притянув к себе внимание всех присутствующих.

Он развернулся и окинул взглядом все четыре стола.

Сдерживать улыбку становилось всё труднее, но Гарри всё же сумел сохранить бесстрастное лицо и спокойный голос, произнося свою короткую, подготовленную речь.

— Истина священна. Одно из моих самых дорогих сокровищ — это значок, на котором написано: «Говори правду, даже если твой голос дрожит». Так что я скажу правду. Запомните. Я говорю это не по принуждению, я говорю потому, что это правда. Моё поведение в классе профессора Снейпа было неразумным, глупым ребячеством и непростительным нарушением правил Хогвартса. Я сорвал урок и лишил своих сокурсников бесценного учебного времени. И всё потому, что не смог совладать со своим нравом. Я надеюсь, что никто из вас не последует моему примеру. И я сам надеюсь не совершать впредь подобных поступков.

Во взглядах многих учеников, смотревших на Гарри, теперь появилось мрачное, недовольное выражение, как на церемонии прощания с павшим лидером. На лицах младших гриффиндорцев этот взгляд был повсеместен.

Пока Гарри не поднял руку.

Не высоко. Иначе жест мог показаться чересчур властным. И уж точно не в сторону Северуса. Гарри поднял руку на уровень груди и беззвучно, просто обозначая жест, щёлкнул пальцами. Вполне вероятно, за учительским столом этого даже не увидели.

Такой явный знак неповиновения заработал несколько внезапных улыбок от гриффиндорского стола, холодных ухмылок превосходства из-за стола слизеринцев и вздрагиваний и обеспокоенных взглядов со стороны остальных.

Лицо Гарри по-прежнему оставалось спокойным.

— Благодарю за внимание, — сказал он, — это всё.

— Спасибо, Гарри Поттер, — сказал директор. — А теперь что-то хочет сказать и профессор Снейп.

Северус медленно поднялся со своего места за учительским столом.

— До моего сведения довели, — начал он, — что мои действия отчасти спровоцировали безусловно непростительную вспышку гнева у мистера Поттера, и в последовавшей дискуссии я понял, что забыл, как легко ранить чувства молодых и незрелых...

Раздался звук — как будто множество людей одновременно приглушённо закашлялись.

Северус продолжил, словно не слыша этого.

— Класс зельеварения — опасное место, и я по-прежнему уверен, что жёсткая дисциплина необходима, но впредь я буду более внимателен к... эмоциональной хрупкости... учеников с первого по четвёртый курсы. Я не верну Когтеврану баллы, но снимаю отработки с мистера Поттера. Спасибо.

Со стороны гриффиндорского стола раздался единственный хлопок. Палочка Северуса молниеносно оказалась в его руке и *«Квиетус!»* заставил нарушителя умолкнуть.

— Я всё равно буду требовать дисциплины и уважения на всех своих занятиях без исключения, — холодно сказал Северус, — и всякий, кто посмеет шутить со мной, пожалеет об этом.

Он сел.

— И ещё раз спасибо! — весело сказал директор Дамблдор. — Продолжим трапезу!

Гарри, не снимая маску безразличия, двинулся к своему месту за столом Когтеврана.

Взрыв обсуждений. Два слова с большим отрывом опережали остальных. Первое было: «Что...», с которого начинались такие фразы, как: «Что это было?» и «Что за фигня...». Второе — *«Скорджирай!»*, поскольку ученикам пришлось убирать выпавшую

из рук еду, выплюнутые напитки, вычищать пятна на скатерти и друг на друге.

Некоторые ученики не скрываясь плакали. Как и профессор Спраут.

За гриффиндорским столом, в той его части, где ожидал своего часа торт с пятьюдесятью одной свечой, Фред прошептал: «Кажется, это уже не наш уровень, Джордж».

И с этого дня, сколько бы Гермиона ни пыталась доказать обратное, общепризнанной легендой Хогwartса стало то, что Гарри Поттер может сделать абсолютно всё что угодно, просто щёлкнув пальцами.

Глава 19

Отложенное вознаграждение

Кровь для Бога крови! Черепа для Дж. К. Роулинг!*

Мантия Драко выглядела на нём куда более серьёзной, официальной и ладной, чем такие же на двух слизеринцах, стоявших за его спиной.

— Говори, — строго велел он.

— Ага! Говори!

— Слышал босса? Говори!

— А вы двое, наоборот, заткнитесь.

Последний урок пятницы должен был вот-вот начаться в большой аудитории, где все четыре факультета учились Защище... то есть Боевой магии.

Последний урок пятницы.

Гарри лелеял надежду о спокойном занятии. Великолепный профессор Квиррелл ведь наверняка понимает, что сейчас не самое лучшее время привлекать к Гарри лишнее внимание. Он уже немного отошёл, но...

...но как же хотелось ещё чуть-чуть отдохнуть, просто на всякий случай.

Гарри откинулся на спинку стула и торжественно посмотрел на Драко и его приспешников.

— Вы спросите, какова наша цель? — провозгласил он. — Я могу ответить одним словом: победа — победа любой ценой, победа, несмотря на все ужасы; победа, независимо от того, насколько долог и тернист может оказаться к ней путь; без победы мы не...*

— О Снейпе, — зашипел Драко. — Говори, что ты сделал!

Гарри отбросил напускную торжественность и посерьёзnel.

— Ты сам всё видел. Все видели. Я щёлкнул пальцами.

— Гарри! Хватит паясничать!

Ого! Его повысили до «Гарри». Интересно. Ведь наверняка Драко сделал это специально, чтобы Гарри заметил и чем-то отплатил...

Гарри указал пальцем на своё ухо и многозначительно посмотрел на приспешников Малфоя.

— Они ничего не расскажут, — заверил тот.

— Драко, буду с тобой предельно откровенен: вчера мистер Гойл не произвёл на меня впечатления утончённого мыслителя.

Мистер Гойл поморщился.

— На меня тоже, — согласился Драко. — Я уже объяснил ему, что задолжал тебе за его выходку. — Мистер Гойл снова поморщился. — Но между такого рода ошибкой и болтливостью есть большая разница. Хранить секреты их учили всю жизнь.

— Ну ладно, — Гарри понизил голос, несмотря на то что с началом разговора звуки вокруг превратились в уже знакомый едва различимый шум. — Я выведал одну из тайн Северуса и прибегнул к шантажу.

Лицо Драко посуровело:

— Хорошо, а теперь расскажи правду, а не то, что ты по секрету наплёл идиотам из Гриффиндора, чтобы на следующий день вся школа была в курсе.

Гарри невольно ухмыльнулся. Он так и знал, что этот слизеринец его раскусит.

— А что говорит сам Северус?

— Что забыл, как чувствительны дети, — фыркнул Драко. — Даже слизеринцам! Даже мне!

— А ты уверен, что хочешь знать то, о чём твой декан предпочёл умолчать?

— Да, — без колебаний ответил Драко.

Интересно.

— Тогда тебе и впрямь придётся отослать своих приспешников. Я не могу доверять им так же, как доверяешь ты.

— Ладно, — кивнул Драко.

У мистера Крэбба и мистера Гойла был крайне несчастный вид.

— Босс... — взмолился мистер Крэбб.

— У мистера Поттера нет причин вам доверять, — отрезал Драко. — Кыш!

Они ушли.

— В частности, — ещё сильнее понизил голос Гарри, — я не могу быть стопроцентно уверенным, что они не доложат об услышанном Люциусу.

— Отец бы так не сделал! — ужаснулся Драко. — Они мои!

— Прости, Драко, но у меня также нет причин доверять твоему отцу, как доверяешь ему ты. Представь, что это твой секрет, а я тебя уверяю, что мой отец так бы никогда не сделал.

— Ты прав, — медленно кивнул Драко. — Прости меня, Гарри. Неправильно было требовать этого от тебя.

Отчего бы это его мнение обо мне выросло так сильно? Разве он не должен теперь меня ненавидеть? Гарри чувствовал, что это можно как-то использовать... если бы только его мозг не устал так сильно. В другое время он бы с величайшим удовольствием попробовал себя в мозгодробительных интригах.

— Как бы то ни было, — сказал Гарри, — предлагаю обмен. Я тебе сообщаю кое-что не предназначенное для сплетен и особенно для ушей твоего отца. А ты взамен рассказываешь, что обо всём этом думают в Слизерине.

— По рукам!

А теперь как бы так потуманнее выразиться... и не сболтнуть чего лишнего, чтобы не было большой беды, даже если все об этом узнают...

— Я не соврал. Я на самом деле узнал один из секретов Северуса, и я на самом деле прибегнул к шантажу. Но в деле был замешан не только он.

— Я так и думал! — с восторгом воскликнул Драко.

У Гарри ёкнуло сердце. Он, похоже, сообщил слизеринцу что-то очень значимое, но не понимал почему. Нехороший знак.

— Значит, так, — начал Драко, широко ухмыляясь. — Реакция Слизерина была примерно такой. Первым делом взволновались идиоты: «Мы ненавидим Гарри Поттера! Давайте его побьём!»

Гарри закашлялся:

— Чем Распределяющая шляпа вообще думает? Это не по-слизерински, это по-гриффиндорски...

— Не всем же быть вундеркиндами, — сказал Драко, но улыбнулся язвительно-заговорщицки, как будто сам втайне разделял мнение Гарри. — Впрочем, через пятнадцать секунд им объяснили, что Снейпу это только навредит, так что бояться тебе нечего. Затем проснулась вторая половина идиотов, которые заявили, что, мол, Гарри Поттер — очередной борец за добро и справедливость.

— А потом? — поинтересовался Гарри с улыбкой, хотя и не знал, почему эта мысль была такой уж глупой.

— А потом начали высказываться умные люди. Очевидно, ты нашёл способ очень серьёзно надавить на Снейпа. И хотя это может означать что угодно... следующая очевидная мысль — здесь

скорее всего замешан тот неизвестный рычаг влияния на Дамблдора, которым располагает Снейп. Я прав?

— Без комментариев, — сказал Гарри.

Ну, хоть что-то он предположил верно. В Слизерине и впрямь гадали, почему Снейпа не увольняют, и в итоге решили, что Северус шантажирует Дамблдора. Кстати, а вдруг это правда? Но не похоже, по поведению директора Гарри бы так не сказал...

Тем временем Драко продолжал разглагольствовать:

— А после этого умные люди заметили: если ты смог достаточно серьёзно надавить на Снейпа, чтобы тот оставил в покое пол-Хогвартса, ты при желании наверняка мог и совсем от него избавиться. Ты его унизил в ответ на попытку унижить тебя — но всё же оставил нам нашего декана.

Гарри улыбнулся ещё шире.

— После чего самые умные посоветовались между собой, — теперь уже серьёзно сказал Драко, — и кто-то отметил, что с твоей стороны было бы очень неразумно оставить в замке такого врага. Если ты мог сломать его рычаг влияния на Дамблдора, разумнее всего было бы так и сделать. Тогда бы Дамблдор выкинул Снейпа из Хогвартса и, возможно, даже организовал его смерть. И остался бы очень тебе благодарен, и тебе не пришлось бы беспокоиться, что Снейп ночью прокрадётся в твою спальню с набором занимательных отваров.

Лицо Гарри ничего не выражало. Об этом он не подумал, а зря. Очень, очень зря.

— Из чего вы сделали вывод?..

— Что рычаг Снейпа — какой-то секрет Дамблдора, и ты его выведал! — торжественно возвестил Драко. — Его вряд ли достаточно, чтобы полностью уничтожить Дамблдора, иначе Снейп уже давно дал бы ему ход. А он смог добиться только неоспоримого положения короля Слизерина в Хогвартсе, да и здесь не всегда получает то, что хочет. Значит, секрет этот имеет ограничения. Но он определённо очень хорош! Отец годами упраскивает Снейпа рассказать его!

— А теперь, — продолжил за него Гарри, — Люциус надеется узнать этот секрет от меня. Ты уже получил сову...

— Сегодня получу, — рассмеялся Драко. — В письме будет сказано: «Мой любимый сын, я уже обсуждал с тобой вероятный потенциал Гарри Поттера. Как ты уже понял, потенциал этот вырос как в масштабе, так и в важности. Если ты увидишь способ подружиться с ним или найдёшь другой метод воздействия, ты должен за него ухватиться. Все ресурсы Малфоев в твоём распоряжении, если потребуется».

Ну ничего себе.

— Не оценивая правильность твоего нагромождения теорий, замечу, что мы ещё не настолько хорошие друзья, — сказал Гарри.

— Я знаю, — Драко вдруг нахмурился и понизил голос, несмотря даже на белый шум. — Гарри, а тебе не приходило в голову, что знать секрет Дамблдора опасно? Вдруг он просто возьмет и организует тебе несчастный случай? Вдруг окажется, что Мальчика-Который-Выжил легко превратить из вероятного конкурента в разменную пешку.

— Без комментариев, — ответил Гарри. Об этом он тоже не подумал. Не походило это на методы Дамблдора... но...

— Гарри, — доверительно сказал Драко, — ты бесспорно талантлив, но у тебя нет достойной подготовки и учителей. Иногда ты делаешь глупости, и тебе очень нужен советчик, который знает всю эту кухню, иначе ты долго не протянешь!

— Ага, советчик вроде Люциуса? — уточнил Гарри.

— Вроде меня! Я обещаю никому не выдавать твои секреты, даже отцу, и готов помочь тебе с чем угодно!

Ух ты.

Зомби-Квиррелл, спотыкаясь, вошёл в класс.

— Сейчас начнётся урок, — сказал Гарри. — Я подумаю над твоими словами, мне и впрямь не помешала бы твоя подготовка, просто я не знаю, могу ли я уже тебе доверять...

— Всё правильно, пока не можешь, — перебил Драко, — ещё слишком рано. Видишь? Я даю хороший совет, даже если мне он невыгоден. Но, пожалуй, нам следует как можно скорее стать более близкими друзьями.

— К этому я готов, — ответил Гарри, уже раздумывая, как бы использовать такую дружбу.

— И ещё один совет, — поспешно добавил Драко, пока Квиррелл, ссутулившись, брёл к своему столу. — Всем слизеринцам ты сейчас интересен. Так что если ищешь нашего расположения, то подай какой-нибудь знак. И поскорее — не сегодня так завтра.

— А того, что Северус по-прежнему может начислять вам баллы просто так — недостаточно? — почему бы не записать это достижение на свой счёт.

В глазах Драко мелькнуло понимание:

— Это не подходит, уж поверь мне. Нужно что-нибудь поочевидней. Например, толкни эту грязнокровку Грейнджер, и слизеринцы сразу поймут, что к чему...

— В Когтевране так не делают, Драко! Толкнув кого-то, ты сразу же расписываешься в неспособности одержать верх при помощи интеллекта, и это понятно каждому когтевранцу...

Монитор на парте Гарри мигнул и включился, вызвав уже знакомое чувство ностальгии о телевидении и компьютерах.

— Кхе-кхе, — откашлялся профессор Квиррелл, а затем обратился будто бы прямо к Гарри: — Пожалуйста, занимайте ваши места.

* * *

Ученики расселись и либо уставились в экраны на партах, либо смотрели на гигантский помост, где стоял профессор Квиррелл. Он облокачивался на стол, находившийся на небольшом возвышении из тёмного мрамора.

— Сегодня, — начал профессор Квиррелл, — я собирался научить вас первому защитному заклинанию, предшественнику Протего. Но в свете последних событий я изменил планы.

Взгляд профессора скользнул по рядам. Гарри, сидя за последней партой, вздрогнул: он уже догадывался, кого вызовет Квиррелл.

— Драко из Благородного и Древнейшего Дома Малфоев, — сказал тот.

Гарри перевёл дух.

— Да, профессор? — откликнулся Драко. Его усиленный голос, казалось, исходил прямо из экрана, который тут же показал его лицо. Затем на экране снова появился профессор Квиррелл.

— Вы хотите стать следующим Тёмным Лордом? — спросил он.

— Станный вопрос. В смысле, какой же дурак признается в таком желании?

Некоторые ученики засмеялись.

— Ваша правда, — согласился Квиррелл. — Полагаю, остальных спрашивать об этом также не имеет смысла. Однако я ни капли не удивлюсь, если парочка учеников в этом классе втайне мечтает стать новым Тёмным Лордом. В конце концов, даже у меня было такое желание, когда я был юным слизеринцем.

На этот раз смех был посмелее.

— Всё-таки это факультет целеустремлённых, — сказал профессор Квиррелл с улыбкой. — Лишь много времени спустя я понял, что на самом деле меня куда больше занимает боевая магия и что на самом деле моя главная цель в жизни — стать великим боевым волшебником и когда-нибудь преподавать в Хогвартсе.

В любом случае в тринадцать лет я перерыл весь исторический раздел библиотеки Хогвартса, досконально изучив судьбы разных Тёмных лордов, и в итоге составил список ошибок, которые никогда бы не совершал на их месте...*

Гарри, не сдержавшись, хихикнул.

— Да, мистер Поттер, очень забавно. Может, угадаете, что шло первым пунктом?

Ну отлично!

— Эм... Никогда не использовать сложный способ борьбы с врагом, когда его можно просто заабракадабровать?

— Это называется *Авада Кедавра*, мистер Поттер, — резко сказал профессор Квиррелл. — И нет, вы не угадали. В тринадцать я о таком не думал. Ещё догадки?

— Ну... Никогда ни перед кем не хвастаться своими гениальными планами по захвату мира?

Профессор засмеялся:

— Таков был второй пункт списка. Неужели мы с вами читали одни и те же книги?

По классу пробежали нервные смешки.

Гарри стиснул зубы и промолчал. Отнекиваться бесполезно.

— Но вы опять не угадали. Самый первый пункт звучал так: я никогда не буду провоцировать сильного противника. История мира направилась бы совершенно в другое русло, если бы Морнелит Фалконсбейн или Гитлер усвоили эту простую истину*. А теперь, мистер Поттер, если, — подчёркиваю, если вы лелеете ту же надежду, что и я когда-то — мне хотелось бы надеяться, что вашей целью не является стать глупым Тёмным Лордом.

— Профессор Квиррелл, — процедил Гарри, стиснув зубы. — Я — когтевранец. Моей целью никак не может быть глупость. И точка. Знаю, я совершил сегодня дурацкий поступок. Но это вовсе не проявление Тёмной силы! Не я нанёс первый удар!

— Вы болван, мистер Поттер. Но в вашем возрасте я был таким же. Я ожидал подобного ответа и соответствующим образом изменил план занятия. Мистер Грегори Гойл, приглашаю вас на помост.

Повисло удивлённое молчание. Такого поворота Гарри не ожидал.

Мистер Гойл, судя по выражению лица, тоже — он был явно обескуражен и взволнован, но послушно взобрался на помост.

Профессор Квиррелл выпрямился и вдруг стал выглядеть гораздо сильнее, сжав кулаки и заняв боевую стойку на манер какого-то вос-точного стиля единоборств — ошибиться было невозможно.

Гарри удивлённо распахнул глаза: он понял, зачем вызвали мистера Гойла.

— Большинство волшебников, — сказал Квиррелл, — не придают значения тому, что у маглов называется боевыми искусствами, ведь палочка, по их мнению, сильнее кулака. Глупое заблуждение — палочку ведь в кулаке и держат. Чтобы стать великим боевым магом, просто необходимо овладеть боевыми искусствами в такой степени, чтобы даже маглы ахнули. Сейчас я покажу один очень важный приём, которому я научился в додзё — магловской школе боевых искусств, после чего кратко о нём расскажу. А сейчас...

Профессор Квиррелл сделал несколько шагов вперёд, к Гойлу.

— Мистер Гойл. Атакуйте меня.

— Профессор Квиррелл, — голос у Гойла усилился также, как до этого у Драко, — а какой у вас уровень?..

— Шестой дан. Не бойтесь, никто из нас не пострадает. Если заметите брешь в моей защите, воспользуйтесь ею.

Мистер Гойл облегчённо кивнул.

— Обратите внимание, — сказал Квиррелл, — мистер Гойл не хотел нападать на того, кто не владеет боевыми искусствами в достаточной мере, опасаясь, что кто-то из нас пострадает. Мистер Гойл повёл себя совершенно правильно, за что получает три балла Квиррелла. А теперь — к бою!

Слизеринец рванул вперёд, нанося удар за ударом, которые профессор Квиррелл ловко, словно в танце, отводил, двигаясь назад. Потом они поменялись ролями, и уже Квиррелл атаковал, а Гойл блокировал удары и уворачивался. Он попытался сделать подсечку, но профессор перепрыгнул подставленную ногу, и вообще, всё происходило так быстро, что Гарри не успевал ничего толком разобрать. Потом Гойл, вдруг оказавшись на спине, толкнул ногами Квиррелла, и профессор, пролетев по воздуху, упал на плечо и ловко перекатился.

— Стоп! — закричал он. В его голосе слышалась паника. — Вы победили!

Мистер Гойл остановился так резко, что чуть не упал. На его лице ясно читалось потрясение.

Профессор Квиррелл выгнул спину и вскочил на ноги без помощи рук.

В классе стояла мёртвая тишина, порождённая общим замешательством.

— Мистер Гойл, — произнёс профессор Квиррелл, — так какой важный приём я только что продемонстрировал?

— Как правильно падать, — ответил мистер Гойл. — Это один из первых уроков, которые...

— И это тоже, — перебил профессор.

Гойл задумался.

— Я продемонстрировал, как проигрывать. Вы можете занять своё место, мистер Гойл, спасибо.

Слизеринец сошёл с помоста. Он был сбит с толку, и Гарри разделял его чувства.

Профессор Квиррелл вернулся к столу и снова опёрся на него рукой.

— Всем нам свойственно иногда забывать основы, потому что мы постигли их очень давно. Я понял, что допустил именно эту ошибку при составлении программы занятий. Учеников не учат броскам, пока они не научатся правильно падать. И я не должен учить вас побеждать, пока вы не научитесь проигрывать.

Лицо профессора Квиррелла посуровело, и Гарри заметил тень боли и печали в его глазах.

— Я постиг эту науку в одном из додзё Азии, а именно там, как известно всем маглам, живут лучшие мастера боевых искусств. В том додзё обучали стилю боя, который среди боевых магов считается наиболее подходящим для применения в волшебной дуэли. Тамошний Мастер — старый по магловским меркам человек — был величайшим учителем этого стиля. Он, разумеется, и не подозревал о существовании магии. Я обратился к нему с просьбой принять меня на обучение и оказался одним из немногих счастливых, которые прошли отбор. Впрочем, здесь мог быть замешан несколько необычный фактор воздействия.

Некоторые ученики засмеялись, но Гарри среди них не было. Так поступать нехорошо.

— Как бы то ни было, во время одного из первых тренировочных поединков меня побили особенно унижительным образом. Я не выдержал и бросился на противника...

Ой-ой-ой.

— ...к счастью, просто с кулаками, а не с волшебной палочкой. Мастер, как ни странно, меня не исключил. Но он сообщил, что в моём характере есть изъян. Он объяснил его мне, и я понял, что он прав. Мне нужно было научиться признавать поражение.

Лицо профессора Квиррелла ничего не выражало.

— Следуя его приказам, все ученики в додзё выстроились в ряд и один за другим подходили ко мне. Мне было запрещено защищаться.

Я должен был просить у них пощады. Один за другим они давали мне пощёчины, били кулаками, толкали, валили на землю. Некоторые из них на меня плевали. Они обзывали меня самыми страшными ругательствами своего языка. И каждому я должен был говорить: «Я сдаюсь!», «Пощадите!», «Я знаю, что вы лучше меня!».

Гарри попытался это представить, но у него ничего не вышло. Ну не могло такое случиться с горделивым профессором Квирреллом.

— Уже тогда я был великолепным боевым магом. Даже без палочки я мог убить их всех. Но я этого не сделал. Я научился признавать поражение. Тот день стал одним из неприятнейших дней в моей жизни. И когда я покинул додзё через восемь месяцев — срок маленький, но больше я себе позволить не мог — Мастер сказал мне: «Надеюсь, ты понимаешь, для чего это было нужно». И я ответил ему, что урок был бесценен. И это правда.

В глазах профессора Квиррелла появилась горечь:

— Наверно, вы спросите — где же это чудесное место, можно ли и вам там поучиться. Нельзя. После меня в эту школу, укрытую глубоко в горах, явился ещё один претендент на обучение. Тот-Кого-Нельзя-Называть.

По классу пронёсся дружный вздох. Гарри ощутил пустоту в груди. Он уже представлял, чем закончится эта история.

— Тёмный Лорд предстал в своём истинном облики — пылающие красные глаза и всё такое. Ученики пробовали его задержать, но он просто аппарировал сквозь них. К нему вышел Мастер, и Тёмный Лорд потребовал — не попросил, а потребовал, чтобы его обучали.

На лице профессора Квиррелла было крайне мрачное выражение.

— Вероятно, старик перечитал книжек, в которых истинный мастер боевых искусств одолевает даже демонов. Так или иначе, но он отказался. Тёмный Лорд пожелал узнать причину, по которой он не может стать учеником. Мастер ответил, что тот слишком нетерпелив, и тогда Тёмный Лорд вырвал ему язык.

И опять дружный вздох.

— Думаю, вы уже поняли, что было дальше. Ученики набросились на Тёмного Лорда, но он всех парализовал, а потом...

Голос профессора Квиррелла на мгновение затих.

— В числе непростительных проклятий существует одно, именуемое Круциатус. Оно вызывает у жертвы невыносимую боль. Если Круциатус поддерживать в течение нескольких минут, то жертва непоправимо утрачивает рассудок. На каждого из учеников Тёмный Лорд по очереди накладывал Круциатус, пока они все не сошли с ума,

а потом он прикончил их Смертельным проклятием, заставив Мастера за всем этим наблюдать. После чего убил и старика. Я узнал об этом от единственного выжившего ученика, моего друга, которого Тёмный Лорд оставил в живых, чтобы было кому обо всём рассказать...

Профессор Квиррелл на секунду отвернулся, а потом вновь, уже спокойно, оглядел класс.

— Тёмные волшебники не в состоянии сладить со своим нравом, — тихо произнёс Квиррелл. — Это, за редким исключением, общая для них черта. Всякий, кто сражается с ними достаточно долго, привыкает на это полагаться. Вполне очевидно, что Тёмный Лорд вовсе не выиграл в тот день. Его целью было изучение боевых искусств, но он не получил ни единого урока. Он совершенно напрасно позволил этой истории получить огласку. Она показывает не его силу, но скорее его слабость, которую против него можно использовать.

Взгляд профессора Квиррелла остановился на одном ученике в аудитории.

— Гарри Поттер, — сказал Квиррелл.

— Да, — хрипло отозвался Гарри.

— Что конкретно вы сегодня сделали неправильно?

У Гарри возникло ощущение, что его сейчас стошнит.

— Я вышел из себя.

— Недостаточно конкретно, — покачал головой профессор Квиррелл, — позвольте уточнить. У многих животных есть так называемые ритуальные поединки. Они атакуют друг друга рогами, пытаются опрокинуть, а не проткнуть насквозь. Они дерутся лапами, но когти не выпускают. Почему они их прячут? Ведь так их шансы на победу значительно вырастут? Потому что тогда их противник тоже начнёт пользоваться когтями, и вместо ритуального соревнования с победителем и проигравшим получится бой, в котором они оба могут получить серьёзные ранения.

Профессор Квиррелл смотрел с экрана прямо в глаза Гарри:

— Сегодня, мистер Поттер, вы продемонстрировали, что, в отличие от животных, которые прячут когти и мирятся с любым результатом, вы не способны признать поражение в ритуальном поединке. Когда вам бросил вызов не кто-нибудь, а профессор Хогвартса, вы не отступились. Почувствовав возможность проигрыша, вы обнажили когти, невзирая на опасность. Вы накручивали конфликт снова и снова. Всё началось со щелчка по носу со стороны профессора Снейпа, который занимает более высокую ступень в иерархии. Но вместо того, чтобы спокойно уступить, вы дали отпор, потеряли

десять баллов Когтеврана и вскоре уже вели разговор об уходе из Хогвартса. Тот факт, что после этого вы раскрутили конфликт ещё дальше в некоем неизвестном направлении и каким-то образом в конце концов победили, не отменяет вашего скудоумия.

— Я понял, — выдавил Гарри.

У него пересохло в гортани. Анализ был точен. До ужаса. После речи Квиррелла Гарри ясно видел, что вернее описать произошедшее невозможно. И когда обнаруживается, что кто-то так хорошо понимает твои поступки, волей-неволей начинаешь верить, что этот кто-то прав и насчёт других твоих качеств — например, готовности убивать.

— Когда, мистер Поттер, в следующий раз вам вздумается обострить конфликт, вы можете потерять вообще всё, что будет стоять на кону. Не знаю, какова была ваша ставка сегодня, но, полагаю, гораздо выше десяти баллов Когтеврана.

Ага, судьба магической Британии — вот на что была игра.

— Вы возразите, что, мол, старались помочь всему Хогвартсу. Что цель была достойна риска. Это просто ложь. Если бы вы...

— Я должен был стерпеть щелчок по носу, выждать и найти самое подходящее время для ответных действий, — хрипло сказал Гарри. — Но это означало бы проигрыш. Признание его превосходства. Это то, что не смог сделать Тёмный Лорд по отношению к Мастеру, у которого он хотел учиться.

Профессор Квиррелл кивнул:

— Вижу, вы всё прекрасно поняли. Так вот, мистер Поттер, сегодня вы научитесь проигрывать.

— Я...

— Никаких возражений. Вы в этом остро нуждаетесь, и у вас хватит на это сил. Уверю, ваш урок будет легче моего, даже если эти пятнадцать минут покажутся вам самым ужасным опытом в вашей пока ещё недолгой жизни.

Гарри глотнул.

— Профессор Квиррелл, — тихо сказал он, — может, как-нибудь в другой раз?

— Нет, — коротко ответил Квиррелл. — Вы провели в Хогвартсе всего пять дней и уже успели вляпаться. Сегодня пятница. Следующее занятие по Защите будет в среду. Суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда... Нет, так долго откладывать нельзя.

Послышались редкие смешки.

— Можете считать это требованием вашего профессора, мистер Поттер. Замечу, что в противном случае я не стану обучать

вас атакующим заклинаниям, так как не желаю вскоре узнать, что вы кого-то покалечили или даже убили. Как я слышал, ваши пальцы, к сожалению, сами по себе мощное оружие. Прошу вас не щёлкать ими во время этого занятия.

Ещё несколько смешков, довольно нервных.

Гарри чуть не плакал:

— Профессор Квиррелл, если вы задумали что-то вроде того, что было в вашем рассказе, то я, скорее всего, разозлюсь, а я, честное слово, очень не хочу сегодня снова злиться...

— Смысл не в том, чтобы сдерживать гнев, — веско сказал Квиррелл. — Ярость естественна. Вам нужно научиться проигрывать, даже когда вы в ярости. Или хотя бы притвориться, что проиграли, чтобы потом спокойно обдумать свою месть. Я так и поступил ранее с мистером Гойлом, если, конечно, никто из вас не полагает всерьёз, что он и впрямь превзошёл меня в бою...

— Я вас не превзошёл! — истошно завопил со своего места мистер Гойл. — Я знаю, вы на самом деле не проиграли! Пожалуй-ста, не надо мне мстить!

У Гарри засосало под ложечкой. Профессор Квиррелл не знал о его загадочной Тёмной Стороне.

— Профессор, нам очень нужно обсудить это после занятия...

— Так и сделаем, — примирительным тоном пообещал профессор Квиррелл, — когда вы научитесь проигрывать.

Его лицо было серьёзным.

— Само собой разумеется, я не допущу, чтобы вам нанесли травму или даже причинили значительную боль. Вы будете страдать лишь от необходимости проиграть, вместо того чтобы давать сдачи и обострять сражение до победного конца.

Задышавшись от страха, который был сильнее, чем даже после урока зельеварения, Гарри сказал:

— Профессор Квиррелл, я не хочу, чтобы вас из-за меня уволили...

— Не уволят, — возразил Квиррелл, — если вы потом расскажете, что так было необходимо. Это я оставляю на вас. — На мгновение голос Квиррелла стал сухим:

— Можете мне поверить, в коридорах этой школы терпят и не такое. Наш случай будет выделяться только тем, что произошёл в классе.

— Профессор Квиррелл, — прошептал Гарри, впрочем, не считывая, что остальные ничего не услышат, — вы правда думаете, что если я не пройду через это, то могу причинить кому-то серьёзный вред?

— Да, — коротко ответил Квиррелл.

— Тогда, — Гарри откровенно подташнивало, — я согласен.

Профессор Квиррелл повернулся к слизеринцам:

— Так-с... с полного согласия учителя и при том, что Снейпа не будут винить в ваших действиях... кто из вас хочет показать своё превосходство над Мальчиком-Который-Выжил? Пихнуть его, толкнуть, чтобы он упал, услышать, как он молит о пощаде?

Пять рук взлетели в воздух.

— Все, кто поднял руку: вы законченные идиоты. Вы понимаете, что означает слово «притворное», когда речь идёт о притворном поражении? Если Гарри Поттер станет следующим Тёмным Лордом, то после окончания школы он всех вас из-под земли достанет и с удовольствием поубивает.

Пять рук незамедлительно опустились.

— Не поубиваю, — неубедительно выговорил Гарри. — Я клянусь не мстить тем, кто поможет мне научиться проигрывать. Профессор Квиррелл... пожалуйста... хватит.

Профессор вздохнул:

— Приношу извинения, мистер Поттер. Знаю, вас раздражают такие речи вне зависимости от того, собираетесь вы стать Тёмным Лордом или нет. Но этим детям тоже нужно усвоить важный для жизни урок. Могу ли я наградить вас одним баллом Квиррелла в качестве извинения?

— Дайте два, — сказал Гарри.

Послышался удивлённый смех, немного разрядивший обстановку.

— Сделано, — сказал профессор Квиррелл.

— И после окончания школы я вас выслежу и защекочу до смерти.

Снова раздался смех. Впрочем, на лице Квиррелла не возникло и тени улыбки.

Гарри чувствовал, что он как будто борется с анакондой, пытаясь направить разговор так, чтобы убедить остальных, что он всё-таки не Тёмный Лорд... почему только профессор Квиррелл относится к нему с таким подозрением?

— Профессор, — ровным голосом сказал Драко, — я тоже не планирую становиться глупым Тёмным Лордом.

В помещении повисла тревожная тишина.

«Ну зачем ты так!» — чуть не завопил Гарри, но сдержался: Драко, возможно, не хотел подавать виду, что вмешивается из-за дружбы с Гарри... или он просто втирался в доверие...

Поймав себя на столь циничной мысли, Гарри почувствовал себя мелочным мизантропом. Но, возможно, на такой эффект Драко и рассчитывал.

Профессор Квиррелл серьёзно посмотрел на Драко.

— Вы беспокоитесь, что не сможете притвориться проигравшим, мистер Малфой? Что недостаток мистера Поттера присущ и вам? Сомневаюсь, что ваш отец не позаботился об этом.

— Когда это касается разговоров — может быть, — лицо Драко появилось на экране, — но не тогда, когда речь идёт о толчках и подножках. Я хочу быть таким же сильным, как вы, профессор Квиррелл.

Профессор удивлённо приподнял брови.

— Боюсь, мистер Малфой, — после некоторой паузы сказал он, — что мероприятие, приготовленное для мистера Поттера, подразумевает присутствие нескольких слизеринских старшекурсников, которым впоследствии будет объяснена вся глупость их поведения — так что вам оно не подойдёт. Но по моему профессиональному мнению вы уже достаточно сильны. Если я узнаю, что вы совершили глупость, подобную глупости мистера Поттера, то я подготовлю ещё одно мероприятие и извинюсь перед вами и перед теми, кто от вас пострадает. Но не думаю, что таковая необходимость возникнет.

— Я понял, профессор, — сказал Драко.

Квиррелл окинул взглядом весь класс:

— Кто-нибудь ещё хочет ступить на тропу самосовершенствования?

Некоторые ученики нервно переглянулись. Кое-кто, как Гарри заметил со своего последнего ряда, собирался было открыть рот, но так и не издал ни звука. В итоге никто больше не вызвался.

— Драко Малфой будет одним из генералов армий вашего курса, — сказал Квиррелл, — если, конечно, захочет принять участие во внеклассных занятиях. А теперь, мистер Поттер, пожалуйста, подойдите.

* * *

«Да, — сообщил ему профессор Квиррелл, — вы должны сделать это при всех, в том числе и перед вашими друзьями, потому что именно в такой ситуации вы противостояли Снейпу и именно в такой ситуации вы должны научиться проигрывать».

Так что за действием наблюдали все первокурсники, укрытые магическим пологом тишины. И Гарри, и профессор попросили

их не вмешиваться. Гермiona сидела отвернувшись, но она не выразила протеста и даже не обменялась с Гарри многозначительным взглядом. Вероятно, потому, что тоже присутствовала на уроке зельеварения.

Гарри встал на мягкий голубой мат, какой можно найти в любом магловском додзё. Профессор Квиррелл постелил его на пол, чтобы Гарри мог на него падать.

Мальчик боялся того, что может наделать. Если слова профессора про его готовность убивать — правда...

Палочка Гарри лежала на столе Квиррелла, и не потому, что Гарри знал какие-то защитные заклинания, а, скорее, чтобы он не воткнул её кому-нибудь в глаз. Кошель, в котором теперь находился Маховик времени, лежал там же. Маховик хоть и покрывала защитная оболочка, но он по-прежнему был довольно хрупкой вещичкой.

Гарри умолял профессора Квиррелла наколдовать ему боксёрские перчатки, чтобы блокировать удары оппонентов, но тот, глянув на него с пониманием, лишь отрицательно покачал головой.

Я не стану выцарапывать им глаза, я не стану выцарапывать им глаза, я не стану выцарапывать им глаза, на этом моя жизнь в Хогвартсе кончится, меня арестуют, — твердил себе Гарри, стараясь крепко вбить эту мысль в голову, в надежде, что она останется там, даже когда проснётся его стремление убивать.

Профессор Квиррелл вернулся в сопровождении тринадцати слизеринцев со старших курсов. Среди них Гарри узнал верзилу, которого угостил пирогом. Ещё двое присутствовавших тогда тоже были здесь. А вот слизеринец, который призывал остальных оставаться — отсутствовал.

— Повторяю, — очень строго сказал профессор Квиррелл, — Поттер не должен быть ранен. Любые случайности будут считаться умышленными. Понятно?

Слизеринцы закивали, ухмыляясь.

— Тогда милости прошу, вы вольны слегка осадить Мальчика-Который-Выжил, — сказал Квиррелл с многозначительной улыбкой, смысл которой поняли только первокурсники.

По какому-то молчаливому соглашению знакомый верзила оказался в начале очереди.

— Поттер, — сказал профессор Квиррелл, — познакомьтесь, это мистер Перегрин Деррик. Он лучше вас, и собирается вам это доказать.

Деррик двинулся вперёд, а Гарри боролся сам с собой: не убегать, не сопротивляться...

Деррик остановился на расстоянии вытянутой руки.

Злости в Гарри пока не было, только страх. Как не испугаться стоявшего перед ним подростка, который выше почти на метр, с чётко выраженной мускулатурой, щетиной и полной предвкушения злорадной ухмылкой?

— Попроси мистера Деррика не трогать тебя, — сказал профессор Квиррелл. — Возможно, если он увидит, насколько ты жалок, то ему станет скучно и он уйдёт.

Со стороны слизеринцев-старшекурсников раздался смех.

— Пожалуйста, — срывающимся голосом сказал Гарри, — не трогай меня...

— Как-то неискренне, — сказал Квиррелл.

Ухмылка на лице Деррика стала шире. Этот неуклюжий имбецил, похоже, почуял превосходство...

Уже знакомый холод начал прокрадываться в вены...

— Пожалуйста, не трогай меня, — снова попытался Гарри.

Профессор Квиррелл покачал головой:

— Во имя Мерлина, Поттер, как у вас получилось из этой фразы сделать оскорбление? Теперь у мистера Деррика просто нет выбора.

Деррик целенаправленно шагнул вперёд и пихнул Гарри плечом. Гарри отшатнулся на полметра, но потом холодно и решительно выпрямился.

— Нет, — покачал головой Квиррелл, — нет, нет, нет.

— Ты чего толкаешься, Поттер? — сказал Деррик. — А ну извинись.

— Извините!

— Чё-та не похоже, — хмыкнул Деррик.

Гарри распахнул глаза от возмущения, он ведь так старался, чтобы получилось похоже на правду.

Деррик сильно его толкнул, и Гарри растянулся на матрасе.

Синяя ткань перед глазами начала расплываться.

И в голове мелькнуло подозрение: а так ли благородны мотивы Квиррелла относительно этого так называемого урока?

Ступня ноги умогилась на ягодицах Гарри, а секундой позже его пихнули в бок, заставив распластаться на спине.

Деррик рассмеялся:

— А чё, весело!

Всё, что нужно сделать — сказать, что урок окончен. И доложить о происшествии в кабинете директора. Это будет концом

профессора Защиты и его злосчастного пребывания в Хогвартсе и... профессор МакГонаггал, конечно, будет злиться, но...

(Лицо Минервы мелькнуло перед его внутренним взором, и она не злилась, просто выглядела печальной...)

— А теперь скажи ему, что он лучше тебя, Поттер, — раздался голос профессора Квиррелла.

— Ты лучше меня.

Гарри попытался подняться, но Деррик поставил ногу ему на грудь, уложив обратно на мат.

Картинка мира стала кристально чистой. Возможные действия и их последствия предстали перед ним как на ладони. Глупец не ожидает встречной атаки, быстрый удар в пах нейтрализует его на время, достаточное для...

— Попробуйте ещё раз, — сказал профессор и тут, внезапным резким движением, Гарри перекатился, вскочил на ноги и рванулся туда, где стоял его настоящий враг, профессор Защиты...

— У вас нет терпения.

Гарри дрогнул. Его разум, наученный пессимистически взирать на мир, тут же нарисовал в воображении мудрого старца, изо рта которого хлещет кровь, потому что Гарри вырвал ему язык...

Спустя мгновение Деррик вновь опрокинул Гарри на мат и уселся сверху, лишив возможности свободно дышать.

— Не надо! — закричал Гарри. — Пожалуйста, не надо!

— Уже лучше, — одобрил профессор Квиррелл. — Даже интонация похожа на искреннюю.

Самое ужасное и противное, что она и впрямь была искренней. Гарри тяжело давался каждый вздох, страх и холодная ярость волнами пробегали по телу...

— Проиграй, — сказал профессор Квиррелл.

— Я проиграл, — выдавил Гарри.

— Славно, — сказал Деррик, по-прежнему восседая на нём, — проиграй ещё.

* * *

Руки толкали Гарри, заставляя его крутиться внутри круга старшекурсников из Слизерина.

Гарри уже давно не пытался сдерживать слёзы, теперь он просто пытался не упасть.

— Ну и кто ты, Поттер? — спросил Деррик.

— Н-неудачник, я проиграл, я сдаюсь, ты победил, ты л-лучше, чем я, пожалуйста, хватит...

Гарри споткнулся о чью-то любезно подставленную ногу и рухнул на пол, не успев выставить вперёд руки. На мгновение он перестал что-либо соображать, но потом вновь попытался подняться...

— Довольно! — голосом профессора Квиррелла можно было резать металл. — Шаг назад от мистера Поттера!

На их лицах проступило недоумение. Ледяная стужа внутри Гарри, переставая бесноваться, холодно и удовлетворённо улыбнулась.

И он безвольно повалился на мат.

Профессор Квиррелл что-то говорил. Старшекурсники охали и ахали.

— А ещё, мне кажется, наследник Дома Малфоев тоже хочет вам кое-что разъяснить, — закончил профессор Квиррелл.

Теперь говорил Драко. Так же резко, как до этого Квиррелл, используя интонацию, какую он применял имитируя голос отца. Что-то про «могли подвергнуть опасности факультет и Мерлин знает сколько союзников, в одной только школе и полное отсутствие внимания, бездарные уловки и тупые громилы, годные лишь в лакеи», и что-то на задворках сознания Гарри, отбросив все очевидные возражения, сочло Драко союзником.

Всё болело, тело била крупная дрожь, разум был полностью истощён. Он попытался подумать о песне Фоукса, но феникса здесь не было и мелодия всё никак не шла на ум, а когда он попытался её вообразить, получился только какой-то невразумительный щебет...

Драко закончил речь и профессор Квиррелл разрешил старшекурсникам удалиться. Гарри открыл глаза и попытался сесть.

— Подождите, — каждое слово давалось с трудом, — я хочу им кое-что сказать...

— Слушайте мистера Поттера, — холодно остановил Квиррелл собравшихся уходить слизеринцев.

Пошатываясь, Гарри поднялся на ноги. Он старался не смотреть на своих однокурсников. Он не хотел видеть выражения их лиц. Зачем ему их жалость?

Вместо этого Гарри посмотрел на старшекурсников, которые всё ещё пребывали в шоке. Они во все глаза смотрели на него. Страх был написан на их лицах.

Именно эту картинку воображала себе его Тёмная Сторона, когда чуть ранее он притворялся проигравшим.

Гарри начал:

— Никто из...

— Стоп, — перебил Квиррелл, — если это то, что я думаю, пожалуйста, дождитесь их ухода. Они услышат об этом позднее. У нас всех есть уроки, которые нужно усвоить, мистер Поттер.

— Хорошо, — сказал Гарри.

— Вы. Ступайте.

Старшекурсники поспешно покинули класс, и дверь за ними закрылась.

— Я не хочу, чтобы кто-то мстил им, — хрипло сказал Гарри. — Такова моя просьба к любому, кто считает себя моим другом. Мне нужно было выучить урок, и они помогли мне в этом, а я им помог выучить свой. Вот и всё. Если будете рассказывать эту историю — не забудьте включить в неё и эту часть.

Гарри повернулся к профессору Квирреллу.

— Вы проиграли, — сказал профессор Квиррелл, и впервые в его голосе проскользнуло что-то мягкое. Странно: Гарри казалось, что профессор вообще не способен выказывать тёплые чувства.

Да, Гарри проиграл. Были моменты, когда холодная ярость полностью покидала его и оставался только страх, и тогда он искренне умолял слизеринцев его пощадить...

— Но остались живы? — в голосе Квиррелла по-прежнему была странная мягкость.

Гарри кивнул.

— Проигрыши не всегда похожи на этот, — сказал профессор Квиррелл. — Существуют ещё компромиссы и капитуляции с условиями. Есть другие способы успокаивать хулиганов. Притвориться покорным и исподтишка манипулировать людьми — это целое искусство. Но сперва нужно вообще уметь думать о поражении. Вы запомнили, как это делается?

— Да.

— Вы сможете проиграть вновь?

— Я... думаю, да...

— Я тоже так думаю, — профессор Квиррелл поклонился так низко, что почти коснулся волосами пола. — Примите поздравления, Гарри Поттер, вы победили.

Не было постепенного нарастания аплодисментов — овации начались разом, внезапно, словно раскат грома.

Гарри не смог сдержать изумления. Он бросил осторожный взгляд на однокурсников и не увидел жалости, он увидел восхищение. Аплодировали и Когтевран, и Гриффиндор, и Пуффендуи, и даже

Слизерин, вероятно потому, что Драко тоже аплодировал. Некоторые хлопали стоя, а половина Гриффиндора даже залезла на столы.

А Гарри стоял, покачиваясь, и купался в их уважении и восторге, чувствуя, как прибывают силы и даже пропадает боль.

Профессор Квиррелл дождался окончания аплодисментов. Ждать пришлось долго.

— Удивлены, мистер Поттер? — весело поинтересовался он. — Вы только что обнаружили, что мир отнюдь не всегда является отражением ваших самых страшных кошмаров. Да, будь на вашем месте какой-нибудь бедный неизвестный мальчик, он бы не завоевал такого уважения. Они бы жалели и ободряли его, не поднимаясь со своих насиженных мест. Увы, такова человеческая природа. Но вы им известны как человек, с которым нужно считаться. И они видели, как вы боретесь со своим страхом, хотя могли в любой момент отвернуться и уйти. Вы же не подумали обо мне ничего плохого, когда я рассказывал, как покорно сносил плевки?

У Гарри защемило в глазах, он стиснул зубы. Уважение уважением, но как бы снова не расплакаться.

— Своим исключительным успехом вы заслужили исключительную же награду, Гарри Поттер. Примите её вместе с поздравлениями от лица моего факультета и впредь запомните, что не все слизеринцы одинаковы. Есть слизеринцы, а есть Слизеринцы, — профессор Квиррелл широко улыбнулся. — Пятьдесят один балл Когтеврану.

Все остолбенели. А потом на стороне Когтеврана началось светопреставление — ученики вопили от радости, свистели и аплодировали.

(И в тоже время Гарри почувствовал в этом что-то неправильное — профессор МакГонаггал была права, ведь должны быть последствия, должна быть расплата, нельзя вот так вот всё просто взять и вернуть вспять...)

Но он видел ликование на лицах когтевранцев и понимал, что не сможет отказаться.

Мозг Гарри внёс предложение. Предложение оказалось хорошим. Ай да мозг! Мало того, что каким-то чудом всё ещё удерживает его на ногах, так ещё и хорошие предложения подбрасывает.

— Профессор Квиррелл, — Гарри старался говорить чётко, невзирая на пересохшее горло. — Вы олицетворяете всё, чем должен гордиться представитель вашего факультета. Я думаю, именно таких, как вы, представлял себе Салазар Слизерин, помогая создавать Хогвартс. Поэтому я хотел бы выразить благодарность вам и вашему факультету, — Драко еле заметно кивнул и неуловимо шевельнул

пальцем: «продолжай». — Мне кажется, Слизерин заслуживает троекратного ура. Ну, все со мной? — Гарри сделал паузу.

— Ура! — только несколько человек поддержали его с первого раза.

— Ура! — теперь присоединилось и большинство когтевранцев.

— Ура! — проревел почти весь Когтевран, несколько пuffedуицев и почти четверть Гриффиндора.

Рука Драко шевельнулась в лёгком, быстром жесте с оттопыренным большим пальцем.

Большинство слизеринцев пребывало в полном замешательстве. Некоторые из них заворожённо смотрели на профессора Квиррелла. Блейз Забини наблюдал за Гарри с изучающим, заинтригованным выражением на лице.

Профессор Квиррелл поклонился.

— Это вам спасибо, Гарри Поттер, — всё с той же широкой улыбкой сказал он, а потом повернулся к классу. — У нас, хотите верьте, хотите нет, есть ещё полчаса до конца урока. И этого достаточно, чтобы познакомить вас с заклинанием Простого Щита. Мистер Поттер, конечно, свободен. Он заслужил отдых.

— Я могу...

— Дурачок, — беззлобно сказал Квиррелл, и класс рассмеялся. — Вас позже научат одноклассники — или даже, если потребуется, я сам в индивидуальном порядке. Но прямо сейчас вы выйдете в третью дверь слева с другой стороны помоста, и там вы найдёте кровать, широкий выбор разнообразных сладостей и кое-что полегче из библиотеки Хогвартса. Свои вещи оставьте тут, особенно учебники. Вперёд.

И Гарри покинул класс.

Глава 20

Теорема Байеса

То, что может быть уничтожено Роулинг, —
должно быть уничтожено*.

Гарри смотрел в серый потолок небольшой комнаты, в которой он лежал на мягкой складной кровати. Он порядком уменьшил запас сладостей Квиррелла — изысканных пирожных и шоколадок, усыпанных карамельной крошкой и бусинками сахара. На вид они были очень дорогими и оказались достаточно вкусными. И он не чувствовал ни малейшего угрызения совести — всё-таки это совершенно заслуженное угощение.

Гарри не пытался уснуть — он боялся того, что произойдёт, когда он закроет глаза.

Он не пытался читать — сосредоточиться было бы невозможно.

Удивительно, несмотря на усталость, мозг Гарри продолжал работать и работать. Он, конечно, терял остроту, но вот отключаться не желал.

Гарри переполняла радость победы.

Тут явно не обойтись начислением одного балла по программе «Как не стать Тёмным Лордом». Интересно, что бы сейчас сказала Распределяющая шляпа?

Профессор Квиррелл не зря говорил, что Гарри последовал тропой Тёмного Лорда. Он и сам мог бы увидеть сходство, если бы соображал чуть быстрее...

«Вполне очевидно, что Тёмный Лорд вовсе не выиграл в тот день. Его целью было изучение боевых искусств, но он не получил ни единого урока».

Гарри вошёл в класс зельеварения с желанием научиться зельеварению. Но не получил ни единого урока.

Профессор Квиррелл узнал об этом, понял всё с пугающей ясностью, дотянулся до Гарри и сдёрнул с пути, который превратил бы его в копию Сами-Знаете-Кого.

Раздался стук в дверь.

— Урок закончился, — послышался тихий голос профессора Квиррелла.

Гарри подошёл к закрытой двери, и вдруг ему стало не по себе. Затем он услышал отдаляющиеся шаги и напряжение постепенно пропало.

Ну и что это было? То самое, за что профессора в конце концов увольт?

Гарри открыл дверь. Профессор Квиррелл ждал его в нескольких метрах от двери.

Он это тоже чувствует?

Они прошли по пустому помосту к стоявшему на возвышении столу профессора, на который Квиррелл тут же опёрся, а Гарри, как на первом уроке, остановился у возвышения.

— Итак, — сказал профессор Квиррелл. Почему-то было понятно, что настроен он дружелюбно, хоть его лицо и было сейчас привычно серьёзным. — О чём же вы хотели со мной поговорить, мистер Поттер?

У меня есть таинственная Тёмная Сторона. Нет, не самое удачное начало разговора.

— Профессор Квиррелл, ну теперь-то я сошёл с пути Тёмного Лорда?

Профессор внимательно посмотрел на мальчика.

— Мистер Поттер, небольшой совет, — торжественно, хоть и с лёгкой усмешкой, сказал он. — Существует такое понятие, как «чересчур хорошее выступление». В реальности люди, которых только что били и унижали в течение пятнадцати минут, вряд ли поднимутся на ноги и милостиво простят своих обидчиков. Так человек поступает, только если хочет убедить окружающих в том, что он не Тёмный...

— Невероятно! Вы готовы любое наблюдение вывернуть так, чтобы оно подтверждало вашу теорию!

— А сейчас чуть-чуть переборщили с негодованием.

— Что же мне сделать, чтобы вас убедить?!

— Убедить в том, что у вас нет желания стать Тёмным Лордом? — уточнил профессор Квиррелл, уже не скрывая веселья. — Думаю, для этого вам достаточно поднять правую руку.

— Что? — не понял Гарри. — Но я могу поднять руку независимо от того... — он осёкся, чувствуя себя тупицей.

— Именно, — подтвердил профессор Квиррелл. — Вы можете поступить как вам угодно, но меня ни в чём не убедите, поскольку я буду знать, что делается это именно с такой целью. Если выражаться точнее — я, конечно, допускаю, что существуют абсолютно хорошие люди, хоть ни одного и не встречал. Но тем не менее считаю совершенно невероятным, что кто-либо, избиваемый на протяжении пятнадцати минут, поднимется и в порыве милосердия всех простит.

С другой стороны, гораздо менее невероятно, что мальчик просто решил устроить представление, дабы убедить учителя и сокурсников в том, что он — не будущий Тёмный Лорд. Значение поступка не в том, на что он похож внешне, а в мотивах, которые делают поступок более или менее вероятным.

Гарри моргнул. Только что ему объяснили разницу между репрезентативной эвристикой и определением истинности суждения по Байесу, и это сделал волшебник*.

— С другой стороны, — сказал профессор Квиррелл, — любому хочется произвести впечатление на друзей. Для этого не обязательно быть Тёмным магом. Так что ответьте честно на мой вопрос — и мы не будем считать это каким-либо признанием. О чём вы думали в тот момент, когда отказались от мести? Был ли ваш порыв к всепрощению искренним? Или вы просчитывали, какое впечатление произведёт ваш поступок на зрителей?

Иногда мы творим собственную песнь феникса.

Но Гарри решил не озвучивать эту мысль. Профессор Квиррелл наверняка ему не поверит, а может даже станет меньше его уважать за такую очевидную ложь.

Мгновение помолчав, профессор Квиррелл удовлетворённо улыбнулся:

— Верьте или нет, мистер Поттер, но вам не нужно бояться того, что я знаю ваш секрет. Я вовсе не собираюсь отбивать у вас желание стать Тёмным Лордом. Если бы мне каким-то образом удалось повернуть стрелки часов вспять и искоренить точно такое же стремление у себя, нынешний я ничего бы от этого не выиграл. Ведь эта цель заставляла меня учиться, совершенствоваться, становиться сильнее. Только следуя собственным желаниям, куда бы они нас ни вели, мы становимся теми, кем должны стать. Таков завет Салазара. Попросите меня указать вам раздел библиотеки, в котором я в своё время копался, и я с радостью вас туда отведу.

— Чёрт возьми, — Гарри опустил на мраморный пол, а потом и вовсе лёг на него, уставившись на высокие своды потолка. Это был единственный оставшийся способ выразить охватившее его отчаяние, не причиняя себе физической боли.

— И опять вы перегибаете с негодованием, — отметил профессор Квиррелл.

Гарри не видел его выражения лица, но расслышал в голосе Квиррелла едва сдерживаемый смех.

И тут до него дошло.

— Думаю, я знаю, что вас ввело в заблуждение. Как раз об этом я и хотел с вами поговорить. Мне кажется, во всём виновата моя загадочная Тёмная Сторона.

Наступила тишина.

— Ваша... Тёмная Сторона...

Гарри приподнялся. На лице профессора Квиррелла было очень странное, непонятное выражение, которое никак ему не соответствовало.

— Это происходит, когда я злюсь, — начал объяснение Гарри. — Кровь будто стывает, всё кажется кристально ясным... Теперь я понимаю, что со мной такое уже случалось. Когда в первом классе магловской школы у меня на перемене попытались отобрать мяч, я спрятал его за спиной и ударил обидчика в солнечное сплетение: я читал, что это уязвимое место. После этого ко мне никто никогда больше не приставал. А ещё однажды я укусил учительницу математики, когда она не признала моё превосходство. Но только недавно я оказался в достаточно сложных ситуациях, чтобы понять: это самая настоящая загадочная Тёмная Сторона, а не обычная неспособность управлять гневом, как утверждал школьный психолог. Но когда эта сторона пробуждается, у меня не появляется никаких магических суперспособностей, я уже проверял.

Профессор Квиррелл потёр переносицу.

— Дайте-ка подумать.

Гарри молчал целую минуту. За это время он успел встать, и это оказалось гораздо сложнее, чем он предполагал.

— Что ж, — наконец нарушил тишину профессор. — Похоже, аргумент, который способен меня убедить, всё-таки нашёлся.

— Я уже понял, что Тёмная Сторона — часть меня, что нужно принять свою ярость и научиться её контролировать, я ведь не дурак и не раз слышал такого рода истории, так что знаю, в каком направлении будет развиваться сюжет. Просто это очень сложно, и мне кажется, вы могли бы помочь.

— Ну... да... Должен признать, вы очень проницательны, мистер Поттер... ваша сторона — это, как вы успели заметить, готовность убивать, и она, как вы и сказали, часть вас...

— И её надо научиться использовать, — закончил Гарри.

— Верно, научиться использовать, — на лице профессора Квиррелла было всё то же странное выражение. — Мистер Поттер, если вы и вправду не хотите становиться Тёмным Лордом, то от какого же честолюбивого замысла Распределяющая шляпа убеждала вас отказаться? Из-за какого желания она направила вас в Слизерин?

— Меня распределили в Когтевран!

— Мистер Поттер, — сказал профессор Квиррелл, теперь с более привычной сухой улыбкой, — знаю, вы привыкли, что вас окружают одни глупцы, но я не из их числа. Вероятность того, что Распределяющая шляпа пошутит впервые за восемьсот лет, будучи на вашей голове, настолько мала, что её даже не стоит принимать во внимание. Скорее уж вы щёлкнули пальцами и придумали какой-то простой, но грамотный способ нейтрализовать заклинания, блокирующие любое вмешательство в решения Шляпы, хотя лично я считаю, что такого способа не существует. Но вероятнее всего, Дамблдору не понравился её выбор для Мальчика-Который-Выжил. Вполне очевидный ответ для любого, у кого есть хоть крупица здравого смысла, а это значит, мистер Поттер, что в Хогвартсе ваша тайна в безопасности.

Гарри открыл рот и тут же беспомощно его закрыл. Профессор Квиррелл был неправ, но неправоту свою он доказывал так убедительно, что Гарри начинал думать, что это вполне рациональный вывод из тех фактов, которыми тот располагал. Но ведь иногда — и предугадать такое невозможно — обнаруживается новый, совершенно неправдоподобный факт, и лучшее из сделанных до того предположений оказывается неверным. Даже если какой-нибудь медицинский тест не срабатывает только один раз на тысячу, всё равно можно уверенно сказать, что иногда он ошибается.

— Можно попросить вас сохранить в тайне то, что я вам сейчас расскажу? — спросил Гарри.

— Конечно. Считайте, что уже попросили.

Так просто Гарри не проведёшь.

— Можно считать, что вы согласны?

— Отлично, мистер Поттер. Да, можете так считать.

— Профессор Квиррелл...

— Я никому не выдам вашу тайну, — с улыбкой произнёс профессор.

Они оба посмеялись, затем Гарри снова посерьёзнел.

— Распределяющая шляпа действительно думала, что я стану Тёмным Лордом, если не попаду в Пуффендуй. Но ведь я правда не хочу быть Тёмным Лордом.

— Мистер Поттер... Не поймите неправильно. Я обещаю не снимать баллы, хочу лишь услышать честный ответ. Почему нет?

Гарри опять растерялся. Теорема «не сотвори из себя Тёмного Лорда» в его моральной системе была настолько очевидной, что сходу сформулировать её доказательство не получалось.

— Эм. Потому что люди страдают?

— Неужели вам ни разу в жизни не хотелось причинить кому-нибудь страдания? — возразил профессор Квиррелл. — Например, сегодня, когда имели дело с теми остолопами. Быть Тёмным Лордом — значит причинять страдания тем, кому вы действительно хотите их причинить.

Гарри всё никак не мог подобрать слова и поэтому решил начать с очевидного:

— То, что я этого хочу, ещё не значит, что это правильно...

— Что же делает поступок правильным, если не ваше желание?

— Ну-у, — протянул Гарри, — преференциальный утилитаризм.

— Простите?..

— Это этическая теория, согласно которой хорошо то, что удовлетворяет запросам большинства...

— Нет, — профессор Квиррелл потёр переносицу, — я имел в виду немного другое. Мистер Поттер, в конце концов, все люди делают то, что хотят делать. Иногда люди называют это правильным, но разве возможно действовать, исходя из чего-то, кроме наших собственных желаний?

— Ну, очевидно, что я не могу действовать исходя из моральных соображений, если они меня не трогают. Но это не значит, что моё желание обидеть тех слизеринцев влияло на меня сильнее, чем моральные соображения!

Профессор Квиррелл моргнул.

— Не говоря уже о том, — заметил Гарри, — что появление Тёмного Лорда приведёт к страданиям ни в чём не повинных людей!

— Почему это имеет для вас значение? — спросил профессор Квиррелл. — Что они сделали для вас?

Гарри рассмеялся.

— Ага, хитрость вполне на уровне книги «Атлант расправил плечи»*.

— Простите?.. — повторил профессор Квиррелл.

— Это книга, которую родители мне не разрешали читать — боялись, что она меня испортит. Конечно же, я её всё равно прочитал. И обиделся: неужели они и впрямь думали, что я попадусь на столь очевидные уловки? Вы сейчас взываете к моему чувству превосходства, якобы другие люди пытаются меня подавлять, и всё такое прочее.

— Так вы считаете, что мне следует расставлять менее очевидные ловушки? — спросил профессор Квиррелл. Он потёр пальцем щеку, изображая задумчивость. — Я могу над этим поработать.

Они снова рассмеялись.

— Но всё-таки ответьте, — сказал профессор Квиррелл. — Что все эти люди сделали для вас?

— Много! Мои родители взяли меня к себе после смерти моих родителей, потому что они — хорошие люди, и стать Тёмным Лордом — значит предать всё это.

Профессор Квиррелл какое-то время молчал.

— Признаться, — произнёс он тихо, — подобная мысль ни за что не пришла бы мне в голову в вашем возрасте.

— Мои соболезнования, — сказал Гарри.

— В них нет нужды, — ответил профессор Квиррелл. — Это было давно, и я уже закрыл родительский вопрос к своему полному удовлетворению. Выходит, вас сдерживает лишь мысль о том, что родители этого не одобряют? Значит, если они погибнут в результате несчастного случая, то не останется ничего, что могло бы вас удержать от?..

— Нет, — замотал головой Гарри. — Нет, нет и нет. Меня удерживает их стремление к добру! Именно это стремление я не могу предать.

— Как бы то ни было, мистер Поттер, вы не ответили на мой первоначальный вопрос, — сказал профессор Квиррелл. — Какова ваша цель?

— О... М-м-м... — Гарри собрался с мыслями. — Понять всё самое важное о вселенной, применить эти знания, чтобы стать всемогущим, и использовать это могущество, чтобы переписать реальность, так как у меня есть ряд возражений по поводу того, как всё устроено сейчас.

Краткий миг тишины.

— Простите за глупый вопрос, мистер Поттер, — произнёс профессор Квиррелл, — но вы точно уверены, что не расписались только что в желании стать Тёмным Лордом?

— Только если я буду использовать эту силу во имя зла, — пояснил Гарри. — А если я использую её во имя добра — то буду Светлым Лордом.

— Понятно, — сказал профессор Квиррелл. Он потёр пальцем другую щеку. — Полагаю, с этим тоже можно работать. Мистер Поттер, широта ваших амбиций достойна самого Салазара, но как именно вы собираетесь достичь своей цели? Кем вы станете в первую очередь: великим боевым магом, главой Невыразимцев, министром магии, или...

— В первую очередь я стану учёным.

Профессор Квиррелл посмотрел на Гарри, как будто тот вдруг превратился в кошку.

— Учёным, — произнёс он наконец.

Гарри кивнул.

— Учёным?! — повторил профессор Квиррелл.

— Да, — ответил Гарри. — Я должен достичь своих целей с помощью силы... науки!

— Учёным! — возмутился профессор Квиррелл. На его лице отразилось подлинное негодование, голос стал сильнее и резче. — Вы можете стать лучшим из моих учеников! Величайшим боевым магом, вышедшим из стен Хогвартса за последние пятьдесят лет! И вы хотите променять это на белый халат и дурацкие опыты над крысами?!

— Эй! — возмутился в ответ Гарри. — Наука — это нечто большее, чем то, что вы описали. Конечно же, ничего неправильного в опытах над крысами нет, но наука — это прежде всего способ познания и управления вселенной...

— Глупец, — тихо произнёс профессор Квиррелл с горечью в голосе. — Гарри Поттер, вы глупец. — Он провёл рукой по лицу и после этого стал выглядеть спокойнее. — Или, что вероятнее, вы ещё не нашли свою настоящую цель. Могу ли я настоятельно порекомендовать вам попытаться стать Тёмным Лордом? Я сделаю всё, что смогу, чтобы помочь вам, в интересах широкой общественности.

— Вам не нравится наука, — медленно проговорил Гарри. — Но почему?

— Эти недоумки маглы однажды нас погубят! — голос профессора стал громче. — Они уничтожат мир! Уничтожат вообще всё!

Гарри почувствовал себя слегка потерянным.

— Вы сейчас о чём? О ядерном оружии?

— Да, о ядерном оружии! — профессор Квиррелл почти кричал. — Даже Тот-Кого-Нельзя-Называть никогда его не использовал — возможно, потому, что ему не хотелось править кучкой пепла! Оно не должно было быть создано! И со временем всё будет только хуже! — Профессор встал ровно, перестав опираться о стол. — Есть двери, которые нельзя открывать, есть печати, которые нельзя ломать! Глупцы, не способные обуздать своё любопытство, умирают первыми, едва столкнувшись с какой-либо опасностью, зато выжившие начинают понимать, что есть секреты, которыми следует делиться только с теми, кто обладает достаточным умом и дисциплиной, чтобы сделать подобные открытия самостоятельно! Это знает каждый могущественный волшебник! Даже самый жуткий Тёмный маг! А идиоты-маглы

до этого додуматься не в состоянии! Маленькие любознательные дурачки, открывшие секрет ядерного оружия, не смогли удержать его в тайне, раскрыли его своим глупым политикам, и теперь нам приходится жить под постоянной угрозой полного уничтожения!

Такой взгляд на вещи несколько отличался от того, с которым вырос Гарри. Он никогда не задумывался о том, что ядерным физикам следовало бы создать тайное общество, сохранив секрет ядерного оружия от тех, кто недостаточно умён, чтобы быть ядерным физиком. Эта мысль была по меньшей мере занимательной. Они бы использовали секретные пароли? Носили бы маски?

(Впрочем, не исключено, что физики скрывают целую кучу потенциально разрушительных открытий, и секрет ядерного оружия — единственный просочившийся на свободу. В любом случае мир для него выглядел бы одинаково.)

— Надо обдумать, — сказал Гарри профессору. — Для меня это новая мысль. Кстати, один из весьма неочевидных секретов науки, которые редкие учителя передают своим лучшим ученикам, представляет собой умение не спускать в унитаз непонравившиеся идеи, в ту же секунду, как вы их услышали.

Профессор Квиррелл снова моргнул.

— Есть ли какая-то область науки, которую вы одобряете? — спросил Гарри. — Может быть, медицина?

— Космонавтика, — ответил профессор Квиррелл. — К сожалению, маглы тянут с тем единственным проектом, который позволил бы волшебникам сбежать с этой планеты прежде, чем её взорвут.

Гарри кивнул:

— Я тоже большой поклонник космической программы. По крайней мере, в этом мы схожи.

Профессор Квиррелл взглянул на Гарри, и что-то сверкнуло в его глазах.

— Мне требуется ваше слово, ваше обещание и ваша клятва держать в тайне то, что сейчас произойдёт.

— Они ваши, — немедленно ответил Гарри.

— Сдержите ваше обещание, или вам не понравится результат, — сказал профессор Квиррелл. — Сейчас я использую редкое и могущественное заклинание. Не на вас, а на помещении вокруг. Как только заклинание будет произнесено, стойте смирно. Не взаимодействуйте с магией, которую я буду поддерживать. Просто смотрите, иначе я остановлю заклинание. — Профессор на мгновение замолчал. — И постарайтесь не грохнуться в обморок.

Гарри озадаченно кивнул, приготовившись к чему-то невероятному.

Профессор Квиррелл поднял волшебную палочку и что-то произнёс, но Гарри не понял ни слова. Звуки минули сознание и канули в небытие.

Весь класс вдруг исчез вместе со стенами и потолком, лишь под ногами Гарри остался маленький островок мрамора, а вокруг теперь простирался в бесконечность океан пронзительно ярких, немигающих звёзд. Не было Земли, Луны и Солнца. Профессор Квиррелл тоже остался на своём месте, паря посреди бездонного космоса. Млечный Путь водоворотом звёздного света окутал их и, когда зрение Гарри привыкло к темноте, разгорелся ещё ярче.

Никакая другая картина ещё не трогала его так глубоко.

— Мы... в космосе?..

— Нет, — с грустью в голосе сказал профессор Квиррелл. — Но это настоящее изображение.

Из глаз Гарри брызнули слёзы, но он поспешно утёр их рукой. Какая-то жалкая влага не заставит его пропустить это зрелище!

Звёзды перестали быть малюсенькими алмазами на громадном бархатном небосводе, какими они виделись с Земли. Здесь над головой не было неба, только точки ясного, совершенного света в совершенной темноте, бесконечное и пустое ничто с бесчисленными крошечными дырочками, из которых сиял блеск чуждых невообразимых вселенных.

В космосе звёзды выглядели ужасно, ужасно, ужасно далёкими.

Гарри всё вытирал и вытирал слёзы, снова и снова.

— Иногда, — еле слышно сказал профессор Квиррелл, — когда мне становится особенно ненавистен этот испорченный мир, я задаюсь вопросом: может, где-то там, вдали, есть более подходящее для меня место? Я не могу даже представить, каким должен быть этот далёкий край, так как же я могу лелеять надежду, что он существует? И всё же вселенная столь невообразимо огромна — может, такое место всё-таки есть? Но звёзды так далеки. Это был бы очень долгий путь, даже если бы я знал верное направление. И какие бы сны я увидел, если бы спал так долго?..

Чувствуя всю неуместность своего вмешательства, Гарри нашёл в себе силы прошептать:

— Позвольте мне побыть здесь ещё.

Профессор Квиррелл кивнул и остался стоять посреди звёзд.

Гарри было легко забыть и про кружочек мрамора, на котором он стоял, и про собственное тело — стать лишь осознающей себя точкой в пространстве, которая то ли зависла на месте, то ли несётся сквозь космос. Когда расстояния не поддаются счёту, понять невозможно.

Мгновения растянулись в вечность.

Наконец звёзды исчезли, а класс вернулся.

— Прошу простить, — сказал профессор Квиррелл, — но у нас гости.

— Ничего, — прошептал Гарри. — Этого было достаточно.

Он никогда не забудет сегодняшний день, и не из-за мелких неурядиц, которые случились раньше. Гарри пообещал себе научиться этому заклинанию, даже если больше никакой магии никогда не постигнет.

Тяжёлая дубовая дверь класса, с громким стоном сорвавшись с петель, прошуршала над мраморным полом.

— КВИРИНУС! КАК ВЫ ПОСМЕЛИ!

Древний могучий волшебник необъятной грозовой тучей ворвался в комнату. В его глазах белым огнём пылала такая ярость, что строгий взгляд, которым он прежде награждал Гарри, казался теперь ничего не значащим пустяком.

Словно шестерёнка повернулась в душе Гарри: та его часть, которая желала с отчаянным криком убежать и спрятаться в сундуке, уступила место другой его части, которая умела держать удар.

Но ни одна из его составляющих не была довольна тем, что созерцание звёзд прервали.

— Директор Альбус Персиваль... — начал Гарри ледяным тоном.

ХЛОП! — грохнула об стол ладонь профессора Квиррелла.

— Мистер Поттер! — гаркнул он. — Пред вами директор Хогвартса, а вы — просто ученик! Обращайтесь к нему подобающим образом.

Гарри посмотрел на профессора Квиррелла.

Тот ответил строгим взглядом.

Ни тот, ни другой не улыбался.

Сделав несколько широких шагов, директор остановился перед Гарри и профессором Квирреллом и изумлённо воззрился на них.

— Простите, — с кроткой вежливостью сказал Гарри. — Директор, я благодарен вам за желание меня защитить, но профессор Квиррелл поступил правильно.

Выражение, которым можно превратить в пар сталь, постепенно сменилось на лице Дамблдора просто сердитым.

— Я слышал, что этот человек заставил тебя покорно сносить издевательства старшекурсников из Слизерина! И запретил тебе защищаться!

Гарри кивнул:

— Он точно указал мне на мой недостаток и объяснил, как его исправить.

— Гарри, о чём ты говоришь?!

— Я учил его признавать поражение, — сухо произнёс профессор Квиррелл. — Это важное в жизни умение.

Очевидно, Дамблдор не разделял этого мнения, однако градус недовольства в его голосе снова понизился.

— Гарри, — медленно проговорил он. — Если профессор Защиты тебе чем-то пригрозил, чтобы ты не жаловался...

Да вы с катушек съехали, неужели после сегодняшнего вы думаете, что я...

— Директор, — стараясь выглядеть смущённым, сказал Гарри, — среди моих недостатков не значитесь склонность молча сносить издевательства профессоров.

Профессор Квиррелл хмыкнул:

— Не идеально, мистер Поттер, но для первого дня сойдёт. Директор, вы дослушали до пятьдесят одного балла Когтеврану или понеслись метать громы и молнии сразу же, как услышали первую часть?

В глазах Дамблдора мелькнуло замешательство, а потом на его лице проступило удивление:

— Пятьдесят один балл Когтеврану?

Профессор Квиррелл кивнул.

— Он не ожидал награды, но мне это показалось уместным. Скажите профессору МакГонагалл, что передрыга, через которую прошёл мистер Поттер, чтобы вернуть утраченные баллы, тоже неплохо подчеркнёт её позицию. Нет, директор, мистер Поттер мне ничего не говорил. Но в части сегодняшних событий ясно прослеживается её почерк, а в окончательном компромиссе видна ваша рука. Хотя мне остаётся только гадать, как мистеру Поттеру удалось взять верх над вами и Снейпом, а профессору МакГонагалл удалось взять верх над ним.

Гарри с трудом удалось сохранить невозмутимость. Неужели для настоящего слизеринца это так очевидно?

Дамблдор подошёл к Гарри и внимательно на него посмотрел.

— Что-то ты неважно выглядишь, Гарри, — сказал старый волшебник, пристально глядя ему в лицо. — Что ты сегодня ел за обедом?

— Чего? — в голове от неожиданного вопроса что-то покачнулось. Зачем Дамблдору спрашивать про жареную баранину и тонко нарезанную брокколи? Ведь это наименее вероятная причина...

Старый волшебник выпрямился.

— Что ж, не важно. Похоже, с тобой всё в порядке.

Профессор Квиррелл громко кашлянул. Гарри бросил на него взгляд: тот пристально смотрел на Дамблдора.

— Кхе-кхе! — снова прокашлялся Квиррелл.

Дамблдор и Квиррелл уставились друг другу в глаза, и что-то будто промелькнуло между ними.

— Если вы ему не расскажете, — произнёс, наконец, профессор Квиррелл, — это сделаю я, даже если вы за это меня уволите.

Дамблдор вздохнул и повернулся к Гарри.

— Приношу извинения за непрошеное вторжение в ваше мысленное пространство, мистер Поттер, — официальным тоном произнёс директор. — Единственной моей целью было проверить, не делал ли профессор Квиррелл того же.

Замешательство длилось ровно столько, сколько потребовалось Гарри, чтобы осознать, что только что произошло.

— Вы!..

— Спокойно, мистер Поттер, — сказал профессор Квиррелл, продолжая пристально смотреть на Дамблдора.

— Легилименцию часто путают с проницательностью, — сказал директор, — но она оставляет следы, которые другой опытный легилимент может увидеть. Они и были моей целью, мистер Поттер. Я задал вам ничего не значащий вопрос, чтобы быть уверенным, что вы не думаете о чём-нибудь важном, пока я их искал.

— Сперва надо спрашивать разрешения!

Профессор Квиррелл покачал головой.

— Нет, мистер Поттер, у директора были основания для подозрений, а если бы он спросил у вас разрешения, то вы бы думали именно о том, что предпочитаете оставить в тайне. — Его голос стал резче. — Меня куда больше заботит, директор, что после проверки вы не посчитали нужным рассказать Гарри о своём поступке!

— Вы только что усложнили возможность проверки его ментальной неприкосновенности в будущем, — сказал Дамблдор, наградив Квиррелла холодным взглядом. — Может, этого вы и добивались?

Квиррелл продолжал стоять на своём:

— В этой школе слишком много легилиментов. Я настаиваю, чтобы мистер Поттер обучался окклюменции. Вы разрешите мне тренировать его?

— Исключено, — отрезал Дамблдор.

— Я так и полагал. Но раз вы лишаете его моих бесплатных услуг, то оплатить обучение мистера Поттера у профессионального преподавателя окклюменции придётся вам.

— Такое обучение обойдётся недёшево, — ответил Дамблдор, с некоторым удивлением глядя на Квиррелла. — Впрочем, у меня есть связи...

Профессор Защиты решительно покачал головой:

— Нет. Мистер Поттер попросит своего менеджера из Гринготтса порекомендовать стороннего инструктора. Со всем уважением, директор, после утренних событий я буду протестовать против вторжения вас и ваших друзей в разум мистера Поттера. Кроме того, я вынужден настаивать, чтобы преподаватель дал Нерушимый обет не разглашать никаких сведений и согласился на незамедлительное стирание памяти по окончании каждого занятия.

Дамблдор нахмурился:

— Как вам хорошо известно, подобные услуги чрезвычайно дороги, и я не могу не поинтересоваться причинами, по которым вы считаете их необходимыми.

— Если проблема в деньгах, — вставил Гарри, — хочу заметить, что я как раз собирался испробовать несколько быстрых способов получения больших сумм наличности...

— Спасибо, Квириус, теперь мудрость ваших решений очевидна, и я сожалею, что подверг её сомнению. Забота о Гарри Поттере также говорит в вашу пользу.

— Не стоит благодарности, — ответил профессор Квиррелл. — Надеюсь лишь, вы не будете возражать, если и в дальнейшем я буду уделять ему особое внимание.

Его лицо было очень спокойным и серьёзным.

Дамблдор посмотрел на Гарри.

— Я тоже хотел бы этого, — сказал Гарри.

— Так вот, значит, как оно сложилось... — медленно сказал старый волшебник. Странное выражение пробежало по его лицу. — Гарри... ты должен осознавать, что если выберешь этого человека своим учителем, другом, первым наставником, то так или иначе потеряешь его, и, возможно, таким образом, что уже никогда не сможешь вернуть.

А ведь и впрямь: никто не отменял того проклятия, что лежит на должности профессора по Защите... и безупречно работает на протяжении не одного десятилетия...

— Возможно, — тихо сказал Квиррелл. — Но я буду к его услугам так долго, как смогу.

Дамблдор вздохнул:

— Что ж, полагаю, это по крайней мере экономно, ведь над должностью преподавателя по Защите уже висит злой рок.

Гарри с трудом сохранил спокойствие на лице, когда понял, о чём, собственно, Дамблдор ведёт речь.

— Я сообщу мадам Пинс, что мистеру Поттеру разрешено брать книги по окклюменции, — сказал Дамблдор.

— Потребуется предварительные упражнения, которые вы должны сделать самостоятельно, — пояснил Квиррелл для Гарри, — и вам лучше начать без промедления.

Мальчик кивнул.

— На этом я вас покину, — сказал Дамблдор. Он кивнул им обоим и медленно удалился.

— Вы можете повторить то заклинание? — спросил Гарри, как только директор покинул помещение.

— Не сегодня, — тихо сказал профессор Квиррелл, — да и, увы, не завтра. Поддерживать его намного легче, чем создать заново, поэтому я обычно удерживаю его как можно дольше. В этот раз я не планировал его сотворить — сделал это спонтанно. Если бы я подумал, что нас могут прервать...

Теперь для Гарри Дамблдор стал самым неприятным человеком на свете.

Они оба вздохнули.

— Даже если я это больше никогда не увижу, — сказал Гарри, — я останусь вам навсегда благодарен.

Квиррелл кивнул.

— Вы слышали о программе «Пионер»? — спросил Гарри. — О беспилотных аппаратах, которые запустили в космос, чтобы облететь планеты и сделать фотографии? Два из них движутся по траектории, которая выведет их за пределы Солнечной системы в межзвёздное пространство. И на борту у них золотые пластины с изображением мужчины и женщины и инструкцией, как найти в галактике наше солнце.

Профессор Квиррелл секунду помедлил с ответом, а потом улыбнулся:

— Скажите мне, мистер Поттер. Можете ли вы угадать, какая мысль пришла мне в голову, когда я закончил список из тридцати семи вещей, которые я не стал бы делать, будучи Тёмным Лордом? Поставьте себя на моё место и попробуйте догадаться.

Гарри представил себе, что смотрит на этот список из тридцати семи пунктов.

— Вы решили, что лучше вообще не становиться Тёмным Лордом, чем жить, постоянно соблюдая такую уйму ограничений.

— Совершенно верно, — ухмыльнулся Квиррелл. — Так что я сейчас нарушу правило номер два — которое звучит просто: «Не хвастай» — и расскажу об одном своём поступке. Не думаю, что это знание может как-нибудь повредить. И почти уверен, что вы бы всё равно об этом догадались, так или иначе, когда мы лучше узнаем друг друга. Тем не менее... Мне от вас нужна клятва никогда не пересказывать эту историю.

— Клянусь! — сказал Гарри, приготовившись услышать что-то совершенно крышесносное.

— Я подписан на магловский бюллетень, который держит меня в курсе событий космической программы. Я не слышал о «Пионере»-10 до его запуска. Но узнав, что «Пионер»-11 тоже навечно покинет Солнечную систему, — ухмылка профессора Квиррелла была широка как никогда, — я проник в NASA и наложил на ту замечательную золотую табличку одно замечательное незаметное заклинание, благодаря которому эта табличка теперь просуществует значительно дольше.

...

...

...

— Да, — сказал профессор Квиррелл, поднимаясь в глазах Гарри на недостижимую высоту, — примерно такой реакции я и ожидал.

...

...

...

— Мистер Поттер?

— ...Не знаю что и сказать.

— «Вы победили», мне кажется, подойдёт, — сказал Квиррелл.

— Вы победили, — незамедлительно отозвался Гарри.

— Видите? — сказал профессор Квиррелл. — Можно только гадать, какой гигантской кучи неприятностей вы сейчас избежали, научившись так говорить.

Они оба рассмеялись.

Ещё одна мысль пришла Гарри в голову:

— А вы, случаем, не добавили на пластину какую-нибудь дополнительную информацию?

— Дополнительную информацию? — спросил Квиррелл. По его голосу можно было заключить, что такая мысль ему в голову не приходила и он был заинтригован.

Довольно подозрительно, учитывая, что у Гарри её появление заняло меньше минуты.

— Может, вы присоединили к ней голографическое послание, как в «Звёздных войнах»? — предположил Гарри. — Или... хм. Магические портреты, похоже, хранят в себе столько же информации, сколько человеческий мозг... вы не могли добавить в зонд лишний вес, но, возможно, смогли превратить какую-то его часть в свой портрет? Или вы нашли добровольца, умирающего от тяжёлой болезни, провели его в NASA и использовали магию так, чтобы его призрак оказался привязан к табличке...

— Мистер Поттер, — голос профессора вдруг стал резче, — любое заклинание, при котором необходима смерть человека, Министерство отнесёт к Тёмным искусствам, независимо от обстоятельств. Ученикам запрещено обсуждать подобные темы.

Удивительно, насколько идеальное правдоподобное отрицание* подобрал профессор Квиррелл.

Интонация его голоса ясно давала понять — он не хочет обсуждать подобные темы и желает, чтобы и ученики держались от них подальше. Хотя, может быть, профессор Квиррелл просто ждёт, когда Гарри научится защищать свой разум?

— Я понял, — сказал Гарри. — Я никому об этом не расскажу.

— Будьте осмотрительны, мистер Поттер, — предупредил профессор Квиррелл. — Я предпочитаю жить, не привлекая лишнего внимания. В газетах вы не найдёте упоминаний о Квининусе Квиррелле до тех самых пор, пока я не решил преподавать Защиту от Тёмных искусств в Хогвартсе.

Это было немного грустно, но Гарри всё понимал. Вдруг его озарило:

— Да вы же, наверно, столько удивительных поступков совершили, о которых никто не знает...

— Было дело, — признал профессор. — Но на сегодня уже хватит, мистер Поттер. Признаюсь, я немного устал...

— Я понимаю. И спасибо вам. За всё.

Профессор Квиррелл кивнул. Он уже сильнее опирался на стол. Гарри торопливо вышел.

Глава 21

Самооправдание

Роулинг есть тот, кто выполняет работу Роулинг*.

Гермиона Грейнджер боялась, что становится Плохой. Обычно Гермиона с лёгкостью отделяла Плохое от Хорошего и не понимала, почему у других людей с этим так много проблем. В Хогвартсе «Хорошими» были профессора Флитвик, МакГонагалл и Спраут, а «Плохими» — профессора Снейп и Квиррелл, а также Драко Малfoy. Гарри Поттер... оказался одним из тех особых случаев, когда с первого взгляда нельзя сказать наверняка. Она до сих пор не разобралась, куда же его определить.

Но когда Гермиона задумалась о себе самой...

Пожалуй, ей слишком уж нравилось побеждать Гарри Поттера.

Она обгоняла его по каждому предмету. (Кроме полётов на метлах, но это всё равно что уроки физкультуры, так что не считается.) Почти каждый день она зарабатывала заслуженные баллы силой своего ума, быстро осваивая заклинания и помогая другим ученикам, а не получала их за какие-то непонятные героические поступки. Она знала, что её способ лучше, и, что особенно грело душу, Гарри Поттер считал так же. Она видела это в его глазах всякий раз, когда её награждали очередным «настоящим» баллом для Когтеврана.

Хорошим девочкам нельзя так упиваться победой.

Всё началось ещё в поезде. Пусть в водовороте событий до неё не сразу дошло, но она тогда, фигурально выражаясь, позволила топтаться по себе как по грядке.

До знакомства с Гарри Поттером не существовало человека, которого Гермиона Грейнджер желала бы сокрушить. Если кто-то в её классе не успевал, она ставила себе задачей подтянуть бедолагу, а не сыпать ему соль на рану. Как и положено Хорошей девочке.

Но сейчас...

...сейчас она побеждала, а Гарри Поттер вздрагивал всякий раз, когда она зарабатывала очередной балл, и это было так весело! Родители предупреждали её остерегаться наркотиков, но Гермиона

начинала подозревать, что подобные победы могут действовать похлеще любой химии.

Ей всегда нравилось, когда учителя с улыбкой одобряли её достижения. Ей всегда нравилось любоваться длинным столбиком галочек рядом с правильными ответами идеально написанного теста. Но теперь, когда она, получив отличную оценку, «случайно» оглядывалась на скрежещущего зубами Гарри Поттера, ей хотелось встать и запеть, словно в диснеевском мультике.

А это Плохо, да?

Гермиона было заволновалась, что становится Плохой девочкой.

И тут её озарила мысль, которая прогнала все страхи.

У них с Гарри был Роман, вот в чём дело! Конечно! Все знают, как это называется — когда мальчик и девочка начинают друг друга постоянно задирать. Они друг с другом заигрывают! А в этом ничего Плохого нет.

Разве могло быть так, что ей просто доставляет удовольствие оставлять самого знаменитого ученика школы далеко позади пылиться на обочине учебной магистрали? Ученика, который был в книгах и говорил как в книгах, который каким-то образом победил Тёмного Лорда и даже самого профессора Снейпа раздавил, словно жалкую букашку. Ученика, который, как сказал бы профессор Квиррелл, доминировал над всеми первокурсниками Когтеврана, кроме Гермионы Грейнджер, на сто шагов опережавшей Мальчика-Который-Выжил по всем предметам, кроме катания на метле.

Это было бы Плохо.

Нет. У них — Роман. Вот в чём дело. Вот в чём настоящий смысл их противостояния.

Гермиона была рада, что успела это понять к сегодняшнему дню, когда Гарри проиграет в их соревновании по чтению учебников, о котором знала уже вся школа. От избытка радости ей захотелось пуститься в пляс.

Суббота, 14:45, а у Гарри Поттера непрочитанной оставалась ещё целая половина «Истории магии» Батильды Бэгшот. Гермиона не отрывала взгляда от стрелок своих карманных часов, с кошмарной неохотой отсчитывающих время до 14:47.

За ними, затаив дыхание, наблюдала целая гостиная когтевранцев.

И не только первогодки. Весть о приближающемся финале, будто пролитое молоко, растекалась по всей башне, и теперь пол-Когтеврана набилось в комнату: ученики теснились на диванах, ёрзали на подлокотниках кресел, прижимались к книжным шкафам. Присутствовали

все шесть старост, включая главную старосту Хогвартса. Кто-то наколдовал чары свежего воздуха, потому что кислорода стало не хватать. И чем ближе подходил срок, тем тише становился шум разговоров в комнате, пока, наконец, не воцарилось абсолютное молчание.

14:46.

Напряжение просто невыносимо. Будь это кто другой, кто угодно другой, проигрыш был бы уже предрешён.

Но это был Гарри Поттер, и нельзя было исключать вероятность того, что в следующий момент он поднимет руку и щёлкнет пальцами.

С внезапным ужасом Гермиона осознала, что с Гарри Поттера станет именно так и сделать. Это было бы на него похоже: всего-навсего заранее прочитать вторую половину книги...

У Гермионы всё поплыло перед глазами. Она попыталась сделать вдох, но ничего не вышло.

Осталось десять секунд, и он всё ещё не поднял руку.

Пять секунд.

14:47.

Гарри Поттер положил в книгу закладку, закрыл её и бережно отложил в сторону.

— Для будущих поколений хочу отметить, — ровным голосом начал Мальчик-Который-Выжил, — что у меня осталось только пол книги, к тому же я столкнулся с рядом непредвиденных препятствий...

— Ты проиграл! — завизжала Гермиона. — Да! Проиграл в соревновании!

Вздых облегчения пронёсся по комнате.

Гарри Поттер наградил Гермиону Взглядом Пылающего Огня, но её окружала аура чистого белого счастья, так что он не возымел никакого действия.

— Да ты представляешь себе, что у меня была за неделя?! — вскричал Гарри Поттер. — Любой другой не осилил бы даже восемь книг Доктора Сьюза!

— Срок назначал ты сам.

Взгляд Пылающего Огня стал ещё жарче.

— Я никакими логическими методами не мог предугадать, что мне придётся спасти всю школу от профессора Снейпа, что меня будут избивать на уроке Защиты, и если я тебе расскажу, каким образом потерял время между пятью вечера и ужином в четверг, ты подумаешь, что я спятил...

— Ай-ай-ай, похоже, кое-кто пал жертвой ошибки планирования.

Гарри Поттер на мгновение потрясённо замер.

— Ах да, кстати, я дочитала первую партию твоих книг, — Гермиона изобразила свой лучший невинный взгляд. Некоторые из них оказались довольно сложными. Интересно, а у него сколько времени ушло на их прочтение?

— Однажды, когда потомки Ното sariens, изучая историю галактики, задумаются, когда же всё пошло наперекосяк, то придут к выводу, что самой первой ошибкой было научить Гермиону Грейнджер читать.

— И всё равно ты проиграл. — Гермиона с задумчивым видом потёрла ладонью подбородок. — Интересно, а что конкретно ты проиграл?

— Что?!

— Ты проспорил, — пояснила Гермиона, — а значит, должен заплатить штраф.

— Не помню, чтобы я на такое соглашался!

— Да ну? — Гермиона изобразила задумчивость, а потом, словно идея только что пришла ей в голову, добавила: — А давайте проголосуем! Все, кто считает, что Гарри Поттер должен расплатиться, поднимите руку!

— Что?! — снова взвизгнул Гарри Поттер.

Он лихорадочно огляделся по сторонам и наткнулся на лес вздёрнутых рук.

Если бы Гарри Поттер посмотрел внимательнее, то заметил бы, что очень-очень многие из наблюдателей были девочками и что практически каждая особа прекрасного пола в комнате подняла руку.

— Стойте! — взвыл Гарри Поттер. — Вы же даже не знаете, что она потребует! Разве вы не понимаете, что она делает? Она берёт с вас предварительное обязательство согласиться со всем, что она предложит. Вам будет сложно отказаться!

— Не волнуйся, — сказала староста Пенелопа Клируотер. — Если это будет что-то чрезмерное, мы просто изменим своё решение. Все согласны?

Девочки, которым Пенелопа заранее рассказала о плане Гермионы, усиленно закивали.

* * *

Некто молчаливый тихо скользил по холодным коридорам подземелья Хогвартса. Он должен был встретиться кое с кем в некоторой комнате ровно в 6 вечера, и, чтобы показать уважение, явиться туда следовало раньше условленного времени.

Но, повернув дверную ручку и заглянув в тёмный и тихий заброшенный класс, он увидел между старых пыльных столов силуэт человека, который уже ожидал его. Человек держал палочку, от которой исходило бледное зеленоватое свечение — его едва хватало, чтобы разглядеть сам силуэт, не говоря уж об остальной комнате.

Свет коридора остался по другую сторону закрывшейся двери. Глаза Драко постепенно привыкали к темноте.

Тёмная фигура повернулась к нему — её лицо почти целиком оставалось скрыто во мраке, призрачный зелёный свет лишь обозначал его черты.

Драко уже нравилась эта встреча. Если оставить холодный зелёный свет, но сделать их самих выше, дать им капюшоны и маски и переместить из класса на кладбище... Половина историй про Пожирателей Смерти, которые он слышал от друзей отца, начиналась подобным образом.

— Хочу, чтобы ты знал, Драко Малфой, — произнёс силуэт убийственно спокойным голосом, — я не виню тебя в моём недавнем поражении.

Драко ошарашенно открыл рот: каким образом его вообще можно было винить за произошедшее...

— В значительной степени это было обусловлено моей собственной глупостью, — продолжила тёмная фигура. — Существовало множество вариантов, и я мог бы свободно использовать любой из них. Ты не просил меня сделать именно то, что я сделал. Ты просто просил о помощи. Это я неразумно выбрал данный конкретный метод. Но факт остаётся фактом — я не успел прочесть половину книги и в итоге проиграл. Действия твоего ручного идиота, одолжение, о котором ты попросил, и, да, моя собственная глупость в разрешении той проблемы заставили меня потерять время. Больше времени, чем ты мог бы подумать. Времени, которое в итоге оказалось решающим. Факт остаётся фактом, Драко Малфой, если бы ты не попросил о том одолжении, я бы выиграл. Но... вместо этого, я... проиграл.

Драко уже слышал о поражении Гарри и о штрафе, который Грейнджер с него потребовала. Новость распространилась быстрее, чем совы смогли бы её принести.

— Я понимаю, — сказал Драко. — Прошу прощения. — Любый другой ответ не сделал бы его ближе к дружбе с Гарри Поттером.

— Мне не нужны понимание или сочувствие, — ответила тёмная фигура с прежним убийственным спокойствием. — Но я только что провёл два часа в присутствии Гермионы Грейнджер, я был одет в то,

что мне принесли надеть, я посетил несколько очаровательнейших уголков Хогвартса. Например, крошечный журчащий водопад с чем-то похожим на сопли. И на протяжении всего пути нас сопровождала группа девочек, которые сочли необходимым, помимо прочего, устилать наш путь трансфигурированными лепестками роз. У меня было свидание, наследник Дома Малфоев. Моё первое свидание. И когда я попрошу вернуть мне долг за оказанную услугу, ты это сделаешь.

Драко кивнул. Перед встречей он мудро принял меры предосторожности, выяснив все доступные подробности о свидании Гарри и отсмеявшись до истерики. Непрерывное хихиканье до потери сознания во время их разговора было бы совершенно непростительной бестактностью.

— Как ты думаешь, — произнёс Драко, — если в скором времени с этой Грейнджер что-нибудь случится...

— Сообщи всем в Слизерине, что эта Грейнджер — моя. И останки любого, кто попыбует вмешаться в мои дела, придётся собирать по территории десятка разных стран. Я не в Гриффиндоре, потому использую хитрость вместо немедленной лобовой атаки — пусть держат себя в руках, если увидят, что я ей улыбаюсь.

— Или если вас увидят на втором свидании? — спросил Драко, позволив себе лишь крошечную нотку скептицизма.

— Никакого второго свидания не будет, — раздельно произнёс освещённый зелёным светом силуэт. Интонации его голоса были в точности как у какого-нибудь Пожирателя Смерти или даже как у Амикуса Кэрроу в тот раз, когда отец велел ему замолчать и не имитировать Тёмного Лорда.

Но всё впечатление от сказанных слов сводил на нет высокий, детский, ещё не начавший ломаться голос. И если вдруг Гарри Поттер однажды станет Тёмным Лордом, то Драко нужно будет просто спрятать подальше Омут Памяти с воспоминанием об этой фразе, и Гарри никогда не посмеет предать его.

— Закроем эту неприятную тему, — сказала фигура в зелёных тенях. — Время говорить о знаниях и силе. Драко Малфой, время говорить о Науке.

— Да, — согласился Драко. — Время говорить.

Он задавался вопросом, насколько хорошо его было видно в этом жутком зелёном свете. Драко сохранял серьёзность на лице, но в сердце была улыбка.

Вот и пришло его время вести настоящие взрослые разговоры, наконец-то.

— Я предлагаю тебе силу, — заявила тёмная фигура, — и расскажу сейчас об этой силе и её цене. Познавая устройство реальности, ты получаешь власть над ней. И мера этой власти — глубина твоего понимания. Подчиняя реальность, ты обретёшь силу, достаточную, чтобы достичь Луны. Цена этой силы — необходимость научиться задавать вопросы Природе и, что гораздо труднее, принимать Её ответы. Ты будешь ставить эксперименты, проверять выводы и наблюдать, что происходит. И ты должен принимать результаты, даже когда они говорят тебе, что ты ошибаешься. Тебе придётся научиться проигрывать, не мне, но Природе. И если ты заметишь, что стал спорить с реальностью — позволь ей одержать верх. Ты обнаружишь, что это болезненно, Драко Малфой, и я не знаю, хватит ли у тебя сил. Зная цену, ты всё ещё желаешь познать силу человека?

Драко глубоко вдохнул. Он уже думал об этом. И было трудно представить, что он смог бы отказаться. Ему поручили использовать любые возможности, чтобы подружиться с Гарри Поттером. И вообще, речь ведь идёт только об учёбе, он же не обещает всерьёз что-нибудь делать. Он в любой момент может просто остановить занятия... Конечно, в данной ситуации была масса моментов, делающих её похожей на ловушку, но, просчитав все варианты, Драко не представлял, что могло пойти не так.

К тому же, он был совсем не против править миром.

— Да, — сказал Драко.

— Отлично, — одобрила тёмная фигура. — У меня была всяма загруженная неделя, а планирование твоей учебной программы займёт время...

— Мне нужно многое сделать для утверждения моей власти в Слизерине, — заметил Драко, — не говоря уже о домашних заданиях. Может, нам лучше начать в октябре?

— Звучит разумно, — согласилась тёмная фигура, — но я хотел сказать, что для планирования уроков мне нужно знать, чему именно я буду тебя учить. Я рассматриваю три варианта: во-первых, я могу учить тебя науке о человеческом мышлении и мозге. Во-вторых, я могу учить тебя Физике, тому искусству, с помощью которого была проложена дорога к Луне. Это потребует серьёзной работы с числами, впрочем, для некоторых числа даже притягательнее, чем что-либо из плодов Науки. Тебе нравятся числа, Драко?

Драко отрицательно мотнул головой.

— Значит, пока отложим. Думаю, ты изучишь математику по ходу дела, не в ближайшее время. В-третьих, я могу учить

тебя генетике, теории эволюции и наследственности, тому, что ты бы назвал кровью...

— Вот это, — сказал Драко.

Фигура кивнула:

— Я подозревал, что ты выберешь именно этот вариант. Но у меня есть основания полагать, что этот путь окажется самым болезненным для тебя, Драко. Что, если твоя семья и друзья, ревнители чистоты крови, будут говорить одно, а твои эксперименты скажут другое?

— Значит, я найду способ сделать так, чтобы эксперименты выдали правильный ответ!

Повисла пауза. Некоторое время тёмная фигура стояла с открытым ртом.

— Э-э-э, — произнесла она наконец. — Вообще-то, наука так не работает. Именно об этом я и старался предупредить тебя, Драко. Нельзя сделать так, чтобы ответ получился таким, каким тебе хочется.

— Всегда можно добиться нужного тебе ответа, — настаивал Драко. Это было практически первое, чему его научили частные преподаватели. — Вопрос лишь в подборе правильных аргументов.

— Нет, — тёмная фигура была раздосадована. — Нет, нет, нет! В этом случае ты получишь попросту неверный ответ и никогда не доберёшься до Луны! Природа — не человек, ты не можешь обмануть её, заставив поверить в свои сказки. Попробуй убеди Луну в том, что она сделана из сыра, хоть всю жизнь на это потрать, но Луна не изменится! То, о чём ты сейчас говоришь — лишь самооправдание, ты как будто берёшь лист бумаги, в самом низу пишешь «...и следовательно Луна сделана из сыра» и затем, вернувшись к началу листа, записываешь разнообразные умные аргументы. Сделана Луна из сыра или нет, но в тот момент, когда ты написал нижнюю строчку, в ней уже будет или истина, или ложь. Закончится ли текст на листке верным или ложным заключением определяется в тот миг, когда ты записываешь последнюю строчку. Если ты пытаешься выбрать один из двух дорогих чемоданов и тебе нравится блестящий, то уже не важно, какие аргументы ты приведёшь в пользу его покупки. Настоящее правило, которое ты использовал, чтобы решить, какой чемодан тебе нужен, было: «выбирать блестящий». Возможно, это правило неэффективно для выбора хорошего чемодана, но тебе достанется именно такой. Рациональный подход нельзя использовать для отстаивания заранее выбранной стороны, он используется лишь для того, чтобы выбрать, какую сторону отстаивать. Наука не предназначена для убеждения кого бы то ни было в правоте ревнителей чистоты крови, это уже

политика! Сила науки проистекает из нахождения того, как реально устроена Природа, того, что нельзя изменить никакими возражениями! Что наука может сказать нам, так это как действительно работает кровь, как на самом деле маги наследуют силы от своих родителей, и слабее маглорождённые или сильнее...

— Сильнее?! — воскликнул Драко. Всё это время он, озадаченно нахмурившись, старался следовать за монологом Гарри и вроде как улавливал смысл сказанного, хоть и не слышал никогда ничего подобного. Но сейчас Драко просто не мог промолчать. — Ты думаешь, что грязнокровки сильнее?

— Я ничего не думаю, — произнёс тёмный силуэт. — Я ничего не знаю. Я ни во что не верю. Мой вывод ещё не записан. Я разберусь, как измерять магическую силу маглорождённых и чистокровных волшебников. Если эксперименты покажут мне, что маглорождённые слабее, я поверю, что они слабее. Если эксперименты покажут, что маглорождённые сильнее, я поверю, что они сильнее. И когда я узнаю истинное положение вещей, моё могущество возрастет...

— И ты ожидаешь, что я тебе просто поверю на слово? — резко перебил его Драко.

— Я ожидаю, что ты лично проведёшь эти измерения, — тихо сообщил ему тёмный силуэт. — Ты боишься того, что обнаружишь?

Драко секунду рассматривал тёмный силуэт прищуренными глазами.

— Отличная ловушка, Гарри, — сказал он. — Надо запомнить, я с такой ещё не встречался.

— Это не ловушка, Драко, — покачал головой тёмный силуэт. — Вспомни: я сам не знаю, что мы обнаружим. Но понять вселенную, пытаюсь с ней спорить и требуя от неё подходящего ответа, невозможно. Надевая мантию учёного, нужно забыть про политические распри между фракциями и партиями, заставить свой разум отказаться от привычных ответов и внимать лишь откровениям Природы. — Тёмный силуэт на секунду замолчал. — Большинство людей на такое не способны. Потому это и сложно. Ты уверен, что не предпочтёшь изучать мозг?

— Если я скажу тебе, что мне больше нравится изучать мозг, — холодно возразил Драко, — ты начнёшь распространять сплетни, что я боюсь узнать ответ.

— Нет, я не буду делать ничего подобного.

— Но ты можешь сам взяться за исследования, и если ты получишь неправильный ответ, я не смогу тебя остановить, прежде

чем ты победишь рассказывать его ещё кому-то, — так же холодно продолжал Драко.

— В первую очередь я спрошу тебя, Драко, — тихо произнёс тёмный силуэт.

Драко замолк. Такого поворота он не ожидал: ему показалось, что он понял, в чём здесь ловушка, но...

— В самом деле?!

— Конечно. Мне-то откуда знать, кого полученными данными лучше всего шантажировать и что от них требовать? Драко, повторяю: это не ловушка. Во всяком случае, не для тебя лично. Если бы у тебя были иные политические взгляды, я бы спросил: а вдруг эксперименты покажут, что сильнее чистокровные?

— Правда?

— Да! Каждый желающий стать учёным должен платить эту цену!

Драко поднял руку — ему требовалось время на раздумья.

Тёмный, омытый зелёным светом силуэт терпеливо ждал.

Впрочем, долго ему ждать не пришлось. Если отбросить всё непонятное... получалось, что Гарри Поттер собирается влезть в самую гущу чего-то такого, что может вызвать гигантский политический взрыв, а значит, сумасшествием будет уйти и оставить его без присмотра.

— Будем изучать кровь, — решил Драко.

— Прекрасно, — сказала фигура и улыбнулась, — поздравляю с тем, что ты решился задавать вопросы.

— Спасибо, — ответил Драко, не сумев полностью скрыть иронию в голосе.

— Эй, думаешь, попасть на Луну было просто? Тебе ещё повезло, что речь идёт только о том, чтобы иногда менять своё мнение, а не о человеческих жертвоприношениях!

— Человеческие жертвоприношения были бы гораздо проще!

На краткое время повисла пауза, затем фигура кивнула:

— Справедливое замечание.

— Слушай, Гарри, — без особой надежды сказал Драко, — я думал, мы собираемся взять все знания маглов, соединить с тем, что знают волшебники, и стать повелителями обоих миров. Разве не легче просто изучить всё, что маглы уже знают о Луне и прочем, и использовать эту силу...

— Нет, — ответила фигура, резко мотнув головой, и зелёные тени задвигались по её носу и глазам. Затем она мрачно пояснила: — Если ты не освоишь искусство учёных принимать реальность, то я не должен рассказывать тебе, какие плоды оно принесло. Это всё

равно, как если бы могущественный волшебник поведал тебе о врагах, которые нельзя открывать, и печатях, которые нельзя ломать, прежде чем ты докажешь, что твоего разума и умений достаточно, чтобы справиться с меньшими опасностями.

Холодок пробежал по спине Драко, заставив его невольно вздрогнуть. Он знал, что это было заметно, даже в полумраке.

— Ладно, — согласился Драко. — Я понял.

Отец много раз объяснял ему что-то подобное — когда более могущественный волшебник говорит, что ты ещё не готов что-то знать, лучше умерить своё любопытство, но остаться в живых.

Фигура склонила голову.

— Похоже на то. Но ты должен осознать кое-что ещё. Первым учёным-маглам недоставало ваших традиций. Вначале они не имели представления об опасности знания и считали, что можно свободно говорить обо всём, что им удаётся узнать. Но когда знания стали опасны, они сказали своим политикам, что всё нужно держать в секрете — не смотри так, Драко, это не просто глупость. Они всё же были достаточно умны, чтобы эти знания обнаружить. Но они были маглами и это был первый раз, когда они обнаружили нечто по-настоящему опасное, и у них не было привычки к секретности. Тогда шла война, и учёные одной страны боялись, что если не заговорят они, то учёные вражеской страны скажут своим политикам первыми... — Он продолжил тихим голосом: — Они не уничтожили мир, но были близки к этому. И мы не будем повторять их ошибку.

— Верно, — уверенно сказал Драко, — не будем. Мы волшебники, и занятия наукой не делают нас маглами.

— Как ты и сказал, — произнёс зеленоватый силуэт, — мы создадим свою собственную науку, магическую, и у этой науки с самого начала будут более разумные традиции. — И твёрдо добавил: — Знание, которым я поделюсь с тобой, напрямую связано с искусством принятия истины, и чем дальше ты будешь продвигаться в этом искусстве, тем больше знаний я разделю с тобой. И ты, в свою очередь, тоже не станешь делиться знанием с тем, кто ещё не способен принимать истину. Согласен ли ты?

— Да, — сказал Драко. А что ему оставалось? Сказать «нет»?

— Хорошо. И ты будешь молчать обо всём, что обнаружишь, пока не убедишься, что другие учёные готовы принять это знание. То, чем мы делимся друг с другом, не должно выходить в свет, пока мы не будем уверены, что не причиним этим вред миру. Вне зависимости от наших политических пристрастий и союзов, все

мы накажем любого из нас, если тот раскроет опасную магию или отдаст опасное оружие, не важно — кто и с кем будет воевать. С этого дня такова будет традиция и закон науки среди волшебников. Договорились?

— Да, — сказал Драко. Это уже звучало довольно привлекательно. Пожиратели Смерти пробивались к власти, используя страх как оружие, и до сих пор не достигли успеха. Возможно, наступило время захватить власть, используя секретность. — И наша группа будет оставаться в тени, насколько это возможно, и каждый её участник должен подчиняться нашим правилам.

— Конечно. Совершенно верно.

Они замолчали на несколько секунд.

— Думаю, нам понадобятся мантии получше, — сказала фигура, скрытая в тени, — с капюшонами и прочим...

— Как раз об этом и думал, — сказал Драко, — хотя, полагаю, можно просто обойтись отдельным капюшоном. Я знаю одну слизеринку, она возьмёт с тебя мерку...

— Только не говори ей, зачем это...

— Я же не дурак!

— И пока речь только о нас с тобой — обойдёмся без масок, — сказала фигура, скрытая в тени.

— Да, но в будущем нужно придумать специальную отметку, которая будет у всех наших слуг, Метку науки. Например, змея пожирающая Луну на правой руке...

— Вообще-то это называется учёная степень, но разве с ней не будет легче обнаруживать наших последователей?

— Чего?

— Ну, если кто-то скажет: «А ну-ка все, закатайте рукава», и тут наш человек: «Ой, извиняюсь, похоже, я шпион»...

— Забудь что я сказал, — Драко внезапно покрылся потом. Нужно было отвлечь внимание и быстро:

— А как мы будем называться? Пожиратели науки?

— Не-е, — протянула фигура, — как-то некрасиво...

Драко рукавом вытер лоб. И о чём только думал Тёмный Лорд? Отец говорил, что тот был умным!

— Придумал! — вдруг заявила фигура. — Ты сейчас ещё не сможешь оценить, но поверь: название подходящее.

Сейчас Драко согласился бы и на «Жевуны Малфоя»*, лишь бы сменить тему разговора.

— И какое же?

Стоящий посреди пыльных парт заброшенного класса в подземельях Хогвартса силуэт Гарри Поттера, обрамлённый призрачным зелёным свечением, воздел руки к небу и произнёс:

— Да будет этот день началом... Байесовского Заговора!

* * *

Безмолвная фигура устало плелась по коридорам Хогвартса в направлении башни Когтеврана.

Сразу после встречи с Драко Гарри отправился на ужин, но задержался там лишь на пару минут, чтобы быстро что-то проглотить перед сном.

Ещё не было семи вечера, но ему уже давно хотелось оказаться в кровати. Лишь прошлой ночью до Гарри дошло, что в субботу он не сможет использовать Маховик времени раньше завершения их с Гермионой соревнования. Но он всё ещё мог выиграть время в ночь с пятницы на субботу. Так что в пятницу он досидел до девяти вечера и, когда открылась защитная оболочка, использовал оставшиеся четыре часа, чтобы вернуться в 17:00, и моментально уснул. На следующий день, как и было запланировано, он встал в два часа ночи и читал учебники, не отрываясь, на протяжении двенадцати часов... но всё равно явно не успевал к сроку. И теперь, следующие несколько суток, ему придётся ложиться довольно рано, пока его биологические часы не придут в соответствие с привычным графиком сна.

Портрет на двери загадал Гарри какую-то дурацкую загадку, на которую тот ответил, даже не задумавшись. Еле переставляя ноги, он взобрался по лестнице в спальню, переделся в пижаму и рухнул на кровать.

Под подушкой что-то лежало.

Гарри тяжело вздохнул, неохотно принял сидячее положение, повернулся и поднял подушку.

Записка, два золотых галлеона и книга с названием «Окклюменция: сокрытое искусство».

Он взял записку и прочитал:

Да уж, ты быстро влипаешь в неприятности — даже твой отец тебе не ровня. Ты приобрёл могущественного противника. Снейп управляет верностью, восхищением и страхом всего Слизерина. С этого дня ты не можешь доверять никому с этого факуль-

тета, не важно, придут они к тебе под личиной дружжелюбия или подобострастия.

Не смотри Снейпу в глаза. Он легимент, а значит, способен прочесть твои мысли. Я прилагаю книгу, которая поможет тебе научиться зашумизать себя, насколько это возможно без помощи инструктора. По крайней мере, есть надежда, что ты почувствуешь вторжение. Чтобы у тебя было время на изучение окклюменции, я прилагаю два замесона — именно столько стоит тетрадь с ответами на тесты и решёнными домашними заданиями за первый год истории магии (профессор Биннс не вносит изменений в план занятий со времени своей смерти). Твои новые друзья, близнецы Уизли, могут прозвать тебе экземпляр. Само собой, ты не должен с ней попатьсь.

О профессоре Квиррелле я знаю немного. Он слизеринец и профессор Защиты, эти два факта говорят не в его пользу. С осторожностью принимай его советы и не рассказывай ему то, что хочешь оставить в тайне.

Дамблдор только притворяется сумасшедшим. Он необычайно умён, и если ты продолжишь исчезать из кладовых, то он догадается, что у тебя есть мантия-невидимка, если уже не догадался. Избегай его, насколько это возможно, а когда встреча неизбежна, прячь Мантию невидимости в безопасном месте (НЕ в кошеле). И будь аккуратен в разговоре с ним.

Гарри Поттер, постарайся впредь меньше попадать в неприятности.
САНТА-КЛАУС.

Гарри уставился на записку.

Хороший совет, только вот несколько запоздалый. Конечно, даже при открывшихся возможностях Гарри не собирався жульничать на занятиях по истории. Но легиментия Северуса... кто бы ни написал эту записку, он знал множество важных секретов и желал поделиться ими с Гарри. Записка также предупреждала, что Дамблдор может позариться на Мантию, но в данный момент Гарри не понимал, плохой ли это знак или всё же естественная ошибка.

Похоже, в Хогвартсе плелась какая-то интрига. Может, если Гарри сопоставит сказанное Дамблдором и тем, кто послал записку, то он увидит цельную картину происходящего? Например, если их показания в чём-то сойдутся, то...

...ладно, не важно...

Гарри засунул все находки в кошель, включил Квиетус, натянул одеяло на голову и уснул мёртвым сном.

Наступило воскресное утро. Гарри торопливо ел блинчики в Большом зале, нервно поглядывая на часы почти каждую секунду.

Часы показывали 8:02, и через два часа и одну минуту будет ровно неделя с тех пор, как он увидел Уизли и прошёл на платформу девять и три четверти.

И ему пришла в голову мысль... Гарри не знал, стоит ли так думать о вселенной, он вообще ничего не знал по этому поводу, но казалось возможным...

Что...

За последнюю неделю с ним случилось недостаточно интересных событий.

Закончив с завтраком, Гарри планировал сразу пойти в свою комнату, спрятаться в подвале сундука и не разговаривать ни с кем до 10:03.

И тут Гарри увидел, что к нему направляются близнецы Уизли. Один из них нёс что-то за спиной.

Он должен закричать и убежать прочь.

Он должен закричать и убежать прочь.

Что бы это ни было... это вполне могло быть...

...достойным финалом...

Он в самом деле должен просто закричать и убежать прочь.

Смирившись с мыслью, что вселенная всё равно его догонит, Гарри продолжил разрезать блинчик. Печальная правда состояла в том, что ему уже не хватало сил. Гарри теперь знал, как чувствуют себя люди, когда устают бежать, устают от попыток ускользнуть от судьбы, как они просто валятся на землю и позволяют клыкам и щупальцам жутких демонов из чернейшей преисподней утащить себя навстречу своей ужасной участи.

Близнецы Уизли приближались.

И приближались.

Гарри съел ещё кусочек блинчика.

Близнецы Уизли подошли, широко улыбаясь.

— Привет, Фред, — хмуро произнёс Гарри. Один из близнецов кивнул. — Привет, Джордж. — Второй близнец кивнул.

— Ты устало выглядишь, — сказал Джордж.

— Тебе нужно приободриться, — добавил Фред.

— Посмотри, что мы тебе принесли!

И Джордж из-за спины Фреда вытащил...

Торт, на котором горело двенадцать свечей.

Наступила тишина. Весь стол Когтеврана смотрел на них.

— Это неправильно, — сказал кто-то. — Гарри Поттер родился тридцать первого ию...

— ОН ГРЯДЁТ, — прогремел гулкий голос. Все разговоры стихли, как будто их срезало ледяным мечом. — ТОТ, КТО РАЗОРВЁТ...

Дамблдор вскочил со своего трона, метнулся вдоль учительского стола и схватил женщину, произносящую ужасные слова. Вспышкой появился Фоукс, и все трое с огненным треском исчезли.

Оставшиеся в зале ошарашенно замолчали...

...после чего начали поворачивать головы в направлении Гарри Поттера.

— Я этого не делал, — устало сказал Гарри.

— Это было пророчество! — прошипел кто-то. — И готов спорить, что оно о тебе!

Гарри вздохнул.

Он встал со стула и очень громко, перекрикивая все начавшиеся разговоры, сказал:

— Это не обо мне! Это же очевидно! Никуда я не гряду, я уже здесь!

После чего сел на своё место.

Ученики, смотревшие на него, стали разворачиваться обратно.

Кто-то ещё за столом спросил:

— Тогда о ком оно?

И, внезапно ощутив в теле свинцовую тяжесть, Гарри осознал, что ещё не в Хогвартсе.

Он, конечно, мог ошибаться, но некое чувство подсказывало ему, что не умерший Тёмный Лорд объявится в один из ближайших дней.

Вокруг Гарри продолжались разговоры:

— Не говоря уже о том, разорвёт что?

— Кажется, я слышал, как Трелони, перед тем как её схватил директор, начала произносить что-то, начинающееся на «с».

— Может быть... сердце? Солнце?

— Если кто-то собирается разорвать Солнце, у нас и впрямь будут неприятности!

Гарри это показалось очень маловероятным, разве что в мире есть ужасные существа, которые слышали идеи Дэвида Крисвелла об использовании звёздного вещества*.

— Полагаю, — устало произнёс Гарри, — что подобное случается за завтраком каждое воскресенье?

— Нет, — мрачно хмурясь, ответил ученик седьмого, должно быть, курса. — Не каждое.

Гарри пожал плечами:

— Впрочем, не важно. Кто хочет деньрожденьского торта?

— Но у тебя сегодня нет дня рождения! — сказал тот же ученик, что возражал в прошлый раз.

Конечно, Фред и Джордж восприняли это как повод рассмеяться.

Даже Гарри выдавил улыбку.

Когда ему отрезали первый кусок, Гарри сказал:

— У меня была очень длинная неделя.

* * *

Накрывшись одеялом с головой, Гарри сидел в сундуке, крышка которого была плотно закрыта, чтобы никто не мог забраться внутрь, и ждал конца недели.

10:01.

10:02.

10:03, просто на всякий случай

10:04, вот и прошла первая неделя.

Гарри вздохнул с облегчением и стянул одеяло.

Через несколько минут он уже вышел на яркий солнечный свет, наполнявший спальню для мальчиков.

Ещё через некоторое время он оказался в общей гостиной. Несколько когтевранцев посмотрели на него, но никто не попытался с ним заговорить.

Гарри нашёл широкий письменный стол, пододвинул к нему удобный стул, сел и достал из кошелька лист бумаги и карандаш.

Мама и папа недвусмысленно заявили Гарри, что, хотя они и понимают его энтузиазм, вызванный началом самостоятельной жизни, но тем не менее он должен писать домой каждую неделю без исключений, чтобы они знали, что он жив, невредим и не попал в тюрьму.

Гарри уставился на чистый лист бумаги. Так-так, посмотрим...

Попрощавшись с родителями на Кингс Кросс, он...

...познакомился с мальчиком, возвращённым Дартом Вейдером, подружился с тремя самыми печально известными шутниками в Хогвартсе, встретился с Гермионой, ну а потом ещё этот Инцидент с Распределяющей шляпой... В понедельник ему вручили машину времени в качестве средства от бессонницы, неизвестный доброжелатель

подарил ему легендарную мантию-невидимку, ещё Гарри спас семерых пуффендуйцев, победив при этом пятерых страшных старшекурсников, один из которых угрожал сломать Гарри палец, он также обнаружил, что у него есть таинственная Тёмная Сторона, научился заклинанию *Фригидейро* на уроке профессора Флитвика и начал соревнование с Гермионой... Во вторник была астрономия, её преподавала Аврора Синистра, которая оказалась довольно приятной женщиной, и история магии, которую вёл призрак — его вполне можно было бы сдать охотникам за привидениями и заменить на магнитофон... В среду его называли самым опасным учеником в классе... Четверг... О четверге лучше вовсе не думать... В пятницу — Инцидент на Уроке Зельеварения, после этого Гарри шантажировал директора, ещё после этого профессор по Зщите научил его проигрывать — для чего Гарри избивали в классе, затем профессор по Зщите оказался самым классным человеком на земле... В субботу он проиграл соревнование, отправился на первое свидание и начал перевоспитывать Драко... А сегодня утром недосказанное пророчество профессора Трелони, возможно, означало, что бессмертный Тёмный Лорд собирается напасть на Хогвартс, а может, и вовсе ничего не значило.

Гарри упорядочил мысли в голове и начал писать.

Дорогие мама и папа,

В Хогвартсе очень весело. Я научился нарцисшать второй закон термодинамики на уроке заклинаний и познакомился с девочкой по имени Гермиона Грейнджер — она читает быстрее меня. На этом я, пожалуй, и закончу.

Ваш любящий сын,

Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес

Что-то где-то когда-то пошло не так...

ПЕТУНИЯ ЭВАНС вышла замуж за Майкла Верреса, профессора биохимии из Оксфорда.

ГАРРИ ДЖЕЙМС ПОТТЕР-ЭВАНС-ВЕРРЕС вырос в доме, до краёв заполненном книгами. Однажды он укусил учительницу математики, которая не знала, что такое логарифм. Гарри прочёл «Гёделя, Эшера, Баха», «Принятие решений в неопределённости: Правила и убеждения» и первый том «Фейнмановских лекций по физике». Все его знакомые боятся, что он станет следующим Тёмным Лордом, но у Гарри есть план покруче. Он собирается открыть законы магии и стать богом.

ГЕРМИОНА ГРЕЙНДЖЕР обгоняет его по всем предметам, кроме полётов на метле.

ДРАКО МАЛФОЙ ведёт себя в точности как одиннадцатилетний мальчик, чей любящий отец — не кто иной, как Дарт Вейдер.

ПРОФЕССОР КВИРРЕЛЛ осуществил мечту всей своей жизни и теперь преподаёт Защиту от Тёмных искусств, или, как он предпочитает называть этот предмет, Боевую магию. Все ученики гадают, что же не так с учителем Защиты на этот раз.

ДАМБЛДОР либо сумасшедший, либо ведёт какую-то очень сложную игру, которая включает в себя сжигание курицы.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА МИНЕРВА МАКГОНАГАЛЛ мечтает найти какое-нибудь укромное место, чтобы как следует прокричаться.

В книге:

ГАРРИ ПОТТЕР И МЕТОДЫ РАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Вы не представляете, куда всё это зайдёт.

Глава 22

Научный метод

Основой стратегии является не выбор какого-то одного пути к Дж. К. Роулинг, а создание таких условий, чтобы все пути вели к Дж. К. Роулинг*.

Маленькая комната недалеко от спален Когтеврана, один из многих заброшенных классов Хогвартса. Серый каменный пол, красные кирпичные стены, потолок из тёмного морёного дерева, четыре светящихся стеклянных шара на стенах. Круглый стол — широкая плита из чёрного мрамора с четырёх мраморных же ножках — оказался очень лёгким и по весу, и по массе: при необходимости его несложно было поднять и передвинуть. Два мягких кресла, на первый взгляд намертво прикрученных к полу в неудобных местах, подсакивали к человеку, едва тот делал вид, что собирается сесть.

Как на первый, так и на второй взгляд по комнате носились летучие мыши.

Именно в этот день, как когда-нибудь запишут будущие историки — конечно, если весь проект на самом деле приведёт хоть к чему-то, — два первокурсника Хогвартса начали научное исследование магии.

Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес, теоретик.

И Гермиона Джин Грейнджер, экспериментатор и объект исследования.

Гарри теперь лучше справлялся с уроками, по крайней мере с теми, которые он считал интересными. Он читал много книг, причём не только учебники для первокурсников. Каждый день он тратил один из своих

Мнения персонажей данной истории необязательно совпадают с мнением автора. Мысли Гарри в его «тёплой» ипостаси — обычно хороший пример для подражания, особенно в тех случаях, когда он может подтвердить свои размышления цитатами из научных трудов. Но не всегда то, что делает или думает Гарри, — хорошая идея. Иначе это была бы плохая история. Менее положительным персонажам тоже свойственно преподносить ценные уроки, которые, впрочем, могут оказаться палкой о двух концах. — *Прим. авт.*

дополнительных часов на трансфигурацию, другой же час посвящал окклюменции. К стоящим предметам он подходил серьёзно — не только выполнял ежедневную домашнюю работу, но и посвящал своё свободное время внеклассным занятиям и чтению, пытаясь освоить предметы досконально, а не просто вызубрить ответы к экзаменам. За пределами Когтеврана такой подход встречался редко. И даже внутри Когтеврана его единственными соперниками теперь оставались Падма Патил (чьи родители происходили не из англоговорящей среды и поэтому привили ей уважение к труду), Энтони Голдштейн (относящийся к небольшой этнической группе, которая получает 25% Нобелевских премий) и, конечно, Гермиона Грейнджер, которая выделялась среди прочих учеников, как Гулливер среди лилипутов.

Для выполнения этого эксперимента требовался объект исследования, способный выучить шестнадцать новых заклинаний самостоятельно, без посторонней помощи. То есть Гермиона Грейнджер. Без вариантов.

Стоит также упомянуть, что в данный момент ни одна из летавших по комнате летучих мышей не светилась.

Гарри было трудно принять выводы, которые из этого следовали.
— *Угели бугели!** — опять произнесла Гермиона.

На конце палочки Гермионы снова возникла летучая мышь. Никаких промежуточных состояний. Секунда — пусто, следующая секунда — летучая мышь. И похоже, когда она появилась, её крылья уже двигались.

И она тоже не светилась.

— Может, хватит? — поинтересовалась Гермиона.

— Ты уверена, — произнёс Гарри сдавленным голосом, — что ещё немного попрактиковавшись, ты всё равно не сможешь заставить её светиться?

Он нарушал заранее записанную процедуру эксперимента, что было грехом, и нарушал её из-за того, что ему не нравились получаемые результаты, что было грехом смертным. За это можно попасть в Научный Ад, но сейчас это казалось несущественным.

— Что ты изменил на этот раз? — немного устало спросила Гермиона.

— Длительности звуков «у», «е» и «и». Они должны соотноситься как 3 к 2 к 2, а не как 3 к 1 к 1.

— *Угели бугели!* — произнесла Гермиона.

У появившейся летучей мыши было только одно крыло. Она печально опустила по спирали на пол и начала ползать кругами.

— А на самом деле? — переспросила Гермiona.

— 3 к 2 к 1.

— *Угели бугели!*

В этот раз у летучей мыши вовсе не было крыльев, и она плюхнулась на пол словно обычная мёртвая мышь-полёвка.

— 3 к 1 к 2.

Очередная летучая мышь взлетела к потолку, здоровая и сияющая зелёным светом.

Гермиона удовлетворённо кивнула.

— Замечательно, что дальше?

Последовала длительная пауза.

— Что, правда?! Ты в самом деле должна сказать «Угели бугели» с длительностями звуков «у», «е» и «и», относящимися как 3 к 1 к 2, или мышь не будет светиться? Почему?! Почему?! Во имя всего святого, почему?!

— Почему нет?

— Г-Р-Р-Р-Р-Р-Р!

Бум. Бум. Бум.

Поразмыслив о природе магии, Гарри разработал ряд экспериментов, основанных на предположении, что практически все представления волшебников о магии неверны.

На самом деле вовсе не обязательно правильно говорить «Вингардиум левиоса», чтобы заставить предмет взлететь. Не думаете же вы, что вселенная проверяет, насколько точно кто-то произносит «Вингардиум левиоса», и если результат ей не нравится, то перо не взлетает?

Нет. Для здравомыслящего человека это очевидно. Кто-то, вполне возможно, дошкольного возраста, но в любом случае англоговорящий волшебник, когда-то подумал, что «Вингардиум левиоса» звучит довольно летуче, и произнёс эти слова, используя заклинание в первый раз. А потом всем рассказал, что для левитации необходимо произнести именно такую фразу.

Но (рассудил Гарри) фраза эта не обязательна, она не может быть встроена во вселенную, всё это человеческие заморочки.

Среди учёных ходит старая поучительная история о Блондло и N-лучах.

Вскоре после открытия рентгеновского излучения выдающийся французский физик, Проспер-Рене Блондло — именно он первым измерил скорость радиоволн и показал, что она равна скорости света, — объявил об открытии нового замечательного явления, N-лучей, которые вызывают слабое свечение экрана. Свечение было сложно

заметить, но оно было. N-лучи обладали всевозможными интересными свойствами. Они преломлялись в алюминии. Если собранный с помощью алюминиевой призмы поток лучей пересекал нить, обработанную сульфидом кадмия, нить начинала слабо светиться в темноте.

Вскоре множество других учёных — особенно из Франции — подтвердили результаты Блондло.

Но был и ряд других, из Англии и Германии, которые сообщили, что не совсем уверены, что наблюдали слабое свечение.

Блондло отвечал, что, возможно, они неправильно собрали экспериментальную установку.

И вот однажды он устроил демонстрацию N-лучей. Свет был выключен, Блондло проводил манипуляции со своим аппаратом, а его ассистент объявлял о свечении или затемнении экрана.

Всё прошло как по маслу, все результаты совпали с ожидаемыми.

Даже несмотря на то, что американский учёный по имени Роберт Вуд незаметно вытащил алюминиевую призму из центра механизма Блондло.

Так N-лучам пришёл конец.

Как однажды сказал Филип К. Дик, реальность — это то, что не исчезает, когда вы прекращаете в неё верить*.

С современной точки зрения ошибка Блондло очевидна. Ему не следовало сообщать ассистенту, что он делает. Перед тем как просить ассистента описать яркость экрана, Блондло должен был убедиться, что тот не знает, когда и каких результатов ожидает учёный. На этом вся история и закончилась бы.

Сейчас такой способ называется «слепым методом», и современные учёные считают его чем-то совершенно естественным. Если вы проводите психологический эксперимент, чтобы узнать, будут ли люди сердиться больше, если их бить по голове красным молотком, а не зелёным, то вы не должны сами смотреть на испытуемых и решать, насколько они сердиты. Вам нужно сфотографировать их после удара и отослать фотографии экспертной группе, которая оценит по десятибалльной шкале, насколько сердитым выглядит каждый человек, причём эксперты не должны знать, молотком какого цвета ударили каждого конкретного человека. Более того, нет никакого смысла сообщать оценивающим, в чём суть эксперимента. И уж конечно нельзя сообщать испытуемым, что они, по вашему мнению, должны сердиться больше, если их ударят красным молотком. Вы просто предлагаете им 20 фунтов, заманиваете в комнату, где проводится эксперимент, бьёте молотком, случайно выбирая его

цвет, и фотографируете. Кстати, удар молотком с фотографированием следует поручить ассистентам, которые не знают о гипотезе, чтобы у них не было стремления в каком-то случае бить сильнее или выбирать лучший момент для фотографирования.

Блондло уничтожил свою репутацию ошибкой, которая, будучи совершенной на занятиях по планированию экспериментов у первокурсников, вызвала бы снижение оценки и, возможно, даже презрительный смех со стороны ассистента преподавателя... правда, в 1991 году.

Но история с N-лучами произошла задолго до этого, в 1904-м, и потребовались месяцы, прежде чем Роберт Вуд сформулировал очевидную альтернативную гипотезу и придумал способ, как её проверить. Десятки же других учёных оказались обманутыми.

Даже через двести с лишним лет после появления науки подобные, очевидные сейчас, ошибки ещё встречались.

Поэтому вполне можно было предположить, что в маленьком мире волшебников, где, судя по всему, о науке и слыхом не слыхивали, никто даже не пытался проверить простейшую идею, которая пришла бы в голову любому современному учёному в первую очередь.

В книгах было полно сложных инструкций для всего, что нужно сделать абсолютно правильно, чтобы заклинание сработало. Возможно, предположил Гарри, весь смысл инструкций и проверок на занятиях в том, что они заставляют учеников просто-напросто сконцентрироваться на заклинании. Конечно, если тебе скажут просто взмахнуть палочкой и пожелать чего-нибудь, скорее всего ничего не получится. Но если ты согласишься, что заклинание должно совершаться определённым способом, и натренируешься в нём, то ты уже не сможешь убедить себя, что заклинание может работать по-другому...

...и, конечно, ошибкой было бы пробовать первое, что пришло в голову, а именно — проверять эту гипотезу самостоятельно.

Но что если человек вообще не знает, как работает исходное заклинание?

Что если взять в библиотеке Хогвартса книгу глупых заклинаний для розыгрышей, которую Гермиона ещё не читала? При этом у части из них сохранить инструкции в правильном, исходном варианте, а в других изменить один жест или одно слово? Что если сохранить последовательность необходимых действий неизменной, но сказать, что заклинание, которое должно создавать красного червя, создаёт синего?

Что ж, выяснилось, что в этом случае...

...Гарри до сих пор было трудно в это поверить...

И теперь Гарри смотрел на красный кирпич стены непосредственно перед собой и размышлял, как бы ему удариться головой так, чтобы получить сотрясение, которое исказит его долговременную память и позволит больше не помнить о произошедшем. Гермиона не смеялась, но Гарри чувствовал, как она излучает желание засмеяться. Это ощущение давило, словно осознание того факта, что тебя преследует серийный убийца, только ещё сильнее.

— Ладно, выскажись, — сдался Гарри.

— Я не собиралась, — вежливо ответила Гермиона Грейнджер. — Это нетактично.

— Забудь о такте, — сказал Гарри.

— Хорошо! Итак, ты прочитал мне длинную лекцию о том, как сложно заниматься основами науки, и что нам придётся потратить на эту задачу около тридцати пяти лет, но при этом ожидал, что мы сделаем величайшее открытие в истории магии в первый же час совместной работы. Ты не просто надеялся, ты действительно этого ждал. Это глупо.

— Спасибо. А теперь...

— Я прочла все книги, которые ты мне дал, и я даже не знаю как это назвать. Самоуверенность? Ошибка планирования? Супердуперэффект озера Вобегон? Это должны назвать в твою честь. Предвзятость Гарри.

— Ладно, ладно!

— Но это очень мило. Так по-мальчишески.

— Завянь!

— О, как романтично.

Бум. Бум. Бум.

— И что дальше? — спросила Гермиона.

Гарри прислонил голову к стене. Его лоб начал побаливать от ударов.

— Ничего. Мне нужно всё переосмыслить и придумать другие эксперименты.

Весь прошедший месяц Гарри тщательно разрабатывал серию экспериментов, которые должны были длиться до декабря.

Это был бы просто грандиозный цикл экспериментов, если бы самый первый из них не опроверг основную гипотезу.

Гарри не мог поверить, что оказался таким идиотом.

— Поправка, — добавил он. — Мне нужно придумать всего один новый эксперимент. Я дам тебе знать, когда я это сделаю, мы проведём его, и потом я придумаю следующий. Похоже на план?

— Похоже, что кое-кто впустую потратил огромное количество усилий.

Бум. Ой. Он ударился немного сильнее, чем планировал.

— Итак, — произнесла Гермиона. Она откинулась на спинку кресла, и на её лице опять появилось ехидное выражение. — Что мы сегодня выяснили?

— Я выяснил, — ответил Гарри сквозь зубы, — что, когда проводятся исследования самых основ по-настоящему запутанной проблемы, где у тебя нет ни малейшего представления о чём-либо, мои книги по научной методологии ни хрена не стоят.

— Выбирайте выражения, мистер Поттер! Некоторые из присутствующих — невинные юные девушки!

— Ладно. Если бы мои книги стоили хотя бы редьки — это просто овощ, ничего такого, — они бы дали мне следующий важный совет: если есть запутанная проблема, и ты только начал изучать её, и у тебя есть фальсифицируемая гипотеза, проверь её каким-нибудь простым способом. Не занимайся разработкой детально продуманного цикла опытов, который бы произвёл впечатление на комиссию, распределяющую гранты. Просто как можно быстрее проверь, какие идеи неверны, прежде чем тратить на них кучу усилий. Сойдёт в качестве вывода?

— Ммм... неплохо, — ответила Гермиона. — Но я также надеялась на что-то вроде: «Книги Гермионы не бесполезны. Они написаны старыми мудрыми волшебниками, которые знают о магии больше меня. Я должен обращать внимание на то, о чём говорится в книгах Гермионы». Добавим это к твоим результатам?

Судя по всему, челюсти Гарри стиснулись слишком плотно, чтобы он мог что-то произнести, поэтому он просто кивнул.

— Великолепно! — воскликнула Гермиона. — Мне понравился этот эксперимент. Мы узнали много нового, и это заняло у меня только час времени или около того.

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!

* * *

В подземельях Слизерина.

Заброшенный класс, залитый призрачным зелёным светом. В этот раз свет был ярче и исходил из небольшой зачарованной сферы. Тем не менее это был призрачный зелёный свет, отбрасывающий странные тени на пыльные столы.

Две невысоких фигуры в серых плащах с капюшонами безмолвно вошли и уселись в кресла за одним столом, друг напротив друга.

Вторая встреча Байесовского Заговора.

Драко Малфой не был уверен, должен он был её ждать с нетерпением или нет.

Гарри Поттер же, судя по выражению лица, вовсе не задумывался, какое настроение подходит к этому случаю.

У Гарри Поттера был такой вид, будто он готов кого-то убить.

— Гермiona Грейнджер, — сказал он, едва Драко открыл рот. — Не спрашивай!

«Не мог же он пойти на второе свидание?» — подумал Драко. Но это предположение выглядело абсурдным.

— Гарри, — произнёс он. — Прошу прощения, но я в любом случае должен об этом спросить. Ты что, правда заказал дорогой кошель из шкурки скрытия для этой грязнокровки на день рождения?

— Да. И, конечно, ты уже догадался, зачем я это сделал.

Драко от разочарования вцепился себе в волосы под капюшоном. Он не был полностью уверен, что понял мотивы поступка Гарри, но теперь не мог в этом признаться. К тому же весь Слизерин был в курсе, что он обхаживает Гарри Поттера — на уроке Защиты Драко действовал достаточно прямолинейно.

— Гарри, — произнёс Драко, — люди знают, что я твой друг. Они, конечно, не знают о Заговоре, но они знают, что мы — друзья, и когда ты совершаешь такие поступки, это приводит к тому, что я выгляжу плохо.

Лицо Гарри Поттера стало непроницаемым.

— Любый слизеринец, который не в состоянии понять идею притворства по отношению к недругам, должен быть стёрт в порошок и скормлен ручным змеям.

— В Слизерине есть множество людей, которые не понимают, — серьёзно сказал Драко. — Большинство людей — идиоты, перед которыми, тем не менее, тоже необходимо держать лицо.

И Гарри Поттер просто должен это понять, если хочет чего-то добиться в жизни.

— Какое тебе дело до того, что думают другие? Ты правда планируешь потратить свою жизнь, объясняя всё, что ты делаешь, тупейшим идиотам из Слизерина? Позволишь им судить тебя? Прости, Драко, но я не буду опускать свои хитроумные замыслы на тот уровень, который смогут понять самые недалёкие слизеринцы, просто потому, что в противном случае ты будешь хуже выглядеть.

Даже твоя дружба такого не стоит. Это лишит жизнь любого веселья. Тебе же наверняка приходила когда-нибудь мысль, что если кто-то в Слизерине слишком глуп, чтобы дышать, потворствовать ему — ниже достоинства Малфоя.

Драко был искренне уверен в обратном. Всегда. Потворствовать идиотам для него было так же естественно, как дышать. Обойтись без этого казалось невыносимым.

— Гарри, — наконец заговорил Драко, — просто делать, что хочешь, не думая, как это выглядит — неумно. Даже самому Тёмному Лорду было не всё равно, как выглядят его поступки. Его боялись и ненавидели, и он точно знал, какой вид страха и ненависти он желает создать. Все без исключения должны беспокоиться о том, что подумают другие.

Фигура в капюшоне пожала плечами.

— Возможно. Напомни мне как-нибудь рассказать тебе об экспериментах Аша*, полагаю, тебе будет довольно интересно. Сейчас же я просто замечу, что опасно беспокоиться из-за мнения окружающих, когда к этому тебя ведут инстинкты, когда ты беспокоишься по-настоящему, а не просчитываешь ситуацию хладнокровно. Вспомни, старшекурсники из Слизерина издевались надо мной пятнадцать минут, после чего я встал и великодушно их простил. Как и должен был сделать хороший и добродетельный Мальчик-Который-Выжил. Но мой хладнокровный расчёт подсказывает мне, Драко, что наитупейшие идиоты из Слизерина для меня бесполезны, поскольку у меня нет голодной ручной змеи. Так что мне незачем заботиться о том, что они думают по поводу моей борьбы с Гермионой Грейнджер.

Драко еле удержался, чтобы не стиснуть кулаки от разочарования.

— Она всего лишь грязнокровка, — произнёс он, пытаясь говорить спокойно и не переходить на крик. — Если она тебе не нравится, столкни её с лестницы.

— В Когтевране узнают...

— Попроси Панси Паркинсон столкнуть её с лестницы! Тебе даже не придётся прибегать к манипуляциям, просто предложи ей сикль, и она это сделает!

— Но я-то буду знать! Гермиона победила меня в соревновании по чтению книг, её оценки лучше моих! Я должен победить её силой своего ума, или это не будет считаться!

— Она всего лишь грязнокровка! Почему ты её настолько уважаешь?!

— Среди когтевранцев она — сила! Почему тебя заботит, что думают бессильные идиоты из Слизерина?

— Это называется политикой! И если ты не научишься играть в эту игру, ты не сможешь быть сильным!

— Сила — это умение достичь Луны! Сила — быть великим магом! Можно получить силу путями, которые не требуют тратить всю жизнь на обхаживание болванов!

Они остановились и почти в унисон сделали несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

— Прости, — утирая пот со лба, произнёс Гарри Поттер через некоторое время. — Прости, Драко. У тебя есть политическая власть, и для тебя разумно сохранять её. Ты просто обязан просчитывать, что думают слизеринцы. Это важная игра, и я не должен был плохо о ней отзываться. Но ты не можешь просить меня снизить уровень моей игры в Когтевране просто для того, чтобы ты не выглядел плохо из-за общения со мной. Скажи слизеринцам, что тебе приходится сжимать зубы, притворяясь моим другом.

Именно так Драко и заявил слизеринцам, и он всё ещё не был уверен, было ли это ложью.

— Кстати, — сказал Драко. — Раз уж речь зашла о твоём имидже — боюсь, у меня плохие новости. Рита Скитер услышала кое-какие из рассказней о тебе и начала задавать вопросы.

Гарри Поттер поднял брови.

— Кто-кто?

— Она пишет для «Ежедневного пророка», — ответил Драко, стараясь сохранить спокойствие в голосе. «Пророк» являлся одним из ключевых инструментов его отца — тот использовал его словно волшебную палочку. — Это газета, на которую люди действительно обращают внимание. Рита пишет о знаменитостях, и, как она сама утверждает, использует своё перо, чтобы проткнуть чересчур раздутые репутации. Если она не сможет найти слухи о тебе, она их просто выдумает.

— Понятно, — сказал Гарри Поттер. Его залитое зелёным светом лицо под капюшоном приобрело задумчивый вид.

Драко помедлил, перед тем как продолжить. К настоящему времени кто-нибудь уже точно сообщил отцу, что он ищет расположения Гарри Поттера. Драко не писал об этом домой, но отец, конечно, поймёт, что тот не пытается сохранить свои действия в тайне, а ведёт собственную игру, оставаясь на стороне отца. Если бы Драко переметнулся к врагу, то посылал бы ложные сообщения.

Из этого следовало, что отец мог предвидеть дальнейшие действия Драко.

Вести игру с отцом всерьёз было страшновато. Даже в одной команде. С одной стороны, это будоражило, но Драко также понимал: в итоге выяснится, что отец играет лучше. По-другому и быть не могло.

— Гарри, — наконец заговорил он. — Это не предложение. И не совет. Просто один из вариантов. Мой отец почти наверняка может помешать выходу этой статьи. Но тебе это будет стоить.

Драко не сказал вслух, что отец наверняка ожидает, что он скажет это Гарри Поттеру. Тот либо догадается сам, либо нет.

Но Гарри неожиданно покачал головой, под капюшоном мелькнула улыбка.

— Я не намерен мешать Рите Скитер печататься.

Драко даже не пытался скрыть недоверие.

— Не можешь же ты утверждать, что тебе всё равно, что о тебе пишут в газетах!

— Меня это заботит меньше, чем ты думаешь, — ответил Гарри Поттер. — Но у меня есть свои способы справляться с такими, как Скитер. Мне не нужна помощь Люциуса.

Драко не успел себя сдержать: на его лице проступила обеспокоенность. Что бы Гарри Поттер ни планировал делать дальше, этого отец не ожидал, и мысли о дальнейшем развитии событий заставляли Драко серьёзно нервничать.

Драко также понял, что волосы под капюшоном промокли от пота. Он никогда не носил капюшон раньше и не задумывался, что, возможно, на плащи Пожирателей Смерти было наложено что-то вроде охлаждающего заклинания.

Гарри Поттер опять вытер пот со лба, поморщился, достал палочку, направил её вверх, глубоко вздохнул и произнёс:

— *Фригидейро!*

Мгновением позже Драко почувствовал поток холодного воздуха.

— *Фригидейро! Фригидейро! Фригидейро! Фригидейро! Фригидейро!*

Затем Гарри Поттер опустил палочку и убрал её обратно в карман мантии. Его рука слегка дрожала.

В комнате стало ощутимо прохладнее. Драко был впечатлён, хотя и мог проделать то же самое.

— Итак, — сказал он. — Наука. Ты собирался рассказывать мне о крови.

— Нет, мы собирались выяснить, как работает кровь, — поправил его Гарри Поттер. — С помощью экспериментов.

— Хорошо, — сказал Драко. — Каких экспериментов?

Гарри Поттер злоецце улыбунулся под капюшоном.

— А это ты мне скажешь.

* * *

Драко слышал о так называемом методе Сократа, в котором обучение происходило с помощью вопросов (назван в честь античного философа, который был слишком умён для магла, а следовательно, был замаскировавшимся чистокровным волшебником). Один из его учителей использовал метод Сократа. Раздражает, но зато эффективно.

Ещё был метод Поттера, и он был безумен.

Справедливости ради стоит заметить, что Гарри Поттер попробовал сначала использовать метод Сократа, но особых успехов не добился.

Он спросил Драко, как тот может опровергнуть утверждение о том, что волшебники не могут повторить того, что делали восемь столетий назад, потому что смешивались с маглорождёнными и сквибами.

На что Драко заявил, что не понимает, как Гарри Поттер может с невозмутимым видом утверждать, что это не ловушка.

Гарри Поттер не моргнув ответил, что за подобные жалкие, очевидные ловушки его самого стоило бы стереть в порошок и скормить ручным змеям. Но это вовсе не ловушка, а метод, применяемый учёными. Если ты честно стараешься опровергнуть свои собственные теории и терпишь неудачу, значит, ты победил.

Драко попытался указать на потрясающую тупость предположения, в соответствии с которым получалось, что лучшим способом выжить в дуэли было направить Авада Кедавр себе в ноги и промахнуться.

Гарри Поттер кивнул.

Драко покачал головой.

Затем Гарри Поттер описал идею, что учёные находят истину в поединке мнений, а поединка без оппонента быть не может. Поэтому Драко должен представить точку зрения противников гипотезы чистоты крови, чтобы потом её опровергнуть. Это Драко понял уже лучше, несмотря на слегка недовольный вид Гарри Поттера. Например, если очевидно, что в случае правильности принципов чистоты

крови небо должно быть синим, а в противном случае — зелёным, и никто никогда не видел неба, то достаточно выйти на улицу и всем его показать, чтобы одержать победу. И если это случится шесть раз подряд, люди начнут замечать тенденцию.

Гарри Поттер продолжил заявлением, что все противники, придуманные Драко, слишком слабы, поэтому для теории чистоты крови не будет чести победить их, ибо поединок не произведёт ни на кого впечатления. Это Драко тоже понял. «Волшебники становятся слабее, потому что домовые эльфы похищают у них магию» для него тоже звучало неубедительно.

(Хотя Гарри Поттер отметил, что данную гипотезу по крайней мере можно проверить: выяснить, становились ли домовые эльфы сильнее с течением времени, и нарисовать графики возрастания силы эльфов и упадка сил волшебников. Если они совпадут, это будет указанием в поддержку гипотезы эльфов. Всё это было сказано настолько серьёзным тоном, что у Драко возникло мимолётное искушение задать Дobby несколько прямых вопросов под Сывороткой правды.)

И наконец, Гарри Поттер сказал, что Драко нельзя устраивать подставной поединок. Учёные не тупые, им будет очевидно, что битва подстроена. Сражение должно быть настоящим, между двумя теориями, каждая из которых имеет право на существование, с проверкой, которую может пройти только истинная гипотеза. Что-то на самом деле должно пойти по-другому, в зависимости от того, какая из гипотез на самом деле верна, и наблюдающие опытные учёные должны быть способны подтвердить это. Гарри Поттер заявил, что он сам хочет узнать, как на самом деле работает кровь, и для этого ему нужно увидеть, что теория чистоты крови на самом деле победила, и не собирается же Драко обманывать его гипотезами, которые легко разбить.

Даже поняв эту мысль, Драко не смог придумать какую-нибудь «правдоподобную альтернативу», как это назвал Гарри, для идеи, что волшебники становятся менее могущественными, поскольку мешают свою кровь с грязью. Это было слишком очевидной истиной.

После чего Гарри Поттер слегка раздражённо заметил, что не может поверить, что у Драко и впрямь так плохо получается воображать себя на чужом месте. Наверняка же существовали Пожиратели Смерти, которые изображали врагов чистоты крови, и у них, без сомнения, нашлись бы более правдоподобные аргументы против собственной стороны, чем то, что предлагает Драко. Если

бы Драко изображал сторонника Дамблдора и высказал бы идею о домовых эльфах, он бы ни на секунду никого не одурачил.

Драко был вынужден признать, что в этом есть смысл.

Тут и начался метод Поттера.

— Ну, доктор Малфой, — прохныкал Гарри Поттер. — Ну почему вы не хотите принять мою работу?

Гарри Поттеру пришлось повторить фразу «просто сделай вид, будто делаешь вид, что ты учёный» трижды, чтобы до Драко наконец дошёл её смысл.

Тогда Драко и понял, что с мозгами Гарри Поттера что-то сильно не в порядке, и любой, кто попробует на нём легилименцию, рискует застрять в них навсегда.

Затем Гарри Поттер пустился в дальнейшие объяснения: Драко — Пожиратель Смерти, который скрывается под личиной доктора Малфоя, редактора в научном журнале. Он хочет отклонить работу своего врага, доктора Поттера, под названием «О наследуемости магических способностей». Но если Пожиратель Смерти не будет похож на настоящего учёного, его раскроют и казнят. В то же время за доктором Малфоем наблюдают претенденты на его место, так что ему необходимо отклонить работу доктора Поттера на основании объективных научных причин, иначе доктор Малфой потеряет пост редактора.

И как только Распределяющая шляпа не оказалась в больнице Святого Мунго?

Это была самая сложная роль, сыграть которую его когда-либо просили, но отказаться от подобного вызова Драко не мог.

И прямо сейчас они, как выразился Гарри, вживались в роль.

— Боюсь, доктор Поттер, вы написали работу чернилами не того цвета, — сказал Драко. — Следующий!

Доктор Поттер великолепно изобразил отчаяние, и Драко не мог не почувствовать вспышку радости доктора Малфоя, даже если на самом деле доктор Малфой был Пожирателем Смерти.

Это было весело. Он бы так целый день провёл.

Доктор Поттер с унылым видом поднялся со стула и поплёлся прочь. Сделав пару шагов, он превратился в Гарри Поттера, который показал Драко оттопыренный вверх большой палец, а затем снова стал доктором Поттером, который возвращался к столу с широкой улыбкой.

Доктор Поттер сел и протянул доктору Малфоем лист пергамента, на котором было написано:

О наследуемости магических способностей

Д-р Г. Дж. Поттер-Эванс-Веррес,

Институт достаточно развитой науки*

Моё наблюдение:

Современные волшебники не могут творить столь же впечатляющие заклинания, что и волшебники, жившие 800 лет назад.

Мой вывод:

Волшебники стали слабее из-за смешения крови с маглорождёнными и сквибами.

— Прошу прощения, доктор Малфой, — заискивающе начал доктор Поттер, — я тут подумал, не мог бы «Журнал невоспроизводимых результатов» рассмотреть для публикации мою работу «О наследуемости магических способностей»?

Драко взглянул на пергамент и улыбнулся, раздумывая о возможных причинах отказа. Если бы он был преподавателем, он бы не принял эссе, потому что оно было слишком коротким, поэтому...

— Слишком большой объём, доктор Поттер, — заключил доктор Малфой.

На мгновение на лице доктора Поттера появилось выражение искреннего замешательства.

— А-а, — протянул он наконец. — А если я вычеркну отдельные строки про наблюдения и заключения и просто напишу: «поэтому...»?

— Тогда объём будет слишком маленький. Следующий!

Доктор Поттер снова поплёлся прочь.

— Ладно, — сказал Гарри Поттер, — смотрю, ты уже наловчился, даже слишком. Ещё два раза в тренировочном режиме, а потом по-настоящему и без пауз. Я подойду, и ты должен будешь отвергнуть статью из-за её содержания. Также помни — твои учёные-соперники не дремлют.

Следующая статья доктора Поттера была идеальна во всех отношениях, своего рода чудом, но, к сожалению, пришлось отвергнуть и её, потому что у журнала доктора Малфоя были проблемы с буквой «Е». А когда доктор Поттер предложил переписать статью, не используя слов с этой буквой, доктор Малфой объяснил, что вообще-то проблемы есть со всеми гласными.

Следующая статья была отвергнута, потому что вторник.

На самом деле была суббота.

Доктор Поттер попробовал указать на это, но в ответ услышал: «Следующий!».

(Драко начал понимать, почему Снейп, имея возможность шантажировать Дамблдора, ограничился получением должности, которая позволила ему измываться над учениками.)

А потом...

Доктор Поттер приблизился к нему с высокомерной ухмылкой.

— Вот моя последняя статья — «О наследуемости магических способностей», — уверенно заявил доктор Поттер и протянул листок. — Я решил опубликовать её в вашем журнале, поэтому подготовил её с учётом ваших требований к публикации, так что никаких заминок не возникнет.

ПожираТЕЛЬ Смерти решил выследить и убить доктора Поттера после выполнения этого задания. Доктор Малфой сохранял на лице вежливую улыбку — соперники по-прежнему следили за ним. Он сказал...

(Пауза затянулась, доктор Поттер нетерпеливо глядел на него.)

— ...Позвольте взглянуть.

Доктор Малфой взял листок и внимательно его прочитал.

ПожираТЕЛЬ Смерти заволновался, что он на самом деле никакой не учёный. Драко попытался представить себе, что бы сказал на его месте Гарри Поттер.

— Ах, вам нужно рассмотреть другие возможные объяснения вашего, эм-м, наблюдения, не только выбранное вами...

— В самом деле? — прервал его доктор Поттер. — Какие, например? «Домовые эльфы крадут нашу магию»? Вся собранная мною информация ведёт только к одному заключению, доктор Малфой. Никакие другие гипотезы невозможны.

Драко что было сил пытался заставить свой мозг придумать, что он сказал бы, будь он на стороне Дамблдора. Как же они объясняли уменьшение силы магов? Раньше его никогда не заботил этот вопрос...

— Если у вас нет другого объяснения для собранных мною данных, то вам придётся опубликовать мою статью, доктор Малфой.

Последней каплей стала насмешка на лице доктора Поттера.

— Ах так? — рявкнул доктор Малфой. — А с чего вы решили, что магия не исчезает сама по себе?

Время остановилось.

Драко и Гарри обменялись взглядами, полными потрясения и ужаса.

Затем Гарри Поттер выпалил какое-то, вероятно, очень плохое слово для воспитанного маглами.

— Я не подумал об этом! — воскликнул он. — А должен был! Магия уходит. Чёрт, чёрт, чёрт!

Тревога Гарри Поттера оказалась заразной. Драко машинально полез в карман мантии и стиснул волшебную палочку. Он-то думал, что дом Малфоев в безопасности. Раз они роднились только с семьями, которые могли проследить свою родословную хотя бы на четыре поколения назад, то им ничего не грозило. Раньше ему не приходило в голову, что этого может быть недостаточно, чтобы предотвратить конец магии.

— Гарри, что нам делать? — в панике Драко чуть ли не кричал. — Что нам делать?!

— Дай мне подумать!

Через несколько мгновений Гарри схватил с ближайшего стола те же перо и пергамент, которые он использовал для изображения статьи, и начал что-то быстро писать.

— Мы разберёмся, — непроницаемым голосом сказал Гарри. — Если магия исчезает из мира, мы установим, как быстро она исчезает и как много времени у нас осталось, чтобы что-нибудь сделать. А затем мы выясним, почему она исчезает, и тогда сделаем что-нибудь по этому поводу. Драко, силы волшебников уменьшаются с постоянной скоростью или внезапными скачками?

— Я... Я не знаю...

— Ты говорил мне, что никто не сравнится с четырьмя основателями Хогвартса. Поэтому это происходит уже как минимум восемь веков, так? Не слышал ли ты о проблемах, которые внезапно начались пятьсот лет назад, или о чём-то в этом духе?

Драко попытался заставить метавшийся в панике мозг работать.

— Мне всегда говорили, что никто не был настолько искусен, как Мерлин, а после этого никто не был так хорош, как основатели Хогвартса.

— Хорошо, — сказал Гарри, продолжая писать. — Потому что около трёх столетий назад маглы начали сомневаться в существовании магии, и я думал, что это может быть как-то связано. А примерно сто пятьдесят лет назад маглы дошли до технологий такого уровня, что они перестают работать в присутствии магии, и я подумал, не может ли это работать и в обратном направлении.

Драко вылетел из кресла в таком гневе, что с трудом выговаривал слова:

— Так это маглы!..

— Проклятье! — прорычал Гарри. — Ты хотя бы себя слышишь? Это началось как минимум восемь веков назад, а маглы в то время ничем интересным не занимались! Мы должны выяснить

настоящую причину! Маглы могут иметь отношение к исчезновению магии, но могут и не иметь — если в этом случае ты свалишь всю вину на них и это помешает нам выяснить, что на самом деле происходит, однажды утром ты проснёшься и обнаружишь, что твоя палочка стала обычной деревяшкой.

У Драко перехватило дыхание. Его отец часто в своих речах произносил «волшебные палочки сломаются в наших руках», но Драко никогда по-настоящему не задумывался, что же это на самом деле означает, в конце концов, с ним-то это не должно было случиться. А теперь внезапно подобная перспектива показалась очень реальной. Обычной деревяшкой! Драко несложно было себе это представить: он достает палочку, пытается сотворить заклинание — и обнаруживает, что ничего не выходит. И такое может случиться буквально с каждым.

Больше не будет волшебников, не будет магии, никогда. Будут лишь маглы, у которых останется несколько легенд о величии предков. Некоторых из этих маглов будут звать Малфоями, и больше от их имени не останется ничего.

Впервые в жизни Драко осознал, почему существуют Пожиратели Смерти.

Он всегда считал само собой разумеющимся, что, когда вырастет, он станет Пожирателем Смерти. Теперь Драко понял, почему отец и его друзья клялись отдать жизнь, лишь бы предотвратить кошмар, который может произойти. Бывают случаи, когда ты не можешь просто стоять в стороне и наблюдать. Но что если это произойдет всё равно, что если все жертвы, все друзья, которых они потеряли в борьбе с Дамблдором, целые семьи, которые они потеряли, что если всё это было напрасно...

— Магия не может исчезать, — сказал Драко. Его голос срывался. — Это было бы несправедливо!

Гарри прекратил писать и сердито посмотрел на него.

— Твой отец никогда не говорил тебе, что жизнь несправедлива?

Отец говорил так каждый раз, когда Драко использовал это слово.

— Но, но это слишком ужасно, чтобы быть правдой...

— Драко, позволь мне тебя кое с чем познакомить. Я называю это Литанией Тарского*. Её подстраивают под конкретное применение. В нашем случае она будет звучать примерно так: «Если магия уходит из мира, я хочу верить, что магия уходит из мира. Если магия не уходит из мира, я хочу верить, что магия не уходит из мира. Я не буду цепляться за веру, которой не хочу». Если

мы живём в мире, из которого магия уходит, в это нам и следует верить, чтобы знать, чтобы предотвратить, чтобы, при наихудшем стечении обстоятельств, подготовиться и сделать всё возможное за оставшееся нам время. Неверием мы не помешаем катастрофе. Так что единственный вопрос, который должен нас занимать, это «Уходит ли магия на самом деле?», и если таков мир, в котором мы живём, тогда в это мы и хотим верить. Литания Джендлина: «Правда не перестаёт быть правдой. Признание не сделает её хуже». Понял, Драко? Я хочу, чтобы потом ты выучил их наизусть. И ты будешь повторять эти слова всякий раз, когда у тебя появится искушение поверить в то, что правдой не является. Впрочем, скажи это прямо сейчас. Повторяй за мной: «Правда не перестаёт быть правдой. Признание не сделает её хуже». Давай.

— Правда не перестаёт быть правдой, — дрожащим голосом отозвался Драко. — Признание не сделает её хуже.

— Если магия уходит из мира, я хочу верить, что магия уходит из мира. Если магия не уходит из мира, я хочу верить, что магия не уходит из мира. Повтори.

Драко с каким-то нехорошим предчувствием повторил эти слова.

— Хорошо, — сказал Гарри. — Помни: возможно, это не так, и тогда ты не должен в это верить. Сперва мы хотим узнать, что в действительности происходит, в каком мире мы живём.

Гарри вернулся к своей работе, быстро написал что-то ещё, после чего повернул пергамент так, чтобы Драко мог прочесть, что на нем написано. Драко склонился над столом. Гарри поднёс светящуюся сферу поближе.

Наблюдение:

Маги не так могущественны, как во времена основания Хогвартса.

Гипотезы:

1. Магия уходит из мира сама по себе.
2. Волшебники смешиваются с маглами и сквибами.
3. Знания о могущественных заклинаниях утрачены.
4. Волшебники в детстве неправильно питаются, или ещё что-то, не связанное с кровью, мешает им вырастать сильными.
5. Технологии маглов влияют на магию. (Уже 800 лет?)
6. У могущественных волшебников рождается меньше детей. (Драко = единственный ребёнок? Проверить наличие детей у трёх сильных магов — Квиррелла / Дамблдора / Тёмного Лорда.)

Эксперименты:

— Хорошо, — Гарри теперь дышал немного спокойнее. — Когда нужно исследовать совершенно непонятное явление, разумнее всего провести несколько очень простых экспериментов, которые можно сделать сразу же. Нам нужны какие-нибудь лёгкие проверочные вопросы, позволяющие сделать выбор в пользу одной из гипотез. Наблюдения, которые позволят нам выделить одну из них.

Драко, остолбенев, уставился в список. Внезапно он понял, что знает множество чистокровных магов, у которых только один ребёнок. Он сам, Винсент, Грегори, да практически все. Двумя самыми могущественными магами по общему мнению были Дамблдор и Тёмный Лорд, и ни один из них не имел детей, как и предположил Гарри...

— Довольно трудно будет разделить номера 2 и 6, — сказал Гарри. — В обоих случаях речь идёт о крови — придётся составлять график угасания волшебства по времени, выяснять, есть ли в нём связь с числом детей у различных групп магов, измерять способности маглорождённых и сравнивать их со способностями чистокровных магов... — пальцы Гарри нервно барабанили по столу. — Давай пока что просто объединим пункты 6 и 2 и назовём их «гипотезой крови». Пункт 4 маловероятен — все бы заметили внезапное ослабление магии после перехода волшебников на новый рацион. И предположить, что его изменение происходило с одинаковой скоростью на протяжении 800 лет, тоже получается с трудом. Пункт 5 маловероятен по той же причине — угасание происходит постепенно, а технологический прорыв у маглов произошёл сравнительно недавно. Четвёртый пункт похож на второй, а пятый похож на первый. Так что главное, чтобы наш эксперимент выдавал различные результаты для гипотез 1, 2 и 3. — Гарри повернул листок к себе, обвёл эти цифры и повернул лист обратно. — Магия угасает, кровь слабеет, знание исчезает. Какой эксперимент позволит нам получить три разных результата и укажет на верность одной из гипотез? И что мы должны увидеть, чтобы понять, что все три теории ошибочны?

— Мне-то откуда знать! — выпалил Драко, — Почему ты спрашиваешь меня? Это ведь ты учёный!

— Драко, — в просьбе Гарри сквозило отчаяние, — я знаю только то, что знают учёные-маглы! Это ты вырос в мире волшебников, не я! Ты больше знаком с магией, и ты больше знаешь о магии, и изначально это была твоя идея, так что подумай об этом как учёный и найди ответ!

Драко с усилием глотнул и уставился на листок.

Магия угасает... волшебники смешиваются с маглами... знания теряются...

— Как будет выглядеть мир, если магия угасает? — подсказал Гарри. — Ты больше знаешь о магии, тебе и думать. Представь, что рассказываешь мне об этом сказку. Что в ней будет происходить?

Драко представил.

— Чары перестанут действовать.

Однажды волшебники проснутся и обнаружат, что их палочки — просто куски дерева...

— Как будет выглядеть мир, если кровь магов становится слабее?

— Люди не смогут делать то, что делали их предки.

— Как будет выглядеть мир, если теряются знания?

— Прежде всего, люди не будут знать, как вообще такие заклинания использовать... — произнёс Драко и удивлённо замолк. — Это ведь эксперимент, да?

— Один из экспериментов, — решительно кивнул Гарри.

Он записал его на листке под заголовком «Эксперименты»:

А. Существуют ли заклинания, которые мы знаем, но не можем использовать (1 или 2) или утраченные заклинания, о которых ничего не известно, кроме факта их существования (3)?

— Таким образом, это позволит отличить гипотезы 1 и 2 от гипотезы 3. Теперь нам нужно как-то различать 1 и 2. Магия угасает, кровь слабеет, как мы можем обнаружить разницу? — спросил Гарри.

— Можно узнать, какие заклинания могли творить первогодки в Хогвартсе, — предложил Драко. — Если они были способны на заклинания заметно мощнее нынешних, значит кровь была сильнее...

Гарри покачал головой:

— Или сама магия была сильнее. Нам придётся найти способ, как отличить одно от другого. — Гарри встал со стула и начал нервно прохаживаться по классу. — Нет, погоди, твой способ всё-таки может быть полезен. Предположим, разные заклинания требуют разное количество магической энергии. В таком случае, если окружающая магия слабеет, то сначала пропадут мощные заклинания, а то, что все обычно учат на первом курсе, будет по-прежнему работать. — Шаги Гарри ускорились. — Это не очень хороший эксперимент, в большей степени он говорит о том, исчезает ли мощная магия или исчезает вся магия, чья-то кровь может быть слишком слабой для мощных заклинаний, но достаточно сильной для простых... Драко, тебе что-

нибудь известно о том, были ли сильные маги в рамках одной эры, например, маги только этого века, сильными уже в детском возрасте? Если Тёмный Лорд использовал Охлаждающее заклинание в свои 11 лет, то замораживал ли он целую комнату?

Драко нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Не припомню, чтобы я слышал что-то о Тёмном Лорде, но Дамблдор творил нечто поразительное на своём экзамене по транс-фигурации на пятом курсе... Полагаю, другие сильные волшебники также были заметны уже в Хогвартсе...

Гарри нахмурился, продолжая вышагивать.

— Они могли просто усерднее учиться. Тем не менее, если первогодки учили те же самые заклинания и их сила не отличалась от современной, мы можем считать это слабым свидетельством в пользу 1 перед 2... подожди. — Гарри замер. — У меня есть другой эксперимент для различения 1 и 2. Мне потребуется время, чтобы объяснить его суть, он использует некоторые научные знания о крови и наследственности, зато его несложно провести. Если мы объединим твой эксперимент и мой эксперимент и они оба укажут на один из вариантов, то у нас будет хорошая подсказка. — Гарри почти бегом вернулся к столу, взял пергамент и написал:

В. В зрелости первогодки использовали те же заклинания с той же силой, что и сейчас?

(Слабое свидетельство в пользу 1 перед 2, но, возможно, ослабление крови влияет только на мощные заклинания.)

С. Дополнительный эксперимент на различение 1 и 2 с использованием научных знаний о крови, объясню позже.

— Хорошо, — сказал Гарри. — По крайней мере, мы можем попытаться различить 1, 2 и 3. Давай начнём прямо сейчас. Мы сможем придумывать других экспериментов уже после того, как попробуем те, что есть. Будет выглядеть несколько странно, если Драко Малфой и Гарри Поттер станут ходить вместе и задавать вопросы, но у меня есть идея. Ты пройдёшь по Хогвартсу, найдёшь старые портреты и спросишь их о том, какие заклинания они изучали на первом курсе. Это просто портреты, они не заметят ничего странного в том, что Драко Малфой задаёт такие вопросы. А я порасспрашиваю портреты поновее и живых людей о заклинаниях, которые мы знаем, но не умеем использовать. Никто не заметит ничего необычного в том, что странные вопросы задаёт Гарри Поттер. На меня ложится сложное исследование

по забытым заклинаниям, потому я попрошу тебя собрать данные для моего научного эксперимента. Это простой вопрос, который можно задать портретам. Наверное, тебе лучше его записать. Готов?

Драко вновь сел и, покопавшись в сумке, достал пергамент и перо. Когда всё было готово, он поднял голову и решительно сказал:

— Давай.

— Найди портреты, которые были знакомы с какой-нибудь женатой парой сквибов... не делай такое лицо, Драко, это важные сведения. Опроси новые портреты гриффиндорцев, например. Нужно найти тех, кто был знаком с какой-нибудь женатой парой сквибов достаточно хорошо, чтобы назвать имена всех детей. Запиши имя каждого ребёнка и укажи, был ли ребёнок волшебником, сквибом или маглом. Если они не знают, был ли ребёнок сквибом или маглом, то пиши «не волшебник». Запиши это для каждого ребёнка пары, без исключения. Если портрет знает лишь имена детей-магов, но не знает имена всех детей, то не записывай для этой пары вообще ничего. Очень важно получить сведения только от того, кто знает всех детей семейства сквибов, знает хотя бы поимённо. Постарайся записать хотя бы сорок имён, если получится. И если хватит времени на большее, то ещё лучше. Тебе всё понятно?

— Повтори, — проговорил Драко, когда закончил записывать, и Гарри повторил.

— Всё понятно, — заключил Драко, — но зачем...

— Это связано с одним из секретов крови, который уже открыт учёными. Я объясню, когда ты вернёшься. Встретимся здесь снова через час, в 18:22. Готов?

Драко решительно кивнул. Всё это происходило в большой спешке, но ему давно объяснили, когда нужно спешить.

— Тогда вперёд! — воскликнул Гарри Поттер. Он стянул плащ с капюшоном, скормил его своему кошелю и не дожидаясь, пока тот доест, повернулся и поспешил к двери, по пути натолкнувшись на стол и чуть не упав.

Когда Драко освободился от своего плаща и сложил его в сумку, Гарри Поттер уже исчез.

Драко выскочил из класса почти бегом.

Глава 23

Убеждённость в убеждениях

Каждому нужен камень, чтобы раскрутить его на верёвке вокруг Дж. К. Роулинг*.

- А Джанет была сквибом, — закончил портрет коренастой молоденькой ведьмы в шляпе с золотой отделкой. Драко сделал на листке пометку. Набралось только двадцать восемь человек, но время вышло: пора снова встретиться с Гарри.

Ему пришлось попросить другие портреты помочь с переводом — английский язык сильно изменился. Судя по рассказам самых древних портретов, заклинания для первокурсников их времени были не сильнее нынешних. Половина из них была ему знакома, а остальные не показались ему могущественными.

Неприятное чувство внутри росло с каждым ответом, пока он наконец не сдался и не пошёл вместо этого задавать странные вопросы Гарри Поттера про семьи сквибов другим портретам. Первые пять опрошенных не были знакомы с такими семьями. Тогда он начал просить портреты спрашивать у своих знакомых, чтобы те узнавали у своих знакомых, и в итоге всё-таки нашёл несколько магов, которые не постыдились признаться, что водили дружбу со сквибами.

(Драко объяснил, что работает над важным исследованием совместно с когтевранцем, который сказал ему, что нуждается в этой информации, а потом исчез в неизвестном направлении, не объяснив причин. Чем заработал много сочувственных взглядов.)

Драко медленно шёл по коридорам Хогвартса. Следовало бы поторопиться, но ноги словно налились свинцом. Он всё никак не мог собраться с силами: в голову лезли мысли, что незачем ему об этом знать, незачем во всё это влезать, пусть это будет не на его совести, пусть этим всем занимается Гарри Поттер, и если магия уходит — пусть он сам с этим разбирается...

Но Драко знал, что это неправильно.

Холод слизеринских подземелий, серость каменных стен — обычно эта атмосфера была Драко по душе, но сейчас она навевала мысли об уходе, исчезновении...

Он отворил дверь: Гарри Поттер уже ждал внутри, одетый в свой плащ с капюшоном.

— Древние заклинания первого курса, — тут же поинтересовался тот. — Что ты узнал?

— Они не могущественнее наших.

Гарри Поттер в сердцах саданул кулаком по столу:

— Вот чёрт. Ладно. Мой собственный эксперимент провалился, Драко. Оказывается, есть такая штука как Запрет Мерлина...

Драко стукнул себя по лбу: как же он раньше не вспомнил?

— ...и он не позволяет передавать знания о могущественных заклинаниях через книги. Даже если найдутся заметки могучего волшебника, в них не будет никакого смысла, информация должна переходить от разума к разуму. Я не смог найти никаких заклинаний, инструкции к которым мы имеем, но наколдовать не можем. Но если их невозможно выучить из старых книг, то зачем кому-то передавать вслух знание о заклинаниях, которые перестали работать? А насчёт семей сквибов ты узнал?

Драко протянул было кусок пергамента...

Но Гарри Поттер его остановил.

— Закон науки, Драко. Сначала я сообщаю тебе теорию и предположения. И только потом ты показываешь собранные тобою сведения. Так ты можешь быть уверен, что я не придумываю теорию на ходу, чтобы она подходила к данным: ты будешь знать, что теория заранее предсказала полученные тобой результаты. Мне в любом случае пришлось бы тебе всё объяснить, так что лучше делать это заранее, перед тем, как ты предоставишь мне факты. Такое вот правило. Так что надевай плащ и садись.

Гарри Поттер устроился за столом, на котором были разложены клочки бумаги. Драко вытащил плащ из сумки, натянул его на себя и сел с другой стороны, озадаченно их рассматривая. Бумажки лежали двумя рядами, примерно по двадцать клочков.

— Тайна крови, — сказал Гарри Поттер напряжённым голосом, — называется дезоксирибонуклеиновой кислотой. Сообщать это название не учёным нельзя. Дезоксирибонуклеиновая кислота — это рецепт, который объясняет твоему телу, как вырастить две руки, две ноги, следует ему быть высоким или низким, карие у тебя должны быть глаза или зелёные. Эта штука материальна, её даже можно увидеть

своими глазами через микроскоп — что-то вроде телескопа, только позволяет рассмотреть очень маленькие, а не очень далёкие вещи. И в этом рецепте всё в двух экземплярах, всегда, на случай если один повредится. Представь себе два длинных ряда клочков бумаги. Две соседние бумажки из разных рядов образуют пару, и когда у тебя будут дети, твоё тело случайным образом выберет по одной бумажке из каждой пары, тело матери сделает то же самое, и в результате у ребёнка тоже будет два ряда бумажек. Итак, все бумажки парами — одна от отца, другая от матери, и твои дети получают от тебя по одной бумажке для каждой пары, случайным образом.

Пока Гарри объяснял, его пальцы порхали над бумажками на столе, указывая то на левый ряд, когда он говорил «от матери», то на правый, когда говорил «от отца». А рассуждая о случайном выборе бумажки, он достал из кармана мантии кнат, подбросил, взглянул на монету и указал на бумажку из левого ряда. Всё это он проделал, ни разу не прервав свой монолог.

— Когда речь идёт о чём-то вроде роста, в рецепте много бумажек, которые на него слегка влияют. Так что если высокий отец женится на низкой матери, у ребёнка оказывается сколько-то «высоких» клочков бумаги и сколько-то «низких», и в итоге он обычно вырастает по росту средним. Но не всегда. Если повезёт, у ребёнка может оказаться много «высоких» бумажек и всего несколько «низких», из-за чего он вырастает довольно высоким. Если у отца пять «высоких» бумажек и у матери их тоже пять, и если очень повезёт, ребёнок может унаследовать все десять и вырасти выше обоих родителей. Видишь? Кровь не идеальная жидкость, она не смешивается идеально. Дезоксирибонуклеиновая кислота сделана из множества маленьких кусочков: стакан мелких камушков, а не воды. Именно поэтому ребёнок по характеристикам не всегда получается ровно посередине между родителями.

Драко слушал с открытым ртом. Как, во имя Мерлина, маглы всё это разузнали? Они что, этот рецепт прямо видели?

— А теперь, — сказал Гарри Поттер, — предположим, что, как и в случае с ростом, в рецепте есть много мест, где бумажка может быть «магической» и «немагической». Если у тебя достаточно «магических» бумажек — ты волшебник, если их очень много — ты могущественный волшебник, если слишком мало — магл, а что-то среднее — сквиб. Тогда, если женятся два сквиба, большинство детей должны тоже быть сквибами, но время от времени ребёнку везёт — он наследует большинство «магических» бумажек и отца и матери и становится волшебником. Хотя скорее всего не слишком сильным. Предположим

также, что в начале у нас есть много могущественных волшебников и волшебниц. Если они будут жениться только друг на друге, они сохраняют своё могущество. Но если они начнут жениться на маглорождённых, которые едва-едва могут колдовать, и сквибах... Понятно? Кровь не будет перемешиваться идеально, это будет стакан мелких камушков, а не воды, потому что именно так работает кровь. Время от времени всё равно будут появляться могущественные маги — те, кому повезёт получить много «магических» бумажек. Но даже они по силе не сравнятся с самыми могущественными волшебниками древности.

Драко медленно кивнул. Так ему это ещё никогда не объясняли. В том, как отлично всё сходилось, была неожиданная красота.

— Однако, — сказал Гарри, — это только одна из гипотез. Предположим, что в рецепте есть единственная пара, в которой записано, волшебник ты или нет. Только одно место для «магических» или «немагических» бумажек. Тогда есть только три варианта. Обе бумажки «магические». Одна бумажка «магическая», а другая — «немагическая». Или обе бумажки «немагические». Волшебники, сквибы и маглы. Две бумажки — и человек в состоянии использовать заклинания, одна бумажка — он всё-таки может пользоваться зельями и волшебными предметами, ни одной — и ему даже смотреть на волшебство будет сложно. Маглорождённые тогда будут рождаться не у настоящих маглов, а у двух сквибов — у двух родителей, у каждого из которых в рецепте по одной «магической» и одной «немагической» бумажке. Теперь представь, что ведьма выходит замуж за сквиба. У каждого ребёнка всегда будет по одной «магической» бумажке от матери, не важно, какая из них будет выбрана случайным образом. Но, как и при подбрасывании монеты, в половине случаев у ребёнка будет «магическая» бумажка отца, и в половине — «немагическая». Если верна предыдущая гипотеза, у детей от этого брака был бы слабый магический дар. Но в данном случае — половина будет волшебниками и ведьмами, по силе равными матери, а половина — сквибами. Ведь если в рецепте только одна пара, определяющая, волшебник ты или нет, то магия — это не стакан мелких камушков, которые могут перемешиваться. Это один волшебный камешек, камень мага.

Гарри выстроил три пары бумажек: на одной написал «магия» и «магия», на другой написал «магия» только на верхней, а третью оставил пустой.

— В этом случае, — сказал Гарри, — у тебя либо есть два камня, либо у тебя их нет. Ты либо волшебник, либо нет. Могущественными волшебниками будут более обученные и опытные. И если волшебни-

ки становятся слабее сами по себе, не из-за утерянных заклинаний, а из-за утраченной способности их творить... что ж, может быть, они пытаются как-то не так или ещё что. Но если этот процесс постепенен и неуклонно продолжается на протяжении более восьмисот лет, это может значить, что сама магия уходит из мира.

Гарри выстроил ещё две пары бумажек и достал перо. Вскоре в каждой паре было по одной «магической» бумажке и одной пустой.

— Что приводит меня к следующему предположению, — сказал Гарри. — Что происходит, когда женятся два сквиба? Подбрось монетку дважды. Могут получиться: орёл и орёл; орёл и решка; решка и орёл; решка и решка. В четверти случаев получается два орла, в четверти — две решки, а в половине случаев получится один орёл и одна решка. Так и с семьями сквибов. У четверти детей будет «магия-магия» — волшебники. У четверти — «немагия-немагия», маглы. А оставшаяся половина будет сквибами. Это очень старая классическая схема. Обнаружил её Грегор Мендель, которого до сих пор помнят, и это открытие стало первым шагом к разгадке секретов крови. Каждый, кто знает хоть что-то о науке крови, узнает эту схему в мгновение ока. Она не будет точной, ведь нельзя с уверенностью утверждать, что, подбросив монетку дважды сорок раз, ты получишь ровно десять пар орлов. Но если волшебников от семи до тринадцати из сорока детей, то это уже веское свидетельство. Поэтому я и хотел, чтобы ты собрал эти данные. Давай теперь на них посмотрим.

И, не дав Драко опомниться, Гарри Поттер выхватил пергамент у него из руки.

У Драко пересохло в горле.

Двадцать восемь детей.

Он не помнил точно, но около четверти из них были волшебниками.

— Шесть магов на двадцать восемь детей, — быстро подсчитал Гарри Поттер. — Что ж, картина становится яснее. И первокурсники применяли те же заклинания с тем же уровнем силы восемь сотен лет назад. Твой и мой тест приводят к одному и тому же выводу.

Молчание затянулось.

— Что теперь? — прошептал Драко.

Никогда в жизни он не был так напуган.

— Уверенности ещё нет, — сказал Гарри Поттер. — Мой эксперимент провалился, помнишь? Мне нужно, чтобы ты придумал для меня другой тест, Драко.

— Я... я... — срывающимся голосом начал Драко, — я не смогу, Гарри, для меня это слишком!

Гарри был непреклонен:

— Сможешь, потому что должен. Я и сам уже ломал голову, когда узнал про Запрет Мерлина. Драко, есть ли какой-нибудь способ измерить силу магии напрямую? Способ, который бы не имел никакого отношения к крови и заклинаниям?

Драко ничего не приходило в голову.

— Всё, что влияет на магию, влияет и на волшебников, — продолжил Гарри. — И поэтому с этой стороны понять, в волшебниках или в самой магии причина, невозможно. На что ещё, кроме волшебников, влияет магия?

— На волшебных существ, конечно, — не задумываясь ответил Драко.

Губы Гарри Поттера медленно растянулись в улыбке.

— Драко, ты гений.

Только тот, кто вырос у маглов, способен задать такой глупый вопрос.

Драко стало совсем плохо, когда он понял, что будет значить постепенное уменьшение силы волшебных тварей: отпадут последние сомнения в том, что магия уходит из мира. А какая-то часть Драко уже была уверена, что именно это они и обнаружат. Он не хотел этого видеть, не хотел этого знать...

Гарри Поттер уже шагал к двери.

— Ну идём же, Драко! Тут недалеко есть портрет, попросим его найти кого-нибудь подревнее и выясним всё прямо сейчас! В плащах нас не узнают — если нас кто-то заметит, просто убежим! За мной!

* * *

Это не заняло у них много времени.

На портрете с трудом помещались трое: мужчина среднего роста из двенадцатого века, замотанный в чёрное, разговаривал с печальной молодой женщиной из четырнадцатого века, у которой волосы топорщились, будто заряженные статическим электричеством, а она передавала его слова величавому морщинистому старику с золотым галстуком-бабочкой из семнадцатого века. Последнего мальчики уже могли понять.

Они спросили о дементорах.

Они спросили о фениксах.

Они спросили о драконах, троллях и домовых эльфах.

Гарри нахмурился и заметил, что существа, которым было нужно больше магии, могли вымереть полностью, и спросил портреты, каких самых могущественных волшебных существ они знают.

В перечне не было никого незнакомого, кроме неких Тёмных существ, которых называли пожирателями разума. Переводчик упомянул, что их полностью истребил Гарольд Ши, и, судя по описанию, до дементоров им было далеко*.

Получалось, что волшебные существа сейчас так же сильны, как и всегда.

Драко немного отпустило, теперь он просто чувствовал себя сбитым с толку.

— Гарри, — подал голос Драко, пока старик переводил перечень одиннадцати способностей глаз бехолдера*, — что это означает?

В ответ Гарри лишь поднял палец, дожидаясь, пока старик огласит весь список.

После этого Гарри поблагодарил все портреты за помощь. Драко машинально сделал то же самое, причём более любезно, и они направились обратно в класс.

Гарри достал исходный пергамент с гипотезами и начал быстро писать.

Наблюдение:

Маги не так могущественны, как во времена основания Хогвартса.

Гипотезы:

1. Магия уходит из мира сама по себе.
2. Волшебники смешиваются с маглами и сквибами.
3. Знания о могущественных заклинаниях утрачены.
4. Волшебники в детстве неправильно питаются, или ещё что-то, не связанное с кровью, мешает им вырастать сильными.
5. Технологии маглов влияют на магию. (Уже 800 лет?)
6. У могущественных волшебников рождается меньше детей. (Драко = единственный ребёнок? Проверить наличие детей у трёх сильных магов — Квиррелла / Дамблдора / Тёмного Лорда.)

Эксперименты:

А. Существуют ли заклинания, которые мы знаем, но не можем использовать (1 или 2) или утраченные заклинания, о которых ничего не известно, кроме факта их существования (3)? Результат: Отсутствует из-за Запрета Мерлина. Заклинания, которые невозможно использовать, неизвестны, но сведения о них могли просто не дойти.

В. В зрелости первоходки использовали те же заклинания с той же силой, что и сейчас? (Слабое свидетельство в пользу 1 перед 2, но, возможно, ослабление крови влияет только на мощные заклинания.) Результат: Первоходки использовали заклинания той же силы, что и сейчас.

С. Дополнительный эксперимент на различие 1 и 2 с использованием научных знаний о крови, объясню позже. Результат: Есть только одно место в рецепте, которое делает тебя волшебником, и либо обе бумажки говорят "магия", либо ты им не являешься.

Д. Теряют ли силу волшебные существа? Позволяет отличить 1 от (2 или 3). Результат: Судя по всему, волшебные существа так же сильны, как и всегда.

— Эксперимент «А» не удался, — сказал Гарри Поттер. — «В» слабо свидетельствует в пользу 1 по сравнению с 2. «С» опроверг 2. «Д» опроверг 1. 4 маловероятна, и «В» также свидетельствует против 4. 5 маловероятна, и против неё свидетельствует «Д». 6 опровергнута вместе с 2. Остаётся 3. Виной тому Запрет Мерлина или нет, я не смог найти какие-либо известные заклинания, которые сейчас не могут применить. Если всё это просуммировать, получается, что потеряны знания.

И ловушка захлопнулась.

Когда паника схлынула и до Драко дошло, что магия совершенно нигде не исчезает, ему всё стало ясно.

Он оттолкнулся от стола и встал так резко, что его кресло со скрипом откатилось и опрокинулось.

— Так это был всего лишь дурацкий трюк.

Гарри Поттер посмотрел на него, не вставая с места. Потом тихо сказал:

— Эксперимент был честный, Драко. Если бы он пошёл по-другому, я бы с этим смирился. Я бы никогда не стал жульничать в подобных вопросах. Никогда. Я не видел твоих данных, когда делал своё предсказание. Я открыто сказал тебе, что Запрет Мерлина свёл на нет первый эксперимент...

— О, — голос Драко начал дрожать от гнева, — и ты не знал, что в итоге обнаружится?

— Я не знал ничего, чего не знал ты, — всё так же тихо ответил Гарри. — Признаю, я подозревал. Гермiona Грейнджер слишком сильна. В ней магии должны быть крохи, но это не так. Как может маглорождённая быть лучшей по заклинаниям в Хогвартсе? Кроме

того, она лучше всех справляется и с письменными работами — очень маловероятное совпадение, если только одно не следует из другого. Существование Гермионы Грейнджер указывает на то, что наличие магии определяется единственным фактором, и он либо есть, либо его нет, а сила магии зависит от того, как много мы знаем и как много мы упражняемся. Поэтому нет никакого разделения на чистокровных и маглорождённых, и так далее. Мир слишком сильно отличается от того, каким он был бы, будь ты прав. Но, Драко, я видел то же, что и ты. Я не выполнял никаких опытов, о которых бы тебе не говорил. Я не жульничал, Драко. Я хотел, чтобы мы получили ответ вместе. Мне и в голову не приходило, что магия может исчезать из мира, пока ты не озвучил эту мысль. И меня она тоже испугала.

— Не важно, — Драко с трудом удерживал себя в руках, чтобы не сорваться на крик. — Ты утверждал, что не побежишь рассказывать об этом кому-нибудь ещё.

— Не посоветовавшись сперва с тобой, — Гарри умоляюще протянул руки. — Драко, я бы хотел пощадить твои чувства, но мир действительно оказался не таким, как ты думал.

— Прекрасно. Тогда наши пути расходятся. Я просто уйду и обо всём забуду.

Драко развернулся. Во рту был горький привкус предательства. Только сейчас он понял, что Гарри Поттер ему нравился на самом деле. Впрочем, это ничуть не помешало ему двинуться напрямик к двери из класса.

Позади раздался голос Гарри Поттера — громкий и взволнованный:

— Драко, ты не сможешь забыть. Ты ещё не понял? Это была твоя жертва.

Драко застыл на месте и повернулся обратно.

— О чём ты?

Но по его спине уже бежали холодные мурашки.

Он заранее знал ответ.

— Чтобы стать учёным... ты поставил под вопрос одно из своих убеждений, причём крайне для тебя значимое. Ты провёл эксперименты, собрал данные, и в итоге вышло, что твоё убеждение было ошибочным. Ты видел результаты и понял, что они означают, — у Гарри Поттера дрожал голос. — Помни, Драко, будь твоё убеждение истинным, эксперименты подтвердили бы его, а не опровергли. Чтобы стать учёным, ты пожертвовал ложным убеждением, что кровь волшебников смешивается и становится слабее.

— Это неправда! — выкрикнул Драко. — Ничем я не жертвовал. Я и сейчас в это верю!

Его голос стал громче, а озноб — сильнее.

Гарри Поттер покачал головой и сказал почти шёпотом:

— Драко... Мне очень жаль, Драко, но ты не веришь. Ничуть. — Его голос стал громче. — Я могу это доказать. Представь: кто-нибудь тебе говорит, что у него дома живёт дракон. Ты отвечаешь, что хочешь на него посмотреть. Тебе сообщают, что это невидимый дракон*. Прекрасно, говоришь ты, в таком случае ты хочешь его услышать. Тебе говорят, что это совершенно бесшумный дракон. Ты объявляешь, что бросишь в воздух муку, чтобы увидеть его контуры. Тебе объясняют, что мука проходит через этого дракона насквозь. И, говоря всё это, объясняющий уже заранее знает, какой именно результат эксперимента ему нужно объяснить в свою пользу. Знает, что всё пройдёт так, как будто никакого дракона нет, знает заранее, оправдание чему он должен выдумать. Возможно, этот кто-то лишь утверждает, что дракон существует. Возможно, он верит, что он верит, что дракон существует. Это называется «убеждённость в убеждении». Но на самом деле он не верит, что дракон существует. Ты можешь искренне заблуждаться в том, каковы твои истинные убеждения — большинство людей не замечают разницу между верой во что-нибудь и убеждённостью в том, что верить в это правильно. — Гарри Поттер наконец встал из-за стола и сделал несколько шагов к Драко. — Драко, ты больше не веришь в учение о чистоте крови. И сейчас я это продемонстрирую. Если бы теория чистоты крови была верна, то существование Гермионы Грейнджер было бы немыслимо. Как его тогда объяснить? Может быть, она сирота-волшебница, воспитанная маглами, как я? Я могу попросить Грейнджер показать фотографии родителей и посмотреть, похожа ли она на них. Как ты думаешь, она будет похожа на своих родителей? Стоит ли нам проводить этот эксперимент?

— Её, должно быть, отдали каким-нибудь родственникам, — дрожащим голосом произнёс Драко. — Поэтому они будут выглядеть похоже.

— Вот видишь. Ты уже знаешь, для какого результата эксперимента ты должен придумать оправдание. Если бы ты всё ещё верил в теорию чистоты крови, ты бы сказал: «А давай! Готов поспорить, она не похожа на своих родителей, она слишком сильна для маглорождённой»...

— Её отдали родственникам!

— У учёных есть способ точно установить степень родства. И Грейнджер, возможно, согласится устроить такую проверку, если я предложу её семье достаточное вознаграждение. В отличие от тебя она не будет бояться результатов. Как ты думаешь, что покажет проверка? Тебе достаточно попросить, и мы её проведём. Но ты уже знаешь, каков будет результат. И всегда будешь знать. Ты никогда не сможешь об этом забыть. Возможно, ты захочешь верить в учение о чистоте крови, но ты всегда будешь ожидать, что всё будет происходить именно так, как если бы существовал только один фактор, делающий человека волшебником. Это и была твоя жертва, чтобы стать учёным.

Драко задохнулся от ярости.

— Ты хоть понимаешь, что ты сделал?! — Он метнулся вперёд и схватил Гарри за воротник мантии. Его голос перешёл на крик, невыносимо громкий в тишине закрытого класса. — Ты понимаешь, что ты сделал?!

Срывающимся голосом Гарри ответил:

— У тебя было убеждение. Ошибочное убеждение. Я помог тебе это увидеть. Правда не перестаёт быть правдой. Признание не делает её хуже...

Пальцы правой руки Драко сжались в кулак, и он ударил Гарри в челюсть с такой силой, что тот, отлетев назад, ударился о стол, а затем упал на пол.

— Идиот! — заорал Драко. — Идиот! Идиот!

— Драко, — прошептал Гарри с пола, — Драко, мне очень жаль. Я думал, что пройдёт несколько месяцев. Я не ожидал, что учёный в тебе проснётся так быстро. Думал, будет время тебя подготовить. Научить, как признавать свои ошибки, чтобы было не так больно...

— А как же отец? — дрожащим от ярости голосом спросил Драко. — Ты и его собирался «подготовить», или тебе было вообще всё равно, что будет дальше?

— Ему ты не можешь рассказать! — с тревогой крикнул Гарри. — Он не учёный! Ты обещал, Драко!

На мгновение мысль о том, что отец не узнает, принесла облегчение.

А потом внутри начал закипать настоящий гнев.

— Так ты планировал, что я буду врать ему и говорить, что я всё ещё верю, — тяжело дыша, произнёс Драко. Мне придётся постоянно лгать, а когда я вырасту, то не смогу стать Пожирателем Смерти, и даже не смогу объяснить почему.

— Если твой отец по-настоящему тебя любит, — прошептал Гарри, — он будет любить тебя, даже если ты не станешь Пожирателем Смерти, а, похоже, твой отец любит тебя по-настоящему, Драко...

— Твой приёмный отец — учёный, — сказал Драко. — Если ты не станешь учёным, он всё равно будет любить тебя. Но уважать тебя будет «немного» меньше.

Гарри вздрогнул. Он открыл рот, собираясь сказать: «Мне жаль», но потом закрыл его, как будто в последний момент передумал. Это было очень дальновидно с его стороны, или же ему попросту повезло, потому что в противном случае Драко наверняка попытался бы его убить.

— Ты должен был меня предупредить, — голос Драко становился всё громче. — Ты должен был меня предупредить!

— Я... я предупреждал... каждый раз, когда я говорил тебе о силе, я называл цену. Я говорил: ты должен признавать свои ошибки. Я говорил, что это будет самый сложный для тебя путь. Что каждый, кто хочет стать учёным, должен принести жертву. Я говорил, что если эксперименты скажут одно, а твоя семья и друзья будут говорить другое...

— Это, по-твоему, предупреждение?! — Драко уже кричал. — Это, по-твоему, предупреждение?! Когда речь идёт о ритуале, который требует необратимых жертв?!

— Я... Я... — Гарри глотнул. — Я согласен, что, возможно, выражался недостаточно ясно. Прошу прощения. Но то, что может быть разрушено правдой, должно быть разрушено.

Одним синяком Поттер не отделается.

— Ты ошибся в одном, — убийственно спокойным голосом сказал Драко. — Грейнджер не сильнейшая ученица в Хогвартсе. Она просто получает лучшие оценки на уроках. Сейчас ты поймёшь разницу.

По лицу Гарри было видно — он понял, что сейчас произойдёт. Он попытался быстро вскочить на ноги...

Но уже было поздно.

— *Экспеллиармус!*

Палочка Гарри улетела в дальний конец комнаты.

— *Гом Джаббар!**

Клубок чернильной темноты ударил в его левую руку.

— Это пыточное заклинание, — сказал Драко. — Используется, чтобы добывать информацию. Я оставляю тебя здесь и запру за собой дверь. Возможно, я поставлю запирающее заклинание только на несколько часов. А возможно, оно будет действовать, пока ты здесь не сдохнешь. Наслаждайся.

Всё ещё целясь в Гарри волшебной палочкой и ни на секунду не спуская с него глаз, Драко плавно отступил назад и свободной рукой подхватил сумку.

Лицо Гарри Поттера уже было искажено от боли, когда он сказал:

— Я правильно понимаю, что Малфои считают себя выше закона об ограничении колдовства несовершеннолетних? Дело не в том, что твоя кровь сильнее. Дело в том, что у тебя уже есть опыт. Когда ты начинал, ты был так же слаб, как и любой из нас. Моё предположение ошибочно?

Пальцы Драко, сжимавшие палочку, побелели. Но сама палочка по-прежнему твёрдо смотрела на Гарри.

— Просто к сведению, — сквозь сжатые зубы произнёс Гарри, — если бы ты сказал мне, что я не прав, я бы тебя выслушал. Я ни за что не буду пытаться тебя, когда ты покажешь мне, что я в чём-то ошибаюсь. А однажды так и будет. Когда-нибудь. Сегодня в тебе проснулся учёный, и даже если ты никогда не научишься использовать свою силу, ты всегда, — Гарри судорожно вздохнул, — будешь искать... способы... проверить... свои убеждения.

Драко чуть сбился с шага, палочка в руке задрожала. Продолжая целиться в Гарри, он торопливо нащупал дверную ручку, спиной вперёд вышел из класса и захлопнул дверь.

Он применил самое мощное запирающее заклинание, которое знал.

Затем подождал, пока из-за двери донесётся первый вопль Гарри, сказал «*Квиетус*» и ушёл прочь.

* * *

— А-а-а-а-а! *Фините инкантатем!* А-а-а-а-а!

Левую руку Гарри как будто засунули в горшок кипящего масла и продолжали там удерживать. Он полностью выложился в «*Фините инкантатем*», но заклинание так и не сработало.

Некоторые проклятия требуют специальных контрзаклинаний, по-другому их не отменить. Или, возможно, Драко был просто намного сильнее его.

— А-а-а-а-а-а!

Жжение в руке стало невыносимым и мешало мыслить творчески. Но несколько криков спустя Гарри понял, что ему нужно сделать.

К несчастью, кошель находился не с той стороны туловища, и пришлось изворачиваться, чтобы дотянуться до него, притом что левая рука безостановочно трепыхалась в воздухе в рефлекторной

попытке избавиться от боли. Когда Гарри всё-таки смог дотянуться до кошель, он обнаружил, что снова выронил палочку.

— Набор а-а-а-а-а целителя! А-а-аптечка!

В тусклом зелёном свете разглядеть что-либо на полу было невозможно.

Гарри не мог стоять, не мог ползти. Он подкатился по полу к тому месту, где, как он считал, лежала его палочка, но её там не было... он смог приподняться на одной руке достаточно высоко, чтобы заметить палочку... перекатился, схватил её, перекатился обратно к аптечке. Это сопровождалось изрядным количеством криков, и его стошнило от боли.

Ушло восемь попыток на то, чтобы сделать *Люмос*.

А затем оказалось, что набор целителя не предусматривает открывание одной рукой, потому что все волшебники — идиоты. Гарри пришлось использовать зубы, так что прошло ещё какое-то время, прежде чем ему удалось обернуть Обезболивающую повязку вокруг руки.

Когда все ощущения в левой руке наконец-то исчезли, Гарри позволил своему сознанию поплыть и некоторое время неподвижно лежал и плакал.

Ну что? — спросил Гарри самого себя, после того как он снова стал способен думать словами. — *Стоило оно того?*

Здоровая рука Гарри медленно дотянулась до стола.

Он схватился за него и встал.

Глубоко вздохнул.

Выдохнул.

Улыбнулся.

Слабое подобие улыбки, но всё же.

Спасибо, профессор Квиррелл, я не смог бы проиграть без вас.

Гарри ещё не исправил Драко, и близко к этому не подошёл. Что бы там сейчас ни думал сам Драко, он всё ещё оставался сыном Пожирателя Смерти, до мозга костей. Мальчишкой, который вырос, считая «изнасилование» чем-то таким, что делают крутые старшие ребята. Но он сделал этот чёртов первый шаг!

Гарри не мог утверждать, что всё прошло как задумано. Всё вышло совершенно спонтанно. Планы Гарри не предусматривали ничего подобного раньше декабря, когда он собирался научить Драко не отрицать обнаруженные им самим факты.

Но он увидел страх на лице Драко, осознал, что Драко уже всерьёз рассматривает альтернативные гипотезы, и воспользовался

моментом. Истинное любопытство имеет такую же искупительную силу в научном подходе к мышлению, как и истинная любовь в кино.

Оглядываясь назад, Гарри заметил, что давал себе часы на то, чтобы совершить наиболее значимое открытие в истории магии, и месяцы на то, чтобы сломить непрочные барьеры сознания одиннадцатилетнего мальчика. Что указывало на серьёзный когнитивный дефицит в контексте оценки сроков выполнения задач.

Грозит ли Гарри Научный Ад за то, что он сделал? Гарри не был уверен. Он собирался натолкнуть Драко на мысль об угасании магии, удостовериться в том, что Драко проведёт часть экспериментов, которые, как казалось на первый взгляд, утвердят его в этом направлении. Он собирался обождать с объяснением генетики, подтолкнув Драко к мыслям о магических созданиях (хотя сам Гарри думал в терминах магических артефактов, вроде Распределяющей шляпы, которые никто уже не может воспроизвести, но которые продолжают работать). Гарри и впрямь не преувеличивал никаких свидетельств, не искажал значения каких-либо результатов. Когда Запрет Мерлина сделал бессмысленным эксперимент, на который Гарри возлагал большие надежды, он так и сказал об этом Драко.

А что касается того, что случилось дальше...

Но Гарри ничуть не соврал. Драко просто поверил его словам, и они стали истинными.

Концовка, увы, получилась невесёлой.

Гарри повернулся и, пошатываясь, направился к двери.

Настало время проверить запирающее заклинание Драко.

Первым делом — просто повернуть дверную ручку. Возможно, Драко блефовал.

Драко не блефовал.

— *Фините инкантатем!* — хрипло произнёс Гарри и почувствовал, что заклинание не получилось.

Тогда он попробовал ещё раз, и заклинание получилось. Но ещё одна попытка повернуть ручку показала, что оно не сработало. Неудивительно.

Время для тяжёлой артиллерии. Гарри глубоко вдохнул и произнёс одно из самых мощных известных ему заклинаний:

— *Алохомора!*

Гарри слегка качнуло.

Дверь класса по-прежнему оставалась закрытой.

Гарри был потрясён. Конечно, он не собирался бродить возле запретного коридора Дамблдора, но заклинание, отпирающее замки,

всё равно показалось полезным, и поэтому он его выучил. Выходит, система безопасности в запретном коридоре Дамблдора слабее, чем если бы её ставил Драко Малфой. Неужели тот, кого туда хочет заманить директор, настолько глуп, что этого не заметит?

В сердце снова прокрался страх. В инструкции к аптечке было сказано, что Обезболивающую повязку можно безопасно держать не дольше тридцати минут, после чего она автоматически снимается. Повторно её можно использовать только через двадцать четыре часа. Сейчас было 18:51, он надел повязку примерно пять минут назад.

Гарри сделал шаг назад и осмотрел дверь. Она была сделана из цельного массива тёмного дуба, лишь бронзовая ручка выделялась на гладкой поверхности.

Гарри не знал ни одного взрывающего, режущего или дробящего заклинания, а трансфигурация взрывчатки нарушала правило «Не превращайте предмет в то, что можно сжечь». Кислота была жидкостью и порождала испарения...

Но для творческого ума это не помеха.

Гарри направил палочку на одну из бронзовых дверных петель и сконцентрировался на идее хлопка, как на чистой абстракции, в отдельности от какого-либо реального хлопкового материала, а также материи, отделённой от того, что делало её бронзовой дверной петлёй, и соединил эти понятия вместе в конечной форме. Благодаря ежедневному часу занятий трансфигурацией, в течение месяца Гарри наловчился трансфигурировать предметы объёмом до пяти кубических сантиметров менее чем за минуту.

Прошло две минуты, а петля совершенно не изменилась.

Автор запирающего заклинания, которое применил Драко, учёл и это. Или дверь являлась частью замка Хогвартс, на который трансфигурация не действовала.

Быстрый осмотр подтвердил, что стены сделаны из цельного камня, равно как и пол с потолком. А трансфигурировать части предмета по отдельности нельзя. Гарри пришлось бы трансфигурировать всю стену, и на это ушли бы часы, если не дни, непрерывной работы. Конечно, если стена, в свою очередь, не считалась частью замка.

Маховик времени откроется в 9 вечера. Затем Гарри сможет отправиться в прошлое, к 6 вечера, когда дверь ещё не была запёрта.

Как долго продлится пыточное заклинание?

Гарри тяжело сглотнул. Слезы опять полились из глаз.

Блестящий творческий ум предложил гениальную мысль: отпилить руку ножовкой из набора в кошеле. Больно, но, пожалуй,

не настолько, как от заклинания Драко, потому что нервы будут обрезаны. А в аптечке есть жгуты для остановки крови...

Конечно, это ужасная глупость, о которой Гарри будет сожалеть всю оставшуюся жизнь. Но Гарри уже не был уверен, что сможет выдержать два часа под пыткой.

Он хотел выйти из класса, хотел выйти из класса прямо сейчас, а не ждать, кричать и мучиться два часа подряд, пока откроется Маховик времени. Надо убираться отсюда и найти кого-нибудь, кто бы снял пыточное проклятие с руки...

Думай! — крикнул Гарри своему мозгу. — *Думай! Думай!*

* * *

Спальня Слизерина была почти пуста. Все ушли ужинать, но Драко почему-то не очень хотелось есть.

Он закрыл дверь в свою комнату, запер её, запечатал заклинанием, использовал Квиетус, сел на кровать и заплакал.

Это несправедливо.

Несправедливо.

Впервые Драко потерпел поражение. Отец предупреждал его, что первое настоящее поражение будет болезненным, но он потерял так много... Это несправедливо — потерять абсолютно всё в первый же раз.

Где-то в подземельях мальчик, к которому он действительно хорошо относился, кричал от боли. Никогда прежде Драко не причинял боль тем, кто ему нравился. Наказание провинившихся предполагало радость, но сейчас ему было тошно. Отец не предупреждал его о таком, и Драко задумался, был ли это суровый урок, через который каждый должен пройти, когда вырастет, или он просто оказался слабым...

Ему хотелось, чтоб вместо Гарри кричала Панси. Тогда Драко чувствовал бы себя лучше.

И хуже всего было осознание того, что использовать пыточное заклинание на Гарри Поттере было большой ошибкой.

Куда теперь ему податься? К Дамблдору? После того, что он сделал? Да тот его сожжёт заживо.

Драко придётся вернуться к Гарри, потому что ему больше некуда идти. И если Гарри Поттер скажет, что больше не хочет иметь с ним дело, то Драко превратится в ничто, останется просто жалким мальчиком, который никогда не сможет стать Пожирателем

Смерти, никогда не присоединится к партии Дамблдора, никогда не сможет изучать науку.

Ловушка была поставлена безупречно и безупречно сработала. Отец неоднократно предупреждал его, что пожертвованное в Тёмных ритуалах вернуть нельзя. Но отцу не было известно, что проклятые маглы изобрели ритуалы, не требующие палочки, ритуалы, в которые тебя могут завлечь без твоего ведома, и это был лишь один из ужасных секретов, доступных учёным и Гарри Поттеру.

Драко заплакал сильнее.

Он этого не хотел, он этого совсем не хотел, но пути назад не было. Слишком поздно. Он уже стал учёным.

Драко знал, что должен вернуться, освободить Гарри и извиниться. Это было бы разумно. Но вместо этого он продолжал лежать в постели и всхлипывать.

Он причинил боль Гарри Поттеру. И, возможно, больше такого случая не представится, так что ему всю жизнь придётся довольствоваться памятью об этом дне.

Пусть помучается.

* * *

Гарри бросил останки ножовки на пол. Бронзовые петли казались неуязвимыми, на них не появилось даже царапины, и Гарри начал подозревать, что даже отчаянная попытка трансфигурировать кислоту или взрывчатку не поможет открыть эту дверь. Но была и положительная сторона — ножовке пришёл конец.

Часы показывали 19:02, оставалось меньше пятнадцати минут, и Гарри пытался вспомнить, остались ли ещё острые предметы в кошельке, которые тоже нужно уничтожить. На глаза опять навернулись слёзы. Если бы только после того, как Маховик времени откроется, он мог вернуться и предотвратить...

И в этот момент Гарри осознал всю глубину своей глупости.

Он не в первый раз оказался запертым в комнате.

Профессор МакГонагалл уже объясняла ему, что нужно делать в такой ситуации.

...она также запретила использовать Маховик в подобных целях.

Поймёт ли профессор МакГонагалл, что это исключительный случай? Или просто навсегда заберёт Маховик?

Гарри собрал все свои вещи, все улики в кошель. *Скорджифай* позаботился о рвоте на полу, хотя и не смог убрать пот, пропитавший

мантию. Столы Гарри оставил перевернутыми: большого смысла в том, чтобы возиться, расставляя их одной рукой, не было.

Закончив, Гарри посмотрел на часы. 19:04.

Оставалось ждать. Секунды казались годами.

В 19:07 дверь открылась.

На заросшем пышной бородой лице профессора Флитвика читалась тревога.

— С тобой всё хорошо, Гарри? — пропищал декан Когтеврана. — Я получил записку, что ты здесь заперт...

Так как в этой книге практически всё, что касается науки, — верно, я вынужден предупредить, что в этой и следующих главах Гарри не учитывает ряд возможностей. Наиболее важная из них заключается в том, что может существовать множество магических генов, которые собраны в одной хромосоме. Естественным путём это бы не произошло, но хромосома могла быть сконструирована искусственно. В таком случае схема наследования тоже была бы менделевской, но магическая хромосома всё равно могла деградировать из-за кроссинговера^{*} с гомологичной немагической хромосомой. (Гарри читал о Менделе и хромосомах в книгах по истории науки, но он не изучал настоящую генетику настолько глубоко, чтобы знать о кроссинговере. Эй, ему же всего одиннадцать.) Конечно, современный научный журнал нашёл бы в рассуждениях Гарри массу моментов, к которым можно придраться, но всё, что Гарри называет веским свидетельством, таковым и является на самом деле. Вероятность других возможностей стремится к нулю. — *Прим. авт.*

Глава 24

Гипотеза макиавеллианского интеллекта

Роулинг, свернувшись, невидимый, бьёт,
Орка жестокий по кругу идёт*.

Акт 3

Драко ждал у окна в небольшой нише, которая обнаружилась недалеко от Большого Зала. На душе скреблись кошки. За содеянное придётся заплатить, и немало. Драко понял это, как только проснулся и осознал, что не осмеливается войти в Большой Зал, потому что боится увидеть там Гарри Поттера и понятия не имеет, что будет дальше.

Послышался звук шагов.

— Типа, пришли, — услышал Драко голос Винсента, — босс сёдня не в духе, так что смотри...

Драко решил содрать кожу с этого идиота живьём и отослать освежёванное тело с требованием прислать взамен слугу поумнее, например, дохлую крысу.

Затем звук шагов одного человека стих, а шаги другого стали громче.

Кошки на душе у Драко заскреблись сильнее.

В поле зрения появился Гарри Поттер. Его лицо было подчёркнуто-бесстрастным, но мантия с синей оторочкой сидела кривовато, будто он надел её не совсем правильно...

— Твоя рука... — вырвалось у Драко.

Гарри поднял левую руку, словно сам хотел на неё посмотреть.

Та висела безвольно, как мёртвая.

— Мадам Помфри сказала, что это временно, — тихо произнёс Гарри, — и что к завтрашним занятиям рука будет почти как новая.

На мгновение новость принесла облегчение.

Потом до Драко дошло.

— Ты ходил к мадам Помфри, — прошептал он.

— Ну естественно, — ответил Гарри Поттер с видом человека, говорящего очевидные вещи. — У меня рука не работала.

На Драко медленно снисходило понимание того, каким непроходимым тупицей он оказался. Куда там старшекурсникам из Слизерина, которых он отругал тогда, на уроке Защиты.

Он считал само собой разумеющимся, что никто не побежит жаловаться, если пострадает от рук Малфоя. Никто не захочет, чтобы на него обратил внимание Люциус Малfoy, ни при каких обстоятельствах.

Но Гарри Поттер — не запуганный маленький пuffedуец, даже не пытающийся войти в игру. Он уже принимал в ней участие, и внимание отца уже привлёк.

— Что ещё сказала мадам Помфри? — с замиранием сердца спросил Драко.

— Профессор Флитвик заявил, что заклинание, наложенное на мою руку, — Тёмное пыточное проклятье. Что это чрезвычайно серьёзное дело, и отказываться говорить, кто это сделал, — абсолютно неприемлемо.

Повисло долгое молчание.

Наконец, Драко нашёл в себе силы спросить:

— А потом?

Гарри Поттер слегка улыбнулся:

— Я принёс глубочайшие извинения — тут профессор Флитвик очень сурово на меня посмотрел — и объяснил, что всё произошедшее — безусловно, чрезвычайно серьёзное, секретное, деликатное дело, и что директор уже поставлен в известность.

Драко ахнул:

— Нет! Флитвик на это не купится! Он сверится с Дамблдором!

— Именно, — сказал Гарри Поттер. — Меня сразу же потащили в кабинет директора.

Драко затрясло. Если Дамблдор приведёт Гарри Поттера на заседание Визенгамота и Мальчик-Который-Выжил, добровольно или нет, под сывороткой правды подтвердит, что Драко его пытал... слишком многие любят Гарри Поттера, это голосование отец может проиграть...

Возможно, отцу удастся убедить Дамблдора этого не делать, но ему придётся заплатить. И цена будет огромной. После окончания войны у игры появились правила: просто так теперь никому угрожать нельзя. Но Драко сам отдал себя в руки Дамблдора — стал заложником, притом весьма ценным.

Хотя он теперь не сможет стать Пожирателем Смерти, а значит, не так важен для отца, как тот думает...

Эта мысль терзала сердце, словно Режущее заклатье.

— И что? — прошептал Драко.

— Дамблдор сразу вычислил, что это сделал ты. Он был в курсе, что у нас какие-то совместные дела.

Хуже и не придумаешь. Если бы Дамблдор не догадался, он, возможно, не рискнул бы использовать легилименцию, чтобы выяснить... но раз Дамблдор знает...

— И? — выдавил Драко.

— Мы немного поболтали.

— И?

Гарри Поттер ухмыльнулся:

— И я объяснил ему, что в его интересах ничего по этому поводу не предпринимать.

Разум Драко врезался в кирпичную стену и разлетелся вдребезги. Некоторое время слизеринец стоял с отвисшей челюстью и как дурак таращился на Гарри Поттера.

А потом вспомнил.

Гарри знает таинственный секрет Дамблдора, тот самый, с помощью которого Снейп сохраняет свою власть.

Драко теперь мог представить всю сцену. Дамблдор всё суровее смотрит на Гарри и, скрывая нетерпение, объясняет, что пыточные проклятия — ужасно серьёзное дело.

А Гарри вежливо советует Дамблдору держать рот на замке, если тот не хочет проблем на свою голову.

Отец предупреждал Драко о подобных людях. Они могут тебя уничтожить, но при этом остаются настолько приятными, что по-настоящему ненавидеть их сложно.

— Затем, — продолжил Гарри, — директор сообщил профессору Флитвику, что это действительно секретное и деликатное дело, о котором он уже знает, и что, по его мнению, резкие действия в данном случае не помогут ни мне, ни кому-либо другому. Профессор Флитвик начал говорить, что интриги директора, как обычно, заходят слишком далеко. Тут я его прервал и объяснил, что эта идея целиком моя и что директор меня ни к чему не принуждал. Профессор Флитвик развернулся и стал читать нотацию мне, но здесь уже вмешался директор и заявил, что Мальчик-Который-Выжил обречён попадать в странные и опасные происшествия, поэтому я в большей безопасности, когда устраиваю их сам, а не жду, пока они со мной

случатся. На этом профессор Флитвик воздел свои маленькие ручки к небу и начал громко кричать на нас обоих, что его не волнует, какую кашу мы тут вдвоём завариваем, но пока я на факультете Когтевран, подобное больше случаться не должно, или он меня оттуда выкинет, и я отправлюсь в Гриффиндор, где и место всему этому дамблдорству...

Теперь ненавидеть Гарри стало очень сложно.

— В любом случае, — сказал Гарри, — я не хочу вылететь из Когтеврана, и поэтому я пообещал профессору Флитвику, что подобного больше не повторится, либо я расскажу, кто это сделал.

В глазах Гарри должен быть холод. Но его нет. Должна быть смертельная угроза в голосе. Но и её тоже нет.

Драко понял, какой напрашивается вопрос, и поднявшееся было настроение мгновенно улетучилось.

— Почему... ты не рассказал?

Гарри подошёл к окну, встал в луче света, проникавшего в маленькое окно, и посмотрел наружу, на зелёные лужайки Хогвартса. Яркий солнечный свет полностью окутал его.

— Почему я не рассказал? — повторил Гарри. Его голос дрогнул. — Думаю, потому что не мог держать на тебя зла. Я знал, что первым причинил тебе боль. Не могу даже сказать, что мы в расчёте, ведь тебе было больнее, чем мне.

Вторая кирпичная стена. С таким же успехом Гарри мог говорить на древнегреческом.

Драко судорожно перебирал в уме знакомые шаблоны поведения и не находил ничего похожего. Гарри признавал свою вину, что было вовсе не в его интересах. Теперь, когда у Гарри достаточно власти над Драко, чтобы превратить его в своего верного слугу, Гарри должен говорить совсем другое. Ему следовало бы подчёркивать свою доброту, а не то, какую боль он причинил Драко.

— Но всё равно, — тихо, почти шёпотом, сказал Гарри, — пожалуйста, Драко, не делай так больше. Было больно, и я не уверен, что смогу простить тебя второй раз. Не уверен, что буду способен захотеть простить.

Выше всякого понимания.

Неужели Гарри пытается с ним подружиться?

Ну не может же Гарри Поттер быть настолько глуп, чтобы верить, будто после вчерашнего между ними возможна дружба.

Можно быть чьим-то другом и союзником. Например, Драко хотел, чтобы Гарри стал его другом. Или можно бесповоротно разрушить человеку жизнь. Но не одновременно.

Как ещё можно объяснить поведение Гарри, Драко не понимал. И тут ему в голову пришла странная мысль. Он вспомнил, что вчера неоднократно повторял Гарри.

Проверь.

«Сегодня в тебе проснулся учёный, — говорил тот, — и даже если ты никогда не научишься использовать свою силу, ты всегда... будешь искать... способы... проверить... свои убеждения...»

Эти зловеющие слова, прерываемые судорожными вздохами боли, крепко засели в памяти Драко.

Если Гарри только притворялся человеком, который случайно обидел друга и теперь раскаивается...

— Ты всё сделал умышленно! — воскликнул Драко, добавив в голос негодования. — Не в приступе гнева! Ты заранее всё продумал!

Дурак, — должен был сказать Гарри Поттер, — конечно, всё шло по моему плану, и теперь ты в моих руках...

Гарри повернулся к Драко.

— То, что случилось вчера, совсем не планировалось, — ответил он. Казалось, слова застревают у него в горле. — Я собирался объяснить тебе, почему всегда лучше знать правду, и затем мы бы попытались узнать, как работает кровь. И каким бы ответ ни получился, мы бы его приняли. Вчера я... поторопился.

— «Всегда лучше знать правду», — холодно процитировал Драко. — Думаешь, ты оказал мне услугу?

Гарри кивнул — это окончательно взорвало мозг Драко — и сказал:

— А если у Люциуса возникнет та же мысль, что и у меня? Что проблема в том, что у сильных магов мало детей? Возможно, он начнёт платить деньги сильнейшим чистокровным волшебникам, чтобы они заводили больше детей. Вообще-то, если бы теория чистоты крови была верна, то Люциус так и должен был сделать — попытаться решить задачу со своей стороны, где он может на что-то повлиять. Сейчас, Драко, ты единственный друг Люциуса, который может помешать ему потратить силы впустую, потому что только ты знаешь настоящую правду и можешь предсказать результаты.

Похоже, Гарри Поттера воспитывали в месте столь необычном, что он даже не волшебник, а волшебное существо какое-то. Предугадать его слова или действия было совершенно невозможно.

— Почему?! — вскричал Драко. Изобразить в голосе горечь предательства было совсем не сложно. — Почему ты так поступил со мной? Ради чего?

— Ну, — протянул Гарри, — ты наследник Люциуса. И хочешь верь, хочешь нет, но Дамблдор считает меня своим сторонником. Поэтому мы можем вырасти и стать пешками в их битве. Или мы можем придумать что-нибудь другое.

Разум Драко медленно переварил эту мысль.

— Ты хочешь спровоцировать их на битву до победного конца, а когда они выдохнутся, захватить власть?

У Драко всё внутри похолодело от ужаса. Он обязан приложить все усилия, чтобы не допустить...

— Великие звёзды, нет! — замотал головой Гарри.

— Нет?..

— Ты на это не пойдёшь, и я тоже, — пояснил Гарри. — Это наш мир, и мы не хотим его разрушать. Но представь: Люциус думает, что Заговор — твоё оружие и ты на его стороне. Дамблдор думает, что Заговор — моё оружие и я на его стороне. Люциус думает, что ты перетянул меня на свою сторону и что Дамблдор верит, что Заговор — мой, Дамблдор думает, что я перетянул тебя на свою сторону, а Люциус верит, что Заговор — твой. И таким образом они оба будут помогать нам, стараясь при этом скрыть свою помощь друг от друга.

Драко не нужно было притворяться, что он потерял дар речи.

Однажды отец водил его на спектакль «Трагедия Лайта»*. Главный герой — невероятно хитрый слизеринец по имени Лайт — хотел очистить мир, погрязший во зле, при помощи древнего кольца, которое могло убить любого, чьи имя и лицо были известны его владельцу. Лайту противостоял другой невероятно хитрый слизеринец, злодей по имени Лоулайт, который скрывал своё настоящее лицо. На спектакле Драко вскрикивал и аплодировал во всех нужных местах, особенно в середине. Когда пьеса окончилась печально, Драко был очень расстроен, и отец мягко указал ему, что в названии не случайно стояло слово «трагедия».

Затем отец спросил у Драко, понял ли он, зачем они пошли на этот спектакль. Драко ответил: чтобы научить его быть таким же хитрым, как Лайт и Лоулайт, когда он вырастет.

Отец заявил, что Драко не мог ошибиться сильнее. Хотя со стороны Лоулайта было очень умно скрывать лицо, у него не было никакой причины сообщать Лайту своё имя. Отец разнёс в пух и прах почти каждую деталь пьесы, а Драко с открытым ртом слушал его объяснения. Наконец отец сказал, что такие спектакли всегда нереалистичны, ведь знай драматург, как поступил бы на самом

деле кто-то настолько же сообразительный, как Лайт, то он сам бы занялся захватом мира, вместо того чтобы писать об этом пьесы.

Тогда отец и рассказал Драко о Правиле Трёх, которое гласило, что каждый план, выполнение которого зависит от более чем трёх различных событий, в реальной жизни обречён на провал.

Отец также добавил, что только глупец строит планы предельной сложности, а значит следует ограничиться двумя событиями.

Драко не мог подобрать слов, чтобы описать исключительную колоссальность неработоспособности генерального плана Гарри.

Впрочем, это — естественная ошибка для того, кто считает себя очень хитрым, но плести интриги учился не у преподавателей, а по пьесам.

— Ну, — произнёс Гарри, — как тебе такой план?

— Неплохо... — медленно ответил Драко. Кричать «Потрясающе!» и восхищённо ахать будет, пожалуй, перебором. — Гарри, можно вопрос?

— Конечно, — отозвался тот.

— Зачем ты купил Грейнджер дорогой кошель?

— Хотел показать, что не затаил обиды, — мгновенно ответил Гарри. — Ну и надеюсь, в ближайшие пару месяцев ей будет очень неудобно отказывать, когда я буду обращаться к ней с небольшими просьбами.

Теперь Драко убедился, что Гарри на самом деле пытается с ним подружиться.

Его ход в партии против Грейнджер и впрямь был умён. Может, даже гениален. Притупить подозрения врага дружеским отношением и ненавязчиво сделать своим должником, чтобы получить возможность им манипулировать, просто попросив. Сам Драко не смог бы применить такой трюк — жертва изначально относилась бы к нему слишком подозрительно — но для Мальчика-Который-Выжил он возможен. Итак, первым делом Гарри преподнёс врагу дорогой подарок... Драко бы до такого не додумался, но ведь может сработать...

Замыслы Гарри в отношении врагов бывают на первый взгляд непонятными, даже дурацкими, но если разобраться, в них появляется некий смысл. И становится ясно, что его целью было причинить вред.

Но в теперешних действиях Гарри по отношению к Драко смысла не было вообще.

Потому что Гарри хотел дружить чуждым, невообразимым магловским образом, даже если при этом жизнь его друга будет разрушена до основания.

Тишина затянулась.

— Я знаю, что ужасно злоупотребил нашей дружбой, — наконец произнёс Гарри. — Но, пожалуйста, пойми, Драко, в конце концов я лишь хотел, чтобы мы вместе узнали правду. Ты сможешь меня простить?

У Драко было два варианта, но только один из них позволял вернуться к другому позже, если он изменит своё решение...

— Думаю, я тебя понял, — солгал Драко, — поэтому — да. Гарри просиял.

— Я рад это слышать, Драко, — мягко сказал он.

Два ученика стояли у окна, Гарри — всё ещё в лучах солнца, Драко — в тени.

Драко вдруг с отчаянием осознал, что хотя быть другом Гарри Поттера — это, несомненно, ужасно, но тот представляет для Драко такую серьёзную угрозу, что быть его врагом — ещё хуже.

Наверно.

Может быть.

Ну, стать его врагом никогда не поздно...

Он обречён.

— Итак, — произнёс Драко, — что теперь?

— Мы занимаемся в следующую субботу?

— Надеюсь, занятие не будет похоже на предыдущее...

— Не волнуйся, не будет, — сказал Гарри. — Ещё пара таких суббот, и ты меня самого обгонишь.

Гарри рассмеялся. Драко — нет.

— Да, пока ты не ушёл, — произнёс Гарри и застенчиво улыбнулся. — Я знаю, сейчас не время, но мне очень нужен твой совет.

— Я слушаю, — ответил Драко, слегка сбитый с толку.

К Гарри тут же вернулась серьёзность.

— На покупку кошель для Грейнджер ушла большая часть золота, которое мне удалось стащить из своего хранилища в Гринготтсе...

Что.

— ...Ключ у МакГонагалл, или теперь уже у Дамблдора. А я сейчас кое-что затеваю, и мне могут потребоваться деньги. Так вот, не знаешь ли ты, как я могу получить доступ...

— Я одолжу тебе денег, — совершенно машинально сказал Драко.

Было видно, что Гарри приятно удивлён.

— Драко, ты не должен...

— Сколько?

Гарри ответил, и Драко не смог полностью скрыть потрясение. Это были почти все карманные деньги, которые отец выдал ему на целый год. У Драко останется лишь несколько галлеонов...

Тут Драко мысленно отвесил себе пинка. Ему достаточно будет написать отцу и объяснить, что деньги закончились, потому что ему удалось одолжить их Гарри Поттеру, и отец пришлёт ему поздравление, написанное золотыми чернилами, гигантскую шоколадную лягушку, которую не съесть и за две недели, и в десять раз больше галлеонов, на случай если Гарри Поттеру потребуется ещё один займ.

— Это слишком много, да, — сказал Гарри. — Извини, я не должен был...

— Я — Малфой, если ты не забыл, — ответил Драко. — Меня просто удивило, что ты хочешь так много.

— Не беспокойся, — радостно сказал Гарри. — Это не угрожает интересам твоей семьи, просто я задумал одно небольшое злодейство. Драко кивнул.

— Что ж, не вопрос. Ты хочешь получить деньги прямо сейчас?

— Конечно, — ответил Гарри.

Они отошли от окна и отправились в подземелья. Драко не смог удержаться от вопроса:

— А можешь хотя бы сказать, против кого направлена твоя затея?

— Против Риты Скитер.

Драко мысленно выругался, но говорить «нет» было уже поздно.

* * *

По пути в подземелья Драко немного собрался с мыслями. Ненавидеть Гарри Поттера не получалось. Гарри всё же пытался с ним подружиться, просто он сумасшедший.

Тем не менее, Драко не был намерен отказываться от мести или хотя бы откладывать её.

— Кстати, — произнёс Драко, оглядевшись по сторонам и удивившись, что никого рядом нет. Конечно, их голоса должны быть Размыты, но лишняя предосторожность никогда не повредит. — Я тут подумал. Когда мы будем набирать новых людей в Заговор, нужно, чтобы они считали, что мы равны. Иначе любой из них может сдать твой замысел отцу. Ты уже думал об этом, правда?

— Естественно, — ответил Гарри.

— А мы будем равны? — спросил Драко.

— Боюсь, что нет, — сказал Гарри. Было ясно, что он пытается произнести это как можно мягче, а также скрыть в изрядной степени снисходительный тон, но не вполне в этом преуспевает. — Прости, Драко, но прямо сейчас ты даже не знаешь, что означает слово «Байесовский» в названии «Байесовский заговор». Тебе придётся учиться ещё несколько месяцев, чтобы перед новичками ты мог произвести хотя бы достойное впечатление.

— Потому что я недостаточно знаю о науке, — произнёс Драко умышленно нейтральным тоном.

Гарри покачал головой.

— Дело не в том, что ты не знаешь специфических научных терминов вроде дезоксирибонуклеиновой кислоты. Это как раз не помешало бы тебе быть равным мне. Дело в том, что ты не обучен методам рационального мышления, более глубокому научному знанию, которое лежит в основе всех остальных открытий. Я попытаюсь научить тебя этому знанию, но это гораздо сложнее. Вспомни, что было вчера, Драко. Да, ты проделал часть работы. Но под моим руководством. Ты отвечал на некоторые вопросы. Я их задавал. Ты помогал толкать. Я стоял у руля. И без методов рационального мышления, Драко, ты не сможешь направить Заговор в нужную сторону.

— Ясно, — разочарованным тоном протянул Драко.

Гарри попытался говорить ещё мягче.

— Я стараюсь уважать твой опыт, Драко, в том, что касается отношений с людьми. Но ты тоже должен уважать мой опыт, и совершенно невозможно, чтобы ты наравне со мной управлял Заговором. Ты был учёным только один день, ты знаешь только один секрет о дезоксирибонуклеиновой кислоте, и ты вовсе не владеешь методами рационального мышления.

— Я понимаю, — сказал Драко.

Что было чистой правдой.

«Отношений с людьми», вот значит как. Захватить власть над Заговором не составит большого труда. А потом он убьёт Гарри Поттера, просто на всякий случай...

В памяти Драко всплыло, как тошно ему вчера вечером было при мысли, что Гарри кричит от боли.

Драко ещё несколько раз мысленно ругнулся.

Ладно. Он не будет убивать Гарри. Гарри воспитан маглами, он не виноват, что сумасшедший.

Пусть живёт. Так у Драко будет возможность сказать ему, что он всё сделал в интересах самого Гарри и тот должен быть благодарен...

Тут Драко в голову пришла приятная мысль. Это ведь и впрямь пойдёт Гарри во благо.

Если бы Гарри попробовал осуществить свой замысел, пытаясь одурачить Дамблдора и отца, он бы погиб.

Теперь план мести стал идеальным.

Драко сокрушит все надежды Гарри, точно так же, как Гарри сокрушил его собственные.

Драко скажет, что сделал это ради самого Гарри, и это будет чистойшей правдой.

Драко перехватит власть над Заговором и с помощью силы науки очистит мир волшебников, и отец будет гордиться им, как если бы он стал Пожирателем Смерти.

Злые планы Гарри Поттера будут разрушены, а правые силы восторжествуют.

Превосходная месть.

Если только...

«Просто сделай вид, будто делаешь вид, что ты учёный», — сказал ему Гарри.

У Драко не хватало слов, чтобы точно описать, что не так с разумом Гарри...

(поскольку Драко никогда не слышал о термине «глубина рекурсии»)

...и оставалось только гадать, какие замыслы могут рождаться в таком мозгу.

...Если только Гарри, в качестве части ещё более масштабного плана, на самом деле не нужен был Драко, пытающийся разрушить его замысел. Возможно, Гарри даже знает, что этот замысел не-работоспособен, и весь его смысл — исключительно в том, чтобы Драко сыграл свою роль...

Нет. Так и с ума сойти недолго. Должен же быть какой-то предел. Сам Тёмный Лорд не был настолько коварен. В реальной жизни такая сложность не встречается. Она уместна лишь в детских сказках о глупых горгульях, которые отец рассказывал на ночь: в конце всегда обнаруживалось, что вместо того, чтобы мешать герою, горгульи действовали по его плану*.

* * *

Гарри шёл рядом с Драко, улыбался и размышлял об эволюционном происхождении человеческого интеллекта.

В начале, когда люди ещё плохо понимали, как работает эволюция, они заикливались на дурацких идеях, например, «Разум эволюционировал, чтобы человек изобретал всё более совершенные инструменты».

Эта идея — дурацкая, потому что если кто-то в племени придумает новый инструмент, им будут пользоваться все, потом о нём узнают другие племена, и спустя века его по-прежнему будут использовать их потомки. С точки зрения научного прогресса это, конечно, замечательно, но с точки зрения эволюции получается, что изобретатель не получает особых преимуществ в передаче своих генов потомству, у него не будет намного больше детей, чем у остальных. Относительная частота гена в популяции увеличивается только в случае, если он даёт своему носителю преимущество при размножении по сравнению с другими членами племени, из-за чего в итоге этот отдельный мутировавший ген оказывается у всех. А гениальные изобретения появляются не настолько часто, чтобы обеспечить постоянный отбор, в результате которого сохранялись бы гены изобретателей. Да, если сравнить людей и шимпанзе, первым бросается в глаза то, что у людей есть ружья, танки и ядерное оружие, и можно легко ошибиться, решив, что интеллект существует для создания технологии. Это естественная, но неверная догадка.

Когда люди ещё плохо понимали, как работает эволюция, они заикливались на дурацких идеях, например, «Изменялся климат, и племенам приходилось мигрировать, так что перед людьми возникали все новые трудности, преодолевая которые они становились умнее».

Но мозг человека в четыре раза больше мозга шимпанзе. Мозг поглощает пятую часть энергии человека. Люди настолько умнее других видов, что сравнивать их просто абсурдно. Чтобы добиться такого, недостаточно несколько раз чуть-чуть усложнить обстановку. В этом случае предки людей и стали бы лишь слегка умнее. Чтобы вырастить столь чрезмерно огромный мозг-переросток, нужен какой-то неукротимый эволюционный процесс, постоянно требующий все новых и новых способностей.

И сейчас у учёных есть достаточно неплохое предположение, что это был за неукротимый эволюционный процесс.

Когда-то Гарри прочёл широко известную книгу под названием «Политика у шимпанзе»*. В книге описывалось, как взрослый шимпанзе по имени Луит боролся за власть со стареющим вожаком, Ероеном, с помощью молодого шимпанзе по имени Никки. Никки не встречал в стычки между Луитом и Ероеном, но мешал другим сторонникам Ероена прийти тому на помощь, отвлекая их в нужное

время. А когда Луит победил и стал новым вожаком, Никки занял почётное место подле него.

...но ненадолго. Очень скоро Никки объединился с побеждённым Ероеном, сверг Луита и стал очередным новым вожаком.

После этого начинаешь понимать, что к улучшению мыслительных способностей привели длящиеся миллионы лет попытки гоминидов перехитрить друг друга — безудержная эволюционная гонка вооружений.

Ведь человек (на месте Луита) сразу бы смекнул, что к чему.

* * *

Драко шёл рядом с Гарри, стараясь не улыбаться, и думал о мести. Быть может, пройдут годы, но однажды Гарри Поттер узнает, что значит недооценивать Малфоя.

Учёный проснулся в Драко за один день. Поттер, по его собственным словам, ожидал, что на это потребуются месяцы.

Но наследник Дома Малфоев неминуемо станет более могущественным учёным, чем любой другой волшебник.

Драко изучит все методы рационального мышления, о которых говорит Гарри Поттер, и когда настанет час...

Глава 25

Не спешите предлагать решения

В поисках новой жизни и Дж. К. Роулинг!*

Акт 2

С зачарованного потолка Большого Зала ярко сияло солнце, освещая учеников, будто они сидели под открытым небом. Лучи играли на тарелках и кубках. Бодрые с утра ученики завтракали, готовясь воплотить в жизнь планы на воскресенье.

Итак. Волшебник ты или нет — зависит только от одного фактора.

Неудивительно, если подумать. Задача ДНК — объяснять рибосомам, как соединять аминокислоты в белки. Аминокислоты вполне описываются традиционной физикой, и, как их ни соединяй, традиционная физика утверждает, что магия из них никак не появится.

И всё-таки получается, что магия передаётся по наследству с помощью ДНК.

Сомнительно, что это происходит из-за способности этой ДНК соединять неволшебные аминокислоты в волшебные белки.

Значит, скорее всего, ключевая последовательность в ДНК сама по себе не наделяет человека магическими способностями.

Магия приходит откуда-то извне.

(Мальчик за столом Когтеврана смотрел в пространство. Его правая рука машинально зачерпывала что-то ложкой из тарелки. Возможно, он бы не заметил, даже если бы еду подменили кучей грязи.)

И по каким-то причинам Источник Магии обращает внимание на конкретный код в ДНК у индивидуумов, которые по всем прочим параметрам ничуть не отличаются от остальных произошедших от обезьян людей.

(Вообще-то, в пространство смотрело довольно много мальчиков и девочек. В конце концов, речь идёт о столе Когтеврана.)

Другие цепочки рассуждений ведут к тому же заключению. Сложные механизмы, из которых строится живое существо, всегда одинаковы внутри любого вида, размножающегося половым путём. Если ген В зависит от гена А, то ген А должен быть полезен сам по себе и очень широко распространиться в генофонде, прежде чем В сможет предоставить преимущество при размножении. Когда ген В распространится на всю популяцию, может появиться зависящий от него вариант А', затем В, зависящий от А' и В, затем В', зависящий от В, и так далее. И получившийся механизм перестанет работать, если выдернуть из него хоть один винтик. Но всё это происходит маленькими шажками. Эволюция не забегает вперёд, она никогда не начнёт продвигать ген В заранее, в расчёте на то, что позже ген А появится у всех.

Эволюция — это просто исторический факт, согласно которому чем больше у организма детей, тем сильнее его гены распространены в следующем поколении.

И эти сложные, взаимозависимые механизмы — могущественные, изощрённые белковые машины, на которых работает жизнь, — всегда одинаковы внутри любого распространяющегося половым путём вида, за исключением той горстки вариаций, которые ещё не взаимоувязались с остальной системой, но имеют шанс стать её частью в будущем, ещё больше усложнив весь механизм. Именно поэтому у всех людей единое строение мозга, одинаковые эмоции и способы их выражения. Эти элементы человеческого организма настолько сложны, что они уже есть у каждого.

Будь способность творить магию таким же сложным, громоздким механизмом со множеством незаменимых генов, дети от смешанных браков между волшебниками и маглами получали бы только половину «деталей». Но на половине самолёта далеко не улетишь, а значит в этом случае маглорождённые волшебники вообще бы не появлялись. И даже если все нужные детали уже содержатся в генофонде маглов, из них никогда не получится конструкция, необходимая для рождения мага.

Не было какой-то изолированной группы людей, которые прихотью эволюции развили у себя сложный отдел головного мозга, отвечающий за магию. Такой тонкий генетический механизм не смог бы заново собраться в маглорождённых, после того как волшебники начали скрещиваться с маглами.

Так что, хоть гены и определяют, будет ли человек магом, чертежа сложной машины они не содержат.

Это вторая причина, из-за которой Гарри предположил менделевскую схему наследования. Раз магические гены просты, то почему их вообще должно быть больше одного?

Но при этом сама по себе магия — весьма непростая штука. Запирающее заклинание и удерживает дверь закрытой, и мешает трансфигурировать петли, и отражает заклинания *Фините инкантилем* и *Алохомора*. Все составляющие призваны выполнять одну задачу: это можно назвать ориентацией на цель, проще говоря — заклинание имеет предназначение.

Известны только два процесса, создающие сложные целеориентированные системы. Естественный отбор, который производит объекты вроде бабочек. И инженерное искусство, которое производит объекты вроде автомобилей.

Непохоже, что магия занимается самовоспроизведением. Заклинания сложны, у них есть предназначение, но, в отличие от бабочек, оно заключается не в создании себе подобных. Заклинания служат своему владельцу, как те же автомобили.

Получается, некий разумный инженер создал Источник Магии и сказал ему, чтобы он обращал внимание на конкретный код в ДНК.

Напрашивается мысль: это как-то связано с Атлантидой.

Гарри уже спрашивал об атлантах у Гермионы — в поезде в Хогвартс, после того как их упомянул Драко, и, судя по её словам, о них не известно ничего, кроме названия.

Возможно, это просто легенда. Но вполне допустимо, что в прошлом, особенно до Запрета Мерлина, существовала цивилизация магов, которая умудрилась себя уничтожить.

Цепочка рассуждений продолжалась: атланты были изолированной цивилизацией, которая создала Источник Магии и приказала ему служить только людям с генетическим маркером атлантов, «кровью атлантов».

И по той же логике: произносимые волшебником слова и движения волшебной палочки недостаточно сложны, чтобы из ничего создать эффект заклинания. В отличие от трёх миллиардов пар оснований в ДНК, которая как раз может полностью описать создание человеческого тела. В отличие от компьютерной программы, состоящей из тысяч байт.

Поэтому заклинания — не более чем переключатели, рычаги, управляющие некоторой скрытой и более сложной машиной. Кнопки, а не инструкция, как эту машину построить.

Чтобы компьютерная программа успешно откомпилировалась, все команды в ней должны быть написаны без ошибок. И точно

так же Источник Магии откликается лишь в случае, когда произнесение слов и движения палочкой производятся единственно правильным способом.

Вывод из этой логической цепочки можно сделать только один.

Древние прародители волшебников тысячи лет назад приказали Источнику Магии левитировать предметы лишь тогда, когда волшебник произнесёт...

«Вингардиум левиоса».

Гарри устало подпёр голову рукой.

Говорят, во времена, когда работа над искусственным интеллектом только-только начиналась и никто ещё не понимал, насколько эта задача сложна, какой-то профессор поручил одному из своих аспирантов решить задачу компьютерного зрения.

Гарри начал понимать, как себя должен был чувствовать тот аспирант.

И-да, похоже, тут быстро не справиться.

Почему заклинание Алохомора требует столько усилий, если это всего лишь нажатие на кнопку?

Какой дурак додумался встроить в Источник Магии заклинание *Авада Кедавра*, которое можно применить только с помощью ненависти?

Почему невербальная трансфигурация требует полного мысленного разделения идеи объекта и материи?

Гермиона права. Гарри громко заявлял о своих намерениях, но не понимал на самом деле сложности поставленной перед самим собой задачи. Возможно, ему придётся работать над исследованием магии и после окончания Хогвартса, может быть, даже когда ему стукнет аж тридцать лет.

Мелькнула мысль — не стоит ли признать, что задача вообще может оказаться ему не по зубам. Но Гарри быстро её отбросил: это уже явный перебор.

Кроме того, если он в ближайшие пару десятилетий разберётся хотя бы с бессмертием, дело будет в шляпе.

Как этот вопрос решил Тёмный Лорд? Он ведь каким-то образом сумел пережить гибель своего первого тела, а это, если задуматься, бесконечно важнее его попыток захватить власть над магической Британией...

— Прошу прощения, — Гарри ожидал услышать этот голос, но вот интонация его была совершенно неожиданной, — не будете ли вы так любезны удостоить беседой мистера Малфоя?

Ухитрившись не подавиться овсянкой, Гарри повернулся и воззрился на мистера Крэбба.

— Прошу простить меня. Может, ты хотел сказать: «Эта, босс типа хочет тебя видеть»? —

— Мистер Малфой приказал мне говорить подобающим образом, — безрадостно сообщил мистер Крэбб.

— Ничего не слышу, — заявил Гарри. — Ты не говоришь подобающим образом.

Он развернулся обратно к тарелке с мелкими синими кристаллическими хлопьями и демонстративно съел ещё одну ложку.

— Эта, босс типа хочет тебя видеть, — послышался угрожающий голос. — И если ты не хочешь проблем, двигай давай за мной.

Вот. Теперь всё идёт по плану.

Акт 1

— Причина? — переспросил старый волшебник. Где-то глубоко внутри бурлила ярость, но она не отражалась на лице. Мальчик перед ним — жертва, и его определённо не стоило пугать ещё сильнее. — Ничто не может извинить...

— Я поступил с ним ещё хуже.

Дамблдор застыл от ужаса.

— Гарри, что ты сделал?!

— Я обманом заставил Драко поверить, что я обманом заманил его участвовать в ритуале, во время которого он принёс в жертву свою веру в необходимость чистоты крови. И это значит, что он не сможет стать Пожирателем Смерти, когда вырастет. Он потерял всё, директор.

В кабинете воцарилась длительная тишина, нарушаемая только тихим шипением и посвистыванием причудливых устройств. Впрочем, за прошедшие десятилетия и эти звуки стали незаметным фоном.

— Ну и ну, — произнёс Дамблдор. — А я-то, старый дурак, ожидал, что ты попытаешься привести наследника Малфоев к свету, скажем, показав ему настоящую дружбу и доброту.

— Ха! Да, конечно, что-то подобное непременно бы сработало. Старый волшебник вздохнул. Это заходит слишком далеко.

— Скажи пожалуйста, Гарри. Тебе никогда не приходило в голову, что путь к свету несколько не сочетается с обманом и уловками?

— Я не прибежал к прямой лжи, и, раз уж мы говорим о Драко Малфое, думаю, что вполне сочетается.

Мальчик выглядел весьма довольным собой.
 Старый волшебник в отчаянии покачал головой:
 — И это — наш герой. Мы обречены.

Акт 5

Длинный, узкий, мрачный туннель с необработанными каменными стенами, освещённый лишь ученической палочкой, казалось, растянулся на многие мили.

Причина этого была проста: он растянулся на многие мили.

В три часа ночи Фред и Джордж спустились в длинный тайный проход, ведущий от статуи одноглазой ведьмы в Хогвартсе к подвалу магазина «Сладкое Королевство» в Хогсмиде.

— Ну как она? — тихо спросил Фред.

(Никто, конечно, за ними следить не мог, но разговаривать в полный голос, идя по тайному проходу, почему-то всё равно не хотелось.)

— Да по-прежнему глюки, — отозвался Джордж.

— Оба, или?..

— Глюк с миганием опять исправился. Другой — без изменений.

Карта была артефактом необычайной силы: она отслеживала перемещение всех разумных существ на территории школы, в реальном времени, поимённо. Почти наверняка её создали ещё во время возведения Хогвартса. И начавшиеся сбои были плохой новостью. Скорее всего, починить её смог бы только сам Дамблдор.

А близнецы Уизли не собирались отдавать Карту директору. Это было бы непростительным оскорблением памяти Мародёров — четвёрки неизвестных, которые умудрились украсть часть охранной системы Хогвартса, созданной, вероятно, самим Салазаром Слизерином, и поставить её на службу шутникам!

Кто-то, быть может, счёл бы такой поступок неуважительным.

Кто-то, быть может, счёл бы его преступным.

Близнецы Уизли твёрдо верили, что, зная про это Годрик Гриффиндор, он бы всей душой их поддержал.

Братья шли и шли, всё дальше и дальше, в основном молча. Близнецы Уизли говорили друг с другом, когда обсуждали подробности очередной проделки или когда один из них знал то, что не знал другой. В иных случаях особого смысла говорить вслух не было. Обладая одинаковой информацией, чаще всего они думали одинаковые мысли и приходили к одинаковым решениям.

(В древности существовал обычай, согласно которому одного из магических идентичных близнецов было принято убивать сразу после рождения.)

Через некоторое время Фред и Джордж выбрались в пыльный подвал, загромождённый бочками и полками с загадочными ингредиентами.

И стали ждать. Поступить по-другому было бы невежливо.

Вскоре в подвал спустился, позёвывая, тощий старик в чёрной пижаме.

— Здорово, молодёжь, — поприветствовал их Амброзий Флюм. — Я вас сегодня не ждал. Вы, что ли, все запасы уже израсходовали?

Фред и Джордж решили, что говорить будет Фред.

— Не совсем, мистер Флюм, — начал тот. — Мы надеялись, что вы поможете нам кое с чем... поинтереснее.

— Пойдите, ребята, — грозно сдвинул брови Флюм, — надеюсь, вы не разбудили меня только затем, чтобы я напомнил о своём намерении не продавать товаров, которые могут втравить вас в серьёзные неприятности? Во всяком случае, пока вам не исполнится шестнадцати...

Джордж вытянул из-под мантии некий предмет и молча передал Флюму.

— Вы это видели? — поинтересовался Фред.

Флюм взглянул на вчерашний выпуск «Ежедневного пророка» и, нахмурившись, кивнул. Заголовок гласил: «СЛЕДУЮЩИЙ ТЁМНЫЙ ЛОРД?», а на иллюстрации был изображён мальчик, которого камера какого-то ученика сумела подловить с нехарактерно холодным и мрачным выражением на лице.

— Чёрт бы побрал этого Малфоя, — выругался Флюм. — Преследовать пацана, которому всего одиннадцать! Растереть бы этого негодяя в порошок да пустить на шоколад!

Фред и Джордж одновременно моргнули. За Ритой Скитер стоит Малфой?! Гарри Поттер не предупреждал их об этом... а значит, он наверняка сам не в курсе. Иначе никогда не обратился бы за помощью к ним...

Фред и Джордж переглянулись. Что ж, нет причин сообщать ему, пока дело не будет сделано.

— Мистер Флюм, — тихо сказал Фред, — Мальчику-Который-Выжил нужна ваша помощь.

Флюм смерил их взглядом.

А потом вздохнул:

— Ладно. Что вам нужно?

Акт 6

Почувяв добычу, Рита Скитер обычно не обращала внимание на вездесущих букашек, которыми считала остальных жителей вселенной. Поэтому она чуть не врезалась в лысеющего молодого человека, который преградил ей путь.

— Мисс Скитер, — произнёс мужчина слишком холодным и резким голосом для столь молодого лицом человека. — Какая неожиданная встреча.

— Отвали, придурок! — бросила Рита и попыталась его обойти.

Мужчина повторил её движение настолько идеально, что можно было подумать, они вовсе не сдвинулись с места, а сместилась улица вокруг них.

Рита недобро прищурилась.

— Ты кто вообще такой?

— Как глупо, — сухо произнёс мужчина. — Следует помнить в лицо тайного Пожирателя Смерти, который учит Гарри Поттера, как стать следующим Тёмным Лордом. В конце концов, — тонкая улыбка, — с таким человеком вы бы не захотели столкнуться на улице, особенно если перед этим заклеямили его в газете.

Рита не сразу поняла, с кем имеет дело. Так это Квининус Квиррелл? Выглядит одновременно и слишком молодым, и слишком старым. Его лицо, если представить его без сурового и снисходительного выражения, принадлежало бы человеку не старше сорока лет. И у него уже выпадают волосы? Он что, не может позволить себе делителя?

Впрочем, не важно. Она должна быть в другом месте и в другой «форме». Только что из анонимной записки Рита узнала, что мадам Боунс проводит время с одной из своих молодых помощниц. Подтверждение этой информации сулило большой куш — Боунс занимала одну из верхних строчек в её расстрельном списке. Информатор утверждал, что парочка собирается отобедать в ресторане «У Мэри»*. Причём в широко известной в узких кругах комнате, которая, как выяснила Рита, защищена от любых прослушивающих устройств, но не от красивого синего жука на стене...

— Иди к чёрту! — Рита попыталась оттолкнуть Квиррелла, но тот лёгким касанием отвёл её руку, и Рита покачнулась — толчок ушёл в пустоту.

Квиррелл закатал левый рукав мантии.

— Взгляните, — сказал он. — Тёмной Метки нет. Я бы хотел, чтобы вы написали опровержение.

Рита скептически хмыкнула. Конечно, никаким Пожирателем Смерти он не был, иначе статью бы не опубликовали.

— Забудь, парень. Иди проветрирь.

Квиррелл внимательно на неё посмотрел.

Затем улынулся.

— Мисс Скитер, — сказал он. — Я надеялся найти какие-то убедительные доводы. Пока же я обнаружил лишь то, что не смогу отказать себе в удовольствии просто раздавить вас.

— Многие пытались. Убирайся с дороги, придурок, или я позову авроров, и тебя арестуют за то, что мешаешь работе прессы.

Квиррелл слегка поклонился и прошёл мимо.

— Прощайте, Рита Скитер, — раздался его голос сзади.

Когда Рита устремилась вперёд, где-то на задворках сознания мелькнуло, что мужчина, уходя, насвистывал какой-то мотив.

Ха, нашёл чем испугать.

Акт 4

— Прости, я — пас, — сказал Ли Джордан. — Я больше по гигантским паукам.

Мальчик-Который-Выжил объявил, что у него есть очень важная работа для Ордена Хаоса, серьёзная и тайная, более значимая и сложная, чем их обычные розыгрыши.

После чего выступил с проникновенной, хоть и малопонятной речью. О том, что у Фреда, Джорджа и Ли великолепные задатки, нужно только научиться быть «странным», делать жизни людей «воплощением сюрреализма», а не просто застигать врасплох чем-то вроде ведра с водой над дверью. (Фред и Джордж обменялись заинтересованными взглядами: такой трюк им в голову ещё не приходил.) Гарри Поттер напомнил о шутке, что они сыграли с Невиллом — за которую, с некоторым раскаянием признался Гарри, его отчитала Распределяющая шляпа, но которая заставила Невилла задуматься, в своём ли он уме. Невиллу, наверно, подумалось, что он попал в какой-то параллельный мир. Так же, как и всем остальным, когда они увидели извиняющегося Снейпа. Вот в чём настоящая сила розыгрышей.

«Вы со мной?!» — воззвал Гарри Поттер, и Ли Джордан ответил: «Нет».

— Мы в игре, — сказал Фред, а может, Джордж. Несомненно, Годрик Гриффиндор сказал бы «да».

Ли Джордан печально улыбнулся, поднялся с пола и покинул пустынный, заглушённый Квиетусом коридор, в котором проводил тайное заседание Орден Хаоса.

Оставшиеся три представителя Ордена перешли к делу.

(Уход Ли не сильно огорчил близнецов. Фред и Джордж по-прежнему могли с ним работать над розыгрышами вроде гигантских пауков. Орденом Хаоса они назвались только для того, чтобы впечатлить Гарри Поттера. После того как Рон пожаловался, что тот — странный и злой, Фред и Джордж решили привести Гарри к свету, показав ему настоящую дружбу и доброту. К счастью, исправлять Гарри оказалось не нужно. Хотя временами они не были в этом уверены полностью...)

— Ладно, — сказал один из близнецов, — ну и что ты задумал?

— Рита Скитер, — ответил Гарри. — Слышали о такой?

Фред и Джордж, нахмурившись, кивнули.

— Она задаёт вопросы обо мне.

Не очень-то хорошая новость.

— Вы догадываетесь, чего я от вас хочу?

Фред и Джордж недоумённо переглянулись.

— Чтобы мы подсунули ей какие-нибудь из наших конфет с сюрпризом?

— Нет! — воскликнул Гарри. — Нет, нет, нет! Это мышление в стиле гигантских пауков. Ну же, что бы вы сделали, если бы узнали, что Рита Скитер собирает сплетни о вас?

На лицах Фреда и Джорджа медленно расцвели улыбки.

— Начали бы распускать слухи о себе, — ответили они.

— Именно, — широко ухмыльнулся Гарри. — Но это должны быть не просто слухи. Я хочу приучить людей никогда не верить тому, что пишут в газетах о Гарри Поттере. Ну, как маглы не верят тому, что пишут об Элвисе. Сперва я думал завалить Риту Скитер сплетнями, чтобы она не знала, каким из них верить. Но тогда она просто выберет самые правдоподобные и неприятные. Поэтому я хочу, чтобы вы придумали обо мне историю и заставили Риту Скитер в неё поверить. Причём впоследствии все должны узнать, что это выдумка. Нам нужно одурачить Скитер и её редакторов, обладая в то же время доказательствами того, что всё это ложь. И, конечно, при всех этих условиях, история должна быть как можно нелепее, но при этом всё равно попасть в печать. Поняли, чего я от вас хочу?

— Не совсем... — протянул то ли Фред, то ли Джордж. — Ты хочешь, чтобы мы эту историю сочинили?

— Я хочу, чтобы вы сделали всё перечисленное, — сказал Гарри Поттер. — Я сейчас слегка занят, к тому же хочу иметь возможность честно сказать, что ничего не знаю. Удивите меня.

На мгновение на лицах Фреда и Джорджа появились зловещие ухмылки.

И почти сразу же померкли.

— Но, Гарри, мы совсем не знаем, как такое повернуть...

— Так придумайте, — пожал плечами Гарри. — Я в вас верю. Не абсолютно, но если вы не можете этого сделать, скажите мне, и я найду кого-нибудь другого или сделаю всё сам. Если же у вас появится по-настоящему хорошая идея — и по поводу нелепой истории, и как убедить Риту Скитер и редакторов «Пророка» напечатать её, действуйте. Но идея должна быть первоклассная. Если ничего эдакого не придумаете, так и скажете.

Фред и Джордж обменялись обеспокоенными взглядами.

— Ничего в голову не приходит, — сказал Джордж.

— Мне тоже, — кивнул Фред. — Извини.

Гарри пристально на них посмотрел, а потом начал объяснять, как следует подходить к обдумыванию задачи.

Обычно на это требуется больше двух секунд, сказал Гарри.

Никогда не говорите «невозможно», пока не возьмёте в руки часы и не подумаете над задачей пять минут. Не метафорических, а самых настоящих пять минут.

Более того, подчеркнул Гарри, для выразительности хлопнув рукой по полу, не следует сразу же искать решение.

И он пустился в объяснения эксперимента, поставленного неким Норманом Майером, которого он назвал организационным психологом.

Группам участников предлагалось решить задачу, которая, по словам Гарри, заключалась в следующем.

Три сотрудника вашей компании выполняют три различных по сложности вида работ. Один из них, Новичок, хочет заниматься только самой лёгкой работой. Другой, Профи, хочет переключаться между работами, чтобы избежать скуки. Сторонний эксперт по продуктивности при этом рекомендует поручать Новичку самую лёгкую работу, а Профи — самую тяжёлую, что повысит общую эффективность на 20%.

Половине групп, решавших эту задачу, дали инструкцию: «Не предлагайте решений, пока проблема не будет обсуждена как можно тщательнее».

Вторая половина групп никаких указаний не получила. И люди в них делали естественную ошибку — увидев проблему, они сразу

же предлагали решения, привязывались к ним, начинали активно спорить, дискутировать, что важнее — свобода или эффективность, и так далее.

Те группы, которым дали указание сначала обсудить задачу, а затем уже решать её, с большей вероятностью приходили к решению: поручить Новичку самую лёгкую работу, в то время как двое оставшихся должны чередовать другие две работы. По данным эксперта это приводило к улучшению на 19%.

Начинать с поиска решения — значит идти наперекор естественному порядку вещей. Почти как начинать обед с десерта, только это ещё и плохо.

(Гарри также процитировал некоего Робина Доуса, сказав, что чем сложнее задача, тем более склонны люди решать её немедленно*.)

Поэтому Гарри планирует оставить задачу Фреду и Джорджу, а они должны «мозговым штурмом» обсудить её со всех сторон и вообще всё, что с ней хоть как-то связано. Они не должны предлагать решения, пока не закончат с обсуждением, если, конечно, им случайно не придёт в голову что-то потрясающее. В таком случае им следует записать эту идею на будущее и продолжить обдумывание. Гарри заявил, что не хочет слышать про неспособность что-нибудь придумать как минимум неделю. У некоторых на обдумывание уходят десятилетия.

— Вопросы? — поинтересовался Гарри.

Фред и Джордж переглянулись.

— Вроде никаких.

— И у меня.

Гарри мягко кашлянул:

— Вы не спросили, каков ваш бюджет.

«Бюджет?» — подумали близнецы.

— Я мог бы просто назвать сумму, — сказал Гарри. — Но, думаю, демонстрация вдохновит вас сильнее.

Рука Гарри нырнула вглубь мантии и вытащила...

Фред и Джордж чуть не упали, даже несмотря на то, что они уже сидели.

— Не тратьте их просто, чтобы потратить, — произнёс Гарри. На полу перед ним блестела просто сумасшедшая куча денег. — Тратьте их, только если этого требует эпичность замысла, и в таком случае совершенно не стесняйтесь. Если что-то останется, просто вернёте потом, я вам верю. Да, и десять процентов от всего, что здесь, можете взять себе, независимо от того, сколько останется в конце.

— Нет! — выпалил один из близнецов. — Мы не берём деньги за такое!

(Близнецы никогда не зарабатывали на своих проделках. Амброзий Флюм не знал, что они перепродают его товары без наценки. Так Фред и Джордж могли подтвердить — даже под Сывороткой правды, если понадобится, что они не преступники-спекулянты, а просто оказывают общественные услуги.)

Гарри нахмурился:

— Но я прошу вас сделать настоящую работу. За которую взрослым обычно платят, и которая, тем не менее, всё равно считается дружеской услугой. Нельзя просто нанять кого-то для такого дела.

Фред и Джордж замотали головами.

— Прекрасно, — сказал Гарри. — Тогда я просто куплю вам дорогие подарки на Рождество и сожгу, если вы откажетесь их принять. Теперь вы не будете знать, сколько я на вас потрачу. Но, естественно, эта сумма будет больше, чем если бы вы просто взяли деньги. Кстати, подарки я собираюсь покупать в любом случае. Подумайте об этом, прежде чем сообщить мне, что вы не смогли придумать ничего эпичного.

Фред и Джордж потрясённо смотрели на Гарри. Тот встал, улыбнулся и пошёл прочь. Через несколько шагов он остановился и обернулся:

— Да, и последнее. Не трогайте профессора Квиррелла. Он не любит известности. Я знаю, убедить людей, что с профессором по Защите творится что-то неладное, гораздо проще, и прошу прощения, что лишаю вас этого варианта. Пожалуйста, оставьте профессора Квиррелла в покое.

Гарри опять повернулся и сделал ещё несколько шагов...

Затем обернулся в последний раз и мягко сказал:

— Спасибо.

И ушёл.

Некоторое время близнецы молчали.

— Так-с, — сказал один из них.

— Так-с, — повторил другой.

— Значит, профессор по Защите не любит известности.

— Гарри нас плохо знает.

— Точно.

— Но, разумеется, на это мы его деньги тратить не будем.

— Конечно, так будет неправильно. Профессором по Защите мы займёмся отдельно.

— Мы попросим кого-нибудь из гриффиндорцев написать Скинтер, что...

— ...однажды на уроке по Зашите у него задрался рукав, и там оказалась Тёмная Метка...

— ...и что он несомненно учит Гарри Поттера всяким ужасам...

— ...что хуже профессора по Зашите Хогвартс ещё не знал, что он просто не может нас ничему научить, всё делает неправильно, совсем наоборот...

— ...утверждает, например, что Смертельное проклятье можно применить только с помощью любви, и поэтому оно просто бесполезно.

— Отличная мысль.

— Спасибо.

— Спорим, профессору по Зашите тоже понравится.

— Да, чувство юмора у него есть. Иначе бы он не дал нам такие прозвища.

— Но сможем ли мы выполнить задание Гарри?

— Гарри сказал обсудить задачу, прежде чем пытаться решить её, поэтому давай обсуждать.

Близнецы решили, что Джордж будет искать положительные стороны, а Фред — отрицательные.

— Сплошные противоречия, — начал Фред. — Он хочет, чтобы результат был нелепым, чтобы все смеялись над Скитер и поняли, что это неправда, и при этом хочет, чтобы Скитер в это поверила. Нельзя сделать и то, и другое одновременно.

— Можно подделать для Скитер свидетельства, — предложил Джордж.

— Это решение? — спросил Фред.

Они подумали.

— Может быть, — ответил Джордж, — но разве обязательно так уж строго придерживаться этого правила?

Близнецы беспомощно пожали плечами.

— Что ж, поддельные свидетельства должны быть довольно хороши, чтобы убедить Скитер, — произнёс Фред. — Мы сможем их сделать самостоятельно?

— Нам не обязательно всё делать самим, — ответил Джордж и показал на грудку денег. — Мы можем нанять других, чтобы они нам помогли.

На лицах близнецов появилось задумчивое выражение.

— Так мы можем истратить бюджет Гарри очень быстро, — возразил Фред. — Для нас это уйма денег, но не для кого-то вроде Флюма.

— Может быть, если люди будут знать, что это ради Гарри, нам удастся получить скидку, — заметил Джордж. — Но, самое главное, что бы мы ни сделали, оно должно быть невозможным.

— Как это — «невозможным»? — моргнул Фред.

— Таким, чтобы никто не поверил, что мы на такое способны. Чтобы даже Гарри засомневался. Чтобы жизнь стала воплощением сюрреализма и люди задумались, а в своём ли они уме. Нужно всё сделать... лучше самого Гарри.

Фред изумлённо поднял брови. Такое иногда между ними случалось, хоть и нечасто.

— Но почему?

— Это розыгрыши. Это всё розыгрыши. Пирог — розыгрыш. Напоминалка — розыгрыш. Кошка Кевина Энтвистла — розыгрыш*. Даже Снейп — розыгрыш. Лучшие шутники Хогвартса — мы. Неужели мы просто сложим лапки и сдадимся?

— Он Мальчик-Который-Выжил, — засомневался Фред.

— А мы — близнецы Уизли! Он бросил нам вызов. Он сам уверял нас, что мы способны делать то же, что и он. Но спорим на что хочешь: он не ожидает, что мы когда-нибудь достигнем его уровня.

— И он прав, — нервно возразил Фред. Близнецы изредка не соглашались даже в том случае, когда обладали одинаковой информацией, но всякий раз появлялось чувство неестественности, неправильности, будто по крайней мере один из них делает что-то не так. — Мы о Гарри Поттере вообще-то говорим. Он умеет совершать невозможное. Мы — не умеем.

— Ещё как умеем, — настаивал Джордж. — И мы должны быть ещё более невозможными, чем он.

— Но... — начал Фред.

— Именно так бы поступил Годрик Гриффиндор, — заявил Джордж.

Довод оказался решающим, и близнецы вернулись в... нормальное для них состояние.

— Хорошо, давай тогда...

— ...подумаем ещё.

Глава 26

Замечая замешательство

Yakka foob mog. Grug pubbawup zink wattooom gazork.
Chumble spuzz J. K. Rowling*.

Приёмное время профессора Квиррелла — с 11:40 до 11:55 по четвергам. Для всех учеников со всех курсов. Чтобы постучаться в дверь, нужно потратить один балл Квиррелла. Если профессор не сочтёт причину визита достойной внимания, он снимет ещё пятьдесят.

Гарри постучался в дверь.

Тишина. А потом язвительный голос произнёс:

— Что ж, мистер Поттер, заходите, раз пришли.

И не успел Гарри дотронуться до ручки, как дверь сама распахнулась, хлопнув по стене с оглушительным треском, будто не выдержало дерево или камень, а может, и то и другое.

Профессор Квиррелл развалился в кресле и читал удивительно старую на вид книгу в тёмно-синем кожаном переплёте с серебряными рунами на корешке*. Его взгляд не отрывался от страниц.

— Я не в духе, мистер Поттер. А когда я не в духе, я не самый приятный собеседник. Ради вашего же блага советую решить свои дела как можно быстрее и уйти.

В комнате царил мрачный холод, будто что-то в ней излучало тьму так же, как излучает свет лампа с дырками в абажуре.

Гарри был слегка ошарашен. «Не в духе» — это мягко сказано. Что же, интересно знать, могло так разозлить профессора Квиррелла?..

У Гарри не было привычки оставлять друзей в дурном настроении, поэтому он сделал осторожный шаг внутрь комнаты:

— Могу ли я чем-нибудь помочь?..

— Нет, — отрезал профессор Квиррелл, не отрываясь от книги.

— Я в том смысле, что если вам надоело иметь дело с недоумками и хочется поговорить с кем-то вменяемым...

Последовала неожиданно долгая пауза.

Профессор Квиррелл захлопнул книгу, и та с лёгким шелестом испарилась. Затем он поднял взгляд, и Гарри вздрогнул.

— Пожалуй, я бы не отказался от разумной беседы, — произнёс профессор Квиррелл таким же недовольным голосом, каким приглашал Гарри войти. — Вы же, предупреждаю, вряд ли найдёте её приятной.

Гарри собрался с духом:

— Я не обижусь, если вы позволите себе резкий тон. Что случилось?

Мрак в комнате сгустился.

— Шестикурсника из Слизерина, одного из моих наиболее многообещающих учеников, проклял шестикурсник из Гриффиндора.

Гарри глотнул:

— Чем... именно?

Профессор Квиррелл перестал сдерживать хорошо читаемую на лице ярость.

— Зачем задавать столь маловажный вопрос, мистер Поттер? Наш друг из Гриффиндора не придавал ему значения!

— Вы серьёзно?! — ахнул Гарри, не успев себя остановить.

— Нет, я сегодня не в духе просто так, без особых причин. Конечно, серьёзно, болван! Он не знал. Он на самом деле не знал! Я не мог в это поверить, пока авроры не подтвердили его искренность сывороткой правды. Обучаясь на шестом курсе Хогвартса, он применил высокоуровневое Тёмное заклинание и при этом понятия не имел, что оно делает.

— Вы же не хотите сказать, — не поверил Гарри, — что он ошибся на этот счёт, вычитал где-то неправильное описание...

— Ему было известно только то, что это проклятие предназначено для врагов. И он прекрасно знал, что больше ему ничего не известно.

И этого оказалось достаточно, чтобы заклинание сработало.

— Не понимаю, как нечто с таким крохотным мозгом овладело прямохождением.

— Аналогично, мистер Поттер, — отозвался профессор Квиррелл.

И снова молчание. Профессор Квиррелл откинулся на спинку кресла, подхватил со стола серебряную чернильницу и принялся вертеть в руках, с таким видом, будто выбирал для неё наиболее мучительный вид казни.

— Шестикурсник из Слизерина сильно пострадал? — уточнил Гарри.

— Да.

— Шестикурсник из Гриффиндора вырос у маглов?

— Да.

— Дамблдор отказывается его исключать, потому что «бедняга не знал»?

Профессор Квиррелл сжал чернильницу так, что у него побелели костяшки пальцев.

— Вы к чему-то клоните, мистер Поттер, или просто излагаете банальности?

— Профессор Квиррелл, — серьёзно сказал Гарри, — всем волшебникам, выросшим у маглов, нужно в Хогвартсе читать лекцию по технике безопасности. Чтобы объяснить все смехотворно очевидные вещи, которые ни один чистокровный никогда не подумает упомянуть вслух: «не используйте проклятия, назначение которых не знаете», «если вы обнаружили что-то опасное, не рассказывайте об этом всему свету», «не варите в туалете сложные зелья без надзора учителя», причины ограничения колдовства несовершеннолетних — в общем, основы основ.

— Зачем? — проскрежетал профессор Квиррелл. — Пусть глупцы вымрут, пока не размножились.

— Если вы не против вместе с ними потерять пару-тройку многообещающих шестикурсников из Слизерина.

Чернильница в руках профессора Квиррелла вспыхнула медленным, ужасным огнём, который жёлто-чёрными языками неестественного пламени кромсал и по кусочкам съедал металл. Плавающее серебро, будто пытаясь вывернуться, изгибалось и корёжилось. Слышался похожий на вопль надсадный скрип.

— Пожалуй, вы правы, — нехотя улыбнулся профессор Квиррелл. — Я составлю лекцию для маглорождённых, чтобы те из них, кто рано или поздно покинет этот мир из-за своей глупости, никого с собой не прихватили.

Чернильница в руках профессора продолжала гореть, заходясь криком. Капельки расплавленного металла, объятые пламенем, слезинками падали на стол.

— Вы не убегаете, — заметил профессор Квиррелл.

Гарри открыл рот...

— Если вы собираетесь сказать, что не боитесь меня, — продолжил Квиррелл, — лучше не надо.

— Вы самый страшный из знакомых мне людей, — сказал Гарри, — и одна из главных причин этого — ваш самоконтроль. Не могу представить, чтобы вы причинили кому-нибудь вред, не приняв осознанного решения так поступить.

Огонь в руках профессора Квиррелла потух, и он осторожно опустил останки чернильницы на стол.

— Вы мне льстите, мистер Поттер. Кто вас этому научил? Полагаю, мистер Малфой?

Лицо Гарри оставалось бесстрастным, но секундой позже стало очевидно, что этим он и выдал себя с потрохами. Профессору Квирреллу плевать, какое у человека выражение на лице, он оценивает состояния разума, которые делают одни выражения более вероятными, чем другие.

— Понятно, — кивнул профессор Квиррелл. — Мистер Малфой — полезный союзник, мистер Поттер, и он многому способен научить, но, надеюсь, вы не совершили ошибку, посвятив его в слишком многие тайны?

— Он не знает ничего из того, что я хотел бы скрыть.

— Похвально, — слегка улыбнулся профессор Квиррелл. — Так какое дело вас изначально ко мне привело?

— Мне кажется, я закончил с предварительными упражнениями по Окклюменции. Думаю, я готов перейти к занятиям с учителем.

— Я сопровожу вас в Гринготтс в воскресенье, — кивнул профессор, замолчал, а потом улыбнулся, глядя на Гарри. — Можем даже устроить небольшую прогулку. У меня появилась одна приятная мысль.

Гарри кивнул, улыбаясь в ответ.

Покидая кабинет профессора, он слышал, как тот мурлыкает под нос незатейливую мелодию.

Как хорошо, что удалось поднять ему настроение.

* * *

В воскресенье Гарри обнаружил, что, куда бы он ни шёл, его везде поджидают кучки шепчущихся учеников, указывающие на него пальцы и непрерывное девичье хихиканье.

Всё началось за завтраком, когда кто-то спросил Гарри, слышал ли он новость. Гарри поспешно сказал, что если новость написана Ритой Скитер, то он не желает её слышать, а хочет прочитать статью самостоятельно.

Так уж сложилось, что немногие ученики в Хогвартсе выписывали «Ежедневный пророк». Имеющиеся экземпляры передавались друг другу в каком-то сложном порядке, и даже владельцы не знали, где находится их экземпляр в данный момент...

Поэтому Гарри применил Квиетус и продолжил завтракать, доверив соседям по столу отгонять многочисленных желающих что-

нибудь спросить. Тем не менее было нелегко игнорировать недоверчивые выражения на лицах, смех, поздравительные улыбки, взгляды жалости или страха, а также вид разбитых тарелок, которые иногда роняли новоприбывшие, услышав новость.

Гарри уже распирало любопытство, но тем важнее насладиться шедевром из первых рук.

Следующие пару часов он делал домашнюю работу, спрятавшись в сундуке и попросив перед этим соседей по комнате позвать его, если они всё же раздобудут экземпляр газеты.

В десять утра, когда Гарри вместе с профессором Квирреллом сел в карету и выехал из Хогвартса, он всё ещё оставался в неведении. Профессор, пребывая в режиме зомби, сгорбился на правом сиденье спереди. Гарри устроился по диагонали от него, на максимальном расстоянии, которого можно было достичь в карете — на заднем левом сиденье. И тем не менее, всё время, пока карета с грохотом катила по тропе через участок не-запретного леса, Гарри был вынужден бороться с постоянным чувством тревоги. Читать из-за этого было трудновато, к тому же материал был сложным, и Гарри пожалел, что не взял с собой какую-нибудь детскую научную фантастику...

— Мы покинули территорию Хогвартса, мистер Поттер, — раздался голос Квиррелла с переднего сидения. — Выходим.

Профессор, возвращаясь к жизни, осторожно выбрался из по-возки. Гарри же просто прыгнул.

Мальчик едва успел задуматься о том, что же они будут делать дальше, когда профессор Квиррелл сказал «Ловите!» и бросил ему бронзовый кнат. Гарри инстинктивно поймал монету.

Гигантский неосязаемый крюк зацепил его за живот и дёрнул назад, сильно, но без ощущения ускорения. И в следующее мгновение Гарри обнаружил, что стоит посреди Косого переулка.

(Что это было? — спросил его мозг.)

(Мы телепортировались, — объяснил Гарри.)

(Эволюция меня к такому не готовила, — пожаловался мозг и дезориентировал его.)

Гарри пошатнулся, ощутив под ногами уличную мостовую вместо лесной тропы. Он выпрямился, голова всё ещё слегка кружилась. Сновавшие рядом ведьмы и волшебники будто раскачивались, а пронзительные крики торговцев расплывались в воздухе, пока мозг не вернул мир на место.

Спустя мгновение в нескольких шагах позади него раздался лёгкий хлопок, и, обернувшись, Гарри увидел профессора Квиррелла.

— Вы не возражаете...

— Боюсь, мне...

Гарри прервался, профессор продолжил:

— ...нужно отойти и кое о чём позаботиться, мистер Поттер. Поскольку мне подробно объяснили, что я полностью отвечаю за всё, что с вами может случиться, я оставляю вас...

— У газетного киоска, — вставил Гарри.

— Прошу прощения?

— Или в любом другом месте, где я смогу купить «Ежедневный пророк». Оставьте меня там, и я буду счастлив.

Довольно быстро, под аккомпанемент нескольких высказанных спокойным тоном двусмысленных угроз, Гарри был доставлен в книжную лавку. Судя по раболопию и мечущемуся между Гарри и дверью взгляду продавца, ему достались менее двусмысленные угрозы.

Даже если лавка сгорит дотла, Гарри будет стоять посреди огня до возвращения профессора Квиррелла.

А пока что...

Он быстро осмотрелся.

Книжная лавка не впечатляла. Внутри было всего четыре ряда полок, и на ближайшей стояли тонкие книжки в дешёвых переплётах с мрачными названиями вроде «Албанская резня пятнадцатого века».

В первую очередь самое важное. Гарри подошёл к прилавку.

— Прошу прощения, — сказал он. — Дайте, пожалуйста, «Ежедневный пророк».

— Пять сиклей, — ответил продавец. — Извини, парень, у меня осталось только три штуки.

На прилавок упали пять сиклей. У Гарри было ощущение, что он мог сторговаться и на трёх, но сейчас его это совсем не заботило.

Глаза продавца внезапно расширились, как будто он только сейчас рассмотрел Гарри.

— Ты!

— Я!

— Это правда?! Ты в самом деле...

— Ни слова! Простите, я весь день ждал, чтобы прочесть статью самостоятельно, так что, пожалуйста, просто дайте мне газету, хорошо?

Продавец несколько секунд ошеломлённо глядел на Гарри, затем молча вытащил из-под прилавка сложенный экземпляр «Ежедневного пророка».

Заголовок гласил:

ГАРРИ ПОТТЕР
ТАЙНО ПОМОЛВЛЕН
С ДЖИНЕВРОЙ УИЗЛИ

Гарри вытаращил глаза.

Осторожно, благоговейно, словно это подлинник картины Эшера, он взял газету с прилавка, развернул и прочёл...

...о доказательствах, убедивших Риту Скитер.

...о других занимательных подробностях.

...и ещё нескольких свидетельствах.

И конечно, Фред и Джордж сперва обсудили это с сестрой? Наверняка. В статье была колдография Джиневры Уизли, томно вздыхавшей над фотографией, на которой Гарри, приглядевшись, узнал себя. Постановочный снимок, без вариантов. Но, чёрт возьми, как?..

Гарри сидел на дешёвом складном стуле и перечитывал газету в четвёртый раз. Дверь тихо прошелестела, и в лавку вошёл профессор Квиррелл.

— Мои извинения за... Во имя Мерлина, что вы читаете?

— Судя по всему, — с благоговением в голосе ответил Гарри, — некий мистер Артур Уизли попал под проклятье Имперіуса, пущенное Пожирателем Смерти, которого потом убил мой отец. Таким образом он оказался в долгу перед Домом Поттеров, и мой отец в уплату долга потребовал для меня руки недавно родившейся Джиневры Уизли. Здесь что, серьёзно так делают?

— Мисс Скитер никак не могла быть настолько глупа, чтобы поверить...

Профессор Квиррелл осёкся.

Гарри держал газету вертикально в развёрнутом положении, так что профессор со своего места мог видеть текст под заголовком.

Вид потрясённого профессора Квиррелла был почти так же шедеврален, как содержимое статьи.

— Не волнуйтесь, — довольно улыбнулся Гарри, — это всё выдумка.

Откуда-то из глубин магазина послышался возглас владельца, а также звук падающих книг.

— Мистер Поттер... — медленно проговорил профессор Квиррелл, — вы в этом уверены?

— Абсолютно. Мы идём?

Профессор Квиррелл отрешённо кивнул, и Гарри, сложив газету, последовал за ним. Уличные звуки почему-то затихли.

С полминуты они шли молча, затем Квиррелл произнёс:

— Мисс Скитер видела протокол закрытого заседания Визенгамота.

— Да.

— Оригинал протокола заседания Визенгамота.

— Да.

— Даже мне такое почти не под силу.

— Правда? — удивился Гарри. — Потому что если мои подзрения верны, всё устроил ученик Хогвартса.

— Это просто невозможно, — констатировал профессор Квиррелл. — Мистер Поттер... вынужден с прискорбием сообщить, что эта юная леди собирается выйти за вас замуж.

— Что неправдоподобно. А как сказал Дуглас Адамс, «невозможное часто обладает качеством целостности, то есть тем качеством, которого недостаёт неправдоподобному»*.

— Я понял вашу мысль, — медленно произнёс профессор. — Но... нет, мистер Поттер. Хотя это и невозможно, я могу вообразить подделанный акт Визенгамота. Но совершенно невообразимо, чтобы Верховный управляющий Гринготтса удостоверить своей печатью фальшивый брачный контракт. А мисс Скитер лично проверила печать.

— Конечно, — сказал Гарри, — но, когда в деле замешаны большие деньги, участие Верховного управляющего Гринготтса совсем не удивительно. Похоже, у мистера Уизли были огромные долги, и потому он потребовал дополнительную плату в десять тысяч галлеонов...

— Десять тысяч галлеонов за Уизли?! За такие деньги можно купить дочь Благородного Дома!

— Простите, — произнёс Гарри. — Теперь мне точно необходимо спросить, здесь действительно так делают?..

— Редко, — нахмурившись, ответил Квиррелл. — А после смерти Тёмного Лорда, по-моему, вовсе перестали. Насколько я понимаю, в статье сказано, что ваш отец и в самом деле заплатил?

— У него не было выбора, — сказал Гарри. — Если, конечно, он хотел выполнить условия пророчества.

— Дайте сюда, — Квиррелл выдернул газету у Гарри из рук так быстро, что бумага порезала тому палец.

Слегка шокированный Гарри сунул палец в рот и повернулся, чтобы высказать профессору...

Профессор Квиррелл остановился посреди улицы, его глаза скользили по строчкам газеты, повисшей перед ним прямо в воздухе.

С открытым от восхищения ртом Гарри смотрел, как газета открылась на страницах два и три. Через непродолжительное время — на страницах четыре и пять. Похоже, профессор перестал притворяться обычным смертным.

Через пугающе короткий промежуток времени газета аккуратно свернулась. Профессор взял её из воздуха и бросил Гарри, который рефлексивно её поймал. Квиррелл двинулся вперёд, и Гарри зашагал следом.

— Нет, — произнёс профессор, — я тоже считаю, что с профессо́м что-то не так.

Гарри, всё ещё находившийся под впечатлением, кивнул.

— Кентавры, возможно, находились под действием Имперуса, — хмуро сказал Квиррелл, — здесь, кажется, всё ясно. Что сделано волшебством, можно волшебством и извратить, и нет ничего невозможного в том, что Большая Печать Гринготтса оказалась в чужих руках. Невыразимцев могли изобразить с помощью Обратного зелья, как и баварскую ясновидящую. И, вероятно, приложив достаточно усилий, можно подделать записи Визенгамота. У вас есть предположения, как это было проделано?

— Ни единой правдоподобной гипотезы, — ответил Гарри. — Я только знаю, что общий бюджет операции составил сорок галлеонов.

Профессор Квиррелл резко крутанулся и с крайним недоверием уставился на Гарри.

— За сорок галлеонов можно нанять квалифицированного взломщика заклятий, чтобы ограбить дом! Чтобы подделать протоколы Визенгамота, нужна команда величайших профессионалов преступного мира, услуги которой будут стоить сорок тысяч галлеонов!

Гарри только пожал плечами:

— Я запомню, что когда мне снова захочется сэкономить тридцать девять тысяч девятьсот шестьдесят галлеонов, нужно будет просто найти правильного подрядчика.

— Я редко это говорю, — произнёс профессор, — но я впечатлён.

— Аналогично, — сказал Гарри.

— И кто этот потрясающий ученик Хогвартса?

— Боюсь, не могу ответить.

К некоторому удивлению Гарри, Квиррелл не стал возражать.

Погружённые в задумчивое молчание, они шли в направлении Гринготтса. Ни Гарри, ни Квиррелл не относились к тому сорту людей, что признают задачу нерешаемой, не обдумав её в течение хотя бы пяти минут.

— Мне кажется, — наконец, заговорил Гарри, — что мы смотрим на это под неверным углом. Однажды я слышал историю, как ученики пришли на урок физики, и учительница показала им большую металлическую тарелку, стоявшую у огня. По её просьбе ученики потрогали тарелку и обнаружили, что ближайшая к огню сторона холоднее, чем дальняя. Учительница попросила их письменно ответить на вопрос, как такое возможно. Некоторые ученики написали «потому что металл проводит тепло», кто-то — «это произошло из-за воздушных потоков», и никто не сказал «по-моему, это совершенно невозможно». А на самом деле учительница просто повернула тарелку, перед тем как ученики вошли в класс.

— Занятно, — произнёс профессор Квиррелл. — Да, похоже. И какова мораль вашей истории?

— Сила рационалиста состоит в способности быть озадаченным вымыслом больше, чем реальностью, — ответил Гарри. — Если кто-то одинаково хорошо объясняет любой исход, знаний у него — ноль. Ученики думали, что такими словами, как «теплопроводность», они могут объяснить всё. Даже почему у тарелки ближняя к огню сторона — холоднее. Поэтому они не замечали, насколько они озадачены, и поэтому не могли быть озадачены ложью больше, чем правдой. Когда вы говорите, что кентавры были под проклятьем *Имперкус*, мне по-прежнему кажется — что-то здесь не так. Я чувствую, что даже после вашего объяснения я всё ещё в замешательстве.

— Гм, — сказал профессор.

Какое-то время они шли молча.

— Я правильно понимаю, — уточнил Гарри, — что с помощью магии невозможно менять местами людей из параллельных вселенных? В смысле, может быть, это написала не наша Рита Скитер? Или она побывала в другом мире?

— Будь такое возможно, — сухо вато сказал профессор Квиррелл, — что бы я делал здесь?

Когда они почти подошли к белому зданию Гринготтса, профессор внезапно произнёс:

— А. Конечно. Я понял. Позвольте предположить — близнецы Уизли?

— Что?! — вскрикнул от неожиданности Гарри. — Как?!

— Боюсь, не могу ответить.

— ...Это несправедливо.

— Я думаю, это очень справедливо, — сказал профессор Квиррелл, и они вошли в бронзовые двери.

Незадолго до полудня Гарри и профессор Квиррелл сидели друг против друга за длинным, широким столом в роскошной отдельной комнате. Мягкие диваны и кресла и струящиеся с потолка воздушно-лёгкие портьеры.

Профессор Квиррелл привёл Гарри в ресторан «У Мэри». По дороге он описал его как один из лучших ресторанов в Косом переулке, особенно — тут профессор многозначительно понизил голос — для определённых целей.

Гарри не бывал в ресторане лучше. И его всерьёз раздражало, что это профессор Квиррелл угощает его.

Первая часть миссии Гарри на сегодня — найти инструктора по Окклюменции — завершилась успешно. Профессор Квиррелл, злорадно ухмыляясь, попросил Крюкохвата рекомендовать лучшего из лучших, не заботясь о расходах, так как оплачивать счёт будет Дамблдор. Гоблин ответил той же ухмылкой. Доля ехидства была, вероятно, и в улыбке Гарри.

Вторая часть плана полностью провалилась.

Гарри позволялось брать деньги из банка только в присутствии директора или иного официального представителя школы, а Квирреллу ключ от хранилища не доверили. У магловских родителей Гарри права разрешать подобные операции не было, потому что они маглы, а значит имеют примерно такой же правовой статус, как дети или котята: они забавные, прилюдно их мучить нельзя — арестуют, но они не люди. Специальное вынужденное исключение было сделано для родителей маглорождённых: они считались людьми в некотором ограниченном смысле. Но приёмные родители Гарри и под эту категорию не попадали.

Получалось, что в глазах волшебного мира Гарри — фактически сирота. А значит, до окончания обучения в Хогвартсе его опекуном считался директор или другой представитель школы, действующий по поручению директора. Ему было разрешено дышать без позволения Дамблдора, но только пока тот не запретит это делать.

Гарри поинтересовался, нельзя ли ему просто объяснить Крюкохвату, каким образом диверсифицировать его вложения, чтобы деньги не лежали в хранилище мёртвым грузом. Крюкохват наградил его непонимающим взглядом и спросил, что значит «диверсифицировать».

Банки, как выяснилось, ничего никуда не инвестировали. Банки охраняли золотые монеты в хорошо защищённых хранилищах за определённую ежегодную плату.

Волшебный мир не знал облигаций. И акций. И корпораций. Предпринимательской деятельностью занимались семьями, финансируя все начинания из собственного кармана.

Займы предлагали богачи, а не банки. Правда, Гринготтс за некоторую плату свидетельствовал ссудные контракты, а за куда большую плату — обеспечивал их выполнение.

Хорошие богачи позволяли друзьям занимать деньги и возвращать когда заблагорассудится. Плохие богачи требовали процент.

Понятия «вторичный рынок заёмных средств» здесь вообще не существовало.

Совсем уж жестокие богачи требовали ежегодных выплат в размере свыше 20%.

Закончив с расспросами, Гарри поднялся, отвернулся и прислонился лбом к стене.

И спросил, нужно ли ему разрешение директора для открытия банка.

Тут вмешался профессор Квиррелл, напомнив, что настало время перекусить. Он быстро вывел бурчавшего Гарри из Гринготтса, и они направились в великолепный ресторан «У Мэри», где для них была зарезервирована комната. При виде профессора Квиррелла в компании Гарри Поттера хозяйка слегка опешила, но проводила их в комнату без возражений.

Где профессор Квиррелл весьма демонстративно объявил, что платит он, в полной мере наслаждаясь выражением лица Гарри.

— Нет, — сообщил профессор Квиррелл официантке, — меню нам не понадобится. Мне, будьте добры, сегодняшнее фирменное блюдо и бутылку кьянти, а мистеру Поттеру суп из дирикаля на первое, тарелку шариков Рупо¹ на второе и пирожное с патокой на десерт.

Официантка, в строгой и формальной, хоть и значительно укороченной мантии, почтительно поклонилась и вышла, закрыв за собой дверь.

Профессор Квиррелл небрежно махнул рукой в сторону двери, и засов закрылся.

— Обратите внимание на задвижку. Эта комната, мистер Поттер, называется Комнатой Мэри*. Она защищена от всех методов слежения. И я не шучу, когда говорю «от всех». Сам Дамблдор

¹ Шарик Рупо (Roope balls) — одна из неочевидных отсылок. На самом деле автор шутит: шариками Рупо это блюдо называют центавриане из вселенной «Вавилона-5». Ближайший его земной аналог — фрикадельки по-шведски. Но по мнению одного из персонажей «Вавилона-5» любая цивилизация рано или поздно создаёт что-то подобное, поэтому неудивительно, что и у волшебников есть такое блюдо. — *Прим. перев.*

не смог бы узнать, что здесь сейчас происходит. Комнату Мэри используют два сорта людей. Те, кто грешит запретными связями. И те, кто ведёт интересный образ жизни.

— Неужели, — оживился Гарри.

Профессор Квиррелл кивнул.

Гарри в предвкушении приоткрыл рот.

— В таком случае будет расточительством здесь просто пообедать, не сделав ничего особенного.

Профессор Квиррелл ухмыльнулся, извлёк из складок мантии палочку и махнул ею в сторону двери.

— Те из нас, — сказал он, — кто ведёт интересный образ жизни, безусловно, привыкли принимать более тщательные меры предосторожности, нежели остальные. Я только что нас запечатал. Ничто теперь не проникнет в эту комнату и не покинет её — к примеру, через щель под дверью. И...

Профессор проговорил ещё по крайней мере четыре разных заклинания, ни одно из которых Гарри не было знакомо.

— Даже этого недостаточно, — сказал профессор Квиррелл. — Если бы мы занимались какими-нибудь по-настоящему важными делами, необходимо было бы произвести ещё двадцать три проверки. Если бы, скажем, Рита Скитер знала или догадывалась о нашем визите сюда, существовала бы вероятность того, что она сейчас находится здесь, в этой комнате, и скрыта Мантией истинной невидимости, или что она анимаг с очень маленькой формой. Существуют заклинания, которые позволяют исключить и такие маловероятные случаи. Но использовать их все — утомительное занятие. И тем не менее — может, всё-таки стоит? Не хочется прививать вам неправильные привычки, — профессор Квиррелл постучал пальцем по щеке, будто погружившись в глубокие раздумья.

— Не надо, — сказал Гарри. — Мне всё ясно, я запомню.

Его, впрочем, разочаровало, что никакими «по-настоящему важными делами» они заниматься не будут.

— Ну что ж, — широко улыбаясь, откинулся на спинку кресла профессор Квиррелл. — Ваша сегодняшняя работа, мистер Поттер, достойна похвалы. Общая идея, уверен, принадлежит вам, даже если её исполнение вы делегировали. Не думаю, что мы когда-нибудь вновь услышим о Рите Скитер. Люциуса Малфоя не обрадует её неудача. Если она умна, то сбежит из страны в тот самый миг, когда поймёт, что её одурачили.

У Гарри упало сердце.

— За Ритой Скитер стоит Люциус?..

— О, вы не поняли? — приподнял брови профессор Квиррелл.

Гарри не задумывался о том, что произойдёт с Ритой Скитер впоследствии.

Вообще.

Ни капельки.

Но её ведь уволят, уволят несомненно, а у неё, быть может, дети учатся в Хогвартсе. От мысли об этом Гарри стало совсем плохо...

— Люциус её убьёт? — едва слышно выговорил Гарри. Где-то внутри на него орала Распределяющая шляпа.

— Если вы раньше не имели дела с журналистами, — сухо улыбнулся профессор Квиррелл, — можете мне поверить: мир становится светлее всякий раз, когда умирает один из их числа.

Гарри конвульсивным движением выскочил из кресла — надо найти Риту Скитер и предупредить, пока не поздно...

— Сядьте, — резко сказал профессор Квиррелл. — Нет, Люциус её не убьёт. Но Люциус умеет делать жизнь крайне неприятной для тех, кто сослужил ему плохую службу. Мисс Скитер скроется и начнёт жизнь заново, с другим именем. Сядьте, мистер Поттер. Ей уже ничем не помочь, а вам пора выучить очередной урок.

Гарри медленно вернулся за стол. Разочарование и досада на лице профессора Квиррелла остановили его куда действенное, чем слова.

— Иногда, — язвительно произнёс профессор Квиррелл, — меня посещает мысль, что гениальный слизеринский разум достался вам по ошибке. Повторяйте за мной. Рита Скитер низкая, гнусная женщина.

— Рита Скитер низкая, гнусная женщина, — пробормотал Гарри. Ему было неприятно произносить эти слова, но альтернатив почему-то не виделось, никаких.

— Рита Скитер попыталась разрушить мою репутацию, но я придумал гениальный план и уничтожил её репутацию первый.

— Рита Скитер бросила мне вызов. Она проиграла, а я выиграл.

— Рита Скитер была помехой для моих будущих планов. У меня не было выбора, кроме как разобраться с ней, если я хочу достигнуть своих целей.

— Рита Скитер была моим врагом.

— Я не смогу ничего достигнуть в жизни, если не буду готов побеждать врагов.

— Сегодня я победил одного из моих врагов.

— Я хороший мальчик.

— Я достоин награды.

— Ага, — сказал профессор Квиррелл, который последние две реплики снисходительно улыбался, — вижу, мне удалось завладеть вашим вниманием.

Профессор был прав. И хотя у Гарри было чувство, что его к чему-то недвусмысленно подталкивают — впрочем, какие тут чувства, он это знал, — нельзя отрицать, что, повторив сказанное профессором Квирреллом и увидев его улыбку, он воспрял духом.

Профессор Квиррелл сунул руку под мантию и медленным, торжественным жестом вынес на свет...

...книгу.

Гарри таких раньше не видел. Очертания её были грубые и неровные. Как будто её вытесали на книжном руднике, да забыли отшлифовать — вот такая фраза приходила на ум.

— Что это? — выдохнул Гарри.

— Дневник, — сообщил профессор Квиррелл.

— Чей?

— Знаменитого человека, — широко улыбнулся профессор Квиррелл.

— И?..

Профессор Квиррелл опять посерьёзней:

— Мистер Поттер, одно из незаменимых для могущественного волшебника качеств — великолепная память. Ключом к ответу на загадку нередко оказывается фраза, прочитанная в старом свитке двадцать лет назад, или, скажем, перстень, который вы видели на пальце человека, встреченного лишь однажды. Я говорю об этом, чтобы вы поняли, как мне удалось вспомнить про этот предмет и прикреплённую к нему табличку, которые я видел задолго до знакомства с вами. Понимаете ли, мистер Поттер, на своём веку я повидал не одну частную коллекцию, принадлежащую индивидуумам, которые, скажем так, не самые достойные держатели своего богатства...

— Вы его украли?!

— Именно так, — признался профессор Квиррелл. — И совсем недавно. Думаю, вы оцените данный предмет куда больше, чем гнусный человек, который хранил его только затем, чтобы производить впечатление на своих столь же гнусных друзей.

Гарри смотрел на профессора в немом изумлении.

— Но если мои действия показались вам некорректными, мистер Поттер, можете этот неповторимый подарок не принимать. Впрочем, я, конечно, не буду утруждать себя возвращением его на законное место. Так каков ваш ответ?

Профессор перекинул книгу из одной руки в другую, заставив Гарри бессознательно протянуть руку. Мальчик болезненно поморщился.

— Ах, за его сохранность можете не волноваться, мистер Поттер. Если бросить дневник в камин, ему это ничуть не повредит. Но я всё ещё жду вашего решения.

Профессор Квиррелл, ухмыляясь, небрежно подбросил книгу в воздух и снова её поймал.

«Нет», — хором сказали гриффиндорец и пуффендуец.

«Да, — не согласился когтевранец. — *Какая часть слова „книга“ вам двоим не понятна?*»

«Ворованная часть», — напустился пуффендуец.

«Да ладно вам, — отмахнулся когтевранец, — *неужели вы хотите всю оставшуюся жизнь гадать, что в ней было?*»

«С точки зрения утилитаризма конечная сумма положительна, — влез слизеринец. — *Думай об этом как о торговой операции, которая производит экономически выгодное перераспределение благ, только без торговли. Кроме того, мы ничего ни у кого не крали, а если оставить книгу у Квиррелла, она вообще никому не принесёт пользы.*»

«Он пытается перетянуть тебя на Тёмную сторону!» — взвизгнул гриффиндорец, и пуффендуец кивнул в поддержку.

«Не будь наивным слюнтяем, — фыркнул слизеринец, — он обучает тебя азам Слизерина».

«Ага, — поддакнул когтевранец, — *бывший её владелец наверняка Пожиратель Смерти какой-нибудь. У нас ей самое место.*»

Гарри застыл с полуоткрытым ртом и перекошенным лицом.

Профессор Квиррелл же веселился вовсю: уравновесил книгу уголком на кончике указательного пальца и покачивал ею, напевая что-то себе под нос.

В дверь постучали.

Книга исчезла в складках мантии профессора Квиррелла. Он встал из-за стола, направился к двери...

...и тут его резко шатнуло в сторону.

— Всё в порядке, — сказал Квиррелл, опираясь о стену. Его голос звучал гораздо слабее обычного. — Сидите, мистер Поттер, это просто приступ головокружения. Сидите.

Гарри крепко стиснул подлокотники. Он не знал, что ему делать, и что он вообще может сделать. Даже чтобы просто подойти к профессору, ему придётся из всех сил сопротивляться этому чувству тревоги...

Тяжело дыша, Квиррелл выпрямился и открыл дверь.

Вошла официантка с подносом еды. Пока она расставляла тарелки, профессор Квиррелл медленно вернулся за стол.

Но когда официантка поклонилась и ушла, профессор уже сидел прямо и опять улыбался.

Тем не менее, этот краткий эпизод, чем бы он ни был, оказался решающим. Гарри просто не мог сказать «нет» после того, как профессор Квиррелл прошёл через такие трудности.

— Да, — сказал Гарри.

Профессор Квиррелл сделал предостерегающий жест, вынул палочку, снова запер дверь и повторил три заклинания из тех, что применил ранее.

Затем он достал книгу из мантии и бросил её Гарри, который едва не уронил её в суп.

Гарри метнул в профессора Квиррелла осуждающий взгляд. Нельзя так обращаться с книгами, зачарованы они или нет.

Затем со свойственной ему инстинктивной аккуратностью открыл книгу. Страницы были слишком толстыми, материал не был похож ни на магловскую бумагу, ни на пергамент волшебников. И они были...

...пусты?

— Я что-то должен увидеть?

— Посмотрите ближе к началу, — ответил профессор Квиррелл. Гарри (опять с присущей ему аккуратностью) последовал его совету.

Очевидно, писали от руки. Разобрать почерк было очень сложно, но Гарри показалось, что текст на латыни.

— Что это? — спросил Гарри.

— Это, — сказал профессор Квиррелл, — дневник исследований магии, которые проводил маглорождённый, никогда не посещавший Хогвартс. Он проигнорировал письмо с приглашением и ставил собственные скромные опыты, которые не зашли далеко, поскольку у него не было волшебной палочки. Судя по описанию на табличке, вам его имя известно гораздо лучше, чем мне. В ваших руках, Гарри Поттер, дневник Роджера Бэкона.

Гарри чуть не упал в обморок¹.

А на стене, рядом с которой споткнулся профессор Квиррелл, блестели раздавленные останки красивого синего жука.

¹ Роджер Бэкон — один из основоположников научного метода, живший в XIII веке. Дать учёному его дневник исследований — всё равно что дать писателю *ту самую* ручку, причём даже не Шекспира, а того, кто изобрёл письмо. — *Прим. авт.*

Глава 27

Эмпатия

Дж. К. Роулинг на 87% уверена,
что вы сгорите синим пламенем*.

Умоляющий Гарри Поттер — редкое зрелище.
— Пожа-а-а-алуйста, — проныл Гарри Поттер.
Фред и Джордж, улыбаясь, покачали головами.

В глазах Гарри читались муки неудовлетворённого любопытства.
— Но я же рассказал вам, что сделал с кошкой Кевина Энтвистла.
И про Гермиону и исчезающую газировку... А про Распределяющую шляпу, напомуналку и профессора Снейпа я рассказать не могу...

Фред и Джордж пожали плечами и развернулись, собравшись уходить.

— Если когда-нибудь догадаешься, — сказали они, — дай нам знать.

— Злые! Вы оба — злые!

Фред и Джордж захлопнули за собой дверь пустого класса. Они продолжали улыбаться: на всякий случай, вдруг Гарри Поттер умеет видеть сквозь двери.

Когда они повернули за угол, улыбки пропали.

— Тебе ведь тоже догадки Гарри...

— ...не помогли понять, как мы это сделали? — произнесли они одновременно и помрачнели ещё сильнее.

Флюм отказался им помочь. Это было последним существенным воспоминанием. Близнецы даже не помнили, о чём его просили...

...но, видимо, они продолжили поиски и нашли кого-то, кто помог им сделать что-то незаконное. Иначе они вряд ли бы согласились на стирание памяти.

Как вообще можно было всё это проделать всего лишь за сорок галлеонов?

Сперва братья Уизли боялись, что подделали свидетельства слишком хорошо, и Гарри *придётся* жениться на Джинни... но, похоже, они и это ушли. Записи Визенгамота оказались подделаны

снова и вернулись к первоначальному виду, фальшивый брачный контракт исчез из охраняемого драконами хранилища в Гринготтсе, и так далее. Это, по правде говоря, пугало не на шутку. Большинство теперь считало, что «Ежедневный пророк» по каким-то неизвестным причинам просто выдумал всю историю, да и «Придира» на следующий день подлил масла в огонь заголовком на первой странице: ГАРРИ ПОТТЕР ТАЙНО ПОМОЛВЛЕН С ЛУНОЙ ЛАВГУД.

Близнецы отчаянно надеялись, что нанятый исполнитель всё им расскажет, когда истечёт срок давности. Но пока они чувствовали себя ужасно. Они организовали грандиозный розыгрыш, возможно самый грандиозный розыгрыш за всю историю розыгрышей, и не могли вспомнить как! Эта мысль сводила с ума. Они же смогли как-то его осуществить, так почему же сейчас не могут догадаться как именно, даже зная всё, что было сделано?

Утешало одно: Гарри не знает, что они не знают.

Несмотря на очевидную причастность Уизли, даже мама не спрашивала Фреда и Джорджа по этому поводу. Произошедшее было за гранью способностей любого ученика Хогвартса... кроме, быть может, одного, который, по слухам, может сделать всё что угодно, щёлкнув пальцами. Как рассказал Гарри, его самого допросили под Сывороткой правды... в присутствии Дамблдора, бросавшего на аворов устрашающие взгляды. Так что те лишь удостоверились, что Гарри не устраивал этот розыгрыш и никуда в последнее время не исчезал из Хогвартса, после чего убралась восояси.

Фред и Джордж не знали, должны ли они чувствовать себя оскорблёнными: розыгрыш устроили они, почему же допрашивали Гарри Поттера? Но оскорблённое, возможно по той же причине, выражение лица Гарри того стоило.

Как и следовало ожидать, Рита Скитер и редактор «Ежедневного пророка» исчезли и, скорее всего, уже покинули страну. Об этом можно было бы рассказать семье. Папа наверняка бы их поздравил. Правда, сначала бы их убила мама, а Джинни — сожгла останки.

Но пока всё шло нормально. Когда-нибудь они расскажут папе обо всём, а между тем...

...между тем Дамблдор, проходя мимо них по коридору, чихнул, и из его кармана случайно выпал маленький свёрток. Внутри обнаружилась пара одинаковых моноклей отличного качества, вроде тех, что используют взломщики заклинаний. Близнецы проверили свои приобретения на «запретном» коридоре третьего этажа, прогулявшись до магического зеркала и обратно. Абсолютно все охранные

заклинания они так и не обнаружили, но с моноклями они заметили гораздо больше, чем в первый раз.

Конечно, теперь нужно тщательно следить, чтобы их не поймали с моноклями в карманах. Иначе придётся стоять в кабинете директора и выслушивать суровую лекцию, а может быть даже угрозы об исключении.

Как здорово, что не все распределённые в Гриффиндор вырастают в профессора МакГонагалл.

* * *

Гарри сидел за столом в непримечательной белой комнате без окон напротив человека с ничего не выражающим лицом, одетого в строгую чёрную мантию.

Комната была защищена от прослушивания, и даже просто «Здравствуйте, мистер Поттер» этот человек сказал только после того, как выполнил ровно двадцать семь заклинаний.

Человек в чёрном странным образом подходил на роль того, кто попытается прочесть мысли Гарри.

— Готовьтесь, — голос его был столь же невыразителен, как и внешность.

Книга по окклюменции, которую прочёл Гарри, утверждала, что человеческий разум открыт для легилименции определёнными «поверхностями». Если поверхности не удастся защитить, легилимент сможет пройти сквозь них и получить доступ к любой части разума, которую его собственный разум способен понять...

...хотя таких частей, судя по всему, не много. Похоже, понять чужой разум люди способны только на самом поверхностном уровне. Гарри задавался вопросом, не позволит ли его знание когнитивистики стать особо сильным легилиментом, но опыт последних дней наконец-то втолковал ему, что не стоит слишком надеяться на быстрый успех в незнакомых областях. В конце концов, ни один когнитивист не понимал людей настолько хорошо, чтобы создать хотя бы одного человека.

На первой стадии изучения окклюменции — искусства противостоять легилименции — следовало представить себя другой личностью, притвориться максимально тщательно, полностью вжиться в чужой образ. На поздних стадиях делать это уже необязательно, но вначале таким образом можно найти свои собственные поверхности. И если хорошо сосредоточиться, когда кто-либо пытается прочесть

твои мысли, то можно почувствовать непрощенного гостя. Задача окклюдента — позаботиться, чтобы легилимент всегда касался только вообразимой личности, а не настоящей.

Поднаторев в этом, можно изобразить из себя очень простого человека, прикинуться камнем, и завести привычку сохранять притворство там, где находятся твои поверхности. Именно таков стандартный барьер окклюдента. Научиться прикидываться камнем сложно, но повторять это впоследствии легко. Легилименту открыты лишь неглубокие поверхности, потому при достаточной практике подобное состояние можно поддерживать не задумываясь.

Первоклассный же окклюдент опережает любые попытки проникновения в свой разум и формирует ответы на вопросы с той скоростью, с какой их задаёт легилимент. Таким образом легилимент пройдёт через его поверхности, но не поймёт, видит он настоящий разум или выдуманную картинку.

Так можно обмануть даже самого лучшего легилимента. Если первоклассный окклюдент делает вид, что опускает свой барьер, узнать, не притворяется ли он — невозможно. Хуже того, нельзя понять, что имеешь дело с первоклассным окклюдентом. Они редко встречаются, но сам факт, что они существуют, означает, что доверять легилименции полностью невозможно.

Ещё одно печальное свидетельство того, насколько плохо люди понимают друг друга и насколько малое представление имеют волшебники о глубинах человеческого разума, раз даже лучшего телепата можно обвести вокруг пальца, представив себя кем-то другим.

Но в то же время, именно благодаря этому притворству люди в принципе способны понять друг друга. Мы не предсказываем поведение других людей, моделируя по отдельности действия сотни триллионов синапсов их мозга. Если попросить самого искусного на свете манипулятора построить искусственный интеллект с нуля, он лишь недоумённо поднимет брови. Мы предсказываем поведение других, приказывая мозгу мыслить как они. Если мы хотим знать, как поступит разгневанный человек, мы активируем те цепи нашего мозга, которые отвечают за гнев, и полученное в результате действия этих цепей и есть наше предсказание. Как изнутри выглядят нейронные цепи, отвечающие за гнев? Никто не знает. Самый искусный манипулятор — как и лучший легилимент — может вообще не знать, что такое нейроны.

Окклюдент может изобразить всё, что легилимент способен понять. Это одна и та же способность — возможно, за неё отвечают одни

и те же нейронные цепи, общий набор управляющих элементов, перестраивающих наш мозг, чтобы он моделировал мозг другого человека.

Таким образом гонка между телепатическим нападением и телепатической обороной завершилась уверенной победой обороны. Иначе весь магический мир, возможно даже вся Земля, были бы совсем другими...

Гарри сделал глубокий вдох и сконцентрировался. Слегка улыбнулся.

В кои-то веки он не чувствовал себя обделённым при распределении мистических способностей.

После почти месяца работы, подчиняясь скорее внезапному порыву, а не основываясь на реальных подозрениях, Гарри решил вызвать в себе холодную ярость и опять попробовать упражнения из книги по окклюменции. К тому времени он уже почти не надеялся, что это сработает, но попытка не пытка...

Сложнейшие упражнения из книги он проделал за два часа. На следующий день Гарри пошёл к профессору Квирреллу и сказал, что готов.

Как оказалось, его Тёмная Сторона очень, очень хорошо притворяется другими людьми.

Гарри воскресил в памяти, как он впервые полностью ей открылся. Это воспоминание служило ему «спусковым крючком»...

Северус явно был доволен собой. «А что до вас... минус пять баллов. Нет, минус десять баллов с Когтеврана за дерзость».

Улыбка Гарри стала холоднее, он внимательно посмотрел на человека в чёрном, который думал, что сможет прочесть его мысли.

А затем Гарри полностью превратился в другого человека, которому, по его мнению, здесь было самое место.

...он сидел за столом в непримечательной белой комнате без окон напротив человека с ничего не выражающим лицом, одетого в строгую чёрную мантию.

Кимболл Киннисон рассматривал человека в чёрном, который думал, что сможет прочесть мысли ленсмена второй ступени из Галактического патруля*.

Сказать, что Кимболл Киннисон был уверен в исходе, было бы явным преуменьшением. Он учился у Ментора с Аризии, самого блестящего ума в этой и других вселенных, и жалкий волшебник, сидящий напротив него, увидит лишь то, что Серый ленсмен захочет ему показать...

...разум мальчика, которым он сейчас притворялся, невинного ребёнка по имени Гарри Поттер.

— Я готов, — произнёс Кимболл Киннисон робким голосом, который очень подходил одиннадцатилетнему мальчику.

— *Легилименс*, — сказал волшебник в чёрном.

Наступила тишина.

Волшебник в чёрном моргнул, как будто увидел что-то настолько поразительное, что даже *его* веки дрогнули.

— У Мальчика-Который-Выжил есть таинственная Тёмная Сторона?! — Его голос уже не был совершенно невыразительным.

Щёки Гарри медленно залило огнём.

— Ну что ж, — произнёс легилимент, быстро вернувшись к полному спокойствию. — Прошу прощения, мистер Поттер. Знать свои сильные стороны — хорошо, но не стоит их переоценивать. Вы действительно способны научиться окклюменции в одиннадцатилетнем возрасте. Что меня изумляет. Я думал, мистер Дамблдор опять притворяется сумасшедшим. Ваша способность к диссоциации столь сильна, что я был удивлён, не найдя других признаков плохого обращения с вами в детстве. В своё время вы станете превосходным окклюментом. Но даже наличие значительных способностей не даёт оснований ожидать, что вам удастся создать успешный барьер окклюдента с первой попытки. Подобные ожидания просто нелепы. Вы почувствовали что-нибудь, пока я читал ваши мысли?

Гарри покачал головой. Теперь он был красный как рак.

— Будьте внимательней в следующий раз. Цель — не создать убедительный образ в первый же день занятий. Цель — узнать, где находятся ваши поверхности. Готовьтесь.

Гарри попытался опять притвориться Кимболлом Киннисоном, попытался сосредоточиться. Но он был в лёгком замешательстве, и в голове постоянно всплывало то, о чём он не должен был думать...

Ох, сейчас он опять всё сольёт.

Гарри сжал зубы. По крайней мере инструктору сотрут память после урока.

— *Легилименс*.

Наступила тишина...

* * *

...Он сидел в непримечательной белой комнате без окон напротив человека с ничего не выражающим лицом, одетого в строгую чёрную мантию.

Четвёртый день занятий выпал на вечер воскресенья. Когда платишь учителю такие деньги, то заниматься можно в любое, чёрт побери, время, не обращая внимания на такую ерунду, как понятие выходного дня.

— Здравствуйте, мистер Поттер, — невыразительным голосом сказал телепат, после того как произнёс полный набор заклинаний для обеспечения приватности.

— Здравствуйте, мистер Бестер*, — устало ответил Гарри. — Может, в этот раз пропустим первоначальное потрясение?

— Вам удалось меня удивить? — слегка заинтригованно спросил мистер Бестер. — Ну что ж. — Он поднял палочку и посмотрел Гарри в глаза. — *Легилименс*.

Наступила тишина.

Затем волшебник в чёрном вздрогнул, как будто ему наступили на ногу.

— Тёмный Лорд жив?! — выдавил он. Затем глаза телепата резко расширились. — Дамблдор становился невидимым и проникал в спальню для девочек?!

Гарри вздохнул и посмотрел на часы. Опять около трёх секунд...

— Итак, — произнёс мистер Бестер. Его голос ещё не восстановил свою невыразительность полностью. — Вы искренне верите, что откроете секретные законы магии и станете всемогущим.

— Точно, — спокойно сказал Гарри, всё ещё глядя на часы. — Я именно настолько самоуверен.

— Интересно. Кажется, Распределяющая шляпа считает, что вы будете следующим Тёмным Лордом.

— А ещё вы знаете, что я изо всех сил стараюсь им не стать, и вы видели, что у нас уже была длинная дискуссия о том, хотите ли вы учить меня окклюменции, и в конце вы решили, что будете, так что, может, пропустим всё это и двинемся дальше?

— Хорошо, — сказал телепат, как и в прошлый раз, ровно шесть секунд спустя. — Готовьтесь. — Он помолчал, потом с некоторой тоской в голосе добавил: — Хотел бы я запомнить этот трюк с золотом и серебром.

Гарри сильно тревожило, насколько повторимы человеческие мысли, если возвращать людей в исходное состояние и подвергать одним и тем же воздействиям. Это разрушало иллюзии, которых у хорошего редукциониста вообще-то и быть не должно.

* * *

Утром в следующий понедельник Гарри выскочил из класса после урока травоведения в совершенно отвратительном настроении. Кипевшая от негодования Гермиона следовала за ним.

Остальные ученики задержались, увлечённо обсуждая победу Когтеврана во втором матче по квиддичу.

Оказывается, вчера вечером после ужина какая-то девчонка полчаса летала на метле, а затем поймала нечто, напоминающее гигантского комара. Были и другие факты, касающиеся вчерашнего матча, но они не имели большого значения.

Гарри пропустил это волнительное спортивное событие из-за урока окклюменции, да и вообще у него есть дела поважнее.

Он успешно уклонился от разговоров в спальне Когтеврана, благо существовали такие замечательные вещи, как волшебные сундуки и чары тишины.

Он даже завтракал за столом Гриффиндора.

Но Гарри не смог избежать урока травоведения и когтевранцев, обсуждавших матч перед уроком, после урока и даже во время урока, пока Гарри не отвлёкся от детёныша фуркота*, чей подгузник он менял, и не объявил громогласно, что некоторые из присутствующих пытаются изучать растения, а снитчи не растут на деревьях, и почему бы им всем, извините, не заткнуться. На него потрясённо посмотрели все присутствующие, кроме Гермионы, которая чуть ли не аплодировала, и профессора Спраут, которая наградила его баллом Когтеврану.

Балл Когтеврану.

Один балл.

Семь идиотов на своих идиотских мётлах, играющих в идиотскую игру, получили сто девяносто баллов.

Как оказалось, очки квиддича напрямую добавляются к общим баллам факультета.

Другими словами, поимка золотого комара стоила 150 баллов.

Гарри не мог даже представить, что же ему нужно совершить, чтобы заслужить сто пятьдесят баллов. Ну, разве что, спасти сто пятьдесят пуффендуйцев, или предложить пятнадцать столь же хороших идей, как использование защитных оболочек на Маховиках времени, или изобрести тысячу пятьсот творческих способов убийства людей, или просто быть Гермионой Грейнджер целый год.

— Надо их убить, — сказал Гарри Гермионе, шедшей рядом с ним и возмущённой не меньше.

— Кого? — уточнила Гермиона. — Команду по квиддичу?

— Я имел в виду всех имеющих хоть какое-то отношение к квиддичу, но, пожалуй, начать можно и с команды Когтеврана.

Губы Гермионы неодобрительно сжались:

— Гарри, ты же знаешь, что убивать людей плохо?

— Да, — ответил он.

— Хорошо, просто проверила, что ты в курсе, — сказала Гермиона. — Я читала несколько романов Агаты Кристи... Давай начнём с ловца. Есть идеи, как заманить её на поезд?*

— Два ученика планируют убийство, — произнёс вдруг сухой голос. — Куда катится этот мир.

Из-за ближайшего угла выступил мужчина в не очень чистой мантии с засаленными и нечёсанными волосами до плеч. Казалось, от него исходила смертельная опасность. В голову начинали лезть мысли о неправильно приготовленных зельях, случайных падениях и людях, умирающих в постели от причин, которые будут впоследствии определены аврами как «естественные».

Гарри без раздумий заслонил собой Гермиону.

Позади него раздался вздох и мгновенно спустя Гермиона выскочила вперёд и заслонила Гарри.

— Гарри, беги! — крикнула она, — Это мальчиков нужно беречь от опасности.

Северус Снейп холодно улыбнулся:

— Забавно. Прошу уделить мне немного вашего времени, Поттер, если вы в состоянии оторваться от флирта с мисс Грейнджер.

На лице Гермионы внезапно отразилось сильное волнение. Она повернулась к Гарри и хотела что-то сказать, но остановилась в нерешительности.

— О, не стоит беспокоиться, мисс Грейнджер, — вкрадчиво произнёс Северус. — Обещаю вернуть вашего кавалера в целости и сохранности.

Его улыбка исчезла.

— Сейчас мы с Поттером отойдём обсудить кое-что в частном порядке, только он и я. Надеюсь, понятно, что на вас приглашение не распространяется? На всякий случай, считайте это приказом профессора Хогвартса. Я уверен, что такая хорошая маленькая девочка, как вы, не проявит непослушания.

Северус развернулся и направился обратно за угол.

— Идёте, Поттер? — послышался его голос.

— Э-м, — сказал Гарри Гермионе, — можно, я просто пойду за ним, а ты сама придумашь, что мне следовало бы сказать тебе, чтобы ты не очень волновалась и обижалась?

— Нет, — ответила Гермиона дрожащим голосом.

Из-за угла донёсся смех Северуса.

Гарри опустил глаза.

— Извини. Правда, извини.

И ушёл за профессором зельеварения.

* * *

— Итак, — произнёс Гарри. В каменном коридоре не было слышно ничего, кроме шагов двух пар ног, длинных и коротких. Профессор зельеварения шёл быстро, но так, чтобы Гарри мог успевать за ним. Насколько Гарри вообще был способен применять понятие направления внутри Хогвартса, они шли куда-то прочь от тех мест, где обычно бывали люди. — О чём вы хотели поговорить?

— Не думаю, что вы сможете объяснить, — сухо начал Северус, — почему вы двое планировали убийство Чжоу Чанг?

— Не думаю, что вы сможете объяснить, — столь же сухо ответил Гарри, — как официальный представитель системы образования Хогвартса, почему поимка золотого комара считается учебным достижением, достойным ста пятидесяти баллов факультету?

Улыбка тронула губы Северуса.

— Хм, я был более высокого мнения о вашей проницательности. Вы в самом деле не способны понять своих одноклассников, Поттер, или просто настолько их не любите, что даже не пытаетесь? Если бы очки квиддича не шли в зачёт Кубка школы, то практически всем было бы наплевать на эту систему баллов. Она превратилась бы в невразумительное соревнование для учеников вроде вас и мисс Грейнджер.

Поразительно хороший ответ.

От удивления разум Гарри заработал в полную силу.

Учитывая всё известное о профессоре, не было ничего странного в том, что Северус понимал своих учеников, действительно их хорошо понимал.

Он же читал их мысли.

И...

...в книге говорилось, что успешные легилименты встречаются чрезвычайно редко, даже реже, чем первоклассные окклюменты, так как почти никто не обладает достаточной дисциплиной ума.

Дисциплиной ума?!

Некоторое время назад Гарри собирал свидетельства о человеке, который постоянно выходил из себя во время уроков и отрывался на маленьких детях...

...но этот же самый человек, когда Гарри сказал, что Тёмный Лорд всё ещё жив, среагировал мгновенно и достоверно — как человек абсолютно несведущий.

Этот человек крался по Хогвартсу как убийца, излучающий опасность...

...что, конечно же, никогда бы не стал делать настоящий убийца. Настоящие убийцы должны выглядеть, как кроткие маленькие бухгалтеры до тех пор, пока не убьют тебя.

Он был деканом факультета надменного и аристократичного и носил мантию в пятнах от зелий и ингредиентов, которые магия могла бы очистить за пару минут.

Гарри заметил, что пребывает в замешательстве, и оценил возможной угрозы со стороны декана Слизерина выросла астрономически.

Дамблдор считал Северуса своим, и ничто не противоречило этому. Как и обещалось, профессор зельеварения был «страшным, но не жестоким». И, как ранее выяснил Гарри, в основе этого лежала причастность Северуса к «Братству», в котором Гарри была отведена роль Фродо.

Но если бы Северус собирался причинить вред, он, конечно же, не стал бы забирать Гарри на глазах у свидетеля — Гермiony. Он легко мог дожидаться момента, когда Гарри будет один...

Гарри незаметно прикусил губу.

— Когда-то я знал мальчика, который обожал квиддич, — сказал Северус Снейп. — Он был полным идиотом. Что для меня, для нас обоих, неудивительно.

— Вы это к чему? — медленно спросил Гарри.

— Терпение, Поттер.

Северус повернул голову и затем проскользнул своей походкой убийцы в ближайшее ответвление коридора, меньше и уже предыдущего.

Гарри проследовал за ним, размышляя, не будет ли разумнее просто сбежать.

Они повернули, затем повернули ещё раз и зашли в тупик, к обычной пустой стене. Если Хогвартс действительно был построен, а не призван, или наколдован, или порождён, или ещё как-нибудь сотворён, то у Гарри нашлось бы несколько резких слов в адрес архитектора, который придумал коридоры, ведущие в никуда.

— *Квиетус*, — сказал Северус, затем произнёс ещё несколько заклинаний.

Гарри прислонился к стене, скрестил руки на груди, и стал следить за лицом Снейпа.

— Вы смотрите мне в глаза, Поттер? — произнёс Северус Снейп. — Ваши уроки окклюменции не могли зайти так далеко, чтобы вы смогли противостоять легилименции. Но, возможно, вы уже продвинулись достаточно, чтобы обнаружить вмешательство. Я не могу быть уверен, потому и не стану рисковать. — Он слегка улыбнулся. — Полагаю, то же самое можно сказать про Дамблдора, поэтому именно сейчас между нами и возможен этот небольшой разговор.

Брови Гарри невольно поползли вверх.

— Для начала, — проговорил Северус, сверкнув глазами, — я хотел бы получить от вас обещание держать нашу беседу в тайне от всех без исключения. Если кто-то в школе спросит, то мы обсуждали вашу домашнюю работу по зельям. А если вопрос будет исходить от Дамблдора или МакГонагалл, то я выдавал вам секреты Драко Малфоя, и ни вы, ни я не считаем правильным углубляться в детали.

Мозг Гарри попытался просчитать все последствия и выводы из сказанного и столкнулся с нехваткой оперативной памяти.

— Итак? — спросил профессор зельеварения.

— Хорошо, — медленно проговорил Гарри. Участие в разговоре с обещанием держать его в тайне ограничит его не сильнее, чем неучастие с ровно такой же невозможностью рассказать о его содержании. — Обещаю.

Северус пристально смотрел на Гарри.

— Однажды в кабинете директора вы сказали, что не потерпите грубости или издевательств. И мне стало интересно, насколько вы, Поттер, похожи на своего отца?

— Если вы не имеете в виду Майкла Веррес-Эванса, — ответил Гарри, — то я могу вам сказать только то, что я знаю очень мало о Джеймсе Поттере.

Северус кивнул, как будто самому себе.

— На пятом курсе Слизерина есть мальчик по имени Лесат Лестрейндж. Над ним издеваются гриффиндорцы, а я... несколько стеснён в возможностях влиять на подобную ситуацию. Возможно, вы сможете помочь. Если пожелаете. Я не прошу у вас одолжения и не буду ничем вам обязан. Я просто предлагаю вам возможность что-нибудь сделать.

Гарри смотрел на Северуса и размышлял.

— Думаете, это ловушка? — спросил Северус со слабой улыбкой. — Нет, это проверка. Считайте, что мне просто любопытно,

как вы поступите. Но проблемы Лесата совершенно реальны, равно как и сложности, из-за которых я не вмешиваюсь.

Плохо, когда все знают, что ты — хороший парень, подумал Гарри. Даже зная, что они знают, он не мог отказаться от приманки.

И раз его отец тоже защищал учеников от хулиганов... то уже не столь важно, что стоит за просьбой Северуса. Гарри чувствовал внутри тепло и гордость и не мог спокойно уйти.

— Отлично, — сказал он. — Расскажите мне про Лесата. Почему над ним издеваются?

Слабая улыбка исчезла с лица Северуса.

— Вы полагаете, для этого есть причины, Поттер?

— Возможно, их нет, — спокойно ответил Гарри, — мне просто пришла в голову мысль, что, может быть, он столкнулся с лестницы какую-нибудь маловажную грязнокровку.

— Лесат Лестрейндж, — холодно произнёс Северус, — это сын Беллатрисы Блэк, наиболее фанатичной и злобной приспешницы Тёмного Лорда, признанный бастард Рабастана Лестрейнджа. Вскоре после смерти Тёмного Лорда Беллатриса, Рабастан и его брат Родольфус были схвачены, когда они пытались Алису и Фрэнка Лонгботтомов. Все трое получили пожизненное заключение в Азкабане. Лонгботтомы сошли с ума от длительного применения заклинания Круциатус и до сих пор находятся в больнице Святого Мунго, в палате для безнадежно больных. Является ли что-то из перечисленного хорошей причиной для издевательств над Лесатом, Поттер?

— Вовсе нет, — по-прежнему спокойно сказал Гарри. — А сам Лесат не совершал ничего такого, о чём вам было бы известно?

Слабая улыбка вновь коснулась губ Северуса.

— Он не более святой, чем любой из нас. Но он не толкал грязнокровок с лестниц, во всяком случае я об этом не слышал.

— И не видели в его мыслях?

Выражение лица Северуса было по-прежнему холодным.

— Я не нарушал его приватности, Поттер. Но я заглядывал в гриффиндорцев. Он просто удобная цель для их мелочного самоутверждения.

Холодная волна гнева прокатилась по спине Гарри, и ему пришлось напомнить себе, что Северус может и не быть правдивым источником сведений.

— И вы считаете, — произнёс Гарри, — что вмешательство Гарри Поттера, Мальчика-Который-Выжил, может оказаться действенным.

— Именно, — ответил Северус и сообщил Гарри, когда и где гриффиндорцы планируют очередную маленькую забаву.

* * *

Главный коридор третьего этажа Хогwartса проходит через центр замка и направлен по оси «север — юг». В его центре есть небольшое ответвление, которое через дюжину шагов поворачивает под прямым углом, образуя букву «Г», а ещё через дюжину шагов заканчивается около широкого окна. Из этого окна с высоты трёх этажей было видно, как лёгкий дождик поливал восточную часть территории замка. Стоя у окна, нельзя услышать, что происходит в главном коридоре, а из главного коридора нельзя услышать происходящее у окна. Если кто-то думает, что это странно, он слишком мало был в Хогwartсе.

Четыре мальчика в мантиях с красной оторочкой громко смеялись. Мальчик в мантии с зелёной оторочкой кричал и отчаянно пытался уцепиться за края окна, в которое его пытались вытолкнуть эти четверо. Конечно, это была всего лишь шутка. Кроме того, падение с такой высоты не убьёт волшебника. Все развлекаются. Если кто-то думает, что это странно...

— Что вы делаете?! — раздался голос шестого мальчика.

Четвёрка в мантиях с красной оторочкой резко развернулась. Мальчик в мантии с зелёной оторочкой отчаянно рванулся внутрь и свалился на пол. Его лицо блестело от слёз.

— А, — с облегчением произнёс самый красивый из четверки, — это ты. Эй, Лесси, знаешь, кто это?

Мальчик на полу не ответил, пытаясь совладать со всхлипами, и говоривший занёс ногу, чтобы его пнуть.

— Прекрати! — крикнул шестой мальчик.

Уже занёсший ногу мальчик в мантии с красной оторочкой покачнулся.

— Гм, — произнёс он, — а ты-то знаешь, кто это?

— Лесат Лестрейндж, — ответил шестой мальчик, тяжело дыша, — и он ничего не сделал моим родителям, ему было всего пять лет.

* * *

Невилл Лонгботтом не сводил глаз с четырёх огромных хулиганов-пятикурсников и изо всех сил старался унять дрожь.

Надо было просто сказать Гарри Поттеру «нет».

— Почему ты защищаешь его? — красавчик явно был сбит с толку, но это не помешало ему тут же перейти в нападение. — Он слизеринец. И Лестрейндж.

— Он потерял родителей, — ответил Невилл. — Я знаю, каково это.

Он сам не понял, откуда у него взялись слова. Прозвучало довольно клёво, так мог бы сказать Гарри Поттер.

Дрожь, впрочем, не прошла.

— Да кем ты себя возомнил? — уже сердито спросил красавчик.

Я — Невилл, последний из Благородного и Древнейшего Дома Лонгботтмов...

Он не произнёс это вслух.

— Я думаю, что он предатель, — заявил кто-то из гриффиндорцев. У Невилла душа ушла в пятки.

Он знал, он знал, что так всё и будет. Гарри Поттер ошибся. Хулиганы не остановятся просто потому, что их попросил Невилл Лонгботтом.

Красавчик сделал шаг вперёд, остальные шагнули за ним.

— Вот оно что, — произнёс Невилл, сам удивлённый твёрдостью своего голоса. — Вам всё равно, над кем издеваться — над Лесатом Лестрейнджем или Невиллом Лонгботтомом.

С пола донёсся всхлип Лесата.

— Зло есть зло, — прорычал тот, кто назвал Невилла предателем. — И если ты друг злодея, ты тоже злодей.

Четвёрка сделала ещё шаг вперёд.

Лесат, покачиваясь, встал на ноги. Его лицо было серым. Он молча проковылял пару шагов и прислонился к стене. Его глаза не отрываясь смотрели на поворот коридора, путь к спасению.

— Друг, — произнёс Невилл. — Да, у меня есть друзья. Один из них — Мальчик-Который-Выжил.

Пара гриффиндорцев беспокойно переглянулись. Красавчик даже не поморщился.

— Гарри Поттера здесь нет, — резко сказал он, — а если бы он здесь был, вряд ли бы ему понравилось, что Лонгботтом защищает Лестрейнджа.

Гриффиндорцы сделали ещё шаг. Сзади них вдоль стены крался Лесат, выжидая свой шанс.

Невилл сглотнул и поднял правую руку с соединёнными большим и указательным пальцами.

Закрыв глаза — он обещал Гарри Поттеру не подглядывать.

Если это не работает, он больше никогда никому не будет доверять.

Учитывая происходящее, сказанные им слова прозвучали на удивление чётко:

— Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес. Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес. Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес. Твоим долгом мне и силой твоего истинного имени заклинаю тебя, открываю путь для тебя, приказываю предстать передо мной.

Невилл щёлкнул пальцами.

И открыл глаза.

Лесат Лестрейндж удивлённо смотрел на него.

Четвёрка гриффиндорцев удивлённо смотрела на него.

Красавчик засмеялся. Остальные трое его поддержали.

— Гарри Поттер должен был выйти из-за угла или что-то типа того? — спросил красавчик. — О. Кажется, тебя подвели.

Он угрожающе шагнул к Невиллу.

Остальные трое дружно последовали за ним.

— Эхем, — произнёс Гарри Поттер из-за их спин. Он стоял, прислонившись к стене у окна, в тупике коридора, куда никто не мог пройти незамеченным.

Если вид кричащих людей всегда доставляет столько удовольствия, то нет ничего удивительного в том, что многие становятся хулиганами.

Гарри Поттер уверенно двинулся вперёд и встал между Лесатом Лестрейнджем и остальными. Обвёл ледяным взглядом гриффиндорцев. В итоге его глаза остановились на красавчике-вожаке.

— Мистер Карл Слопер, — произнёс Гарри Поттер. — Полагаю, я полностью понимаю, что здесь происходит. Если даже Лесат когда-либо совершил хотя бы одно злодеяние, кроме как родился не у тех родителей, вы об этом ничего не знаете. Если я ошибаюсь, мистер Слопер, предлагаю вам разубедить меня прямо сейчас.

По лицам остальных Невилл понял, что они напуганы. Да он и сам был напуган. Гарри заявил, что всё это будет розыгрышем, но как он смог это сделать?

— Но он — Лестрейндж, — сказал вожак.

— Он потерял родителей, — ещё более холодным голосом возразил Гарри Поттер.

В этот раз вздрогнули все гриффиндорцы, кроме вожака.

— Итак, — продолжил Гарри Поттер. — Вы убедились, что Невилл не хочет, чтобы вы мучили невинного от имени Лонгботто-

мов. Если я скажу вам, что Мальчик-Который-Выжил тоже считает, что вы не правы, и что сегодня вы совершили ужасную ошибку, это будет иметь значение?

Вожак сделал шаг к Гарри.

Остальные не сдвинулись с места.

— Карл, — сглотнув, сказал один из них. — Может, нам стоит уйти...

— Говорят, ты собираешься стать новым Тёмным Лордом, — не сводя глаз с Гарри, заявил вождь.

Гарри Поттер усмехнулся.

— Говорят, я тайно помолвлен с Джиневрой Уизли, и есть прощество, что мы завоюем Францию. — Улыбка исчезла. — Если уж вы так хотите, мистер Карл Слупер, я могу выразиться более ясно. Оставьте Лесата в покое. В противном случае я об этом узнаю.

— Так это Лесси тебе настучал, — холодно сказал вождь.

— Точно, — сухо ответил Гарри Поттер, — и он также сказал мне, что вы сегодня делали после урока заклинаний в закрытой уединённой комнате, где вас никто не мог увидеть, с некоей девушкой из Пуффендуя, у которой была белая лента в волосах...

У вожака отвисла челюсть.

Один из гриффиндорцев испуганно вскрикнул, развернулся и скрылся за углом. Частые звуки его шагов быстро удалились и пропали.

И их осталось шестеро.

— О, — произнёс Гарри Поттер. — вот ушёл довольно сообразительный молодой человек. Остальным не мешало бы последовать примеру Бертрама Кирка, прежде чем они попадут, так сказать, в неприятности.

— Ты угрожаешь на нас настучать? — судя по всему, красавчик из Гриффиндора хотел, чтобы это прозвучало грозно, но мешала дрожь в голосе. — Со стукачами случаются плохие вещи.

Двое других гриффиндорцев попятнулись.

Гарри Поттер расхохотался.

— Вы это серьёзно? Вы правда пытаетесь мне угрожать? Скажите честно, вы думаете, что вы страшнее Перегринна Деррика, Северуса Снейпа, или, раз уж об этом зашла речь, Сами-Знаете-Кого?

Тут вздрогнул даже вождь.

Гарри Поттер поднял руку со сложенными пальцами. Троица гриффиндорцев отшатнулась. У одного из них вырвалось:

— Не надо!..

— Понимаете, — произнёс Гарри Поттер, — если я щёлкну пальцами, вы станете персонажами весёлой и увлекательной истории, над которой все будут нервно хохотать сегодня за ужином. Но дело в том, что уважаемые мной люди просят меня не прибегать к этому приёму. Профессор МакГонагалл сказала, что я всегда выбираю слишком лёгкий путь, а профессор Квиррелл — что мне нужно научиться проигрывать. Так что... Помните, как я позволил побить себя несколькими старшекурсникам из Слизерина? Мы можем это повторить. Вы поиздеваетесь некоторое время надо мной, а я не буду сопротивляться. Единственное — помните, как в конце я попросил своих многочисленных друзей ничего не предпринимать по этому поводу? В этот раз мы пропустим эту часть. Так что вперёд. Побейте меня.

Гарри Поттер шагнул им навстречу и развёл руки в приглашающем жесте.

Трое гриффиндорцев не выдержали и бросились наутёк. Невилл еле успел сделать шаг в сторону, чтобы его не сбили с ног.

Какое-то время тишину нарушал только их топот, а затем стих и он.

И их осталось трое.

Гарри Поттер сделал глубокий вдох, затем — выдох:

— Уфф. Невилл, ты как?

— В норме. Это было очень круто, — сдавленно пропищал Невилл.

Гарри широко улыбнулся.

— Знаешь, ты тоже был довольно крут.

Невилл понимал, что Гарри Поттер просто хочет его подбодрить, но в груди всё равно приятно потеплело.

Гарри повернулся к Лесату Лестрейнджу...

— Лестрейндж, ты как? — спросил Невилл, опередив Гарри.

Он не мог и предположить, что когда-либо скажет подобные слова.

Лесат Лестрейндж медленно повернулся и пристально посмотрел на Невилла. Он больше не плакал, но на его окаменевшем лице блеснули дорожки слёз.

— Думаешь, ты знаешь, каково это? — голос Лесата дрожал. — Думаешь, ты знаешь?! Мои родители в Азкабане! Я пытаюсь не думать об этом, а они продолжают напоминать мне. Они считают, это замечательно, что мать находится в холодной и тёмной камере, и дементоры высасывают из неё жизнь. Я хотел бы быть, как Гарри Поттер, по крайней мере его родители не страдают. Мои родители страдают всегда, каждый день, каждую секунду. Я хотел бы быть, как ты, ты можешь иногда видеть своих родителей, ты знаешь, что

они любили тебя. Если моя мать когда-то меня и любила, то дементоры уже съели эту любовь...

Невилл остолбенел, он совсем не ожидал услышать такой ответ.

Лесат повернулся к Гарри Поттеру, глаза которого расширились от ужаса.

Бросился перед ним на колени, коснулся земли лбом и прошептал:

— Помогите мне, повелитель.

Наступила ужасная тишина. Невилл совершенно не знал, что сказать, и Гарри, судя по его потрясённому лицу, — тоже.

— Говорят, вы можете всё. Пожалуйста, умоляю, мой лорд, спасите моих родителей из Азкабана. Я вечно буду вашим верным слугой, моя жизнь и моя смерть будут принадлежать вам, только, пожалуйста...

— Лесат, — срывающимся голосом произнёс Гарри, — Лесат, я не могу, я не способен это сделать, всё, что я могу — лишь дурацкие фокусы...

— Нет! — отчаянно вскрикнул Лесат, — Я видел, всё правда, вы можете их спасти!

Гарри глотнул.

— Лесат, мы всё это устроили вместе с Невиллом, мы спланировали всё заранее, спроси его!

Так и было, хотя Гарри не объяснил, как он будет выполнять свою часть...

Лесат оторвал лицо от пола. Оно оказалось мертвенно-бледным. Его крик резанул Невилла по ушам:

— Грязнокровкин сын! Ты можешь спасти её, просто не хочешь! Я встал перед тобой на колени, я умолял тебя, а ты не хочешь помочь! Я должен был знать, ты — Мальчик-Который-Выжил, ты считаешь, что она там и должна быть!

— Я не могу! — Гарри кричал так же отчаянно, как и Лесат. — Не важно, хочу ли я, это не в моей власти!

Лесат вскочил, плюнул Гарри под ноги, развернулся и ушёл. Когда он повернул за угол, судя по звуку, его шаги ускорились. Невиллу показалось, что он различил среди них тихий всхлип.

И их осталось двое.

Невилл посмотрел на Гарри.

Гарри посмотрел на Невилла.

— М-да, — тихо сказал Невилл. — Кажется, он не сильно обрадовался, что его спасли.

— Он думал, что я ему помогу, — хрипло ответил Гарри. — В первый раз за эти годы у него появилась надежда.

Невилл сглотнул.

— Извини.

— Что? — Гарри был полностью сбит с толку.

— Я не поблагодарил тебя, когда ты мне помог...

— Всё, что ты мне наговорил тогда, — было совершенно правильно, — сказал Мальчик-Который-Выжил.

— Нет, — возразил Невилл, — не всё.

Мальчики обменялись печальными, снисходительными улыбками.

— Я знаю, что в реальной жизни ничего бы не получилось, — произнёс Невилл. — Я бы ничего не смог, если бы тебя тут не было. Но спасибо за то, что дал мне сыграть эту роль.

— Ну всё, хватит, — сказал Гарри.

Он повернулся спиной к Невиллу и некоторое время смотрел на мрачные облака за окном.

К Невиллу пришла сумасшедшая мысль.

— Ты чувствуешь себя виноватым, потому что не можешь вытащить родителей Лесата из Азкабана?

— Нет, — ответил Гарри.

Прошло несколько секунд.

— Да, — сказал он.

— Это глупо, — заметил Невилл.

— Я в курсе.

— Тебе что, обязательно делать буквально всё, о чём тебя попросят?

Мальчик-Который-Выжил повернулся обратно и посмотрел Невиллу в глаза.

— Делать? Нет. Чувствовать себя виноватым за то, что не сделал? Да.

Невиллу не хватало слов.

— После смерти Тёмного Лорда Беллатриса Блэк была в буквальном смысле самым плохим человеком в мире. Ещё до того, как её отправили в Азкабан. Она запытала моих отца и мать до потери рассудка, потому что хотела узнать, что случилось с Тёмным Лордом...

— Я знаю, — тихо сказал Гарри. — Я понимаю, но...

— Нет! Не понимаешь! В тот раз у неё были причины, а мои родители были аврорами! Это далеко не худшее из того, что она успела совершить! — голос Невилла дрожал.

— Пусть так, — глаза Мальчика-Который-Выжил расфокусировались, как будто он смотрел куда-то вдаль на что-то, незримое для Невилла. — Но, возможно, есть какое-то ужасно умное ре-

шение, которое позволит спасти всех и все после этого будут жить долго и счастливо. И, может, будь я в самом деле умён, я бы его уже нашёл...

— У тебя проблемы, — сказал Невилл. — Ты думаешь, что должен быть таким, каким тебя представляет Лесат.

— Ага, — ответил Мальчик-Который-Выжил. — В общем так и есть. Каждый раз, когда кто-то взывает ко мне, а я не могу ответить, я чувствую вину за то, что я не Бог.

Невилл не совсем понял его, хотя...

— Что-то в этом неправильно.

Гарри вздохнул.

— Я в курсе, что у меня есть проблема, и я представляю, как с ней справиться. Я работаю над этим.

* * *

Гарри смотрел Невиллу вслед.

Конечно, Гарри не сказал, что решение уже есть — нужно поскорее стать богом.

Шаги Невилла удалились, в коридоре стало тихо.

И он остался один.

— Эхем, — раздался голос Северуса Снейпа прямо у Гарри за спиной.

Гарри вскрикнул и тут же себя за это возненавидел.

Он медленно повернулся.

Высокий неопрятный мужчина в грязной мантии стоял, прислонившись к стене в той же позе, что и Гарри некоторое время назад.

— Отличная мантия-невидимка, Поттер, — растягивая слова произнёс профессор зельеварения. — Это многое объясняет.

Ох ты ж блин!

— Может, я находился в компании Дамблдора слишком долго, — сказал Северус, — но не могу не спросить, это Мантия невидимости?

Гарри моментально превратился в кого-то, кто никогда не слышал про Мантию невидимости и кто был в точности так же умён, как, по мнению Гарри, думал о нём Северус.

— Вполне возможно, — ответил Гарри, — Полагаю, вы понимаете, что из этого следует?

Северус снисходительно хмыкнул.

— Понятия не имеете о чём речь, верно, Поттер? Довольно неуклюжая попытка узнать больше.

(Однажды во время совместного ужина профессор Квиррелл отметил, что при обсуждении опасных тем Гарри лучше придумать что-нибудь получше его обычного приёма с непроницаемым лицом, и рассказал про обман первого уровня, второго и так далее. Таким образом, или Северус представлял себе Гарри как игрока первого уровня, что ставило самого Северуса на второй уровень, и тогда трёхуровневый ход Гарри был успешен. Или Северус был игроком четвёртого уровня и хотел, чтобы Гарри думал, что обман прошёл. В тот раз Гарри, улыбаясь, спросил Квиррелла, на каком уровне играет он сам, и профессор, тоже с улыбкой, ответил: «На один уровень выше, чем вы».)

— Значит, вы наблюдали всё это время, — произнёс Гарри. — «Разнаваждение», вроде бы это так называется.

Сдержанная улыбка.

— Было бы глупо с моей стороны допустить для вас хоть малейший риск.

— И вы хотели узнать результат своей проверки из первых рук, — отметил Гарри. — Итак, похож ли я на своего отца?

Странное печальное выражение, казавшееся инородным, появилось на лице Снейпа:

— Я бы сказал, Гарри Поттер, что вы скорее напоминаете...

Северус вдруг остановился.

И пристально посмотрел на Гарри.

— Лестрейндж назвал вас сыном грязнокровки, — медленно произнёс Северус. — Мне показалось, это вас не сильно задело.

Гарри нахмурил брови.

— Учитывая обстоятельства, нет.

— Вы только что помогли ему, — сказал Северус, не отводя взгляд от Гарри. — А он бросил эти слова вам в лицо. Конечно, вы не сможете просто так простить подобное обращение.

— Он только что прошёл через довольно неприятное испытание, — ответил Гарри. — И сомнительно, чтобы то, что его спас первокурсник, пошло на пользу его гордости.

— Полагаю, вам легко простить, — продолжил Северус, его голос звучал странно, — потому что Лестрейндж ничего для вас не значит. Просто какой-то незнакомый слизеринец. Если бы он был вам другом, возможно, его слова задели бы вас сильнее.

— Если бы он был другом, — ответил Гарри, — у меня было бы ещё больше причин простить его.

Молчание длилось долго. Гарри не мог сказать, откуда и почему, но он чувствовал, как воздух вокруг наполнился ужасным

давлением, как будто его захлестнуло водой, которая продолжала подниматься всё выше и выше.

Затем Северус улыбнулся, внезапно расслабившись, и всё давление исчезло.

— Вы человек, который очень легко прощает, — сказал Северус, всё ещё улыбаясь. — Полагаю, вы научились этому у вашего приёмного отца, Майкла Веррес-Эванса.

— Скорее, это была папина коллекция научной фантастики и фэнтези, — заметил Гарри. — Что-то вроде моего пятого родителя. Я прожил жизни всех персонажей из моих книг, и вся их мудрость звучит в моей голове. Мне кажется, где-то среди них был герой, похожий на Лесата, хоть я и не могу сказать, кто именно. Мне было нетрудно представить себя на его месте. И книги подсказали мне, как поступить. Хорошие парни умеют прощать.

Северус издал короткий удивлённый смешок.

— Боюсь, я не слишком много знаю о том, как поступают хорошие парни.

Гарри взглянул на него. Было печально услышать подобное признание.

— Если хотите, я могу одолжить вам несколько книг про хороших парней.

— Мне бы хотелось спросить вашего совета, — произнёс Северус уже обычным тоном. — Я знаю ещё одного пятикурсника из Слизерина, которого обижали гриффиндорцы. Он добивался расположения красивой маглорождённой девушки, которая однажды увидела, как его мучают, и попыталась спасти от хулиганов. Он назвал её грязнокровкой, и это был конец их отношений. Он извинялся много раз, но она так и не простила его. Как вы думаете, что он мог бы сказать или сделать, чтобы заслужить прощение, подобное тому, что вы дали Лестрейнджу?

— Э-э-э, — выдавил Гарри, — основываясь лишь на этой информации, я не думаю, что проблема была только в нём. Я бы посоветовал ему не встречаться с девушкой, настолько неспособной к прощению. Допустим, они поженились, можете ли вы представить жизнь в такой семье?

Возникла пауза.

— Но ведь она умела прощать, — удивился Северус, — иначе почему впоследствии она стала девушкой того хулигана? Скажите мне, почему она простила хулигана, а не того, кто был обижен?

Гарри пожал плечами.

— Навскидку, потому, что хулиган сильно ранил кого-то другого, а обиженный хоть и слегка, но ранил её саму. В общем, по какой-то причине для неё это оказалось гораздо менее простительным. Впрочем, стоит ли копать слишком глубоко? Был ли хулиган красив? Или богат?

Возникла очередная пауза.

— «Да» по обоим пунктам, — ответил Снейп.

— Ну вот и ответ, — кивнул Гарри. — Я никогда не учился в старших классах, но мои книги говорят о существовании определённого сорта юных девушек, которые будут в ярости от единственной обиды, полученной от бедного невзрачного паренька, но которые могут найти место в своём сердце для прощения богатого и красивого хулигана. Другими словами, она была поверхностной. Передайте ему, кто бы он ни был, что она не стоит его. Ему нужно преодолеть это чувство и двигаться дальше, встречаясь с девушками, которые не столь прелестны, сколь содержательны.

Северус сверлил Гарри взглядом, его глаза сверкнули. Улыбка погасла, и хотя лицо Снейпа дёрнулось, ему так и не удалось её вернуть.

Гарри забеспокоился.

— Э-э-э, не то чтобы у меня самого был опыт в этой области, по очевидным причинам, но я думаю, что мудрый советчик из моих книг сказал бы именно так.

Снова молчание и снова сверкание глаз.

Возможно, это подходящий момент для смены темы.

— Так я прошёл вашу проверку? — спросил Гарри.

— Думаю, — промолвил Северус, — между нами более не состоится разговоров, Поттер, и с вашей стороны будет чрезвычайно мудро никогда не касаться сегодняшней темы.

Гарри моргнул.

— Не могли бы вы сказать, что я сделал не так?

— Вы оскорбили меня, — сообщил Северус, — и я больше не доверяю вашим познаниям.

Застигнутый врасплох Гарри не отводил глаз от Снейпа.

— Но вы дали мне совет из лучших побуждений, — продолжил Северус, — потому и я дам вам искренний совет.

Его голос был почти абсолютно ровным. Как струна, несмотря на огромную тяжесть, подвешенную к её середине, натянутая ровно благодаря миллиону тонн веса, приложенного к её концам.

— Сегодня вы чуть не умерли, Поттер. В будущем никогда не спешите делиться своей мудростью, пока не будете точно понимать, о чём говорит ваш собеседник.

Разум Гарри наконец-то уловил связь.

— Так это вы...

Он заткнул свой рот, когда «чуть не умерли» дошло до него. На две секунды позже, чем нужно.

— Да, — ответил Северус, — я.

И ужасное давление вновь захлестнуло комнату, как будто они оказались на дне океана.

Гарри не мог дышать.

Проиграй. Сейчас же.

— Я не знал, — прошептал Гарри, — Прос...

— Нет, — оборвал Северус.

Гарри стоял в тишине, его разум судорожно искал варианты. К сожалению, Северус стоял между ним и окном, падение из которого не убьёт никакого волшебника.

— Ваши книги предали вас, Поттер, — промолвил Северус, тем же голосом, ровно натянутым чудовищной тяжестью. — Они не сообщили вам кое-что очень важное. Из книг невозможно научиться тому, что значит потерять любимого человека. Это просто невозможно понять, не пережив самому.

— Мой отец, — прошептал Гарри. Это была его лучшая догадка, единственное, что могло его спасти. — Мой отец пытался защитить вас от хулиганов.

Жуткая улыбка растянула лицо Северуса, и он двинулся к Гарри.

К нему и мимо него.

— До свидания, Поттер, — обронил Северус, не оглядываясь. — Отныне мы мало что можем сказать друг другу.

Рядом с углом коридора он остановился и, не поворачиваясь, сказал последнюю фразу.

— Ваш отец был тем хулиганом, а что ваша мать находила в нём, я никак не мог понять до сегодняшнего дня.

Он ушёл.

Гарри повернулся и подошёл к окну. Его дрожащие руки легли на карниз.

Никогда не давай мудрых советов, пока не будешь точно понимать, о чём говорит твой собеседник. Понял.

Какое-то время Гарри глазел на облака и на лёгкую морось. Окно выходило на восточную сторону, был день, и даже если бы солнце виднелось через облака, Гарри не смог бы его увидеть.

Его руки перестали дрожать, но грудь всё равно будто сжимали металлические обручи.

Значит, его отец был хулиганом.

А его мать была поверхностной.

Возможно, они переросли это. Хорошие люди, вроде профессора МакГонагалл, похоже, высоко их ценили и, наверное, не только из-за их героической жертвы.

Конечно, это было слабым утешением для одиннадцатилетнего мальчика, который вскоре превратится в подростка и уже задумывается, каким именно подростком он может стать.

Так ужасно.

Так печально.

Какая у Гарри отвратительная жизнь.

Узнав, что его биологические родители не были совершенны, пожалуй, он имеет право похандрить, жалея самого себя.

Возможно, ему стоит пожаловаться Лесату Лестрейнджу.

Гарри читал про дементоров. Холод, тьма и страх окружали их, они высасывали все счастливые мысли, и в этой пустоте оставались лишь худшие воспоминания.

Он мог вообразить себя на месте Лесата, знающего, что его родители проведут в Азкабане всю жизнь, там, откуда никому не удавалось сбежать.

Наверное, и Лесат представляет себя на месте матери, в холоде, тьме и страхе, наедине со своими худшими воспоминаниями, даже во сне, каждую секунду каждого дня.

На мгновение Гарри представил своих маму и папу в Азкабане, окружённых дементорами, высасывающими их жизни, вытягивающими счастливые воспоминания об их любви к нему. Только на мгновение, прежде чем воображение выбило предохранитель и вызвало экстренное выключение системы, попросив больше никогда не воображать такое.

Правильно ли так поступать с кем-либо, пусть даже со вторым злейшим человеком в мире?

Нет, — отозвалась мудрость книг Гарри, — *только если нет другого выхода, любого другого выхода.*

И если система правосудия в мире волшебников не была столь же совершенна, как их тюрьмы (принимая во внимание всё, что было известно Гарри, это казалось довольно маловероятным) — где-то в Азкабане находился совершенно невиновный человек и, возможно, не один.

В горле у Гарри засадило, в глазах появилась влага, он захотел телепортировать всех узников Азкабана куда-нибудь в безопасное место и вызвать с неба огонь, чтобы стереть это ужасное место с лица земли. Но он не мог, потому что не был богом.

И Гарри вспомнил слова, сказанные Квирреллом под звёздным небом: *«Иногда, когда мне становится особенно ненавистен этот испорченный мир, я задаюсь вопросом: может, где-то там, вдали, есть более подходящее для меня место? Но звёзды так далеки... И какие бы сны я увидел, если бы спал так долго?»*

Сейчас этот испорченный мир казался особенно ненавистным.

Но Гарри так и не мог до конца понять слова профессора, словно то был голос пришельца или Искусственного Интеллекта, кого-то, кто был устроен настолько по-другому, что мозг Гарри невозможно было заставить работать в таком режиме.

Нельзя покидать родную планету, пока на ней есть такое место, как Азкабан.

Нужно остаться и принять бой.

Глава 28

Редукционизм

Всё, что может пойти к Роулинг, пойдёт к Роулинг*.

- **П**адно, — сглотнул Гарри. — Всё, Гермиона, достаточно, можно прекращать.

Белые сахарные таблетки перед ней так и не изменили ни цвета, ни формы, хоть она и сосредоточилась как никогда раньше: глаза крепко зажмурены, по лбу струится пот, рука с палочкой дрожит...

— Гермиона, хватит! Ничего не выйдет. Думаю, невозможно сотворить то, что ещё не существует.

Гермиона медленно ослабила хватку на палочке.

— Мне показалось, — еле слышно прошептала она. — Мне на секунду показалось, что трансфигурация начала получаться.

У Гарри застрял комок в горле.

— Скорее всего, это игра воображения. Ты слишком сильно надеялась.

— Наверное, — сказала Гермиона. Было ощущение, что она сейчас расплатится.

Гарри медленно взял механический карандаш, потянулся к листку бумаги со списком, почти все пункты которого были вычеркнуты, и провёл линию поверх ещё одного: «ЛЕКАРСТВО ОТ БОЛЕЗНИ АЛЬЦГЕЙМЕРА».

Трансфигурированную таблетку, конечно, принимать нельзя. Но трансфигурация, во всяком случае та, которой они занимаются, не позволяет превращать предметы в волшебные — из простой метлы сделать летающую невозможно. Поэтому, если бы у Гермионы получилась таблетка, то совершенно неволшебная, действующая по вполне материальным причинам. Можно было бы тайком отправить такие таблетки в магловскую научную лабораторию, чтобы там их изучили и попытались разобраться, из чего они состоят, прежде чем трансфигурация закончится... В остальном мире никто бы и не узнал, что здесь замешана магия, просто очередной научный прорыв...

Волшебникам такая идея в голову бы не пришла. Какие-то там атомные структуры были недостойны их внимания, а неволшебные вещи не считались хоть сколько-то ценными. Немагическое — значит неинтересное.

Ранее, в тайне ото всех — он даже Гермионе не сказал — Гарри попытался трансфигурировать наномашины в духе Эрика Дрекслера*. (Конечно, он пытался создать только настольный нанозавод, а не маленьких самовоспроизводящихся сборщиков. Гарри не был сумасшедшим.) В случае успеха до божественности оставался бы один шаг.

— На сегодня ведь всё? — спросила Гермиона. Она откинулась на спинку кресла и запрокинула голову. На её лице читалась усталость, что было довольно необычно — Гермиона любила притворяться неутомимой, по крайней мере в присутствии Гарри.

— Ещё один опыт, — осторожно ответил Гарри, — но простой, к тому же он в самом деле может сработать. Я оставил его напоследок, в надежде закончить на оптимистической ноте. Эта штука реальна, не то что фазеры*. Её уже воспроизводили в лаборатории, в отличие от лекарства от болезни Альцгеймера. И это просто материал, а не что-то конкретное, вроде утерянных книг, копии которых ты пыталась трансфигурировать. Я нарисовал для тебя схему молекулярной структуры. Наша цель — сделать её длиннее, чем удавалось другим, и чтобы трубки были сонаправлены, а концы — закреплены в алмазах.

Гарри протянул Гермионе лист бумаги.

Она села прямо, взяла лист и, нахмурившись, принялась за изучение.

— Это всё атомы углерода? И, Гарри, как оно называется? Я ничего не смогу трансфигурировать, если не буду знать название.

Гарри скривился. Ему до сих пор было трудно привыкнуть к этому. Зачем знать названия вещей, если ты знаешь как они устроены?

— Это бакитрубки — углеродные нанотрубки — разновидность фуллерена, которую открыли только в этом году. В сто раз прочнее стали и в шесть раз легче.

Гермиона удивлённо посмотрела на Гарри.

— В самом деле?

— Да, — кивнул Гарри, — просто их трудно получить с помощью магловских технологий. Если у нас будет достаточно этого материала, то мы сможем построить космический лифт до геосинхронной орбиты или даже выше и, учитывая выигрыш в скорости, будем, фактически, на полпути в любую точку Солнечной системы. Вдобавок мы сможем разбрасывать спутники для сбора солнечной энергии как конфетти.

Гермиона снова нахмурилась:

— Эти штуки безопасны?

— Не вижу причин, почему нет, — ответил Гарри. — Бакитрубка, по сути, просто графитовая плоскость, свёрнутая в цилиндрическую трубку; а графит — то же вещество, которое используется в карандашах.

— Я прекрасно знаю, что такое графит, Гарри, — сказала Гермиона, не отрываясь от листа, и машинально откинула волосы со лба.

Гарри сунул руку в карман мантии и достал белую нитку, к концам которой были привязаны два маленьких серых пластиковых кольца. Он добавил по капле суперклея в те места, где нитка перевязывала кольцо, чтобы объект получился цельным, и трансфигурировать его можно было тоже целиком. Цианоакрилат, если Гарри правильно помнил, образовывал ковалентные связи, то есть предметы были соединены настолько крепко, насколько это вообще возможно в мире, состоящем из отдельных крошечных атомов.

— Когда будешь готова, — сказал Гарри, — попытайся трансфигурировать это в набор параллельных бакитрубок, встроенных в два алмазных кольца.

— Хорошо, — медленно проговорила Гермиона. — Гарри, мне кажется, мы что-то упускаем.

Гарри беспомощно пожал плечами. «Может быть, ты просто устала». Он знал, что говорить этого вслух не стоит.

Гермиона приложила палочку к одному из пластиковых колец и некоторое время смотрела на него.

На столе лежали два сверкающих алмазных кружка, соединённых длинной чёрной нитью.

— Изменилось, — констатировала Гермиона. Похоже, она старалась подбавить в голос энтузиазма, но энергии на это уже не хватало. — Что теперь?

Из-за упаднического настроения Гермионы Гарри тоже чувствовал себя несколько не в своей тарелке, но он старательно это скрывал, надеясь развеять её уныние: вдруг это работает и в обратном направлении?

— А теперь я проверю, удержит ли она нужный вес.

Ранее Гарри установил в классе большую раму в форме буквы «А» для проведения эксперимента с алмазными прутьями. Нет ничего сложного в том, чтобы создавать с помощью трансфигурации предметы из цельного алмаза, просто они недолговечны. Целью эксперимента было проверить, можно ли, трансфигурировав длинный алмазный прут в короткий алмазный прут, поднять что-то тяжёлое

за счёт укорачивания, то есть трансфигурировать наперекор силе натяжения, и оказалось, что можно.

Гарри осторожно надел одно из алмазных колечек на металлический крюк на кончике рамы, а на второе кольцо нацепил толстый металлический кронштейн, после чего принялся складывать на него гирьки.

(Наколдовать эту конструкцию Гарри попросил близнецов Уизли, которые наградили его недоверчивыми взглядами, будто прикидывали, какой розыгрыш может потребовать чего-то подобного, но выполнили просьбу без вопросов. Трансфигурация, сказали они, будет действовать около трёх часов, так что у Гарри и Гермионы было ещё полно времени.)

— Сто килограммов, — объявил Гарри через минуту. — Не думаю, что стальная нить такой же толщины столько выдержит. Эта должна удержать куда больше, но у меня закончились гири.

И снова тишина.

Гарри выпрямился и подошёл к столу, сел на стул и церемонно поставил галочку рядом с бакитрубкой:

— Вот. Этот получился.

— Но разве от неё есть польза, Гарри? — Гермиона сидела, подперев голову руками. — В том смысле, что даже если мы передадим эту нить учёным, они не научатся производить бакитрубки в промышленных масштабах.

— Может, чему-то они всё-таки научатся, — возразил Гарри. — Гермиона, ну ты посмотри на неё. Тоненькая нить, на которой висит такой вес — мы только что сделали штуку, которую не могут воспроизвести ни в одной магловской лаборатории...

— Но может наколдовать любая ведьма, — вздохнула Гермиона. В её голосе теперь отчётливо слышалась усталость. — Гарри, мне кажется, ничего у нас не получится.

— Ты про наш роман? — уточнил Гарри. — Отлично! Давай разорвём отношения.

Она слабо улыбнулась.

— Я про наши исследования.

— О, Гермиона, как ты можешь?!

— Ты очень мил, когда вредничаешь, — сказала она. — Но, Гарри, это всё полная чушь. Мне двенадцать, тебе одиннадцать, глупо думать, что мы откроем то, что никому ещё не известно.

— И ты предлагаешь бросить разгадывать тайны магии, позанимавшись этим меньше месяца? — подзадорил её Гарри, хотя и сам уже начинал чувствовать ту же усталость. Ни одна из действительно хороших идей не сработала. Он сделал лишь одно значимое откры-

тие — про менделевскую схему наследования магии, — но не мог рассказать о нём Гермione, не нарушив данное Драко слово.

— Нет, — сказала Гермione с очень серьёзным и взрослым выражением на юном лице. — Я предлагаю пока что заняться учёбой. Изучить то, что волшебникам уже известно. И приняться за исследования только после окончания Хогвартса.

— Э-э... — протянул Гарри. — Гермione, мне не хочется тебя огорчать, но представь себе, что мы отложили исследования на потом, а когда наконец покинули Хогвартс — первым делом решили попытаться наколдовать лекарство от болезни Альцгеймера, и это сработало. Мы бы почувствовали себя... мне кажется, «глупыми» не описывает в достаточной мере то, как бы мы себя почувствовали. Вдруг мы придумаем ещё что-нибудь в этом роде, только на этот раз всё получится?

— Так нечестно, Гарри! — голос Гермione задрожал, она чуть не плакала. — Нельзя взваливать на людей такой груз! Это не наша работа, мы дети!

Интересно, мимолётно подумал Гарри, что случилось бы, расскажи кто-нибудь Гермione, что ей придётся сразиться с бессмертным Тёмным Лордом? Может, она стала бы кем-то вроде тех плаксивых героев, жалеющих самих себя на каждом шагу, читать о которых Гарри терпеть не мог?

— В любом случае, — дрожащим голосом продолжила Гермione, — я не хочу продолжать исследования. Я не верю, что дети способны на то, что недоступно взрослым, так бывает только в сказках.

Воцарилась тишина.

Гермione бросила на Гарри испуганный взгляд, и тот понял, что у него на лице проступило холодное выражение.

Было бы не так больно, если бы эта мысль уже не приходила в голову и ему. Пусть лучшим возрастом для революций в науке являются двадцать лет, а не тридцать. Пусть были люди, которые в семнадцать защитили докторские, и даже те, которые в четырнадцать взошли на трон или приняли командование армиями. Несмотря на всё это, в одиннадцать никто в учебники истории не попадал.

— Великолепно, — сказал Гарри. — Найти способ сделать то, что недоступно взрослым. Это вызов?

— Я ничего подобного не имела в виду, — испуганным шёпотом выдавила Гермione.

С некоторым усилием Гарри перестал сверлить её взглядом.

— Я не сержусь на тебя, — сказал он. Несмотря на все усилия, в голосе сквозил холод. — Я сержусь на... Не знаю, на всё. Но я не го-

тов проиграть, Гермiona. Проигрыш — не всегда правильный выбор. Я разберусь, как сделать что-нибудь, на что не способен взрослый волшебник, и тогда мы вернёмся к этому разговору. Как тебе такое?

Молчание.

— Ладно, — неуверенно проговорила Гермiona. Оттолкнувшись от подлокотников, она встала со стула и направилась к выходу из заброшенного класса, где они работали. Её рука коснулась дверной ручки. — Мы ведь всё ещё друзья, так? И если ты ничего не придумашь...

Она запнулась.

— Будем учиться вместе, — ещё холоднее закончил за неё Гарри.

— Эм-м, ну тогда хорошо. До встречи, — попрощалась Гермiona и быстро вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

Иногда Гарри ненавидел свою Тёмную Сторону, даже когда находился внутри неё.

И та его часть, которая полностью соглашалась с Гермioniой, что нет, дети никак не могут делать то, что недоступно взрослым, говорила за Гермioniу всё то, что она побоялась сказать вслух: «Ну и задачку же ты себе отхватил, надорвёшься», «Да уж, в этот раз ты точно сядешь в лужу», «Ну, неудача тоже какой-никакой, но результат».

А та его часть, которая не любила проигрывать, ответила очень холодным тоном: «Отлично, а теперь заткнись и смотри».

* * *

Время обеда почти наступило, но Гарри было всё равно. Он даже не потрудился достать батончик из кошель. Его желудок в состоянии пережить лёгкий голод.

Волшебный мир крохотен, волшебники не думают как учёные, они не знают о науке, не привыкли оспаривать всё, что видят с детства. Они забывают установить защитные оболочки на машины времени и играют в квиддич. Вся магическая Британия меньше небольшого магловского города, величайшая школа магов учит только до семнадцати лет. Глупо не спорить со всем этим в одиннадцать лет, глупо допускать, что волшебники знают, что они делают, и что они уже собрали все низковисящие плоды, доступные взгляду учёного-эрудита.

Шаг первый: составить список всех магических ограничений, которые Гарри помнит. Всё, что по общему мнению сделать невозможно.

Шаг второй: отметить ограничения, которые с научной точки зрения имеют хоть какой-то смысл.

Шаг третий: выделить ограничения, которые волшебник, не будучи знакомым с наукой, вряд ли станет оспаривать.

Шаг четвёртый: найти способы обойти эти ограничения.

* * *

Гермиона уселась за стол Когтеврана рядом с Мэнди. Её всё ещё немного трясло. Обед Гермионы состоял из двух фруктов (нарезанного яблока и почищенного мандарина), трёх овощей (морковки, морковки и ещё раз морковки), мяса (жареной ножки дириколя, с которой она тщательно сняла не очень полезную для здоровья шкуру) и маленького кусочка шоколадного пирожного — награды за то, что она съест всё остальное.

Произошедшее было не так плохо, как памятный урок зельеварения, про который ей до сих пор иногда снились кошмары. Но сегодня уже она сама стала и причиной того что случилось, и мишенью. Пусть всего лишь на мгновение перед тем, как ужасная холодная тьма отвернулась и сказала, что не сердится на неё, потому что не хотела её пугать.

И у Гермионы по-прежнему было чувство, как будто она что-то упустила, что-то действительно важное.

Но они же не нарушили ни одного правила трансфигурации... Они не превращали ничего в жидкости и газы, не выполняли приказов профессора по *Защите*...

Таблетка! Её можно съесть!

...ну нет, никто не станет есть непонятную таблетку, да и магия тогда не сработала, к тому же если бы что-то получилось, они могли просто применить *Фините инкантатем*, но ей всё-таки следует предупредить Гарри и позаботиться, чтобы они не упоминали об этом при профессоре МакГонагалл, а то им никогда больше не позволят изучать трансфигурацию...

Тошнота подкатила к горлу. Гермиона отодвинула тарелку, в таком состоянии есть она не могла.

Гермиона закрыла глаза и начала про себя повторять правила трансфигурации.

«Я ничего и никогда не превращу в жидкость или газ».

«Я ничего и никогда не превращу в то, что может попасть внутрь тела».

Нет, им в самом деле не следовало трансфигурировать эту таблетку, по крайней мере они должны были осознать... но она настолько увлеклась блестящей идеей Гарри, что совершенно не подумала...

Тошнотворное ощущение стало ещё хуже. На краю её сознания мелькала какая-то мысль, словно что-то превращалось в свою противоположность, как на картинках, где девушка становится старухой, а ваза становится двумя лицами...

Гермиона продолжала вспоминать правила трансфигурации.

* * *

Пальцы Гарри, сжимавшие палочку, побелели. Он пытался трансфигурировать воздух вокруг палочки в скрепку для бумаг. Он помнил, что превращать скрепку в газ опасно, но не видел причины, почему нельзя сделать наоборот. Просто считалось, что это невозможно. Но почему? Воздух такое же вещество, как и всё остальное.

Что ж, возможно, у этого ограничения всё-таки есть смысл. Воздух не имеет структуры, молекулы постоянно перемещаются относительно друг друга. Возможно, нельзя заключить материю в новую форму, если материя не находится в покое достаточно долго, чтобы её можно было управлять. Хотя даже атомы в твёрдых телах постоянно колеблются...

С каждой неудачей холод внутри Гарри становился сильнее, а мысли обретали всё большую чёткость.

Ладно. Двигаемся дальше.

Трансфигурировать можно только предметы целиком. Нельзя трансфигурировать половину спички в иголку, придётся трансфигурировать весь предмет. Когда Драко запер Гарри в том классе, Гарри не мог просто трансфигурировать тонкую полосу стены в губку и выбить достаточно большой кусок камня, чтобы суметь вылезти наружу. Ему бы пришлось придать новую форму всей стене, или, возможно, даже целой секции Хогвартса, чтобы изменить её маленькую часть.

И это нелепо.

Предметы состоят из атомов. Множества крохотных точек. Нет никакой связности, нет никакой целостности, есть лишь электромагнитные силы, удерживающие крохотные точки вместе...

* * *

Мэнди Брокльхерст замерла с вилкой у рта.

— Э... — обратилась она к Су Ли, которая сидела напротив внезапно опустевшего места рядом с Мэнди. — Что это нашло на Гермину?

Гарри хотелось убить ластик.

Он пытался превратить маленький кусочек розового прямоугольничка в сталь. Всё кроме этого кусочка должно было остаться резиной. Но ластик сопротивлялся.

Это ограничение не может быть настоящим, оно наверняка лишь мысленное. Мнимое.

Все предметы состоят из атомов, и каждый атом сам по себе — отдельный крошечный предмет. Атомы удерживаются вместе перекрывающимися электронными облаками — в случае ковалентных связей, или просто электромагнитными силами — в случае ионных связей или сил Ван-дер-Ваальса.

Если смотреть ещё глубже, протоны и нейтроны внутри ядра — тоже отдельные крошечные предметы. Кварки внутри протонов и нейтронов — отдельные крошечные предметы! Если отбросить условности, в реальности просто нет ничего, соответствующего человеческой метафоре «цельный объект». Есть только множество мелких точек.

И для использования свободной трансфигурации нужен только разум, так ведь? Ни слов, ни жестов. Лишь отделение материи как таковой от идеи одного объекта и её соединение с идеей другого объекта. Эта мысленная операция плюс палочка плюс сущность волшебника, чем бы она ни была.

Волшебники могут преобразовывать только то, что они считают целым, и не могут преобразовывать части предметов, потому что не чувствуют нутром, что всё вокруг — лишь атомы.

Гарри изо всех сил сконцентрировался на этом знании, на истине, что ластик — лишь набор атомов, всё вокруг — лишь набор атомов, и атомы маленького кусочка, который он пытался трансфигурировать, точно такой же набор атомов, как и любой другой.

Но и таким образом Гарри не смог изменить часть ластика. Трансфигурация всё равно не получалась.

Что. За. Бред.

Пальцы Гарри, сжимавшие палочку, побелели от напряжения. Его опыты приводили к результатам, которые не имели смысла, и от этого Гарри уже тошнило.

Может быть, трансфигурации мешает то, что какая-то часть его разума всё ещё думает на языке объектов. Он думал о наборе атомов, которые составляют ластик. Он думал о наборе атомов, которые составляют маленький кусочек ластика.

Пора применять средства помощнее.

Гарри сильнее прижал палочку к маленькому участку ластика и постарался посмотреть сквозь то, что не-учёные называют реальностью. Сквозь мир столов, стульев, воздуха, ластика, людей...

Когда мы идём через парк, ощущаемый мир вокруг нас на самом деле существует внутри нашего мозга в виде картинки, созданной возбуждёнными нейронами. Ощущение яркого синего неба приходит не откуда-то сверху, это реакция зрительной коры головного мозга. Все краски мира в действительности рождаются в тихой костяной пещере, которую мы называем черепом, в месте, где мы живём и которое никогда не покидаем. Если очень хочется сказать «привет» реальному человеку, нужно не пожимать ему руку, а мягко постучать по голове и спросить: «Ну как ты там?» Потому что там он и находится, там он на самом деле живёт. И картина парка, через который, как нам кажется, мы идём, появляется внутри нашего мозга после обработки сигналов от сетчатки глаз.

Реальность — не ложь, как считают буддисты, за вуалью Майи не скрывается что-то мистическое и неожиданное*. За иллюзией парка находится лишь реальный парк, но тем не менее человек видит только иллюзию.

Гарри находится не в классе.

Он не смотрит на ластик.

Гарри сидит внутри черепа Гарри.

Он видит картину, полученную его мозгом на основе сигналов, посланных сетчаткой.

Настоящий ластик находится где-то в другом месте, вне картины.

И настоящий ластик не похож на картинку внутри мозга Гарри. Мысль, что ластик — это цельный объект, может существовать только внутри мозга, внутри теменной коры, которая обрабатывает ощущения формы и пространства. Настоящий ластик — это набор атомов, которые удерживаются вместе электромагнитными силами и электронными облаками ковалентных связей. А вокруг этого набора атомов летают молекулы воздуха, сталкиваясь друг с другом и с молекулами ластика.

Настоящий ластик находится далеко-далеко, и Гарри, сидя в своём черепе, никогда не сможет его коснуться, только представить, как он это делает. Но волшебная палочка на это способна, она изменяет предметы в реальности, и ограничивают её возможности лишь предрассудки Гарри. Где-то за вуалью Майи правда, скрывающаяся за понятием «моя палочка», касается набора атомов,

которые мозг Гарри называет «участок ластика». И если палочка может изменить набор атомов, которые Гарри считает «целым ластиком», то нет абсолютно никакой причины, почему она не может изменить и другой набор атомов...

Трансфигурация по-прежнему не получалась.

Гарри стиснул зубы. Нужно средство ещё мощнее.

Мозг Гарри считал ластик цельным объектом, но это — очевидная чушь. Карта, которая не соответствует и совершенно не может соответствовать территории.

Люди представляют мир в виде структуры из множества уровней. Они думают отдельно о том, как работают страны, как работают люди, как работают органы, как работают клетки, как работают молекулы, как работают кварки.

Когда мозгу Гарри нужно подумать о ластике, он вспоминает правила, которые касаются ластика, например, «ластики могут стирать записи карандашом». И только если мозгу Гарри нужно предсказать, что случится на химическом уровне, он начинает думать — совершенно отдельным образом — о молекулах резины.

Но это всё работа разума.

И хотя у разума Гарри могут быть убеждения о правилах, которые касаются только ластика, но отдельных законов физики для ластика не существует.

Мозг Гарри представляет реальность как многоуровневую систему, и каждому уровню соответствуют свои правила. Но это только карта, и на самом деле территория на неё совсем не похожа, у реальности только один уровень, уровень кварков. Существуют только универсальные низкоуровневые процессы, подчиняющиеся точным математическим правилам.

Ну или по крайней мере Гарри так думал, пока не столкнулся с магией, но ластик не был волшебным.

И даже если бы ластик был волшебным, мысль, что в самом деле существует неделимый ластик, — неправдоподобна. Предметы вроде ластика никак не могут быть базовыми элементами реальности, они слишком большие и сложные для элементарных частиц, они обязаны состоять из отдельных частей. Не может быть принципиально сложных предметов. Неявное убеждение в мозгу у Гарри, что ластик — это цельный объект, не просто неверно, это — карта, не соответствующая территории. Как независимое понятие ластик существует только в его многоуровневой модели мира. В одноуровневой реальности такого элемента нет.

...трансфигурация по-прежнему не получалась.

Гарри тяжело вздохнул, неудачная трансфигурация была почти настолько же утомительной, как и успешная. Но будь он проклят, если сдастся.

Хорошо. Выкинем этот мусор девятнадцатого века.

Реальность — это не атомы, не множество маленьких бильярдных шаров, летающих вокруг. Маленькие шарики — это просто ещё одна ложь. Представление об атомах как о маленьких точках — лишь ещё одна общепринятая галлюцинация, за которую цепляются люди, потому что они не хотят сталкиваться с нечеловечески чуждой формой скрывающейся за ней реальности. Неудивительно, что его попытки трансфигурации, основанные на таком представлении, не работали. Если он хочет власти, он должен отбросить человеческую природу и заставить мысли соответствовать математическим формулировкам квантовой механики.

Нет никаких частиц, есть лишь облака амплитуд в пространстве состояний множества частиц. И то, что его мозг наивно считает ластиком, не более чем гигантский множитель волновой функции, который тоже можно разложить на множители. Сказать, что он самостоятельно существует, всё равно, что сказать — внутри числа «шесть» существует независимый множитель «три». И если палочка Гарри способна изменять множители в волновых функциях, которые можно хотя бы приблизительно на множители разложить, значит, чёрт побери, она может изменить немного меньший множитель, который мозг Гарри видит как участок ластика...

* * *

Надсадно дыша, Гермиона неслась по коридорам. Башмаки тяжело стучали по каменным плитам, струившийся в крови адреналин гнал её вперёд.

Перед мысленным взором крутились картинки: девушка превращается в старуху, ваза становится двумя лицами.

Что они наделали?

Что они наделали?!

Гермиона подлетела к классу. Её пальцы, мокрые от пота, скользнули по дверной ручке. Гермиона вцепилась в неё сильнее и распахнула дверь...

...Гарри сидел за столом, уставившись на маленький розовый прямоугольник перед ним...

...в нескольких шагах от тонкой чёрной нити, почти не видной с такого расстояния и удерживающей груз...

— Гарри, вон из класса!

Гарри вздрогнул, вскочил так быстро, что чуть не упал, и, задержавшись только чтобы схватить маленький розовый прямоугольник, бросился к двери. Гермиона пропустила его, одновременно направляя палочку на чёрную нить...

— Фините инкантатем!

...и захлопнула дверь под грохот сотни килограммов упавшего металла.

Девочка тяжело дышала, судорожно глотая воздух. Она пробежала весь путь без остановок, одежда промокла от пота, а ноги будто горели. Она не смогла бы ответить на вопросы Гарри за все галлеоны мира.

Гермиона моргнула и поняла, что начала падать, но Гарри её поймал и мягко опустил на пол.

— ...чувствуешь... — с трудом прошептала она.

— Что?! — переспросил Гарри, побелев как мел.

— ...как ты... себя... чувствуешь?

Судя по его виду, когда вопрос до него дошёл, Гарри испугался ещё сильнее.

— Я... Мне кажется, никаких симптомов...

Гермиона на мгновение закрыла глаза.

— Хорошо, — прошептала она. — Подожди, переведу дыхание.

Какое-то время они просто сидели на полу. Гарри всё ещё выглядел испуганным. Это тоже хорошо, возможно, он чему-то научится.

Гермиона потянулась к кошельку, который купил ей Гарри, через пересохшее горло вытолкнула слово «вода», схватила бутылку и начала пить большими глотками.

Прошло ещё некоторое время, прежде чем она смогла говорить.

— Мы нарушили правила, Гарри, — хрипло сказала она. — Мы нарушили правила.

— Я... — сглотнул Гарри, — Я не вижу, как. Я думал, но...

— Я спросила тебя, безопасна ли трансфигурация, и ты мне ответил!

Повисла тишина.

— И это всё? — спросил Гарри.

Гермиона едва не перешла на крик:

— Гарри, ты не понимаешь? Эта штука сделана из тонких волокон, что если они распутаются, кто знает, что может случиться? Мы не спросили профессора МакГонагалл! Ты понимаешь, что

мы наделали? Мы экспериментировали с трансфигурацией! Мы экспериментировали с трансфигурацией!

Опять повисла тишина.

— Верно... — медленно произнёс Гарри. — Кажется, это ещё один запрет, который никому в голову не придёт озвучить, поскольку он слишком очевиден. Не проверяйте блестящие идеи в области трансфигурации самостоятельно в заброшенном классе, не посоветовавшись с профессором.

— Из-за тебя мы могли погибнуть! — Гермиона знала, что так говорить несправедливо, она и сама совершила ошибку, но она всё ещё сердилась на Гарри, он всегда говорил очень уверенно, и это заставляло её без раздумий следовать за ним. — Мы могли испортить блестящий послужной список профессора МакГонагалл!

— Да, — сказал Гарри, — не будем ей об этом рассказывать, хорошо?

— Мы должны прекратить, — заявила Гермиона. — Мы должны прекратить эти занятия, пока мы не пострадали. Мы слишком молоды, Гарри, мы не можем ничего сделать, по крайней мере пока.

Гарри слегка усмехнулся.

— Эм-м, вот тут ты немного ошибаешься.

И протянул ей маленький розовый прямоугольник, резиновый ластик с ярко блестящим металлическим участком.

Гермиона недоумённо уставилась на ластик.

— Квантовой механики оказалось недостаточно, — сказал Гарри. — Мне пришлось дойти до вневременной физики, чтобы что-то получилось. Нужно увидеть, как волшебная палочка изменяет связь между отдельными реальностями прошлого и будущего, а не менять что-то во временном потоке. Но у меня получилось, Гермиона. Я посмотрел сквозь иллюзию предметов, и, готов спорить, это не удавалось ни одному волшебнику в мире. Даже если кто-то из маглорождённых знает о формулах квантовой механики без времени, для него это лишь непонятные утверждения о далёкой от него квантовой ерунде, он не поймёт по-настоящему, что это и есть реальность, не сможет принять, что известный ему мир — лишь галлюцинация. Я трансфигурировал часть ластика, не изменяя его целиком.

Гермиона подняла палочку и направила на ластик.

На лице Гарри мелькнуло раздражение, но он не попытался ей помешать.

— *Фините инкантатем!* — произнесла Гермиона. — Поговори с профессором МакГонагалл, прежде чем продолжать.

Гарри кивнул, хотя и немного холодно.

— И всё-таки нам надо прекратить, — сказала она.

— Почему?! — воскликнул Гарри. — Ты не понимаешь, что это значит, Гермиона? Волшебники знают не всё! Их слишком мало, а хоть чуть-чуть знакомых с наукой среди них ещё меньше. Низко-висящие плоды ещё не кончились...

— Это правда опасно, — сказала Гермиона. — И если мы в самом деле способны делать открытия, то это ещё опаснее! Мы слишком молоды! Мы уже сделали большую ошибку, в следующий раз мы можем просто погибнуть!

Гермиону передёрнуло.

Гарри посмотрел в сторону и сделал несколько глубоких вдохов.

— Пожалуйста, не пытайся делать открытия в одиночку, Гарри, — срывающимся голосом попросила Гермиона. — Пожалуйста.

Пожалуйста, не вынуждай меня решать, стоит ли рассказывать профессору Флитвику.

В этот раз тишина длилась дольше.

— Итак, ты хочешь, чтобы мы учились, — произнёс Гарри. Гермиона чувствовала, что он пытается не показывать недовольства. — Просто учились.

Гермиона не была уверена, следует ли отвечать, но...

— Как ты учился, эм, вневременной физике, так?

Гарри посмотрел на неё.

— То, что ты сделал, — неуверенно сказала Гермиона, — не было следствием наших экспериментов. У тебя получилось, потому что ты прочитал уйму книг.

Гарри открыл рот, затем закрыл его. По его лицу было видно, что он недоволен.

— Хорошо, — ответил Гарри. — Предлагаю так: мы учимся, и если я придумаю эксперимент, который действительно будет стоить того, чтобы его провели, мы попробуем это сделать, после того как я спрошу профессора.

— Согласна, — Гермиона не упала от облегчения только потому, что уже сидела.

— Идём обедать? — осторожно предложил Гарри.

Гермиона кивнула. Да. Обед — это хорошая мысль. Сейчас — особенно.

Оперевшись о каменную стену, она начала медленно подниматься, морщась от боли в мышцах...

Гарри направил на неё палочку и произнёс:

— *Вингардиум левиоса!*

Гермиона моргнула. Тяжесть в ногах уменьшилась до терпимой. На лице Гарри мелькнула улыбка.

— Можно приподнять предмет, даже если не можешь его полностью левитировать. Помнишь тот эксперимент?

Гермиона беспомощно улыбнулась в ответ. Хотя и подумала, что ей стоило рассердиться.

И медленно пошла в сторону Большого Зала, чувствуя в ногах чудесную лёгкость. Гарри аккуратно удерживал палочку направленной на неё.

Его хватило только на пять минут, но за саму идею она была благодарна.

* * *

Минерва посмотрела на Дамблдора. В ответном взгляде тоже читался вопрос.

— Вы что-нибудь поняли? — смущённо спросил директор.

По её мнению, это была самая отборнейшая чушь, какую она когда-либо слышала. МакГонагалл чувствовала неловкость за то, что ей пришлось вызвать директора, пусть она и руководствовалась полученными заранее чёткими инструкциями.

— Боюсь, нет, — ответила она, поджав губы.

— Стало быть, — Дамблдор снова посмотрел куда-то в сторону и его седая борода отвернулась от Минервы, — ты полагаешь, что способен делать нечто, недоступное другим волшебникам, нечто, что мы считаем невозможным.

Они вдвоём стояли в личной директорской мастерской для трансфигурации. Сияющий феникс, патронус Дамблдора, попросил привести сюда Гарри, едва её собственный патронус успел доставить сообщение. Свет падал через окна на потолке, освещая семиконечную алхимическую диаграмму, нарисованную в центре круглой комнаты. Тонкий слой пыли на полу печалил Минерву — исследования в области трансфигурации были одним из любимых занятий директора. Она знала, что в последнее время он крайне занят, но чтобы настолько...

И вот теперь Гарри собирается напрасно отнять у директора ещё больше времени. Впрочем, она не могла винить за это мальчика. Он всё сделал правильно, когда пришёл к ней и объявил, что у него появилась мысль по поводу такой трансфигурации, которая считается невозможной. В свою очередь, она поступила именно так,

как ей сказали: велела Гарри замолчать и не обсуждать с ней ничего, пока она не проконсультируется с директором и пока они не попадут в защищённое место.

Если бы Гарри сразу рассказал, что именно он считает возможным сделать, она бы и пальцем не шевельнула.

— Понимаете, это непросто объяснить, — сконфуженно сообщил им Гарри. — Суммируя всё сказанное мною, ваши убеждения конфликтуют со взглядами учёных, причём в той области, где, как я искренне считаю, учёные разбираются лучше волшебников.

Минерва бы глубоко вздохнула, но, похоже, Дамблдор принял это со всей серьёзностью.

Идея Гарри происходила из банального незнания, ничего более. Если вы превращаете половину металлического шара в стекло, то весь шар меняется. Чтобы изменить часть, надо изменить весь предмет. Вы берёте некоторый объект и заменяете его другим объектом. Что бы могла значить трансфигурация лишь половины шара? Что металлический шар как целое никуда не делся, но половина шара теперь представляет собой другой объект?

— Мистер Поттер, — произнесла профессор МакГонагалл, — то, что вы хотите сделать, не просто невозможно, это нелогично. Если вы меняете часть чего-либо, вы неизбежно меняете целое.

— Действительно, — согласился Дамблдор. — Но ведь Гарри — герой, а герои могут делать даже логически невозможное.

Минерва бы закатила глаза, если б не привыкла к таким высказываниям ещё много лет назад.

— Допустим, это возможно, — сказал директор, — есть ли у вас какие-либо основания полагать, что эта трансфигурация будет отличаться от обычной?

Минерва нахмурилась. Тот факт, что сама идея была попросту невообразимой, представлял определённую трудность, но она постаралась принять это как данное. Трансфигурация, приложенная лишь к половине металлического шара...

— Что-то странное на стыке половинок? — предположила она. — Но тут не должно быть отличий по сравнению с обычной трансфигурацией целого объекта в объект из двух различных частей...

Дамблдор кивнул.

— Я тоже так думаю. Гарри, если твоя теория верна, подразумевается, что ты совершишь в точности такую же трансфигурацию, как и всегда, просто прилагая усилия к части предмета вместо целого? Больше никаких отличий?

— Да, — твёрдо ответил Гарри. — В этом вся суть.

Дамблдор вновь посмотрел на неё.

— Минерва, вы можете предположить, почему подобная трансфигурация может быть опасна?

— Нет, — ответила она, покопавшись в памяти.

— Я тоже, — заметил директор. — Хорошо, поскольку это превращение должно быть во всех отношениях полностью аналогично обычной трансфигурации и мы не можем предположить, почему оно может быть опасным, считаю, что второго уровня предосторожности будет достаточно.

Минерва была удивлена, но не стала возражать. Дамблдор значительно превосходил её в опыте трансфигураций, за его плечами были в буквальном смысле тысячи экспериментов, и он никогда не принимал недостаточных мер предосторожности. Он даже использовал трансфигурацию в бою и всё ещё был жив. Если директор считает, что второго уровня достаточно, значит достаточно.

В любом случае у Гарри ничего не получится.

Оба профессора занялись подготовкой защитных заклинаний и следящих плетений, наиболее важное из которых определяло утечку трансфигурированного материала в воздух. Гарри будет окружён отдельной силовой оболочкой со своим собственным запасом воздуха, и лишь палочке будет позволено её покинуть. Находясь внутри Хогвартса, они не могли автоматически апарировать прочь материал в случае спонтанного возгорания, но могли почти так же быстро выбросить его из башни, именно поэтому все окна были открыты. Гарри, в свою очередь, при первых же признаках неприятностей должен будет вылететь в соседнее окно.

Мальчик с опаской наблюдал за их действиями.

— Не беспокойтесь, мистер Поттер, — заметила профессор МакГонагалл в середине инструктажа, — почти наверняка всё это не понадобится. Если бы мы действительно ожидали, что что-то пойдёт не так, вам бы не разрешили попробовать. Всё это — просто обычные предосторожности для любой экспериментальной трансфигурации.

Гарри слотнул и кивнул.

Несколько минут спустя, уже будучи пристёгнут ремнями к креслу-катапульте, он направил палочку на металлический шар — такого размера, что его полная трансфигурация заняла бы не менее тридцати минут, судя по текущим оценкам Гарри на уроках.

А ещё несколько минут спустя Минерва прислонилась к стене, чтобы не упасть.

На шаре, в том месте, где была прижата палочка Гарри, виднелся небольшой участок стекла.

Гарри не произнёс «Я ведь вам говорил!», но самодовольное выражение на его вспотевшем лице было вполне красноречивым.

Дамблдор начал исследовать шар с помощью аналитических заклинаний. Он выглядел всё более и более заинтригованным и, казалось, помолодел лет на тридцать.

— Поразительно, — сказал Дамблдор, — всё в точности как утверждал Гарри. Он просто трансфигурировал часть предмета, не трансфигурируя целое. Гарри, так ты говоришь, это просто мысленное ограничение?

— Да, — кивнул Гарри, — но довольно глубокое. Просто знать, что оно есть, недостаточно. Мне пришлось подавить ту часть своего разума, которая вносила искажения, и думать о реальности, открытой учёными, которая лежит в основе реальности обыденной.

— Воистину поразительно, — произнёс Дамблдор. — Полагаю, любому другому волшебнику понадобятся месяцы учёбы, чтобы достичь подобного результата, если удастся вообще, не так ли? Могу я попросить тебя частично трансфигурировать ещё несколько предметов?

— Полагаю, да и да, конечно, — ответил Гарри.

Ещё через полчаса Минерва по-прежнему чувствовала себя сбитой с толку, но значительно более уверенной в безопасности происходящего.

Если забыть про логическую невозможность, частичная трансфигурация совершенно ничем не отличалась от обычной.

— Думаю, на сегодня достаточно, директор, — наконец сказала она. — Подозреваю, частичная трансфигурация требует больше усилий по сравнению с обычной.

— С практикой разница становится менее существенной, — прошептал бледный измождённый мальчик, — но в целом, да, это вы верно заметили.

Ещё минута ушла на вытаскивание Гарри из защитных барьеров. Затем Минерва усадила его на гораздо более удобный стул, а Дамблдор вручил бокал газировки с мороженым.

— Мои поздравления, мистер Поттер! — искренне сказала профессор МакГонагалл. Она готова была спорить на что угодно, что ничего не получится.

— И в самом деле, поздравляю, — согласился Дамблдор. — Даже я первое оригинальное открытие в трансфигурации совершил

только в четырнадцать лет. Со времён Доротеи Сеньяк ни один гений не расцветал так рано*.

— Спасибо, — смущённо ответил Гарри.

— Однако, — задумчиво продолжил Дамблдор, — думаю, будет весьма разумно держать это счастливое событие в тайне, по крайней мере сейчас. Гарри, ты обсуждал с кем-нибудь свою идею, прежде чем рассказать профессору МакГонагалл?

Повисла тишина.

— Э-э-э, мне бы не хотелось никого отдавать в руки инквизиции, но я действительно рассказал одному ученику...

Слово сорвалось с губ МакГонагалл как взрыв:

— Что?! Вы обсуждали совершенно новый вид трансфигурации с учеником прежде, чем проконсультироваться с признанным авторитетом? Вы понимаете, насколько это безответственно?

— Извините, я не подумал, — прошептал Гарри.

Мальчик выглядел соответствующе испуганным, и Минерва немного расслабилась. По крайней мере он осознал, насколько был глуп.

— Ты должен взять с мисс Грейнджер клятву держать это в тайне, — серьёзно заявил Дамблдор, — и сам не говори никому, без серьёзной на то причины, а если расскажешь, то они тоже должны поклясться держать это в тайне.

— А... почему? — спросил Гарри.

Минерва задала себе тот же вопрос. Она в который раз не поспевала за мыслями директора.

— Ты способен делать то, чего никто от тебя не ждёт, — объяснил Дамблдор. — Что-то совершенно невообразимое. Возможно, это станет твоим решающим преимуществом, Гарри, и мы должны сохранить его в тайне. Пожалуйста, поверь мне.

Профессор МакГонагалл кивнула, её решительное лицо не выдавало внутреннего смущения.

— Пожалуйста, так и сделайте, мистер Поттер.

— Хорошо, — медленно проговорил Гарри.

— Как только мы закончим изучение твоих образцов, — добавил Дамблдор, — ты волен продолжить практиковаться с частичной трансфигурацией, но только из стекла в железо и из железа в стекло, с мисс Грейнджер в качестве наблюдателя. И немедленно обратитесь к профессору, если кто-то из вас заподозрит какие-либо симптомы трансфигурационной болезни.

На выходе из мастерской, уже поворачивая дверную ручку, Гарри обернулся и сказал:

— Пока мы не разошлись, хочу спросить, не замечали ли вы что-нибудь необычное в профессоре Снейпе?

— Необычное? — удивился директор.

Минерве удалось скрыть кривую улыбку. Конечно же, мальчик испытывал тревогу по поводу «злого профессора зельеварения», он ведь не мог знать, почему Северусу можно доверять. Было бы, мягко говоря, неловко объяснять Гарри, что Снейп всё ещё влюблён в его мать.

— Я имел в виду, не менялось ли его поведение в последние дни? — пояснил Гарри.

— Не замечал ничего такого... — медленно произнёс директор. — А почему ты спрашиваешь?

Гарри помотал головой.

— Не хочу добавлять предвзятости вашим наблюдениям. Просто обратите внимание.

Никакие прямые обвинения в адрес Северуса не смогли бы породить той волны тревоги, которая охватила Минерву от этих слов.

Гарри с уважением поклонился им обоим и удалился.

* * *

— Альбус, — спросила Минерва, когда мальчик покинул комнату, — почему вы сразу отнеслись к словам Гарри серьёзно? Я считала его идею совершенно невозможной!

Старый волшебник помрачнел.

— По той же причине, по которой всё произошедшее надо держать в тайне, Минерва. По той же причине, по которой я попросил вас сразу же прийти ко мне, если Гарри сделает подобное заявление. Потому, что это сила, которая неведома Волдеморту.

Прошло несколько секунд, прежде чем до неё дошёл смысл этих слов.

И тогда холодная дрожь пронзила её, как пронзала каждый раз, когда она вспоминала.

Это начиналось как обычное собеседование по трудоустройству, Сивилла Трелони претендовала на должность профессора прорицания...

*ГРЯДЁТ ТОТ, КТО НАДЕЛЁН МОГУЩЕСТВОМ
ПОБЕДИТЬ ТЁМНОГО ЛОРДА,
РОЖДЁННЫЙ ТЕМИ, КТО ТРИЖДЫ
БРОСАЛ ЕМУ ВЫЗОВ,
РОЖДЁННЫЙ НА ИСХОДЕ СЕДЬМОГО МЕСЯЦА,*

*И ТЁМНЫЙ ЛОРД ОТМЕТИТ ЕГО
КАК РАВНОГО СЕБЕ,
НО ОН БУДЕТ ОБЛАДАТЬ СИЛОЙ,
ЧТО НЕВЕДОМА ТЁМНОМУ ЛОРДУ,
И КАЖДОМУ ДОЛЖНО УНИЧТОЖИТЬ ДРУГОГО,
ПОЧТИ НИЧЕГО НЕ ОСТАВИВ,
ИБО НЕ МОГУТ ИХ НЕСХОЖИЕ ДУШИ
СУЩЕСТВОВАТЬ В ОДНОМ МИРЕ.*

Эти жуткие слова, произнесённые тогда страшным гулким голосом, плохо ассоциировались с чем-то вроде частичной трансфигурации.

— Возможно, это и не оно, — ответил Дамблдор, когда Минерва попыталась объяснить свои сомнения. — Признаться, я надеялся на что-то, что поможет найти крестраж Волдеморта, где бы он ни был. Но... — Старый волшебник пожал плечами. — С пророчествами всё не так просто, Минерва, и нам лучше не упускать ни единого шанса. Любая неожиданная мелочь может оказаться решающей.

— Как вы думаете, что он имел в виду, говоря про Северуса? — сказала Минерва.

— Тут я могу только гадать, — вздохнул Дамблдор. — Возможно, Гарри имеет что-то против него и решил, что мы проигнорируем прямое обвинение, но всерьёз задумаемся над открытым вопросом. И если моя догадка верна, то Гарри правильно предположил, что я ему не поверю. Так что давайте просто наблюдать без предвзятости, как он и просил.

Послесловие № 1

— М-м-м, Гермiona? — осторожно начал Гарри. — Думаю, я должен перед тобой сильно-сильно-сильно извиниться.

Послесловие № 2

Алиса Корнфут с отсутствующим выражением лица гладела на профессора зельеварения. Северус держал в руке крошечный бронзовый боб и мрачно рассказывал классу что-то о кричащих лужах человеческой плоти. С самого начала этого года у неё были проблемы с концентрацией на уроках зельеварения. Алиса не могла оторвать глаз от их ужасного, противного профессора с сальными волосами. Перед её мысленным взором проносились картины весьма необычных

отработок. Похоже, с ней что-то было не так, но она была просто не в состоянии это прекратить.

— Ой! — вскрикнула Алиса.

Снейп только что метнул бронзовый боб и попал ей точно в лоб.

— Мисс Корнфут, — язвительно произнёс профессор, — для приготовления этого зелья требуется особая аккуратность. Если вы не уделите этому процессу должное внимание, то пострадаете не только вы, но и ваши одноклассники. Останьтесь после урока.

Последние три слова никак не улучшили её концентрацию, но она очень старалась, и день удалось закончить, никого не растворив.

После урока Алиса подошла к столу профессора. Часть её хотела на всякий случай встать кротко, с руками, сцепленными за спиной, и смущённо опустить глаза, но какой-то глубокий инстинкт шепнул ей, что это может оказаться не самой лучшей идеей. Потому она просто встала с нейтральным лицом, в подобающую молодой леди позу и спросила:

— Профессор?

— Мисс Корнфут, — произнёс Снейп, не поднимая глаз от работ учеников. — Я не разделяю ваших чувств, ваши взгляды мне неприятны и впредь вы будете от них воздерживаться. Я понятно выражаюсь?

— Да, — сдавленно пропищала Алиса, и Снейп разрешил ей идти. Когда она выбежала из класса, её щёки горели как раскалённая лава.

Читатель Luosha заметил, что теория эмпатии из 27-й главы (вы используете мозг для моделирования поведения других людей) не является общепризнанным научным фактом. Пока что имеющиеся свидетельства указывают в этом направлении, но мы не в состоянии анализировать процессы внутри мозга настолько, чтобы это доказать. Аналогично, вневременная формулировка квантовой механики (упомянутая в этой главе) настолько элегантна, что я буду очень удивлён, если финальная версия теории будет использовать время. Но пока вневременная квантовая механика тоже не является общепризнанной. — *Прим. авт.*

Глава 29

Эффект эгоцентричности

К сожалению, никому нельзя объяснить, кто такая Дж. К. Роулинг. Вы должны сами её увидеть*.

В последнее время всякий раз, когда Гермиона слышала, как другие ученики обсуждают её и Гарри, ей становилось немного не по себе. И разговор Мораг и Падмы, подслушанный этим утром в душевой, стал последней каплей в и так уже полной чаше.

Она совершила ужасную ошибку, когда начала соревноваться с Гарри Поттером. Если бы она просто держалась от него подальше, то могла бы быть Гермионой Грейнджер, самой лучшей ученицей в Хогвартсе, которая зарабатывает больше всех баллов для Когтеврана. Конечно, славы Мальчика-Который-Выжил ей не достигнуть, но она была бы знаменита сама по себе.

Но вместо этого у Мальчика-Который-Выжил появилась соперница в учёбе, и так уж случилось, что зовут её Гермиона Грейнджер.

И, что ещё хуже, она пошла с ним на свидание.

Поначалу роман с Гарри казался ей прелестной идеей. Она читала о таком в книгах. И если уж в Хогвартсе был кто-то, достойный любви главной героини, то это, без вариантов, Гарри Поттер. Умный, смешной, популярный, иногда пугающий...

Так что она вынудила его пойти на свидание.

И теперь она сама стала его увлечением.

Или даже хуже: одним из блюд в его меню.

Утром в душе, когда она уже собиралась включить воду, до неё донеслось хихиканье. И она услышала, как Мораг сказала, что эта маглорождённая девчонка не сможет бороться наравне с Джиневрой Уизли, а Падма в ответ заметила, что Гарри Поттер может решить, что ему нужны обе.

Как будто они не понимали, что это у ДЕВОЧЕК есть варианты в меню, а МАЛЬЧИКИ должны за них бороться.

Но на самом деле куда больше её расстраивало другое. Когда на одном из тестов профессора МакГонаггалл она получила 98 баллов, все обсуждали не то, что Гермиона Грейнджер получила высший балл в классе, а то, что соперница Поттера получила на семь баллов больше, чем он.

Подойдя слишком близко к Мальчику-Который-Выжил, становишься частью его истории.

Без шансов написать свою.

Сперва она думала бросить всё и уйти, но это было бы как-то уж слишком печально.

И всё же Гермиона, без сомнения, желала вернуть то, что случайно потеряла, став соперницей Гарри. Разве это много — хотеть быть отдельной личностью, а не третьей ногой Гарри Поттера?

Конечно, раз попав в такую ловушку, выбраться из неё уже очень непросто. И не важно, как хорошо ты учишься, и что иногда о твоих успехах делают объявление во время ужина. Всё это воспринимается как очередной раунд соперничества с Гарри Поттером.

Но сейчас она, похоже, нашла выход.

Надо сделать что-то, что не сможет послужить вящей славе Гарри Поттера.

Да, это будет непросто.

Ей придётся идти против собственных убеждений.

Сражаться с очень злым человеком.

И просить помощи у кого-то ещё более злого.

Гермиона подняла руку, чтобы постучать в эту жуткую дверь, и замерла в нерешительности.

Она почувствовала себя ужасно глупо, подняла руку чуть выше и попыталась постучать ещё раз, но так и не смогла.

И тогда дверь распахнулась сама.

— Ну и ну, мисс Грейнджер, неужели так сложно потерять единственный балл Квиррелла? — произнёс паук в центре паутины.

Гермиона стояла перед дверью с поднятой рукой, её щёки пылали. Да, это было настолько сложно.

— Мисс Грейнджер, я буду милосерден, — сказал ужасный профессор Квиррелл, — считайте, что вы его уже потеряли. Я сделал этот тяжкий выбор за вас. Разве вы не благодарны?

— Профессор Квиррелл, — её голос немного срывался, — у меня ведь много баллов Квиррелла?

— Много, — ответил тот. — Правда, уже на один меньше. Ужасно, не правда ли? Учтите, если мне не понравится причина ва-

шего появления здесь, вы можете потерять ещё пятьдесят. Возможно, я буду отнимать их один за другим... один за другим...

Щёки Гермiony стали ещё краснее.

— Вы на самом деле злой, вам это когда-нибудь говорили?

— Мисс Грейнджер, — серьёзно произнёс профессор, — опасно делать людям подобные комплименты, особенно когда они их не заслуживают. Не исключено, что собеседник почувствует себя недостойным и в приступе застенчивости совершит что-нибудь соответствующее вашей похвале. Так о чём вы хотели со мной поговорить, мисс Грейнджер?

* * *

В четверг после обеда Гермiona и Гарри устроились в укромном уголке библиотеки. Благодаря полю *Квиетуса* они могли разговаривать, не мешая другим. Гарри лежал на животе на полу и болтал ногами. Гермiona же устроилась в мягком кресле, таком большом, что она была похожа на жемчужину в открытой раковине.

Гарри предложил в первую очередь прочитать названия всех книг в библиотеке, после чего Гермiona прочтёт все оглавления.

Гермiona подумала, что это блестящая идея. Такой подход к библиотекам был для неё нове.

К сожалению, в этом плане был небольшой изъян. Они оба были коттеврэнцами.

Гермiona читала книгу «Магическая мнемоника».

Гарри читал книгу «Волшебник-скептик»*.

Каждый полагал, что делает исключение лишь для этой книги. Оба не понимали, что они совершенно не в состоянии прочесть все оглавления книг в библиотеке, сколько бы ни пытались.

Тишину их укромного уголка нарушили два слова:

— О нет! — внезапно воскликнул Гарри. Судя по всему, эти слова вырвались у него невольно.

После этого тишина длилась недолго.

— Не может быть! — опять воскликнул Гарри.

Затем Гермiona услышала, как Гарри начал неудержимо хихикать.

Она оторвалась от своей книги:

— Ладно. В чём дело?

— Я только что обнаружил, почему нельзя спрашивать Уизли об их домашней крысе, — ответил Гарри. — Это очень ужасно, и я не должен над этим смеяться. Я отвратительный человек.

— Да, — строго сказала Гермиона. — Ты такой и есть. А теперь расскажи мне.

— Хорошо, сперва предыстория. Вся глава посвящена конспирологическим теориям по поводу Сириуса Блэка. Ты ведь помнишь, кто это?

— Конечно, — ответила Гермиона. Сириус Блэк был предателем, другом Джеймса Поттера, который дал Волдеморту возможность проникнуть в защищённый дом Поттеров.

— Итак, оказалось, что в том, как Блэк попал в Азкабан, есть много, так сказать, *необычного*. Его не судили, а дежурным помощником министра во время его ареста был не кто иной, как Корнелиус Фадж — нынешний министр магии.

Гермионе это показалось немного подозрительным, что она и озвучила.

Лёжа на полу и не отрывая глаз от книги, Гарри дёрнул плечами:

— Подозрительные вещи случаются постоянно, а если ты конспиролог — ты всегда найдёшь что-нибудь подозрительное.

— Но без суда?.. — произнесла Гермиона.

— Это было сразу же после победы над Тёмным Лордом, — уже более серьёзно ответил Гарри. — Повсюду царил хаос, и когда авроры выследили Блэка, он стоял на улице по щиколотку в крови и смеялся. Было двадцать свидетелей того, как он убил друга моего отца по имени Питер Петтигрю вместе с двенадцатью прохожими. Мне, конечно, не нравится, что Блэка посадили без суда, но для мира волшебников, похоже, это обычное дело, и уж не более подозрительно, чем, скажем, какие-нибудь мелкие несоответствия в убийстве Джона Кеннеди, о которых спорят маглы. В общем, Сириус Блэк — это Ли Харви Освальд мира волшебников*. Есть множество конспирологических теорий по поводу того, кто на самом деле предал моих родителей, и одна из кандидатур — это Питер Петтигрю. И здесь начинаются сложности.

Гермиона заворожённо слушала.

— Но как это связано с домашней крысой Уизли?..

— Подожди. Сейчас объясню. После смерти Петтигрю выяснилось, что он был шпионом на стороне Света — не двойным агентом, просто парнем, который шнырял повсюду и добывал сведения. У него это здорово получалось ещё в подростковом возрасте, даже в Хогвартсе у него была репутация человека, который знает все секреты. В общем, конспирологическая теория утверждает, что ещё в Хогвартсе этот Петтигрю стал незарегистрированным анимагом,

причём превращался он в кого-то очень маленького, кто мог легко подкрадываться и подслушивать разговоры. Основной недостаток теории заключается в том, что анимаги крайне редки, и очень маловероятно, чтобы какой-то подросток успешно стал анимагом. Поэтому, конечно, конспирологическая теория утверждает, что мой отец и Блэк тоже были незарегистрированными анимагами. Согласно этой теории, Петтигрю сам убил двенадцать прохожих, принял свою маленькую форму анимага и сбежал. Но Майкл Шермер упоминает ещё четыре недостатка. Во-первых, кроме моих родителей только Блэк знал, как пройти через охранные чары, защищающие их дом. (Это Гарри произнёс довольно резко.) Во-вторых, у Блэка репутация гораздо хуже, чем у Петтигрю, ходили слухи, что ещё в Хогвартсе Блэк пытался подстроить убийство ученика, и к тому же он родился в очень неприятной чистокровной семье и Беллатриса Блэк его кузина. В-третьих, как боевой маг Блэк был в двадцать раз лучше Петтигрю, хоть и не настолько умён. Поединок между ними был бы похож на поединок профессора Квиррелла и профессора Спраут. Скорее всего, Петтигрю не успел бы даже достать палочку, не говоря уже о создании всех упомянутых поддельных свидетельств, необходимых для этой теории. И в-четвёртых, Блэк стоял на улице и просто смеялся.

— Ну а крыса?.. — не выдержала Гермиона.

— Ладно, рассказываю. Если вкратце, Билл Уизли решил, что ручная крыса его брата Перси — это анимагическая форма Петтигрю...

У Гермионы отвисла челюсть.

— Да, — продолжил Гарри, — конечно, сложно представить, что злодей Петтигрю влачил жалкое существование в роли домашней крысы во враждебной ему семье волшебников. На его месте кто угодно скорее отправился бы к Малфоям, или, что ещё вероятнее, сделал бы пластическую операцию и уехал на Карибы. Но тем не менее, Билл вырубил своего младшего брата Перси, схватил крысу, парализовал её и разослал с совами срочные сообщения...

— О нет! — вырвалось у Гермионы.

— ...и каким-то образом умудрился созвать Дамблдора, министра магии и главу авроров...

— Не может быть! — воскликнула Гермиона.

— И конечно, собравшись вместе, они решили, что Билл — псих, но для полной уверенности применили на крысе *Веритас Окулум*. И что же они обнаружили?

Гермиона бы умерла на месте.

— Крысу.

— Возьми с полки пирожок! В общем, они отправили Билла Уизли в Святого Мунго, где выяснилось, что у бедняги вполне заурядный приступ шизофрении. Это иногда случается, особенно с молодыми людьми в позднем подростковом возрасте. Парень был убеждён, что ему девяносто семь лет, он умер и вернулся во времени к самому себе на поезде*. Антипсихотические препараты на него прекрасно действовали, он вернулся к нормальной жизни и теперь всё хорошо, за исключением того, что люди уже не обсуждают так часто конспирологические теории по поводу Сириуса Блэка и что никогда нельзя спрашивать Уизли об их домашней крысе.

Гермиона неудержимо хихикала. Это действительно было ужасно, но она не могла не смеяться, поэтому она — отвратительный человек.

— Единственное, чего я не понимаю, — сказал Гарри, когда они отсмеялись, — почему всё-таки Блэк выслеживал Петтигрю, вместо того чтобы просто сбежать. Он же знал, что за ним будут охотиться авроры. Интересно, они разобрались в его мотивах, перед тем как отправить его в Азкабан? Видишь, вот почему даже те, чья вина бесспорно доказана, всё равно должны предстать перед судом.

Гермиона согласилась.

Вскоре Гарри дочитал свою книгу. Гермиона за это время прочитала свою только до середины. Её книга была гораздо сложнее, но тем не менее отставание от Гарри смущало. Гермиона поставила «Магическую мнемонику» обратно на полку и поплелась к выходу, поскольку наступало время самого ужасного урока в Хогвартсе — ПОЛЁТОВ НА МЕТЛЕ.

Гарри последовал за ней, хотя до его занятий оставалось ещё полтора часа. Будто реактивный истребитель, сопровождающий маленький винтовой самолёт на похороны.

Тихим сочувствующим голосом мальчик пожелал ей удачи, и она отправилась на зелёное Поле Ужаса.

Там было много визга, едва не случившихся падений, ужасные смертоносные кусты, земля совершенно не там где надо, бьющее в глаза солнце, суеятящаяся вокруг неё Мораг, Мэнди, которая думала, что она незаметно подстраховывает Гермиону, на случай если та сорвётся с метлы. Гермиона знала, что остальные ученицы посмеиваются над ними обеими, но ничего не говорила Мэнди, потому что и в самом деле не хотела умирать.

Через десять миллионов лет урок закончился, и до следующего четверга она вернулась туда, где и положено быть человеку —

на землю. Иногда у неё случались кошмары: ей снилось, что теперь каждый день — четверг*.

Гермиона совершенно не понимала, зачем всех учат летать на метле, если став взрослыми они смогут просто аппарировать, пользоваться дымолётным порошком или порталами. Полёты на метле полезны примерно настолько же, как игра в вышибалы на физкультуре в обычной школе. Практически бессмысленное умение для взрослого волшебника.

Но по крайней мере Гарри любезно стыдится того, что хорошо справляется с этим занятием.

* * *

Несколько часов спустя она сидела в классе Пуффендуя с Ханной, Сьюзен, Лианной и Меган. Профессор Флитвик на удивление робко для учителя спросил, не могла бы она по возможности чуть-чуть помочь вон тем четырём девочкам с их домашней работой по Заклинаниям, пусть они и не из Когтеврана. Гермиона чуть не лопнула от гордости.

Она взяла лист пергамента, пролила на него немного чернил, порвала на кусочки, смяла их и рассыпала на столе. Хватило бы и просто смятого листа, но так это больше напоминало мусор, что облегчало новичкам изучение заклинания.

Гермиона приготовилась смотреть и слушать, а затем скомандовала:

— Итак, пробуем.

— *Эверто.*

— *Эверто.*

— *Эверто.*

— *Эверто.*

Гермионе показалось, что она заметила не все имеющиеся проблемы.

— Давайте ещё раз.

Через час она пришла к следующим выводам: 1) Лианна и Меган довольно невнимательные, но если их попросить сосредоточиться, то они будут стараться; 2) Ханна и Сьюзен настолько сильно стараются, что приходится просить их не спешить, расслабиться и думать, а не усердствовать — так странно было знать, что скоро эти двое будут в её распоряжении; и 3) ей понравилось помогать пуффендуйцам, во всём классе царила доброжелательная атмосфера.

Когда она пошла ужинать, то обнаружила ожидавший её эскорт — Мальчика-Который-Выжил, читающего книгу. Гермиона была поль-

щена и слегка обеспокоена — ей начинало казаться, что Гарри не общается вообще ни с кем, кроме неё.

— Ты знаешь, что в Пуффендуге есть девушка — метаморфмаг? — спросила Гермиона, когда они направились к главному залу. — Волосы у неё обычно ярко-красные, как знак светофора, а не как у Уизли. Так вот, сегодня она пролила на себя горячий чай, и на некоторое время превратилась в черноволосого мальчика — пока не взяла себя в руки*.

— Правда? Круто, — рассеянно ответил Гарри. — Э-э-э, Гермиона, ты же в курсе, что завтра последний день для записи в учебные армии профессора Квиррелла?

— Да, — кивнула она. — Армии злого профессора. — В её голове мелькнуло недовольство, но Гарри, конечно, не мог знать причину.

— Гермиона, — раздражённо заметил Гарри, — он не злой. Он слегка Тёмный, и уж конечно слизеринец до мозга костей. Но это не значит, что он злой.

Проблема Гарри в том, что у него слишком много разных названий для явлений. Для него же было бы лучше чётко поделить мир на Добро и Зло.

— Профессор Квиррелл вызвал меня перед всем классом и попросил в кого-нибудь выстрелить!

— Он был прав, — рассудительно сказал Гарри. — Прости, но тогда он был прав. Тебе надо было просто выстрелить в меня, я бы не возражал. Нельзя изучать боевую магию, не практикуясь в бою с настоящими противниками и настоящими заклинаниями. Да и в спарринге ты теперь отлично работаешь.

Гермионе было всего двенадцать, но она знала правильный ответ, только не могла его сформулировать, никак не могла подобрать слова, чтобы убедить Гарри.

Профессор Квиррелл поставил маленькую девочку перед всем классом и приказал ей стрелять первой по одному из одноклассников.

Не важно, что он был прав в том, что ей нужно этому научиться.

Профессор МакГонагалл никогда бы так не поступила.

Профессор Флитвик никогда бы так не поступил.

Возможно, даже профессор Снейп не стал бы так делать.

Профессор Квиррелл — ЗЛОЙ.

Но она никак не могла подобрать верные слова и понимала, что Гарри никогда ей не поверит.

— Гермиона, я разговаривал со старшими учениками, — произнёс Гарри. — Профессор Квиррелл может оказаться единственным ком-

петентным профессором по Зщите за все наши семь лет в Хогвартсе. Всё остальное мы сможем изучить позже. Но если мы хотим научиться Зщите, нам нужно заняться ею в именно этом году. Ученики, которые запишутся на все эти внеклассные штуки, узнают очень много, намного больше, чем должны знать первокурсники по мнению Министерства. Ты знаешь, что нас будут учить заклинанию Патронуса? В январе?

— Заклинанию Патронуса?! — Гермиона от удивления даже повысила голос.

Её книги утверждали, что это одно из наиболее светлых заклинаний, оружие против созданий Тьмы, которое применяется с помощью чистых положительных эмоций. Она не ожидала, что злой профессор Квиррелл будет учить такому — вернее, организовывать это обучение: Гермиона не могла представить, что он сам способен на это заклинание.

— Да, — подтвердил Гарри. — Ученики обычно изучают заклинание Патронуса не раньше пятого курса, иногда даже позже. Но профессор Квиррелл говорит, что учебные планы в Министерстве составляют говорящие флоббер-черви, и способность использовать заклинание Патронуса зависит больше от эмоций, чем от магической силы. По мнению профессора Квиррелла большинство учеников способны на гораздо большее, и он планирует доказать это в нынешнем году.

Как всегда, когда Гарри говорил о профессоре Квиррелле, в его голосе слышалось благоговение. Гермиона стиснула зубы, не замедляя шаг.

— На самом деле, я уже записалась, — чуть более спокойно сказала она. — Этим утром. На все дополнительные курсы, как ты и посоветовал.

Как говорится, назвался груздем — полезай в кузов.

Кроме того, она не хотела проигрывать, а для победы необходимо учиться.

— То есть, ты записалась в армии? — воскликнул Гарри с неожиданным энтузиазмом. — Это потрясающе, Гермиона! Я, правда, уже получил список своих солдат, но уверен, профессор позволит мне добавить ещё одного, или обменять...

— В твоей армии меня не будет, — резко сказала Гермиона. Она понимала, что предположение Гарри разумно, но оно всё-таки её раздражало.

Гарри моргнул:

— Но, конечно, к Драко Малфою ты тоже не пойдёшь. То есть, ты хочешь оказаться в третьей армии? Даже при том, что мы ещё не знаем, кто будет там генералом?

Судя по всему, Гарри был удивлён и немного обижен. Гермиона не могла его за это упрекать, но тем не менее упрекала, поскольку фактически во всём был виноват именно он.

— Но почему не ко мне?

— Подумай, — выпалила Гермиона. — Может, догадаешься!

И резко ускорила шаг. Гарри остался позади с открытым ртом.

* * *

— Профессор Квиррелл, — произнёс Драко крайне официальным голосом, — я должен выразить протест против назначения Гермионы Грейнджер в качестве третьего генерала.

— Неужели? — Квиррелл небрежно откинулся на спинку кресла. — Хорошо, выражайте, мистер Малfoy.

— Грейнджер не соответствует этой должности, — сказал Драко.

Профессор задумчиво постучал пальцем по щеке:

— Пожалуй, да, не соответствует. Ещё возражения есть?

— Профессор Квиррелл, — добавил Гарри, стоящий чуть позади, — со всем уважением ко многим выдающимся учебным талантам мисс Грейнджер, включая баллы Квиррелла, честно заработанные на ваших уроках, я хочу заметить, что её характер слабо подходит для военного командования.

Драко вздохнул с облегчением, когда Гарри согласился составить ему компанию для этого визита. И не только потому, что Поттер явно был любимчиком Квиррелла. Драко беспокоило, что Гарри на самом деле может дружить с Гермионой, ведь прошло уже порядочно времени, а он так и не сделал свой ответный коварный ход.

— Я согласен с мистером Поттером, — кивнул Драко. — Её назначение генералом превращает всё в фарс.

— Пусть это и резко сказано, — сказал Гарри, — но я не могу не согласиться с мистером Малфоем. Грубо говоря, Гермиона Грейнджер обладает примерно такой же готовностью убивать, как миска спелого винограда.

— Всё это я заметил и сам, — спокойно ответил профессор. — Вы не сообщили мне ничего нового.

Настал черёд Драко сказать что-нибудь, но разговор внезапно зашёл в тупик. Очевидно, причина назначения Грейнджер не входила в список тех, которые они с Гарри пытались просчитать перед приходом сюда. А что бы вы сказали, когда учитель заявляет, что он знает всё, что знаете вы, и тем не менее собирается сделать очевидную ошибку?

Молчание затянулось.

— Это какой-то план? — медленно спросил Гарри.

— Почему всё, что я делаю, должно быть каким-то планом? — с удивлённым видом спросил профессор. — Неужели я не могу творить хаос просто ради хаоса?

Драко чуть не задохнулся.

— Только не на ваших уроках Боевой Магии, — сказал Гарри со спокойной уверенностью. — В каких-то других случаях — возможно, но только не здесь.

Профессор Квиррелл медленно поднял брови.

Гарри твёрдо посмотрел в ответ.

Драко стало не по себе.

— Похоже, что никому из вас не пришёл в голову один простой вопрос, — произнёс Квиррелл. — Кого я могу назначить вместо мисс Грейнджер?

— Блейза Забини, — без колебаний ответил Драко.

— Ещё предложения? — судя по всему, это обсуждение завывало профессора.

В голову пришли Энтони Голдштейн и Эрни Макмиллан, но затем здравый смысл Драко взбрыкнул и вычеркнул грязнокровок и пuffedуидцев, независимо от их способностей к дуэлям. Потому он просто спросил:

— А что не так с Забини?

— Я понял... — медленно проговорил Гарри.

— А я нет, — сказал Драко. — Так почему не Забини?

Квиррелл посмотрел на Драко:

— Потому что, мистер Малфой, не важно, как сильно он будет стараться, он всё равно никогда не сможет сравниться с вами или мистером Поттером.

Драко был потрясён до глубины души.

— Вы же не хотите сказать, что Грейнджер сможет...

— Он сделал на неё ставку, — тихо произнёс Гарри. — Никаких гарантий, шансы не очень велики. Возможно, ей ни разу не удастся оказать нам серьёзное сопротивление, и даже если у неё получится, то только спустя месяцы. Но она единственная на нашем курсе, кто имеет хоть какой-то шанс научиться и побить нас.

Руки Драко дёрнулись, но так и не собрались в кулаки. Классическая тактика саботажа — появиться в качестве союзника, а затем уклониться. Значит, Гарри был заодно с Грейнджер, и это означало...

— Но, профессор, — продолжил Гарри, — я беспокоюсь, что Гермиона будет попросту несчастной в роли генерала. Сейчас я говорю как её друг. Между мной и Драко может выйти отличное соревнование, но то, что вы требуете от неё, это слишком.

Не важно.

— Дружба с Гермионой Грейнджер делает вам честь, — сухо сообщил Квиррелл. — Особенно учитывая тот факт, что вы одновременно дружите и с Драко Малфоем. Это впечатляет.

По лицу Гарри пробежала тень беспокойства, что, скорее всего, означало очень сильное беспокойство, и Драко мысленно выругался. Впрочем, было бы странно, если бы Гарри смог одурачить профессора Квиррелла.

— Я сомневаюсь, что мисс Грейнджер оценит ваш дружеский порыв, — продолжил Квиррелл. — Я не предлагал ей должность генерала, мистер Поттер, она сама попросила её у меня.

Какое-то время Гарри молчал. Затем он бросил на Драко короткий взгляд, в котором была смесь извинения и предупреждения, как бы говоря: «Извини, я сделал всё, что мог» и «Лучше не упорствовать».

— Что же до ваших опасений, — лёгкая улыбка заиграла на губах Квиррелла, — подозреваю, что она перенесёт командирские тяготы гораздо легче, чем вы оба ожидаете, и что она сможет дать достойный бой гораздо раньше, чем вы думаете.

У Гарри и Драко от ужаса перехватило дыхание.

— Вы же не собираетесь давать ей советы? — ошеломлённо спросил Драко.

— Я не подписывался биться против вас! — вторил Гарри.

Улыбка на губах профессора стала шире:

— По правде говоря, я действительно собирался предложить мисс Грейнджер пару советов по поводу её первых боёв.

— Профессор Квиррелл! — воскликнул Гарри.

— О, не волнуйтесь, она отказалась. Как я и ожидал.

Глаза Драко сузились.

— Послушайте, мистер Поттер, — сказал Квиррелл, — вам никогда не говорили, что так глазеть невежливо?

— Вы же не собираетесь тайно помогать ей каким-нибудь другим способом? — спросил Гарри.

— Разве я бы так поступил? — удивился профессор.

— Да, — хором ответили Драко и Гарри.

— Я уязвлён вашим недоверием. Ну хорошо, я обещаю не помогать генералу Грейнджер неизвестным вам образом. А теперь

я предлагаю вам обоим заняться подготовкой к войне. Ноябрь приближается, и быстро.

* * *

Не успела дверь кабинета Квиррелла закрыться, а Драко уже успел прикинуть последствия.

Не так давно Гарри пренебрежительно говорил об «отношениях с людьми».

И теперь это была единственная надежда Драко.

Хоть бы он не осознал, хоть бы он не осознал...

— Нам нужно просто напасть на эту девчонку первыми и убрать её с нашего пути, — сказал Драко. — А затем мы сможем соревноваться друг с другом без помех.

— Но это ведь не очень честно по отношению к ней? — мягко заметил Гарри.

— Почему тебя это волнует? — удивился Драко. — Она ведь твоя соперник, верно?

Затем, добавив в голос чётко отмеренную нотку подозрительности:

— Только не говори мне, что она тебе и в самом деле начала нравиться после вашего вечного соперничества...

— Упаси Основатели, — отмахнулся Гарри. — Ну что я могу сказать, Драко? У меня просто есть природное чувство справедливости. И у Грейнджер тоже, ты же знаешь. Она очень чётко разделяет добро и зло и она наверняка собирается атаковать зло в первую очередь. А тот, кто носит имя «Малфой», просто сам напрашивается.

ПРОКЛЯТЬЕ!

— Гарри, — сказал Драко с обидой и, пожалуй, лёгким превосходством в голосе, — разве ты не хочешь биться со мной честно?

— Ты имеешь в виду не выжидать, пока Грейнджер потрет твой войска, чтобы затем напасть? — уточнил Гарри. — Ну, я не знаю. Может быть, когда мне надоест всё время выигрывать, я попробую играть «честно».

— Возможно, она нападёт на тебя. Это ведь ты её соперник.

— Не-е-ет, я её дружественный соперник, — протянул Гарри, ухмыляясь. — Я купил ей отличный подарок на день рождения и всё такое. Ты бы не стал портить отношения с таким дружественным соперником.

— Значит, ты готов лишить меня шанса на честный бой? — вспыхнул Драко. — А я думал, мы друзья!

— Могу пояснить это немного другими словами, — ответил Гарри. — Грейнджер не станет предавать дружественного соперника. Но это потому, что она обладает такой же готовностью убивать, как и миска спелого винограда. А вот ты станешь. Ты точно станешь. Как и я.

ПРОКЛЯТЬЕ!

* * *

Будь это пьеса, сейчас бы звучала драматическая музыка. Безукоризненно одетый в мантию с зелёной оторочкой, аккуратно причёсанный герой-блондин встречается со злодеем.

Злодей с распущенными каштановыми волосами сидела откинувшись на спинку простого деревянного кресла и скалила зубы герою.

Была среда, 30 октября, и первая битва была назначена на ближайшее воскресенье.

Драко стоял в кабинете генерала Грейнджер, в комнате размером с небольшой класс. (Драко терялся в догадках, почему каждый генерал получил такой большой кабинет. Лично ему было бы достаточно стола и стула. Он не мог понять, зачем им вообще нужны кабинеты, его солдаты и так знали, где его можно найти. Разве что профессор Квиррелл специально выделил им огромные кабинеты как знак статуса, в этом случае Драко был только за.)

Грейнджер сидела в единственном кресле в комнате, как на троне, напротив входа. Между ними, посередине комнаты, стоял длинный прямоугольный стол, ещё четыре маленьких круглых стола были расположены по углам и лишь одно кресло стояло во главе стола.

Вдоль стены шёл ряд окон, и луч солнца, дотянувшись до волос Грейнджер, сделал их похожими на сияющую корону.

Хорошо бы смотрелось, если б Драко мог медленно выйти вперёд. Но на пути стоял стол и Драко пришлось обходить его, что трудно было сделать драматичным и величавым образом.

Это нарочно так подстроено? Если бы речь шла об отце, то конечно это было бы сделано специально, но перед ним Грейнджер, так что определённо нет.

Ему было некуда сесть, а Грейнджер не собиралась вставать.

Возмущение Драко не отразилось на его лице.

— Итак, мистер Драко Малфой, — произнесла Грейнджер, когда он встал перед ней, — вы просили аудиенции и я милостиво приняла вас. В чём заключается ваша просьба?

Пойдём со мной в особняк Малфоев, мы с отцом покажем тебе парочку интересных заклинаний.

— Ваш соперник, мистер Поттер, подходил ко мне с предложением, — проговорил Драко с серьёзным лицом. — Он не боится проиграть мне, но будет унижен в случае вашей победы. Потому он предлагал объединиться со мной, чтобы уничтожить вашу армию с самого начала, причём не только в нашей первой битве, но и во всех последующих. Как альтернативу, он предложил мне не вмешиваться, когда он направит все свои силы на вас в самом начале битвы.

— Понятно, — сказала Грейнджер с удивлённым видом. — И вы предлагаете мне свою помощь против него?

— Несомненно, — учтиво ответил Драко. — Я счёл его предложение бесчестным.

— Что же, очень мило с вашей стороны, мистер Малfoy, — произнесла Грейнджер. — Прошу прощения за то, как я разговаривала с вами ранее. Мы несомненно должны быть друзьями, могу я называть вас Дракоша?

Сигнал тревоги зазвучал в голове Драко, но всё ещё оставался шанс, что она не шутит...

— Конечно, — ответил Драко, — если вы позволите называть вас Гермюша.

Драко мог поклясться, что её лицо дрогнуло.

— Как бы то ни было, — добавил он, — я считаю, что Поттер получит по заслугам, если мы вдвоём нападём на него и уничтожим.

— Но разве это будет честно по отношению к мистеру Поттеру? — спросила Грейнджер.

— Думаю, это вполне честно. Ведь он первый собирался так поступить с вами.

Грейнджер сурово посмотрела на него. Возможно, Драко бы даже испугался, если бы был не Малfoyем, а каким-нибудь пuffedуицем.

— Вы похоже думаете, что я круглая дура, так ведь, мистер Малfoy?

Он чарующе улыбнулся:

— Нет, мисс Грейнджер, но я должен был хотя бы проверить. Итак, чего же вы хотите?

— Вы собираетесь меня подкупить? — спросила она.

— Точно, — кивнул Драко. — Могу ли я просто дать вам галлеон и быть уверенным, что вы станете биться с Поттером, а не со мной, до конца года?

— Нет, — отрезала Грейнджер, — но за десять галлеонов я готова атаковать вас обоих в равной степени, а не только армию Малфоя.

— Десять галлеонов — большая сумма, — осторожно сказал Драко.

— Я не знала, что Малфои бедны.

Драко пристально посмотрел на Грейнджер.

От этих слов у него возникло странное ощущение.

Конкретно эта девочка никак не должна была произносить конкретно эти слова.

— Бросаясь деньгами, никогда не станешь богатым, — заметил Драко.

— Не уверена, что вы знаете, кто такие дантисты, мистер Малфой, но мои родители — дантисты, и любая сумма менее десяти галлеонов вообще не стоит моего времени.

— Три галлеона, — предложил Драко, скорее для проверки.

— Нет, — сказала Грейнджер. — Если вы вообще хотите равного боя, то мне как-то не верится, что вы оцениваете его меньше, чем в десять галлеонов.

От этих слов у него возникло ещё более странное ощущение.

— Я отказываюсь, — ответил Драко.

— Отказываетесь? — переспросила она. — Это ограниченное по времени предложение, мистер Малфой. Вы уверены, что хотите рискнуть и весь год проигрывать самым жалким образом Мальчику-Который-Выжил? Это может поставить Дом Малфоев в довольно неловкое положение, не так ли?

Последний довод казался очень убедительным, от него было нелегко отмахнуться. Но нельзя разбогатеть, если тратить деньги, когда нутром чувствуешь подвох.

— Я рискну, — сказал он.

— Увидимся в воскресенье.

Драко повернулся и молча вышел из кабинета.

Всё пошло совершенно наперекосяк...

* * *

— Гермiona, — терпеливо объяснял Гарри, — предполагается, что мы будем строить планы друг против друга. Ты даже можешь предать меня, и за пределами поля боя это не будет ничего значить.

Гермiona покачала головой:

— Это будет нехорошо, Гарри.

Он вздохнул:

— Похоже, ты не прониклась духом происходящего.

«Это будет нехорошо». Ну и сказала. Гермиона не знала, стоит ли ей оскорбиться из-за того, что о ней подумал Гарри, или беспокоиться, что она и впрямь со стороны обычно выглядит такой святошей.

Самое время сменить тему.

— У тебя есть на завтра какие-то особые планы? — спросила Гермиона. — Завтра...

Её голос внезапно оборвался, как только она осознала.

— Да, Гермиона, — ответил Гарри слегка натянуто, — какой завтра день?

Интерлюдия

Когда-то в магической Британии 31 октября называлось Днём всех святых или Хэллоуином.

Теперь его называли Днём Гарри Поттера.

Гарри отказался от всех приглашений, включая приглашение от министра Фаджа, принять которое наверняка было бы полезно по политическим соображениям. Ему стоило стиснуть зубы и согласиться.

Но для Гарри 31 октября всегда будет днём, когда Тёмный Лорд убил его родителей. Наверное, где-то проходила тихая, достойная памятная церемония, но его на неё не пригласили.

В Хогвартсе отменили уроки в честь праздника. Даже слизеринцы не осмеливались надевать чёрное за пределами спален. Проходили праздничные мероприятия, подавалась праздничная еда и даже когда кто-то бегал по коридорам, учителя просто отворачивались. В конце концов, сегодня — десятая годовщина.

Чтобы не портить никому настроение, Гарри провёл весь день в своём сундуке. Он питался шоколадными батончиками, читал научную фантастику попечальнее (никакой фэнтези) и писал маме и папе письмо, которое получалось гораздо длиннее, чем обычно.

Глава 30

Работа в группах. Часть 1

Дж. К. Роулинг, если вам кто-то надоедает, подумайте о синем, досчитайте до двух и посмотрите на красный ботинок*.

В этот день, воскресенье, третьего ноября, три великие силы первого курса — Гарри Поттер, Драко Малфой и Гермиона Грейнджер — начнут борьбу за абсолютное лидерство.

(Гарри немного раздражало, что, согласившись на соревнование, Мальчик-Который-Выжил автоматически опустился с позиции абсолютного лидера до уровня одной из противоборствующих сторон, но он рассчитывал вскоре вернуть утраченное.)

Полею боя была назначена часть не-запретного леса, где деревья росли довольно густо — профессор Квиррелл счёл, что даже самая первая битва будет слишком скучной, если армии противников смогут беспрепятственно видеть друг друга.

Все ученики, которые не участвовали в намечающемся сражении, устроились поблизости и смотрели на экраны, установленные профессором Квирреллом. Все, кроме трёх гриффиндорцев с четвёртого курса, которые были прикованы к больничным койкам в лазарете у мадам Помфри*.

Участники были одеты не в обычные школьные мантии, а в магловскую камуфляжную униформу. Профессор где-то раздобыл достаточное количество одежды всех размеров. Не то чтобы учеников заботили возможные пятна и дырки — для решения подобных проблем существовали заклинания. Но, как объяснил Квиррелл удивлённым чистокровным волшебникам, благородное одеяние мага плохо подходит для прятков и манёвров среди деревьев.

На груди у каждого виднелась нашивка с названием и эмблемой армии. Маленькая нашивка. Если генералу захочется, чтобы его солдаты носили, скажем, цветные ленты для удобного распознавания

на расстоянии, и он готов рискнуть попаданием этих лент в руки неприятеля, то это его личные заботы.

Гарри хотел взять название «Армия Драконов».

Драко возмутился и сказал, что это окончательно всех запутает.

Профессор Квиррелл постановил, что у Драко на это название прав больше.

Так что теперь Гарри придётся биться с Армией Драконов.

Вероятно, это плохой знак.

В качестве эмблемы вместо слишком банальной драконьей головы, изрыгающей пламя, Драко выбрал просто языки пламени. Элегантно, незаезженно, смертоносно. «Вот что останется там, где пройдем мы». Очень в духе Малфоев.

Гарри, после обдумывания альтернатив вроде «501-го временного батальона» и «Отчаянных приспешников Гарри», решил, что его армия будет известна под простым и гордым именем «Легион Хаоса»*.

Их эмблемой стала рука с пальцами, собранными для щелчка.

Все согласились, что это плохой знак.

Ранее Гарри объяснял Гермионе, что мальчишки под её командованием, возможно, будут нервничать, зная, что их генерал имеет репутацию хорошей девочки, и потому убедительно советовал выбрать какое-нибудь устрашающее название, способное уверить их в твёрдости её духа и вселить гордость за то, что они являются частью её армии. Что-нибудь типа «Кровавые Коммандос».

Гермиона назвала свою армию «Солнечный Отряд».

Их эмблемой стало улыбающееся лицо.

И через десять минут между ними начнётся война.

Гарри стоял на светлой лесной поляне, служившей стартовой локацией его армии. Вокруг торчали старые гнилые пни, землю покрывали опавшие листья и серые пучки пожухлой травы, не пережившей летней жары. Сверху ярко светило солнце.

Рядом располагались двадцать три солдата, приписанных к нему профессором Квирреллом. На военные занятия записались почти все гриффиндорцы, больше половины слизеринцев, чуть меньше половины пуффендуйцев и несколько когтевранцев. В армии Гарри оказалось двенадцать учеников из Гриффиндора, шесть из Слизерина, четыре из Пуффендуя и один из Когтеврана, не считая самого Гарри... правда, способа отличить факультеты друг от друга по униформе не было. Никакого красного, никакого зелёного, никакого жёлтого или синего. Только магловский камуфляж и нашивка на груди, с рукой, пальцы которой собраны для щелчка.

Гарри оглядел своих солдат — все в одинаковой униформе, без каких-либо знаков групповой принадлежности, не считая нашивков.

Вдруг Гарри улыбнулся: он понял эту часть плана профессора Квиррелла и собирался воспользоваться этим в своих собственных целях.

В историю социальной психологии вошёл легендарный эксперимент «Робберс Кейв»*. Он проводился в смутное десятилетие после окончания Второй мировой войны с целью исследовать причины и найти способы решения конфликтов между группами. Учёные организовали летний лагерь в лесопарке для 22 мальчиков из 22 разных школ, выбирая детей из полных семей среднего класса. В первой фазе эксперимента изучались предпосылки возникновения конфликта между группами. 22 мальчика были поделены на две группы по 11 человек — и уже этого оказалось достаточно.

Враждебность возникла, как только обе группы узнали о существовании друг друга, обмен оскорблениями случился на первой же встрече. Одна группа назвала себя «Орлами», другая — «Гремучниками» (им не требовались названия, пока они думали, что одни). В группах стали развиваться контрастирующие групповые стереотипы. Гремучники считали себя крутыми и жёсткими и много сквернословили, а Орлы, соответственно, считали себя честными и приличными.

Вторая часть эксперимента была направлена на разрешение межгрупповых конфликтов. Идея собрать ребят вместе для проведения фейерверка не сработала. Они держались поодаль и ругались друг с другом. А вот когда было объявлено, что в лагере побывали вандалы, и группам нужно работать сообща, чтобы починить водоснабжение — это сработало. Общая задача, общий враг.

У Гарри возникло стойкое подозрение, что профессор очень хорошо осознавал этот принцип, создавая три армии для каждого курса.

Три армии.

Не четыре.

И при этом не разделённые по факультетам... разве что в армии Драко из слизеринцев были только он сам, мистер Крэбб и мистер Гойл.

Подобные поступки убеждали Гарри, что Квиррелл, несмотря на его показной Тёмный стиль и претензию на нейтральность в конфликте Добра и Зла, втайне поддерживает сторону Добра. Правда, Гарри никогда бы не посмел сказать об этом вслух.

И Гарри решил воспользоваться планом профессора, чтобы создать групповую идентичность по-своему.

На светлой поляне, среди старых гнилых пней, подсвеченных ярким солнцем, генерал Поттер и его двадцать три солдата хаотично

располагались тут и там, не пытаясь соблюдать ни малейшего подобия боевого строя. Кто-то стоял, кто-то сидел, некоторые стояли на одной ноге, просто чтобы выделяться.

В конце концов, это был Легион Хаоса.

За день до этого Гарри пренебрежительно сказал, что если не будет веской причины стоять ровным строем, то никакого ровного строя не будет.

Он разделил армию на 6 взводов по 4 солдата, и во главе каждого взвода поставил Советчика взвода. Солдаты получили строгий приказ игнорировать любой полученный приказ (включая этот), если в конкретный момент времени это покажется им хорошей идеей... за исключением случаев, когда Гарри или Советчик взвода будут предварять приказ словами «Мерлин говорит»^{*} — тогда требовалось действительно подчиниться.

Основная тактика Легиона Хаоса — разделиться и наступать с нескольких направлений, случайным образом меняя курс и стреляя разрешённым заклинанием сна как можно чаще. И если солдат заметит возможность отвлечь или смутить врага, он должен эту возможность использовать.

Быстро. Творчески. Непредсказуемо. Вразнобой. Не просто подчиняться приказам, а думать, есть ли прямо сейчас смысл в том, что ты делаешь.

Конечно, Гарри был не настолько уверен в эффективности этой боевой тактики, как пытался показать своей армии. С другой стороны, он получил бесценную возможность изменить самовосприятие некоторых учеников. В этом и был основной смысл предложенной тактики.

Пять минут до начала боя, если верить наручным часам.

Генерал Поттер подошёл (не промаршировал) к авиаотряду, от напряжения крепко сжимавшему в руках метлы.

— Всем крыльям: доложить о готовности, — произнёс генерал. Они отрепетировали эти фразы на тренировке в субботу.

— Красный лидер готов, — ответил Симус Финниган, хотя и понятия не имел, зачем это нужно.

— Красный пять готов, — Дин Томас всю жизнь ждал, чтобы сказать эти слова^{*}.

— Зелёный лидер готов, — сухо отозвался Теодор Нотт.

— Зелёный сорок один готова, — сказала Трейси Дэвис.

— Я хочу, чтоб вы оказались в воздухе, как только мы услышим гонг, — приказал генерал Поттер. — Не ввязывайтесь в бой, повторяю, не ввязывайтесь в бой. Если попадёте под огонь — улетайте.

(Конечно, было запрещено стрелять по мётлам заклинанием сна, для этого предназначалось другое заклинание, временно окружающее цель красным свечением. Наездник выбывал из боя, если попадали по нему или его метле.)

— Красный лидер и Красный пять, с максимальной скоростью летите к армии Малфоя, держитесь как можно выше, стараясь их разглядеть, и возвращайтесь, как только станет понятно, что они там делают. Зелёный лидер, вы летите к армии Грейнджер и делаете то же самое. Зелёный сорок один, держитесь над нами и следите за любыми приближающимися мётлами или солдатами, вам и только вам разрешается стрелять. И помните, я не сказал «Мерлин говорит» ни про один из своих приказов, но нам *очень* нужна информация. За Хаос!

— За Хаос! — с разной степенью энтузиазма прозвучали четыре голоса.

Гарри думал, что Гермиона первым делом нападёт на Драко, и в этом случае он собирался двинуть войска к ней на помощь, но только после того, как она потерпит значительные потери и успеет нанести некоторый ущерб противнику. Если получится, он преподнесёт это как героическое спасение. Нельзя допустить, чтобы Солнечный Отряд считал Легион врагами.

Но если Гермиона собирается поступить иначе... именно потому Легион Хаоса и замер на месте в ожидании новостей от Зелёного лидера.

Драко будет действовать в своих собственных интересах и предсказуемо готов отразить нападение Солнечного Отряда. Драко мог догадаться, что Гарри хитрил, говоря, что повременит с атакой до конца его боя с Гермионой. А мог и не догадаться.

Тем не менее, Гарри послал на разведку к Драко две метлы, просто на случай, если тот что-то затевает, а также опасаясь, что Драко, или мистер Гойл, или мистер Крэбб смогут подстрелить одну метлу.

Но предсказать действия генерала Грейнджер было невозможно, и Гарри не смел двинуться, не узнав, куда она направит свои силы.

* * *

В самом сердце леса, среди теней, пляшущих на земле, под сенью деревьев, покачивающих листьями где-то наверху, генерал Малфой осматривал свои войска со спокойным удовлетворением. Шесть подразделений по три солдата в каждом, авиаподразделение из четырёх солдат, включая Грегори, и командное подразделение из Винсента

и самого Драко. Хотя у них и было совсем немного времени на тренировки в прошлую субботу, он был уверен, что смог втолковать им основы. Держитесь своих товарищей, защищайте их спины и доверяйте им свою. Двигайтесь как одно целое. Выполняйте приказы и не показывайте страха. Цельтесь, стреляйте, двигайтесь, снова цельтесь, снова стреляйте.

Шесть подразделений выстроились вокруг Драко в защитное кольцо, внимательно наблюдая за лесом. Солдаты стояли спинами друг к другу, палочки опущены до начала атаки. Уже сейчас они выглядели почти как подразделения авроров, чьи тренировки Драко наблюдал, когда отец брал его на инспекции.

Хаос и Солнечные, даже проиграв, не поймут, с чем им пришлось иметь дело.

— Внимание, — произнёс генерал Малфой.

Шесть подразделений раздвинулись и повернулись к Драко. Наездники остались стоять с мётлами наготове, повернув только головы.

Драко заранее решил обойтись без воинских приветствий до первой выигранной битвы, когда гриффиндорцы и пуффендуйцы будут более настроены салютовать Малфою.

Но его солдаты уже стояли достаточно ровно, особенно гриффиндорцы, так что Драко даже задумался, надо ли откладывать. Грегори подслушал и пересказал ему, что благодаря эпизоду в классе Защиты, когда Драко вызвался принять урок поражения вместе с Поттером, его считали приемлемым командиром. По крайней мере, если уж кому-то случилось угодить в его армию. «Не все слизеринцы одинаковы. Есть слизеринцы, а есть Слизеринцы», вот что цитировали гриффиндорцы Армии Драконов своим одноклассникам.

Драко был поражён, как невероятно легко всё получилось. Сначала он протестовал против решения Квиррелла не назначать в его армию слизеринцев, но профессор заявил, что если Драко хочет стать первым Малфоем, добившимся полного политического контроля над страной, ему следует научиться управлять и другими тремя четвертями населения. Это был один из тех поступков, которые уверили Драко в том, что профессор Квиррелл тяготеет к добру куда больше, чем хочет показать.

Само же сражение лёгким не будет, особенно если Грейнджер сначала нападёт на Драконов. Драко разрывался между желанием направить все силы в превентивную атаку на Грейнджер и опасениями, что: 1) Гарри обманул его насчёт вероятных намерений Грейнджер и 2) Гарри обманул его насчёт своих намерений дожидаться нападения Грейнджер и только затем атаковать.

Правда, у Армии Драконов было секретное оружие — вернее, целых три, которых должно хватить для победы, даже если их атакуют две армии одновременно...

До начала боя оставалось совсем немного, значит, самое время для речи, которую Драко заранее сочинил и выучил наизусть.

— Скоро начнётся битва, — произнёс Драко спокойно и чётко. — Помните всё, что я и господа Крэбб и Гойл показывали вам. Армия побеждает, если она дисциплинирована и смертоносна. Генерал Поттер и Легион Хаоса не дисциплинированы. Грейнджер и Солнечный Отряд не смертоносны. Мы — дисциплинированы и смертоносны, мы — Драконы. Скоро начнётся битва и мы победим.

* * *

*(Импровизированная речь, произнесённая генералом Поттером перед Легионом Хаоса непосредственно перед первой битвой, 3 ноября 1991 года, 14:56)**

Мои солдаты, я не собираюсь врать вам, наши дела очень плохи. Армия Драконов не проиграла ещё ни одной битвы. А Гермиона Грейнджер... девочка с феноменальной памятью. Правда в том, что большинство из вас, возможно, сегодня умрут. А выжившие позавидуют мёртвым. Но мы должны победить. Мы должны победить, чтобы когда-нибудь наши дети снова могли наслаждаться вкусом шоколада. Всё поставлено на карту. Буквально всё. Если мы проиграем, вся вселенная погаснет, как перегоревшая электрическая лампочка. Я понимаю, не все из вас знают, что такое электрическая лампочка. Но поверьте, это будет очень плохо. И если нам суждено пасть, давайте падём как герои, чтобы, когда сомкнётся тьма, мы могли подумать, что по крайней мере нам было весело! Вы боитесь умереть? Я — да. Я чувствую эту холодную дрожь, как будто кто-то кинул мороженное мне за шиворот. Но я знаю... история смотрит на нас. Она смотрела на нас, когда мы переодевались в нашу форму. Возможно, даже фотографировала. А история, мои войска, пишется победителями. Если мы сегодня победим, мы напишем новую историю. Историю, в которой Хогвартс был основан четырьмя беглыми домовыми эльфами. Мы можем заставить всех изучать эту историю, даже если это неправда, и если они будут неправильно отвечать на вопросы наших тестов... они завалят экзамены. Разве за это не стоит умереть? Нет, не отвечайте. Некоторым словам лучше оставаться невысказанными. Никто из нас не знает, зачем мы здесь. Никто из нас не знает, почему мы сражаемся. Мы просто проснулись в этой форме

в этом загадочном лесу, зная лишь, что получить обратно наши имена и нашу память мы сможем только победив. Ученики в других армиях... они похожи на нас. Они не хотят умирать. Они сражаются, чтобы защитить друг друга, единственных друзей, которые у них остались. Они сражаются, потому что у них есть семьи, которые будут по ним скучать, даже если они не помнят свои семьи. Может быть, они даже сражаются, чтобы спасти мир. Но у нас гораздо лучший повод, чтобы сражаться, чем у них. Мы сражаемся, потому что нам это нравится. Мы сражаемся, чтобы развлечь жутких монстров, смотрящих на нас из-за пределов Времени и Пространства. Мы сражаемся, потому что мы — Хаос. Скоро начнётся последняя битва, так что позвольте мне сказать это сейчас, — поскольку потом у меня может не быть такой возможности, — для меня было честью быть вашим командиром, пусть и недолго. Спасибо вам, спасибо за всё. И помните, наша цель не просто разбить врага, а заставить его бояться.

* * *

Над лесом разнёсся гулкий, громкий звук гонга. И Солнечный Отряд начал маршировать.

* * *

Для Гарри и девятнадцати его солдат, ожидавших возвращения воздушных разведчиков, напряжение нарастало и нарастало. Ждать оставалось недолго, метлы летают быстро, а расстояния в лесу невелики...

Две метлы приближались на большой скорости со стороны лагеря Драко. Все солдаты подобрались. Наездники на метлах не выполняли манёвров, которые были сегодняшним опознавательным знаком для своих.

— Рассеяться и огонь! — проорал генерал Поттер и подкрепил свою команду действиями, бросившись на максимальной скорости под укрытие леса. Оказавшись среди деревьев, он развернулся, вскинул палочку, высматривая метлу в небе...

— Чисто! — прокричал кто-то. — Они возвращаются!

Гарри мысленно пожал плечами. Он не мог помешать Драко получить эту информацию, но тот лишь узнает, что они всё ещё стоят на месте.

Солдаты Хаоса медленно вышли из леса...

— Метла со стороны Грейнджер! — прокричал кто-то ещё. — Думаю, это Зелёный Лидер, он выполнил нырок и перекат!

Мгновением позже Теодор Нотт спикировал и остановился в гуще солдат.

— Грейнджер разделила свои силы на две части! — выкрикнул Нотт, остановив метлу недалеко от земли. Его униформа была мокрой от пота, и он был уже не так спокоен, как перед битвой. — Она атакует обе армии! Две метлы прикрывают каждое подразделение, они преследовали меня половину пути сюда!

Разделила армию, какого чёрта...

Если большие силы сконцентрируют огонь на меньших, то меньшие будут быстро уничтожены и не смогут нанести значительный урон врагу. Если двадцать солдат столкнутся с десятью, двадцать сонных заклинаний будут направлены в десять солдат, а в ответ будут направлены только десять, так что если только эти десять не поразят все свои цели, меньшие силы потеряют больше людей, чем заберут с собой.

О чём вообще думает Гермиона...

И тут Гарри понял.

Она решила быть честной.

Кажется, курс обучения боевой магии будет долгим.

— Хорошо, — громко произнёс Гарри. — Ждём доклада красного крыла, а затем закроем тучами немного Солнца.

* * *

Драко выслушал доклад летунов со спокойным лицом, хотя в глубине души он был потрясён. О чём вообще думает Грейнджер?

И тут Драко понял.

Это финт.

Одно из подразделений Солнечных изменит направление и оба направятся на... кого?

* * *

Невилл Лонгботтом маршировал через лес навстречу приближающимся войскам Солнечных, изредка поглядывая на небо в поисках мётел. Рядом с ним маршировали его товарищи по взводу — Мелвин Кут и Лаванда Браун из Гриффиндора и Аллен Флинт из Слизерина. Аллен Флинт был их Советчиком взвода, хотя изначально, наедине, Гарри сказал Невиллу, что тот сам может стать Советчиком, если хочет.

Наедине Гарри сказал Невиллу много чего, причём начал следующим образом: «Знаешь, Невилл, если ты хочешь стать таким

же крутым, как тот воображаемый Невилл, что живёт у тебя в голове, но ничего не делаешь, потому что боишься, то тебе в самом деле стоит записаться в армии профессора Квиррелла».

И теперь Невилл был абсолютно уверен, что Мальчик-Который-Выжил умеет читать мысли. Другого объяснения быть не могло. Невилл никогда и никому не говорил об этом и никогда не замечал, чтобы у других людей возникали подобные проблемы.

И обещание Гарри сбылось, сейчас он себя чувствовал не так, как во время спаррингов на уроках Защиты. Сначала Невилл надеялся, что спарринги ему помогут, но, увы, этого не произошло. Да, он мог пару раз попасть своими заклинаниями в другого ученика на уроке в присутствии профессора Квиррелла, следящего за безопасностью. Да, он даже мог увернуться и выстрелить в ответ, ведь это было разрешено, более того, все этого ожидали и он бы выглядел просто нелепо, если б не уворачивался и не стрелял в ответ. Только всё это не имело никакого отношения к умению постоять за себя.

Но быть частью армии...

Какое-то странное чувство шевелилось в Невилле, когда он маршировал через лес вместе со своими товарищами, у которых, как и у него, на груди была изображена рука с пальцами, собранными для щелчка.

Он мог просто идти, но ему хотелось маршировать.

Судя по всему, и Мелвину, и Лаванде, и Аллену, шагавшим рядом с ним, тоже хотелось маршировать.

И Невилл начал тихонько петь Песнь Хаоса.

Маглы бы узнали в этом мотиве «Имперский марш» Джона Уильямса, также известный как «Тема Дарта Вейдера». Текст песни, предложенный Гарри, было легко запомнить.

*Дум дум дум
Дум дум дум дум дум дум
Дум дум дум
Дум дум дум дум дум дум
ДУМ дум ДУМ
Дум дум дум-дум-дум дум дум
Дум дум-дум-дум дум дум
Дум дум дум, дум дум дум.*

На второй строчке ему начали подпевать остальные, и вскоре тот же тихий напев послышался из-за ближайших деревьев.

Невилл маршировал среди своих собратьев по Легиону Хаоса, что-то странное шевелилось в его сердце, с его губ слетала ужасающая песнь рока*, и мечты становились реальностью.

* * *

Гарри смотрел на бессознательные тела, лежащие вокруг. Наблюдать эту картину было неприятно, и ему пришлось напомнить себе, что они просто спят. Среди лежащих были девочки, и от этого зрелище казалось ещё хуже. Ни в коем случае не стоит упоминать об этом в разговоре с Гермией, или авроры обнаружат его останки в очень-очень маленьком чайнике.

Половина Солнечных не смогла дать достойный бой всей армии Хаоса. Девять пехотинцев судорожно выкрикнули заклинание Простого щита, закрыв свои лица и грудь. Но нельзя одновременно и удерживать щит, и стрелять, и солдаты Гарри просто прицелились в ноги. Все Солнечные, кроме одного, упали, когда раздались крики «Сомниум!» Последний успел отключить щит и вырубить одного из солдат Гарри, но его накрыла вторая волна сонных заклинаний (множественные попадания этим заклинанием не опасны). Сбить двух Солнечных на мётлах оказалось сложнее, и это стоило Гарри трёх солдат.

Гермионы среди лежащих не было. Видимо, она досталась Драко. Гарри сам не понимал, почему его это так раздражает — то ли он чувствовал, что должен был её защищать, то ли хотел «убить» самостоятельно, то ли всё вместе.

— Ладно, — громко сказал Гарри. — Все должны уяснить, что это был ещё не настоящий бой. Генерал Грейнджер допустила ошибку в своей первой битве. По-настоящему мы сегодня сражаемся с Армией Драконов, и с ними всё будет по-другому — ещё забавнее. Двигаемся.

* * *

Метла спикировала с неба с ужасающей скоростью и развернулась на месте, затормозив так резко, что почти было слышно, как протестующе вскрикнул воздух. Наездник остановился прямо перед Драко. Это не было опасной попыткой пустить пыль в глаза. Просто Грегори Гойл в самом деле настолько хорошо управлялся с метлой и не тратил время попусту.

— Поттер близко, — произнёс Грегори. Он не растягивал слова как обычно. — У них по-прежнему четыре метлы. Хочешь, чтобы я их сбил?

— Нет, — резко ответил Драко. — Сражение над их армией даст им слишком большое преимущество — в тебя будут стрелять с земли и даже ты не сможешь увернуться от всех. Жди, пока мы не ввяжемся в бой.

Драко потерял четырёх драконов в обмен на двенадцать солнечных. Очевидно, генерал Грейнджер в самом деле была удивительной душой. Но среди атакующих её не было, поэтому Драко не мог подразнить её или спросить, о чём, во имя Мерлина, она думала.

Все они знали, что настоящая битва будет против Гарри Поттера.

— Готовьтесь! — прокричал Драко своим войскам. — Держитесь рядом со своими товарищами, действуйте как единое целое, стреляйте, как только противник окажется в зоне досягаемости!

Дисциплина против хаоса.

Бой не затянется.

* * *

Адреналин переполнял кровь Невилла, затрудняя дыхание.

— Мы приближаемся, — произнёс генерал Поттер голосом, громким ровно настолько, чтобы его слышала вся армия. — Пора рассредоточиться.

Товарищи Невилла отодвинулись от него. Они всё ещё могли поддерживать друг друга, но если бы они держались близко, врагу было бы гораздо легче в них попадать, заклинание, направленное в одного солдата, может пролететь мимо и попасть в другого. Если цели рассредоточены и движутся очень быстро, попасть в них гораздо сложнее.

Во время тренировки генерал Поттер в первую очередь разбил их на пары и приказал им стрелять в друг друга в разных ситуациях: когда оба быстро бегут, когда оба стоят и тратят время на прицеливание, и когда один движется, а второй стоит на месте. Заклинание, отменяющее действие сонного — простое, хотя в реальной битве его использовать было запрещено. Генерал Поттер аккуратно записал наблюдения, заполнил пару свитков пергамента графиками и вычислениями, а затем объявил, что эффективней будет не тщательно прицеливаться, а быстро передвигаться, чтобы врагу было сложнее попасть.

Невилл слегка нервничал из-за того, что в атаку он пойдёт не плечом к плечу с товарищами, но у него в голове уже гремели жуткие боевые кличи, которые они разучивали вчера, и это его подбодрило.

Невилл мысленно поклялся, что в этот раз его голос не сорвётся на писк.

— Поднять щиты, — скомандовал генерал Поттер. — Энергию на передние отражатели.

— *Контего*, — пробормотала его армия, и перед каждым солдатом появился круглый экран, закрывающий голову и грудь.

Кислый привкус наполнил рот Невилла. Если генерал Поттер приказал создать щиты, значит, противник уже рядом. Сквозь плотные ветви Невилл смог разглядеть движущиеся очертания Драконов, и Драконы их, наверное, тоже увидели...

— В атаку! — раздался вдалеке голос Драко Малфоя, и генерал Поттер заорал:

— Вперёд!

Весь накопленный адреналин высвободился, и Невилл бросился на врага. Так быстро он ещё никогда не бегал, и, даже не оглядываясь по сторонам, он знал, что все его товарищи делают то же самое.

— Кровь для Бога крови! — завопил Невилл. — Черепа для Трона черепов! Йа! Шуб-Ниггурат! Вражеские ворота сбоку!*

Заклинание сна беззвучно рассеялось, столкнувшись со щитом Невилла. Возможно, в него стреляли не один раз, но остальные не попали.

Невилл успел разглядеть испуг на лице Уэйна Хопкинса, стоявшего рядом с двумя незнакомыми Невиллу гриффиндорцами, а затем...

...Невилл убрал Простой щит и выстрелил в Уэйна...

...промахнулся...

...ноги понесли его прямо, мимо вражеской группы, по направлению к трём другим Драконам, которые с открытыми ртами начали направлять на него палочки...

...и совершенно не задумываясь, Невилл бросился на землю одновременно с тремя выкриками «*Сомниум!*»

Было больно. Твёрдые камни и ветки впились в тело Невилла во время переката. Конечно, это было не настолько больно, как после падения с метлы, но всё-таки он сильно ударился. Внезапное озарение подсказало замереть и закрыть глаза.

— Стойте! — завопил кто-то. — Не стреляйте, это мы — Драконы!

С упоительным чувством торжества Невилл вдруг понял, что умудрился проскочить между двух групп Драконов в тот самый миг,

когда одна из групп стреляла в него. Гарри рассказывал, что при такой тактике враг может побояться стрелять, но, похоже, вышло ещё лучше.

А кроме того, Драконы поверили, что они в него попали, потому что он упал после их выстрелов.

Невилл мысленно досчитал до двадцати, затем чуть приоткрыл глаза.

Трое Драконов были совсем рядом и отчаянно пытались рассмотреть источники выкриков «*Сомниум!*» и «Череп для Трона черепов!». У всех троих теперь были Простые щиты.

Палочка была по-прежнему у Невилла в руке, он без труда прицелился в ногу одного из мальчиков и прошептал: «*Сомниум*».

После чего, услышав звук падающего тела, быстро закрыл глаза и расслабил руку.

— Откуда стреляли?! — услышал Невилл вопль Джастина Финч-Флетчи, за которым последовал шорох листьев — оба Дракона начали крутиться, пытаясь увидеть врага.

— Перестроиться! — раздался крик Малфоя. — Все ко мне, не дайте им вас рассеять!

По звукам Невилл понял, что двое Драконов перепрыгнули через него и куда-то побежали. Мальчик открыл глаза, встал на ноги, поморщившись от боли, после чего использовал новое заклинание, которому их обучил генерал Поттер. В их возрасте они не могли использовать настоящие иллюзии, чтобы сбить с толку врага, но...

— *Чреовецалио*, — прошептал Невилл, указывая палочкой на точку сбоку от Джастина и другого Дракона, а затем крикнул: — Во славу Ктулху!

Драконы резко остановились и повернулись так, что их щиты были направлены туда, откуда раздался боевой клич. Раздались многочисленные выкрики «*Сомниум!*» и Дракон рядом с Джестином упал. Невилл даже не успел прицелиться.

— Последний — мой! — заорал Невилл и помчался прямо на Джастина, который был груб с ним, пока его не приструнили старшие пуффендуицы. Невилла окружали его товарищи, и это означало...

— Спедатака — Прыжок Хаоса! — крикнул Невилл на бегу и почувствовал, что его тело стало вдвое легче, а затем ещё вдвое легче, потому что его товарищи направили на него палочки и применили левитирующее заклинание. Невилл вскинул левую руку, щёлкнул пальцами, оттолкнулся от земли что есть силы и взмыл в воздух. Совершенно обалдевший Джастин мог лишь смотреть, как Невилл взлетает над его щитом, направляет палочку вниз и выкрикивает «*Сомниум!*».

Просто Невиллу хотелось «убить» его именно так, вот зачем.

Приземлиться аккуратно на ноги Невилл не смог и упал, но двое из трёх Легионеров Хаоса продолжали направлять на него палочки, поэтому он ударился не очень сильно.

Тяжело дыша, Невилл встал. Он знал, что должен двигаться, вокруг со всех сторон неслись крики: «Сомниум!»...

— Я — Невилл, последний из Лонгботтомов! — Невилл запрокинул голову и вскинул палочку, будто вызывая на бой само яркое синее небо. Он знал, что таких ощущений у него уже никогда не будет. — Невилл из Хаоса! Сразитесь со мной, если осме...

(Когда впоследствии Невилла разбудили, ему рассказали, что Армия Драконов восприняла это как сигнал к контратаке.)

* * *

Девочка рядом с Гарри свалилась на землю, приняв на себя заклинание, предназначавшееся ему. Издалека донёсся злорадствующий смех мистера Гойла, который только что пронёсся мимо Гарри с такой скоростью, что тот пошатнулся от воздушной волны.

— Люминос! — выкрикнул мальчик рядом с Гарри, не успевший восстановить магические силы, чтобы поделаться это раньше, так что мистер Гойл без труда увернулся.

У Хаоса осталось только шесть солдат, у Армии Драконов — два. Единственная проблема заключалась в том, что один из них был неуязвим, а другой — требовал внимания трёх солдат, только чтобы он не высовывался из-под своего щита.

Мистер Гойл вывел из игры больше солдат, чем все остальные Драконы, вместе взятые. Он носился и уворачивался с такой скоростью, что в него было невозможно попасть, и при этом ещё и умудрялся стрелять. Гарри уже придумал уйму способов, как его остановить, но ни один из них не был безопасным. Левитирующее заклинание могло бы его замедлить (тогда бы в него было легче целиться), но он мог свалиться с метлы, кинуть что-нибудь ему наперерез было опасно... Но об этом помнить было всё сложнее и сложнее, поскольку на Гарри всё сильнее накатывала холодная ярость.

Это игра. Ты не пытаешься убить его. Не вздумай испортить все свои планы из-за игры...

Гарри смог заметить последовательность в финтах мистера Гойла, он видел, как и когда им нужно выстрелить, чтобы создать «сеть», от которой мистер Гойл не сможет увернуться, но у него не было

фигурировать камень его отца. Так что он довольно дёшево заплатил за очень ценный урок.

Заметка на будущее: всегда снимай кольцо перед применением магии, которое полностью лишает сил.

Гарри с трудом поднялся на ноги. Использование магии не требует напряжения мускулов, но ему пришлось ещё бегать и уворачиваться.

Слегка шатаясь, он прошёл к переливающейся полусфере. Внутри, подняв палочку, чтобы держать щит, стоял Драко Малфой и холодно улыбался.

— Где пятый солдат? — спросил Гарри.

— Эм... — произнёс мальчик, имя которого Гарри не смог вспомнить. — Я выстрелил заклинанием сна в щит, а оно отразилось и попало в Лаванду. В смысле, под таким углом этого не должно было случиться, но...

Драко за щитом самодовольно ухмыльнулся.

— Я правильно понимаю, — Гарри посмотрел Драко прямо в глаза, — что эти аккуратные троечки — боевой порядок, который используют профессиональные маги-военные? Которых специально тренируют, чтобы у них не дрожали руки и они легко поражали движущиеся цели, и которые умеют объединять силы для обороны, когда они вместе? В отличие от твоих солдат?

Ухмылка исчезла с лица Драко. Теперь оно было напряжённым и угрюмым.

— Видишь, — не понижая голос произнёс Гарри, зная, что никто из окружающих не поймёт настоящего смысла сообщения, — вот почему нужно всегда ставить под сомнение всё, что делают те, кому ты подражаешь, и спрашивать себя, почему они поступают так, а не иначе, и есть ли смысл делать то же самое в твоей ситуации. В реальной жизни этот совет, кстати, тоже полезен. И спасибо за медленные группы целей.

Вообще-то Гарри это уже объяснял Драко, но, видимо, тот решил проигнорировать урок, подозревая, что Гарри хочет поколебать его верность традициям чистокровных. Конечно, замысел Гарри в этом и состоял. Но сказанное сейчас даст прекрасный повод заявить в следующую субботу, что сомнение в авторитетах — обычная практика в реальной жизни. Гарри также упомянет эксперименты, которые он провёл — с отдельными солдатами и с группами, — чтобы проверить свою гипотезу о том, что скорость очень важна. Это поможет вбить в голову Драко мысль, что надо всегда и везде искать способы применить методы рационального мышления на практике.

— Вы ещё не выиграли, генерал Поттер! — рявкнул Драко. — Может быть, у нас кончится время, и профессор Квиррелл объявит ничью.

Справедливое и неприятное замечание. Война закончится, только когда профессор Квиррелл самостоятельно решит, что одна из армий победила по стандартам реального мира. Он объяснил, что формальных условий победы нет, поскольку в противном случае Гарри придумает, как обойти правила. Гарри был вынужден признать, что тут Квиррелл полностью его просчитал.

И Гарри не мог винить профессора Квиррелла за то, что тот не объявляет о конце игры, потому что вполне возможно, что последний солдат Армии Драконов выбьет из игры всех пятерых выживших из Легиона Хаоса.

— Ладно, — сказал Гарри. — Кто-нибудь знает что-нибудь о заклинании щита генерала Малфоя?

Выяснилось, что щит Драко — это разновидность стандартного *Протега* с несколькими недостатками, наиболее важный из которых заключается в том, что щит не передвигается вместе с создавшим его волшебником.

Преимущество — или недостаток, с точки зрения Гарри, — этого заклинания в том, что его легче выучить, легче применить и намного легче поддерживать длительное время.

Чтобы сломать этот щит, по нему нужно бить атакующими заклинаниями.

И очевидно, у Драко есть какой-то способ управлять углом отражения этих заклинаний.

Гарри пришла в голову мысль, что они могут использовать заклинание *Вингардиум левиоса*, чтобы складывать тяжёлые камни на щит сверху, и рано или поздно Драко не сможет удерживать вес... Но камни могут потом упасть на Драко, а ранение вражеского генерала всерьёз не входило в сегодняшние цели.

— Что ж, — произнёс Гарри. — Существуют ли такие штуки, как заклинания для пробивания щитов?

Такие заклинания были.

Гарри спросил, знает ли их кто-нибудь из его солдат.

Ответ был отрицательный.

Драко опять ухмыльнулся.

Гарри спросил, есть ли атакующие заклинания, которые не отражаются.

Судя по всему, молнии обычно поглощались щитами, а не отражались.

...Но никто из его солдат не умел применять никаких заклинаний, имеющих отношение к молниям.

Драко хихикнул.

Гарри вздохнул.

И демонстративно положил свою палочку на землю.

После чего немного усталым голосом объявил, что он сейчас снимет этот щит самостоятельно неким таинственным способом, а все остальные должны стрелять в Драко, как только щит исчезнет.

Легионеры Хаоса явно занервничали.

Драко же сохранял спокойствие, то есть держал себя в руках.

Гарри достал из кошель тонкое сложенное одеяло, сел рядом с мерцающим щитом, накинул одеяло себе на голову, так что никто не мог видеть, что он там делает — разумеется, не считая Драко.

Из кошель появился автомобильный аккумулятор и провода с клеммами.

...собираясь начать новую эру в изучении магии, он, конечно же, не мог покинуть мир маглов, не прихватив с собой какой-нибудь источник электричества.

Вскоре Легионеры Хаоса услышали щелчок пальцев, за которым последовало какое-то потрескивание из под одеяла. Щит засиял ярче, и голос Гарри произнёс:

— Пожалуйста, не отвлекайтесь, не сводите глаз с генерала Малфоя.

Лицо Драко исказилось от ярости, досады и разочарования.

Гарри улыбнулся ему и одними губами сказал:

— Расскажу позже.

И в этот миг откуда-то из леса вылетела спираль зелёной энергии и ударила в щит Драко. Раздался звук, как будто стеклом провели по стеклу, и Драко пошатнулся.

Резкими судорожными движениями Гарри сорвал клеммы с аккумулятора и запихнул в кошель провода, сам аккумулятор, стащил с себя одеяло, схватил палочку и вскочил на ноги.

Все его солдаты застыли на своих местах и лихорадочно оглядывались.

— Контего, — сказал Гарри и солдаты Хаоса подняли щиты, правда он не знал, откуда ждать нападения. — Кто-нибудь заметил, откуда оно появилось?

Солдаты замотали головами.

— Генерал Малфой, скажите пожалуйста, Грейнджер досталась вам?

— Не-а, — язвительно ответил Драко, — не скажу.

О чёрт!

Гарри начал подсчитывать: Драко под щитом, Драко в какой-то мере выдохся, он сам тоже выдохся, Гермиона непонятно где, у Гарри осталось четыре солдата...

— Знаете, генерал Грейнджер, — громко произнёс Гарри, — вам бы следовало повременить с атакой, пока я не разобрался с генералом Малфоем. Возможно, тогда бы вы смогли справиться со всеми выжившими.

Откуда-то послышался высокий девичий смех.

Гарри замер.

Это была не Гермиона.

И тогда отовсюду зазвучала эта ужасная, зловещая, весёлая песня:

«Добрым нечего бояться

Лишь со злыми будем драться...»

— Грейнджер жульничает! — завопил Драко внутри щита. — Она разбудила своих солдат! Почему профессор Квиррелл...

— Дай-ка я угадаю, — сказал Гарри. Он ненавидел проигрывать, и у него уже сосало под ложечкой. — Это был совсем простой бой, да? Они падали как дохлые мухи?

— Да, — кивнул Драко. — Мы уложили их всех с первого залпа...

Ужасное осознание произошедшего распространилось от Драко к Легионерам Хаоса.

— Нет, — произнёс Гарри, — не уложили.

Фигуры в камуфляже показались среди деревьев.

— Союз? — спросил Гарри.

— Согласен, — ответил Драко.

— Отлично, — послышался голос Грейнджер, и спираль зелёной энергии, сверкнув из-за деревьев, разнесла щит Драко вдребезги.

* * *

Генерал Грейнджер осматривала поле боя с явным удовлетворением. У неё осталось девять Солнечных солдат, но этого было вполне достаточно, чтобы держать под контролем последнего выжившего врага. Парвати, Энтони и Эрни держали на прицеле генерала Поттера, которого она приказала взять живым (ну, в сознании).

Она знала, что это Плохо, но ей очень, очень, очень хотелось позлорадствовать.

— Это какой-то фокус? — напряжённо спросил Гарри. — Тут должен быть какой-то фокус. Ты не можешь вот так внезапно прев-

ратиться в лучшего полководца, добавок ко всем прочим талантам. Ты не хитра, как слизеринец! Ты не сочиняешь жуткие песни! Никто не может быть настолько хорош во всём!

Генерал Грейнджер окинула взглядом своих Солнечных солдат и снова посмотрела на Гарри. Наверное, все наблюдатели сейчас замерли у экранов.

Она сказала:

— Я могу достичь чего угодно, если буду достаточно усердно учиться.

— Что за бре...

— *Сомниум*.

Гарри осел на землю, не закончив фразу.

— СОЛНЕЧНЫЕ ПОБЕДИЛИ, — прогремел голос профессора Квиррелла, исходящий отовсюду и ниоткуда.

— Доброта торжествует! — воскликнула генерал Грейнджер.

— Ура! — закричали Солнечные солдаты. Даже гриффиндорцы кричали, и кричали с гордостью.

— И какова мораль сегодняшней битвы? — спросила генерал Грейнджер.

— Мы можем достичь чего угодно, если будем достаточно усердно учиться!

И выжившие солдаты Солнечного Отряда маршем отправились к поляне победителей, распевая свою походную песню:

*Добрым нечего бояться,
Лишь со злыми будем драться.
Плохишей домой отправим
И учиться их заставим.
Поделиться счастьем рад
Грейнджер Солнечный Отряд!*

Работа
в группах.
Часть 2.
Послесловия

Наконец Гарри вздохнул. У него всё равно не получалось ничего придумать, а ещё нужно сходить к Гермионе или кому-нибудь другому и выучить к следующей битве заклинание Пронзающего бура. Профессор Квиррелл весело — но всё-таки с резкими нотками предупреждения в голосе — объяснил ему, что правило «Никаких волшебных предметов, кроме тех, что дал я» включает в себя магловскую технику, хоть в ней и нет магии. А ещё Гарри нужно придумать, как сбивать мистера Гойла в следующий раз...

Битвы могли принести генералам множество очков Квиррелла, и Гарри нужно поднажать, если он хочет выиграть исполнение рождественского желания от профессора Защиты.

* * *

В личной комнате в подземельях Слизерина Драко Малфой смотрел в пустоту, как будто стена перед ним была самым завораживающим зрелищем в мире.

Как?!

Как?!

Задним числом все эти хитрые замыслы казались очевидными, но Грейнджер не должна была оказаться хитрой! На первом уроке Защиты она поступила слишком по-пуффендуйски, когда нужно было использовать заклинание Простого удара! Может, профессор Квиррелл давал ей советы, несмотря на своё обещание, или...

И тут Драко наконец сделал то, что должен был сделать намного раньше.

То, что он должен был сделать после аудиенции у Грейнджер.

То, о чём ему говорил Гарри Поттер, чему он его учил. Впрочем, Гарри предупреждал, что нужно время, чтобы мозг привык использовать методы рационального мышления в реальной жизни, а Драко до сегодняшнего дня этого совершенно не понимал. Он мог бы избежать всех своих ошибок, если бы просто применил то, о чём Гарри ему уже говорил...

Драко произнёс вслух:

— Я замечаю, что я озадачен.

Сила рационалиста состоит в способности быть озадаченным вымыслом больше, чем реальностью.

Драко был в замешательстве.

Значит, что-то из того, в чём он убеждён, — вымысел.

Грейнджер не могла сделать всё это.

Значит, она, вероятно, и не делала.

Я обещаю не помогать генералу Грейнджер неизвестным вам образом.

Охваченный ужасным предчувствием, Драко начал судорожно рыться в бумагах на столе.

Вот оно. Прямо в списке людей и экипировки для каждой из трёх армий. Будь проклят профессор Квиррелл!

Драко ведь читал этот список, но совсем не заметил...

* * *

Дневной солнечный свет струился сквозь окна кабинета Солнечно-го Отряда, окружая Грейнджер, сидевшую в своём генеральском кресле, золотой аурой.

— Как по-вашему, сколько времени потребуется Малфой, чтобы понять? — спросила она.

— Немного, — ответил полковник Блейз Забини. — Возможно, он уже понял. А сколько времени потребуется Поттеру?

— Вечность, — произнесла генерал Грейнджер, — если только ему не расскажет Малфой, или не догадается кто-нибудь из его солдат. Гарри Поттер просто не думает таким образом.

— Правда? — спросил капитан Эрни Макмиллан, поднимая голову от одного из угловых столов, где капитан Рон Уизли громил его в шахматы. (Конечно, после ухода Малфоя они вернули остальные стулья обратно.) — В смысле, лично мне это кажется очевидным. Кто бы стал придумывать всё самостоятельно?

— Гарри, — сказала Гермиона.

— Малфой, — произнёс Забини одновременно с ней.

— Малфой думает, что он лучше всех остальных, — добавил Забини.

— А Гарри... просто не понимает, что остальные люди тоже на это способны.

Это было даже немного печально. Гарри рос очень, очень одиноким. Конечно, он не думал, что только гении имеют право на существование. Но ему совершенно не приходило в голову, что кто-то в армии Гермионы, кроме неё самой, может предложить хорошую идею.

— Как бы то ни было, — произнесла Гермиона, — капитаны Голдштейн и Уизли, ваша задача — придумать варианты стратегии для следующей битвы. Капитаны Макмиллан и Сьюзен, прошу прощения, я хотела сказать Макмиллан и Боунс, подумайте, какую тактику мы можем использовать, а также о необходимых тренировках. Да, и поздравляю, капитан Голдштейн, думаю, ваша песня пошла на пользу боевому духу.

— А что будешь делать ты? — спросила Сьюзен. — И полковник Забини?

Гермиона встала и потянулась.

— Я попытаюсь понять, о чём думает Гарри Поттер, а полковник Забини — что может сделать Драко Малфой. Как только мы к че-

му-нибудь придём, мы с вами поделимся. Я хочу прогуляться, пока думаю. Забини, не составите ли компанию?

— Да, генерал, — сухо ответил Забини.

Гермиона мысленно вздохнула — она не предполагала, что Забини воспримет её слова как приказ. Придётся к этому привыкать, и хотя его первая идея определённо сработала, она не была уверена, что «смеси положительных и отрицательных стимулов», цитируя профессора Квиррелла, хватит, чтобы удерживать слизеринца полностью на её стороне и в декабре, когда в игре появится возможность предательства...

Она до сих пор не представляла, что попросить у профессора Квиррелла в качестве рождественского желания. Может быть, когда придёт время, она просто спросит у Мэнди, не нужно ли той что-нибудь.

Глава 32

Интерлюдия: Управление личными финансами

Но директор, — в голосе Гарри уже сквозило отчаяние, — держать все мои активы в золоте в одном недиверсифицированном хранилище... Это безумие, директор! Это похоже, я даже не знаю, на проведение экспериментов по трансфигурации без консультации с признанным авторитетом! Нельзя так обращаться с деньгами!

С изборождённого морщинами лица старого волшебника — под праздничной шляпой, выглядевшей так, будто два автомобиля из зелёной и красной ткани на полной скорости врезались друг в друга, — на Гарри пристально смотрели серьёзные и печальные глаза.

— Мне очень жаль, Гарри, — произнёс Дамблдор, — и я прошу прощения, но если предоставить тебе контроль над своими финансами, у тебя будет слишком много возможностей для независимых действий.

Гарри открыл рот, но так и не смог ничего сказать. Он буквально потерял дар речи.

— Я разрешаю тебе взять пять галлеонов на рождественские подарки, — добавил Дамблдор, — что гораздо больше, чем положено тратить мальчику твоего возраста, но это, я думаю, безопасно...

— Ушам своим не верю! — сорвалось с губ Гарри. — Вы даже не стесняетесь подобных манипуляций?

— Манипуляций? — с лёгкой улыбкой переспросил волшебник. — Нет, вот если бы я не признался, то это была бы манипуляция, или если бы у меня были какие-то скрытые мотивы. А здесь всё довольно прямолинейно. Ты ещё не готов к игре, и будет глупо дать тебе тысячи галлеонов, с которыми ты можешь опрокинуть доску.

С приближением Рождества суматоха в Косом переулке возросла стократ, а потом ещё в два раза. Все магазины были окутаны искрами и всполохами заклинаний, казалось, ещё немного — и дух праздника вырвется на свободу и оставит от этого места лишь яркий праздничный кратер. Улицы были переполнены ведьмами и волшебниками в нарядных и очень кричащих одеяниях, так что глазам приходилось не намного легче ушей. По удивительно пёстрому составу покупателей становилось ясно, что Косой переулок — точка притяжения для магов со всего света. Среди них встречались ведьмы, закутанные, словно мумии, в длинные отрезки ткани; волшебники в строгих цилиндрах и банных халатах*. Многие дети, едва научившиеся ходить, были усыпаны сверкающими огнями, и могли своим сиянием поспорить с витринами магазинов. Родители вели их за руку через эту волшебную страну чудес, благожелательно выслушивая истошные полные счастья крики. Пришло время радости.

Посреди всех этих огней и веселья — клочок чернейшей ночи. Холодное, тёмное облако, которое раздвигало всю эту суету на столь необходимые несколько метров.

— Нет, — сказал профессор Квиррелл с мрачным отвращением, как будто он только что съел что-то не только ужасное на вкус, но и неприемлемое по соображениям морали. У обычного человека такая гримаса на лице могла бы появиться, если бы он откусил от пирога с мясом и обнаружил, что тот протух и к тому же сделан из котят.

— Да ладно вам, — протянул Гарри, — у вас должны быть хоть какие-нибудь идеи.

— Мистер Поттер, — губы профессора Квиррелла сжались в тонкую линию, — я согласился быть вашим сопровождающим на этой прогулке. Но в уговоре не было сказано, что я должен помогать вам выбирать подарки. Я не отмечаю день рождения Христа, мистер Поттер.

— Как насчёт дня рождения Ньютона? — весело спросил Гарри. — В отличие от некоторых других исторических фигур, Исаак Ньютон уж точно родился двадцать пятого декабря.

На профессора это впечатление не произвело.

— Послушайте, — сказал Гарри, — извините, но мне нужно подарить что-то особенное Фреду и Джорджу, а мне совсем ничего не приходит в голову.

Профессор Квиррелл задумчиво хмыкнул.

— Вы можете спросить у них, какой член семьи раздражает их больше всего, и нанять убийцу. Я знаю одну подходящую персону в изгнании, которая к тому же сделает вам скидку за заказ нескольких Уизли.

— На это Рождество, — низким грудным голосом сказал Гарри, — подари своим друзьям... смерть.

Вот теперь профессор Квиррелл улыбнулся по-настоящему.

— Ну ладно, — сказал Гарри, — по крайней мере, вы не предложили подарить им ручную крысу...

Гарри резко закрыл рот и уже сожалел о том, что эти слова вырвались наружу.

— Простите, что? — переспросил профессор.

— Не важно, — быстро ответил Гарри, — длинная, глупая история.

И рассказывать её не хотелось. Вероятно, потому, что профессор Квиррелл нашёл бы её смешной, даже если бы Билл Уизли в итоге не вылезился...

И вообще, где жил профессор Квиррелл, если он никогда не слышал эту историю? У Гарри сложилось впечатление, что вся магическая Британия была в курсе.

— Понимаете, — продолжил Гарри, — я пытаюсь закрепить их верность мне. Сделать близнецов Уизли своими приспешниками. Как говорится в пословице: друг — это не тот, кого ты один раз используешь, а потом выбрасываешь. Друг — это тот, кого ты используешь снова и снова. Профессор Квиррелл, Фред и Джордж — два моих самых полезных друга во всём Хогвартсе, и я планирую ещё не раз воспользоваться их услугами. Так что если вы поможете мне проявить здесь некоторое слизеринство и предложите что-нибудь, за что они будут очень благодарны...

Гарри умолк, позволяя профессору самому додумать фразу.

Главное в таких делах — найти правильный подход.

Они довольно долго шли молча, прежде чем профессор нарушил тишину. Его голос прямо-таки сочился отвращением.

— Близнецы Уизли пользуются подержанными палочками, мистер Поттер. Каждый раз произнося заклинание, они будут вспоминать вашу щедрость.

От восторга Гарри невольно хлопнул в ладоши. Положить деньги на счёт магазина Оливандера и сказать мистеру Оливандеру не возвращать деньги, нет, лучше — отправить их Люциусу Малфою, если близнецы Уизли не покажутся до начала следующего учебного года.

— Это гениально, профессор!

Тот, похоже, комплимент не оценил.

— Полагаю, в таком ключе Рождество для меня терпимо, мистер Поттер, но лишь едва. — Квиррелл сухо улыбнулся. — Кстати, вам понадобятся четырнадцать галлеонов, а у вас есть только пять.

— Пять галлеонов, — фыркнул Гарри. — Директор, похоже, не понимает, с кем имеет дело.

— Думаю, — отозвался Квиррелл, — ему просто не пришло в голову опасаться последствий того, что ваша изобретательность обратит своё внимание на добывание средств. И вы проявили должную мудрость, когда проиграли ему, не дойдя до угроз. Из чистого любопытства, мистер Поттер, что бы вы делали, если бы я не отвернулся, охваченный скукой, когда вы, руководствуясь детской прихотью, решили взять из хранилища пять галлеонов кнатами?

— Ну, проще всего было бы одолжить денег у Драко Малфоя, — ответил Гарри.

Профессор усмехнулся.

— А если серьёзно?

Принято к сведению.

— Вероятно, сделал бы несколько выходов в свет. Я не хочу прибегать к мерам, подрывающим экономику, лишь для получения карманных денег.

Гарри уже выяснил, что ему разрешили использовать Маховик времени дома на каникулах, чтобы график его сна не нарушался. Но с другой стороны очень вероятно, что кто-нибудь в магическом мире отслеживает волшебников, спекулирующих на рынке ценных бумаг. Трюк с золотом и серебром сработал бы в магловском мире и дал бы начальные средства, но гоблины могут заподозрить неладное уже после первого цикла. А открытие своего собственного банка означает уйму работы... Пока Гарри не придумал способа заработать деньги, который был бы одновременно и быстрым, и надёжным, и безопасным. Поэтому он очень обрадовался, когда выяснилось, что профессора Квиррелла так легко одурачить.

— Надеюсь, этих пяти галлеонов вам хватит надолго, вы так тщательно их отсчитывали, — заметил профессор Квиррелл. — Сомневаюсь, что директор так же охотно доверит мне ключ от вашего хранилища, после того как обнаружит, что я был обманут.

— Уверен, вы старались изо всех сил, — ответил Гарри с глубокой признательностью.

— Вам нужна помощь в поиске безопасного места для всех этих кнатов?

— В некотором роде. Профессор Квиррелл, не знаете ли вы, куда можно удачно вложить капитал?

И внутри небольшой сферы тишины и уединения они медленно шли дальше сквозь блестящую суматошную толпу. И если бы кто-нибудь пригляделся внимательнее, то заметил бы, что там, где они проходили, увядали цветы, а звук радостных колокольчиков в детских игрушках менялся на более низкие и более зловещие ноты.

Гарри это заметил, но ничего не сказал, лишь слегка улыбнулся.

Каждый волен праздновать по-своему, а Гринч — такая же часть Рождества, как и Санта*.

Глава 33

Проблемы координации. Часть 1

Я просто повторяю про себя снова и снова, пока не засну:
всё это дополняет Дж. К. Роулинг*.

Самым ужасным было то, как быстро всё вырвалось из-под контроля.

Минерва даже не пыталась скрыть беспокойство.

— Альбус, — обратилась она к директору, когда они входили в Большой зал, — надо что-то делать.

Обычно атмосфера в Хогвартсе перед рождественскими праздниками была светлой и радостной. Большой зал уже был убран в зелёный и красный цвета. Эта традиция, древняя, как сам Хогвартс, появилась после свадьбы слизеринки и гриффиндорца, случившейся на святки и ставшей символом дружбы, которая выше предубеждений и разделения на факультеты. Со временем этот обычай распространился даже на магловские страны.

Но в этом году ученики за обедом нервно оглядывались через плечо, бросали злобные взгляды на другие столы и горячо спорили. Обычно для описания такой атмосферы используют слово «напряжённая», но в голове у Минервы крутилась фраза «пятая степень предосторожности».

Возьмите школу, разделённую на четыре факультета...

И добавьте по три воюющие армии на каждый курс.

Версия теории принятия решений, использованная в этой главе, не является общепринятой с точки зрения научного сообщества. Она основывается на так называемой «вневременной теории принятия решений», разработчиками которой являются (наряду с многими другими) Гарри Дресчер, Вей Дай, Владимир Несов ну и, чего уж там... *(прокашливается)* я. — Прим. авт.

А поклонники Драконов, Солнечных и Хаоса встречались далеко не только на первом курсе, они образовывали армии из тех, кто не входил в армии. Ученики надевали нарукавные повязки со знаком огня, улыбки или поднятой руки и кидались друг в друга заклинаниями в коридорах. Все три генерала первого курса призывали их остановиться — даже Драко Малфой выслушал Минерву и мрачно кивнул, — но «последователи» их не слушали.

Дамблдор отстранённым взглядом оглядел столы.

— Издревле жители в каждом городе разделялись на Синих и Зелёных... Они заводят драки со своими противниками, сами не ведая за что, подвергают себя опасности. Вражда к противникам возникает у них без причины и остаётся навеки. Не уважаются ни родство, ни свойство, ни узы дружбы. Даже родные братья, приставшие один к одному из этих цветов, другой к другому, бывают в раздоре между собою. И не могу я иначе назвать это, как душевной болезнью...

— Прошу прощения, — произнесла Минерва. — Я не...

— Прокопий Кесарийский*, — сказал Дамблдор. — В Византийской империи очень серьёзно относились к гонкам на колесницах. Да, Минерва, я согласен, с этим нужно что-то делать.

— И быстро, — ещё тише сказала Минерва. — Альбус, я думаю, что нужно принять меры ещё до субботы.

В воскресенье большинство учеников Хогвартса разъедется домой на каникулы. Поэтому на субботу была назначена финальная битва армий первого курса, которая определит, кому достанется трижды проклятое исполнение рождественского желания от профессора Квиррелла.

Дамблдор повернулся и мрачно на неё посмотрел:

— Вы боитесь, что будет взрыв и кто-то пострадает.

Минерва кивнула.

— И во всём обвинят профессора Квиррелла.

Минерва, поджав губы, снова кивнула. У неё был большой опыт в том, что касалось увольнений профессоров по Защите.

— Альбус, — воскликнула она, — мы не можем потерять сейчас профессора Квиррелла, совершенно не можем! Если он продержится до февраля, наши пятикурсники смогут сдать С.О.В., если он продержится до апреля — семикурсники смогут сдать Т.Р.И.Т.О.Н. Годы Защите в Хогвартсе учили ужасно, он исправляет последствия этих лет за месяцы, целое поколение будет способно защитить себя, несмотря на проклятье Тёмного Лорда. Вы должны остановить эту битву, Альбус! Запретите армии!

— Я не уверен, что профессор по Защите хорошо это воспримет, — сказал Дамблдор, бросив взгляд на учительский стол, за которым Квиррелл пускал слюни в суп. — Кажется, он очень привязан к этим армиям. Правда, когда я на них соглашался, то думал, что их будет по четыре на каждый курс. — Старый волшебник вздохнул. — Умный человек, возможно, с самыми лучшими намерениями, но, боюсь, недостаточно умный. И запрет армий тоже может спровоцировать взрыв.

— Но, Альбус, что тогда вы будете делать?

Старый волшебник одарил её доброй улыбкой:

— Устрою заговор, конечно же. Нынче в Хогвартсе это модно.

Они уже близко подошли к учительскому столу, поэтому Минерва ничего не ответила.

* * *

Самым ужасным было то, как быстро всё вырвалось из-под контроля.

Первая битва в декабре была... беспорядочной. Судя по тому, что Драко слышал.

Вторая битва была сумасшествием.

А третья битва будет ещё хуже, если только им втроем не удастся последняя отчаянная попытка остановить происходящее.

— Профессор Квиррелл, это безумие, — ровным голосом произнёс Драко. — Это не по-слизерински, это просто... — Драко не хватало слов. Он беспомощно всплеснул руками. — Совершенно невозможно строить какие-либо планы в такой обстановке. В последней битве один из моих солдат симулировал собственное самоубийство. У нас даже пuffedуицы устраивают заговоры, они думают, что они на это способны, но это совершенно не так! Всё происходит совершенно случайно, таким образом нельзя выяснить, кто самый умный или чья армия лучше сражается. Это... Это...

Нет, у него совсем не было слов.

— Я согласна с мистером Малфоем, — судя по её голосу, Грейнджер сама удивилась, что произнесла эти слова. — Введение в игру предателей не работает, профессор Квиррелл.

Драко пытался запретить всем в своей армии строить заговоры, но это лишь привело к тому, что их стали строить тайком, никто не хотел отставать от солдат в других армиях. Оказавшись разбитым в последней битве в пух и прах, Драко сдался и снял запрет, но к этому времени его солдаты уже пустили свои планы в ход без единого руководства.

После того как солдаты рассказали ему свои планы, или то, что они называли планами, Драко попытался набросать схему победы в финальной битве года. Получившийся план содержал значительно больше трёх событий, которые должны произойти нужным образом, и Драко применил к бумаге *Инсендио*, а потом ещё и *Эверто* к пеплу, потому что если бы его отец увидел это, он бы от Драко отрёкся.

Профессор Квиррелл сидел, облокотившись на стол и подперев голову руками. Его глаза были полузакрыты.

— А вы, мистер Поттер? Вы придерживаетесь того же мнения?

— Нам осталось только застрелить Франца-Фердинанда, и мы сможем начать Первую мировую войну, — заявил Гарри. — Вокруг творится полный хаос. Меня он полностью устраивает.

— Гарри! — негодуяше воскликнул Драко.

Только в следующую секунду он понял, что сделал это синхронно с Грейнджер, причём одинаково возмущённым тоном.

Грейнджер испуганно посмотрела на него, Драко же постарался сохранить невозмутимое лицо. Упс.

— Именно! — воскликнул Гарри. — Я вас предал! Обоих! Опять! Ха-ха!

Профессор Квиррелл слегка улыбнулся, но его глаза остались полузакрытыми.

— А почему, мистер Поттер?

— Потому что, по-моему, я справляюсь с хаосом лучше, чем мисс Грейнджер или мистер Малфой, — ответил предатель. — Наша война — это игра с нулевой суммой, и не важно, насколько эта игра сложна в абсолютных единицах, важно лишь, кто в неё играет лучше*.

Гарри Поттер учился слишком быстро.

По-прежнему с полуприкрытыми глазами, профессор Квиррелл посмотрел на Драко, затем перевёл взгляд на Грейнджер.

— По правде говоря, мистер Малфой и мисс Грейнджер, я никогда себе не прощу, если закрою этот бедлам раньше, чем наступит кульминация. Один из ваших солдат даже стал четверным агентом.

— Четверным?! — воскликнула Грейнджер. — Но в войне принимают участие только три стороны!

— Да, — произнёс профессор Квиррелл, — как ни странно, но факт. Не уверен, встречались ли в истории четверные агенты или армии с такой долей настоящих и мнимых предателей. Мы исследуем новые берега, мисс Грейнджер, и уже не можем повернуть назад.

Выходя из кабинета профессора по Защите, Драко скрежетал зубами. Но Грейнджер выглядела ещё более рассерженной.

— Гарри, я не могу поверить, что ты это сделал! — воскликнула она.

— Я прошу прощения, — произнёс Гарри. Впрочем, он совсем не был похож на человека, который просит прощения, его губы уже сложились в злорадную ухмылку. — Помни, Гермиона, это всего лишь игра. Так почему только генералы должны иметь право строить заговоры? И потом, что вы можете сделать? Объединитесь против меня?

Драко быстро переглянулся с Грейнджер, убеждаясь, что их лица стали одинаково непроницаемыми. Гарри всё больше и больше, в открытую злорадствуя, полагался на нежелание Драко действовать сообща с грязнокровкой. И Драко уже начинало тошнить от того, что это используется против него. Если так дальше будет продолжаться, он объединится с Грейнджер просто ради того, чтобы разгромить Гарри Поттера и посмотреть, как этот грязнокровкин сын тогда запоёт.

* * *

Самым ужасным было то, как быстро всё вырвалось из-под контроля.

Гермиона смотрела на пергамент, который ей дал Забини, и чувствовала себя абсолютно потерянной.

На пергаменте были имена, от имён тянулись линии к другим именам, некоторые из линий были цветными...

— Скажи мне, — произнесла генерал Грейнджер, — в моей армии есть хоть один не шпион?

На этот раз они беседовали не в генеральском кабинете, а в одном из заброшенных классов. Кроме них никого не было: по словам полковника Забини, он был практически уверен, что как минимум один из её капитанов — предатель. Скорее всего, капитан Голдштейн, но Забини не знал наверняка.

Услышав вопрос, молодой слизеринец иронично улыбнулся. В поведении Блейза Забини по отношению к ней всё время проскальзывало лёгкое высокомерие. Но он не проявлял активной неприязни: чего-нибудь похожего на насмешки, которые он отпускал в адрес Драко Малфоя, или возмущения, которое он высказывал в адрес Гарри Поттера. Сначала Гермиона беспокоилась, что Забини её предаст, но тот, судя по всему, отчаянно пытался доказать, что два других генерала ничуть не лучше его. Гермиона пришла к мысли, что Забини, наверное, с радостью бы продал её кому-нибудь ещё, но он никогда не согласится сыграть на руку Малфоя или Гарри.

— Большинство солдат всё ещё верны тебе, я уверен, — ответил Забини. — Просто никто не хочет пропустить веселье. — Презрительное выражение на лице слизеринца ясно показывало, что он думает о людях, которые не воспринимают интриги всерьёз. — Поэтому они считают, что могут быть двойными агентами и втайне работать на нас, притворяясь, что они нас предадут.

— Но это также касается и тех, кто приходит к нам и говорит, что хочет стать нашим шпионом, — осторожно заметила Гермиона.

Юный слизеринец пожал плечами:

— Думаю, я с уверенностью могу сказать, кто действительно хочет предать Малфоя. Но я сомневаюсь, что хоть кто-то хочет по-настоящему продать тебе Поттера. Тем не менее, готов поклясться, что Нотт предаёт Поттера в пользу Малфоя, а поскольку я подговорил Энтвистла поговорить с ним на эту тему якобы от лица Малфоя, а Энтвистл на самом деле работает на нас, то это почти так же хорошо...

Гермиона на мгновение закрыла глаза:

— Мы ведь проиграем, да?

— Послушай, — терпеливо произнёс Забини, — сейчас ты лидируешь по баллам Квиррелла. В последней битве нам нужно лишь избежать разгрома, и у тебя будет достаточно баллов, чтобы выиграть рождественское желание.

Профессор Квиррелл объявил, что во время последней битвы будет действовать строгая система баллов, которую его попросили ввести, чтобы впоследствии не возникло обвинений в предвзятости. Всякий раз, когда один солдат «убьёт» другого, генерал первого получит два балла Квиррелла. И в этот же момент на поле боя (они до сих пор не знали, где будут сражаться, хотя Гермиона надеялась, что это опять будет лес, где у Солнечных получилось совсем неплохо) послышится удар гонга, тональность звука которого будет указывать, кто получил баллы. Если кто-то притворится, что в него попали, гонг всё равно прозвучит, но через некоторое время раздастся двойной удар, означающий отмену начисления баллов. А если солдат объявит название армии, выкрикивая «За Солнечных», или «За Хаос», или «За Драконов», то он начнёт приносить баллы генералу названной армии...

Даже Гермиона смогла заметить дыру в таких правилах. Но профессор Квиррелл следом объявил, что, если солдат изначально приписан к Солнечным, никто не может его застрелить во имя Солнечных, или, точнее, может, но Солнечные потеряют балл

Квиррелла, и в знак этого прозвучит тройной гонг. Таким образом ни у кого не возникнет желания стрелять в своих солдат ради баллов или устраивать самоубийства, чтобы не достаться врагу, но останется возможность, при необходимости, стрелять в шпионов.

Сейчас у Гермiony было 244 балла Квиррелла, у Малфоя — 219, у Гарри — 221. И в каждой армии — 24 солдата.

— То есть мы сражаемся осторожно, — сказала Гермiona, — и стараемся не проиграть слишком сильно.

— Нет, — лицо слизеринца стало серьёзным. — Тут проблема. И Малфой, и Поттер знают, что они смогут победить, только если объединятся и разгромят нас, а уже потом сразятся между собой. Поэтому, я думаю, нам нужно сделать так...

Когда Гермiona вышла из класса, голова у неё уже немного шла кругом. План Забини не был очевидным. Он был неожиданным, сложным, многослойным, и подобный план Гермiona скорее ожидала бы услышать от Гарри, а не от Забини. Было что-то неправильное в том, что она оказалась способна понять такой план. Девочки не должны понимать такие планы. Если бы Шляпа заметила, что Гермiona способна понять такой план, то отправила бы её в Слизерин...

* * *

Восхитительно, как быстро разрастается хаос, если сеять его умышленно.

Гарри сидел в своём кабинете. Он получил право заказывать у домовых эльфов мебель и завёл себе трон и занавески в чёрных и багровых тонах. Алый как кровь свет, смешиваясь с тенями, струился на пол.

Какая-то часть Гарри наконец чувствовала себя как дома.

Перед ним стояли четыре лейтенанта Хаоса, его самые верные приспешники, и один из них был предателем.

Вот. Вот какой должна быть жизнь.

— Мы собрались, — произнёс Гарри.

— Да правит Хаос, — хором ответила четвёрка лейтенантов.

— Моё судно на воздушной подушке полно угрей, — сказал Гарри.

— Я не куплю эту пластинку, она поцарапанная*, — хором откликнулись лейтенанты.

— И хрюкотали зелюки.

— Как мюмзики в мове*.

Формальности соблюдены.

— Как идёт беспорядок? — спросил Гарри, подражая сухому шёпоту императора Палпатина*.

— Хорошо, генерал Хаоса, — ответил Невилл голосом, который он всегда использовал для военных дел, настолько низким, что мальчик был вынужден останавливаться и прокашливаться. Лейтенант Хаоса был опрятно одет в чёрную школьную мантию с жёлтой оторочкой Пуффендуя, а его волосы были разделены пробором, как и заведено у всех приличных мальчиков. Эта несочетаемость внешнего вида и голоса понравилась Гарри больше, чем плащи, которые они сначала попробовали надевать. — Наши легионеры со вчерашнего вечера начали пять новых заговоров.

Гарри злоеюще улыбнулся.

— Есть ли шансы, что какие-нибудь из них сработают?

— Думаю, нет, — ответил Невилл из Хаоса. — Вот отчёт.

— Превосходно, — сказал Гарри, взял пергамент у Невилла и зашёлся холодным смехом, будто задыхаясь от пыли. Значит, теперь число заговоров дошло до шестидесяти.

Пусть Драко попробует с этим управиться. Пусть попробует.

А что касается Блейза Забини...

Гарри опять засмеялся, и на этот раз злодейский хохот получился совершенно естественно. Ему определённо нужно одолжить у кого-нибудь домашнего книзла, потому что в такие моменты он просто обязан поглаживать кота.

— Теперь Легиону можно перестать устраивать заговоры? — спросил Финниган из Хаоса. — То есть, разве их уже не достаточно...

— Нет, — твёрдо ответил Гарри. — Заговоров никогда не бывает достаточно.

Профессор Квиррелл высказался прекрасно: они раздвигали границы дальше, чем кто-либо и когда-либо их раздвигал. И Гарри не простил бы себе, если бы сейчас повернул назад.

В дверь постучали.

— Это генерал Драконов, — произнёс Гарри, злорадно улыбаясь в предвкушении встречи. — Он прибыл именно тогда, когда я и ожидал. Впустите его и уходите.

И четыре лейтенанта Хаоса побрели прочь, бросая мрачные взгляды на вражеского генерала, входившего в тайное логово Гарри.

Если ему не разрешат так жить, когда он вырастет, Гарри предпочтёт навсегда остаться одиннадцатилетним.

Солнце просачивалось через красные занавеси, заливая комнату кровавым цветом. Гарри Поттер сидел в огромном мягком кресле, покрытом золотыми и серебряными блёстками. Он упорно называл это кресло трон.

(Драко ещё сильнее уверился в том, что нужно разрушить планы Гарри Поттера раньше, чем тот захватит мир. Драко не мог даже представить, на что будет похожа жизнь под таким владычеством.)

— Добрый вечер, генерал Драконов, — произнёс Гарри Поттер холодным шёпотом. — Вы прибыли, как я и предвидел.

Что неудивительно, поскольку Драко и Гарри договорились о встрече заранее.

А ещё это был не вечер, но Драко уже знал, что такие фразы проще пропускать мимо ушей.

— Генерал Поттер, — Драко попытался вложить в свою речь как можно больше достоинства, — вы ведь знаете, что нашим армиям нужно действовать вместе, чтобы кто-нибудь из нас смог выиграть исполнение желания от профессора Квиррелла?

— Ес-стес-с-ственно, — прошипел Гарри, как будто считал себя змееустом. — Мы должны объединиться, чтобы уничтожить Солнечных, и только потом сразаться между собой. Но если один из нас предаст другого раньше, он может получить преимущество в дальнейшей схватке. И генерал Солнечных, которая знает всё это, попробует заставить нас думать, что один из нас предал другого. И у нас обоих, так как мы знаем об этом, будет искушение предать другого и изобразить, что это трюк Грейнджер. И об этом Грейнджер тоже знает.

Драко кивнул. Сказанное было очевидным.

— И... мы оба тем не менее хотим выиграть, и нет никого третьего, кто бы наказал одного из нас за предательство.

— Именно, — уже серьёзно ответил Гарри Поттер. — Мы столкнулись с классической дилеммой заключённого.

Ранее, на одном из их занятий, Гарри про неё уже рассказывал. Дилемма заключённого состоит в следующем: двое заключённых заперты в отдельных камерах. Против каждого из них есть улики, не слишком серьёзные, но достаточные, чтобы посадить их в тюрьму на два года. Каждый узник может выбрать сотрудничество с властями: предать другого и свидетельствовать против него в суде, в этом случае сам он получит только год тюрьмы, а другой получит на два

года больше. Или узник может хранить молчание. Таким образом, если оба узника свидетельствуют друг против друга, оба получают по три года тюрьмы, если оба молчат — оба получают по два года. Но если один соглашается сотрудничать с властями, а второй молчит, то первый получает один год, а второй — четыре.

И оба заключённых должны принять решение, не зная, что сделает другой, и изменить решение в дальнейшем нельзя.

Драко тогда заметил, что будь заключённые Пожирателями Смерти времён Войны Волшебников, Тёмный Лорд убил бы предателя.

Гарри кивнул и сказал, что это один из способов решить дилемму заключённого. И, в сущности, оба Пожирателя Смерти именно по этой причине хотели бы присутствия в этой задаче Тёмного Лорда.

(Драко попросил Гарри сделать паузу и дать ему немного подумать. Сказанное очень хорошо объясняло, почему отец и его друзья соглашались служить Тёмному Лорду, который зачастую обходился с ними довольно грубо...)

На самом деле, сказал Гарри, во многом именно из-за этого и существуют правительства — тебе может быть лучше, если ты у кого-то украдёшь, как и любому из заключённых по отдельности будет лучше, если он предаст другого заключённого. Но если так будет думать каждый, в стране наступит анархия и всем будет хуже, как и в случае, если предательство совершат оба узника. Поэтому люди и позволяют правительствам собой управлять, поэтому Пожиратели Смерти и позволяли Тёмному Лорду иметь над собой власть.

(Драко снова попросил Гарри остановиться. Драко всегда считал само собой разумеющимся, что честлюбивые волшебники стремятся к власти потому, что хотят власти, а прочие позволяют над собой властвовать потому, что они пугливые пуффендуйчики. Поразмыслив, Драко решил, что так всё и есть, но точка зрения Гарри весьма занимательна, даже если и не верна.)

Но, продолжил Гарри, страх перед наказанием от третьих лиц — не единственный способ разрешить дилемму заключённого.

Предположим, сказал Гарри, что ты играешь в эту игру с точной волшебной копией самого себя.

Драко сказал, что если бы существовало два Драко, то ни один из них, несомненно, не пожелал бы зла другому, не говоря уже о том, что ни один Малфой не захочет прослыть предателем.

Гарри снова кивнул, заметив, что это ещё одно решение дилеммы заключённого: люди могут выбрать молчание либо потому, что хорошо друг к другу относятся, либо из благородных побуждений,

либо из-за желания не портить себе репутацию. На самом деле, объяснил Гарри, классическую дилемму заключённого соорудить не так просто — в реальной жизни людям обычно или не наплевать на других людей, или они заботятся об общественном мнении, или боятся наказания Тёмного Лорда. Словом, их беспокоит не только срок заключения. Но если взять копию человека абсолютно эгоистичного...

(в качестве примера они использовали Панси Паркинсон)

...тогда обе Панси будут беспокоиться только о том, что случится с ней самой, а не с другой Панси.

Учитывая, что больше Панси ничего не заботит... и что Тёмного Лорда нет... и что Панси плевать на репутацию... и что у Панси либо отсутствует благородство, либо она не считает себя ничем обязанной другому заключённому... каким тогда будет самый рациональный поступок с точки зрения Панси — молчать или предать?

Некоторые, сказал Гарри, утверждают, будто самый рациональный поступок для Панси — предать свою копию, но Гарри, плюс некто по имени Дуглас Хофштадтер, считают иначе. Ведь если Панси предаст — не из-за какой-нибудь случайности, а целенаправленно, потому что считает это разумным, — тогда и другая Панси сделает точно так же. Две идентичных копии не могут прийти к разным выводам. Поэтому Панси делает выбор между миром, где обе Панси решат молчать, и миром, где обе Панси предадут, и ей будет лучше, если обе Панси будут молчать. К тому же, если бы Гарри думал, что «рациональные» люди и в самом деле предадут в дилемме заключённого, он бы и пальцем не пошевелил, чтобы распространять подобную «рациональность», потому что стране или заговору, в котором полно таких «рациональных» людей, суждено распасться. Своим врагам нужно рассказывать о подобной «рациональности».

Тогда это прозвучало убедительно, но сейчас у Драко появилась мысль, что...

— Ты сказал, — начал Драко, — что рациональное решение дилеммы заключённого — молчать. Но тебе же выгодно, чтобы я так думал, правда?

И если Гарри удастся одурачить Драко, то Гарри потом скажет: «Ха-ха, снова тебя предал!» — и посмеётся над ним, и будет прав.

— На наших уроках я никогда не лгу, — серьёзно ответил Гарри. — Но вынужден напомнить: я не говорил, что ты обязан без раздумий выбирать молчание. Не в классической дилемме заключённого вроде этой. Я сказал, что когда ты делаешь выбор, не следует думать, что ты решаешь только за себя, или что

ты решаешь за всех. Нужно думать, что ты решаешь за всех тех, кто достаточно похож на тебя, чтобы скорее всего сделать такой же выбор по таким же причинам. А также — что ты решаешь, какие предположения будут делать те, кто тебя достаточно хорошо знает, чтобы правильно предсказывать твои поступки. Тогда тебе никогда не придётся сожалеть о том, что ты рационален, из-за правильных предположений, которые делают другие люди — напomini когда-нибудь рассказать про Парадокс Ньюкома*. Итак, вот какой вопрос ты себе должен задать, Драко: достаточно ли мы схожи, чтобы сделать одинаковый выбор, каким бы он ни был, по схожим причинам? И знаем ли мы друг друга достаточно хорошо, чтобы делать правильные предсказания — смогу ли я предсказать, поможешь ты или предашь, и сможешь ли ты предсказать, что я решил сделать то, что, по моему предположению, будешь делать ты, так как я знаю, что ты можешь предсказать это моё решение?

...И Драко не мог не подумать, что, раз он с трудом понимает даже половину всего этого, ответ, очевидно, «Нет».

— Да, — сказал Драко.

Воцарилась тишина.

— Понятно, — разочарованно протянул Гарри. — Ну ладно. Похоже, придётся найти какой-нибудь другой способ.

Драко и не думал, что это сработает.

Драко и Гарри обговорили этот вопрос вдоль и поперёк. Оба давно согласились, что сделанное на поле боя не считается предательством в реальной жизни — хотя Драко и был немного зол за то, что Гарри сделал в кабинете профессора Квиррелла, о чём и сказал.

Но если они не могли рассчитывать на честь или дружбу, оставался вопрос — как заставить армии работать вместе и победить Солнечных, несмотря на все попытки Грейнджер внести смуту в их ряды? С текущими правилами было невыгодно позволять Солнечным убивать солдат другой армии — это только поднимет планку, которую надо будет преодолеть самим — но вот красть попадания друг у друга, вместо того чтобы действовать сообща, как одна армия, а то и под шумок убивать солдат союзника — было выгодно...

* * *

Гермиона возвращалась в спальню Когтеврана, полностью погружённая в свои мысли. Её голова была забита войной, предательствами и другими неподобающими для девочки её возраста вещами.

Поэтому в какой-то момент, завернув за угол, она врезалась в кого-то из взрослых.

— Простите, — на автомате сказала Гермиона. После чего подняла глаза и взвизгнула от неожиданности.

— Не беспокойтесь, мисс Грейнджер, — на лице ДИРЕКТОРА ХОГВАРТСА сияла жизнерадостная улыбка, в уголках глаз поблёскивали весёлые искорки. — Вы полностью прощены.

Гермиона не могла отвести взгляд от доброго лица самого могущественного волшебника в мире, верховного чародея Визенгамота и председателя Международной Конфедерации Магов, который давно сошёл с ума от тягот борьбы с Тёмным Лордом. В её голове всплывали эти и другие многочисленные факты, но ей всё никак не удавалось произнести хоть что-то, кроме нескольких нечленораздельных звуков.

— На самом деле, мисс Грейнджер, — продолжил Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор, — очень удачно, что мы врезались друг в друга. Дело в том, что я как раз сейчас размышлял, какие желания вы трое могли загадать...

* * *

Субботнее утро выдалось ясным и солнечным. Но ученики разговаривали между собой вполголоса, как будто первый же выкрик мог привести к взрыву.

* * *

Драко надеялся, что они снова будут сражаться на верхних этажах Хогвартса. Профессор Квиррелл сказал, что настоящие битвы с большей вероятностью происходят в городах, а не в лесах, и сражения в классах и коридорах, ограждённых лентами, обозначавшими границы доступных областей, должны были это имитировать. Армия Драконов хорошо себя показала в таких битвах.

Вместо этого, как и опасался Драко, профессор Квиррелл измыслил нечто совершенно особенное.

Поле боя послужит хогвартское озеро.

Лодок не предполагалось.

Сражение будет проходить под водой.

Гигантского кальмара временно парализовали, заклинаниями отогнали гриндилов, профессор Квиррелл переговорил с русалидами,

а всем солдатам раздали *зелья подводного действия*, позволяющие под водой дышать, ясно видеть, разговаривать и плавать со скоростью быстрого шага, просто отталкиваясь ногами.

Громадная серебряная сфера повисла в центре озера, словно маленькая подводная луна. Она поможет не потерять чувство направления — по крайней мере, поначалу. Луна будет постепенно тускнеть, и когда она погаснет окончательно, битва закончится, если к тому моменту не будет уже закончена.

Война в воде. Оборонять периметр невозможно — нападающие могут зайти с любой стороны, и даже под действием зелья далеко в тёмной воде не увидишь.

А если отплыть слишком далеко в любом направлении, через некоторое время начнёшь светиться, становясь лёгкой мишенью: обычно, если армия разбегалась, профессор Квиррелл просто объявлял её поражение, но сегодня они воевали за баллы. Конечно, до того, как начнёшь светиться, давалось некоторое время, чтобы можно было попробовать себя в роли ассасина.

Армию Драконов к началу игры поместили на большой глубине. Сверху светила далёкая подводная луна. Мутная вода освещалась в основном Люмосами. Впрочем, солдаты погасят их, как только начнутся манёвры. Нет смысла позволять врагу увидеть их раньше, чем они увидят его.

Драко несколько раз дрыгнул ногами, поднимаясь над своими неподвижно зависшими в воде солдатами, и посмотрел на них сверху вниз.

Под тяжестью ледяного взгляда Драко разговоры смолкли практически мгновенно. Бойцы смотрели на него снизу вверх с греющим душу выражением страха и беспокойства на лицах.

— Слушайте меня очень внимательно, — произнёс генерал Малфой. Его голос звучал ниже чем обычно и перемежался с пузырьками воздуха («Слубшайте бменя обчень внибмательбно»), но слова были слышны отчётливо. — Победить мы можем только одним способом. Нужно в союзе с Хаосом разбить Солнечных. А уж потом сразиться с Поттером и победить. Именно в таком порядке, понятно? Не важно, что ещё произойдёт, но сначала всё должно пройти так...

И тут Драко объяснил план, который они разработали с Гарри. Солдаты обменялись изумлёнными взглядами.

— ...И если какие-нибудь из ваших планов этому помешают, — закончил Драко, — то, когда мы окажемся на суше, я вас испепелю.

Последовал хор робких «Да, сэр».

— Все, кому поручены секретные задания, выполняйте их дословно, — добавил Драко.

Около половины в открытую кивнули, и Драко их запомнил, чтобы казнить, как только он придёт к власти.

Естественно, все личные задания были фальшивками — например, одному Дракону было приказано предложить несуществующую плату за предательство другому Дракону, а тому, в свою очередь, тихим доверительным тоном велено докладывать обо всём, что скажет ему первый. И каждому из них Драко объяснял, что вся война, возможно, зависит от выполнения этого задания, и он надеется на их понимание того, что ни один их собственный план не может быть важнее. Если повезёт, идиоты на этом удовлетворятся, а заодно обнаружится несколько предателей, если доклады не будут соответствовать инструкциям.

Настоящий же план для победы над Хаосом... ну, он был проще, чем тот, что Драко сжёг, но отцу всё равно бы не понравился. Но как Драко ни пытался, ничего более путного ему на ум не пришло. План не сработал бы ни с кем иным, кроме Гарри Поттера. Согласно докладу предателя, именно Гарри изначально этот план и придумал, и это было заметно. Драко и предатель просто добавили несколько штрихов...

* * *

Гарри сделал глубокий вдох и почувствовал, как вода безвредно журчит в лёгких.

Они сражались в лесу, и он не мог сказать эту фразу.

Они сражались в коридорах Хогвартса, и он не мог сказать эту фразу.

Они сражались в воздухе, каждому солдату выдали по метле, но в этой фразе по-прежнему не было смысла.

Гарри даже думал, что ему так и не представится возможность произнести её, по крайней мере до тех пор, пока он сам не вырастет и не создаст для этого условия...

Легионеры Хаоса недоумённо смотрели на Гарри. Их генерал плыл так, что его ноги были направлены к далёкому свету над поверхностью озера, а голова — к тёмным глубинам.

— Почему вы все стоите на головах?! — прокричал юный командир и принялся объяснять, как сражаться, не обращая внимания на направление гравитации*.

В воде разнёсся гулкий звук колокола, и сразу же Забини, Энтони и ещё пять солдат направились вниз, к мрачным глубинам озера. Парвати Патил, единственная гриффиндорка в этой группе, на мгновение обернулась и радостно помахала рукой. Спустя секунду Скотт и Мэтт сделали то же самое. Остальные просто погружались вниз, пока не пропали из виду.

Генерал Грейнджер посмотрела им вслед и сглотнула. Она рисковала всем, разделив свою армию, вместо того чтобы использовать этих солдат в попытке выбить из игры как можно больше врагов.

Нужно понимать, ранее объяснял ей Забини, что обе вражеские армии не сдвинутся с места без плана, который позволит им рассчитывать на победу. Так что Солнечным недостаточно просто составить план собственной победы, они должны заставить остальные армии верить, — пока не станет слишком поздно, — что те могут победить.

Эрни и Рон, судя по их виду, до сих пор были в шоке. Сьюзен смотрела вслед исчезнувшим, будто что-то подсчитывая в уме. Солнечный Отряд, вернее, то, что от него осталось, — выглядел сбитым с толку.

Они дрейфовали около залитой солнечным светом поверхности озера и блики света скользили по их униформам.

— И что теперь? — спросил Рон.

— Теперь мы ждём, — ответила Гермiona, достаточно громко, чтобы все солдаты её услышали.

Разговаривать с полным ртом воды было странно. У Гермiony было ощущение, как будто она совершает ужасную бестактность за обеденным столом и сейчас заплюёт слюной всё вокруг.

— Всех нас, кто остался, так или иначе застрелят, потому что Драконы и Хаос объединятся против нас. Мы просто должны забрать с собой как можно больше из них.

— У меня есть план, — сказал один из Солнечных солдат... Ханна, в первую секунду Гермiona не узнала её голос. — Он довольно сложный, но я знаю, как нам заставить Драконов и Хаос драться друг с другом...

— И у меня! — воскликнула Фэй. — У меня тоже есть план! Смотрите, Невилл Лонгботтом тайно сотрудничает с нами...

— И ты говорила с Невиллом? — вставил Эрни. — Неправда, это я...

Дафна Гринграсс и несколько других слизеринцев, которые не пошли с Забини, безудержно хихикали над перебивающими друг друга криками: «Нет, подожди, это я завербовал Лонгботтома».

Гермиона лишь устало обвела всех взглядом.

— Итак, — сказала Гермиона, когда крики наконец затихли, — до всех дошло? Ваши заговоры — не более чем уловка Легиона Хаоса. Некоторые — возможно, уловка Драконов. Все, кто на самом деле хотел предать Гарри или Малфоя, шли напрямую ко мне, а не к вам. Просто сравните детали ваших тайных планов, и убедитесь сами. — Возможно, Гермиона была не так хороша в интригах, как Забини, но она всегда понимала то, что говорят её офицеры, именно поэтому профессор Квиррелл и сделал её генералом. — В общем, не рассчитывайте на все эти заговоры, когда другие армии будут здесь. Просто сражайтесь, хорошо? Пожалуйста?

— Но, — кажется, Эрни был потрясён до глубины души, — Невилл — пuffedуец! Ты хочешь сказать, что он нам лгал?!

Дафна захохотала с такой силой, что выдыхаемый воздух перевернул её в воде вверх ногами.

— Я не знаю, что сейчас представляет из себя Лонгботтом, — мрачно заявил Рон, — но, думаю, он больше не пuffedуец. Им завладел Гарри Поттер.

— Знаешь, — произнесла Сьюзен, — я спрашивала Невилла об этом, и он ответил, что теперь он — пuffedуец Хаоса.

— Не важно, — громко сказала Гермиона. — Забини увёл с собой всех, кого мы считаем шпионами. Поэтому, я надеюсь, в нашей армии теперь не обязательно пристально следить друг за другом.

— Энтони — шпион?! — вскрикнул Рон.

— Парвати — шпион?! — ахнула Ханна.

— Парвати целиком и полностью шпион, — заявила Дафна. — Она покупает обувь в магазине для шпионов и пользуется шпионской губной помадой. И когда-нибудь она найдёт себе прекрасного мужа-шпиона и родит ему много маленьких шпиончиков.

В воде раздался удар гонга, свидетельствуя, что Солнечные только что получили два балла.

Сразу же раздался тройной удар, означающий, что Драконы потеряли один балл.

Предателям запрещалось убивать генералов, это правило ввели после катастрофической первой декабрьской битвы, когда всех трёх генералов усыпили в первую минуту. Но при удаче...

— О, — произнесла Гермиона. — Кажется, мистер Крэбб решил немного вздремнуть.

* * *

Армии, плывшие параллельно друг другу, походили на два косяка рыб.

Невилл Лонгботтом медленно и размеренно работал ногами. Нырять, только нырять, независимо от направления движения. К врагу должна быть обращена как можно меньшая часть тела — голова или ступни. Поэтому надо всегда нырять, ногами или головой вперёд, и враг всегда внизу.

Как и остальные легионеры Хаоса, Невилл постоянно крутил головой, поглядывая вверх, вниз, вокруг... Не только в поисках Солнечных солдат, но и высматривая малейший признак того, что какой-нибудь легионер Хаоса вытащил палочку и готовится их предать. Обычно предатели ждали, пока не начнётся суматоха битвы, но этот ранний гонг показал, что нужно держаться настороже.

...Говоря по правде, Невилла это огорчало. В ноябре он был солдатом единой армии, все они шагали плечом к плечу, помогая друг другу. А теперь они следили друг за другом, высматривая малейшие признаки предательства. Возможно, так было забавнее для генерала Хаоса, но не для Невилла.

Направление, ранее известное как «верх», становилось светлее. Они приближались к поверхности и к Солнечным.

— Палочки к бою, — скомандовал генерал Хаоса.

Взвод Невилла вынул волшебные палочки, направляя их вперёд, на врага. Головы завертелись ещё быстрее. Если среди них есть шпионы Солнечных, то им сейчас самое время нанести удар.

Другой косяк рыб, Армия Драконов, делал то же самое.

— Сейчас! — донёсся далёкий выкрик генерала Драконов.

— Сейчас! — крикнул генерал Хаоса.

— За Солнечных! — заорали солдаты обеих армий и бросились *вниз*.

* * *

— Что? — невольно воскликнула Минерва. Она смотрела на экраны, установленные рядом с озером. Её восклицание эхом отозвалось со всех сторон. Весь Хогвартс наблюдал за этой битвой, точно так же, как и за самой первой.

Профессор Квиррелл сухо рассмеялся:

— Я вас предупреждал, директор. Не существует правил, которые мистер Поттер не смог бы использовать в своих интересах.

* * *

Драгоценные секунды таяли, сорок семь солдат мчались на её семнадцать, а у Гермионы из головы вылетели все мысли.

Почему...

Затем всё встало на свои места.

Каждый раз, когда солдата, изначально приписанного к Солнечным, кто-то усыпит во имя Солнечных, она потеряет один балл Квиррелла. При «убийстве» одного Солнечного лишь одна из вражеских армий сокращает разрыв на два балла.

С выкриком же «За Солнечных» они получают те же два балла, но честно поделённые. И если кто-то застрелит Солнечного во имя своей собственной армии, то другой звук гонга заметят даже в суматохе...

Гермиона вдруг порадовалась, что Забини не пришёл к ней с банальным планом устроить переполох между армиями, пока те атакуют Солнечных. Однако чувство, что шансы падают и надежда исчезает, плохо сказывалось на боевом духе.

Большая часть солдат Гермионы всё ещё выглядела сбитой с толку, но по некоторым было видно, что до них уже доходит весь ужас складывающейся ситуации.

— Всё в порядке, — твёрдо произнесла Сьюзен Боунс. Взгляды устремились на Солнечного капитана. — Наша задача не изменилась, нам нужно забрать с собой столько врагов, сколько сможем. И помните: Забини увёл всех шпионов! Нам не нужно высматривать врагов, как им! — Девочка демонстративно улыбнулась, вызвав в ответ множество улыбок со стороны остальных солдат и даже самой Гермионы. — Всё будет как в ноябре. Просто держать выше головы, сражайтесь изо всех сил и защищайте друг друга...

Дафна застрелила её.

* * *

— Кровь Богу крови! — завопил Невилл из Хаоса, но поскольку он был под водой, то получилось больше похоже на «Блобь блогу глоби!».

Капитан Уизли развернулся, направил палочку на Невилла и выстрелил. Но тот плыл вниз, держа палочку прямо перед собой, и Простой щит полностью закрывал профиль Невилла — если кто-то и мог сейчас в него попасть, то точно не Солнечный Рон.

С мрачной решимостью на лице капитан Уизли устремился вверх, навстречу Невиллу. «*Контего*», — слетело с его губ. Возникшего щита в воде было не разглядеть.

Два воина сближались словно стрелы, которые хотят расщепить друг друга. Да, они уже не раз сходились в дуэли, но решающей станет именно эта.

(Далеко на берегу сотни людей затаили дыхание.)

— Радуги и единороги! — зарычал Солнечный капитан.

— Чёрный Козёл с тысячью младых!

— Учи уроки!

Два воина сходились всё ближе и ближе. И ни один не собирался уклоняться, потому что свернуть в сторону значит подставиться под заклятие... Расстояние между молотом и наковальней стремительно сокращалось, но ни один из них не думал останавливаться...

— Спецатака: Выверт Хаоса!

Невилл увидел внезапный ужас на лице капитана Уизли, когда в того попало заклинание левитации. Они проверяли эти чары перед началом битвы, и, как и предполагал Гарри, *Вингардиум левиоса* становится весьма полезным боевым заклинанием, когда речь заходит о боях под водой.

— Будь ты проклят, Лонгботтом! — завопил Рон Уизли. — Хоть раз сразись по-нормальному, без своих дурацких спецатак...

Солнечного капитана закрутило вокруг своей оси, и заклинание сна, пущенное Невиллом, попало ему в ногу.

— Я не сражаюсь честно, — ответил Невилл уснувшему, — я сражаюсь, как Гарри Поттер.

* * *

Грейнджер: 237 / Малfoy: 217 / Поттер: 220

И до сих пор, всякий раз стреляя в Гермиону, Гарри чувствовал себя отвратительно. Её лицо приобрело мирное выражение, руки безвольно распростёрлись в стороны, а лучи солнца скользили по её камуфляжной форме и облаку каштановых волос. Смотреть на это было тяжело.

А если бы Гарри попытался не стрелять в неё... не только Драко поймёт, что это означает, но и сама Гермиона на него обидится.

Она не мертва, — заявил Гарри своему мозгу, отплывая прочь, — она просто спит. ИДИОТ.

*Ты уверен? — спросил мозг. — Что если её больше нет?**
Может, вернёмся и проверим?

Гарри быстро оглянулся.

Видишь, она в порядке, пузырьки идут у неё изо рта.

Может, это её последний вздох.

Ох, успокойся. Откуда вообще это параноидальное стремление её защищать?

Эй, она первый настоящий друг, который появился в нашей жизни. Помнишь, что случилось с нашим ручным камнем?

Не мог бы ты перестать НЕСТИ ЧУШЬ про этот бесполезный булыжник? Он даже не был живым, не говоря уж о разумности. Это, вероятно, самая жалкая детская травма на свете...

Две армии поспешно отделились друг от друга, вновь превратившись в два косяка рыб.

Генерал Грейнджер потеряла семнадцать очков, но забрала с собой трёх солдат Хаоса и двух Драконов, ещё один солдат Хаоса и двое Драконов были застрелены как предатели. В итоге получалось, что Гермiona потеряла семь баллов, Гарри — один, Драко — два, то есть Солнечные опережали Драконов на двадцать очков, а Хаос — на семнадцать. Если Хаосу удастся уничтожить все двадцать оставшихся Драконов, он победит. Конечно, оставался джокер в виде семи отделившихся Солнечных солдат...

...если, конечно, их можно так называть.

Два косяка медленно сближались. Солдаты обеих армий приговорами выкрикнуть название своей армии и атаковать...

— Всем, кто их получил, — громко произнёс Гарри, — помните Специальные приказы с первого по третий. И не забудьте «Мерлин говорит» в третьем. Приказ не подтверждать.

Заслуживающие доверия две трети армии кивать не стали, а оставшаяся треть просто приобрела озадаченный вид.

Первый Специальный приказ: Не пытаться выкрикивать какие-либо кодовые слова во время битвы, не тратить силы на какие-либо заговоры, кроме особо одобренных командиром. Просто плыть, ставить щиты и стрелять.

Гермiona и Драко весь декабрь воевали со своими солдатами, пытаясь заставить их прекратить строить заговоры самостоятельно. Гарри же, наоборот, поощрял в своих солдатах стремление устраивать заговоры в течение последних двух битв... но также предупреждал

их, что как-нибудь *в будущем* он может попросить их отставить один-два заговора в сторону. Конечно, они сразу же соглашались. И поэтому сейчас, в решающей битве, они с радостью подчинились.

Гарри был уверен, что ни Гермione, ни Драко не удастся успешно отдать такой приказ. Потому что одно дело, когда солдаты видят в командире союзника по интригам, и совсем другое, когда они считают его унылым занудой, который портит им всё веселье. Насаждение порядка приводит к разрастанию хаоса, и наоборот...*

— Вот они! — крикнул кто-то, указывая вниз.

Из глубин озера поднимались забытые покинувшие последнюю битву семеро пропавших Солнечных солдат. Теперь они возвращались в бой. Окружавшая их яркая аура трусости постепенно меркла.

Два косяка рыб всколыхнулись, нервно поднимая палочки.

— Не стрелять! — крикнул Гарри, и одновременно тот же крик донёсся со стороны генерала Малфоя.

Все затаили дыхание.

Семеро Солнечных проплыли к Армии Драконов и присоединились к ним.

Со стороны Армии Драконов донеслись торжествующие восклицания.

Третий Легиона Хаоса исторгла вопли разочарования.

Кое-кто из оставшихся двух третей улыбнулся, хотя этого делать не стоило.

Гарри не улыбался.

Чёрт, это точно не работает...

Но он всё равно не смог придумать ничего лучше.

— Второй и Третий Специальные приказы по-прежнему в силе! — крикнул Гарри. — В бой!

— За Легион Хаоса! — заорали двадцать легионеров Хаоса.

— За Армию Драконов! — заорали двадцать воинов-Драконов и семь Солнечных солдат.

Легионеры Хаоса нырнули вниз, и все предатели приготовились нанести удар.

* * *

Грейнджер: 237 / Малфой: 220 / Поттер: 226

Драко отчаянно крутил головой, пытаясь оценить происходящее. Почему-то, несмотря на превосходство его армии в численности, он потерял инициативу. Четыре группы Драконов преследовали

четыре меньшие группы солдат Хаоса, но поскольку именно войска Драко пытались навязать бой, они были вынуждены следовать за убегающими легионерами, и каким-то образом это приводило к концентрации сил Хаоса, которые открывали огонь по открытым флангам Драконов...

И вот опять!

— *Призматис!* — крикнул Драко, вскинув палочку. Появившийся щит был замечен даже в воде, искрящаяся многоцветная плоская стена укрыла Драко и ещё пятерых Драконов от группы легионеров Хаоса, которая открыла по ним огонь, проплыв мимо. Исчезновение угрозы с этой стороны позволило солдатам Драко возобновить преследование легионеров, за которыми они гнались ранее...

Драко слегка напрягся, наблюдая, как заклинания сна одно за другим поглощаются его Радужной стеной. Оставалось только молиться Мерлину, чтобы никто из этих четырёх легионеров не знал заклинание Пронзающего бура...

Раздался гонг, означающий победу Дракона, и группа легионеров Хаоса перевернулась с ног на голову и поплыла прочь. Драко убрал Радужную стену и опустил палочку, его руки слегка тряслись.

Сражение в воде оказалось даже более утомительным, чем сражение на мётах.

— Не преследовать! — закричал Драко своим солдатам, которые помчались за легионерами. — *Сонорус!* ВСЕ КО МНЕ!

Когда силы Драконов начали стягиваться к Драко, силы Хаоса мгновенно развернулись и стали преследовать Драконов. Драко громко выругался, услышав сигнал о победе солдата Хаоса — чей-то Простой щит оказался направлен не в ту сторону. Когда силы Драконов собрались достаточно близко, чтобы поддерживать друг друга, легионеры вновь развернулись и уплыли во мрак.

Несмотря на численное превосходство, Драконы попали в легионеров три раза, а те в ответ — четыре. И ещё Драко услышал сигнал о казни одного из шпионов-Драконов. Гарри Поттер или очень быстро придумывал много очень хороших идей, или по каким-то невообразимым причинам уже потратил кучу времени, размышляя, как сражаться под водой. У Драко дела не ладились, и ему нужно было переосмыслить происходящее. К тому же, похоже, всем было трудно целиться и плыть одновременно, поэтому битва могла затянуться настолько, что кончится время... От далёкой подводной луны уже осталась только половина, и это было плохо... Ему нужно переосмысливать всё быстрее...

— В чём дело? — спросила Падма Патил, когда она и её подразделение подплыли к Драко.

Падму Драко назначил своим заместителем — она умна и сильна как волшебница, и, что ещё лучше, ненавидела Грейнджер и считала Гарри своим соперником, поэтому ей можно было доверять. Работа с Падмой помогла ему понять правдивость старой поговорки, что Когтевран — сестра Слизерина. В своё время Драко был удивлён, когда отец ему сказал, что Когтевран — приемлемый факультет для его будущей жены, но теперь он понял смысл слов отца.

— Ждём, пока все соберутся, — ответил Драко. По правде говоря, ему нужно было перевести дыхание. Тяжело одновременно быть и генералом, и самым сильным волшебником, приходится использовать магию, не переставая.

Подплыл Забини. Он командовал соединением из двух Солнечных и четырёх Драконов, одним из которых был Грегори. Задачей Грегори было приглядывать за Забини, которому Драко не доверял. И ни Драко, ни Забини не доверяли Солнечным настолько, чтобы оставить их в большинстве в каком-нибудь из соединений. Предполагалось, что они верны или непосредственно Драко, или Грейнджер, которая была обманута обещанием, что Драконы будут преданы в конце, после того как оба войска понесут тяжёлые потери. Точно так же наиболее верные легионеры Гарри, видимо, были обмануты обещанием Солнечных, что те будут лишь изображать стрельбу по ним, а в конце поддержат Хаос. Но, возможно, некоторые из Солнечных на самом деле верны Хаосу и не стреляли настоящими заклинаниями Сна, и именно поэтому армия Драконов ещё не выигрывала, несмотря на своё численное преимущество...

Подошедшее следом подразделение понесло потери. Трое солдат направляли палочки на двух других, которые плыли с пустыми руками.

Драко стиснул зубы. Опять проблема предателей. Нужно поговорить с профессором Квирреллом и найти способ хоть как-то наказывать предателей. Нынешние условия не реалистичны, в настоящей жизни предателей можно запытать до смерти.

— Генерал Малфой! — крикнул командир подразделения, мальчик из Когтеврана по имени Терри. — Мы не знаем, что делать — Цези застрелил Богдана, но Цези говорит, что Келла сказала ему, что Богдан застрелил Спектра...

— Я не говорила! — заявила Келла.

— Нет, говорила! — взвизгнул Цези. — Генерал Малфой, это она — шпион, я должен был по...

— *Сомниум*, — произнёс Драко.

Раздался тройной гонг, означающий потерю балла Драконами, и обмякшее тело Келлы поплыло прочь.

К настоящему времени Драко уже слышал слово «рекурсия», и распознал интригу Гарри Поттера с первого взгляда.

(К несчастью, Драко не слышал об аутоиммунных нарушениях, и ему не приходила в голову мысль, что умный вирус может начать свою атаку, создав симптомы аутоиммунного нарушения, чтобы тело не доверяло собственной иммунной системе.)

— *Общий приказ!* — объявил Драко, повысив голос. — Запрещается стрелять в шпионов всем, кроме меня, Грегори, Падмы и Терри. Если кто-то увидит что-нибудь подозрительное, он должен доложить одному из нас.

И тут...

Прозвучал гонг, сообщивший, что Солнечные заработали два балла.

— Что?! — почти одновременно воскликнули Драко и Забини и начали быстро оглядываться. Вроде бы, никого только что не застрелили, и все Солнечные были на месте. (Если не считать Парвати, которую застрелил до сих пор неизвестный предатель из взвода Падмы. И, конечно, Падма выстрелила в Парвати ещё раз, на случай, если та притворяется, поэтому это определённо не она...)

— Предатель Солнечных среди Хаоса? — озадаченно произнёс Забини. — Но все, кого я знал, должны были нанести удар во время атаки Хаоса на Солнечных...

— Нет! — воскликнула Падма. — Это Хаос казнил шпиона!

— Что?! — удивился Забини. — Но почему...

И тут до Драко дошло. Проклятье!

— Потому что Поттер считает, что он гарантированно обгонит Солнечных, но не уверен, что сможет обойти нас! Поэтому он не хочет терять даже один балл, когда казнит предателя! *Общий приказ!* Если нужно казнить предателя, сначала назовитесь Солнечными! И не забудьте переключиться потом на Драконов...

* * *

Грейнджер: 253 / Малfoy: 252 / Поттер: 252

Тело Лонгботтома дрейфовало в воде, руки и ноги беспомощно болтались. Когда Драко наконец в него попал, то выстрелил потом ещё раз для верности.

Гарри Поттер, защищённый Радужной сферой, мрачно смотрел на происходящее. Где-то вдалеке медленно угасало последнее серебряное сияние полумесяца. Если бы Лонгботтом застрелил на одного солдата больше (Драко знал, о чём думает Гарри), если бы двое легионеров продержались чуть-чуть дольше, они могли бы выиграть...

После того как Драко перестроил войска и опять перешёл в наступление, боевые действия и казни шпионов во имя Солнечных привели к тому, что Солнечные опережали и Драконов, и Хаос ровно на один балл. После того как Гарри начал казнить шпионов новым образом, у Драко не было иного выбора, кроме как последовать его примеру.

Но теперь на одного генерала Хаоса приходилось трое противников — двое выживших Драконов и единственный оставшийся предатель из Солнечных. Драко, Падма и Забини.

Драко не был дураком, поэтому как только Лонгботтом застрелил Грегори и сам пал от выстрела Драко, он приказал Падме забрать палочку у Забини. Блейз одарил его оскорблённым взглядом и отдал палочку, заявив, что Драко ему за это будет должен.

Таким образом, против генерала Хаоса остались Драко и Падма.

— Полагаю, сдаваться ты не хочешь? — с настолько злорадной ухмылкой Драко к Гарри Поттеру ещё никогда не обращался.

— Усну, но не сдамся! — выкрикнул генерал Хаоса.

— Просто чтобы ты знал, — произнёс Драко, — на самом деле у Забини нет старшей сестры, которую ты бы мог спасти от гриффиндорских хулиганов. Зато у него есть мать, которая не одобряет маглорождённых вроде Грейнджер, и я написал ей парочку писем и предложил оказать Забини пару услуг — не привлекая отца, просто ряд вещей, которые я сам могу сделать в школе. И, кстати, мать Забини также не одобряет Мальчика-Который-Выжил. Это я просто на случай, если ты до сих пор думаешь, что Забини был на твоей стороне.

Гарри помрачнел ещё сильнее.

Драко поднял палочку и сделал несколько ритмичных вдохов, собирая силы для заклинания Пронзающего бура. Радужная сфера Грейнджер уже почти не уступала той, что создавал Драко, и сфера Гарри была не хуже. Где эти двое находят время?

— *Лаганн!* — выкрикнул Драко, полностью вкладываясь в заклинание*. Вылетевшая зелёная спираль разбила щит Гарри, и практически в этот же миг...

— *Сомниум!* — крикнула Падма.

* * *

Грейнджер: 253 / Малфой: 252 / Поттер: 254

Гарри протяжно с облегчением выдохнул, и дело было не в том, что ему больше не нужно удерживать Радужную сферу. Он опустил палочку, рука слегка дрожала.

— Знаешь, — произнёс Гарри, — я уже начал немного беспокоиться.

Второй Специальный приказ: Если предатель Солнечных, судя по всему, по-настоящему в вас не стреляет, по возможности притворитесь, что он попал. Постарайтесь стрелять в Драконов, а не в Солнечных, но если не можете — стреляйте в Солнечных.

Третий Специальный приказ: Мерлин говорит не стрелять в Блейза Забини и близняшек Патил.

Широко ухмыльнувшись, Парвати Патил сорвала трансфигурированную заплатку с эмблемы на форме и отбросила её в сторону.

— Гриффиндорцы за Хаос, — произнесла она и вручила Забини его палочку обратно.

— Большое тебе спасибо, — сказал Гарри и глубоко поклонился гриффиндорской девочке. — И тебе тоже спасибо, — поклонился он Забини. — Знаешь, когда ты пришёл ко мне с этим планом, я не мог понять, гений ты или сумасшедший. В итоге я решил, что и то, и другое. И, кстати, — Гарри повернулся к телу Драко, — у Забини есть двоюродная сестра...

— *Сомниум*, — произнёс Забини.

* * *

Грейнджер: 255 / Малфой: 252 / Поттер: 254

Тело Гарри Поттера уносило прочь, сон быстро сгладил изумление и ужас на его лице.

— Я передумала, — весело сказала Парвати, — пожалуй, гриффиндорцы будут за Солнечных.

И она засмеялась, так радостно, как никогда прежде. Наконец-то ей предоставилась возможность убить свою сестру-близнеца и занять её место. Она всю жизнь мечтала об этом и трюк вышел идеально, всё вышло идеально...

...её палочка молниеносно повернулась в сторону Забини, зеркально повторив его движение.

— Стой! — крикнул Забини, — не стреляй, не сопротивляйся. Это приказ.

— Что?! — изумилась Парвати.

— Извини, — сказал Забини с выражением на лице, которое не совсем подходило для извиняющегося человека, — но я не могу быть полностью уверен, что ты за Солнечных. Так что я приказываю тебе дать мне возможность выстрелить в тебя...

— Стой! — воскликнула Парвати, — мы же опережаем Хаос только на один балл. Если ты выстрелишь в меня...

— Очевидно, что я застрелю тебя во имя Драконов, — немного высокомерно ответил Забини, — то, что мы хитростью заставили их добывать для нас баллы, не означает, что это не подойдёт и нам.

Парвати с подозрением уставилась на него.

— Генерал Малфой сказал, что твоей матери не нравится Гермиона.

— Скорее всего, — согласился Забини всё с тем же самодовольным выражением на лице. — Но некоторые из нас заботятся о сохранности нервов родителей меньше, чем Драко Малфой.

— А Гарри Поттер сказал, что у тебя есть кузина...

— Нет, — сказал Забини.

Парвати продолжала сверлить его взглядом, пытаясь думать, но интриги не были её сильной стороной. План Забини заключался в том, чтобы незаметно поддерживать равным количество баллов у Драконов и Хаоса, чтобы им пришлось казнить своих предателей во имя Солнечных, вместо того чтобы потерять хотя бы один балл, и это сработало... но... у неё было ощущение, что она что-то упускает... она не была слизеринкой...

— А почему бы мне не застрелить тебя во имя Дракона? — спросила Парвати.

— Потому что я старше по званию, — ответил Забини.

У неё возникло неприятное предчувствие.

Одно долгое мгновение она смотрела на него.

А потом...

— Сомни... — начала она, но вдруг поняла, что забыла сказать «во имя Дракона» и осеклась...

* * *

Грейнджер: 255 / Малфой: 254 / Поттер: 254

— Всем привет, — с экранов смотрело весьма довольное лицо Блейза Забини, — похоже, теперь всё зависит от меня.

И люди на берегу озера затаили дыхание.

Солнечные опережали Драконов и Хаос ровно на один балл.

Блейз Забини мог застрелить себя во имя Дракона или Хаоса, или же оставить всё как есть.

Колокольный перезвон возвестил, что пошла последняя минута игры.

На лице слизеринца была странная кривая ухмылка, он вращал пальцами палочку, почти невидимую в тёмной воде.

— Знаете, — его голос звучал так, будто он репетировал эту фразу заранее, — это ведь всего лишь игра. А игры должны быть весёлыми. Так почему бы мне не поступить, как мне хочется?

Глава 34

Проблемы координации. Часть 2

Квиррелл медленно брёл к большому помосту, который ранее объединёнными усилиями создали Минерва и Дамблдор. Внутри помост состоял из крепкого дерева, но снаружи он сверкал мрамором с платиновыми вставками и был украшен драгоценными камнями цветов всех факультетов. Они, конечно, не были основателями Хогвартса, но помост был нужен всего на несколько часов. Обычно Минерва наслаждалась редкой возможностью поучаствовать в трансфигурации чего-нибудь крупного, несмотря на тяжесть подобной работы, и проявить своё искусство в создании иллюзии роскоши. Но сегодня ей казалось, что она роет себе могилу.

Впрочем, сейчас Минерва чувствовала себя немного лучше. На один короткий момент, у неё возникло ощущение, что толпа может взорваться, но Дамблдор вовремя встал, радостно аплодируя, и глупцов, способных устроить беспорядки перед лицом директора, не нашлось.

Напряжение быстро растворилось в коллективном чувстве, которое можно было описать фразой: «Ну вы даёте!»

Блейз Забини застрелился во имя Солнечных, и счёт стал 254 на 254 на 254.

* * *

За сценой, в ожидании разрешения подняться на неё, стояли трое детей, бросая друг на друга взгляды, в которых смешивались ярость и разочарование. Возможно, не в последнюю очередь из-за того, что они ещё не совсем высохли после купания в озере, и Согревающие чары не до конца справлялись с холодом декабрьского воздуха. А может, дело было просто в их настроении.

— Всё! — заявила Грейнджер. — С меня довольно! Больше никаких предателей!

— Я полностью согласен с вами, мисс Грейнджер, — ледяным тоном поддержал Драко. — Поиграли в предательства и хватит.

— И что с этим намерены делать вы? — огрызнулся Гарри Поттер. — Профессор Квиррелл уже сказал, что он не будет за-
прещать шпионов!

— Мы их запретим за него, — мрачно ответил Драко. Он даже сам не понял, что хотел этим сказать, но произнесённые слова, кажется, уже создали у него в голове план...

* * *

Помост выглядел красиво, по крайней мере для временного строения, его создатели кое-что понимали в архитектуре и визуальном стиле и не совершили распространённую ошибку, перестаравшись с роскошью украшений. Драко занял очевидное для себя место, где зрители будут видеть его в ореоле слабого сияния изумрудов. Лёгким движением он подсказал Грейнджер занять место, где её бы окружал ореол сапфиров Когтеврана. Что касается Гарри Поттера, то Драко на него сейчас не смотрел.

Профессор Квиррелл... проснулся, или что-то в этом духе, и теперь стоял, облокотившись на кафедру, лишённую каких-либо драгоценных украшений. Мастерски собирая внимание аудитории, он тасовал три конверта с пергаментами, на которых генералы написали свои желания, а все ученики Хогвартса смотрели на него и ждали.

Наконец профессор Квиррелл отвлёкся от конвертов.

— Да уж, — произнёс он. — Проблема налицо.

Приглушенное хихиканье пробежало по толпе, но в нём слышался едкий оттенок.

— Полагаю, вам всем интересно, что я буду делать? — продолжил профессор. — Я поступаю по справедливости, ничего более. И хотя сначала я планировал произнести небольшую речь, но, мне кажется, мистер Малfoy и мисс Грейнджер желают с вами чем-то поделиться, так что я предоставляю слово им.

Драко моргнул. Он и Грейнджер обменялись быстрыми взглядами: «можно я?» — «да, давай».

— Мы с генералом Грейнджер хотим сказать, — начал Драко самым официальным тоном, зная, что его голос будет усилен и услышан, — что более не будем принимать помощь предателей. И если в какой-либо битве мы обнаружим, что Поттер принимает помощь предателей из наших армий, то объединим свои силы и сокрушим его.

И Драко метнул злобный взгляд в Мальчика-Который-Выжил.
Вот тебе, генерал Хаоса!

— Я полностью согласна с генералом Малфоем, — громко и звонко сказала Грейнджер, встав рядом с Драко. — Никто из нас не будет использовать предателей, а если генерал Поттер попробует, мы сметём его с поля боя.

Со стороны зрителей донеслись удивлённые шепотки.

— Очень хорошо, — с улыбкой произнёс профессор Защиты. — Вам потребовалось довольно много времени, но я всё же поздравляю вас с тем, что вы пришли к этой мысли раньше других генералов.

После секундного недоумения до Драко дошло...

— В будущем, мистер Малфой, мисс Грейнджер, прежде чем прийти в мой кабинет с просьбой о чём-нибудь, подумайте, нельзя ли обойтись и без моей помощи. На сей раз я не буду вычитать баллы Квиррелла, но в следующий вы потеряете все пятьдесят. — Профессор Квиррелл весело ухмылялся. — Мистер Поттер, вы что-то хотите сказать по этому поводу?

Гарри Поттер посмотрел на Грейнджер, затем на Драко. Его лицо выглядело спокойным, хотя Драко был уверен, что правильное сказать — он его хорошо контролировал.

Наконец, Гарри Поттер ровным голосом произнёс:

— Легион Хаоса по-прежнему с радостью примет помощь предателей. Увидимся на поле боя.

Драко осознавал, что по его лицу видно, насколько он потрясён. В толпе учеников-зрителей удивлённо зашептались. Бросив взгляд на первый ряд, Драко заметил, что даже легионеры Хаоса ошарашены словами своего генерала.

И без того сердитое лицо Грейнджер стало ещё более сердитым.

— Мистер Поттер, — резко произнесла она, как будто подражая учителям, — вы *пытаетесь* быть несносным?

— По большей части нет, — спокойно ответил Гарри Поттер. — Вам не придётся объединяться против меня каждый раз. Разбейте меня, и я соглашусь с вами. Но одной угрозы не всегда достаточно, Солнечный генерал. Вы не попросили меня присоединиться к вам, а просто решили навязать свою волю. Но иногда, чтобы навязать свою волю, надо сначала победить. Видите ли, я сомневаюсь, что Гермиона Грейнджер, самая лучшая ученица Хогвартса, и Драко, сын Люциуса, из Благородного и Древнейшего Дома Малфоев, смогут работать вместе, чтобы одолеть своего общего врага — Гарри Поттера, — Гарри Поттер весело улыбнулся. — Возможно, я просто использую

тот трюк, что Драко пытался проделать с Забини — напишу письмо Люциусу Малфою и посмотрю уже на его реакцию.

— Гарри! — в ужасе ахнула Грейнджер. Со стороны зрителей тоже донеслись судорожные вздохи.

Драко сдержал охвативший его гнев. Гарри совершил изрядную глупость, заявив об этом публично. Если бы он просто так сделал, то его ход мог сработать, Драко даже не подумал о такой возможности. Но теперь, если отец поступит, как того хочет Гарри, это будет выглядеть, будто он пешка в руках Поттера...

— Если вы думаете, что так легко сможете манипулировать моим отцом, лордом Малфоем, — холодно сказал Драко, — вас ждёт сюрприз, Гарри Поттер.

Тут Драко понял, что этими самыми словами он, сам того не желая, практически загнал в угол своего отца. Скорее всего отцу это ни капельки не понравится, но он промолчит, так что... Драко придётся извиниться, всё на самом деле вышло случайно, и странно, что у него это вообще получилось.

— Тогда вперёд, одолейте злого генерала Хаоса, — всё так же весело ответил Гарри. — Я не смогу победить обе ваши армии — если вы действительно будете работать вместе. Но, возможно, я сумею расколоть ваш союз ещё до битвы.

— У тебя не получится, и мы тебя разгромим! — заявил Драко Малфой.

Гермиона Грейнджер рядом с ним уверенно кивнула.

— Что ж, — произнёс профессор Квиррелл, нарушив воцарившуюся на берегу изумлённую тишину. — Я совсем не так представлял себе ход этого разговора, — у профессора было довольно заинтригованное выражение лица. — По правде говоря, мистер Поттер, я ожидал, что вы немедленно согласитесь и с улыбкой объявите, что уже давно поняли, в чём смысл моего урока, но решили не портить его для остальных. Более того, мистер Поттер, исходя из этого, я планировал свою речь.

Гарри Поттер лишь пожал плечами:

— Сожалею.

— О, не беспокойтесь, — сказал профессор Квиррелл. — Так тоже неплохо.

Профессор выпрямился за кафедрой и перевёл взгляд с трёх детей на толпу зрителей. Его привычный отстранённо-насмешливый вид исчез, как упавшая маска. И когда он вновь заговорил, его голос, ставший ещё громче, был жёстким и холодным, как декабрьский воздух:

— Если бы не Гарри Поттер, Сами-Знаете-Кто победил бы. Мгновенно наступила абсолютная тишина.

* * *

— Не сомневайтесь, — продолжил профессор Квиррелл. — Тёмный Лорд *побеждал*. Всё меньше и меньше авроров осмеливалось встретиться с ним. Храбрецы, противостоявшие ему, сами были вынуждены скрываться. Один Тёмный Лорд и примерно пятьдесят Пожирателей Смерти побеждали многотысячную страну. Это за гранью абсурда! Я не знаю настолько низкой оценки, которая подошла бы подобной степени некомпетентности!

Директор Дамблдор нахмурил брови. На лицах остальной аудитории было написано замешательство. Все продолжали молчать.

— Теперь вы понимаете, как такое могло произойти? Сегодня вы были тому свидетелями. Я разрешил предателей и не дал генералам никаких средств, чтобы обуздать их. Вы видели, что получилось. Искусные интриги и искусные предательства, и в итоге последний солдат, оставшийся на поле боя, застрелился! Вне всякого сомнения, все три армии были бы разбиты абсолютно любым сплочённым внешним врагом.

Профессор Квиррелл подался вперёд, его голос наполнился зловещей силой. Он вытянул правую руку с растопыренными пальцами.

— Разделение — слабость, — прогремел профессор Защиты. Он сжал пальцы в кулак. — Единство — сила. Тёмный Лорд ошибался во многом, но это он понимал прекрасно. И благодаря этому он придумал одно простое изобретение, сделавшее его самым ужасным Тёмным Лордом в истории. Вашим родителям противостоял один Тёмный Лорд. И пятьдесят Пожирателей Смерти, которые были абсолютно едины, которые знали, что малейшая брешь в их верности будет наказана смертью, что любая расхлябанность или некомпетентность будет наказана болью. Приняв Метку Тёмного Лорда, ни один из них не мог ускользнуть от его хватки. И Пожиратели Смерти соглашались принять эту ужасную Метку, потому что знали — приняв её, они будут едины. Один Тёмный Лорд и пятьдесят Пожирателей Смерти победили бы целую страну силой Тёмной Метки.

Профессор Квиррелл сурово продолжил:

— Ваши родители могли бы дать отпор тем же способом. Но не сделали этого. Журналист по имени Йерми Виббл призывал нацию ввести воинскую обязанность, хотя и не дошёл до мысли

предложить Метку Британии. Йерми Виббл знал, что с ним случится, он надеялся, что его смерть воодушевит остальных. Поэтому Тёмный Лорд убил заодно и его семью. Содранная с них кожа внушила лишь страх народу Британии, и больше никто не осмелился подать голос. И вашим родителям пришлось бы иметь дело с последствиями своей жалкой трусости, если бы их не спас годовалый ребёнок, — на лице профессора читалось абсолютное презрение. — Драматург назвал бы это «бог из машины»*, ибо сами они не сделали ничего для своего спасения. Возможно, Тот-Кого-Нельзя-Называть не заслуживал победы, но ваши родители, без сомнения, заслужили поражение.

Голос профессора Защиты зазвенел как сталь:

— И знайте: ваши родители ничему не научились! Нация по-прежнему раздроблена и слаба! Сколько десятилетий прошло между Гриндевальдом и Сами-Знаете-Кем? Думаете, вы за свою жизнь не увидите следующей угрозы? Повторите ли вы ошибки ваших родителей, столь ясно увидев сегодня, к чему они могут вас привести? Ибо я могу сказать, что сделают ваши родители, когда придёт день тьмы! Я могу сказать, чему они научились! Они научились прятаться, как трусы, и ждать, пока их спасёт Гарри Поттер!

На лице директора Дамблдора читалось удивление. Ученики же взирали на профессора Защиты с замешательством, гневом и восхищением...

Взгляд профессора Квиррелла был столь же холоден, как и его голос:

— Запомните это и запомните хорошо. Тот-Кого-Нельзя-Называть хотел править этой страной, хотел властвовать над ней вечно. Но по крайней мере он хотел править живой страной, а не горсткой пепла! История помнит безумных Тёмных Лордов, желавших лишь превратить весь мир в огромный погребальный костёр! Случались войны, в которых целая страна выступала против другой! А ваши родители почти проиграли полусотне, которая хотела захватить эту страну живьём! Как быстро бы их разбил более многочисленный враг, которому не интересно ничего, кроме разрушения? Я предсказываю: когда возникнет следующая угроза, Люциус Малфой объявит, что вы должны следовать за ним или погибнуть, что единственная ваша надежда — это вера в его силу и беспощадность. Он и сам будет верить в эту ложь. Но когда Тёмный Лорд пал, Люциус Малфой не объединил Пожирателей Смерти. Их единство в одночасье рухнуло. Они бежали как побитые псы и предавали друг

друга! Люциус Малфой недостаточно силён, чтобы быть настоящим Лордом, Тёмным или каким угодно.

Стиснутые кулаки Драко Малфоя побелели, на глаза навернулись слёзы ярости и невыносимого стыда.

— Нет, — произнёс профессор Квиррелл. — Не думаю, что вас спасёт Люциус Малфой. И если вы сочтёте, что это лишь моё мнение, время скоро покажет, что это не так. Я не дам вам совета, кого выбирать, мои ученики. Но скажу, что если наша страна найдёт лидера, сильного как Тёмный Лорд, но честного и благородного, и примет его Метку, то любой Тёмный Лорд будет раздавлен как насекомое, и весь прочий разобшённый магический мир не сможет нам угрожать. И если какой-то более сильный враг начнёт против нас войну на уничтожение, то только у объединённого магического мира будет шанс уцелеть.

Раздались судорожные вздохи, в основном со стороны магло-рождённых — на лицах учеников в мантиях с зелёной оторочкой читалось лишь недоумение. Теперь уже Гарри Поттер стиснул кулаки. Гермiona Грейнджер рядом с ним была рассержена и напугана.

Директор встал со своего места. Его глаза метали молнии. Пока он не произнёс ни слова, но приказ был ясен.

— Я не назову вам эту будущую угрозу, — сказал профессор Квиррелл. — Но, если прошлое хоть в какой-то мере отражает то, каким будет будущее, вам не удастся прожить свои жизни в мире. И если в будущем вы поступите как увиденные вами сегодня три армии, если вы не сможете отбросить ваши мелочные ссоры и не примете Метку единого лидера, то вы несомненно пожалеете, что у вас нет Тёмного Лорда, чтобы править вами, и проклянете день, когда на свет появился Гарри Поттер...

— Довольно! — прогремел Альбус Дамблдор.

Наступила тишина.

Профессор Квиррелл медленно повернул голову и посмотрел туда, где стоял разъярённый Дамблдор во всём своём величии. Казалось, всех учеников придавила огромная тяжесть, они слушали, но не смели пошевелинуться.

— Вы тоже подвели эту страну, — произнёс профессор Квиррелл. — И вы знаете об опасности не хуже меня.

— Подобные речи не для ушей учеников, — в голосе Альбуса Дамблдора явственно звучала угроза. — И не для уст профессоров!

Профессор Защиты сухо ответил:

— Когда Тёмный Лорд шёл к власти, было много речей для ушей взрослых. И взрослые аплодировали этим речам, а затем

возвращались домой к своим обычным развлечениям. Но я подчинюсь вам, директор, и если вам не нравятся мои речи, их больше не будет. Мой урок прост. Я не буду ничего делать с предателями, и мы посмотрим, что ученики смогут сделать с ними самостоятельно, не рассчитывая на помощь профессора.

Квиррелл повернулся к ученикам, и на его лице появилась кривая ухмылка, которая сняла чудовищное давление, как дуновение бога рассеивает облака.

— Но, прошу вас, будьте пока добры к предателям. Они просто развлекаются.

Раздался смех, хоть поначалу и довольно нервный. Профессор Квиррелл стоял и криво улыбался, и какая-то часть напряжения исчезла сама собой.

* * *

Профессор Квиррелл уже приготовился открыть конверты с желаниями, а в потрясённом мозгу Драко до сих пор бурлили тысячи вопросов.

Ему никогда не приходило в голову, что путешествующие на Луну маглы могут оказаться большей угрозой, чем медленное увядание волшебства, или что отец окажется слишком слаб, чтобы остановить их.

И ещё более странным было очевидное следствие: профессор Квиррелл верит, что это сможет сделать Гарри. Он заявил, что не станет давать советы кого выбрать будущим лидером, но он снова и снова упоминал в своей речи Гарри Поттера, так что прийти к определённому выводу было не трудно.

Это смешно. Мальчик, который покрывает мягкое кресло блёстками и называет его тронем...

Мальчик, который бросил вызов Снейпу и победил, — прошептал предательский голос, — может вырасти в Лорда, у которого хватит сил, чтобы править, хватит сил, чтобы спасти всех нас...

Но Гарри же воспитали маглы! Он сам практически грязнокровка, он не будет сражаться против своей приёмной семьи...

Ему ведомы их умения, их приёмы и их секреты. Он сможет взять всю магловскую науку и, объединив с нашей магической силой, использовать против них.

Но что если он откажется? Что если он слишком слаб?

Тогда, — ответил внутренний голос, — это придётся сделать тебе, разве не так, Драко Малфой?

Голоса снова стихли, когда профессор Квиррелл распечатал первый конверт.

— Мистер Малфой, вы пожелали... чтобы Слизерин выиграл кубок школы.

Публика озадаченно переглянулась.

— Да, профессор, — чётко проговорил Драко, зная, что его голос будет усилен. — Если вы не можете это сделать, тогда что-нибудь ещё для Слизерина...

— Я не буду присуждать баллы факультетов несправедливо, — Квиррелл с задумчивым видом постучал по щеке. — Что делает исполнение вашего желания достаточно затруднительным и, следовательно, интересным. Не хотите ли рассказать, почему вы остановились на нём, мистер Малфой?

Всё ещё стоя на фоне платины и изумрудов, Драко отвернулся от профессора Защиты и посмотрел на толпу. Не все в Слизерине болели за Армию Драконов — появились настроенные против Малфоев группы, которые выражали своё отношение, поддерживая Мальчика-Который-Выжил или даже Грейнджер, и выходка Забини их только подзадорит. Им нужно напомнить, что Слизерин — значит Малфои, а Малфои — значит Слизерин...

— Нет, — сказал Драко. — Они слизеринцы, они поймут.

Послышались смешки, главным образом от слизеринцев, даже от тех, кто ещё минуту назад был против Малфоя.

Лесть — чудесная штука.

Драко снова повернулся к профессору Квирреллу и с удивлением обнаружил, что Грейнджер выглядит смущённой.

— Что же касается мисс Грейнджер, — послышался звук рвущейся бумаги: профессор Квиррелл вскрыл второй конверт, — вы пожелали... чтобы Когтевран выиграл кубок школы?

Смех пронёсся среди публики, и даже Драко хохотнул. Он не думал, что Грейнджер тоже знакома с правилами этой игры.

— Э-э, ну, — похоже, Грейнджер с трудом вспоминала слова заготовленной речи, — то есть... — она набрала в грудь воздуха. — В моей армии есть солдаты с каждого факультета, и я не хочу никого из них обидеть. Но и факультеты должны что-то значить. Грустно, когда ученики с одного факультета бросаются друг в друга проклятиями, только потому что они оказались в разных армиях. Нужно, чтобы люди могли полагаться на товарищей по факультету. Годрик Гриффиндор, Салазар Слизерин, Ровена Когтевран и Хельга Пуффендуй для того и создали четыре факультета Хогвартса. Я, конечно, генерал Солнечных,

но прежде всего я Гермiona Грейнджер из Когтеврана, и я горжусь, что я — часть факультета, которому восемьсот лет.

— Bravo, мисс Грейнджер! — пророкотал Дамблдор.

Гарри Поттер нахмурился, и какая-то ускользающая мысль щекотнула Драко по краю сознания.

— Любопытное мнение, — заметил профессор Квиррелл. — Однако бывают случаи, когда слизеринцу хорошо иметь друзей в Когтевране, а гриффиндорцу — в Пуффендуе. Не лучше ли всего, когда ты можешь полагаться как на друзей по факультету, так и на друзей по армии?

Взгляд Грейнджер метнулся к наблюдавшим за ними ученикам и учителям, но она промолчала.

Профессор Квиррелл кивнул, словно сам с собой соглашаясь, повернулся к кафедре и открыл последний конверт. Гарри, стоявший рядом с Драко, заметно напрягся.

Профессор Защиты поднёс к глазам пергамент:

— А мистер Поттер желает...

Миг тишины — глаза профессора Квиррелла пробежали по строчкам.

А затем, хоть на лице профессора и не дрогнул ни один мускул, лист пергамента ярко вспыхнул и сгорел, оставив после себя лишь оседающие хлопья пепла.

— Пожалуйста, оставайтесь в рамках возможного, мистер Поттер, — сухо произнёс профессор.

Воцарилась долгая тишина. Гарри был явно потрясён.

Великий Мерлин, что он там попросил?

— Надеюсь, — продолжил Квиррелл, — вы подготовили другое желание, на случай если я не возьмусь выполнить это.

Опять тишина.

Гарри глубоко вздохнул.

— Не подготовил, — сказал он, — но я уже придумал замену.

Гарри Поттер развернулся к толпе, и голос его окреп:

— Люди боятся предателей из-за вреда, который они наносят напрямую: из-за солдат, которых они могут застрелить, из-за секретов, которые могут продать. Но это лишь часть той опасности, которую они собой представляют. То, что люди делают только из-за боязни предательства, тоже имеет свою цену. Сегодня я применил эту стратегию против Солнечных и Драконов. Я не приказывал своим предателям как можно сильнее навредить неприятелю. Я приказал им действовать таким образом, чтобы посеять как можно больше

недоверия и смятения в рядах врага и заставить генералов принимать самые затратные меры для борьбы с ними. Если предателей всего лишь несколько и им противостоит целая страна, очевидно, что вред, который эти предатели могут нанести, может оказаться куда меньше вреда, нанесённого целой страной в борьбе с ними — лекарство может оказаться опаснее болезни...

— Мистер Поттер, — неожиданно резко прервал его профессор Защиты, — история показывает, что вы просто-напросто неправы. Поколение ваших родителей сделало слишком мало во имя объединения, а не слишком много! Вся страна чуть не пала, мистер Поттер, хоть вы этого и не застали. Спросите у соседей по комнате, сколько из них потеряли родных в войне с Тёмным Лордом. А лучше, если у вас есть хоть капля разума, — не спрашивайте! У вас есть желание, мистер Поттер?

— Если не возражаете, — мягко сказал Альбус Дамблдор, — хотелось бы послушать, что скажет Мальчик-Который-Выжил. В прекращении войн у него больше опыта, чем у нас обоих.

Несколько человек засмеялись, но таких было совсем немного.

Гарри Поттер перевёл взгляд на Дамблдора и как будто на секунду задумался.

— Я не говорю, что вы неправы, профессор Квиррелл. В последней войне люди не действовали сообща, и вся страна чуть не пала перед несколькими дюжинами врагов. Да, это заслуживает презрения. И если мы совершим те же ошибки в следующий раз — это будет заслуживать презрения ещё больше. Но ни одна война не повторяется дважды. Проблема в том, что враг тоже может быть умён. Разногласия опасны по-своему, но и у попытки создать единство есть свои риски и своя плата, и враг обязательно попыбует воспользоваться этим в своих интересах. Нельзя думать только на первом уровне игры.

— У простоты тоже есть привлекательные стороны, мистер Поттер, — всё так же сухо возразил профессор Защиты. — Надеюсь, сегодня вы усвоили кое-что об опасностях стратегий, которые сложнее, чем просто «собрать своих людей в кулак и ударить по врагу». И если всё сказанное не связано каким-то образом с вашим желанием, я буду весьма огорчён.

— Да, — кивнул Гарри Поттер, — довольно сложно было придумать желание, которое символизирует опасность объединения. Но проблемы совместных действий проявляются не только в войне — мы с ними сталкиваемся всю жизнь, ежедневно. Если все пользуются одинаковыми правилами, а правила глупы, то когда

кто-то один пытается делать что-то иначе — он нарушает правила. И только если все решают делать что-то иначе, им уже не могут помешать. Это и есть яркий пример, демонстрирующий цену единства — первому человеку приходится спорить с толпой, идти против течения. И если считать, что важно только единство, то никто никогда не сможет изменить правила игры, какими бы глупыми они ни были. Так что вот моё желание, которое иллюстрирует, что случается, когда люди объединяются в неправильном направлении: пусть в Хогвартсе играют в квиддич без снитча.

— ЧТО?! — вырвалось из сотни ртов, а у Драко отвисла челюсть.

— Снитч портит всю игру, — пояснил Гарри Поттер. — Всё, что делают другие игроки, в конце концов оказывается неважным. Намного разумнее просто использовать часы. Это одна из тех ошеломительно дурацких вещей, которые вы не замечаете просто потому, что выросли с ними, которые вы делаете только потому, что все вокруг это делают...

Но к этому времени голос Гарри Поттера был уже не слышен, потому что начались массовые волнения.

* * *

Волнения закончились примерно через пятнадцать секунд, после огромного огненного всполоха, бабахнувшего со стороны самой высокой башни Хогвартса громче сотни громов. Драко не знал, что Дамблдор способен на такое.

Ученики опасливо и тихо рассаживались по местам.

Профессор Квиррелл хохотал без остановки.

— Так тому и быть, мистер Поттер. Ваша воля будет исполнена, — профессор Защиты сделал многозначительную паузу. — Конечно, я обещал лишь один хитрый план. И это всё, что вы трое получите.

Драко уже почти ждал этих слов, но они всё равно потрясли его. Он обменялся быстрым взглядом с Грейнджер: они были бы очевидными союзниками, если бы их желания не противоречили одно другому...

— Вы хотите сказать, — уточнил Гарри, — что мы должны согласиться на какое-то одно желание?

— О, этого от вас просить — явно чересчур, — сказал профессор Квиррелл. — У вас троих ведь нет общего врага?

Это могло быть игрой воображения, но Драко на мгновение показалось, что глаза профессора Защиты стрельнули в сторону Дамблдора.

— Нет, — продолжил профессор, — я имел в виду, что выполню три желания при помощи одного плана.

Немое недоумение.

— У вас не получится, — категорически заявил Гарри. — Даже я на такое не способен. Два из этих желаний взаимно несовместимы. Это логически невозможно... — Гарри осёкся.

— Вы ещё годами не вышли, чтобы говорить, что у меня получится, а что — нет, мистер Поттер, — сухо улыбнулся профессор Квиррелл.

Профессор Защиты повернулся к зрителям:

— Если честно, у меня нет никакой уверенности, что вы сможете понять сегодняшний урок. Разъезжайтесь по домам, наслаждайтесь временем, проведённым в кругу семьи, или того, что от неё осталось. Моя же семья давно пала от руки Тёмного Лорда. Увидимся, когда возобновятся занятия.

Профессор Квиррелл развернулся, чтобы сойти со сцены, и Драко услышал в последовавшей за речью профессора тишине, как тот, уже не усиливая голос, негромко сказал:

— Но с вами, мистер Поттер, мне хотелось бы побеседовать прямо сейчас.

Глава 35

Проблемы координации. Часть 3

Когда они оказались в кабинете, профессор Квиррелл запечатал дверь, развалился в кресле и заговорил.

Его голос был очень спокоен, но это пробирало Гарри гораздо сильнее, чем если бы профессор Квиррелл орал.

— Я пытаюсь, — тихо сказал тот, — принимать во внимание вашу юность. Я и сам в ваши годы был болваном, каких поискать. Вы говорите взрослыми словами и суёте нос во взрослые игры, и иногда я забываю, что вы просто беспокойный ребёнок. Надеюсь, мистер Поттер, что ваше сегодняшнее ребячество не погубило вас, не разрушило вашу страну и не стало причиной поражения в следующей войне.

Гарри с большим трудом сохранил спокойное дыхание:

— Профессор Квиррелл, я сказал куда меньше, чем мне хотелось, но я должен был сказать хоть что-то. Ваши предложения звучат крайне тревожно для того, кто хотя бы чуть-чуть знаком с магловской историей этого века. Итальянские фашисты — публика весьма гнусная — получили своё название от слова «фашина», которое означает перетянутую шнуром связку прутьев, символизирующую силу единства...

— Значит, гнусные итальянские фашисты верили, что единство сильнее разобщённости, — в голосе профессора Квиррелла появились резкие нотки. — Быть может, они также верили, что небо синее, и утверждали, что булыжники себе на голову бросать вредно.

Противоположность глупости — не обязательно мудрость. Самый глупый человек в мире может заявить, что светит солнце, но это не означает, что на улице темень...

— Хорошо, вы правы, это аргумент *ad hominem*. Нельзя сказать, что вы ошибаетесь, только потому что так говорили фашисты. Но, профессор Квиррелл, нельзя всей страной принимать Метку одного диктатора! Это же тот самый элемент, отказ которого приведёт к от-

казу всей системы! Посмотрите с другой стороны: предположим, наш враг наложит Империиус на того, кто управляет Меткой...

— На могущественных волшебников не так просто наложить Империиус, — сухо возразил профессор Квиррелл. — И если не найдётся достойного лидера, страна в любом случае обречена. Но достойные лидеры существуют. Вопрос только в том, последуют ли за ними люди.

Гарри бессильно взъерошил волосы. Ему захотелось взять таймаут и заставить профессора Квиррелла прочитать «Взлёт и падение Третьего рейха», а потом начать этот разговор заново*.

— Не думаю, что если я предложу демократию в качестве предпочтительной по сравнению с диктатурой формы правления...

— Понятно, — профессор Квиррелл на мгновение прикрыл глаза. — Мистер Поттер, глупость квиддича для вас очевидна, потому что вы не росли, почитая эту игру. Если бы вы никогда не слышали о выборах, мистер Поттер, и просто увидели, что есть что, увиденное бы вас не обрадовало. Взгляните на нашего избранного министра магии. Разве он мудрейший, сильнейший и могущественнейший маг нашей страны? Нет — он шут, сидящий на жаловании у Люциуса Малфоя. Волшебники сходили на избирательные участки и сделали выбор между Корнелиусом Фаджем и Таней Лич, которые развлекали их грандиозной и увлекательной предвыборной гонкой, после того как «Ежедневный пророк», также подконтрольный Люциусу Малфоя, назвал их единственными достойными кандидатами. Но никто в здравом уме не станет всерьёз утверждать, что Корнелиуса Фаджа выбрали потому, что он лучший лидер в нашей стране. И если судить по тому, что я слышал и видел, то в мире маглов дела обстоят не лучше. В последней прочитанной мною магловской газете упоминалось, что предыдущий президент Соединённых Штатов ранее был киноактёром*. Если бы вы не выросли в стране, практикующей избирательную систему, мистер Поттер, выборы показались бы вам столь же очевидной глупостью, как и квиддич.

Гарри сидел раскрыв рот и с трудом подбирал слова.

— Смысл выборов не в поиске самого лучшего лидера, а в том, чтобы политики опасались избирателей в достаточной степени, чтобы не становиться такими злодеями, какими становятся диктаторы...

— Последняя война, мистер Поттер, шла между Тёмным Лордом и Дамблдором. И пусть Дамблдор был ущербным лидером, который проигрывал войну, было бы смехотворно предполагать, что хоть какой-то из министров магии, избранных в те времена, смог бы занять его место! Сила исходит от могущественных волшебни-

ков и их последователей, а не от выборов и избираемых дураков. Это — урок, извлечённый из недавней истории магической Британии, и я сомневаюсь, что следующая война научит вас чему-то другому. Если вы переживёте её, чего вы никак не сможете сделать, не избавившись от восторженных детских иллюзий!

— Если вы думаете, что в том способе действий, который вы отстаиваете, нет никакой опасности, — сказал Гарри тоном, более резким, чем ему хотелось бы, — то это тоже детские иллюзии!

Он угрюмо уставился профессору Квирреллу в глаза. Тот выдержал взгляд, не мигая.

— Эти опасности, — холодно проговорил профессор Квиррелл, — следует обсуждать в кабинетах, подобных этому, а не в публичных речах. Глупцов, избравших Корнелиуса Фаджа, не волнуют сложности и предостережения. Выйдите к ним с чем-то более сложным, чем воодушевляющие крики, и вы будете сражаться на своей войне один. Это, мистер Поттер, и была ваша детская ошибка, которую Драко Малфой не допустил бы даже в восемь лет. Даже вам должно было быть очевидно, что следовало промолчать и в первую очередь посоветоваться со мной, а не высказывать свои опасения перед толпой!

— Пусть я и не друг Альбусу Дамблдору, — ответил Гарри не менее ледяным тоном, — но он не ребёнок, и ему не показалось, что мои опасения детские или что мне следовало бы обсудить их, прежде чем высказывать.

— О, — сказал профессор Квиррелл, — так вы теперь руководствуетесь подсказками директора?

Он поднялся из-за стола.

* * *

Блейз шёл в кабинет директора, но за одним из поворотов коридора он обнаружил прислонившегося к стене профессора Квиррелла.

— Блейз Забини, — произнёс профессор Защиты, выпрямляясь. Его глаза были похожи на тёмные камни, а от его голоса у Блейза побежали мурашки по спине.

Он ничего не может мне сделать, я должен просто помнить об этом...

— Я уверен, — сказал профессор Квиррелл холодно и отчётливо, — что уже знаю имя вашего нанимателя. Но я хотел бы услышать его из ваших уст, а также узнать цену, за которую вы продались.

Блейз понял, что весь вспотел и что испарина уже видна на его лбу.

— Я получил шанс показать, что я лучше всех трёх генералов, и я им воспользовался. Куча людей сейчас меня ненавидит, но многим слизеринцам мои действия очень понравились. Почему вы думаете, что я...

— Не вы придумали план сегодняшней битвы, мистер Забини. Назовите мне автора.

Блейз судорожно сглотнул.

— Ну... я думаю, в этом случае... вы ведь уже догадались, верно? Настолько сумасшедший здесь только Дамблдор. И он защитит меня, если вы попробуете что-нибудь со мной сделать.

— Безусловно. Назовите мне цену.

Взгляд профессора по-прежнему был суров.

— Моя кузина Кимберли, — Блейз опять сглотнул, пытаясь справиться с волнением в голосе. — Она на самом деле существует, и над ней действительно издеваются, Поттер это проверил, он не дурак. Но Дамблдор сказал, что это он сам натравил на неё хулиганов, и если я буду работать на него, с Кимберли всё будет в порядке, но если я буду сотрудничать с Поттером, ей будет ещё хуже!

— Понятно, — через несколько секунд произнёс профессор Квиррелл уже более мягким голосом. — Мистер Забини, если что-нибудь подобное произойдёт ещё раз, обращайтесь сразу ко мне. У меня есть способы защитить своих друзей. И последний вопрос. Даже при всех ваших возможностях свести битву к ничьей могло оказаться сложно. Дамблдор проинструктировал вас, кто должен победить, если бы ничьей не получалось?

— Солнечные, — ответил Блейз.

Профессор кивнул.

— Как я и думал, — профессор Защиты вздохнул. — В будущем, мистер Забини, я бы не советовал вам использовать настолько сложные планы. Они склонны разваливаться.

— Эм-м, вообще-то я так и сказал директору, — произнёс Блейз, — а он ответил, что именно поэтому важно иметь много планов одновременно.

Профессор Квиррелл устало потёр лоб.

— И как только Тёмный Лорд не сошёл с ума, сражаясь с ним. Можете идти к директору, мистер Забини. Я никому не скажу об этом разговоре, но если директор вдруг о нём узнает, помните о том, что моё предложение защиты всё ещё в силе. Вы свободны.

Блейз не стал ждать, скажут ли ему что-то ещё. Он просто развернулся и убежал.

Профессор Квиррелл немного подождал, а затем произнёс:

— Выходите, мистер Поттер.

Гарри сорвал с себя Мантию невидимости и запихал её в кошель.

Мальчика так трясло от ярости, что он едва мог говорить:

— Что?! Он сделал что?!

— Вы должны были вычислить это сами, мистер Поттер, — спокойно ответил профессор Квиррелл. — Вы должны научиться смотреть на картину в целом, чтобы видеть лес за деревьями. Любой, кто услышит истории о вас, не зная, что вы — загадочный Мальчик-Который-Выжил, с лёгкостью вычислит, что у вас есть плащ-невидимка. Возьмём сегодняшние события, отвлечёмся от деталей, и что мы увидим? Грандиозное соперничество между учениками, которое заканчивается абсолютной ничьей. Такое бывает только в сказках, мистер Поттер, а в школе есть только один человек, который мыслит сказками. Налицо странный, запутанный план, и вы должны были понять, что он не характерен для юного слизеринца, которого вы только что видели. Но в школе есть человек, который специализируется на планах подобной сложности, и его фамилия не Забини. К тому же я предупреждал вас насчёт четверного агента. Вы знали, что Забини как минимум тройной агент, и должны были догадаться, что с высокой вероятностью я говорил именно о нём. Нет, я не объявлю последнюю битву недействительной. Вы трое провалили экзамен и проиграли общему врагу.

Экзамены в настоящее время Гарри совершенно не волновали.

— Дамблдор шантажировал Забини, угрожая его кузине?! Просто чтобы свести нашу битву к ничьей? Почему?!

Профессор Квиррелл невесело рассмеялся.

— Возможно, директор думает, что соперничество очень полезно для его ручного героя, и хочет, чтобы оно продолжалось. Ради высшего блага, сами понимаете. Или, возможно, он просто сошёл с ума. Видите ли, мистер Поттер, все знают, что безумие Дамблдора — это маска и что он разумный человек, который лишь притворяется безумным. Люди гордятся, что додумались до такой умной мысли, и, зная это тайное объяснение, перестают копать дальше. Им не приходит в голову, что также возможно, что за маской есть другая маска, что безумный притворяется разумным, который притворяется безумным. Но, боюсь, мистер Поттер, у меня есть срочные дела в другом месте, так что вынужден откланяться. И я настоятельно вам советую

не руководствоваться подсказками Альбуса Дамблдора во время войны. До встречи, мистер Поттер.

Профессор Защиты иронично склонил голову и ушёл в том же направлении, что и Забини. Гарри остался стоять с открытым ртом.

Послесловие: Гарри Поттер

Гарри медленно брёл в направлении башни Когтеврана. Его глаза не видели ни стен, ни картин, ни других учеников. Он поднимался по лестницам и спускался по пандусам, не замедляя и не ускоряя движения, не замечая даже, куда он вообще идёт.

Ему потребовалось больше минуты, чтобы понять, что вся информация о плане Дамблдора получена исключительно: а) от Блейза Забини, поверить которому ещё раз может лишь полный кретин; б) от профессора Квиррелла, который запросто способен придумать план в стиле Дамблдора, и, возможно, тоже считает, что небольшое соперничество среди учеников — это замечательно. И который, к тому же, если сделать шаг назад и посмотреть на картину в целом, фактически предложил установить в стране магическую диктатуру.

Но также возможно, что за спиной Забини стоял именно Дамблдор, а профессор Квиррелл искренне пытался бороться с Тёмной Меткой таким же оружием и хотел помешать повторению событий, которые вызывали у него презрение. Пытался сделать так, чтобы Гарри не пришлось сражаться с Тёмным Лордом в одиночку, пока все остальные будут прятаться в испуге, ожидая, что Гарри их спасёт.

Правда, на самом деле...

Ну...

В общем-то, Гарри был готов к такому раскладу.

Обычно предполагается, что такое отношение героя обижает и ожесточает.

К чёрту. Гарри скорее предпочтёт, чтобы все остальные оставались в безопасности, пока Мальчик-Который-Выжил не повергнет Тёмного Лорда самостоятельно или максимум с небольшой группой спутников. Если следующий конфликт с Тёмным Лордом будет похож на Вторую Мировую войну, в которой погибла уйма людей и в которой участвовали целые страны, это будет означать, что Гарри уже проиграл.

А если после этого разразится война между волшебниками и маглами, то не столь важно, кто победит. Если Гарри допустит, чтобы дело зашло так далеко, это тоже будет означать, что он проиграл.

Кроме того, кто сказал, что после неизбежного падения завесы секретности общества не смогут мирно сосуществовать? (Хотя на этом месте в голове у Гарри зазвучал сухой голос профессора Квиррелла, спрашивающий, не дурак ли он, и приводящий следом множество очевидных аргументов...) А если маги и маглы не смогут жить в мире, то Гарри, объединив магию и науку, придумает, как эвакуировать всех волшебников на Марс или куда-то ещё*, но не допустит войны.

Потому что если начнётся война на уничтожение...

Вот чего не осознавал профессор Квиррелл — он забыл задать своему юному генералу самый важный вопрос.

О настоящей причине, по которой Гарри не собирався соглашаться на введение Светлой Метки, независимо от того, насколько она поможет ему в борьбе с Тёмным Лордом.

Один Тёмный Лорд и пятьдесят отмеченных им последователей угрожали всей магической Британии.

Если вся Британия примет Метку сильного лидера, она будет угрозой для всего волшебного мира.

А если весь волшебный мир примет единую Метку, он станет опасным для остального человечества.

Никто не знает точно, сколько в мире волшебников. Гарри совместно с Гермионой попытался сделать грубый подсчёт, и у них получилось что-то около миллиона.

Но маглов — шесть миллиардов.

И если начнётся глобальная война...

Профессор Квиррелл забыл спросить, на чью сторону встанет Гарри.

Научной цивилизации, которая постоянно развивается, смотрит вперёд и знает, что ей суждено достичь звёзд.

Или магической цивилизации, которая лишь теряет знания и медленно угасает, которой до сих пор управляют аристократы и которая считает маглов не совсем людьми.

Ужасно печально, но сомнений здесь не может быть никаких.

Послесловие: Блейз Забини

Блейз брёл по коридорам с осторожной, вымученной медлительностью, сердце дико билось, не смотря на все его попытки успокоиться...

— Эхем, — донёсся суховатый, шепчущий голос из тёмной ниши неподалёку.

Блейз подскочил, но не вскрикнул.

Он медленно обернулся.

В маленьком тёмном углу стоял некто в чёрном плаще, настолько широком и бесформенном, что было невозможно определить, была ли фигура под ним мужской или женской, с широкополой чёрной шляпой поверх, под которой сгущалась чёрная дымка, затемнявшая лицо тому, кто бы или что бы за ней ни скрывалось.

— Докладывайте, — прошелестел мистер Плащ-и-Шляпа.

— Я сказал ровно то, что вы мне велели, — ответил Блейз. Его голос звучал чуть спокойнее теперь, когда не надо было никому врать. — И профессор Квиррелл отреагировал именно так, как вы и ожидали.

Широкая чёрная шляпа качнулась, как будто голова под ней кивнула.

— Отлично, — прозвучал неопознаваемый шёпот. — Сова с обещанной наградой уже на пути к вашей матери.

Блейз помедлил, но любопытство пожирало его изнутри.

— Можно спросить, зачем вам было ссорить профессора Квиррелла и Дамблдора?

Блейз не слышал, чтобы директор был хоть как-то связан с хулиганами из Гриффиндора, и, помимо помощи Кимберли, директор обещал потребовать от профессора Биннса выставлять Блейзу высокие баллы по Истории Магии, даже если тому вздумается сдавать в качестве домашней работы чистые листы, хотя посещать занятия и изображать учёбу ему всё равно придётся. Вообще-то, Блейз охотно предал бы всех троих генералов совершенно бесплатно, и положение кузины его совсем не заботило, но он не видел нужды говорить об этом.

Широкая чёрная шляпа сместилась набок, словно выражая насмешливый взгляд.

— Скажите, друг мой Блейз, приходило ли вам в голову, что предатели, которые предают так много, часто плохо кончают?

— Нет, — сказал Блейз, глядя прямо в чёрный туман под шляпой. — Все знают, что в Хогвартсе с учеником никогда не случится ничего по-настоящему плохого.

Мистер Плащ-и-Шляпа издал шелестящий смешок.

— Действительно, — отозвался шёпот, — если не считать таковым убийство одного ученика пятьдесят лет назад, которое произошло, потому что Салазар Слизерин при создании защитных чар замка оставил своему чудовищу больше возможностей, чем самому директору. Впрочем, это лишь исключение, подтверждающее правило.

Блейз устался в чёрную дымку, начиная чувствовать лёгкое беспокойство. Но ведь что-то существенное, не поднимая тревогу, с ним мог бы сотворить только профессор Хогвартса. Единственными профессорами, способными на что-то такое, были Квиррелл и Снейп, но Квирреллу незачем обманывать самого себя, а Снейп не стал бы причинять вред одному из своих слизеринцев... или стал бы?

— Нет, друг мой Блейз, — прошептал чёрный туман. — Хочу лишь посоветовать вам никогда не затевать подобного в вашей жизни. Такое множество предательств неизбежно приведёт хотя бы к одной мести.

— Никто никогда не мстил моей матери, — гордо ответил Блейз, — даже несмотря на то, что она выходила замуж семь раз и все её мужья загадочно погибали, оставляя ей кучу денег.

— Вот как? — ответил шёпот. — И как же она убедила седьмого жениться на ней, когда тот узнал, что случилось с первыми шестью?

— Я спросил маму об этом, — сказал Блейз, — и она ответила, что не скажет, пока я не стану достаточно взрослым, а когда я спросил: «Достаточно — это насколько?», она ответила, что старше, чем она.

Снова шелестящий смешок.

— Ну что ж, друг мой Блейз, у вас хорошо получается следовать по стопам вашей матери, мои поздравления. Идите, и если вы будете держать рот на замке, мы не встретимся с вами вновь.

Блейз неловко отступил, чувствуя странное нежелание поворачиваться спиной.

Шляпа наклонилась.

— О, ну же, маленький слизеринец. Будь вы и вправду равным Гарри Поттеру или Драко Малфою, вы бы уже осознали, что мои намёки и угрозы нужны лишь, чтобы гарантировать ваше молчание перед Альбусом. Имей я намерение причинить вред, я не стал бы намекать. Не скажи я ничего, тогда вам следовало бы волноваться.

Блейз выпрямился, чувствуя себя немного оскорблённым. Он кивнул мистеру Плащ-и-Шляпа, решительно развернулся и зашагал на встречу с директором. Он до самого конца надеялся, что объявится кто-нибудь ещё и у него будет шанс перепродать вдобавок и мистера Плащ-и-Шляпа.

Но, в конце концов, мама ведь не предавала всех своих семерых мужей одновременно. Если посмотреть на это с такой точки зрения, то пока он справлялся даже лучше, чем она.

И Блейз Забини направился к кабинету директора, улыбаясь, довольный своей ролью пятерного агента...

На миг он споткнулся, но затем выпрямился, стряхивая странное чувство дезориентации.

И Блейз Забини направился к кабинету директора, улыбаясь, довольный своей ролью четверного агента.

Послесловие: Гермиона Грейнджер

Посланник появился, только когда она осталась одна.

Гермиона как раз выходила из туалета, где порой пряталась, чтобы подуметь, когда из ниоткуда выпрыгнула ярко сияющая кошка и сказала:

— Мисс Грейнджер?

Она вскрикнула прежде, чем осознала, что кошка говорит голосом профессора МакГонагалл.

Впрочем, вскрикнула Гермиона скорее от неожиданности. Мерцавшая словно россыпью бриллиантов кошка, окружённая серебристым, но ярким, как от солнца, сиянием, была прекрасна. Гермиона не смогла бы испугаться даже если бы захотела.

— Кто ты? — спросила она.

— Это сообщение от профессора МакГонагалл, — сказала кошка тем же голосом. — Можете подойти ко мне в кабинет и никому об этом не говорить?

— Сейчас буду, — всё ещё удивлённо ответила Гермиона. Кошка подпрыгнула и исчезла; или, скорее, не исчезла, а переместилась. Так, по крайней мере, утверждал разум, хотя глаза видели только, как она пропала.

К тому времени, как Гермиона добралась до кабинета своего любимого профессора, её разум уже бурлил от предположений. Может, что-то не так с её оценками по трансфигурации? Но почему тогда профессор МакГонагалл просила её никому не говорить? Это, наверное, насчёт Гарри с его частичной трансфигурацией...

Профессор МакГонагалл казалась озабоченной, а не рассерженной. Гермиона подседа к столу, стараясь отвести взгляд от скопления небольших полочек с домашними работами учеников. Она часто задавалась вопросом: как взрослые управляют со школьными делами, и не нужна ли им её помощь...

— Мисс Грейнджер, — сказала профессор МакГонагалл, — позвольте мне начать с того, что я уже знаю, что это директор попросил вас загадать такое желание...

— Он вам рассказал?! — испуганно выпалила Гермиона. — Директор обещал, что никто не узнает!

Профессор МакГонаггал замолчала и, глядя на Гермioniу, грустно хмыкнула.

— Приятно видеть, что мистер Поттер вас не слишком испортил. Мисс Грейнджер, вы не обязаны признаваться в чём-либо только потому, что я сказала, что всё знаю. Как это часто бывает, директор совершенно ничего мне не говорил, просто я слишком хорошо его знаю.

Гермиона покраснела, как помидор.

— Это нормально, мисс Грейнджер! — поспешила добавить МакГонаггал. — Вы на первом курсе Когтеврана, никто не требует от вас быть слизеринкой.

А вот это действительно обожгло.

— Ладно, — несколько резко ответила Гермioniа, — я попрошу Гарри Поттера дать мне пару уроков слизеринства.

— Я не это хотела.... — начала профессор МакГонаггал и умолкла. — Мисс Грейнджер, меня это волнует именно потому, что юные девочки с Когтеврана не должны вести себя, как слизеринки! Если директор просит вас поучаствовать в чём-то, что вам не нравится, абсолютно нормально ответить «нет». А если вам кажется, что на вас давят, пожалуйста, скажите директору, что вы хотите обсудить это в моём присутствии или просто со мной посоветоваться.

Гермиона широко раскрыла глаза:

— Разве директор может поступать неправильно?

Профессор МакГонаггал глядела на неё с лёгкой грустью.

— Не специально, мисс Грейнджер, но я думаю... ну, вероятно, это правда, что директор иногда с трудом может вспомнить, каково это — быть ребёнком. Я уверена, что, даже когда он был ребёнком сам, он был силен умом и духом, а его отваги хватило бы на несколько гриффиндорцев. Поэтому иногда директор требует слишком многого от своих юных учеников, мисс Грейнджер, или бывает недостаточно осторожен, чтобы не причинить им вреда. Он добрый человек, но порой его замыслы заходят чересчур далеко.

— Но ведь это хорошо, когда ученики сильные и смелые, — сказала Гермioniа. — Вы же поэтому звали меня в Гриффиндор, разве нет?

Профессор МакГонаггал криво улыбнулась.

— Возможно, я просто эгоистично хотела, чтобы вы были на моем факультете. Предлагала ли Распределяющая шляпа... нет, я не должна спрашивать.

— Шляпа сказала, что я могу попасть куда угодно, кроме Слизерина, — сказала Гермioniа. Она тогда чуть не спросила, чем

она не хороша для Слизерина, но сумела сдержаться. — Так что у меня есть смелость, профессор!

Профессор МакГонагалл облокотилась на стол. Тревога отчётливее проступила у неё на лице.

— Мисс Грейнджер, речь не о смелости, речь о том, что нормально для юных девочек! Директор втягивает вас в свои интриги, Гарри Поттер доверяет вам свои секреты, а теперь вы заключаете союз с Драко Малфоем! А ведь я обещала вашей матери, что в Хогвартсе вы будете в безопасности!

Гермиона просто не знала, что на такое ответить. Но ей пришлось на ум, что МакГонагалл вряд ли предупреждала бы её, будь она мальчиком с Гриффиндора, а не девочкой с Когтеврана, и это было, ну...

— Я постараюсь быть хорошей, — ответила она, — и я никому не позволю мне помешать.

Профессор МакГонагалл прижала ладони к глазам. Когда она отняла их, её покрытое морщинами лицо выглядело гораздо старше.

— Да, — прошептала она, — мой факультет прекрасно бы вам подошёл. Будьте осторожнее, мисс Грейнджер, и внимательнее. И если вас что-то тревожит, пожалуйста, приходите сразу ко мне. Не стану вас больше задерживать.

Послесловие: Драко Малфой

В эту субботу, после битвы, им обоим не хотелось заниматься чем-то сложным. Поэтому Драко просто сидел в заброшенном классе и пытался читать книгу под названием «Думай как физик»¹. Это было одно из самых интересных произведений, которые Драко доводилось читать в своей жизни. По крайней мере те места, которые Драко мог понять. По крайней мере, когда этот чёртов идиот, который отказывался выпускать свои книги из поля зрения, затыкался и позволял Драко сосредоточиться...

— Гермиона Грейнджер — грязнокро-о-о-овка, — пропел Гарри Поттер, который сидел за соседней партой и читал гораздо более продвинутую книгу.

— Я знаю, что ты пытаешься сделать, — спокойно ответил Драко, не отрывая взгляда от страниц. — Ничего не выйдет. Мы всё равно объединимся и раздавим тебя.

¹ Книга «Думай как физик» в оригинале называется «Thinking Physics». К сожалению, на русский она не переводилась, и нам пришлось перевести название самим. — *Прим. перев.*

— Ма-а-а-алфой заодно с грязнокро-о-о-овкой, что скажут друзья твоего отца-а-а-а-а...

— Они скажут, что манипулировать Малфоями не так легко, как ты думаешь, Поттер!

Профессор Защиты безумнее Дамблдора. Будущий спаситель мира никак не может вести себя так недостойно и по-детски, сколько бы лет ему ни было.

— Эй, Драко, а знаешь, что тебя больше всего бесит? То, что у Гермионы Грейнджер есть два магических аллеля, точно так же как у тебя и у меня, но твои однокурсники в Слизерине этого не знают, а ты-ы-ы не можешь им это объясни-и-ить...

Пальцы Драко, сжимавшие книгу, побелели. Наверное, будь он даже избит и оплётан, держать себя в руках было бы проще. И если он не оплатит Гарри тем же, то не удержится и совершит что-нибудь преступное...

— Так каким было твоё первое желание? — спросил Драко.

Тот не ответил. Драко оторвался от книги и почувствовал зло-радное удовлетворение, увидев печаль на лице Гарри.

— М-м, — произнёс Гарри. — Многие меня уже спрашивали, но не думаю, что профессор Квиррелл хотел бы, чтобы об этом болтали.

Драко сделал серьёзное лицо.

— Уж мне-то можешь рассказать. Это, наверное, не такая уж большая тайна по сравнению с другими секретами, о которых ты мне уже рассказывал. Ведь для этого и существуют друзья?

Вот так, я — твой друг. Почувствуй себя виноватым!

— На самом деле, это не очень интересно, — сказал Гарри с очевидно наигранной лёгкостью. — Просто... «Я хочу, чтобы профессор Квиррелл вёл Боевую магию и в следующем году».

Гарри вздохнул и опустил глаза к своей книге.

И через несколько секунд произнёс:

— Твой отец, наверное, будет весьма недоволен тобой на это Рождество. Но если ты пообещаешь ему, что предашь грязнокровку и уничтожишь её армию, всё вернётся на свои места, и ты всё же получишь рождественские подарки.

Может быть, если Драко и Грейнджер потратят некоторое количество баллов Квиррелла и очень-очень вежливо попросят профессора Защиты, то он разрешит не просто усыпить генерала Хаоса, а сделать с ним что-нибудь поинтереснее.

Глава 36

Различия в статусах

Мучительная дезориентация сопровождала переход с платформы Девять и три четверти в мир, который Гарри раньше считал единственно реальным. Люди в простой одежде, а не в изысканных мантиях волшебников и волшебниц. Разбросанный мусор вокруг скамеек. Остро ощущаемый, давно забытый запах выхлопных газов. Атмосфера вокзала Кингс Кросс была менее светлой и радостной, чем в Хогвартсе или в Косом переулке. Люди вокруг казались мельче, испуганней, и, судя по всему, охотно бы обменяли свои проблемы на битву с Тёмным волшебником. Гарри хотелось применить Скорджифай на грязь, Эверто на мусор и, хоть он его ещё не знал, Пузыреголовое заклинание, чтобы не дышать этим воздухом. Но здесь ему нельзя пользоваться палочкой...

Вот так, понял Гарри, должно быть, чувствуют себя люди, прибывая из страны первого мира в страну третьего мира.

Но он прибыл из мира нулевого — волшебного мира чистящих заклинаний и домовых эльфов, где благодаря искусству целителей и собственной магии можно дожить до ста семидесяти лет, прежде чем старость начнёт брать своё.

А третьим миром оказался немагический Лондон, магловская Земля, на которую он временно вернулся. И где его мама и папа доживут остаток своих дней, если только наука, шагнув вперёд, не обеспечит уровень жизни выше, чем у волшебников, или что-то очень серьёзно не изменится в мироустройстве.

Гарри машинально обернулся, убеждаясь, что его невидимый для маглов сундук следует за ним. Когтистые щупальца подтвердили ему, что, да, всё случившееся ему не привиделось...

Были и другие причины для щемящего чувства в груди.

Его родители не знали.

Они не знали ничего.

Они не знали...

— Гарри? — окликнула его стройная, светловолосая женщина, которая благодаря идеально гладкой, безупречной коже выглядела много моложе тридцати трёх лет. И до Гарри вдруг дошло — это ведь тоже магия, раньше понять это было невозможно, но теперь он ясно видел её признаки. И каким бы ни было зелье, эффект которого длится так долго, оно наверняка крайне опасно, раз большинство волшебниц не решалось его использовать. Не нуждалось в нём столь отчаянно...

На глазах Гарри выступили слёзы.

— Гарри?! — крикнул мужчина средних лет с небольшим брюшком, одетый с показной академической небрежностью — чёрный жилет был накинут на тёмную серо-зелёную рубашку. Мужчина, который оставался профессором всегда и везде и который наверняка стал бы самым выдающимся волшебником своего поколения, если бы ему посчастливилось иметь две копии магического гена, а не ноль...

Гарри поднял руку и помахал им. От волнения он не мог вымолвить ни слова. Ни единого.

Они подошли без спешки, уверенной, полной достоинства походкой. Именно так обычно ходит профессор Майкл Веррес-Эванс, и миссис Петуния Эванс-Веррес не собиралась его обгонять.

Улыбку на лице отца едва ли можно было назвать широкой, отец никогда широко не улыбался. Но впервые в жизни Гарри видел, чтобы отец улыбался так, как сейчас. Когда отец получал новый грант или кого-то из его студентов приглашали на хорошую должность, он улыбался гораздо сдержанней. Поэтому просто нельзя было ожидать улыбку шире этой.

Мама часто моргала и пыталась тоже улыбаться, но у неё получалось не слишком хорошо.

— Итак! — сказал отец, подойдя к Гарри. — Уже сделал какие-нибудь революционные открытия?

Отец, конечно же, думал, что шутит.

Сейчас неверие родителей ранило гораздо сильнее, чем в те времена, когда совершенно никто в него не верил и когда Гарри не знал, каково это, когда тебя принимают всерьёз такие люди, как директор Дамблдор или профессор Квиррелл.

Но в это мгновение Гарри понял, что Мальчик-Который-Выжил существует только в магической Британии, а в магловском Лондоне такой персоны нет, и сейчас он просто милый, маленький одиннадцатилетний мальчик, который едет домой на Рождество.

— Извините, — сказал Гарри дрожащим голосом, — я сейчас не выдержу и расплачусь, но это не значит, что в школе мне было плохо.

Он шагнул было вперёд, но замер, не зная, кого обнять первым — отца или мать. Ему не хотелось, чтобы кто-то из родителей почувствовал себя обделённым или подумал, что Гарри любит одного из них сильнее...

— Вы не очень-то сообразительны, мистер Веррес, — сказал его отец и, взяв Гарри за плечи, направил в объятия матери, которая уже опустилась на колени. По её щекам текли слёзы.

— Привет, мам, — срываясь на шёпот выговорил Гарри. — Я вернулся.

И здесь, посреди механического шума и запаха сожжённого бензина, Гарри обнял её и заплакал, потому что ничто уже не могло вернуться назад и менее всего — он сам.

* * *

Пока они, преодолевая рождественские пробки, ехали в Оксфорд, на улице стемнело и в небе начали появляться звёзды. Наконец машина припарковалась у небольшого, невзрачного старого дома, который Верресы использовали, чтобы защищать свои книги от дождя.

Границы дорожки, ведущей от тротуара к крыльцу, были обозначены маленькими тусклыми светильниками, спрятанными в горшках с цветами. (Тусклыми — потому что светильники работали от солнечной энергии, накопленной за день.) Труднее всего было найти водонепроницаемые датчики движения, срабатывающие на нужном расстоянии...

В Хогвартсе похожим образом себя вели настоящие факелы.

Когда парадная дверь открылась и Гарри наконец вошёл в гостиную, он с трудом смог сдержать слёзы.

Каждый дюйм стен занят книжными шкафами. Каждый шкаф, высотой почти до потолка, состоит из шести полок. Часть полок плотно заставлена книгами в твёрдом переплёте: математика, химия, история и так далее. На других полках в два ряда стоит научная фантастика в мягкой обложке. Под вторым рядом книг лежат коробки и деревянные бруски так, что он возвышается над первым, и можно прочесть названия книг, стоящих в нём. И это ещё не всё. Книги переползают на столы и диваны и образуют небольшие стопки под окнами...

Дом Верресов ничуть не изменился со времени его ухода, только книг стало ещё больше, так что и в этом отношении дом тоже остался прежним.

Рождественская ёлка стояла без украшений, хотя до Рождества оставалось всего два дня. Это на мгновение поразило Гарри, но затем какое-то тёплое чувство расцвело у него в груди. Он понял — разумеется, родители ждали его.

— Кровать мы из твоей комнаты убрали, там не помещались новые шкафы для книг, — сказал отец. — Ты же можешь спать в своём сундуке, правда?

— Можешь сам поспать в моём сундуке, — ответил Гарри.

— Кстати о птичках: как они справились с твоим расстройством сна?

— Магия, — заявил Гарри на полпути к своей спальне: надо было всё же убедиться, что отец просто шутит...

— Это не объяснение! — попытался возразить профессор Веррес-Эванс, но его слова заглушил крик Гарри:

— Ты занял всё место на моих книжных полках?!

* * *

23 декабря Гарри провёл, закупаясь магловскими вещами, которые он не мог трансфигурировать. Отец был занят и сказал, что Гарри придётся либо пройтись пешком, либо воспользоваться автобусом, что, впрочем, полностью того устраивало. В магазине на Гарри бросали удивлённые взгляды, но он невинным голосом сообщил, что его отец делает покупки неподалёку, и поскольку очень занят, то послал его кое-что купить (говоря это, он держал перед собой листок, старательно исписанный взрослым, полуразборчивым почерком), и, в конце концов, деньги есть деньги.

Потом они вместе украшали Рождественскую ёлку, и на её верхушку Гарри установил маленькую танцующую фею (два сикля и пять кнатов в магазине «Волшебные Розыгрыши»).

В Гринготтсе с готовностью обменяли галлеоны на бумажные деньги, но у гоблинов не было простого способа перевести золото в не подлежащую налогообложению и не вызывающую подозрения магловскую валюту на конкретный счёт в швейцарском банке. Это сильно осложнило план, в соответствии с которым Гарри собирался вложить большую часть украденных у себя денег в магловский бизнес, разумно разделив их: 60% в международные инвестиционные фонды и 40% в «Berkshire Hathaway». Так что пока диверсификация капиталов Гарри ограничилась тем, что, воспользовавшись Маховиком времени и Мантией невидимости, он закопал сотню золотых галлеонов на заднем дворе. Тем более он всю жизнь мечтал это сделать.

Часть 24 декабря Гарри провёл с отцом, который читал его учебники и задавал вопросы. Большинство предложенных профессором экспериментов были непрактичны, по крайней мере, на данный момент, а почти все остальные Гарри уже проводил. («Да, папа, я проверил, что произойдёт, если Гермиона произнесёт неправильно написанное заклинание, не зная, что оно неправильное — это и был мой первый эксперимент!»)

Закончили они, когда отец, читая «Магические отвары и зелья», поднял от книги полный отвращения взгляд и задал вопрос: «Выглядит ли всё это более осмысленно, если ты волшебник?»

«Нет», — честно ответил Гарри.

После чего отец объявил, что магия ненаучна.

Гарри до сих пор не мог переварить мысль, что можно ткнуть пальцем в кусок реальности и обозвать его ненаучным. Папа, похоже, полагал, что если его интуиция и вселенная противоречат друг другу, то это проблемы вселенной.

(Хотя, опять-таки, в своё время многие физики считали квантовую механику чудной, вместо того чтоб считать её нормальной, а чудаками — самих себя.)

А матери Гарри показал набор первой помощи, который он купил для них, пусть большинство зелий и не могло подействовать на его отца. Мама уставилась на аптечку с таким выражением, что Гарри не удержался и спросил, покупала ли её сестра что-нибудь подобное для дедушки Эдвина и бабушки Элейн, но когда молчание затянулось, он поспешно продолжил, что той, наверное, просто не пришла в голову эта идея. И лишь потом сбежал из комнаты.

Печально, но Лили Эванс, скорее всего, просто об этом не подумала. Гарри знал, что большинство людей склонно избегать мыслей на болезненные темы точно так же, как они избегают намеренно касаться раскалённой плиты. У него появилось подозрение, что большинство маглорождённых довольно быстро перестаёт думать о своих родителях, которые в любом случае умрут до того, как те отметят свой первый столетний юбилей.

Но Гарри, конечно же, был твёрдо намерен этого не допустить.

Ближе к вечеру 24 декабря они отправились на Рождественский ужин.

* * *

Дом был велик, не по меркам Хогвартса, конечно, но гораздо больше того, в котором вы могли бы жить, будь ваш отец выдаю-

щимся учёным, проживающим в Оксфорде. Два кирпичных этажа, подкрашенные лучами заходящего солнца. Над окнами первого этажа высились окна второго, и одно из них, огромное, видимо, принадлежало не менее огромной гостиной...

Гарри сделал глубокий вдох и позвонил в дверь.

Изнутри донеслось:

— Милый, можешь открыть?

Послышались медленно приближающиеся шаги.

А затем дверь распахнулась, явив добродушного человека с пухлыми румяными щеками и залысинами на голове, одетого в голубую рубашку, которая была ему немного тесновата.

— Доктор Грейнджер? — энергично спросил отец, прежде чем Гарри успел открыть рот. — Я Майкл, а это Петуния и наш сын Гарри. Еда в волшебном сундуке, — папа неопределённо махнул рукой за спину, правда, не совсем в верном направлении.

— Да, заходите, пожалуйста, — сказал Лео Грейнджер. Он шагнул вперёд, взял из протянутых рук профессора бутылку вина, сказал «спасибо», а затем отступил и махнул рукой в сторону гостиной: — Располагайтесь. Да, и, — он повернул голову к Гарри, — все игрушки на нижнем этаже. Думаю, Герми тоже скоро спустится. Вон там, первая дверь направо.

И Лео указал в сторону коридора.

Гарри пару секунд мерил его взглядом, прекрасно осознавая, что загораживает родителям проход, а затем, широко раскрыв глаза, отозвался высоким радостным голосом:

— Игрушки? Обожаю игрушки!

Мать за спиной шумно вздохнула. Гарри прошёл в дом, сдерживаясь, чтобы топтать не слишком громко.

Гостиная действительно оказалась огромной. С широкого сводчатого потолка свисала гигантская люстра, а праздничная ель была так велика, что с ней, должно быть, до смерти намучились, прежде чем сумели пронести в дверь. Нижние ветви были тщательно и вдумчиво украшены аккуратными лентами красных, зелёных и золотых тонов в бронзовых и голубых блёстках. А там, куда уже мог дотянуться только взрослый, были небрежно и наугад развешаны гирлянды и мишура. Коридор простирался вплоть до кухонных шкафов, а деревянная лестница с полированными металлическими перилами вела на второй этаж.

— Обалдеть! — воскликнул Гарри. — Какой огромный дом! Надеюсь, я здесь не заблужусь!

Доктор Роберта Грейнджер с каждой минутой нервничала всё больше. Приближалось время ужина. Их собственный вклад в общее празднество, индейка и жаркое, постепенно поджаривался в духовке; остальные блюда договорились привезти гости: семья Верресов с приёмным сыном по имени Гарри, который в волшебном мире был известен как Мальчик-Который-Выжил. И который был также единственным мальчиком, которого Гермиона когда-либо назвала «милым» и на которого вообще обратила внимание.

Верресы же говорили, что Гермиона — единственный сверстник Гарри, чьё существование их сын хоть как-то признал.

И, возможно, это и было несколько преждевременно, но обе пары тайне подозревали, что свадебные колокола уже не за горами.

Поэтому Рождество они проведут как обычно, с семьёй её мужа, но канун Рождества было решено отметить с родителями потенциального мужа их дочери.

Роберта как раз поливала индейку жиром, когда раздался звонок в дверь. Она крикнула:

— Милый, можешь открыть?

Раздался короткий стон кресла и его обитателя, затем тяжёлые шаги мужа и звук открывающейся двери.

— Доктор Грейнджер? — послышался энергичный мужской голос. — Я Майкл, а это Петуния и наш сын Гарри. Еда в волшебном сундуке.

— Да, заходите, пожалуйста, — ответил её муж, затем пробормотал «спасибо», что указывало на принятие некоего подарка, и «располагайтесь». Затем Лео с некоторым определённо искусственным энтузиазмом сказал: — Да, и все игрушки на нижнем этаже, думаю, Герми тоже скоро спустится, вон там, первая дверь направо.

Повисла короткая пауза.

— Игрушки? Обожаю игрушки! — ответил радостный голос юного мальчика.

Послышался звук шагов, а потом тот же радостный голос:

— Обалдеть! Какой огромный дом! Надеюсь, я здесь не заблужусь!

Роберта, улыбаясь, закрыла духовку. Её немного беспокоило то, как Гермиона в своих письмах описывала Мальчика-Который-Выжил. Хотя та, конечно, не писала ничего, что могло бы указать на то, что Гарри Поттер опасен. Ничего похожего на те тёмные намёки в книгах,

которые Роберта купила будто бы для Гермионы во время прогулки по Косому переулку. Её дочь сообщила совсем немного: только что Гарри разговаривает так, как будто он сошёл с книжных страниц, и что Гермионе приходится учиться усерднее, чем когда-либо раньше, только чтобы он не смог её превзойти. И в итоге получалось, что Гарри Поттер — обычный одиннадцатилетний мальчик.

Она как раз подошла к входной двери, когда её дочь, безумно грохоча, слетела по лестнице с явно небезопасной скоростью. Гермиона утверждала, что ведьмы легче переносят падения, но Роберта не слишком этому верила...

Роберта едва успела составить первое впечатление от профессора и миссис Веррес, которые явно нервничали, когда мальчик с легендарным шрамом на лбу развернулся к её дочери и сказал, понизив голос:

— Рад видеть вас в этот лучший из вечеров, мисс Грейнджер. — Он вытянул руку, словно предлагая родителей на серебряном блюде. — Представляю вам моего отца, профессора Майкла Веррес-Эванса, и мою мать, миссис Петунию Эванс-Веррес.

Пока Роберта стояла с открытым ртом, мальчик повернулся к родителям и воскликнул прежним радостным голоском:

— Мам, пап, это Гермиона! Она очень умная!

— Гарри! — зашипела её дочь. — Прекрати!

Мальчик вновь крутанулся к Гермионе.

— Боюсь, мисс Грейнджер, — ответил он мрачно, — мы с вами изгнаны в глубины подземных лабиринтов. Оставим же взрослых с их взрослыми разговорами, которые, без сомнения, воспарят в дали, недоступные нашему детскому разуму, и возобновим нашу незаконченную дискуссию о применимости следствий юмовского проективизма в трансфигурации.

— Пожалуйста, извините нас, — очень решительным тоном сказала её дочь, ухватила мальчика за левый рукав и потащила в коридор. Роберта беспомощно проводила их взглядом. Мальчик радостно ей махнул — и Гермиона втащила его в проход на нижний этаж и захлопнула дверь.

— Я, ох, я извиняюсь за... — нерешительно пробормотала миссис Веррес.

— Простите нас, — сказал профессор, тепло улыбаясь, — Гарри бывает несколько раним в подобных ситуациях. Но, полагаю, он действительно прав в том, что нам не интересны их разговоры.

«Он не опасен?» — хотела спросить Роберта, но промолчала и попыталась придумать более вежливый вопрос. Муж рядом с ней

посмеивался, будто счёл то, что они только что видели, скорее смешным, чем пугающим.

Этого мальчика пытался убить самый ужасный Тёмный Лорд в истории магической Британии, и всё, что от этого Тёмного Лорда осталось, — обгорелые останки рядом с колыбелькой...

...мальчика, который, возможно, в недалёком будущем станет её зятем.

Роберту всё больше тревожила необходимость отпускать дочь учиться колдовству, особенно после того, как она, проштудировав книги, сверила даты и осознала, что её мать-волшебница, скорее всего, была убита на пике террора Гриндевальда, а не умерла во время родов, как всегда утверждал отец.

Но профессор МакГонагалл после первой встречи навестила их ещё несколько раз — «посмотреть, как поживает мисс Грейнджер», — и Роберта не могла отделаться от мысли, что если Гермиона скажет, что её родители мешают её колдовской карьере, то будут приняты меры...

Так что Роберта изобразила свою лучшую улыбку и сделала всё, что могла, чтобы поддержать атмосферу рождественского веселья.

* * *

Стол в обеденном зале был гораздо длиннее, чем требовалось шестерым людям... э, четырём людям и двоим детям. Тем не менее, он был полностью застелен скатертью из тонкого белого льна, а еда зачем-то была разложена по причудливым подносам, которые, правда, были из нержавеющей стали, а не из серебра.

Гарри никак не мог сосредоточиться на индейке.

Естественно, речь зашла о Хогвартсе. Гарри было очевидно, что его родители надеялись вызнаться от Гермионы о его жизни в школе больше, чем он сам им рассказывал. Но либо Гермиона их раскусила, либо для неё было привычным делом избегать в разговорах подобных скользких тем.

Так что сам Гарри был в безопасности.

Но, к сожалению, Гарри в своих письмах родителям недальновидно описал множество разнообразных фактов из жизни Гермионы, в том числе и те, которые она своим родителям не рассказывала.

Например, что Гермиона — генерал армии на дополнительных занятиях по Боевой магии.

Мать Гермионы явно очень встревожилась, услышав об этом, так что Гарри вмешался в разговор и со всей убедительностью стал

объяснять, что они используют только оглушающие заклинания, что занятия проходят под наблюдением профессора Квиррелла, а при наличии магических лекарств многие вещи гораздо менее опасны, чем могут показаться. После этих слов Гермiona сильно пнула его под столом. К счастью, тут вмешался его отец, который, и Гарри это признавал, в некоторых вопросах разбирался лучше него, и с твёрдой профессорской авторитетностью заявил, что не видит ни малейшего повода для волнения, поскольку немыслимо, чтобы детям позволяли заниматься чем-то действительно опасным.

Но отнюдь не это мешало Гарри наслаждаться обедом.

...Дело в том, что, как выяснялось, постоянно жалея себя, он не замечал, что рядом есть кто-то в похожей, но значительно более печальной ситуации.

В какой-то момент доктор Лео Грейнджер спросил, правда ли, что эта славная учительница, профессор МакГонаггал, которой, видимо, понравилась Гермiona, присуждает ей уйму баллов в школе.

И Гермiona, с искренней на вид улыбкой, ответила «да».

Гарри стоило больших усилий сдержаться и не ответить ледяным тоном, что у профессора МакГонаггал нет любимчиков, и Гермiona получила много баллов потому, что заслужила их все до единого.

А несколько минут спустя Лео Грейнджер озвучил мнение, что, если бы не колдовские способности, такая умная девочка вполне могла бы пойти в медицинскую школу и стать дантистом.

Гермiona опять лишь улыбнулась, а её быстрый взгляд снова удержал Гарри от того, чтобы вставить что-нибудь резкое. Например, что она вполне может стать всемирно известным учёным. И пришла ли бы Грейнджерам эта мысль в голову, будь Гермiona их сыном, а не дочерью? Или их ребёнку в принципе запрещено добиваться в жизни большего, чем им?

Гарри быстро приближался к точке кипения.

И в то же время теперь он гораздо выше ценил то, что его отец всегда поощрял развитие способностей Гарри, всегда поддерживал его стремление к новым вершинам и никогда не умалял ни одно из его достижений, пусть одарённый ребёнок всё равно оставался для отца лишь ребёнком. Неужели Гарри пришлось бы жить в похожей обстановке, если бы его мама вышла замуж за Вернона Дурсля?

Он сдерживал себя, как только мог.

— И она действительно обошла тебя по всем предметам, за исключением уроков полётов на мётлах и трансфигурации? — поинтересовался профессор Майкл Веррес-Эванс.

— Да, — ответил Гарри с деланным спокойствием, отрезая себе ещё кусочек рождественской индейки, — и с приличным отрывом в большинстве случаев.

В других обстоятельствах ему было бы сложнее признать это, из-за чего он до сих пор и не нашёл времени рассказать об этом отцу.

— Гермiona всегда хорошо училась, — сказал доктор Лео Грейнджер довольным тоном.

— Но Гарри принимал участие в соревнованиях на национальном уровне! — возразил профессор Майкл Веррес-Эванс.

— Дорогой! — воскликнула Петуния.

Гермиона захихикала, что ничуть не сглаживало впечатление от её незавидной, в глазах Гарри, участи. Но эта несправедливость, похоже, совсем не беспокоила Гермiona, и это беспокоило Гарри.

— Я не стесняюсь того, что уступаю ей, пап, — сказал Гарри. Сейчас, по крайней мере, это было так. — Кстати, я упоминал, что она выучила наизусть все учебники первого курса ещё до начала занятий? И, да, я проверил.

— И это, э-э, для неё нормально? — спросил профессор Веррес-Эванс у Грейнджеров.

— О да, Гермiona всегда всё запоминает, — сказала доктор Роберта Грейнджер со счастливой улыбкой. — Она помнит наизусть все рецепты из моих кулинарных книг. Мне не хватает её каждый раз, когда я готовлю ужин.

Отец Гарри, судя по выражению его лица, начинал испытывать те же чувства, что и его сын.

— Не волнуйся, папа, — сказал Гарри. — Теперь она получает все продвинутые материалы, какие только может усвоить. Учителя в Хогвартсе ценят её ум, в отличие от её родителей!

На последних трёх словах он повысил голос, и когда все лица повернулись к нему, а Гермiona снова пнула его под столом, Гарри понял, что испортил ужин. Но терпеть происходящее было уже решительно невозможно.

— Ну конечно, мы ценим её ум, — возразил Лео Грейнджер, которого, похоже, начал раздражать ребёнок, бестактно повышающий голос за их обеденным столом.

— Вы не имеете о нём ни малейшего понятия, — в голосе Гарри засквозил холод. — Вы думаете: как мило, что она читает много книг, так ведь? Вы видите табель с идеальными оценками, и единственное, что приходит вам в голову — это как славно, что она хорошо учится. Ваша дочь — самая талантливая ведьма своего

поколения, самая яркая звезда Хогвартса, и когда-нибудь, доктор и доктор Грейнджер, люди будут помнить ваши имена только потому, что вы были её родителями!

Гермиона тем временем спокойно встала из-за стола, обошла его вокруг и выбрала именно этот момент, чтобы ухватить Гарри за плечо и стащить со стула. Гарри не сопротивлялся, но и умолкать не желал. Ещё больше повысив голос, он продолжил:

— И вполне возможно, через тысячу лет люди будут помнить слово «стоматология», только потому что стоматологами были родители Гермионы Грейнджер!

* * *

Роберта смотрела вслед дочери, которая только что, с терпеливым выражением на юном лице, утащила из комнаты Мальчика-Который-Выжил.

— Я ужасно сожалею, — сказал профессор Веррес с беззаботной улыбкой. — Но, пожалуйста, не волнуйтесь, Гарри всегда выражается подобным образом. Кстати, они уже прямо вылитая супружеская пара.

И эти слова были пугающе похожи на правду.

* * *

Гарри ожидал весьма суровых упрёков.

Но, после того как Гермиона дотащила его до нижнего этажа и закрыла дверь, она повернулась...

...и улыбнулась. Очень искренне, насколько мог судить Гарри.

— Не надо, Гарри, пожалуйста, — мягко сказала она. — Это было очень мило с твоей стороны. Но всё в порядке.

Гарри уставился на неё, пытаясь понять...

— Как ты это выносишь? — спросил он. Гарри пытался говорить тихо, чтобы не услышали родители, но от напряжения его голос стал тоньше. — Как ты это выносишь?!

Гермиона пожала плечами:

— Потому что именно такими и должны быть родители?

— Нет, — сказал Гарри, теперь уже тихо, но все ещё убеждённо, — это не так, мой отец никогда не умалял моих достижений... ну, иногда бывало, но никогда настолько...

Гермиона подняла палец, и Гарри замолчал, ожидая, пока она найдёт слова. Наконец, она произнесла:

— Гарри... Профессор МакГонагалл и профессор Флитвик любят меня, потому что я самая талантливая волшебница нашего поколения и лучшая ученица Хогвартса. Мама и папа этого не знают, и ты никогда не сможешь им это объяснить, но они всё равно меня любят. И это означает, что всё правильно, всё так, как должно быть, и в Хогвартсе, и дома. И поскольку это мои родители, мистер Поттер, у вас нет права голоса... — Она опять улыбнулась той же загадочной улыбкой, что и за обедом, и очень нежно посмотрела на Гарри. — Ясно, мистер Поттер?

Гарри сдержанно кивнул.

— Хорошо, — сказала Гермиона, наклонилась и поцеловала его в щёку.

* * *

За столом только-только возобновился разговор, как с нижнего этажа донёсся высокий, на грани визга, вскрик:

— Эй! Никаких поцелуев!

Отцы разразились хохотом, в то время как матери с одинаковым выражением ужаса на лицах устремились к лестнице на нижний этаж.

Когда детей наконец вернули за стол, Гермиона ледяным тоном заявила, что больше никогда его не поцелует, а Гарри с возмущением ответил, что солнце прогорит и превратится в горсть холодного пепла, прежде чем он подпустит её для второй попытки.

Что означало, что всё правильно, всё так, как и должно быть. Все снова расселись за столом, и Рождественский ужин продолжился.

Глава 37

Интерлюдия: Пересекая границы

Приближалась полночь.

Засидеться допоздна Гарри было несложно. Он просто не использовал Маховик времени. Гарри, по традиции, постарался так сдвинуть свой цикл сна, чтоб уж точно бодрствовать в то мгновение, когда канун Рождества сменится Рождеством. Потому что, хотя он никогда не был достаточно юн, чтобы по-настоящему верить в Санта-Клауса, когда-то он был достаточно юн, чтобы усомниться.

Было бы очень приятно, если бы в самом деле существовала мистическая личность, которая прокрадывается ночью в твой дом и приносит рождественские подарки...

У Гарри по спине пробежал холодок.

Предвестник чего-то страшного.

Стелющийся ужас.

Чувство тревоги.

Гарри мигом принял в кровати сидячее положение, выглянул в окно и тихо вскрикнул:

— Профессор Квиррелл?!

Профессор Квиррелл сделал лёгкий, словно что-то поднимающий, жест, и створки окна в комнате Гарри будто сложились в раму. Холодный порыв ветра ворвался в комнату, принес с собой редкий снег, который падал из серых ночных облаков, плывших среди звёзд и непроглядной тьмы.

— Не бойтесь, мистер Поттер, — сказал профессор Защиты, даже не пытаясь говорить тихо. — Я наложил усыпляющие чары на ваших родителей. Они не проснутся, пока я здесь.

— Предполагается, что никто не знает, где я живу! — всё ещё приглушённым голосом воскликнул Гарри. — Даже совы доставляют мне почту в Хогвартс, а не сюда!

И Гарри на это охотно согласился — было бы глупо проиграть войну только из-за того, что какой-нибудь Пожиратель Смерти отправил ему магический аналог гранаты с вынутой чекой.

Профессор Квиррелл, стоявший во дворике за окном, ухмыльнулся:

— О, я бы на вашем месте не беспокоился, мистер Поттер. Вы действительно хорошо защищены от Поисковых чар, и вряд ли хоть один приверженец чистоты крови додумается заглянуть в телефонный справочник, — его ухмылка стала шире, — и мне пришлось приложить значительные усилия, чтобы пересечь защитные чары, выставленные директором вокруг этого дома. Хотя, конечно, любой, кто знает ваш адрес, мог бы просто дождаться, когда вы выйдете на улицу, и тогда уже напасть.

Гарри на какое-то время потерял дар речи.

— Что вы здесь делаете? — наконец спросил он.

Ухмылка сошла с лица профессора.

— Я пришёл извиниться, мистер Поттер, — тихо сказал он. — Я не должен был так резко с вами...

— Не надо, — остановил его Гарри, опустив взгляд. Его руки крепко сжали одеяло, накинутое поверх пижамы. — Просто не надо.

— Неужели я так сильно вас обидел? — всё ещё тихо спросил Квиррелл.

— Нет, — ответил Гарри, — но обидите, если извинитесь.

— Ясно, — сказал профессор и продолжил куда более суровым тоном: — Раз вы хотите, чтобы я общался с вами, как с равным, мистер Поттер, то вынужден сообщить, что вы серьёзно нарушили этикет, принятый между дружественными слизеринцами. Если вы не ведёте против кого-либо игру, то вы не должны путать ему карты, как это сделали вы. Ибо вы не знаете ни его истинных целей, ни того, что стоит на кону. По крайней мере вам следует предварительно поставить его в известность. Иначе вы рискуете оказаться в числе его врагов, мистер Поттер.

— Мне очень жаль, — ответил Гарри так же тихо, как и профессор Квиррелл ранее.

— Извинения приняты, — сказал профессор Квиррелл.

— Но, — всё ещё тихо сказал Гарри, — нам с вами действительно надо будет как-нибудь выбрать время, чтобы поговорить о политике.

Профессор Квиррелл вздохнул.

— Я знаю, что вы не любите снисхождение, мистер Поттер...

Это было некоторым преуменьшением.

— Но было бы ещё более снисходительным, — сказал профессор Квиррелл, — не обозначить это ясно: вам не хватает жизненного опыта, мистер Поттер.

— Значит, с вами соглашаются все, у кого достаточно жизненного опыта? — спокойно спросил Гарри.

— Что толку от жизненного опыта тех, кто играет в квиддич? — профессор Квиррелл пожал плечами. — Думаю, со временем, после того как ваше доверие будет предано всеми и вы станете циником, ваш образ мышления поменяется.

Профессор Защиты произнёс это так буднично, словно это было самым банальным утверждением в мире. Его фигура вырисовывалась на фоне тёмного неба в пятнах облаков и звёзд, и одна-две снежинки проскользнули мимо него в морозном зимнем воздухе.

— Кстати, — сказал Гарри, — с Рождеством.

— Ну что ж, — произнёс профессор Квиррелл, — я приготовил для вас кое-что в качестве извинения, но раз уж вы не хотите моих извинений, пусть это будет рождественский подарок. Первый раз что-то дарю на Рождество, честно говоря.

Гарри ещё не начинал изучать латынь, чтобы приступить к чтению дневника Роджера Бэкона. Он не смел даже спрашивать.

— Оденьтесь потеплее, — сказал профессор Квиррелл, — или примите согревающее зелье, если оно у вас есть, и выходите наружу, под звёзды. В этот раз я постараюсь продержаться дольше.

Гарри потребовалась секунда, чтобы осмыслить сказанное, а затем он уже нёсся к шкафу.

Профессор Квиррелл удерживал заклятие звёздного света больше часа, хоть и с явным напряжением на лице. Спустя какое-то время ему даже пришлось сесть. Гарри было запротестовал, но профессор только шикнул в ответ.

Они пересекли границу, разделяющую Рождество и его канун, в той безвременной пустоте, где вращение Земли не имеет смысла и царит тихая, дивная ночь без начала и без конца.

Как и было обещано, родители крепко спали, пока Гарри не вернулся благополучно в свою комнату и профессор Защиты не покинул его.

Комментарии

Дорогие читатели!

Перед вами первая попытка комментирования «Гарри Поттера и методов рационального мышления». Автор и переводчики уже снабдили книгу некоторым количеством пояснений (в настоящем издании они приведены прямо в тексте в виде заметок к главам и сносок внизу страницы), однако, по мнению многих читателей, их оказалось прискорбно мало. Мы постарались устранить этот пробел, а чтобы обилие сносок не мешало воспринимать текст, убрали комментарии в конец каждого тома.

Мы рекомендуем не отвлекаться на них при первом знакомстве, а только при повторном прочтении (мы не сомневаемся, что вы будете перечитывать эту замечательную книгу не единожды).

Мы решили не комментировать (за редким исключением) различия между миром ГПиМРМ и оригинальным миром «Гарри Поттера» и шутки, обыгрывающие исходные тексты Роулинг. Также за бортом остались отсылки к большинству фанфиков, перевода которых на русский язык на момент подготовки этой книги ещё не было. Большей частью не отмечены случаи хроно-парадоксов (когда Гарри цитирует что-то, появившееся в нашем мире позже даты описываемых событий) и имена, в том числе говорящие, друзей и знакомых автора, вставленные им в текст на правах камео. Всё остальное мы постарались откомментировать максимально тщательно.

Разумеется, первая подобная работа не может быть ни полной, ни безошибочной. Надеемся, что в последующих изданиях (неважно, сетевых или бумажных), раздел «Комментарии» будет дополняться, а возможные неточности будут найдены и исправлены.

Приятного чтения!

Стр. 11. «Помнишь, я учил Гарри гнуть ложки?» — Имеется в виду один из классических фокусов «на ловкость рук», где используются две ложки, одна из которых сгибается заранее.

Стр. 11. «Если вдруг тебе казалось, что твоя сестра и её муж угадывали твои мысли, то такой приём называется „холодное чтение“». — Холодное чтение — комплекс навыков, с помощью которых «экстрасенс» создаёт у субъекта впечатление о своём сверхзнании. Это умение интерпретировать язык тела, стиль

одежды и т.д., а также способность быстро корректировать высказанные предположения в зависимости от реакции субъекта.

Стр. 13. «...посмотри вторую главу из первого тома лекций Фейнмана по физике». — Ричард Фейнман (1918–1988) — американский физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии 1965 года, один из создателей квантовой электродинамики. Помимо физики занимался биологией, психологией. «Фейнмановские лекции по физике» — популярнейший учебник по общей физике, основанный на лекциях, которые Фейнман читал в Калифорнийском технологическом университете. В указанной главе Фейнман пересказывает историю эволюции физических воззрений и вводит основные понятия квантовой физики.

Стр. 14. «„Не верь своим мыслям“, — было написано в одной книге». — Мы не знаем, какую именно книгу Гарри имеет в виду, но фраза, которую он цитирует, — один из основных постулатов когнитивной теории осознанности (Mindfulness-based Cognitive Theory).

Стр. 18. «#include “стандартный_отказ_от_прав.h”» — команда include добавляет в программный код текст из внешнего файла. На этой же странице — название главы «Всё, во что я верю, — ложь» — аллюзия на песню Эла Янковича («Странного Эла») «Everything You Know Is Wrong»

Стр. 25. «Это было всё равно, что перелистывать справочник магических вещей во второй редакции настольной игры „Подземелья и драконы“...» — «Подземелья и драконы» (англ. Dungeons&Dragons, часто сокращается до D&D) — очень популярная во всём мире система настольных ролевых игр. Процесс игры заключается в том, что один из игроков, называемый обычно «мастером» или «ведущим», придумывает мир (или хотя бы фрагмент мира), в котором происходят приключения некоторой группы персонажей, и пересказывает происходящие события другим игрокам, а они, в свою очередь, отыгрывая роли персонажей, описывают, как реагируют на то, с чем сталкиваются.

Стр. 25. «Сделано из настоящего флаббера!» — Флаббер — похожий на резину материал, содержащий невероятное количество энергии. Происходит из одноимённого фильма (1961 год, ремейк — 1997 год, в главной роли — Робин Уильямс). И да, обувь из него тоже делали. «...Ножам с бонусом +3, вилами +2, ложками +4». — Пародийная отсылка к волшебным предметам из тех самых «Подземелий и драконов», о которых только что вспоминал Гарри. «Продавались очки, перекрашивающие в зелёный цвет всё, на что сквозь них смотрели...» — Зелёные очки — обязательный аксессуар жителей Изумрудного города из книги Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из Страны Оз» (знакомой русскому читателю по пересказу А. Волкова «Волшебник Изумрудного города»). Правда, в оригинале то, на что сквозь них смотрели, только казалось зелёным.

Стр. 25. «...при создании замкнутого цикла для получения бесконечного числа заклинаний желания». — Автор утверждает, что не подразумевал ничего

конкретного. Среди читателей есть популярное мнение, что Гарри имеет в виду дырку в правилах «Подземелий и драконов», используя которую, можно было получить бесконечное количество желаний, но эта редакция правил появилась позже описываемых событий.

Стр. 30. «Монеты может чеканить кто угодно, или на их выпуск установлена монополия со взиманием сеньоража?» — В средние века сеньоражем называлась плата, взимаемая монетным двором за услугу чеканки. В современном мире этим словом называют разницу между номинальной стоимостью денег и затратами на их производство и распространение (к примеру, производство 100-долларовой купюры обходится в 12 центов).

Стр. 30. «...здесь даже понятия не имеют об арбитражных операциях». — Арбитраж в экономике — серия логически связанных сделок, направленных на извлечение прибыли из разницы в ценах на одинаковые активы: либо в одно и то же время на разных рынках, либо на одном и том же рынке в разное время. Благодаря тому, что в магическом мире не проводят арбитражные операции, Гарри может заработать на колебании курсов в мире маглов.

Стр. 31. «Метод математического подсчёта. Назван в честь Энрико Ферми. Способ делать приблизительные подсчёты в уме, причём очень быстро». — Суть метода Ферми заключается в уходе от состояния полной неопределённости с помощью использования приблизительных (иногда — очень приблизительных) значений параметров. Так что вместо «Я не представляю, сколько это может быть» получается «Ну, это может быть примерно столько-то или столько-то» («метод быстрой оценки»). Классическим примером является вопрос «Сколько настройщиков пианино в Чикаго?». Хотя на первый взгляд вопрос ставит в тупик, мы можем прикинуть, сколько людей живёт в Чикаго, как часто у людей встречается пианино, как часто его нужно настраивать, и сколько пианино может настроить один человек за рабочий день.

Стр. 33. «Как многофункциональный пояс Бэтмена!» — Супергерой Бэтмен не обладал сверхспособностями, но был очень круто оснащён технически.

Стр. 45. Элемент 79 в таблице Менделеева — золото. Оканэ (яп.) — деньги.

Стр. 46. «Это всё равно что сказать „флогистон“, или „жизненный порыв“, или „эмердженция“...» — Флогистон — гипотетическая «сверхтонкая материя», «огненная субстанция», якобы наполняющая все горючие вещества и высвобождающаяся из них при горении. Придуман в начале XVIII века Иоганном Бехером и Георгом Шталем для объяснения процессов горения. Жизненный порыв — некая гипотетическая движущая сила всей творческой эволюции по гипотезе французского философа Анри Бергсона. Эмердженция — идея в метафизике начала XX века, сформулированная английскими мыслителями К. Л. Морганом и С. Александером, заключается в том, что вещи возникают из мировой первоосновы, образованной пространственно-временными точками, и благодаря выносящему на поверхность развитию наделяются всевозрастающими категориями и свойствами.

Стр. 51. *«На самом деле ему пели лишь эти конкретные строчки из песни Тома Лерера, и мальчик находился в блаженном неведении насчёт остальных».* — Полный текст этой песни американского математика, композитора и сатирика Тома Лерера содержит рекомендации в духе «Вредных советов» Остера, например: «Будь готов! Спрятать пачку сигарет», «Будь готов! Делать добрые дела, только если кто-то смотрит на тебя».

Стр. 54. *«Такой феномен называется „ошибкой планирования“ ...»* — Термин «ошибка планирования» предложили Даниел Канеман и Амос Тверски в 1979 году. Однако фрагмент с рассуждениями Гарри содержит небольшой анахронизм: статья с упомянутыми результатами (Roger Buehler, Dale Griffin, and Michael Ross, It's About Time: Optimistic Predictions in Work and Love) вышла лишь в 1995 году.

Стр. 57. *«Однажды у меня жил камень. Он умер».* — Камни-питомцы действительно существовали: их придумал в 1975 году американец Гэри Даль. Камни продавались как живые существа, их упаковывали в коробки с отверстиями для дыхания, а в комплекте шла брошюра с подробными инструкциями по уходу и дрессировке. Самые простые команды — «сидеть» и «стоять» — питомец осваивал без труда. «Крутись!» и «Фас!» требовали небольшой помощи от владельца. Команды «Ко мне» и «Дай лапу» признавались самыми сложными. Всего было продано полтора миллиона таких камней, по 4 доллара за штуку.

Стр. 59. *«Вытесненные воспоминания — это псевдонаучное понятие!»* — Однозначного мнения у специалистов на данный момент нет. Уже доказано, что механизм вытеснения работает не так примитивно, как считалось ещё несколько десятилетий назад, однако называть это понятие псевдонаучным, пожалуй, преждевременно.

Стр. 62. *«Но теорема Байеса (в упрощённом виде) в данном случае гласила...»* — Теорема Байеса (Томас Байес — английский математик, 1702–1761) позволяет определить вероятность наступления события, используя информацию о других, взаимосвязанных с ним событиях. Используется для переоценки вероятности гипотез с учётом новых наблюдений.

Стр. 62. *«Как будто ты — Фродо Бэггинс, но выяснилось, что твои родители свозили тебя на Роковую Гору, когда тебе был год от роду, и ты даже не помнишь, как выбросил Кольцо».* — Первая, но далеко не последняя отсылка к «Властелину колец» Дж. Р. Р. Толкина. Основной сюжет романа — долгое и трудное путешествие простого хоббита Фродо к вулкану Роковой Горе. Он должен бросить в вулкан опаснейший артефакт Кольцо, в котором заключена сила Чёрного Властелина.

Стр. 66. *«Сундук был снабжён чарами, которые делали его лёгким, заставляли сжиматься по команде и отдавать маленькие когтистые щупальца, чтобы багаж мог следовать за хозяином».* — Удивительно похоже на сундук из груши разумной, принадлежащий волшебнику Ринсвинду с Плоского Мира (см. одноимённый цикл Терри Пратчетта).

Стр. 73. «...но некоторые из них точно стоили много дороже, как, например, последнее издание „Руководства по химии и физике“ или полное собрание энциклопедии „Британника“ за 1972 год». — «Руководство по химии и физике» (CRC Handbook of Chemistry and Physics) — многократно переиздаваемый справочник, включающий информацию по многим техническим наукам. Издание 1991 года было 71-м по счёту и содержало 2407 страниц. Энциклопедия «Британника» или «Британская энциклопедия» — многотомная, очень уважаемая в англоязычном мире энциклопедия обо всём на свете.

Стр. 76. «И что бы ты ни делал, не думай о слоне». — «Не думать о белой обезьяне» — парадокс, приписываемый ещё Конфуцию.

Стр. 78. «Не вижу силы великой в тебе я». — Так говорил магистр Йода из «Звездных войн».

Стр. 79. «С другой стороны, не составит особого труда написать девяносто пять тезисов Реформации Квиддича и прибить их к церковной двери». — 95 тезисов критики католицизма написал в 1517 году Мартин Лютер и вывесил их на воротах Замковой церкви в Виттенберге, что привело к началу Реформации в Европе.

Стр. 83. «Прочитанный им труд „Влияние: наука и практика“ Роберта Чалдини не выдерживал сравнения с индивидуальным обучением, хотя книга, конечно, была чертовски занятной». — Книга исследует психологию повиновения — факторы, побуждающие человека ответить согласием на запрос другого человека. На русский язык не переводилась.

Стр. 88. «ДРАКО МАЛФОЙ ЗАЛЕТЕЛ ОТ МАЛЬЧИКА-КОТОРЫЙ-ВЫЖИЛ». — Здесь используется игра слов: «оказаться в положении» — «попасть в трудное положение». Вообще, предвидения Луны Лавгуд, как правило, довольно точны, просто сформулированы так, что это становится понятно далеко не сразу.

Стр. 90. «Просто так и должен себя вести мальчик, чей любящий отец — не кто иной, как Дарт Вейдер». — Дарт Вейдер — злодей из «классической трилогии» «Звездных войн», по совместительству — отец главного героя (спойлер).

Стр. 92. «И в этой стране, застрявшей перед зарёй Века разума...» — То есть в начале XVIII века. «Век разума» — распространённое в США название эпохи Просвещения, по названию знаменитого трактата Томаса Пейна (1794).

Стр. 93. «Мы. Учёные. Род Фрэнсиса Бэкона, в чьих жилах течёт кровь Просвещения». — Фрэнсис Бэкон (1561–1626) — английский философ, материалист, основоположник эмпиризма. В своём сочинении «Новый Органон» Бэкон предложил индуктивный метод познания, ставший предтечей современного научного метода.

Стр. 101. «Все эти миры принадлежат Дж. К. Роулинг, за исключением луны Юпитера — Европы, поэтому не пытайтесь писать фанфики, в которых действие происходит на Европе». — В романе Артура Кларка «2061: Одиссея Три» человечество получает послание от инопланетной цивилизации: «Все эти миры — ваши, кроме Европы. Не пытайтесь высаживаться на неё».

Стр. 102. «Кто-нибудь знает шесть ароматов кварков...» — Аромат — принятое в физике общее название для ряда квантовых чисел, характеризующих каждый из шести известных на данный момент типов кварков.

Стр. 102. «PC или NPC — вот в чём вопрос». — PC (Player Character) — персонаж игры, управляемый настоящим живым игроком. NPC (Non-Player Character) — служебный персонаж, управляемый ведущим игры или компьютером. Ну а построение фразы — отсылка к «Гамлету» Вильяма нашего Шекспира.

Стр. 106. «...мы вмиг осуществим бэконовский замысел». — «Бэконовский замысел» — высказанная Фрэнсисом Бэконом в 1620 году идея создания научной организации нового типа, цель которой — «великое восстановление наук»: универсальная реформа человеческого знания на основе опытного метода исследований окружающего мира.

Стр. 113. «...как будто мы короли-призраки в могильных саванах...» — И снова «Властелин колец»: короли-призраки — главные прислужники Чёрного Властелина.

Стр. 114. «Кстати, этот приём называется „десенситизация“». — Чаще встречается термин «десенсибилизация».

Стр. 114. «Это, кстати, называется „консеквенциализм“». — От латинского consequens (консеквент) — следствие, вывод, результат.

Стр. 114. «Я читал первый том лекций Фейнмана, „Принятие решений в неопределённости: Правила и предубеждения“, „Язык в мысли и действии“, „Психологию влияния“, „Рациональный выбор в неопределённом мире“, „Гёделя, Эшера, Баха“, „Шаг в будущее“...» — «Фейнмановские лекции по физике» уже упоминались в комментарии к стр. 13. «Принятие решений в неопределённости: Правила и предубеждения» (1982) — сборник научных статей по психологии принятия решений. В популярном виде постулаты многих статей из этого сборника (и не только) изложены в более поздней книге одного из редакторов сборника психолога и экономиста, нобелевского лауреата Даниеля Канемана «Думай медленно... решай быстро». «Язык в мысли и действии» (англ. «Language in Thought and Action» (1949), на русский язык не переводилась) — книга по семантике, написанная лингвистом и психологом Самуилом Хаякавой. «Психология влияния» (1984) — книга о манипулятивных техниках социопсихолога Роберта Чалдини. «Рациональный выбор в неопределённом мире» (англ. «Rational Choice in an Uncertain World» (1988), на русский язык не переводилась) — ещё одна книга по принятию решений, её авторы Р.Хасты и Р.Доуз. «Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда» (1979) — популярная книга физика и информатика Дугласа Хофштадтера о работе сознания. «Шаг в будущее» (англ. «A Step Farther Out» (1979), на русский не переводилась) — сборник футурологических эссе философа, психолога и писателя-фантаста Джерри Пурнелла.

Стр. 116. «All your base are belong to J. K. Rowling». — отсылка к мему «Все ваша база принадлежать (нам)», грамматически неправильной фразе капитана пиратов из английского перевода японской аркадной игры Zero Wing.

Стр. 118. «...он осознал, что гоблины в Гринготтсе нельзя сказать, что проявляли какое-то по-настоящему чуждое нечеловеческое мышление, в них не было ничего похожего на дирдиров или кукловодов». — Дирдиры (в некоторых вариантах — тшай или чай) — раса инопланетных существ высокого роста, безволосых, с кожей пергаментного цвета из цикла фантастических романов «Планета приключений», написанных Джеком Вэнсом. Кукловоды — пришельцы с Титана, паразиты, присасывающиеся к спине человека и полностью подчиняющие его волю из одноименного научно-фантастического романа Роберта Хайнлайна.

Стр. 120. «Профессор МакГонагалл вызвала „Перкс, Салли-Энн“, и от группы детей отделилась бледная, очень худенькая девочка. Она казалась какой-то нематериальной, создавалось ощущение, будто она исчезнет, если перестать на неё смотреть, и больше увидеть или даже вспомнить её не удастся». — В каноне девочка с таким именем действительно поступила на первый курс Хогвартса вместе с Гарри, но больше Роулинг не упоминает её ни разу, даже там, где в алфавитных перечислениях её фамилия должна быть. Скорее всего, Роулинг просто забыла об этом персонаже, но материал для фанатских теорий получился отличный.

Стр. 124. «Но абсолютное большинство прибывающих в Хогвартс одиннадцатилетних детей не читали „Гёделя, Эшера, Баха“». — Эта книга как раз и посвящена тому, как человеческое сознание пытается постичь само себя.

Стр. 124. «И твой внутренний свидетель прекрасно осведомлён...» — Внутренний свидетель — образ, присутствующий в ряде психологических практик, призванных сформировать у человека навыки осознанности.

Стр. 137. «На заглавную мелодию „Охотников за привидениями“...» — «Охотники за привидениями» — культовый фильм 1984 года об одноимённой команде, занимающейся ловлей призраков на улицах Нью-Йорка. Заглавная песня, написанная Рэем Паркером, много лет занимала первые места в различных чартах.

Стр. 137. «... аккомпанемент на казу...» — Казу — американский народный музыкальный инструмент, в который надо не дуть, а петь: в этом случае казу в своеобразном тембре усиливает вибрации голосовых связок. Используется во многих скиффл- и джазовых аранжировках. Часто встречается игрушечный вариант. Русский аналог — расческа с листом бумаги между зубьями.

Стр. 142. «ЭЛЬФ!» — Это и некоторые последующие восклицания связаны с непереваемой игрой слов. Факультеты Хогвартса в оригинале обозначаются словом «house» (уже привычный перевод «факультет» в общем не совсем удачен, Дж. К. Роулинг при продумывании устройства Хогвартса опиралась на систему деления учеников в старых английских школах, аналогов которой в России просто не существует). Слово «house» обычно переводится как «дом», но оно довольно многозначно.

«Домовой эльф» в оригинале — house elf (эта же игра слов присутствует и в словах Драко Малфоя в главе 5). «Крошка-картошка!» появилась как замена выкрику «Pancakes!», что является отсылкой к International House of Pancakes, международной

сети ресторанов быстрого питания. «Госдума» заменила Representatives — отсылку на House of Representatives, нижнюю палату парламента в США и некоторых других странах. А Атрейдес — это благородный дом (тоже House) из романа Фрэнка Герберта «Дюна» и его продолжений.

Стр. 142. «Мне ещё не доводилось определять факультет для реинкарнации одновременно Годрика Гриффиндора, Салазара Слизерина и Наруто». — Наруто — герой одноимённой манги, гиперактивный подросток-ниндзя, мечтающий о всеобщем признании.

Стр. 143. «АТРЕЙДЕС!» — Пол (Пауль) Атрейдес (Атридес) — главный герой серии романов Фрэнка Герберта «Дюна», император известной вселенной, пророк и мессия (глава Дома Атрейдесов — см. комментарий к стр. 142).

Стр. 143. «Ё-О-О-О-ОЖИ-И-И-ИК!» — Шалость переводчиков. Вряд ли Юджовский смотрел известнейший в России мультфильм Юрия Норштейна «Ёжик в тумане». В оригинале на этом месте присутствует выкрик «ХА-А-А-АН!» (англ. «KHAANNNN!»), что является отсылкой к фильму 1982 года «Звёздный путь II: Гнев Хана».

Стр. 145. «Пх'нглуи мглв'нафх Дж.К.Роулинг вгах'нагл фхтагн!» — Если бы главой культа Ктулху (см. произведения Говарда Лавкрафта) была Джоан Роулинг, обращённая к ней молитва выглядела бы именно так: «В глубине вод Дж.К.Роулинг ожидает своего часа».

Стр. 154. «...легендарный странствующий герой Гарольд Ши...» — Гарольд Ши — психолог и учёный, главный герой цикла юмористических (но не пародийных) повестей и рассказов Лайона Спрэг де Кампа и Флетчера Прэтта под общим названием «Дипломированный чародей», в которых он путешествует в параллельные миры, в основном построенные на основе мифологий разных народов.

Стр. 154. «...но также знаменитая бессмертная Баба-Яга...» — Некоторые читатели задавали вопрос, не является ли упоминание Бабы Яги шуткой переводчиков. Нет, здесь нет никаких шуток.

Стр. 156. «Элен сила Дж.К.Роулинг оментизэльво». — С эльфийского (снова см. «Властелин колец») фраза «Элен сила луменн оментизэльво» переводится как «Звезда сияла час нашей встречи».

Стр. 161. «Бродить по коридорам Хогвартса... не то чтобы хуже, чем по какой-нибудь картине Эшера — разве что в переносном смысле». — В своих работах нидерландский художник-график Мауриц Корнелиус Эшер исследовал понятия бесконечности и симметрии, топологию пространства, а также психологию восприятия трёхмерных объектов.

Стр. 162. «...ух ты, весь наш разговор — сплошная метафора человеческого бытия, а я заметил это только сейчас». — А ещё этот разговор удивительно похож на тот, что состоялся между Алисой и Чеширским котом в сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес».

Стр. 162. «...чтобы спуститься, надо всегда поворачивать налево». — Здесь присутствует определённая игра слов: фраза, которую говорит портрет, построена как антоним популярной фразы-мотиватора: «Чтобы подняться (возвыситься), поступай правильно!».

Стр. 172. «Баллы за стиль: 10. Баллы за благоразумие: — 3 000 000». — Отсылка к культовому роману Дугласа Адамса «Автостопом по Галактике»: «Не самое подходящее время подвозить автостопщиков... Согласен: десять баллов за благородство, но минус несколько миллионов за здравомыслие, так ведь?»

Стр. 174. «Меленкурион абафа! Дурос минас милл Дж.К.Роулинг!». — «Меленкурион абафа! Дурос минас милл кхабаа!» — магическая формула, «слова Силы и Власти» из романа Стивена Дональдсона «Сила, которая защищает», входящего в цикл о приключениях Томаса Ковенанта.

Стр. 179. «Это не отправит меня в Средние века, где я случайно переиду конной повозкой Гутенберга и таким образом предотвращу Просвещение?» — Немецкий ювелир и зеркальных дел мастер Иоганн Гутенберг (1400—1468) ориентировочно в середине 1440-х годов изобрёл книгопечатание, чем оказал огромное влияние не только на европейскую культуру, но и на всемирную историю.

Стр. 179. «А если кто-то со мной столкнётся, Маховик не разобьётся и не отправит весь замок в бесконечное путешествие по заикленному четвергу?» — Аллюзия на популярный в англоязычном фэндоме фанфик *Getting the Hang of Thursdays* («Приноровиться к четвергам»), по сюжету которого Гермiona из-за сбоя в Маховике времени застревает в бесконечной череде четвергов.

Стр. 181. «Неужели вы, волшебники, никогда не слышали об антропном принципе?» — Антропный принцип («принцип наблюдателя») гласит: мы наблюдаем Вселенную такой, какой она должна быть, чтобы мы могли её наблюдать. Название появилось в 1973, однако сам принцип в разных формулировках предлагался ещё с пятидесятых годов.

Стр. 181. «...для всего происходящего верным будет только одно объяснение: вся моя вселенная — всего лишь компьютерная симуляция, как в книге „Симулакрон-3“». — Гарри вспоминает о романе Дэниела Галуэе «Симулакрон-3», по мотивам которого снят культовый фантастический фильм «Тринадцатый этаж».

Стр. 181. «Но теперь даже её придётся отбросить, потому что эта вот игрушка НЕ ВЫЧИСЛИМА МАШИНОЙ ТЮРИНГА!» — Машина Тьюринга — абстрактная вычислительная машина, «универсальный исполнитель», способный использовать алгоритмы любой степени сложности. Часто используется в теории алгоритмов и теории информации. Считается, что любое физически реализуемое вычислительное устройство можно эмулировать на машине Тьюринга (это утверждение называется тезис Чёрча-Тьюринга). Соответственно, если некий процесс невычислим на машине Тьюринга, то никакое физическое устройство его тоже моделировать (и реализовывать) не может.

Стр. 182. «Вплоть до этой минуты Гарри жил по наставлению Э. Т. Джейнса, которое гласит: если ты не знаешь о феномене, то дело не в нём, а в твоём уме. Твоё незнание характеризует тебя, а не то, о чём ты не знаешь». — Американский физик Эдвин Томпсон Джейнс (1922–1998) — автор концепции, показавшей фундаментальную связь между теорией информации, статистической термодинамикой и квантовой механикой, что в дальнейшем привело к появлению понятия «цифровая физика». Согласно ему Вселенная по сути представляет собой информацию и, следовательно, является принципиально вычислимой.

Стр. 183. «Если Время не действует по принципу ациклических каузальных сетей, то Гарри не понимал, где причины, а где — следствия». — Ациклическая каузальная сеть (она же «байесовская сеть доверия») — причинно-следственная цепь, где причина всегда предшествует следствию и связана с ним, и ни одно звено цепи не может служить причиной ни одному из предыдущих звеньев.

Стр. 187. «Ах, если б у себя могли мы // Увидеть всё, что ближним зримо, // Что видит взор идущих мимо // Со стороны...» — Гарри самокритично цитирует стихотворение Роберта Бёрнса «Насекомому, которое поэт увидел на шляпе нарядной дамы во время церковной службы».

Стр. 188. «Люби по Роулинг своей». — «Люби по воле своей» — религиозная концепция, описанная в альтернативно-историческом романе Жакилин Кэри «Стрела Кушиэля» из цикла «Наследие Кушиэля». На момент подготовки этой книги в сети был доступен неофициальный перевод.

Стр. 195. «Ты же понимаешь, что это война?» — Знаменитая фраза из комедии «Вечер в опере» (1935) с участием известных комиков братьев Маркс (см. ниже), впоследствии спародированная в мультфильме про кролика Багза Банни (серия «Длинношерстный кролик», 1949).

Стр. 197. «И был вечер, и было утро: день первый». — Прямая цитата из книги «Бытие» «Ветхого Завета»: сотворение мира.

Стр. 198. «Вражеские ворота там, где Роулинг». — Первая (но не последняя) отсылка к роману Орсона Скотта Карда «Игра Эндера». В цитате речь идёт о том, что в невесомости понятия вроде «верха» и «низа» — это не реальность, а инерция восприятия.

Стр. 206. «Ма-ха-су!» — Заклинание образовано от аккадского слова mahasu — ударить вооружённой рукой, поразить оружием.

Стр. 206. «Жаль только, что мишени не уворачиваются, как те шарики, которыми Бен Кеноби тренировал Люка». — Эта сцена обучения джедая показана в фильме «Новая надежда» — четвёртом эпизоде «Звёздных войн».

Стр. 215. «Ты всегда был Дж. К. Роулинг». — Отсылка к эпизоду «Один в ночи» сериала «Вавилон-5». Реплика посла Коша, адресованная капитану Шеридану: «Ты всегда был здесь».

Стр. 217. «Он не только докажет, что при наличии Маховика времени $P = NP$, — нет, это всего лишь частный случай всех задач, которые можно решить с помощью такой уловки». — Проблема равенства классов P и NP — одна из центральных проблем теории алгоритмов, одна из семи «задач тысячелетия», за решение которой Математический институт Клэя назначил премию в миллион долларов. В нестрогой формулировке — «правда ли, что если ответ в задаче можно быстро проверить, то его можно быстро найти» («быстро» означает — за некое ограниченное время, не большее, чем степень от объёма входных данных). P — класс задач, решение которых можно быстро найти, а NP — класс задач, решение которых можно быстро проверить. Классический пример таких задач — разложение числа на простые множители. Проверить, является ли число произведением уже известных множителей можно быстро, но никто не знает, как можно это разложение быстро найти.

Если будет доказано, что каждую задачу, решение которой можно быстро проверить, можно и быстро решить, это, среди прочего, сделает бессмысленным использование алгоритмов шифрования, так как найти ключ станет возможно за то же время, за которое он был создан. И это лишь один пример из множества.

Гарри разработал алгоритм действий, при котором он позволит временной петле замкнуться только в случае получения верного ответа. Таким образом Вселенной, чтобы уцелеть, придётся «выдать» ему правильный ответ. Если бы ему это удалось, он доказал бы, что классы P и NP равны и ответ любой задачи можно получить за то время, которое нужно, чтобы проверить её решение.

Стр. 224. «Силу Слизерина вижу в нём я...» — Прямая аллюзия на реплику магистра Йоды «Силу джедаев вижу в нём я».

Стр. 227. «...профессора Блэйк... профессор Саммерс...» — Имеются в виду Анита Блэйк, главная героиня серии романов Лорел Гамильтон «Анита Блэйк, охотница на вампиров» и Баффи Саммерс, главная героиня фильма и сериала Джосса Уидона «Баффи — истребительница вампиров» в исполнении Сары Мишель Геллар. В романах об Аните Блэйк эротике действительно отводится немало места, а Баффи действительно уделяет теории не очень много внимания.

Стр. 229. «К тому же вращающаяся спираль не должна никого поднимать, и это тоже смущало». — Есть множество оптических иллюзий, благодаря которым в это сложно поверить, однако на самом деле вращающаяся спираль действительно так не работает, и человек, стоящий на определённой точке спирали, будет просто вращаться вместе со спиралью вокруг её оси, не поднимаясь вверх.

Стр. 230. «Браслет с линзообразным кристаллом, который переливался тысячью красок, и птица на золотой подставке, и деревянная чаша, наполненная чем-то похожим на кровь, и статуэтка сокола, покрытая чёрной эмалью». — Судя по всему, здесь упомянуты Линза (концентратор интеллектуальных способностей) из «Саги о ленсменах» Эдварда «Дока» Смита, Святой Грааль по версии

фильма «Индиана Джонс и последний крестовый поход» и бесценная статуэтка мальтийского сокола из одноимённого романа Дэшила Хэмметта.

Стр. 234. «...обругал, считай, местного Гэндальфа!» — И снова «Властелин колец»: Гэндальф — великий добрый волшебник, наставник Фродо, главного героя романа.

Стр. 235. «Гарри однажды в буквальном смысле свалился со стула от смеха, когда смотрел фильм „Утиный суп“ братьев Маркс...» — Братья Маркс — американские комики, стоящие в одном ряду с Чарли Чаплиным и Бастером Киттоном. «Утиный суп» (1933) — фильм-буффонада, эталон комедии абсурда, считающийся одним из пяти самых смешных фильмов в истории Голливуда (первое место в этом списке занимает комедия «В джазе только девушки»).

Стр. 236. «„Ты не пройдёшь!“ Ну как, похоже?» — Во «Властелине колец» фразу «Ты не пройдёшь!» произносит Гэндальф, преграждая путь чудовищу Барлогу.

Стр. 238. «...так что давайте рассмотрим вероятность того, что убийца Мортимер Сноудграсс». — Гарри определённо читал рассказ американского фантаста Джека Холдемана «Черепаша Мортимера Сноудграсса», опубликованный в 1978 году.

Стр. 243. «Гарри указал на кубик, который издавал тихие булькающие звуки». — Отсылка к игре Spellbreaker. Волшебные кубы в этой игре перемещают героя между локациями и увеличивают силу заклинаний.

Стр. 249. «Любая достаточно продвинутая Роулинг неотличима от магии». — Аллюзия на «третий закон Кларка», который гласит: «Любая достаточно развитая технология неотличима от магии». Сформулирован Артуром Кларком в книге «Черты будущего».

Стр. 249. «А драконы?» — В описанной ситуации такой вопрос неизбежно возникнет у любого, кто хоть раз играл в «Подземелья и драконы».

Стр. 249. «Гарри хотел приподнять только одну бровь, как Спок, но у него никогда так не получалось». — Спок — персонаж сериала «Звёздный путь» родом с планеты Вулкан. Как и все вулканцы, Спок отличается высочайшим интеллектом и безэмоциональностью.

Стр. 252. «...Гарри прочитал уже достаточно, чтобы с лёгкостью назвать некоторых из них, например, фонтему с Забриски». — Фонтемы с Забриски — безмозглые зверьки из «Вселенной ленсменов» Эдварда «Дока» Смита.

Стр. 252. «...Гарри изучал большой шарик пыли с глазами и ступнями». — Сусуватары — буквально «странствующая сажа» (яп.), — «пыльные зайчики» или «духи саж», персонажи анимационных фильмов Хаяо Миядзаки. Показаны в «Мой сосед Тоторо» и в «Унесённых призраками». Маленькие, чёрные и пушистые, как мех, комочки саж, живут в заброшенных домах. Видимо, полумразумны, могут выполнять простые работы.

Стр. 263. «Я не слабохарактерный Фродо. (...) Я начинаю сомневаться в том, что вы подходите мне как Гэндальф, мистер Дамблдор. Таковую ошибку, как

Боромир, можно понять. Но что этот Назгул забыл в моём Братстве?» — Герои «Властелина колец» Фродо и Гэндальф уже упоминались выше, Боромир — один из спутников Фродо, помимо своей воли поддавшийся Тьме, Назгулы — короли-призраки, главные прислужники Чёрного Властелина.

Стр. 275. «Кровь для Бога крови! Черепа для Дж. К. Роулинга!» — Парафраз боевого клича последователей Кхорна — бога Хаоса вселенной Warhammer 40,000: «Кровь для Бога Крови! Черепа для Трона Черепов!»

Стр. 275. «Вы спросите, какова наша цель?» — провозгласил он. — *Я могу ответить одним словом: победа — победа любой ценой, победа, несмотря на все ужасы; победа, независимо от того, насколько долг и тернист может оказаться к ней путь; без победы мы не...*» — Гарри дословно цитирует речь Уинстона Черчилля в Палате Общин 13 мая 1940 года, посвящённую его вступлению в должность премьер-министра Великобритании.

Стр. 281. «...я перерыл весь исторический раздел библиотеки Хогвартса, досконально изучив судьбы разных Тёмных лордов, и в итоге составил список ошибок, которые никогда бы не совершал на их месте...» — Отсылка к популярному в интернете «Кодексу Тёмного Властелина» (он же «100 правил Тёмного Властелина»), опубликованному Питером Анспаком в 1996 году.

Стр. 281. «История мира направилась бы совершенно в другое русло, если бы Морнелит Фалконсбейн или Гитлер усвоили эту простую истину». — Морнелит Фалконсбейн — злодей из трилогии Mage Winds («Магические ветра») американской писательницы Мерседес Лэки. Книги на русский не переводились.

Стр. 297. «То, что может быть уничтожено Роулинг — должно быть уничтожено». — Искажённая литания Ходжилл: «То, что может быть уничтожено правдой, — должно быть уничтожено». Пэт Ходжилл — автор нескольких фантастических произведений. Русскоязычным читателям может быть известна по рассказу «Баллада о белой чуме», опубликованному в составе антологии «Секретный архив Шерлока Холмса».

Стр. 299. «Только что ему объяснили разницу между репрезентативной эвристикой и определением истинности суждения по Байесу, и это сделал волшебник». — Репрезентативная эвристика — метод принятия решений на основе мысленных шаблонов, а определение истинности суждения по Байесу — метод подсчёта обоснованности гипотез на основе имеющихся свидетельств.

Стр. 302. «...хитрость вполне на уровне книги „Атлант расправил плечи“». — Роман-антиутопия американской писательницы российского происхождения Айн Рэнд (Алисы Розенбаум). Одна из идей романа заключается в том, что для существования мира имеет значение только некоторое количество творцов-одиночек, а все остальные «обычные» люди не важны.

Стр. 313. «...правдоподобное отрицание...» — Правдоподобное отрицание — термин, обозначающий поведение, при котором человек имеет возможность

отрицать свою вовлечённость в какие-либо события без риска быть уличённым во лжи. К примеру, в криптографии правдоподобное отрицание имеет несколько уровней: когда отрицается сам факт шифрования, когда отрицается возможность найти или использовать ключ и когда раскодируется ложный слой данных, заранее заложенный в шифр.

Стр. 314. «Роулинг есть тот, кто выполняет работу Роулинг». — Аллюзия на цитату из книги Терри Пратчетта «Мор, ученик Смерти»: «СМЕРТЬ ЕСТЬ ТОТ, КТО ВЫПОЛНЯЕТ РАБОТУ СМЕРТИ».

Стр. 325. «Сейчас Драко согласился бы и на „Жевуны Малфоя“...» — Жевуны — жители Страны Оз, описанной Фрэнком Баумом: добрые милые человечки, да ещё и миньоны доброй волшебницы.

Стр. 329. «...разве что в мире есть ужасные существа, которые слышали идеи Дэвида Крисвелла об использовании звёздного вещества». — Дэвид Крисвелл — профессор Института космических систем (Хьюстон, США), выступающий с различными идеями из области звёздной инженерии вроде уменьшения массы звезды с целью увеличения срока её жизни.

Стр. 333. «Основой стратегии является не выбор какого-то одного пути к Дж.К. Роулинг, а создание таких условий, чтобы все пути вели к Дж.К. Роулинг». — Парафраз реплики космической пиратки Кавилло из «Саги о Форкосиганах» Лоис Буджолд (роман «Игра форов»). В оригинале она звучит так: «Основой стратегии является не выбор какого-то одного пути к победе, а создание таких условий, чтобы все пути вели к ней». Сама Кавилло, кстати, своему совету последовать не сумела.

Стр. 334. «Угели бугели! — опять произнесла Гермiona». — В разговорном английском есть выражение «oogely boogely», означающее ощущения, которые испытываешь рядом с любимым человеком, так называемые «бабочки в животе». Забавно, что это заклинание вызывает светящихся летучих мышей.

Стр. 336. «Как однажды сказал Филип К. Дик, реальность — это то, что не исчезает, когда вы прекращаете в неё верить». — Филип Киндред Дик (1928–1982) — американский фантаст, автор таких всемирно известных произведений, как «Человек в высоком замке» и «Мечтают ли андроиды об электроовцах?». Дик имел опыт приёма наркотиков, завоевал славу визионера и получил за проблематику своих произведений неофициальное звание «разрушителя реальности», так что к его мнению в этом вопросе стоит отнестись внимательно. Приведённая цитата — из статьи «Как создать вселенную, которая не рассыпется через пару дней».

Стр. 339. «Супердуперэффект озера Вобегон?» — Эффект озера Вобегон — когнитивное искажение, приводящее к завышенной самооценке при сравнении себя с другими людьми. Название взято из романа американского радиоведущего и писателя Гаррисона Кейлора «Дни на озере Вобегон» о вымышленном городке, все жители которого были «лучше других», «выше среднего».

Стр. 342. «Напомни мне как-нибудь рассказать тебе об экспериментах Аша...» — Соломон Аш — американский психолог, исследователь конформности, автор знаменитого эксперимента, в ходе которого испытуемый, окружённый подставными участниками, менял своё мнение и давал вслед за ними заведомо неверный ответ.

Стр. 348. «Институт достаточно развитой науки». — Ещё одна отсылка к третьему закону Кларка, см. комментарий к стр. 249.

Стр. 351. «Я называю это Литанией Тарского». — Альфред Тарский (1901–1983) — польско-американский математик, логик, основатель формальной теории истинности. «Литания Джендлина...» — Юджин Джендлин (1926–2017) — американский философ и психотерапевт.

Стр. 357. «Каждому нужен камень, чтобы раскрутить его на верёвке вокруг Дж. К. Роулинг». — Отсылка к песне We Want A Rock американской группы They Might Be Giants. Исходная фраза «Everybody wants a rock // To wind a piece of string around» переводится скорее как «Каждому нужен камень чтобы обвязать веревку вокруг него», так что, возможно, более правильным будет вариант перевода «Каждому нужен камень чтобы обвязать веревку вокруг Дж. К. Роулинг».

Стр. 363. «В перечне не было никого незнакомого, кроме неких Тёмных существ, которых называли пожирателями разума. Переводчик упомянул, что их полностью истребил Гарольд Ши, и, судя по описанию, до дементоров им было далеко». — Пожиратели разума (в некоторых переводах — свежеватели разума) — монстры из настольной игры «Подземелья и драконы». О Гарольде Ши см. комментарий к странице 154.

Стр. 363. «... пока старик переводил перечень одиннадцати способностей глаз бехолдера...» — Бехолдеры (злоглазы, смотрящие) — монстры из настольной игры «Подземелья и драконы», похожие на летающие головы со множеством глаз на стебельках и одним огромным глазом посреди лба. Каждый глаз обладает своей силой: самый большой подавляет магию, другие, к примеру, замедляют, очаровывают, внушают ужас или превращают в камень.

Стр. 366. «Представь: кто-нибудь тебе говорит, что у него дома живёт дракон. Ты отвечаешь, что хочешь на него посмотреть. Тебе сообщают, что это невидимый дракон». — Гарри почти дословно воспроизводит аналогию, приведённую в книге «Мир, полный демонов: Наука — как свеча во тьме» астрофизика, писателя-фантаста и популяризатора науки Карла Сагана.

Стр. 368. «Гом Джаббар!» — «Гом Джаббар» — дословно «враг высокомерия». Во вселенной «Дюны» Фрэнка Герберта так называлась особая игла, на кончике которой находился яд метацианид, вызывающий невыносимую боль. Использовалась adeptами ордена Бене Гессерит для испытания людей.

Стр. 375. «... магическая хромосома всё равно могла деградировать из-за кроссинговера...» — Кроссинговер — это обмен участками между соответствующими друг другу (гомологичными) хромосомами. Гены не являются неделимыми участками

информации. Предположим, у одного из родителей два магических гена, а у другого — два немагических. При отсутствии кроссинговера у ребёнка будет обязательно один магический ген и один немагический. Однако кроссинговер может привести к тому, что магический ген у ребёнка будет чем-то отличаться от магического гена у его родителя.

Стр. 376. *«Роулинг, свернувшись, невидимый, бьёт, // Орка жестокий по кругу идёт»*. — Парафраз цитаты из фэнтези-романа Стивена Брasta «Текла», входящего в цикл «Драгейра». В оригинале это двустушие звучит так: «Йенди, свернувшись, невидимый, бьёт, // Орка жестокий по кругу идёт», Йенди и Орка здесь — имена могучих кланов. На этой же странице — название главы: «*Гипотеза макиавеллианского интеллекта*» — Никколо Макиавелли (1469—1527) — итальянский философ, писатель и политик. Прославился благодаря своему трактату «Государь». В нём Макиавелли описывал, как устроены государства, как захватить и удерживать власть в них и другие подобные вопросы. Многим современникам трактат показался настолько циничным, что имя Макиавелли стало практически олицетворять идею политических интриг и коварства.

Стр. 381. *«Однажды отец водил его на спектакль „Трагедия Лайта“»*. — Здесь пародируется культовая манга «Тетрадь смерти», в центре сюжета которой — противостояние владельца Тетради смерти Лайта, способного убить любого человека просто записав в тетради его имя, и лучшего в мире детектива загадочного L.

Стр. 386. *«В реальной жизни такая сложность не встречается. Она уместна лишь в детских сказках о глупых горгульях, которые отец рассказывал на ночь: в конце всегда обнаруживалось, что вместо того, чтобы мешать герою, горгульи действовали по его плану»*. — Отсылка к диснеевскому мультсериалу «Гаргульи».

Стр. 387. *«Когда-то Гарри прочёл широко известную книгу под названием „Политика у шимпанзе“»*. — Полное название книги — «Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов», её автор — Франс де Вааль.

Стр. 389. *«В поисках новой жизни и Дж. К. Роулинг!»* — Парафраз цитаты, предваряющей каждую серию классической версии сериала «Звездный путь». Исходная цитата выглядит так: «В поисках новой жизни и новых цивилизаций!».

Стр. 396. *«Информатор утверждал, что парочка собирается отобедать в ресторане „У Мэри“»*. — Ресторан «У Мэри» появился прямым из серии книг Спайдера Робинсона «Кроссвременной салун Каллахана» (Callahan's Crosstime Saloon), не переводившейся на русский.

Стр. 400. *«Гарри также процитировал некоего Робина Доуса, сказав, что чем сложнее задача, тем более склонны люди решать её немедленно»*. — Робин Доус (1936—2010) — американский психолог, исследователь механизмов принятия решений, автор нескольких книг, в том числе Rational Choice in an Uncertain World («Рациональный выбор в неопределённом мире»).

Стр. 403. *«Кошка Кевина Энтвистла — розыгрыш»*. — «Инцидент с кош-кой», он же «инцидент с лапшой» — неофициальное название художественного приёма,

заключающегося в упоминании некоего события, о котором известно персонажам, но неизвестно зрителям и читателям. Активно используется в литературе и кино: примеры можно найти практически везде — от «Моби Дика» (упоминания о мысе Горн или серебряной фляге) до «Звёздных войн» (события на Кейто Неймодии).

Стр. 404. *«Yakka foob mog. Grug pubbawup zink wattoom gazork. Chumble spuzz J. K. Rowling»*. — Отсылка к эпизоду комикса «Кэлвин и Хоббс», в котором Кэлвин пересказывает первый закон Ньютона своими словами. Вот именно этими словами (только без упоминания Дж. К.).

Стр. 404. *«Профессор Квиррелл развалился в кресле и читал удивительно старую на вид книгу в тёмно-синем кожаном переплёте с серебряными рунами на корешке»*. — По описанию этот том очень напоминает одну из книг заклинаний Фистандтилуса — Мага Чёрной Ложы из вселенной «Саги о копье» Маргарет Уэйс и Трейси Хикмена.

Стр. 411. *«А как сказал Дуглас Адамс, „невозможное часто обладает качеством целостности, то есть тем качеством, которого недостаёт неправдоподобному“»*. — Дуглас Адамс — писатель-фантаст, автор культового цикла «Автостопом по Галактике» (см. комментарий к стр. 172). Приведённая цитата взята из романа «Долгое чаепитие», который относится к другому циклу Адамса — «Детективное агентство Дирка Джентли».

Стр. 415. *«Эта комната, мистер Поттер, называется Комнатой Мэри»*. — «Комната Мэри» — название мысленного эксперимента, предложенного в 1982 году философом Фрэнком Джексоном. Эксперимент предполагает, что некоторые вещи можно узнать только получив личный опыт, неважно как много ты знаешь о них заранее. В эксперименте речь идёт о девушке Мэри, которая исследует нейрофизиологию цвета, сидя в чёрно-белой комнате, через чёрно-белый монитор. Она знает о цвете всё: длины волн всех цветов, какие именно нейроны передают сигнал от сетчатки глаза к мозгу и что происходит в это время в самом мозге. И всё же если она выйдет из комнаты и увидит разноцветный мир, её субъективный опыт восприятия цвета будет отличным от знания физических фактов о нём. Но также возможно, что Мэри сочтёт все цвета оттенками серого цвета.

Стр. 421. *«Дж. К. Роулинг на 87% уверена, что вы сгорите синим пламенем»*. — Отсылка к веб-комиксу Advanced Dungeons & Discourse. Реплика принадлежит персонажу, класс которого — байесовский эмпиризм.

Стр. 425. *«Кимболл Киннисон рассматривал человека в чёрном, который думал, что сможет прочесть мысли ленсмена второй ступени из Галактического патруля»*. — Альтернативная личность, созданная Гарри, — главный герой уже упоминавшейся «Саги о ленсменах» Эдварда «Дока» Смита.

Стр. 427. *«Здравствуйте, мистер Бестер...»* — Альфред Бестер — американский писатель-фантаст, автор знаменитого романа «Человек без лица» (он же «Моя цель — звезды!»), сюжет которого вертится вокруг взаимодействия

людей и телепатов-эсперов. В честь Альфреда Бестера уже называли персонажей: так звали агента пси-надзора высокого уровня из телесериала «Вавилон-5».

Стр. 428. «...пока Гарри не отвлёкся от детёныша фуркота, чей подгузник он менял...» — Фуркоты — разумные хищники из «Вселенной Содружества» Алана Дина Фостера (роман «Между-мир»).

Стр. 429. «Я читала несколько романов Агаты Кристи... Давай начнём с ловца. Есть идеи, как заманить её на поезд?» — Британская писательница Агата Мэри Кларисса, леди Маллоуэн, урождённая Миллер, более известная по фамилии первого мужа как Агата Кристи, — «королева золотого века детектива». В одном из её самых известных романов «Убийство в „Восточном экспрессе“» (1934) преступление и расследование происходят в поезде.

Стр. 448. «Всё, что может пойти к Роулинг, пойдёт к Роулинг». — Отсылка к шуточному «Закону Мэрфи»: «Всё, что может пойти не так, пойдёт не так», или, в более привычном варианте перевода, «Если неприятность может случиться, то она случается».

Стр. 449. «...Гарри попытался трансфигурировать наномашинны в духе Эрика Дрекслера». — Эрик Дрекслер (род. 1955) — «отец нанотехнологий», американский учёный, инженер и популяризатор. Автор концепции нанотехнологического механосинтеза, первый теоретик создания молекулярных нанороботов. В романе современного американского фантаста Нила Стивенсона «Алмазный век» (1995) Дрекслер выведен как один из главных героев нанотехнологического мира будущего.

Стр. 449. «Эта штука реальна, не то что фазеры». — Фазеры — вид фантастического вооружения. Известны в основном по сериалу «Звёздный путь».

Стр. 457. «Реальность — не ложь, как считают буддисты, за вуалью Майи не скрывается что-то мистическое и неожиданное». — В индуизме Майя — иллюзия, ложные представления о мире, которые человеку свойственно выстраивать в уме. Она изменчива и непостоянна. Мудрец же способен преодолеть иллюзию и постичь истинную суть мира.

Стр. 467. «Со времён Доротеи Сеньяк ни один гений не расцветал так рано». — Доротея Сеньяк больше известна под именем «Госпожа». Она — главный антагонист вселенной «Чёрного отряда», серии романов в жанре тёмного фэнтези, написанной Гленом Куком.

Стр. 471. «К сожалению, никому нельзя объяснить, кто такая Дж. К. Роулинг. Вы должны сами её увидеть». — Изменённая реплика Морфеуса из фильма «Матрица».

Стр. 473. «Гарри читал книгу „Вошебник-скептик“». — Аллюзия на книгу «Химик-скептик» (или «Скептический химик»), написанную в 1661 году физиком, химиком и натурфилософом Робертом Бойлем. В ней в форме диалогов представлена гипотеза Бойля об атомарном строении материи.

Стр. 474. «В общем, Сириус Блэк — это Ли Харви Освальд мира волшебников». — Ли Харви Освальд — единственный официальный обвиняемый в деле об убийстве президента Кеннеди, которое до сих пор остаётся одним из самых резонансных преступлений в истории США.

Стр. 476. «Парень был убеждён, что ему девяносто семь лет, он умер и вернулся во времени к самому себе на поезде». — Аллюзия на классический штамп фанфиков «Пегги Сью». В фанфиках, использующих этот сюжетный прием, персонаж проживает свою жизнь повторно, уже зная, к каким последствиям привели те или иные действия.

Стр. 477. «Иногда у неё случались кошмары: ей снилось, что теперь каждый день — четверг». — См. комментарий к стр. 179.

Стр. 478. «Так вот, сегодня она пролила на себя горячий чай, и на некоторое время превратилась в черноволосого мальчика — пока не взяла себя в руки». — Отсылка к манга-сериалу «Ранма 1/2», главный герой которого, черноволосый юноша, в результате проклятия превращается в девушку при обливании холодной водой. Горячая вода возвращает ему истинный облик.

Стр. 488. «Дж. К. Роулинг, если вам кто-то надоедает, подумайте о синем, досчитайте до двух и посмотрите на красный ботинок». — Таков мнемонический код вызова духа-защитника из рассказа классика американской фантастики Кордвейнера Смита «Подумай о синем, сосчитай до двух» (Think Blue, Count Two). На русский язык рассказ не переводился.

Стр. 488. «Все, кроме трёх гриффиндорцев с четвёртого курса, которые были прикованы к больничным койкам в лазарете у мадам Помфри». — Ещё один хороший пример «инцидента с кошкой».

Стр. 489. «Гарри хотел взять название „Армия Драконов“... Гарри, после обдумывания альтернатив вроде „501-го временного батальона“ и „Отчаянных приспешников Гарри“, решил, что его армия будет известна под простым и гордым именем „Легион Хаоса“». — Здесь Гарри перебрал названия множества знаменитых воинских подразделений из разных вселенных. «Армия Драконов» — одна из армий Эндера Виггина из «Игры Эндера». 501-й временный батальон действовал в книге Джерри Пурнелла «Легион Фалькенберга». А «Легионы Хаоса» — предатели Космического десанта, погрязшие в Хаосе и скверне (Warhammer 40,000).

Стр. 490. «В историю социальной психологии вошёл легендарный эксперимент „Робберс Кейв“». — Эксперимент «Робберс Кейв» проводили Музафер Шериф и Кэролин Вуд Шериф в 1954 году. По этическим соображениям попыток его воспроизвести было очень мало. Сейчас существуют свидетельства (например, изложенные в вышедшей в 2018 году книге Gina Perry «The Lost Boys»), что экспериментаторы в значительной мере вмешивались в ход эксперимента. Соответственно, значимость его результатов оказывается сомнительной.

Стр. 491. «...за исключением случаев, когда Гарри или Советчик взвода будут предварять приказ словами „Мерлин говорит“...» — В англоязычных странах популярна детская игра «Саймон говорит». Ведущий раздаёт приказы другим игрокам, которые должны выполнять их не задумываясь, но только если приказ начинается со слов «Саймон говорит».

Стр. 491. «Красный лидер готов, — ответил Симус Финниган, хоть и понятия не имел, зачем это нужно». — Снова отсылка к вселенной «Звездных войн». Эту фразу произносит пилот-повстанец, командир красной эскадрильи, в «Эпизоде VI: Возвращение джедая». «Красный пять готов, — Дин Томас всю жизнь ждал, чтобы сказать эти слова». — Полукровка Дин Томас явно смотрел четвёртый эпизод «Звёздных войн» и знает, что этот позывной принадлежит ключевому персонажу космической саги Люку Скайуокеру.

Стр. 494. «Импровизированная речь, произнесённая генералом Поттером перед Легионом Хаоса непосредственно перед первой битвой, 3 ноября 1991 года, 14:56» — Эта речь полностью состоит из отсылок, аллюзий и цитат и, в силу этого, подробно разобрать её в комментариях не представляется возможным.

Стр. 498. «...с его губ слетала ужасающая песнь рока...» — Непереводимая игра слов: «дум» — это не просто подходящая для «Имперского марша» звукопись, а английское слово doom, означающее «рок», «судьба», «смерть».

Стр. 500. «Кровь для Бога крови! — завопил Невилл. — Черепа для Трона черепов! Йа! Шуб-Ниггурат! Вражеские ворота сбоку!» — В боевом угаре Невилл смешал кличи и воззвания из Warhammer 40,000, «Игры Эндера» и мифологической вселенной Говарда Лавкрафта, создателя Ктулху.

Стр. 509. «Дал дневник генерала Тактикуса или что-то ещё в этом духе?» — Генерал Тактикус был величайшим полководцем в истории Плоского мира, сперва основавшим Анк-Морпоркскую империю, а впоследствии объявившим ей войну (цикл «Плоский мир» Терри Пратчетта).

Стр. 514. «Среди них встречались ведьмы, закутанные, словно мумии, в длинные отрезки ткани; волшебники в строгих цилиндрах и банных халатах». — Возможная отсылка к сказочному циклу «Миры Крестоманси» Дианы Уинн Джонс.

Стр. 517. «Каждый волен праздновать по-своему, а Гринч — такая же часть Рождества, как и Санта». — Гринч — главный герой книги Доктора Сьюза «Как Гринч украл Рождество» (1957), злобное волшебное существо, стремящееся испортить людям рождественские праздники. Своеобразный анти-Санта современной западной масс-культуры.

Стр. 518. «Я просто повторяю про себя снова и снова, пока не засну: всё это дополняет Дж. К. Роулинг.». — Парафраз последних строк романа «Карантин» учёного и писателя-фантаста Грега Игана. В русском переводе (Е. Мариничевой) они звучат так: «Я просто повторяю про себя, снова и снова, пока не чувствую, что могу включить сон: „В конечном счете всё — всегда — приходит в норму“».

Стр. 519. «*Прокопий Кесарийский...*» — Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 — после 565) — византийский писатель, секретарь полководца Велизария. Дамблдор цитирует строки из его труда «Война с персами» (*De bello persico*). Использован перевод С. Дестуниса.

Стр. 521. «*Наша война — это игра с нулевой суммой, и не важно, насколько эта игра сложна в абсолютных единицах, важно лишь, кто в неё играет лучше*». — Игра с нулевой суммой — термин из теории игр, означающий, что выигрыш одного игрока обязательно означает проигрыш другого. В противоположность этому, игра с ненулевой суммой означает, что все игроки могут оказаться в выигрыше.

Стр. 524. «*Мой судно на воздушной подушке полно угрей... — Я не куплю эту пластинку, она поцарапанная...*» — Обе фразы — мемы, цитаты из шоу «Летающий цирк Монти Пайтона» британской комик-группы «Монти Пайтон». В скетче венгерский турист пытался объяснить с лавочником при помощи безграмотно составленного разговорника.

Стр. 524. «*И хрюкотали зелюки. — Как мюмзики в мове*». — А это — цитата из стихотворения «Бармаглот» из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла. Здесь приведён перевод Д. Орловской.

Стр. 525. «*Как идёт беспорядок?* — спросил Гарри, подражая сухому шёпоту императора Палпатина». — Император Палпатин — главный злодей из «классической трилогии» «Звёздных войн».

Стр. 529. «*...напомни когда-нибудь рассказать про Парадокс Ньюкома*». — Речь о парадоксе, придуманном физиком Уильямом Ньюкомом в 1960 году. Суть его заключается в следующем: предсказатель ставит перед игроком две коробки — открытую и закрытую. В открытой коробке находится тысяча долларов, в закрытой — либо миллион долларов, либо ничего. Игрок может взять себе или только закрытую коробку, или обе коробки вместе. Содержимое коробки зависит от предсказателя: если он предскажет, что игрок выберет обе коробки, то закрытая коробка будет пустой, а если предсказывается, что игрок выберет закрытую коробку, то коробка будет содержать миллион долларов. Какую коробку следует выбрать игроку, чтобы получить наибольшую сумму? Ему известны все условия игры, известно, что содержимое коробки зависит от предсказаний; единственное, что ему неизвестно, — это какое именно из двух предсказаний сделано.

Стр. 532. «*Почему вы все стоите на головах?!* — прокричал юный командир и принялся объяснять, как сражаться, не обращая внимания на направление гравитации». — Это фраза, которую произносит Эндер перед тем, как вывести свою армию на тренировку боя в невесомости («Игра Эндера»).

Стр. 538. «*Что если её больше нет?*» — В оригинале здесь используется фраза «Что если это уже экс-Гермиона?», которая является отсылкой на скетч из шоу «Летающий цирк Монти Пайтона» «Мёртвый попугай». Герой скетча использует множество эвфемизмов слова «мёртв», чтобы только не называть его напрямую.

Стр. 539. «Насаждение порядка приводит к разрастанию хаоса, и наоборот...» — Отсылка к сатирическому постмодернистскому роману-трилогии «Иллюминатус!», написанному совместно писателем Робертом Ши и философом и анархистом Робертом Уилсоном. Озвученный принцип согласуется с основными положениями пародийной религии дискордианства. К этому же роману отсылает и история «пятерного агента».

Стр. 543. «Лаганн! — выкрикнул Драко, полностью вкладываясь в заклинание». — Заклинание Пронзающего Бура — отсылка к аниме-сериалу «Гуррен-Лаганн». Сила Спирали — магистральная тема сериала, связывающая вселенную и живущих в ней существ: двойная спираль ДНК символизирует индивидуальное развитие, а галактики спиральной формы — эволюцию вселенной. Поскольку люди во вселенной сериала тысячи лет обитают под землей, буры и владеющие ими бурильщики — неотъемлемая часть их жизни.

Стр. 552. «Драматург назвал бы это „бог из машины“...» — Бог из машины (Deus ex machina) — выражение, пришедшее из античного театра и означающее, что ситуация разрешилась неким чудесным вмешательством, никак не обусловленным предыдущими событиями.

Стр. 561. «Ему захотелось взять тайм-аут и заставить профессора Квиррелла прочитать „Взлёт и падение Третьего рейха“, а потом начать этот разговор заново». — «Взлёт и падение Третьего рейха» (1960) — исторический труд Уильяма Ширера, американского историка, бывшего военного корреспондента, в котором он прослеживает истоки зарождения нацизма, начиная с Тридцатилетней войны.

Стр. 561. «В последней прочитанной мною магловской газете упоминалось, что предыдущий президент Соединённых Штатов ранее был киноактёром». — Сороковой президент США (1981—1989) Рональд Рейган действительно довольно много играл в кино и лишь потом ушёл в политику. При этом сейчас Рейгана нередко называют «самым влиятельным президентом со времён Рузвельта».

Стр. 566. «...то Гарри, объединив магию и науку, придумает, как эвакуировать всех волшебников на Марс или куда-то ещё...» — Именно на Марсе располагается магический мир во вселенной манги Negima!: Magister Negi Magi.

Оглавление

От автора	5
Предисловие к русскому изданию	7
Глава 1. Крайне маловероятный день	10
Глава 2. Всё, во что я верю — ложь	18
Глава 3. Сравнивая варианты реальности	23
Глава 4. Гипотеза эффективного рынка	29
Глава 5. Фундаментальная ошибка атрибуции	35
Глава 6. Ошибка планирования	45
Глава 7. Взаимный обмен	72
Глава 8. Положительная предвзятость	101
Глава 9. (Название скрыто). Часть 1	116
Глава 10. Самосознание. Часть 2	123
Глава 11. Самосознание. Дополнительные материалы 1, 2 и 3	135
Глава 12. Самоконтроль	145
Глава 13. Неправильные вопросы	156
Глава 14. Непознанное и непознаваемое	174
Глава 15. Добросовестность	188
Глава 16. Нестандартное мышление	198
Глава 17. Выбор гипотезы	215
Глава 18. Иерархии подчинения	249
Глава 19. Отложенное вознаграждение	275
Глава 20. Теорема Байеса	297
Глава 21. Самооправдание	314
Глава 22. Научный метод	333

Глава 23. Убеждённость в убеждениях	357
Глава 24. Гипотеза макиавеллианского интеллекта	376
Глава 25. Не спешите предлагать решения	389
Глава 26. Замечая замешательство	404
Глава 27. Эмпатия	421
Глава 28. Редукционизм.....	448
Глава 29. Эффект эгоцентричности.....	471
Глава 30. Работа в группах. Часть 1.....	488
Глава 31. Работа в группах. Часть 2. Послесловия	509
Глава 32. Интерлюдия: Управление личными финансами.....	513
Глава 33. Проблемы координации. Часть 1.....	518
Глава 34. Проблемы координации. Часть 2.....	547
Глава 35. Проблемы координации. Часть 3.....	560
Глава 36. Различия в статусах.....	573
Глава 37. Интерлюдия: Пересекая границы.....	586
Комментарии	589

Все права принадлежат правообладателям: в частности, Джоан Роулинг. Оригинальный тираж этой книги (21 000 экземпляров) был напечатан на средства, собранные краудфандингом, и предназначался для участников краудфандинга, а также для отправки на просветительские цели и в библиотеки.

Все собранные деньги потрачены на печать, организаторы этого некоммерческого проекта не извлекают прибыли.

Позже вёрстка была выложена в свободный доступ, чтобы любой желающий мог распечатать себе экземпляр.

Коммерческое использование текста без разрешения правообладателей может преследоваться по закону.

Продажа этой книги незаконна и в зависимости от масштаба может повлечь уголовную, административную или гражданскую ответственность.

Элиезер Шломо Юдковский

Гарри Поттер и методы рационального мышления

Книга первая

Редактура — Михаил Самин
Комментарии — Лин Лобарёв
Дизайн обложки — Татьяна Anforumeru
Вёрстка — Лин Лобарёв

Организатор проекта — Михаил Самин
Электронный адрес: www.mishasamin.me
E-mail: hpmor@mishasamin.xyz
ВКонтакте: vk.com/hpmor_print
Telegram: t.me/hpmorprint

Этот макет можно свободно использовать для печати в личных некоммерческих целях, однако нельзя изменять без разрешения авторов вёрстки.

